СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

ЧАСТЬ V.

ФИЛЕБЪ.—КРАТИЛЪ.—ТЕЭТЕТЪ.—СОФИСТЪ.

МОСКВА.
1879.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

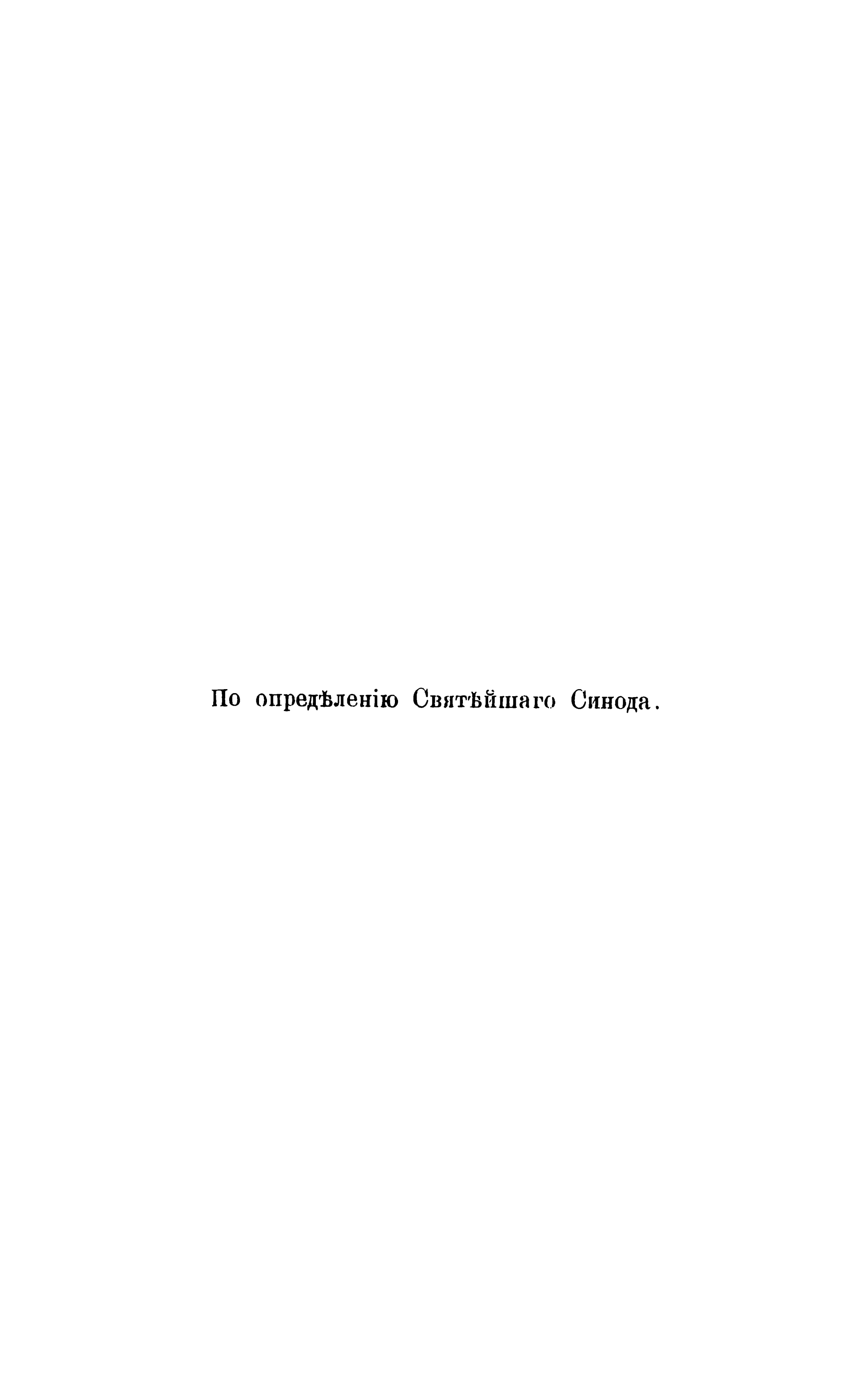
ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

ЧАСТЬ V.

ФИЛЕБЪ.—КРАТИЛЪ.—ТЕЭТЕТЪ.—СОФИСТЪ.

МОСКВА.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1879.

По опредѣленію Святѣйшаго Синода.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ИЗДАНІЯ.

Предлагаемыми двумя томами (V-ымъ и VI-ымъ) заканчивается второе изданіе «Сочиненій Платона», предпринятое покойнымъ переводчикомъ Платона въ 1863 году. Томы эти составились изъ десяти діалоговъ, которые, послѣ выпуска четвертой части означеннаго изданія, переводчикъ успѣлъ подготовить вновь для печати, но не могъ своевременно издать въ свѣтъ.

Если труду этому не пришлось залежаться въ рукописи, если теперь, въ рукахъ читателей, онъ можетъ приносить какую нибудь пользу,—читающее общество обязано этимъ нашему высшему духовному правительству, благоволившему отпустить необходимыя оборотныя средства на его изданіе.

Такъ какъ самъ переводчикъ нерѣдко дѣлалъ въ своихъ трудахъ значительныя поправки уже при окончательномъ просмотрѣ ихъ въ корректурѣ, то нельзя было вовсе избѣжать подобной редакціонной работы и при печатаніи настоящихъ двухъ томовъ. Особенно внимательно просмотрѣны діалоги, составившіе VI-ой томъ. Переводъ почти всѣхъ этихъ діалоговъ (кромѣ «Эриксіаса»), отчасти въ корректурныхъ листахъ, отчасти еще въ рукописи («Тимей»), про-

вѣренъ и, гдѣ требовалось, исправленъ по греческому тексту. Независимо отъ того, два изъ діалоговъ, которые оставались не вполнѣ комментированными, дополнены нѣсколькими необходимыми для уясненія текста примѣчаніями: такъ что всѣ примѣчанія, помѣщенныя при «Тимеѣ» отъ стр. 390 (pp. 29 B—92 C) и при «Критіасѣ» отъ стр. 506 (pp. 112 C—121 C) не должны быть приписываемы переводчику. При составленіи ихъ, кромѣ комментарій Штальбаума (служившихъ главнымъ пособіемъ съ самаго начала изданія), приняты были въ руководство также критическіе труды нѣкоторыхъ позднѣйшихъ издателей и толкователей Платона (Timäos und Kritias. Verl. v. W. Engelmann. Leipz. 1853.—H. Muller u. F. Reichardt, Platons Werke. Berl. 1857.—F. Susemihl, Genetische Entwickelung der Platonischen Philosophie. Leipz. 1860). Что касается діалоговъ, вошедшихъ въ V-ой томъ, то въ переводѣ ихъ не сдѣлано, за спѣшностью работы, никакихъ сколько нибудь существенныхъ измѣненій противъ рукописи. Поэтому въ V-омъ томѣ остались, быть можетъ, нѣкоторые недосмотры,—надѣемся однакожъ, не важные и вполнѣ простительные въ настоящемъ—посмертномъ изданіи.

ФИЛЕБЪ.

ФИЛЕБЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Филебъ для отчетливаго пониманія есть одинъ изъ труднѣйшихъ діалоговъ Платона: прочитавъ его, не вдругъ обнимешь мыслію какъ цѣлость его содержанія, такъ и полный строй его формы, и только настойчивое изслѣдованіе заключающагося въ немъ ученія и пристальное наблюденіе надъ его ходомъ и развитіемъ уловятъ наконецъ и покажутъ ясно главный его предметъ и истинно-художественный планъ.

Къ имени Филеба, которымъ озаглавленъ этотъ разговоръ,—и такъ озаглавилъ его, безъ сомнѣнія, самъ Платонъ,—критика вѣковъ послѣдующихъ прибавила еще другое—объяснительное или прагматическое заглавіе: ἢ περὶ ἡδονῆς, *объ удовольствіи.* Но, повѣряя эту прибавку вступленіемъ, всѣмъ ходомъ діалога и самыми его результатами, мы ясно видимъ, что она сдѣлана ошибочно, или по крайней мѣрѣ неточно. Встрѣтивъ еще во вступленіи понятія: τὸ ἀγαθόν, ἡ ἡδονή, τὸ φρονεῖν, τὸ ἀμείνω καὶ λῷω γενέσθαι, и потомъ сообразивъ, что во всемъ разговорѣ объ удовольствіи говорится больше, нежели о чемъ нибудь другомъ, критикъ не усомнился ввесть въ его заглавіе терминъ:

περὶ ἡδονῆς, тогда какъ существенное-то между тѣми понятіями, для котораго предлагаются къ разсмотрѣнію ἡδονή и φρόνησις, есть τὸ ἀμείνω γενέσθαι. Сократъ въ самомъ началѣ бесѣды почти такъ поставляетъ вопросъ, рѣшеніемъ котораго она должна заняться: *что лучше—удовольствіе или разумность?* Но явно, что удареніе въ этомъ вопросѣ падаетъ на слово *лучше,* а не на удовольствіе; слѣдовательно, тема Филеба есть именно это *лучше,* взятое отрѣшенно, какъ высшее благо. Что дѣйствительно такова задача разсматриваемаго діалога, доказывается и тѣмъ результатомъ, до котораго онъ достигъ и которымъ закончилъ свое развитіе: этотъ результатъ есть опредѣленіе и указаніе различныхъ степеней блага, чрезъ приложеніе къ нимъ мѣры или мѣрности, признаваемой благомъ высшимъ.

Но что могло расположить Платона къ рѣшенію вопроса о высшемъ благѣ, и какъ смотрѣлъ онъ на этотъ предметъ?—Почти нѣтъ сомнѣнія, что философъ возбужденъ былъ къ сему труду различіемъ существовавшихъ тогда мнѣній,—въ чемъ состоитъ высшее благо человѣка. Мнѣній касательно сего предмета въ философскихъ школахъ вообще было два: одни изъ философовъ высшимъ благомъ человѣческой природы почитали удовольствіе, а другіе, отвергая и уничижая удовольствіе, высшее благо поставляли въ знаніи и разумности. Извѣстно, что такое раздвоеніе взгляда на высшее благо произошло даже между послѣдователями Сократа. Сторону удовольствія сильно поддерживалъ Аристиппъ, хотя трудно опредѣлить, далеко ли простирался его идонизмъ. Свидѣтельства Ксенофонта (Mem. II, 1), Аристотеля (Metaph. III, 2), Секста Эмпирика (Adv. mathem. VII, 11), Діогена Лаэрція (VI, 92) и другихъ не совсѣмъ удовлетворительно выясняютъ идею этого ученія. Впрочемъ, оно распространилось тогда широко и господствовало надъ умами многихъ, какъ говорится объ этомъ и въ Филебѣ (p. 67 C): οἷς πιστεύοντες—οἱ πολλοὶ κρίνουσι τὰς ἡδονὰς εἰς τὸ ζῆν ἡμῖν εὖ κρατίστας εἶναι κ. τ. λ. Защитниками же другаго мнѣнія,

полагавшаго высшее благо въ разумности и знаніи, между прочими, были Эвклидъ и вообще ученые, вышедшіе изъ школы мегарской: по ихъ воззрѣнію, наилучшее есть то, что̀ мыслится умомъ, или разумѣваемое существо, къ которому относится всякое познаніе и которому подобенъ и сроденъ, какъ говорили они, самый умъ. Такое свидѣтельство объ Эвклидѣ находимъ мы у Діогена Лаэрція (II, 106): τὸ ἀγαθὸν πολλοῖς ἀπεφαίνετο ὀνόμασι καλούμενον· ὁτὲ μὲν γὰρ φρόνησιν, ὁτὲ δὲ θεόν, καὶ ἄλλοτε νοῦν, καὶ τὰ λοιπά· τὰ δὲ ἀντικείμενα τῷ ἀγαθῷ ἀνῄρει. Это подтверждается и словами Цицерона (Academ. II, 42): quorum (megaricorum) fuit nobilis disciplina, cujus, ut scriptum video, princeps Xenophanes,— qui id bonum solum esse dicebant, quod esset unum et simile et idem semper. Къ мегарцамъ въ этомъ отношеніи близко подходили и такъ называемые элейцы или эретрійцы, о которыхъ въ томъ же мѣстѣ Цицеронъ говоритъ такъ: a Menedemo autem, quod is Eretria fuit, Eretriaci appellati, quorum omne bonum in mente positum et mentis acie, qua verum cerneretur. Болѣе же всѣхъ этихъ Сократовыхъ послѣдователей покровительствовалъ уму, какъ высшему благу, говорятъ, Антисѳенъ (см. *Ritter*, Hist. Phil. Vol. II, p. 126) и касательно сего ученія едва ли не ближе другихъ подходилъ къ смыслу Сократа, который, по свидѣтельству Діогена Лаэрція (II, 31), говорилъ: ἓν μόνον ἀγαθὸν εἶναι τὴν ἐπιστήμην. Да и не однѣ школы сократическія изслѣдывали въ тѣ времена значеніе высшаго блага; этого же предмета касалась и другая отрасль философовъ, вышедшая изъ школы Димокрита Абдерскаго, который, въ своемъ сочиненіи Κέρας Ἀμαλθείας, высшее благо поставлялъ, говорятъ [1], ἐν εὐθυμίᾳ или συμμετρίᾳ и ἀταραξίᾳ, то есть, въ спокойствіи и неустрашимости души, не возмущающейся ни страхомъ, ни удовольствіемъ,—и прибавляютъ, будто бы ходилъ слухъ,

---

[1] Stob. Eclogg. II, p. 74—76, 244 sqq. Cic. de Fin. V, 8, 29. Diog. Laërt. IX, 45.

что изъ этого Димокритова сочиненія кое-что заимствовалъ и Платонъ. При такомъ всеобщемъ стремленіи Сократовыхъ послѣдователей и прочихъ философовъ того времени рѣшать вопросъ о высшемъ благѣ, быть не могло, что бы лучшій и знаменитѣйшій изъ учениковъ Сократа не тронулъ того же самаго вопроса. Важность этого предмета должна была занимать умъ Платона тѣмъ болѣе, что онъ еще съ ранней поры разработывалъ его стихіи,—философскую свою дѣятельность, подражая учителю, направлялъ къ раскрытію силы и природы добродѣтели; ибо первые написанные Платономъ діалоги, по нашему мнѣнію [1], тѣ, въ которыхъ онъ строго держался предѣловъ нравственнаго Сократова воззрѣнія, не поднимаясь еще къ идеальному созерцанію вещей. Когда же идея въ умѣ его созрѣла и озарила всю область философской его познавательности, тогда выразилась она и въ ученіи о высшемъ благѣ,—и вышелъ на свѣтъ Филебъ. Но высшее благо въ Филебѣ разсматривается не какъ абсолютное и само въ себѣ совершенное, а какъ благо въ жизни человѣка, обосновывающее возможно прочное его счастіе. Платонъ полагалъ—и, конечно, справедливо—что собственно человѣческаго блага негдѣ больше искать, какъ въ самомъ человѣкѣ, то есть, въ наибольшемъ совершенствѣ его природы, ручающемся за соотвѣтственную мѣру его блаженства. Извѣстно, что человѣческая личность, по его представленію, какъ бы двустороння (Tim. p. 41 E sqq.): одна сторона ея разумная—λογιστιχόν, другая неразумная—ἄλογον. Посему и благо разсматриваетъ онъ подъ двумя типами, называя ихъ удовольствіемъ и разумностію. Одинъ изъ этихъ типовъ относится къ той части человѣческой природы, которую составляетъ умъ, направляющійся къ изслѣдованію и познанію истины; другой находится въ ближайшемъ отношеніи къ чувственной нашей жизни, обнаруживающейся пожеланіями и инстинктивными стрем-

---

[1] См. Соч. Плат. ч. 1, стр. 49 и 345; ч. 2, стр. 148.

леніями. Разсмотрѣвъ оба эти типа, Платонъ не рѣшается признать высшимъ благомъ ни того ни другаго, но, не выступая изъ природы человѣка, считаетъ нужнымъ смѣшать ихъ, чтобы этой смѣсью положено было дѣйствительно наилучшее и надежнѣйшее основаніе человѣческому счастію. По его мнѣнію, добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, пользуясь дарованными ему способностями, держалъ ихъ во взаимномъ согласіи и не позволялъ чувствамъ или душевнымъ возмущеніямъ нарушать гармонію жизни. Слѣдовательно, высшее благо поставляетъ онъ въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, условливающемся подчиненіемъ удовольствій владычеству ума.

Опредѣливъ задачу и показавъ предметъ Филеба, нужно еще обратить вниманіе на характеристику разговаривающихъ въ немъ лицъ. Сократъ разсматриваетъ избранный предметъ подъ формою бесѣды съ Протархомъ и Филебомъ: кто были эти лица и какими чертами характеризуются они въ Филебѣ?—Оба Сократовы собесѣдники представляются въ діалогѣ людьми молодыми, благороднаго происхожденія, съ образованіемъ, полученнымъ въ школахъ софистовъ и риторовъ; по крайней мѣрѣ такими именно чертами обрисовывается Протархъ. Онъ въ Филебѣ называется сыномъ Калліаса (p. 19 B), необыкновеннаго въ то время богача и усерднаго покровителя софистовъ [1]; былъ слушателемъ Горгіаса (p. 58 A sq.) и хвалителемъ Горгіасовой риторики, понимаемой въ смыслѣ науки убѣждать, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялъ, какъ видно, и мнѣнія Аристиппа (p. 12 D, 38 A, 42 D sqq.), которыя глубоко напечатлѣлись въ его душѣ и съ трудомъ уступали Сократову анализу. Впрочемъ, этотъ собесѣдникъ ведетъ разговоръ спокойно, въ отвѣтахъ своихъ самостоятеленъ, но безъ дерзости и раздраженія, вообще выдерживаетъ болѣе тонъ ученика, чѣмъ равносильнаго Сократу изслѣдователя;—и Сократъ, имѣя въ виду конечно

[1] См. Protag. p. 311 A; Apol. Socr. p. 19 E прим.

его молодость, а можетъ быть и искреннее желаніе дойти путемъ философскаго мышленія до истины, нѣсколько разъ обращается къ нему съ звательнымъ ὦ παῖ. Сравнительно съ Протархомъ, меньше выпуклости замѣтно въ характеристикѣ личности Филебовой. Можно думать, что и Филебъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей; потому что Протархъ, упоминая о прочихъ, присутствовавшихъ при разговорѣ, всякій разъ говоритъ такъ, что одинъ только Сократъ представляется человѣкомъ пожилымъ, а всѣ другіе—какъ бы еще юношами. Въ діалогѣ хотя и не высказывается, гдѣ именно происходила эта бесѣда, однакожъ видно, что собесѣдники были не одни, что съ ними находилось нѣсколько лицъ безъ рѣчей: указанія на это ясны. Въ одномъ мѣстѣ (p. 15 C), Протархъ говоритъ Сократу: καὶ πάντας τοίνυν ἡμᾶς ὑπόλαβε συγχωρεῖν σοὶ τούςδε τὰ τοιαῦτα; въ другомъ (p. 16 A): ἆρα οὖν, ὦ Σώκρατες, οὐχ ὁρᾷς ἡμῶν τὸ πλῆθος, ὅτι νέοι πάντες ἐσμέν; и опять (p. 19 D): ἡμεῖς σοὶ μετὰ παιδιᾶς ἠπειλήσαμεν, ὡς οὐκ ἀφήσομεν οἴκαδέ σε κ. τ. λ.; и еще: σὺ τήνδε ἡμῖν τὴν συνουσίαν, ὦ Σώκρατες, ἐπέδωκας πᾶσιν (p. 19 C). Всѣ эти выраженія показываютъ, что разговоръ Сократа съ Филебомъ и Протархомъ долженъ былъ происходить въ какой нибудь гимназіи или палестрѣ и что Филебъ принадлежалъ къ числу собравшихся тамъ молодыхъ людей. Этому мнѣнію не только не противорѣчитъ обращеніе Филеба къ своимъ товарищамъ съ словомъ παῖδες (p. 16 B), но еще подтверждаетъ его: потому что Сократъ насмѣшливо пародируетъ такое его обращеніе, какъ по возрасту ему несвойственное. Если бы Филебъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, былъ какой нибудь софистъ, или учитель присутствовавшихъ при разговорѣ дѣтей: то это въ продолженіе бесѣды, конечно, чѣмъ нибудь обнаружилось бы. Заключенія о Филебѣ какъ о софистѣ нельзя выводить и изъ того, что онъ передалъ Протарху взятую на себя роль Сократова антагониста; потому что въ діалогахъ Платона это не единственный примѣръ передачи разговора однимъ сверстникомъ дру-

гому: подобнымъ образомъ и въ Софистѣ, и въ Политикѣ мѣсто разсуждавшаго съ Сократомъ юноши Теэтета заступаетъ младшій Сократъ. Но, не смотря на то, что Филебъ представляется такимъ же юношею какъ и Протархъ, или, можетъ быть, немного старше послѣдняго, образъ его мыслей и нравственный характеръ далеко не походятъ на мышленіе и душевное настроеніе Протарха. Оба они защищаютъ удовольствіе: но сынъ Калліаса, держась взгляда Аристиппова, не вовсе отвергаетъ разумность, а только подчиняетъ ее ощущеніямъ низшей природы человѣка. Напротивъ Филебъ требуетъ исключительно удовольствій, рѣшительно отказывается отъ внушеній ума ради интересовъ жизни животной, и противъ умственныхъ побужденій выражается даже съ раздраженіемъ и какою-то ненавистію, утверждая, что удовольствіе можетъ быть и безъ нихъ, и что, сколько бы Сократъ ни доказывалъ противное, его доказательства не поколеблютъ этихъ убѣжденій: ἐμοὶ μὲν, говоритъ, πάντως νικᾶν ἡδονὴ δοκεῖ καὶ δόξει (p. 12 A). Изъ этого видно, что во взглядѣ Филеба больше отрицательности, чѣмъ у Протарха: онъ въ природѣ человѣка не хочетъ знать и цѣнить ничего человѣческаго, и цѣнитъ ее просто какъ животную, опредѣляя ея достоинство однимъ несмысленнымъ удовольствіемъ. Это не идонистъ, а сенсуалистъ, ищущій наслажденій внѣшнихъ, матеріальныхъ; это скорѣе наслѣдникъ духа Димокритова и эпикуреецъ до Эпикура. Въ Филебѣ и самъ Сократъ является не вполнѣ такимъ, каковъ онъ почти во всѣхъ другихъ діалогахъ Платона. Здѣсь мы видимъ его обыкновеннымъ учителемъ, подобнымъ всякому другому философу: здѣсь онъ бесѣдуетъ, не скрывая своихъ убѣжденій подъ любимымъ покровомъ незнанія, и даже не пользуется столь свойственною ему индуктивною методою собственно для обличенія ложныхъ понятій, заявляемыхъ собесѣдниками, но большею частію идетъ открыто къ своей цѣли, и положительный тонъ рѣчи изрѣдка смягчаетъ только шуткою (p. 28 C; 30 E. Сравн. p. 20 A, 21 D). Если Филеба

въ этомъ отношеніи будемъ сравнивать съ другими діалогами, въ которыхъ Сократъ болѣе или менѣе догматиченъ, то во всѣхъ ихъ причиною такого явленія признаемъ разницу между значеніемъ Сократа, какъ гражданина, и возрастомъ юношей, не вступившихъ еще въ жизнь самостоятельную. Бесѣдуя съ софистами, или вообще съ людьми, присвоявшими себѣ извѣстную мѣру мудрости, сынъ Софрониска тотчасъ прятался за своимъ незнаніемъ и являлся олицетворенною ироніею; напротивъ, когда надобно было говорить съ юношами, сознававшимися, что они еще незнакомы съ философскою истиною, тогда эротематическая его метода принимала характеръ учительный.

Послѣ предварительныхъ нашихъ разсужденій о Филебѣ, теперь можно уже приступить къ анализу его содержанія. Начало Сократовой бесѣды въ Филебѣ заставляетъ предполагать, что эта бесѣда была только продолженіемъ разговора, происходившаго между Сократомъ и Филебомъ о высочайшемъ человѣческомъ благѣ. Филебъ утверждалъ, что для человѣка, равно какъ вообще для животныхъ, лучше всего наслаждаться удовольствіями и удовлетворять влеченіямъ чувственной природы. Напротивъ Сократъ доказывалъ, что чувственныя наслажденія и соединенныя съ ними удовольствія не заслуживаютъ имени высшаго блага,—что гораздо чище и благороднѣе ихъ разумность и знаніе. Ни тотъ ни другой изъ этихъ собесѣдниковъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, пока Филебъ, соскучившій наконецъ долго тянувшимся споромъ, не передалъ защищаемаго имъ мнѣнія одному изъ своихъ друзей, Протарху, чтобы онъ продолжалъ отстаивать предметъ состязанія. И такъ, на это начало Филеба надобно смотрѣть какъ на практическій переходъ отъ безъискусственной, безсвязной, безпорядочной и потому безполезной эристической бесѣды къ бесѣдѣ основательной, отчетливой, правильной, діалектической. Посему одинъ новѣйшій критикъ Платона невѣрно судитъ, что da das Gespräch als ein schon in der Fortset-

zung begriffenes erscheint und also gleich mitten in die Sache hineinführt, то это, будто бы, есть das Zurücktreten der Künstlerischen Seite des Dialogs [1]). Напротивъ, здѣсь-то, послѣ безплодныхъ споровъ, и открывается поприще діалектическаго искусства. Діалектика обыкновенно требуетъ, чтобы прежде всего точнѣйшимъ образомъ опредѣлены были взаимно-противорѣчащія мнѣнія двухъ спорящихъ сторонъ, потомъ предлагались способы и условія соглашенія ихъ; а въ началѣ Филеба Сократъ это самое и дѣлаетъ. То есть, поставивъ на видъ пункты несогласія своего съ Филебомъ, онъ обращается къ Протарху съ слѣдующею мѣрою примиренія ихъ: если, кромѣ защищаемыхъ двумя сторонами благъ, именно, кромѣ разумности и удовольствія, найдется, говоритъ, какое нибудь третье, стоящее выше ихъ обоихъ, то преимущество, по справедливости, надобно будетъ дать тому изъ нихъ, которое окажется сроднѣе съ этимъ третьимъ. Это начало Филеба можно почитать вступленіемъ въ діалогъ (p. 11—12 A).

Внимательно всматриваясь въ это вступленіе, мы, при всей его краткости и простотѣ, замѣчаемъ въ немъ зерно обширной и весьма сложной работы. Съ логической точки зрѣнія, здѣсь предполагается не больше, какъ построеніе обыкновеннаго силлогизма, то есть, требуется два непосредственно несоединимые термина—удовольствіе и разумность—привесть во взаимную связь посредствомъ третьяго или средняго, который надобно найти, чтобы потомъ получить общую посылку умозаключенія,—и, подъ эту высшую мѣру блага подводя каждое изъ благъ данныхъ и спорющими сторонами защищаемыхъ, вывесть наконецъ слѣдствіе въ пользу того или другаго. Но эта, по видимому, простая и легкая задача на самомъ дѣлѣ требуетъ большихъ усилій и вызываетъ умъ не только на формальныя соображенія, но

---

[1]) Die genetische Entwickelung d. Plat. Philosophie v. Fr. Susemihl, 2 Th. 1 Abth. S. 1.

и на реальную изслѣдовательность; потому что и для наведенія, и для подведенія, и для выведенія логическаго представляются здѣсь вещи конкретныя, которыя сперва нужно подвергнуть анализу, чтобы онѣ могли войти въ ту или въ другую посылку силлогизма. Первый моментъ предначертанной вступленіемъ задачи состоитъ въ томъ, чтобы найти среднiй терминъ для соглашенія двухъ спорныхъ, или—высшее благо для оцѣнки другихъ, вступившихъ во взаимное состязаніе о преимуществѣ. Но найти это благо, по мнѣнію Платона, можно только въ тѣхъ благахъ данныхъ, отдѣливъ въ нихъ то, что обще имъ обоимъ, и это общее охарактеризовавъ свойственными ему чертами. Стало быть, явно, что первымъ дѣломъ представляется здѣсь анализъ разумности и удовольствія, а вторымъ—наведеніе отъ частныхъ выраженій того и другаго къ заключающемуся въ нихъ общему, которое, принявъ свойственныя себѣ черты, имѣетъ теперь значеніе высшаго блага. Совершивъ это изслѣдованіе, Платонъ получаетъ первую посылку силлогизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ оканчиваетъ и *первый отдѣлъ* діалога (p. 12 B—22 A). Послѣ сего подъ эту посылку, кажется, оставалось бы только подводить тѣ спорныя блага одно за другимъ и смотрѣть, которое изъ нихъ сроднѣе съ найденнымъ благомъ высшимъ: но и удовольствіе и разумность въ частныхъ своихъ выраженіяхъ такъ различны и неопредѣленны, что, вводя ихъ въ сферу найденнаго высшаго блага подъ одними типами, вмѣстѣ съ тѣмъ не введешь подъ другими, а потому задача въ отношеніи ко всѣмъ имъ должна оставаться нерѣшенною. Это поставляетъ Платона въ необходимость искать высшаго рода какъ удовольствій, такъ и разумности, чтобы, нашедши его, удовольствіе и разумность подвесть подъ идею высшаго блага въ значеніи родовомъ. Но, для опредѣленія рода этихъ благъ, нужно было Платону указать ихъ мѣсто и значеніе въ ряду всѣхъ явленій природы, и чрезъ то обозначить ихъ особыми родовыми признаками. А это значитъ, что философъ нашъ на новой точкѣ созерцанія дол-

женъ былъ начать свое дѣло космологическимъ синтезомъ, то есть, все существующее различить, какъ безпредѣльное, опредѣляющее, смѣшанное, и причину смѣшенія,—слѣдовательно, вторую посылку силлогизма представить опять подъ формою силлогистическою, которая, въ свою очередь, для подведенія второй своей посылки подъ первую, потребовавъ новаго анализа тѣхъ благъ, привела къ заключенію, что удовольствіе относится къ безпредѣльному, а разумности указала мѣсто въ опредѣляющемъ и причислила ее къ роду причины. Такимъ образомъ Платонъ опредѣлилъ родовое значеніе спорныхъ благъ, стало быть, приготовилъ содержаніе для второй посылки перваго силлогизма, и этимъ заключилъ *второй отдѣлъ* діалога (р. 22 В—31 В). Теперь оставался самый актъ подведенія, за которымъ должно было слѣдовать заключеніе силлогизма,—очевидно, въ пользу разумности. Но въ человѣческой жизни не только удовольствіе, даже самая разумность имѣетъ сторону являемости и смѣшенія. Посему Платону, для подведенія этихъ смѣшанныхъ благъ подъ идею высшаго блага, надлежало не отдѣлять ихъ одно отъ другаго, а примирять чрезъ смѣшеніе правильное, для правильнаго же смѣшиванія, найти мѣру въ приложеніи высшаго блага къ жизни человѣка. Такою мѣрою Платонъ признаетъ истинность, симметричность и красоту. Этимъ канономъ, по ученію Платона, должна быть оцѣниваема и упорядочиваема всякая смѣсь удовольствія и разумности, и этимъ оканчивается *третій отдѣлъ* діалога (р. 31 С—65 А). Но отсюда слѣдовало, что, поставляемыя предъ идеею высшаго блага, какъ предъ зеркаломъ, всѣ человѣческія блага являются одни ниже другихъ, на пяти степеняхъ: 1) идея высшаго блага; 2) жизнь, устрояемая по образцу этой идеи; 3) умъ или разумность; 4) искусства и науки; 5) чистыя удовольствія. Это—заключеніе силлогизма и *послѣдній отдѣлъ* діалога (р. 65 В—67 В).

Мы сдѣлали краткій очеркъ всего Филеба съ тѣмъ, чтобы показать логическую связь его частей и отношеніе от-

дѣльныхъ изслѣдованій. Держась этой нити, намъ легче будетъ теперь войти въ подробности его содержанія, понять значеніе частныхъ его мыслей, замѣтить повороты заключающихся въ немъ изслѣдованій и оцѣнить удивительную художественность въ развитіи его плана.

Когда собесѣдники условились въ способѣ изслѣдованія спорнаго предмета, тогда Сократъ предложилъ свое замѣчаніе, что удовольствія, по его наблюденію, относятся не къ одному и тому же роду, но представляются весьма различными, такъ что надобно внимательно отдѣлять ихъ одни отъ другихъ, чтобы, назвавъ всѣ добромъ, не сказать лжи. Протархъ сперва не соглашается съ Сократовымъ наблюденіемъ и, не отвергая объективнаго различія удовольствій, всѣ ихъ мыслитъ въ единствѣ рода, просто какъ удовольствіе. Сократъ не опровергаетъ этого Протархова взгляда и только говоритъ, что единство рода не мѣшаетъ быть разнообразію содержащихся въ немъ видовъ. И это нужно сказать не только объ удовольствіи, но и о знаніи, которое, въ существѣ будучи одно, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ множество и разнообразіе. Различивъ такія стороны удовольствія и знанія, Сократъ открываетъ теперь то третье высшее благо, которое предполагалъ найти, и видитъ его въ τῷ ἓν καὶ πολλά, такъ какъ τὸ ἓν καὶ πολλά тожественно и въ удовольствіи и въ разумности. Но, соотвѣтственно тожественному въ обоихъ благахъ τῷ ἓν, надлежало отожествить въ нихъ и πολλά; а πολλά τῆς ἡδονῆς, взятыя μετὰ πολλῶν τῆς φρονήσεως и противуположенныя τῷ ἓν, представляются сознанію какъ отрицательное ἄπειρον, или безпредѣльное, не имѣющее въ себѣ ничего для самоограниченія или самоизмѣренія. Если положимъ, что Платоново τὸ ἓν есть идея сама въ себѣ, то Платоново τὸ ἄπειρον будетъ матерія сама въ себѣ. Въ этомъ ученіи объ одномъ, безпредѣльномъ и многомъ не трудно конечно усмотрѣть слѣды взглядовъ пиѳагорейскаго и элейскаго; однакожъ означеннымъ терминамъ сихъ школъ Платонъ придалъ оригинальное значеніе, а сло-

вомъ τὰ πολλὰ первый назвалъ формы, содержащіяся въ родѣ, и занимающія средину между τὰς ἑνάδας или μονάδας (Phileb. p. 15 A, B; 16 D) и τὰ ἄπειρα. Вопросъ объ одномъ и многомъ во времена Платона былъ, кажется, въ большомъ ходу, и нравился преимущественно эристикамъ, потому что указывалъ способъ построять множество софизмовъ и забавлять хитросплетеніями. Объ этомъ Платонъ часто упоминаетъ въ Софистѣ (p. 251 A. B. C) и въ Парменидѣ (p. 120 C sqq.), гдѣ, равно какъ и въ Филебѣ, эристики подвергаются самымъ колкимъ замѣчаніямъ. Они, или по невѣжеству или съ цѣлью обмануть, обыкновенно смѣшивали неизмѣняемыя идеи вещей съ удобоизмѣняемыми о нихъ понятіями, которымъ свойственно совмѣщать въ себѣ одно и многое (p. 14 E sq.). Посему философъ совѣтуетъ теперь не обращать вниманія на эти ребяческія игрушки людей легкомысленныхъ, но тотчасъ приступать къ изслѣдованію того, что̀ доступно для одного ума, сознаваясь впрочемъ, что изслѣдованіе такихъ вещей соединено съ нѣкоторыми трудностями (p. 15 B. C). Это одно и многое онъ старается прояснить такъ, чтобы чрезъ его разсужденіе открылось и живо выразилось значеніе методы синтетической и аналитической. При рѣшеніи каждаго вопроса, говоритъ онъ, сперва надобно схватить и разсмотрѣть *одну общую идею*, которою, будто нитью, держатся и связуются всѣ частности; ибо таковъ неизмѣняемый и неизъяснимый законъ природы, что все есть одно и многое—все заключаетъ въ себѣ единство и безпредѣльность (p. 16 C). Нашедши и прояснивши себѣ идею, потомъ слѣдуетъ приступить къ разсмотрѣнію содержащихся подъ нею формъ и частей, и никакъ не переходить вдругъ къ безпредѣльному и недѣлимому. Когда же опредѣлены будутъ формы, тогда можно уже перейти и къ отдѣльностямъ. Этимъ именно отличается, говоритъ, истинная и настоящая діалектика отъ эристическаго или спорчиваго способа разсужденій (p. 17 A). Послѣ сего Сократъ, для большей ясности высказаннаго ученія, беретъ примѣръ изъ области

грамматики и музыки; но тутъ нетерпѣливый Филебъ, прервавъ молчаніе, заявилъ, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ относится это къ настоящему предмету (p. 17 E). Тогда Сократъ благоразумно замѣтилъ Филебу, что послѣ онъ пойметъ, къ чему это говорится, а теперь, чтобы дѣло было ясно, надобно довесть его до конца: прежде, то есть, философъ показалъ обыкновенный ходъ методы аналитической, а теперь намѣренъ показать, какъ обыкновенно развивается метода синтетическая. И такъ, взявъ примѣръ изъ области грамматики, Сократъ объясняетъ этимъ, что отъ вещей безпредѣльныхъ можно восходить къ формамъ и частямъ, а отъ формъ и частей, наоборотъ, можно переходить къ высшему роду (p. 18 C). Въ этомъ замѣчательнѣйшемъ мѣстѣ Филеба Платонъ изложилъ свои мысли о синтетической и аналитической методѣ съ такою ясностію, что діалектическая методологія, какъ видно, была ему совершенно извѣстна. Не безполезно замѣтить, что этого предмета касается онъ также въ Федрѣ, Софистѣ, Политикѣ, Парменидѣ и Государствѣ; но тамъ говорится о немъ довольно коротко и необстоятельно. Въ Федрѣ можно указать относящееся сюда мѣсто p. 265 D sqq. Въ Софистѣ см. p. 253 D sq., въ Парменидѣ—p. 129 B sqq. Въ Политикѣ достойно замѣчанія въ этомъ отношеніи все, что говорится на pp. 262 A—285 A sqq. Въ Государствѣ нужно взять въ сравненіе L. V, p. 454 A sqq., VII, p. 534 B sqq. Впрочемъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, важность діалектической методологіи разсматривается примѣнительно къ частной цѣли разсужденія. Такъ напримѣръ, въ Софистѣ и Политикѣ философъ упоминаетъ объ этомъ съ цѣлью предложить ученіе о дѣленіи и разчлененіи изслѣдованія, по способу мегарской школы; въ Парменидѣ—для того, чтобы исправить и улучшить мегарскую методу доказыванія предмета; въ Федрѣ опять—чтобы показать великое вліяніе діалектики на всю науку мудрости. Но въ Филебѣ всѣ эти частныя цѣли соединяются въ одну общую, и о діалектической методѣ говорится съ надлежащею

полнотою,—за что Платона еще въ древности почитали отцомъ аналитическаго философствованія (Diog. Laërt. III, 24. Aristot. Anal. I, 1. Top. I, 1 и 10). Даже Аристотель признается, что ловкостію своей методы въ изслѣдованіяхъ Платонъ далеко превосходилъ всѣхъ прежнихъ философовъ, уподоблявшихся больше неученымъ бойцамъ, и съ этой стороны оказалъ наукамъ безсмертную услугу.

Разсмотрѣвъ вообще роды и формы вещей и показавъ два пріема методы для восхожденія къ высшему роду, а отъ высшаго рода для нисхожденія къ низшимъ видамъ, Сократъ приступаетъ теперь къ изслѣдованію родовъ и формъ удовольствія и разумности, и полагаетъ, что чрезъ это, можетъ быть, правильнѣе опредѣлится ихъ достоинство. Вопросъ, очевидно, предполагается здѣсь поставить такъ: что̀ такое въ удовольствіи и знаніи—то третіе и общее имъ, τὸ ἓν καὶ πολλά, какъ высшее благо? Явно, что это формальное выраженіе, въ которомъ проявилась идея, надлежало воплотить, облечь въ какія нибудь болѣе осязательныя черты,—и Сократъ, по своему обыкновенію, въ случаѣ предначѣреваемаго синтетическаго хода бесѣды, обращается къ божественному авторитету и говоритъ: «кажется, кто-то изъ боговъ привелъ мнѣ на память, что ни удовольствіе, ни разумность не есть добро, что̀ добро есть иное—третье, отличное отъ нихъ и лучшее, чѣмъ оба они»; и потомъ это искомое добро постепенно характеризуетъ такъ: «добро есть нѣчто *въ себѣ совершенное, по природѣ довлѣющее и для всѣхъ вожделѣнное*» (p. 20 B. C. D). Если же, говоритъ, оно таково, то о наилучшей жизни судить будетъ легко; ибо ни жизнь, проводимая въ удовольствіяхъ, ни та, которая постоянно пользуется разумностію, не будетъ тогда жизнію совершенною, такъ какъ она лишь отчасти сдѣлаетъ человѣка счастливымъ и оставитъ въ немъ чувство недовольства, а для иныхъ покажется просто не стоющею того, чтобы желать ея. Такъ напримѣръ, никто конечно не пожелалъ бы, чтобы его жизнь слагалась изъ однихъ удовольствій,

не присоединяя къ себѣ нисколько разумности, пониманія, памяти; потому что безъ этого невозможно и наслажденіе удовольствіями. То же должно сказать и объ умѣ, знаніи, памятованіи и правильномъ мнѣніи, если бы со всѣмъ этимъ не соединялась извѣстная мѣра удовольствія. Кому пріятна была бы жизнь, совершенно чуждая удовольствій? И такъ, мы не погрѣшимъ, заключаетъ Сократъ, если скажемъ, что ни удовольствіе одно само по себѣ, ни разумность одна сама по себѣ не заслуживаютъ имени добра. Мы должны постановить, что доброю будетъ та жизнь, въ которой разумность и знаніе взаимно смѣшиваются.—Вотъ первая или бо̀льшая посылка силлогизма, составляющаго логическую ткань всего діалога. Она можетъ быть выражена такъ: *высшее добро есть* τὸ ἓν καὶ πολλὰ τῆς ἡδονῆς καὶ τῆς φρονήσεως, или *такая смѣсь этихъ благъ, которая сама въ себѣ совершенна, по природѣ удовлетворительна, и для всѣхъ вождельнна.* Извѣстно, что это положеніе Платона о высшемъ благѣ человѣка было сильно порицаемо Аристотелемъ (Ethic. Nicom. I, 6, § 12 sqq). Но замѣчательно, что, унизивъ приведенное Платоново положеніе и поставляя на его мѣсто свое собственное, Аристотель высказалъ въ немъ почти то же самое, что Платонъ. По его мнѣнію, послѣднее и высшее благо есть не иное что, какъ τὸ τῶν πρακτῶν ἁπάντων τέλος, то есть, цѣль всѣхъ дѣлъ человѣка. Но эта цѣль есть не относительное что нибудь, а безусловное само въ себѣ; если же такъ, то явно, что высшее благо прежде всего есгь ἕν τι μόνον τέλειον, или—ἁπλῶς τέλειον: потому что τέλειόν ἐστιν, какъ говоритъ Magn. Mor. I, 2, p. 7 ed. Bekk., οὗ παραγενομένου μηδενὸς ἔτι προσδεόμεθα· ἀτελὲς δὲ, οὗ παραγενομένου προσδεόμεθά τινος. А отсюда слѣдуетъ, что то благо вожделѣнно само для себя, а не для чего нибудь другаго; стало быть, оно будетъ, какъ и у Платона, καθ᾽ αὑτὸ αἱρετὸν ἀεὶ καὶ μηδέποτε δι᾽ ἄλλο. Имѣя же свою цѣль въ себѣ самомъ, то благо будетъ, конечно, самодовольно; потому что τὸ τέλειον ἀγαθὸν (ἐστιν) καὶ αὔταρκες. Послѣ сего явно, что украшенная такимъ благомъ

жизнь будетъ для всѣхъ вожделѣнною и ни въ чемъ не нуждающеюся (αἱρετὸν ποιεῖ τὸν βίον καὶ μηδενὸς ἐνδεᾶ),—слѣдовательно, счастливою. Счастіе, которое Аристотель называетъ словомъ εὐδαιμονία, есть не что иное, какъ наилучшая жизнь, по Платону, состоящая изъ смѣси удовольствія и разумности, сдѣланной согласно съ законами вѣчнаго ума. Замѣтимъ мимоходомъ, что о причинахъ, почему ни одно удовольствіе, ни одна разумность недостаточны для высшаго блага, говорится также De Rep. VI, p. 505 B sqq: но тамъ этотъ предметъ, соотвѣтственно намѣренію писателя, разсматривается иначе; потому что тамъ рѣчь идетъ объ идеѣ высочайшаго блага, которое само по себѣ абсолютно, а не о наилучшей жизни. Кромѣ того, не безполезно будетъ сообразить, что̀ о необходимости удовольствія и мудрости для счастливой жизни говорится Legg. V, p. 732 D sqq.

Нашедши высшую посылку силлогизма, или положеніе о высшемъ благѣ человѣка, Сократу слѣдовало теперь этою мѣрою опредѣлить относительное достоинство удовольствія и разумности, или относительную близость этихъ благъ къ благу высшему. Но такъ какъ идея высшаго человѣческаго блага требуетъ, чтобы удовольствіе и разумность подводимы были подъ положеніе о высшемъ благѣ въ смѣшеніи, то чрезъ это естественно возбуждается новый вопросъ о частныхъ формахъ удовольствія и разумности, и рѣшеніе сего вопроса можетъ быть произведено уже не высшимъ благомъ, но, по требованію діалектической методы, разсмотрѣніемъ частныхъ формъ той и другой ингредіенціи подъ высшимъ родомъ каждой изъ нихъ; высшіе же ихъ роды могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ цѣлымъ рядомъ началъ, распредѣляющихъ всѣ вещи въ природѣ по родамъ ихъ. Поэтому Сократъ обращается теперь къ высшимъ началамъ всѣхъ вещей, мимо которыхъ ничто не раждается и не достигаетъ свойственнаго себѣ совершенства. Это мѣсто весьма важно для уразумѣнія вообще философіи Платона.— Я думаю, говоритъ Сократъ, что разумность далеко превос-

ходнѣе удовольствія, и, если это справедливо, удовольствію нельзя дать ни перваго ни втораго мѣста; даже и третье-то, какъ предвижу, ему не достанется (p. 22 E sqq). Но, чтобы довести это до очевидности, нужны другаго рода доказательства, отличныя отъ прежнихъ (p. 23 B). Все существующее есть или *безпредѣльное*, или *предѣлъ*. Къ этимъ двумъ родамъ прибавимъ составившійся изъ нихъ третій—*смѣшанный*. Затѣмъ присоединимъ и четвертый, опредѣляющій мѣру смѣшенія безпредѣльнаго и предѣла и называющійся *родомъ причины*. И такъ, у насъ есть четыре начала; они помогутъ намъ вѣрно оцѣнить достоинство удовольствія и разумности. Начнемъ съ *безпредѣльнаго*, которое однакожъ нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ многое, такъ какъ можетъ дѣлиться на какіе нибудь роды и части (до p. 24 A). Къ безпредѣльному относится то, что не имѣетъ ни опредѣленной мѣры, ни извѣстнаго основанія, и не принимаетъ никакой степенной мѣры, не признаетъ никакого закона количественности и качественности (p. 24 A—E). Изъ этого должно быть ясно, какова природа *конечнаго* или *предѣла*, какъ противнаго безпредѣльному: что̀ принимаетъ въ себя извѣстную мѣру, число, основаніе, то, естественно, относится къ предѣльному (p. 25 A). Если, теперь, безпредѣльное сходится въ одно съ предѣльнымъ, и чрезъ то какъ бы очертывается извѣстными гранями, то раждается третій родъ, называемый *смѣшаннымъ* (συμμεμιγμένον), и въ своемъ объемѣ содержитъ все, что есть добраго и совершеннаго какъ въ природѣ вещей, такъ и въ человѣческой жизни. Отсюда происходитъ надлежащее здоровье тѣла, отсюда—музыка, отсюда—благораствореніе воздуха, отсюда—красота, не только тѣлесная, но и душевная; отсюда беретъ свое начало всякое превосходство (p. 25 A—26 D). О *четвертомъ* же родѣ надобно сказать то, что все происходящее и раждающееся необходимо производится нѣкоторою причиною; такъ что то третье надобно почитать не чѣмъ инымъ, какъ ея произведеніемъ, сложеннымъ ею изъ безпредѣльнаго и пре-

дѣльнаго (p. 26 E—27 B). Вотъ четыре начала, отъ которыхъ должно производить все, что раждается.

Это, сказали мы, есть важнѣйшее мѣсто для уразумѣнія всей философіи Платона: безъ него едва ли можно было бы правильно истолковать Тимея и Парменида, образцовые діалоги Платоновы. Напротивъ теперь и темный Парменидъ становится ясенъ, и недоступный Тимей дѣлается доступнымъ; потому что философу хотѣлось одни и тѣ же начала примѣнить какъ къ міру нравственному, проявляющемуся въ удовольствіи и разумности, такъ и къ идеямъ, или къ происхожденію всѣхъ вещей. Древніе писатели говорятъ, что Платонъ въ изложенномъ ученіи слѣдовалъ Филолаю. Кромѣ другихъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ *Проклъ* (Theol. Plat. 1, 5, p. 13; III, 7, p. 132. Ad Tim. 1, p. 26, p. 54). Посему не лишнимъ дѣломъ будетъ кратко предложить здѣсь мнѣнія этого знаменитаго пиѳагорейца и сравнить ихъ съ ученіемъ Платона, чтобы видно было, что̀ между ними общаго и въ чемъ они расходятся. Взявъ за основаніе отрывки сочиненія Филолаева, изданные Беккомъ (Philolaos des Pithagoreers Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes. Berlin. 1819), и слѣдуя замѣчаніямъ другихъ древнихъ и новыхъ критиковъ, мы можемъ, кажется, удовлетворительно объяснить смыслъ относящихся къ нашему предмету понятій Филолая. Онъ училъ такъ: *Все существующее* (τὰ ἐόντα) *или предѣльно или безпредѣльно* (ἢ περαίνοντα ἢ ἄπειρα), или *то же самое и предѣльно и вмѣстѣ безпредѣльно*; потомъ къ этому прибавляетъ: *такъ какъ вещи составлены и не все изъ предѣльнаго, и не все изъ безпредѣльнаго, то явно, что міръ и всѣ находящіяся въ немъ особности сложены изъ предѣльнаго и вмѣстѣ безпредѣльнаго*,—то есть, изъ того и другаго сложеннаго въ одно. И такъ, Филолай принималъ два начала вещей: одно—предѣльное, другое—безпредѣльное. Такъ думали и прочіе пиѳагорейцы; только, пользуясь именами чиселъ, они предѣльное называли τὸ ἕν, а безпредѣльное, ἀόριστον,—δυάδα (*Brandis*. De perdit. Aristot. libris

de Bono p. 27. *Sext. Emp.* Adv. mathem. X, 262 sqq.) Τὸ ἄπειρον Филолай понималъ какъ грубую и безформенную матерію міра, которая не ограничивается ни предѣломъ, ни мѣрою, ни иными какими либо отношеніями: поэтому оно и не есть предметъ познанія; ибо все, познаваемое умомъ, должно быть познаваемо по предѣлу, числу и отношенію (*Boeckh.* p. 49). Изъ этого видно, почему Филолай полагалъ, что и въ самомъ образовавшемся уже мірѣ осталось еще нѣчто безпредѣльное—время и пустота (τὸ κενόν) (см. *Stobaeus*, Eclogg. Phys. p. 380, 82. *Boeckh.* p. 108, 102): тогда какъ пустота, поколику природа вещей, по его мнѣнію, произошла изъ сочетанія предѣльнаго и безпредѣльнаго, должна была находиться не въ мірѣ, но окружать міръ и, по закону дыханія, поглощаться имъ, чтобы въ порядкѣ вещей не открылось какого нибудь возмущенія (см. *Aristot.* Phys. III, 4; ibique Simplic. p. 104 B. Auscultat. Phys. IV, 6 et fragm. ap. *Stob.* 1, 21. 2. ap. *Boeckh.* p. 167). Въ такомъ космологическомъ взглядѣ Филолая мы, вмѣстѣ съ Беккомъ (p. 108), усматриваемъ оригинальную мысль,—что міръ въ цѣломъ своемъ составѣ есть какъ бы животное, имѣющее способность дышать и посредствомъ дыханія возстановляющее свои силы. Предѣльное Филолай употребляетъ большею частію въ числѣ множественномъ—τὰ περαίνοντα; а у Аристотеля оно называется иногда τὸ πεπερασμένον, иногда τὸ πέρας (Metaphys. I, 5; I, 7; III, 1. 4; X, 2. Ethic. Nicom. II, 5. Phys. III, 4). Различныя также имена даетъ ему и Платонъ: либо τὸ πεπερασμένον, либо τὸ πέρας ἔχον, чаще же τὸ πέρας. Иные думаютъ, что подъ предѣльнымъ Филолай разумѣлъ чистую форму, какъ подъ безпредѣльнымъ—способную формоваться матерію; но это мнѣніе намъ кажется несправедливымъ, потому что въ такомъ случаѣ ученіе Филолая далеко отступало бы отъ пиѳагорейскаго. Мы полагаемъ, что какъ пиѳагорейцы не мыслили своихъ чиселъ безъ матеріи, такъ и Филолай своему предѣльному приписывалъ нѣчто матеріальное. По нашему мнѣнію, предѣльное почиталъ онъ

силою и природою дѣйствующею, которая, всему прочему давая форму, сама однакожъ не есть пустая форма;—напротивъ, безпредѣльное представлялъ какъ матерію, не имѣющую никакого качества, но до того воспріимчивую относительно качествъ, что можетъ характеризоваться всякими и измѣняться всячески. Стало быть, въ производящемъ Филолай на первомъ планѣ видѣлъ силу, а въ производимомъ прежде всего усматривалъ матерію. Но въ томъ и другомъ искалъ онъ того и другаго; потому что матерія не пришла бы въ сцѣпленіе, если бы не связывалась силою и не восприняла ея, да и сила ничего не произвела бы, если бы не было матеріи. И такъ, Филолаево предѣльное есть само въ себѣ одно, всегда тожественное, постоянное и чрезъ то именно способное давать другому извѣстную форму, опредѣленныя условія существованія. Справедливость этого объясненія вытекаетъ изъ словъ самого Филолая, который. говоритъ, что тѣ два начала, по своей природѣ, ни подобны, ни сродны между собою, и потому никогда не сойдутся въ одно, если не привзойдетъ число и гармонія (*Stob*. p. 468. *Boeckh*. p. 62 sqq.). Въ самомъ дѣлѣ, на что этимъ указывается, какъ не на опредѣляющую силу, заключающуюся въ природѣ предѣльнаго, какъ бы, то есть, ἐν τῷ πεπερασμένῳ τὸ πέρας было ὁ ἀριθμὸς καὶ ἡ ἁρμονία, или самая способность давать формы вещамъ?—Отсюда ясно будетъ и то, почему пиѳагорейцы полагали, что силу и природу вещей надобно опредѣлять числами и чиселъ не отдѣлять отъ ней (*Aristot*. Metaph. I, 5. 6. XI, 6. XIII, 3. Phys. III, 4. *Simplic*. p. 104 B). Но, полагая, что одно начало вещей, чрезъ гармоническое отношеніе чиселъ, можетъ сходиться съ другимъ, Филолай требовалъ однакожъ, чтобы соединеніе ихъ было мудрое, а для сего признавалъ необходимую причину сочетанія этихъ началъ, которая была бы выше ихъ и предписывала имъ соединеніе дѣйствительно гармоническое, для опредѣленной цѣли. Такимъ образомъ, кромѣ двухъ началъ, у Филолая является третье, τὸ ἕν, то есть *единое высочайшее и послѣднее*, τὸ πρῶ-

τὸ ἕν (см. *Iambl.* ap. Boeckh. p. 150. *Archyt.* ap. Stob. 1, p. 714. *Syrian.* ad Aristot. Metaph. XIII, p. 102 B. *Ritter*, Hist. Philos. I, p. 398 sqq.). Подъ этимъ третьимъ началомъ разумѣлъ онъ Бога, въ которомъ созерцается источникъ всякой рожденной сущности (см. *Philol.* ap. Boeckh. p. 151). Высочайшее и послѣднее существо, по его представленію, какъ бы средоточіе, помѣщенное среди вселенной, распространяетъ дивную свою силу на всѣ части міра, по всѣмъ направленіямъ, и служитъ животворнымъ ея началомъ (*Lactant.* De Fals. Relig. 1, 5. *Cyrill.* c. Julian. 1, p. 30). Значитъ, свое Божество Филолай еще не отдѣлялъ отъ души міра: это отдѣленіе сдѣлано въ первый разъ Платономъ. Такъ какъ Богъ, по ученію Филолая, есть источникъ и начало всякаго рожденія вещей, то Сиріанъ (ad Metaphys. XIII, p. 102 A. B) полагаетъ, что Богомъ постановлены предѣльность и безпредѣльность. Поэтому Проклъ (Theol. Plat. III, 7, p. 137) θεὸν называетъ πέρατος καὶ ἀπειρίας ὑποστάτην (сравн. *Boeckh.* Philol. p. 53 sqq. *Brandis.* Histor. Philos. 1, p. 483).

Таковы, по Филолаю, начала міра, и въ представленіи этихъ началъ отъ Филолая недалеко, кажется, отступилъ и Платонъ: надобно однакожъ помнить, что первый относилъ ихъ только къ происхожденію міра, а послѣдній указывалъ имъ точку приложенія вездѣ—и въ природѣ вещей и въ человѣческой жизни. Въ безпредѣльномъ Платонъ видитъ непрестанную смѣну количества и качества (p. 25 C) и не замѣчаетъ никакой опредѣленной формы бытія. А это очень сходно съ мнѣніемъ Филолая о матеріи. Потомъ, предѣлъ, или τὸ πέρας, по Платону, есть ὁπόσα παύει πρὸς ἄλληλα τἀναντία διαφόρως ἔχοντα; а это тоже не отличается отъ пиѳагорейскаго, особенно когда и Платонъ не думалъ при этомъ о чистой формѣ, но представлялъ ее какъ нѣчто третье, τὸ συμμεμιγμένον, или μικτὴν καὶ γεγενημένην οὐσίαν (p. 26 A). Разница только въ томъ, что Филолай здѣсь видитъ одно начало, а Платонъ въ одномъ различаетъ два, то есть, περαί-

νον, или силу ограничивающую, и самое дѣйствіе ограниченія—μικτὴν οὐσίαν. Наконецъ, надъ этими началами у Платона поставляется еще причина, τὸ αἴτιον, что конечно соотвѣтствуетъ первой Филолаевой единицѣ. Но отнюдь нельзя думать, будто Платонъ, подобно Филолаю, разумѣлъ здѣсь только Бога: напротивъ, въ этомъ пунктѣ ученія онъ далеко отступилъ отъ Филолая, и потому, вмѣсто Филолаева τοῦ ἑνός, не безъ особеннаго намѣренія поставилъ τὸ αἴτιον, понимая подъ этимъ словомъ какъ бы причину раждательную, отъ которой должно производить природу и совершенство всякой вещи родившейся. Стало быть, свое τὸ αἴτιον Платонъ принималъ въ смыслѣ болѣе обширномъ, то есть разумѣлъ подъ нимъ и идею добра, какъ бы опредѣлительницу совершенства всякой вещи, и причастный этой идеѣ человѣческій умъ, какъ бы проистекшій изъ ума божественнаго, и даже самый божественный умъ, какъ источникъ человѣческаго ума и идеи добра. Поэтому, примѣнительно къ различію вещей, о которыхъ идетъ рѣчь, τὸ αἴτιον у Платона является въ различныхъ смыслахъ, и понимается либо какъ τὸ ποιοῦν и τὸ δημιουργοῦν, либо какъ ἡ τῆς μίξεως καὶ γενέσεως αἰτία (p. 27 A. B. C). Гдѣ идетъ рѣчь о цѣлости всего существующаго, тамъ τὸ αἴτιον, безъ сомнѣнія, есть Богъ, или совершеннѣйшій Умъ (см. Tim. p. 27 D, p. 28 C. Legg. X, p. 904. Phileb. p. 28 C. D); а гдѣ говорится о другихъ вещахъ, тамъ это слово не вдругъ слѣдуетъ относить къ Богу, но довольно разумѣть подъ нимъ идею добра или умъ человѣческій, который, какъ происшедшій отъ Бога и потому облеченный нѣкоторою властію устроять порядокъ въ человѣческой жизни, можетъ быть почитаемъ также причиною ея усовершенствованія.

Разрѣшивъ вопросъ о высшихъ началахъ вещей (p. 27 C sqq.), Сократъ далѣе говоритъ: перенесемъ это къ настоящему изслѣдованію цѣнности удовольствій и разумности. Мы уже видѣли, что счастливая жизнь должна быть смѣшана изъ обоихъ этихъ благъ: но какъ смѣшать ихъ? въ

какой пропорціи?—Чтобы рѣшить это, надобно удовольствіе и разумность разсмотрѣть отдѣльно,—первое и послѣднюю подъ своимъ родомъ: тогда видно будетъ, какое мѣсто и значеніе, по достоинству своихъ родовъ, должны занимать они въ жизненной нашей смѣси. Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ Сократъ, что удовольствіе и скорбь надобно отнесть къ безпредѣльному; потому что эти чувствованія не имѣютъ ни формы ни предѣла,—ничѣмъ не ограничиваются. Но разумность, знаніе, умъ слѣдуетъ, кажется, почитать чѣмъ-то превосходнѣе удовольствій; потому что умъ есть правитель неба и земли, если только мы правильно мыслимъ, что міръ управляется не произволомъ случая, а умомъ и мудростію. Когда же такъ, то понятно, что̀ должно думать и объ умѣ человѣческомъ. Душа наша, безъ сомнѣнія, какъ бы вылилась или почерпнута изъ ума всемірнаго, хотя тѣ роды безпредѣльнаго, предѣльнаго, смѣшаннаго и причины далеко превосходнѣе того, что произведено ими въ мірѣ (pp. 27 C—30 C). Но разумность не можетъ быть безъ души; слѣдовательно, по силѣ причины и дѣйствія, въ Зевсовой природѣ есть царская душа, а въ другихъ—другое прекрасное. Отсюда же, очевидно, слѣдуетъ, что умъ и разумность близки къ роду причины (p. 30 D. E). И такъ, мы нашли, заключаетъ Сократъ, о чемъ спрашивалось: теперь видно, къ какому роду относится разумность, и къ какому—удовольствіе (p. 31 A. B). Что разумность относится къ роду причины, или что человѣческій умъ есть искра Божества,—это положеніе Ксенофонтъ приписывалъ прямо Сократу (Memor. I, 4, 8): но еще прежде Сократа защищали его Гераклитъ и Пиѳагоръ. Послѣдній, по свидѣтельству Діогена Лаэрція (VIII, 28), училъ такъ: εἶναι τὴν ψυχὴν ἀπόσπασμα αἰθέρος (т. е. міровой души),—ἀθάνατόν τε εἶναι αὐτήν, ἐπειδήπερ καὶ τὸ ἀφ᾽ οὗ ἀπέσπασται ἀθάνατόν ἐστιν. Почти то же говорилъ и Гераклитъ (см. *Sext. Emp*. Adv. math. VII, 124 sqq.).

Признавъ, что разумность содержится въ родѣ причины,

а удовольствіе—въ родѣ безпредѣльнаго, Сократъ, по видимому, могъ бы теперь, чрезъ подведеніе этихъ родовъ подъ первую посылку силлогизма, или подъ идею высшаго блага, придти къ заключенію, что, въ ряду человѣческихъ благъ, разумности слѣдуетъ занимать второе, а удовольствію—третіе мѣсто. Но онъ еще прежде догадывался (p. 22 E sqq.), что даже и третьяго мѣста удовольствіе не получитъ, и теперь свою догадку намѣревается оправдать самымъ изслѣдованіемъ, или анализомъ видовъ удовольствія. По роду, удовольствіе, какъ сказано, заключается въ объемѣ безпредѣльнаго, а по рожденію, или по частнымъ своимъ формамъ, оно содержится въ родѣ смѣшанномъ, который, послѣ безпредѣльнаго и предѣла, стоитъ на третьей или общей степени—ἐπὶ τῷ κοινῷ, и въ которомъ удовольствіе смѣшивается съ скорбію,—слѣдовательно, не заслуживаетъ имени блага, или, по крайней мѣрѣ, поставляетъ на видъ необходимость различенія формъ удовольствія, чтобы видно было, которыя изъ нихъ стоютъ предъизбранія и сближенія съ высшимъ благомъ человѣческой жизни. И такъ, въ этомъ отдѣлѣ Сократъ разсматриваетъ формы удовольствія и весьма характеристично отмѣчаетъ особенности каждой изъ нихъ. Здѣсь говорится, что есть удовольствія тѣлесныя и душевныя, чистыя и нечистыя, истинныя и ложныя, хорошія и худыя,—и вообще достоинство удовольствій взвѣшивается обстоятельно. Трудно сказать опредѣленно, имѣлъ ли въ виду Платонъ при этомъ мнѣнія современныхъ ему философовъ; но кажется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ намекаетъ на ученіе то Антисѳена, то Аристиппа. Прежде всего изслѣдывается у него причина и происхожденіе удовольствія и скорби: то есть, гармонія, возможная въ смѣшанномъ родѣ причины, бывъ возмущена въ природѣ животнаго, выражается скорбію, а по возстановленіи въ прежнее состояніе, отзывается удовольствіемъ. Это объясняется чувствомъ голода, жажды и другими ощущеніями (см. p. 31 D—32 B). Точно такъ это ученіе излагается и въ Государствѣ (IX, p.

581 E sqq. 585 A) и въ Тимеѣ (p. 64 sqq.), хотя въ послѣднемъ мѣстѣ предметъ разсматривается больше φυσιολογικῶς. Подобное ученіе встрѣчаемъ и у стоиковъ, о которомъ см. *Cicer.* Tuscul. III, 25. Но это описаніе относится особенно къ впечатлѣніямъ тѣлеснымъ; посему съ стр. 32 C—Сократъ начинаетъ разсматривать удовольствія и скорби собственно душевныя, прояснивъ же отдѣльно природу тѣхъ и другихъ, представляетъ легко разрѣшимымъ вопросъ: всѣхъ ли удовольствій нужно желать, или нѣтъ?

Философъ сперва изслѣдываетъ состояніе животныхъ, прежде чѣмъ чувствуютъ они удовольствіе или скорбь. Эго безразличіе чувствованія, по его мнѣнію, весьма важно для правильнаго сужденія объ удовольствіи и скорби. Извѣстно, говоритъ онъ, что жизнь, посвященную мудрости, почитая счастливѣйшею, люди старались жить такъ, чтобы и не радоваться и не скорбѣть: эта жизнь должна быть почитаема истинно божественною, такъ какъ богамъ несвойственны ни радость ни печаль. Отсюда можно бы уже заключить, что разумности въ ряду жизней надобно дать если не первое, то второе мѣсто. Но обратимся ко второму роду удовольствій,—къ тому, который находится въ душѣ. Онъ получаетъ свое начало особенно отъ памяти, что легко усмотрѣть, если будетъ показано, что такое *память* (μνήμη) и *ощущеніе* (αἴσθησις). Тѣлесныя впечатлѣнія бываютъ двоякаго рода: одни возникаютъ и гаснутъ еще въ тѣлѣ, не перешедши въ душу; а другія ощущаются и тѣломъ и душою и возбуждаютъ движеніе, или общее обѣимъ сторонамъ человѣческой жизни, или свойственное одной изъ нихъ. И такъ, если душа не трогается ими, ей приписывается ἀναισθησία, а когда затрогивается—αἴσθησις, или ощущеніе. Сохраненіе такого ощущенія называется памятью. Отъ памяти отличается *воспоминаніе* (ἀνάμνησις), бывающее тогда, когда душа, чувствовавшая нѣчто обще съ тѣломъ, возстановляетъ это чувствованіе сама по себѣ. Такъ разсуждаетъ Сократъ о способностяхъ души, какъ необходимыхъ условіяхъ для ощу-

щенія удовольствія. Съ этимъ его ученіемъ не безполезно сравнить, что̀ говорится въ Тимеѣ (p. 42 A sqq.; 43 B—E; 61 A sqq.), гдѣ подробно показаны начало и причины τῆς αἰσθήσεως. Сто̀итъ также снести съ этимъ, что̀ объ ощущеніи и памяти высказываетъ Плотинъ (Ennead. L. IV, p. 836. T. II, ed. Creuzer). Но, чтобы еще яснѣе было значеніе удовольствія, Сократъ считаетъ нужнымъ уразумѣть также природу *пожеланія.* Пожеланіе, по его мнѣнію, имѣетъ свою почву не въ тѣлѣ, а въ душѣ, и проявляется тогда, когда мы, ощутивъ нѣкоторую пустоту, желаемъ восполнить ее. А это бываетъ такъ, что при помощи памяти мы какъ бы касаемся того, что можетъ произвесть восполненіе, и вспоминаемъ о самомъ восполненіи. Этотъ предметъ разсматривается и въ Тимеѣ (p. 42 A. sqq.), причемъ показывается разнообразная связь удовольствія съ пожеланіемъ. А Стобей (Eclogg. Ethic. p. 132) и Ямблихъ (De vit. Pythag. § 205) говорятъ, какъ учили объ этомъ пиѳагорейцы. Но удовольствія, продолжаетъ Сократъ, если они условливаются памятью и сопровождаются пожеланіемъ, бываютъ *не чисты*, потому что происходятъ отъ непріятнаго чувства пустоты и отъ пріятнаго воспоминанія о прошедшемъ состояніи,— каковой мысли Платонъ касается и въ Горгіасѣ (p. 496 A—497 A), полагая, что пожеланіе всегда соединяется съ нѣкоторою тягостію. Доказывается же это положеніе чрезъ разсмотрѣніе различныхъ впечатлѣній, свойственныхъ тѣмъ, съ которыми это случается. Во первыхъ, можетъ случиться, что мы будемъ находиться въ такомъ состояніи, которое есть среднее между опустѣніемъ и восполненіемъ. А когда бываетъ такъ, мы въ одно и то же время чувствуемъ и удовольствіе и скорбь: ибо, мучимые какимъ-то непріятнымъ чувствомъ пустоты и вмѣстѣ припоминая ощущаемое нѣкогда противное этому чувству пріятное, то есть, переставъ мучиться и однакожъ не восполняясь, мы хотя и радуемся, поколику ожидаемъ восполненія, но тутъ же и скорбимъ, поколику чувствуемъ тягость пустоты. Иногда можно нахо-

диться и подъ сугубымъ впечатлѣніемъ, когда въ будущемъ восполненіи мы вовсе отчаяваемся, а прежде ощущаемое пріятное помнимъ: тогда и тѣло мучится, и душа печальна. Изъ этого видно, что такія удовольствія не чисты, а смѣшанны, и всегда соединены съ нѣкоторымъ чувствомъ скорби (p. 34 C—36 B). Но если удовольствія часто бываютъ не чисты, то многія изъ нихъ естественно должны быть *ложны*. Ложными удовольствія и скорби называются тогда, когда мы радуемся или скорбимъ, не имѣя основанія ни для того ни для другаго, и это случается отъ ложныхъ мнѣній, вызывающихъ радость или печаль; мнѣнія же происходятъ отъ ощущенія и памяти. Для пріобрѣтенія мнѣній прежде всего требуются чувственныя впечатлѣнія, по принятіи которыхъ они тотчасъ составляются. Съ чувственными впечатлѣніями стоитъ въ связи память, и вписываетъ въ наши души рѣчи и сужденія. Если вписываніе бываетъ вѣрно, то раждается истинное мнѣніе и истинная рѣчь; а когда нѣтъ,—произойдутъ ложныя мнѣнія и ложныя сужденія. Къ этому присоединяется и другая способность души—*фантазія*, вносящая въ душу образы представленій и сужденій, которыя тоже могутъ быть иногда истинны, иногда ложны. Эти образы, выражая не только прошедшее и настоящее, но и будущее, вселяютъ въ насъ надежду, съ которою мы проводимъ всю жизнь. Но какъ мнѣнія, такъ и надежды наши часто бываютъ ложны; и отсюда опять происходятъ и ложныя радости, ложныя удовольствія. Пусть мы и въ самомъ дѣлѣ исполнялись бы чувствомъ радости; но какъ скоро мнѣнія наши ложны, надежды безразсудны,—радость пустая, безсодержательная необходимо должна сопровождаться и удовольствіемъ пустымъ, суетнымъ. О всемъ этомъ Сократъ разсуждаетъ до стр. 41 A, и напоминаетъ прекрасное мѣсто Теэтета (p. 187 B sqq.), гдѣ говорится о томъ же предметѣ, также мысли въ Менонѣ (p. 97 A, B), Симпосіонѣ (p. 200 A), Государствѣ (VI, p. 506 C sqq.) и Тимеѣ (p. 37 B sqq.); и во всѣхъ этихъ мѣстахъ Платонъ

вѣренъ самому себѣ. Но будемъ слѣдовать за ученіемъ Сократа о ложныхъ удовольствіяхъ. Ложныя удовольствія, говоритъ Сократъ, происходятъ не изъ однихъ ложныхъ мнѣній; можно указать и на другой источникъ ихъ. Когда предметомъ пожеланій бываютъ впечатлѣнія, противныя тѣмъ, которыми движется самое тѣло, тогда въ одномъ и томъ же человѣкѣ, въ одно и то же время, сходятся удовольствіе и неудовольствіе. Притомъ, какъ то, такъ и другое по природѣ безпредѣльно, поколику принимаетъ въ себя *больше* и *меньше*. Какимъ же образомъ стали бы мы опредѣлять величину того и другаго? Вѣдь въ такомъ случаѣ одни изъ удовольствій и скорбей могутъ показаться больше или меньше, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ; а потому иныя будутъ ложны (p. 41 B—42 C). Есть и третіе начало ложныхъ удовольствій. Если наше тѣло не движется ни въ ту, ни въ другую сторону—ни восполняется опустѣвши, ни опустѣваетъ восполнившись: то въ немъ не должно быть ни удовольствія, ни скорби. Хотя мудрецы и правильно говорятъ, что тѣло наше непрестанно получаетъ впечатлѣнія, однакожъ животныя не чувствуютъ всего, что съ ними бываетъ. Въ насъ не проявляется сознанія возрастанія и состарѣванія. Посему мы обыкновенно чувствуемъ только большія перемѣны, и при этомъ получаемъ или удовольствіе, или неудовольствіе; а умѣренныхъ и малыхъ не чувствуемъ. Отсюда происходятъ три состоянія, въ которыхъ можно находиться: мы или чувствуемъ удовольствіе, или скорбимъ, или не ощущаемъ ничего, ни пріятнаго ни непріятнаго; и однакожъ есть люди, которые одно отсутствіе скорби почитаютъ высшимъ удовольствіемъ,—слѣдовательно, вовсе уничтожаютъ удовольствіе, если не признаютъ его въ себѣ. А отсюда проистекаетъ новый родъ ложнаго удовольствія (p. 42 C—43 D). Этотъ родъ разсматривается такъ, что вмѣстѣ опровергается мнѣніе философовъ, разумѣвшихъ подъ удовольствіемъ предѣлъ скорби. Такими философами, какъ извѣстно, были Антисѳенъ и его послѣдователи; и имъ-то

Платонъ (p. 41 C. D) приписываетъ δυςχέρειάν τινα φύσεως οὐκ ἀγεννοῦς. Природа удовольствія, продолжаетъ Сократъ, особенно очевидною становится при взглядѣ на удовольствія сильнѣйшія. Въ комъ они замѣчаются, въ здоровыхъ или больныхъ,—рѣшишь тотчасъ. Удовольствіе бываетъ тѣмъ выше и сильнѣе, чѣмъ настойчивѣе было предшествующее пожеланіе. Напримѣръ, больные горячкою, или другими подобными болѣзнями, больше жаждутъ, чѣмъ другіе—здоровые. Изъ этого открывается, что сильнѣйшія удовольствія проявляются при какомъ нибудь поврежденіи души и тѣла; такъ что почитать ихъ чѣмъ-то хорошимъ никакъ нельзя. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ надобно разсмотрѣть, чтобы понять, какъ, при всей ихъ силѣ, примѣшиваются къ нимъ скорби. Смѣшанныя удовольствія, о которыхъ теперь говорится, могутъ быть разсматриваемы въ трехъ отношеніяхъ, поколику онѣ возникаютъ или въ душѣ, или въ тѣлѣ, или тамъ и тутъ. Въ тѣлѣ являются они, когда, озябнувъ, мы согрѣваемся, или, страдая чесоткою, чешемся, и т. п.; а это конечно не свободно отъ скорби. Въ душѣ и тѣлѣ бываютъ они, когда, какъ сказано, опустѣвшіе, мы ожидаемъ восполненія. А въ одной душѣ чувствуются они, когда мы движемся гнѣвомъ, ненавистью, ревностью и другими страстями. Все это—выраженія горести; а потому, сколь ни велико было бы соединенное съ такими чувствованіями удовольствіе, они никогда не бываютъ свободны отъ скорби. Тоже и трагическое представленіе возбуждаетъ пріятныя и вмѣстѣ непріятныя ощущенія; не иное дѣйствіе производитъ на душу и комедія. Да и цѣлая жизнь человѣка есть смѣсь пріятнаго съ непріятнымъ (p. 43 D—50 D). Такимъ образомъ, къ удовольствіямъ обыкновенно примѣшиваются скорби: слѣдовательно, они не чисты. Но нѣтъ ли также и удовольствій *чистыхъ?*—Для рѣшенія сего вопроса, говоритъ Сократъ, я долженъ прежнее свое мнѣніе подвергнуть новому пересмотру. Не вѣрю тѣмъ, по понятію которыхъ удовольствіе состоитъ въ прекращеніи скорби, а

только пользуюсь ихъ свидѣтельствомъ, что есть удовольствія мнимыя. Уступаетъ, то есть, Платонъ, что философы, поставлявшіе удовольствіе въ отсутствіи скорби, тоже имѣли въ виду нѣчто справедливое, ибо мыслили объ удовольствіяхъ ложныхъ и смѣшанныхъ: но они не знали, что бываютъ также удовольствія чистыя, не отрицательныя, а положительныя, и теперь онъ указываетъ источникъ ихъ. Одинъ родъ такихъ удовольствій относится, говоритъ, къ вещамъ, подлежащимъ чувствамъ, а другой—къ занятію искусствами и науками. Истинныя удовольствія почерпаются отъ цвѣтовъ и формъ, отъ большей части пріятныхъ запаховъ, звуковъ, и отъ другихъ подобныхъ вещей, которыя, не возбуждая тягостнаго чувства опустѣнія, тѣмъ не менѣе производятъ нравящееся восполненіе. Сюда должны мы отнесть не тѣ звуки, цвѣта, формы, запахи, которые щекочутъ наши чувства и наводятъ на что нибудь другое, а тѣ, которые просты, постоянны и доставляютъ душѣ какъ бы извѣстную пажить знанія. Отъ этихъ, какъ показано въ Симпосіонѣ (p. 210 B sq.), весьма легко восходить къ идеямъ. Удовольствія, получаемыя отъ занятія искусствами и науками, бываютъ чисты тогда, когда къ занятію ими не присоединяется никакая непріятная жажда учиться (p. 50 E—52 B), когда, то есть, наука не приковывается ни къ какой частной цѣли и не ограничивается тѣсными предѣлами, примѣняясь къ насущнымъ потребностямъ жизни, но отъ частнаго восходитъ къ общему, отъ измѣняющагося—къ постоянному, отъ временнаго—къ вѣчному. А какъ это бываетъ, видимъ изъ прекрасныхъ мѣстъ въ Симпосіонѣ (p. 210 B sqq.) и Государствѣ (VI, p. 485 A sqq.; VII, p. 521 D sqq.), которыя проливаютъ весьма много свѣта на это мѣсто Филеба. Мы раздѣлили удовольствія на чистыя и не чистыя, говоритъ далѣе Сократъ;—но теперь надобно указать и на другое различіе между ними. Одни изъ нихъ бываютъ порывистѣе, а другія тише и спокойнѣе: первымъ мы приписываемъ неумѣренность, послѣднимъ—умѣренность. При всей

однакожъ измѣряемости своей, они все-таки должны быть относимы къ роду не предѣльнаго, а безпредѣльнаго; потому что самыя степени ихъ измѣняемости безпредѣльны (р. 52 C—D). Притомъ, надобно еще смотрѣть, чтò есть въ нихъ истиннаго. Къ истинному же относится не великость или множество, а чистота и подлинность. Посему удовольствіе тѣмъ ближе подойдетъ къ истинѣ, чѣмъ будетъ оно чище и свободнѣе отъ скорби (р. 52 E—53 B). Наконецъ, и то нужно замѣтить, что удовольствіе не останавливается на дѣйствительно существующемъ, но находится въ непрестанномъ движеніи, какъ говорятъ и самые друзья удовольствій. А отсюда видно, какъ надобно думать о достоинствѣ удовольствія. Въ природѣ вещей различаются γένεσις и οὐσία, или *бытное* и *сущность*. Γένεσις всегда бываетъ для чего другаго, и къ нему относится; а οὐσία существуетъ само по себѣ и не стремится ни къ чему другому. Но то, для чего раждается другое, раждающееся для другаго, надобно относить къ числу благъ; а то, что существуетъ для другаго и ни самостоятельности, ни цѣли въ себѣ самомъ не имѣетъ, не можетъ почитаться благомъ. Слѣдовательно, удовольствіе, усматриваемое всегда въ движеніи и происхожденіи, не должно быть причисляемо къ благамъ. Люди, приписывающіе все удовольствію, такъ какъ съ рожденіемъ необходимо соединяется разрушеніе, признáютъ дѣломъ самымъ превосходнымъ и изберутъ рожденіе и разрушеніе, а не ту третью жизнь, въ которой нѣтъ ни радости ни скорби (р. 53 C—55 A). Это мѣсто Филеба находится въ ближайшемъ сродствѣ съ разсужденіями Сократа въ Горгіасѣ (р. 491 D, 497 E sqq.). Но излагаемое здѣсь ученіе Платона объ удовольствіи, какъ о бытномъ, περὶ τῆς γενέσεως, опровергаетъ Аристотель (Ethic. Nicom. VII, c. 11—14, и X, 1—5): о свойствѣ и природѣ удовольствія разсуждаетъ онъ очень остроумно, полагая, что удовольствіе въ опредѣленное время не есть κίνησις или γένεσις, но есть явленіе абсолютное,— τὸ τῆς ἡδονῆς εἶδος ἐν ὁτῳοῦν χρόνῳ τέλειον, или τὸ ἥδεσθαι ἐν τῷ νῦν ὅλον τι.

Разсмотрѣвъ формы удовольствія, содержащагося подъ высшимъ родомъ безпредѣльнаго, Сократъ долженъ былъ теперь показать и формы разумности, отнесенной имъ къ роду причины. Разумность, по его мнѣнію, получаетъ свойственный себѣ обликъ въ наукахъ и искусствахъ,—и вотъ каковы его разсужденія объ этомъ предметѣ. Науки и искусства, говоритъ онъ, бываютъ двухъ родовъ. Одни относятся къ необходимымъ потребностямъ жизни и составляютъ τὸ εἶδος δημιουργικόν или χειροτεχνικόν; а другія имѣютъ въ виду образованіе и улучшеніе жизни—τροφὴν καὶ παιδείαν. Изъ тѣхъ работныхъ искусствъ (Сократъ начинаетъ съ низшихъ и постепенно восходитъ къ высшимъ), одни чище, другія не столь чисты, поколику одни болѣе, другія менѣе приближаются къ знанію. Къ наилучшимъ между ними надобно отнесть искусства математическія—*ариѳметику*, *геометрію*, *статику*, которыя суть какъ бы ἡγεμονικαί, потому что безъ нихъ прочія работныя искусства имѣли бы мало твердости и управлялись бы только догадливостію и навыкомъ. Къ худшему роду искусствъ относятся *музыка*, *медицина*, *земледѣліе*, *кораблевожденіе*, *военачальствованіе*,—потому что они не заключаютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго, а основываются на одномъ соображеніи и упражненіи. Но не то слѣдуетъ сказать объ искусствахъ, пользующихся пособіемъ математики. Плотничество, напримѣръ, представляетъ больше точности и ясности, именно потому, что пользуется мѣрами, нормами, правильниками и другими орудіями, взятыми изъ области математики. Поэтому нужно различать два рода искусствъ, разсматриваемыхъ отдѣльно отъ наукъ математическихъ: одни поддерживаются помощью математики, и оттого бываютъ точнѣе и опредѣленнѣе; а другія не прибѣгаютъ къ этой помощи, и оттого водятся догадками и привычкою. Но и математическія науки опять дѣлятся на два рода: математика или останавливается на разсматриваніи предметовъ частныхъ, подлежащихъ чувствамъ, или возвышаетъ умъ къ тому, что постигается только мыслію,

и имѣетъ въ виду сверхчувственныя понятія величины, количества, чиселъ и формъ. Отсюда происходитъ и двоякое употребленіе математики: одно народное, другое философское. Но сколь ни точны, сколь ни близки къ истинѣ науки математическія, однакожъ онѣ не могутъ сравниться съ тою превосходнѣйшею наукою (діалектикою), которая направляется единственно къ созерцанію того, чтò неизмѣнно, всегда постоянно и дѣйствительно существуетъ, и которая потому прочія искусства какъ бы заключаетъ въ своемъ объемѣ, поколику изслѣдываетъ причины и основанія всѣхъ вещей. И вотъ превосходства и важности такой-то науки многіе люди съ умомъ ограниченнымъ не ощущаютъ, но останавливаются на предметахъ чувствопостигаемыхъ, либо на однихъ мнѣніяхъ (p. 55 D—59 D). Это говоритъ философъ о формахъ разумности, выражаемой науками и искусствами. Не трудно замѣтить, что перечисленныя науки и искусства располагаетъ онъ на пяти степеняхъ знанія: первое и высшее мѣсто даетъ діалектикѣ или философіи, которую превозноситъ также въ Государствѣ (VII, p. 531 D sqq.) и Теэтетѣ (p. 176 C); второе—наукамъ чистой математики; третье—наукамъ математики народной (причину этого см. De Rep. VII, p. 522 C sqq., 527 A. B); четвертое—искусствамъ работнымъ, получающимъ точность отъ наукъ математическихъ, а пятое—прочимъ изъ искусствъ работныхъ, математикою не пользующимся. Кому это распредѣленіе показалось бы несправедливымъ, тотъ можетъ сравнить Gorg. p. 451 C sqq., Phaedr. p. 248 E sqq., De Rep. VII, p.530 D sqq.,—и увидитъ, чтò такое философъ имѣлъ тутъ въ виду. Достоинство наукъ онъ опредѣлялъ здѣсь относительною близостію ихъ къ истинѣ; а относительная близость ихъ къ истинѣ должна была указать имъ то или другое мѣсто относительно къ высшему благу человѣка. Изслѣдованіе наукъ и искусствъ у Платона произведено въ совершенной параллели съ изслѣдованіемъ удовольствій. Содержась въ отдѣльныхъ родахъ высшихъ началъ, какъ удоволь-

ствія, такъ и науки, подъ одною формою разумности, сходятся частными своими проявленіями въ третьемъ общемъ началѣ—смѣшенія. Но смѣшанность удовольствій не такова, какъ смѣшанность наукъ и искусствъ: въ первыхъ пріятное смѣшивается съ непріятнымъ или скорбію, а въ послѣднихъ истина входитъ въ смѣсь съ мнѣніями и чувственными представленіями. Тѣ, постепенно облагороживаясь, могутъ войти въ рядъ благъ человѣческой жизни только подъ формою удовольствій чистыхъ; а эти, постепенно оставляя область мнѣній, сближаются съ идеею человѣческаго блага только подъ формою діалектическаго созерцанія неизмѣнной истины.

Такъ какъ формы удовольствій и наукъ, по свойству смѣшивающихся въ нихъ частей, различны, а между тѣмъ надобно, чтобы онѣ составляли одно смѣшеніе и, подъ видомъ одного смѣшенія, входили въ объемъ высшаго человѣческаго блага, ὡς τὰ πολλὰ πρὸς τὸ ἕν; то Сократъ, по разсмотрѣніи формъ удовольствія и знанія, приступаетъ теперь къ смѣшиванію ихъ между собою. Это начинаетъ онъ съ стр. 59 D. E, гдѣ какъ бы указываетъ на готовую уже матерію смѣшенія для образованія счастливой жизни, и потомъ говоритъ: Добро, по природѣ, какъ прежде сказано, заключаетъ въ себѣ ту особенность, что бываетъ довольно самимъ собою и не нуждается ни въ какой другой вещи, тогда какъ ни удовольствіе, ни знаніе не имѣютъ такого свойства. Если это положеніе захотимъ мы удержать и теперь,—а слѣдуетъ,—то надобно какъ бы начертать нѣкоторый образъ блага, чтобы потомъ судить, удовольствію ли, или знанію должны мы дать второе мѣсто. Какъ же начертать его?—Прежнія разсужденія приводятъ насъ къ мысли, что блага надобно искать только въ жизни смѣшанной и размѣренной. А гдѣ благо, тамъ смѣшенію естественно быть прекрасному. Слѣдовательно, смѣшеніе удовольствія и разумности должно быть прекрасное. Но хорошо ли мы сдѣлаемъ, если смѣшаемъ все удовольствіе со всею разумностію?—Это было бы не безопасно. Поступимъ же такъ: зная, что въ разумности

одно не вѣрно, другое вѣрнѣе, и изъ искусствъ одни менѣе точны и отчетливы, другія точнѣе и отчетливѣе, смѣшаемъ сперва вѣрнѣйшее въ нихъ и точнѣйшее,—и будемъ смотрѣть, достаточно ли этого для счастливой жизни. Возьмемъ сперва науку, занимающуюся тѣмъ, чтò не раждается и не погибаетъ, но всегда сохраняетъ свое тожество: явно, что необходимостямъ жизни она не удовлетворитъ. Смѣшно было бы наше состояніе, если бы мы непрестанно созерцали предметы божественные, а о вещахъ человѣческихъ не имѣли бы никакого понятія. Поэтому нужны намъ и науки математическія; да не можемъ мы обойтись и безъ другихъ, напримѣръ, безъ музыки, хотя онѣ водятся догадками и навыкомъ, и не бываютъ свободны отъ примѣси ошибокъ. Впрочемъ и представить нельзя, какой бы вредъ получилъ тотъ, кто зналъ бы всѣ науки и искусства,—лишь бы не чуждался онъ и тѣхъ, которыя отличаются точностью и основательностью (р. 62 D). Обратимъ теперь вниманіе и на удовольствія. И изъ нихъ прежде всего допустимъ истинныя и не заключающія въ себѣ ничего обманчиваго; потому что истинныя удовольствія весьма удобно соединяются съ разумностію. Затѣмъ посмотримъ, можно ли принять и всѣ такъ называемыя необходимыя. Для сужденія объ этомъ, надобно положить въ основаніе мысль о пользѣ и вредѣ: всѣ ли они полезны, или иныя вредятъ? Выдерживаютъ ли они въ этомъ отношеніи сравненіе съ науками и искусствами, которыя, какъ замѣчено, никогда и никому не вредны? Науки и искусства, можетъ быть, и не чуждались бы сообщества удовольствій; но иное дѣло—умъ и разумность: они, кромѣ удовольствій истинныхъ и тѣхъ, которыя сопровождаются здоровьемъ и воздержаніемъ и сами сопутствуютъ добродѣтели, не принимаютъ никакихъ другихъ; потому что удовольствія дурныя и безумныя съ умомъ и разумностію уживаться не могутъ. И такъ, въ сообщество разумности, обнаруживающейся науками и искусствами, такихъ удовольствій допускать нельзя, если хотимъ, чтобы смѣшеніе

ихъ было прекрасно. Но какимъ образомъ сдѣлать его прекраснымъ, чтобы оно подошло подъ идею высшаго блага?— Для рѣшенія этого вопроса, высшее благо должно, такъ сказать, само предпослать разумности и удовольствію гармоническое сочетаніе собственныхъ своихъ признаковъ, чтобы знанія и удовольствія соединялись по немъ какъ по образцу или программѣ, и въ такой смѣси, входя въ сферу высшаго блага, служили содержаніемъ счастливой жизни. Сократъ полагаетъ, что этотъ образецъ, или, говоря собственными его словами, «причина смѣшенія» есть *красота, соразмѣрность и истина.* И если блага нельзя схватить однимъ видомъ и заключить въ одно понятіе, то схватимъ его, говоритъ Сократъ, по крайней мѣрѣ этими тремя, и заключимъ въ эти три формы (p. 64 A—65). Эта глубокая мысль философіи Платона не одинъ разъ встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Философъ хочетъ сказать, что идея блага внутреннимъ своимъ существомъ войти въ міръ явленій не можетъ, и умъ ея сущность постигнуть не въ состояніи. (Прекрасное мѣсто объ этомъ читается въ Государствѣ, VI, p. 505 A sqq. VII, p. 517 C sqq.). Посему, гдѣ ни случается ему прилагать эту идею къ опредѣленію нравственнаго достоинства человѣческой жизни, онъ отнюдь не дерзаетъ произносить ее, какъ нѣчто одно, само въ себѣ абсолютное,— но указываетъ только на признаки, подъ которыми она познается въ природѣ вещей и, примѣнительно къ предмету рѣчи, описываетъ ее различнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, De Rep. VI, p. 508 E: «Это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй идеею блага, причиною знанія и истины». VII, p. 517 C: «На предѣлахъ вѣдѣнія идея блага едва созерцается; но, будучи предметомъ созерцанія, даетъ право умозаключить, что она во всемъ есть причина всего праваго и прекраснаго, въ видимомъ родившая свѣтъ и его господина, а въ мыслимомъ— сама госпожа, дающая истину и умъ, и что желающій быть мудрымъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ долженъ

видѣть ее». (См. Legg. XII, p. 965 C). Посему-то и здѣсь Сократъ не представляетъ самаго ея образа, а только схватываетъ какъ бы внѣшнія ея черты, по которымъ можно было бы судить о нравственной добротѣ удовольствія и разумности и установить смѣшеніе этихъ формъ жизни. Но почему беретъ онъ три признака, и почему именно истину, соразмѣрность и красоту?—Истина, понимаемая здѣсь въ смыслѣ, какъ говорится, объективномъ, а не субъективномъ, въ представленіи блага требуется необходимо, такъ какъ безъ нея ничто не можетъ быть тѣмъ самымъ и такимъ, какимъ что либо должно быть по своей природѣ. Но чтобы предметъ получилъ истинность и былъ такимъ, какимъ долженъ быть по природѣ, то есть, соотвѣтствовалъ своей цѣли, надобно, чтобы и части его находились между собою въ гармоническомъ соотношеніи и не производили возмущенія въ цѣломъ; а это и называется соразмѣрностью. О необходимости τοῦ μετρίου для блага см. Politic. p. 283 D sqq. Изъ соединенія же истины и соразмѣрности естественно выходитъ красота; ибо доброе и совершенное не можетъ не быть прекраснымъ. Tim. p. 87 C: πᾶν δὴ τὸ ἀγαθὸν καλόν, τὸ δὲ καλὸν οὐκ ἄμετρον. Означенные признаки идеи блага постановлены Сократомъ и для того, чтобы по нимъ видно было, разумность ли, или удовольствіе болѣе сродно съ высшимъ благомъ человѣка. Сравнимъ ихъ, говоритъ Сократъ, относительно къ истинѣ: тотчасъ окажется, что удовольствіе въ этомъ отношеніи стоитъ далеко ниже разумности, которая или тожественна съ истиною, или, по крайней мѣрѣ, очень близка къ ней. То же выйдетъ, если будемъ примѣнять къ нимъ соразмѣрность; ибо нѣтъ ничего неумѣреннѣе удовольствія, а разумность обыкновенно украшается мѣрностію. Если же возьмемъ въ расчетъ красоту, то и тутъ преимущество остается на сторонѣ разумности; потому что никто никогда не видывалъ ее ни постыдною ни безобразною, тогда какъ удовольствія, чѣмъ сильнѣе бываютъ они, тѣмъ безобразнѣе (p. 65 A—E). Этимъ оканчи-

ваетъ Сократъ разсмотрѣніе способа, которымъ подвергнутыя анализу формы удовольствія и разумности должны быть подведены подъ высшую посылку силлогизма, чтобы потомъ каждая изъ нихъ, вошедши въ заключеніе, заняла приличное себѣ мѣсто въ ряду предполагаемыхъ благъ человѣческой жизни. Теперь предъ судомъ идеи высшаго блага, требующаго истины, соразмѣрности и красоты въ смѣшеніи благъ, стоятъ уже не просто роды удовольствія и разумности, но многоразличныя формы ихъ, заключающіяся въ тѣхъ родахъ, и ожидаютъ приговора объ относительномъ своемъ достоинствѣ и правѣ участвовать въ устроеніи счастія человѣка.—Что же такое объявляетъ имъ заключеніе?

Въ заключеніи силлогизма и вмѣстѣ діалога первое мѣсто указывается τῷ περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καίριον καὶ πάντα, ὁπόσα τοιαῦτα χρὴ νομίζειν τὴν ἀΐδιον ᾑρῆσθαι φύσιν, то есть, относящемуся къ мѣрѣ, мѣрности и благовременности,—всему, чему приписывается природа вѣчная; на второмъ мѣстѣ поставляется τὸ ξύμμετρον καὶ καλὸν καὶ τὸ τέλεον καὶ ἱκανὸν, καὶ ὁπόσα τῆς γενεᾶς αὖ ταύτης ἐστίν, то есть, соразмѣрное, прекрасное, совершенное, довлѣющее—и все, заключающееся въ этомъ родѣ вещей; третье мѣсто назначается τῷ νῷ καὶ φρονήσει, или уму и разумности; четвертое затѣмъ отводится наукамъ, искусствамъ и правильнымъ мнѣніямъ; на пятое же, наконецъ, отсылаются удовольствія,—и то чистыя, безъ скорби, а прочимъ въ ряду благъ не дается никакого мѣста. Объявивъ такой приговоръ, Сократъ прибавляетъ: «Послушаемъ же, что̀ изъ этого слѣдуетъ. Имѣя въ виду такое заключеніе, я досадовалъ не только на Филеба, но и на многихъ другихъ, почитавшихъ высшимъ благомъ удовольствіе, и думалъ, что умъ и разумность выше его. Потомъ мнѣ пришло на мысль, что есть и еще блага, и если одно изъ нихъ окажется превосходнѣе другаго, то, подвизаясь за умъ, я буду отстаивать въ его пользу противъ удовольствій и второе мѣсто. Затѣмъ открылось, что ни удовольствіе, ни разумность не могутъ удержать за собою имя

совершеннаго блага; потому что ни то ни другое не самодовольно. И мы дѣйствительно нашли нѣчто выше ихъ, и увидѣли, что съ этимъ высшимъ гораздо сроднѣе умъ, чѣмъ удовольствіе. А отсюда и вытекло, что природѣ удовольствія могло быть предоставлено наконецъ только пятое мѣсто,— и это по всей справедливости. Удержать за собою первую степень оно никакъ не можетъ, хотя бы возстали въ его пользу быки, лошади и всѣ другія животныя.» Изложивъ это, Сократъ сказалъ: такъ отпустите ли меня?—Остается еще немногое, отвѣчалъ Протархъ, и ты, вѣроятно, не уйдешь отсюда прежде насъ. Я напомню тебѣ объ остальномъ (р. 66 А—67 С).

Эта послѣдняя часть діалога съ одной стороны имѣетъ, очевидно, важнѣйшее значеніе для правильнаго уразумѣнія и объясненія всего сочиненія, съ другой—представляетъ, по самой своей краткости, много темнаго и спорнаго. Останавливаясь на этомъ мѣстѣ, люди ученые особенно расходились въ своихъ мнѣніяхъ касательно смысла и распредѣленія благъ человѣческой жизни. Мы кратко замѣтили еще въ самомъ началѣ введенія, что въ Филебѣ идетъ рѣчь не о высочайшемъ, послѣднемъ и абсолютномъ благѣ, а скорѣе— о концѣ благъ, къ которому люди должны стремиться. Помня это, мы не придемъ къ мысли, будто Сократъ, когда перечисляетъ онъ блага, простирается за предѣлы человѣческой жизни. Если въ томъ мѣстѣ, гдѣ изслѣдованіе касается высшихъ родовъ, духъ Сократа и возносится къ созерцанію вселенной и самого Бога, то вопросъ и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду тотъ же: что составляетъ превосходство и счастіе человѣка? Какъ скоро, въ самомъ началѣ бесѣды, предложены были относительно сего предмета два мнѣнія, Сократъ тотчасъ же постановляетъ нѣкоторые признаки возможнаго для человѣка высшаго блага, и доказываетъ, что ни разумность безъ удовольствія, ни удовольствіе безъ разумности не должны быть предметомъ нашихъ стремленій, но что жизнь наша должна слагаться изъ того и другаго,

лишь бы только умъ и разумность ограничивали силу непомѣрно раздражающихся удовольствій. Когда же это было доказано, рѣчь немедленно пошла объ оцѣнкѣ спорныхъ благъ. Цѣлью такихъ изслѣдованій могло быть, конечно, не иное что, какъ обсужденіе вопроса: что надобно думать о высшемъ человѣческомъ благѣ,—если не хотимъ придти къ заключенію, что Платонъ забылъ о своемъ намѣреніи и вовсе произвольно вдался въ длинное разсмотрѣніе этого предмета. Но онъ, кажется, самъ опасался, какъ бы его читатели не пришли къ подобной мысли, и потому заставляетъ Сократа съ особенною выразительностію высказать, что онъ разсуждаетъ именно о томъ благѣ, которое въ самомъ дѣлѣ доступно человѣку. «Пусть тотъ и другой изъ насъ, говоритъ Сократъ (р. 11 D), постарается показать такое состояніе и расположеніе души, которое могло бы всѣмъ людямъ доставить жизнь счастливую». Да и въ концѣ бесѣды,—тамъ, гдѣ показывается, чтò надобно поставить на первомъ мѣстѣ,—ясно сказано (р. 66 A): «удовольствіе есть *пріобрѣтеніе* не первое и даже не второе, но первымъ (то-есть *пріобрѣтеніемъ*, κτῆμα) будетъ относящееся къ мѣрѣ, мѣрности и благовременности». Посему даже и то, что въ ряду благъ занимаетъ первое мѣсто, должно быть понимаемо, какъ благо для человѣка удобопріобрѣтаемое, слѣдовательно удобоосуществимое человѣческою жизнію. Это высшее благо, какъ сказано, есть τὸ περὶ μέτρον καὶ τὸ μέτριον καὶ καίριον καὶ πάνθ' ὁπόσα τοιαῦτα χρὴ νομίζειν τὴν ἀΐδιον ᾑρῆσθαι φύσιν. Что разумѣется подъ этимъ?—Отвѣчать не трудно. Этими словами философъ выражаетъ идею абсолютнаго блага, сколько человѣческій умъ можетъ обнять ее и приложить къ благоустроенію жизни. Объ абсолютной идеѣ высшаго блага, какова она сама по себѣ, взятая отдѣльно, мыслить нельзя; потому что человѣческій умъ, согласно съ сужденіемъ самого Платона, какъ мы прежде видѣли, понять и разумѣть ее не въ состояніи. И такъ, хотя идея блага, относящаяся къ области міра умосозерцаемаго, ко-

торый объемлется только Богомъ, и идея высшаго блага, сколько она присуща людямъ, по природѣ есть одна и та же; однакожъ много значитъ, вполнѣ ли и всецѣлую ли постигаетъ ее человѣческій умъ. Платонъ отрицалъ такое постиженіе; потому что видѣлъ безсиліе человѣческой разумности, далеко не имѣющей необходимыхъ условій, чтобы вмѣстить въ себѣ совершенное знаніе вещей божественныхъ. Оттого-то и философію называлъ онъ только любовью мудрости, и цѣлью человѣка поставлялъ, чтобы онъ только уподоблялся Богу, но никакъ не надѣялся сравниться съ Нимъ (Theaet. p. 176 A. B; De Rep. VI, p. 501 B. C; X, p. 613 A). Оттого-то идея блага и получила имя только идеи, что она съ одной стороны управляетъ человѣческою жизнію, а съ другой—предлежитъ созерцанію человѣческаго ума, и по этой причинѣ называется τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως κτῆμα. Такъ какъ эта идея наилучшей жизни, живущая въ душѣ и тожественная съ образомъ высшаго блага, но не вполнѣ понимаемая умомъ, показываетъ намъ, въ чемъ состоитъ совершенство и счастіе всей нашей жизни, то она одна должна быть почитаема причиною и устроительницею нашего счастія. Какъ Богъ весь этотъ міръ образовалъ по образцу идеи блага, и самъ есть источникъ, причина и вмѣстѣ образъ всякаго совершенства вещей происшедшихъ: такъ и совершенство человѣческой жизни будетъ осуществляться тогда, когда человѣкъ станетъ созерцать идею блага и съ ея законами согласовать свою дѣятельность. Дѣйствуя такъ, онъ будетъ стремиться къ предустановленной для него цѣли, то есть, уподобляться Богу. И такъ, мы, кажется, не погрѣшимъ, если положимъ, что та же самая идея, относимая къ жизни человѣка, есть вмѣстѣ и τὸ αἴτιον всякаго ея совершенства, и τὸ μέγιστον κτῆμα, какое только могло достаться въ удѣлъ смертнымъ.

Переходимъ къ другому по степени благу, которое Платонъ называетъ τὸ ξύμμετρον καὶ καλὸν καὶ τὸ τέλεον καὶ ἱκανὸν καὶ πάνθ' ὁπόσα τῆς γενεᾶς αὖ ταύτης ἐστίν. По нашему мнѣ-

нію, различіе между этимъ благомъ и предъидущимъ должно ясно представляться каждому. Прежними выраженіями указывалось на причину и начало всякой нравственно-доброй жизни; а этими означается, безъ сомнѣнія, то, что̀ силою и могуществомъ дѣйствующей причины производится на самомъ дѣлѣ, и становится прекраснымъ, стройнымъ, совершеннымъ и довлѣющимъ. Что же это такое въ мірѣ явленій?—Это, очевидно, есть совершенство, а слѣдовательно—и счастіе человѣческой жизни, развитой по идеѣ высшаго блага, къ которой, какъ къ цѣли, стремятся всѣ, кому дорого высшее благо. Здѣсь мы имѣемъ τὸ ξυμμεμιγμένον, какъ выше имѣли τὸ αἴτιον; здѣсь открывается предъ нами τὰ πολλά, какъ выше мы видѣли τὸ ἕν. Но это τὰ πολλά организовано по идеѣ τοῦ ἑνός, или высшаго блага,—и составляетъ гармонію жизни. Отсюда понятно, почему второстепенное благо называется τὸ ξύμμετρον καὶ καλόν. Равно понятенъ смыслъ и слѣдующихъ за этими словъ—τὸ τέλεον καὶ ἱκανόν: это—несомнѣнные признаки жизни совершенно счастливой и для всѣхъ вожделѣнной (p. 20 B). Штальбомъ различаетъ блага первыхъ двухъ степеней, какъ τὸ ἓν ideale и τὸ ἓν reale. Съ точки зрѣнія германской философіи послѣдняго времени, это дѣленіе обыкновенное: но оно, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, такъ и въ настоящемъ, представляется намъ неточнымъ и съ воззрѣніемъ Платона несогласнымъ. Платонъ никогда не отличалъ, да и не слѣдуетъ отличать, идеальнаго отъ реальнаго; потому что все идеальное реально и все реальное идеально. Отнимите отъ идеи реальность,—идея сдѣлается не больше, какъ отвлеченнымъ понятіемъ. Отнимите опять отъ реальности идею,—реальное превратится въ предметъ чувственнаго воззрѣнія, въ матерію. Слѣдуя взгляду Платона, на отношеніе благъ первой и второй степени надобно смотрѣть какъ на отношеніе предмета умосозерцаемаго, ноумена, къ предмету, перешедшему въ міръ явленій, феномену. И жизнь, развитая по идеѣ высшаго блага, дѣйствительно, есть не иное что, какъ перешедшая въ

явленіе идея. Формы нравственно доброй жизни—это плоть и кровь идеи: чрезъ эти формы и въ нихъ самихъ она выходитъ наружу, не переставая въ то же время жить въ самой себѣ и быть реальнымъ предметомъ умственнаго созерцанія.

Затѣмъ распредѣленіе благъ на степеняхъ третьей, четвертой и пятой не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, и показанное нами значеніе блага на каждой степени подтверждается авторитетомъ древней критики Платонова Филеба. Такъ, мы читаемъ у Стобея (Eclogg. Ethic. I, p. 85, ed. Heeren): πρῶτον μὲν γὰρ τἀγαθὸν τὴν ἰδέαν αὐτὴν ἀποφαίνεται, ὅπερ ἐστὶ θεῖον καὶ χωριστόν· δεύτερον δὲ τὸ ἐκ φρονήσεως καὶ ἡδονῆς συνθετόν, ὅπερ ἐνίοις δοκεῖ κατ' αὐτὸ εἶναι τέλος τῆς ἀνθρωπίνου ζωῆς· τρίτον αὐτὴν καθ' αὐτὴν τὴν φρόνησιν· τέταρτον τὸ ἐκ τῶν ἐπιστημῶν καὶ τεχνῶν συνθετόν· πέμπτον αὐτὴν καθ' αὐτὴν τὴν ἡδονήν. Съ этимъ не безполезно также сравнить разсужденія Плотина въ Эннеадѣ (I, 6. 7; VI, 7), гдѣ говорится о благѣ и различныхъ его видахъ. Но, положивъ пять степеней блага человѣческой жизни и къ пятой отнесши удовольствія только чистыя, что могъ сказать Платонъ о прочихъ удовольствіяхъ? Были критики, относившіе ихъ къ шестой степени благъ. Это въ послѣднее время утверждалъ Штейнгардтъ (Meletematt. Plotin. p. 14) и удивлялся, какъ другіе не замѣтили, что философъ распредѣлялъ блага не по пяти, а по шести степенямъ. Но у Платона мысль была вовсе не та. На вызовъ Протарха напомнить Сократу объ удовольствіяхъ не чистыхъ, Сократъ замолчалъ и кончилъ бесѣду, показывая своимъ молчаніемъ, что удовольствія не чистыя не заслуживаютъ имени благъ, и по тому не должны входить въ программу счастливой жизни. Да и могъ ли этотъ философъ дать имъ мѣсто между благами, не противорѣча самому себѣ? По его понятію, не чистыя удовольствія возмущаютъ гармонію совершеннаго счастія, или правильный строй нравственно-доброй жизни,—слѣдовательно, никакъ не могутъ совмѣщаться и соединяться съ прочими благами. Они не

сообразны ни съ однимъ изъ тѣхъ признаковъ, которыми опредѣляется гармоническое сочетаніе жизненныхъ формъ, подводимыхъ подъ идею высшаго блага: въ нихъ нѣтъ ни истинности, ни соразмѣрности, ни красоты, которыми условливается жизнь счастливая. Платонъ τὸ ἄπειρον удовольствій настолько лишь допускалъ въ человѣческой жизни, насколько могло оно подчиняться полагаемымъ силою ума предѣламъ. И такой взглядъ на удовольствія не чистыя совершенно согласенъ съ характеромъ и направленіемъ всей философіи Платона.

Если же наше мнѣніе о значеніи Сократова молчанія на предложеніе Протарха и о причинѣ внезапнаго перерыва бесѣды, тогда какъ контекстъ требовалъ бы, по видимому, ея продолженія, должно быть признано справедливымъ; то, конечно, несправедлива будетъ догадка, будто Филебъ есть сочиненіе не конченное, или будто его окончаніе не дошло до насъ. Мы полагаемъ, что никакъ нельзя согласиться съ Астомъ, когда онъ, имѣя въ виду начало діалога, а еще больше конецъ его, утверждаетъ (De vita et scriptis Platonis p. 293 sq.), что Филебъ, въ ряду Платоновыхъ діалоговъ, есть только одна часть задуманнаго Платономъ большаго сочиненія, котораго другія части или не были написаны, или въ послѣдующія времена утратились,—хотя свое мнѣніе Астъ нѣсколько подкрѣпляетъ и тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ Филеба (p. 50 D) Сократъ говоритъ: «во всемъ этомъ я намѣренъ дать тебѣ отчетъ завтра». Мы полагаемъ, говорю, что это несправедливо; потому что изъ древности не дошло до насъ ни одного свидѣтельства, которымъ указывалось бы на какія нибудь Платоновы сочиненія, какъ на дополнительныя части Филеба. А приведенныя Астомъ слова Сократа значатъ вовсе не то, чего онъ хочетъ. Сказавъ, что о нѣкоторыхъ вещахъ будетъ данъ отчетъ завтра, философъ выразилъ этимъ только свое желаніе, при такомъ обиліи предметовъ, требующихъ изслѣдованія, избѣжать околичностей, непосредственно къ дѣлу

не относящихся. И такіе обороты въ Филебѣ встрѣтишь не одинъ разъ. Сюда относятся, напр., тѣ мѣста, гдѣ представляется, будто Сократъ спѣшитъ и проситъ собесѣдниковъ, чтобы они отпустили его, если онъ выполнитъ свое обѣщаніе (см. p. 19 D. E; p. 23 B; p. 50 D).

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ, ПРОТАРХЪ и ФИЛЕБЪ.

Сокр. Смотри-ка, Протархъ, что̀ намѣренъ ты теперь говорить за Филеба, и противъ какого нашего [1] положенія 11.
хочешь спорить, если оно высказано не по твоимъ мыслямъ. B.
Угодно ли, мы кратко представимъ мнѣнія обѣихъ сторонъ?

Прот. Безъ сомнѣнія, угодно.

Сокр. Филебъ добромъ [2] для всего живущаго почитаетъ разгулъ, удовольствіе, наслажденіе и все, что согласно съ этимъ родомъ; а мы споримъ съ нимъ,—не это, говоримъ, но умствовать, мыслить, помнить и сродное съ тѣмъ, также правильное мнѣніе и истинныя умозаключенія,—вотъ

---

[1] Противъ какого нашего положенія, πρὸς τίνα τὸν παρ' ἡμῖν (λόγον). Выраженіе: ὁ παρ' ἡμῖν λόγος должно быть отличаемо отъ выраженія: ὁ παρ' ἡμῶν λόγος. Ὁ λόγος παρ' ἡμῶν есть мнѣніе, повторяемое у насъ; а ὁ λόγος παρ' ἡμῖν есть такое положеніе, которое принимается и защищается нами. См. ниже p. 20 A: τὰ νῦν ἀμφισφητούμενα παρ' ἡμῖν. De Rep. IV, p. 435 A: καὶ φανερὰν γενομένην (τὴν δικαιοσύνην) βεβαιωσαίμεθ' ἂν παρ' ἡμῖν αὐτοῖς.

[2] Здѣсь говорится, очевидно, о высочайшемъ благѣ, въ которомъ должно состоять счастіе человѣка, хотя Платоново выраженіе: ἀγαθὸν εἶναί φησι τὸ χαίρειν κ. τ. λ. и не совсѣмъ ясно указываетъ на это, потому что ἀγαθὸν стоитъ въ немъ безъ члена. Не все равно—сказать: εἶναι τὴν ἡδονὴν ἀγαθόν, и εἶναι τὴν ἡδονὴν τὸ ἀγαθόν. Aristot. Analytic. Prior. L. 1, c. 40, p. 49, ed. Bekker. Но Платонъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ опускаетъ членъ. Phaedon. p. 76 D, 77 A; De Rep. VI, p. 506 C; Hipp. M. p. 293 E.

C. что лучше и превосходнѣе удовольствія во всемъ, что кому доступно; и пріобрѣтать это, кто можетъ,—значитъ пріобрѣтать самое полезное, какъ для нынѣшнихъ людей, такъ и для будущихъ. Не то ли, думаю, Филебъ, говорили оба мы?

Фил. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. Такъ принимаешь ли, Протархъ, положеніе, какое теперь даютъ [1]?

Прот. Необходимо принять; потому что прекрасный Филебъ у насъ отсталъ.

Сокр. Однакожъ это дѣло надобно всячески довести до правды.

D. *Прот*. Конечно, надобно.

Сокр. Давай же, кромѣ того, согласимся и въ этомъ.

Прот. Въ чемъ?

Сокр. Пусть тотъ и другой изъ насъ постарается показать такое состояніе и расположеніе души, которое могло бы всѣмъ людямъ доставить жизнь счастливую. Не такъ ли?

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Стало быть, вы покажете веселое, а мы—мыслящее?

Прот. Слѣдуетъ.

Сокр. Но чтò, если представится иное—превосходнѣе этихъ? И когда тò иное окажется сроднѣе съ удовольствіемъ,
E. не будемъ ли, думаю, оба мы ниже той жизни, которая близко держится этого иного, и тогда жизнь, преданная удо-
12. вольствію, не станетъ ли выше жизни мыслящей?

Прот. Да.

Сокр. А какъ скоро она будетъ сроднѣе съ разумностію,—разумность станетъ выше удовольствія, удовольствіе же—ниже? Такъ ли мы условимся въ этомъ, или какъ?

---

[1] Образъ выраженія здѣсь объясняется пословицею: δέχεσθαι τὰ διδόμενα ἀνάγκη. См. Gorg. p. 499 C. Выражаетъ ее и Цицеронъ (Epist. Famil. 1, 1, 5): quod dat, accipimus.

Прот. Мнѣ-то нравится такое условіе.

Сокр. А Филебу какъ? Ты что скажешь?

Фил. Мнѣ нравится и будетъ нравиться, чтобы выше стояло непремѣнно удовольствіе: а ты, Протархъ, самъ узнаешь.

Прот. Но, передавъ намъ вести рѣчь, ты уже не въ правѣ, Филебъ, ни соглашаться съ Сократомъ, ни противорѣчить ему.

Фил. Правда: поэтому я чистъ теперь предъ богинею и свидѣтельствуюсь ею самою. B.

Прот. Въ томъ-то и мы—твои свидѣтели: ты дѣйствительно говорилъ, что говоришь; а что̀ далѣе будетъ слѣдовать, Сократъ, это мы постараемся довести до конца вмѣстѣ съ Филебомъ,—будетъ ли на то его воля, или какъ ему угодно.

Сокр. Надобно постараться, начавъ съ самой-таки богини, которая, говоритъ Филебъ, называется Афродитою, тогда какъ истинное имя ей—удовольствіе [1].

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Всегдашнее мое благоговѣніе, Протархъ, предъ име- C.
нами боговъ—не таково, какъ предъ человѣческими, но выше величайшаго страха. Я и теперь называю ее такъ, какъ ей нравится,—Афродитою: однакожъ знаю, что удовольствіе разнообразно, и, какъ сказалъ, отъ него должны мы начать свое разсужденіе и изслѣдовать, какова природа Афродиты. Слухъ таковъ, что она есть нѣчто просто единое, однакожъ принимаетъ различные, одинъ на другой какъ-то непохожіе образы. Вѣдь вотъ мы говоримъ: чувствуетъ удовольствіе человѣкъ развратный, чувствуетъ удовольствіе D.

---

[1] Цѣль этого, сдѣланнаго Сократомъ, замѣчанія состоитъ въ томъ, чтобы устранить опору Филеба на авторитетъ божественный. Филебъ поставляетъ удовольствіе подъ покровительство богини Афродиты; а Сократъ какъ бы такъ говоритъ: не спѣши, Филебъ, называть свою богиню Афродитою; истинное ея имя—удовольствіе; а удовольствіе сто̀итъ ли имени богини—это надобно еще изслѣдовать.

и разсудительный—отъ самой разсудительности; чувствуетъ удовольствіе и несмысленный, полный безумныхъ мнѣній и надеждъ, чувствуетъ удовольствіе и мыслящій—отъ самаго мышленія. И кто тѣ и другія изъ удовольствій счелъ бы какъ-то похожими одни на другія, тотъ не по справедливости ли показался бы безумнымъ?

Прот. Эти удовольствія, Сократъ, происходятъ, конечно, отъ противныхъ вещей; но сами-то они не противны одно
E. другому [1]. Да и какъ могло бы быть не наиподобнѣйшимъ во всемъ существующемъ—удовольствіе удовольствію, само себѣ?

Сокр. Тогда совершенно уподоблялся бы и цвѣтъ цвѣту, почтеннѣйшій: съ этой-то стороны не будетъ различія, все—цвѣтъ; а между тѣмъ всѣ мы знаемъ, что черное и бѣлое не только различны, но и противоположны. Точно также и фигура подобна фигурѣ. По роду все—одно, а части
13. бываютъ то совершенно противоположны, то до крайности различны. Въ такомъ же отношеніи найдемъ и многое другое. Поэтому не вѣрь тому ученію, которое всѣ противоположности приводитъ къ единству. Боюсь, какъ бы не встрѣтить намъ удовольствій, противныхъ удовольствіямъ.

Прот. Можетъ быть; но какой же отъ того будетъ вредъ для нашего разсужденія?

Сокр. Тотъ, что вещи неподобныя, скажемъ, ты называешь другимъ [2] именемъ. Ты говоришь вѣдь, что все то

---

[1] Во всемъ этомъ мѣстѣ живо бросается въ глаза то, что Протархъ, упуская изъ виду реальныя видовыя разницы удовольствій, крѣпко держится родоваго, чисто формальнаго или логическаго понятія объ удовольствіи, и подъ этою отвлеченною формою старается представлять его, какъ одно. Явно, что такой односторонній образъ воззрѣнія противоположенъ другому, столь же одностороннему воззрѣнію нѣкоторыхъ софистовъ, совершенно отвергавшихъ значеніе общихъ или родовыхъ понятій и приходившихъ оттого къ нелѣпымъ заключеніямъ.

[2] Называешь другимъ именемъ, προςαγορεύεις ἑτέρῳ ὀνόματι. Слово ἑτέρῳ здѣсь затемняетъ смыслъ и наводитъ тѣнь противорѣчія; потому что вещь,

добро, что пріятно, и никакое разсужденіе не усомнится, B.
что пріятное не непріятно: но между пріятностями, какъ мы говоримъ, есть много и добраго и злаго; а у тебя всѣ онѣ называются добромъ, хотя, если бы кто захотѣлъ довести тебя своимъ изслѣдованіемъ, ты согласился бы, что онѣ не сходны между собою. Такъ что же тожественное находится и въ худыхъ удовольствіяхъ и въ добрыхъ, въ отношеніи къ чему всѣ удовольствія называешь ты добромъ?

Прот. Какъ ты говоришь, Сократъ? Неужели кто нибудь, положивъ, что удовольствіе есть добро, уступитъ тебѣ и приметъ твое мнѣніе, что одни удовольствія хороши, а C.
другія изъ нихъ нехороши?

Сокр. Но вѣдь ты называешь ихъ взаимно неподобными, а нѣкоторыя и противными?

Прот. Только не какъ удовольствія.

Сокр. Мы опять возвращаемся къ прежнему, Протархъ. Стало быть, удовольствіе не отличается отъ удовольствія, но всѣ они, скажемъ, подобны, и высказанные теперь примѣры не портятъ нашей рѣчи; мы будемъ дѣлать новыя усилія и говорить, какъ люди самые плохіе и въ собесѣ- D.
дованіи новички.

Прот. Что же это говоришь ты?

Сокр. То, что если, подражая тебѣ и защищаясь, я осмѣлюсь утверждать, что самое неподобное самому неподобному изъ всего—подобно, то буду утверждать одно съ то-

---

неподобную другой вещи, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ называвать ἑτέρῳ ὀνόματι, между тѣмъ какъ Сократъ укоряетъ за это Протарха. Поэтому Grou предъ προσαγορεύεις поставляетъ οὐ—частицу отрицательную; Гейндорфъ (Specim. Crit. p. 20), вмѣсто ἑτέρῳ, совѣтуетъ писать ἑνί γέ τῳ, т. е. одним ъ какимъ нибудь именемъ; другіе стараются поправить дѣло иначе. Но мнѣ кажется, тутъ нѣтъ никакой надобности въ поправкѣ. Сократъ говоритъ такъ: «это различіе удовольствій повредитъ нашему разсужденію тѣмъ, что явленія, взаимно непохожія и противныя, ты называешь инымъ именемъ, чѣмъ какимъ слѣдовало, чѣмъ какое соотвѣтствуетъ несходству ихъ; потому что всѣмъ имъ даешь общее имя благъ. Такъ какъ изъ удовольствій одни хороши, а другія нехороши, то явно, что всѣ ихъ нельзя назвать добрыми; потому что это прямо противорѣчитъ логическому мышленію».

бою, и мы окажемся моложе, чѣмъ слѣдуетъ, а рѣчь наша сорвется [1] у насъ и убѣжитъ. Поэтому пригонимъ ее снова, и, возвративъ на прежній путь, авось какъ нибудь сойдемся другъ съ другомъ.

E. *Прот.* Скажи, какъ?

Сокр. Представь, Протархъ, что ты опять спросилъ меня.

Прот. О чемъ?

Сокр. Мышленіе, знаніе, умъ и все, что сначала я полагалъ какъ добро, когда ты спрашивалъ меня о добрѣ, не потерпятъ ли того же самаго, что потерпѣло твое слово?

Прот. Какъ это?

Сокр. Знанія, взятыя вмѣстѣ, покажутся многими, и нѣкоторыя изъ нихъ—взаимно неподобными. Но если бы иныя
14. представились и противными,—стоилъ ли бы я того, чтобъ теперь разговаривать, когда бы, испугавшись, сталъ утверждать, что нѣтъ никакого знанія, неподобнаго другому знанію? Вѣдь тогда наше разсужденіе исчезло бы отъ насъ, какъ сказка [2], и мы нашли бы свое спасеніе въ какой-то несмысленности.

Прот. Но этого не должно быть; не надо такого спасенія. Мнѣ нравится равенство твоего и моего положенія: пусть

---

[1] Сорвется у насъ и убѣжитъ, ἐκπεσὼν οἰχήσεται,—выраженіе метафорическое, взятое отъ кораблей, когда они во время бури срываются съ якоря или причала и ударяются о берегъ, либо о подводный камень. Legg. IX, p. 866 C: ἂν μὲν κατὰ θάλατταν ἐκπίπτῃ πρὸς τὴν χώραν. Thucyd. II, 92: ἐξέπεσεν ἐς τὸν Ναυκακτίων λιμένα. Отсюда стоящій далѣе глаголъ ἀνακρούεσθαι значитъ—возвращать судно назадъ посредствомъ гребли. Valken, ad Herodot. VIII, 84. Beck. ad Aristoph. Avv. p. 67.

[2] Разсужденіе исчезло бы, какъ сказка. Выраженіе ὁ μῦθος οἴχεται, ὁ μῦθος ἀπώλετο, и противное—ὁ μῦθος ἐσώθη, имѣло у грековъ силу пословицы. Происхожденіе этой фразы показываетъ Photius, p. 279. I: μῦθος ἐσώθη—ἐπίῤῥημά ἐστι λεγόμενον ἐπ' ἐσχάτῳ τοῖς λεγομένοις μύθοις τοῖς παιδίοις. Въ этомъ смыслѣ весьма кстати употребилъ ее Платонъ De Rep. X, p. 621 D: μῦθος ἐσώθη καὶ οὐκ ἀπώλετο καὶ ἡμᾶς ἂν σώσειεν, ἂν πειθώμεθα αὐτῷ. Legg. I, p. 645 B. Эта пословица употребляется и въ томъ случаѣ, когда какой нибудь разсказъ прерывается и не доводится до конца. Theaet. p. 164 D: καὶ οὕτω δὴ μῦθος ἀπώλετο ὁ Πρωταγόρειος καὶ ὁ σὸς ἅμα. Euthyd. p. 68 D.

будетъ много неподобныхъ удовольствій и много различныхъ знаній.

Сокр. Такъ это различіе добра твоего и моего, Протархъ, мы не осмѣлимся скрывать, но покажемъ на свѣтъ, чтобы, обличенныя, они показали: добромъ слѣдуетъ ли назвать удовольствіе, или разумность, или что нибудь иное —третіе. Вѣдь теперь мы ревнуемъ, вѣроятно, не о томъ, какъ бы доставить побѣду тому, что̀ полагаю я, или тому, что̀ утверждаешь ты; но оба стараемся помочь положенію истиннѣйшему. B.

Прот. Да и надобно.

Сокр. Утвердимъ же еще больше это свое слово согласіемъ. C.

Прот. Какое слово?

Сокр. То, чрезъ которое всѣ люди, волею неволею, иногда наживаютъ себѣ много хлопотъ.

Прот. Говори яснѣе.

Сокр. То, которое теперь случайно вспало мнѣ на языкъ, но природу имѣетъ удивительную: многое, видишь, есть одно, а одно—и сказать чудно—есть многое; и положи то ли, другое ли изъ этого,—легко впадешь въ недоумѣніе.

Прот. Неужели скажешь, что кто назвалъ бы меня Протархомъ, который по природѣ одинъ, тотъ нашелъ бы во мнѣ многихъ, и даже взаимно противныхъ; одного и того же призналъ бы большимъ и малымъ, тяжелымъ и легкимъ [1], и такъ безъ числа? D.

Сокр. Ты, Протархъ, высказалъ все, что распространено въ народѣ чудеснаго объ одномъ и многомъ, и относительно чего, почитай, вообще принято—не касаться этого предмета, такъ какъ онъ—дѣтская забава, пища легкомыслія, и представляетъ важныя затрудненія въ собесѣдованіи. Да не хотятъ касаться и слѣдующаго: кто разобралъ своимъ словомъ члены и части какого бы то ни было человѣка и до- E.

---

[1] Эту самую мысль философъ подробнѣе раскрываетъ въ Парменидѣ (p. 129 A. B. C) и Софистѣ (p. 251 A sqq. et C).

зналъ что все это—одно, тотъ начинаетъ смѣяться надъ нимъ и обличать его, будто онъ долженъ казаться чудовищемъ, будто въ немъ одно является какъ многое и безпредѣльное, а многое—только какъ одно.

Прот. Но ты-то, Сократъ, что же иное говоришь, какъ не принятое и распространившееся въ народѣ касательно того же предмета?

15. *Сокр*. Я смотрю на этотъ предметъ, сынъ мой, когда одно прилагается не къ раждающемуся и погибающему [1], какъ мы недавно говорили. Вѣдь по направленію туда [2] такое одно, сказали мы теперь, принято не порицать; а когда берутся полагать одного человѣка, одного вола, одну красоту, одно добро [3],—тогда относительно этихъ и подобныхъ единицъ великое усиліе различать производитъ споръ.

---

[1] Отвѣчая на попытку защитить удовольствіе вообще, каково бы оно ни было и отъ чего бы ни происходило, Сократъ постепенно вводитъ своего собесѣдника въ теорію идей, представляя ему, что при одномъ всегда необходимо имѣть въ виду многое, равно какъ при многомъ необходимо мыслить одно. Τὸ ἓν εἶναι πολλὰ, καὶ τὰ πολλὰ ἓν—есть нѣчто важное и великое, говоритъ Сократъ, если понимается не какъ дѣтская игрушка, вредящая серьезному и глубокому изслѣдованію, и прилагается не къ вещамъ, подлежащимъ чувству, а къ внутреннимъ формамъ или идеямъ вещей, которыя всегда тожественны и неизмѣнны. Это τὸ ἓν καὶ τὰ πολλά, созерцаемое только въ мірѣ чувственномъ, возбуждаетъ множество недоумѣній и противорѣчій; а разсматриваемое въ самомъ существѣ бытія, открываетъ вѣчный и неизсякаемый источникъ истины.

[2] То есть, къ міру вещей, подлежащихъ чувствамъ. Въ отношеніи къ предметамъ опыта принято не порицать, когда кто извѣстное недѣлимое называетъ однимъ, хотя въ этомъ одномъ заключается и многое.

[3] Разумѣется идея человѣка, животнаго, красоты, добра,—τὸ ὅ ἐστι ἕν, Parmen. p. 129 B. Эти идеи, такъ какъ онѣ неизмѣнны и всегда равны самимъ себѣ, правильно изъемлются изъ ряда вещей раждающихся, и получаютъ имя τῶν ἑνάδων. Но представлять ихъ сами въ себѣ почти невозможно; созерцаніе ихъ какъ-то необходимо прививается къ законамъ дискурсивнаго мышленія,—и разсудокъ въ одномъ начинаетъ различать многое, а отсюда происходитъ споръ. И такъ, споровъ не бываетъ тогда, когда люди водятся одними чувствами; потому что въ этомъ случаѣ нѣтъ вопроса объ истинѣ, или, лучше сказать, въ этомъ случаѣ истина у всякаго своя. Не спорятъ также люди, когда живутъ и дѣйствуютъ въ области идеи или въ мірѣ ноуменовъ; потому что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ истины, и истина эта есть общее достояніе всѣхъ. Споръ возникаетъ только тогда, когда идея и представленіе чувства встрѣчаются въ разсудкѣ и извѣстный предметъ вносятъ въ сознаніе, какъ одно и многое. Это-то значитъ ἡ πολλὴ σπουδὴ μετὰ διαιρέσεως καὶ ἡ περὶ τῶν διαιρουμένων ἀμφισβήτησις.

Прот. Какимъ образомъ?

Сокр. Во первыхъ, должно ли принимать какія нибудь та- B.
кія, дѣйствительно существующія единицы? Потомъ, какъ опять каждая единица всегда—та же самая, не принимаетъ ни рожденія, ни уничтоженія, но постоянно остается этою единицею? Затѣмъ, полагать ли, что въ раждающемся и безпредѣльномъ она разсѣялась и сдѣлалась многимъ, или—видѣть ее всюду всю, кромѣ себя [1],—что̀, кажется, всего менѣе возможно: какъ то же и одно вмѣстѣ будетъ и въ одномъ и
во многомъ! Такъ вотъ такіе-то вопросы объ одномъ и C.
многомъ, а не тѣ, Протархъ, бываютъ причинами всякихъ затрудненій, если рѣшаются нехорошо, и причинами всякаго успѣха—если хорошо.

Прот. Почему же намъ, Сократъ, не потрудиться теперь разрѣшить это прежде всего?

Сокр. И я тоже сказалъ бы.

Прот. Да и всѣ мы, почитай, соглашаемся съ тобою въ этомъ отношеніи. Развѣ, можетъ быть, не тревожить теперь вопросами только спокойно улегшагося могучаго Филеба [2]?

Сокр. Пусть такъ. Съ чего же начать бы намъ свою много- D.
стороннюю и, по недоумѣніямъ, разнообразную борьбу? Не съ этого ли?

---

[1] Видѣть ее всюду всю кромѣ себя. Третій образъ предполагаемаго существованія идеи Сократъ представляетъ такъ, что идея, можетъ быть, выступаетъ сама изъ себя и какъ бы повторяется или воспроизводится въ безчисленныхъ недѣлимыхъ, какъ впослѣдствіи объясняли происхожденіе душъ per traducem. См. Parmenid. p. 130 A sqq. Но такое представленіе Сократу напередъ уже не нравится.

[2] Не тревожить вопросами спокойно улегшагося могучаго Филеба. Φίληβος называется здѣсь κράτιστος, конечно, потому, что онъ упорно стоялъ за достоинство удовольствій. А выраженіе—μὴ κινεῖν εὖ κείμενον Φίληβον, очевидно, есть принаровленная къ Филебу греческая пословица: μὴ κινεῖν κακὸν εὖ κείμενον,—и въ этомъ смыслѣ сильно затрогиваетъ защитника удовольствій, потому что она совѣтуетъ обходить грязь, чтобы не запачкаться. Свида эту пословицу объясняетъ такъ: μὴ κινεῖν κακὸν εὖ κείμενον· ἐπὶ τῶν ἑαυτοῖς ἐξ ἀγνοίας πράγματα ἐγειρόντων. А Апостолій (XII, 95) опредѣляетъ ея значеніе нѣсколько иначе: μὴ κίνει κακὸν εὖ κείμενον. ἐπὶ τῶν παρακινούντων τινὰ ἐπὶ σφετέρᾳ βλάβῃ.

Прот. Съ чего?

Сокр. Мы, вѣроятно, говоримъ, что одно и многое, тоже-
ственно выражаемое словами, входитъ во все, въ каждую про-
износимую вещь,—входитъ всегда, и прежде и теперь. И
оно какъ никогда не прекратится, такъ не началось и нынѣ;
оно, мнѣ кажется, таково, что, по самому выраженію, есть
какое-то безсмертное и несостарѣвающееся въ насъ свой-
ство. Всякій только что ощутившій это юноша радуется, буд-
E. то найденному имъ какому сокровищу мудрости, отъ удо-
вольствія приходитъ въ восторгъ и весело направляетъ всѣ
усилія либо къ тому, чтобы перебѣгать туда и сюда и
все собирать въ одно, либо къ тому опять, чтобы все раз-
вивать и раздѣлять, и такимъ образомъ приводитъ въ за-
16. трудненіе сперва особенно самого себя, а потомъ и ближня-
го,—юноша ли то будетъ, старецъ, или сверстникъ,—не
щадя ни отца, ни матери и никого изъ слушателей,—не
щадя почти и другихъ животныхъ, не только людей; тутъ
нѣтъ пощады и никакому варвару, если только нужно от-
куда нибудь достать истолкователя.

Прот. Но не видишь ли, Сократъ, что насъ много и что всѣ мы молоды? Неужели же не боишься, какъ бы мы вмѣстѣ съ Филебомъ не напали на тебя съобща, когда будешь бранить насъ [1]? Впрочемъ, если есть способъ, позволяющій

---

[1] Здѣсь съ перваго взгляда не замѣтна связь словъ Протарха съ высказанными Сократомъ мыслями о важномъ значеніи *τȣ̃ ἑνὸς καὶ τȣ̃ πολλȣ̃* въ жизни всѣхъ людей и всего существующаго. Чѣмъ въ этихъ словахъ могла быть возбуждена иронія Сократова собесѣдника, угрожающая сыну Софронискову насиліемъ? Что въ нихъ показалось Протарху бранью?—Извѣстно, что современнымъ Платону софистамъ очень много помогало въ составленіи софизмовъ это самое соединеніе *τοῦ ἑνὸς καὶ τοῦ πολλοῦ* въ одномъ и томъ же предметѣ, служившее такимъ образомъ какъ бы постоянною опорою эристики. Объ этомъ именно Сократъ упомянулъ выше, p. 14 D, и потомъ сказалъ, что *ἓν καὶ πολλά*, какъ начало познанія, не ведетъ ни къ какому познанію основательному, пока будетъ прилагаемо къ предметамъ чувственнымъ—къ міру явленій, что хотя оно проникаетъ во все и есть какъ бы что-то въ насъ божественное, но люди молодые, ощущая его присутствіе и принимая за сокровище мудрости одни его проявленія, рады бываютъ имъ, какъ находкѣ, и, не изслѣдывая его природы, спѣшатъ воспользоваться только его выраженіями для цѣ-

какъ нибудь спокойно устранить изъ нашей бесѣды такія возмутительныя рѣчи и найти путь къ изслѣдованію лучше этого,—вѣдь понятно намъ, что̀ ты говоришь,—то по- B.
старайся, и мы по возможности будемъ слѣдовать за тобою; потому что настоящее разсужденіе, Сократъ, трудно [1].

Сокр. Нельзя, дѣти [2], какъ выражается въ своихъ обращеніяхъ къ вамъ Филебъ; нѣтъ и не можетъ быть пути лучше этого: я всегда люблю его, хотя онъ нерѣдко скрывался отъ меня и оставлялъ меня одного среди недоумѣній.

Прот. Какой же онъ? Скажи по крайней мѣрѣ.

Сокр. Указать его не очень трудно, а воспользоваться C.
имъ до крайности тяжело. Между тѣмъ все, что когда нибудь въ области искусства было изобрѣтаемо, открывалось только этимъ путемъ. Смотри, о какомъ я говорю.

Прот. Говори.

Сокр. Этотъ божественный даръ людямъ, какъ я по крайней мѣрѣ представляю, какимъ-то Прометеемъ схваченъ у кого-то изъ боговъ вмѣстѣ съ какимъ-то свѣтлѣйшимъ огнемъ [3]. И древніе, превосходящіе насъ и живущіе ближе

лей эристическихъ,—и тутъ уже не щадятъ никого и ничего. Это-то обличеніе молодости вызвало иронію Протарха. Впрочемъ, такой оборотъ рѣчи встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона. Phaedr. p. 236 C; De Rep. I, p. 327 C. Подобное мѣсто и у Горація (Serm. 1, 4): Cui si concedere nolis, multa—veniat manus, auxilio quae sit mihi; nam multo plures sumus.

[1] Разсужденіе трудно, οὐ γὰρ σμικρός, т. е. χαλεπός. См. Phaedon. p. 62 B; Euthydem. p. 275 D; Cratyl. p. 384 B, гдѣ слово οὐ σμικρὸς однозначительно съ словомъ χαλεπός. Τὸ περὶ τῶν ὀνομάτων οὐ σμικρὸν τυγχάνει ὂν μάθημα.

[2] Обращеніе Сократа къ слушателямъ, выражаемое звательнымъ ὦ παῖδες, Сократу нисколько не свойственно, а потому оно, какъ тутъ же говорится, есть мимическая выходка Сократа, указывающая на Филеба, который товарищей своихъ, нѣсколько моложе себя возрастомъ, привѣтствовалъ, вмѣсто ὦ νεανίαι, словомъ ὦ παῖδες. См. ниже p. 36 D.

[3] У Платона всѣ величайшіе дары жизни обыкновенно производятся отъ боговъ. Поэтому De Rep. IV, p. 411 E говоритъ онъ, что и музыка вмѣстѣ съ гимнастикою дарованы смертнымъ кѣмъ-то изъ боговъ; поэтому также въ Протагорѣ и Политикѣ, p. 274 B sqq., къ благодѣяніямъ боговъ относитъ онъ все, служащее къ поддержанію и благополучному препровожденію жизни; а теперь у боговъ же открываетъ начало и діалектики, раздѣляющей и соеди-

къ богамъ [1], передали сказаніе, что сущее, называемое всегдашнимъ, состоитъ изъ одного и многаго, и что ему
D. прирождены—предѣлъ и безпредѣльность [2]. Поэтому мы, украшенные такими пріобрѣтеніями, каждый разъ бываемъ настроены искать все одной идеи всего и полагать, что найдемъ ее, такъ какъ она тамъ есть. Понявъ же ее, мы потомъ смотримъ, нѣтъ ли въ ней одной какъ нибудь двухъ, а не то—трехъ, или какого либо другаго числа, и съ каждою единицею этихъ чиселъ [3] поступаемъ опять такимъ

няющей роды и формы вещей, и полагаетъ, что діалектика ниспослана съ неба чрезъ Прометея. Эту мысль, вслѣдъ за Платономъ, высказывали многіе: Iulianus, Orat. VI, p. 183 C, Damascius, ap. Svid. in v. Λῶρος; Numenius, ap. Euseb. Praep. Ev. XI, p. 539 A: διὸ καὶ ὁ Πλάτων τὴν σοφίαν ὑπὸ Προμηθέως ἐλθεῖν εἰς ἀνθρώπους μετὰ φανοτάτῳ τινὸς πυρὸς ἔφη. Выраженіе: μετὰ или ἅμα φανωτάτω τινὶ πυρί, надобно понимать, разумѣется, въ смыслѣ метафорическомъ; потому что πῦρ φανότατος, похищенный Прометеемъ съ неба, есть свѣтъ ума, какъ бы воспламеняемый діалектикою. Отсюда Климентъ Алекс. (Protrept. p. 2 C): κατάγωμεν δὲ ἄνωθεν ἐξ οὐρανῶν τὴν ἀλήθειαν ἅμα φανοτάτῃ φρονήσει.

[1] Людьми близкими къ богамъ Платонъ называетъ не тѣхъ, которые находились въ нравственно или родственно близкихъ къ нимъ отношеніяхъ, а тѣхъ, которые близки были къ нимъ по времени, и потому служили первыми и вѣрнѣйшими проводниками преданныхъ ими уставовъ. Въ предметахъ, для понятія трудныхъ или сомнительныхъ, философія Платона вообще любила обращаться къ преданіямъ, и свою самобытную идею обставлять историческими и миѳологическими авторитетами,—въ той мысли, что аборигены, жившіе у самыхъ источниковъ мудрости, долженствовали быть мудрѣе поколѣній позднѣйшихъ. Эту мысль Платона хорошо высказалъ Цицеронъ (Tuscul. I, 12): antiquitas, говоритъ онъ, quo propius aberat ab ortu et divina progenie, hoc melius ea fortasse, quae erant vera, cernebat. То же Leg. II, 11. 27: iam ritus familiae patrumque servare, id est, quoniam antiquitas proxime accedit ad deos, a diis quasi traditam religionem tueri. При этомъ не безполезно имѣть въ виду слова и самого Платона въ Тимеѣ (p. 40 D): περὶ δὲ τῶν ἄλλων δαιμόνων εἰπεῖν καὶ γνῶναι τὴν γένεσιν μεῖζον ἢ καθ' ἡμᾶς, πειστέον δὲ τοῖς εἰρηκόσιν ἔμπροσθεν, ἐκγόνοις μὲν θεῶν οὖσιν, ὡς ἔφασαν, σαφῶς δέ που τούς γε αὐτῶν προγόνους εἰδόσιν.

[2] Предѣлъ—πέρας—есть форма недѣлимаго, или такое начало, которымъ безпредѣльное, ἄπειρον, ограничивается въ отдѣльныхъ, безформенныхъ и безконечно-многихъ его моментахъ, и чрезъ то превращается въ рядъ чиселъ или реальныхъ величинъ. Поэтому ἄπειρον есть такое начало, въ которомъ заключается многое, τὰ πολλά, безъ числа и безъ формъ, слѣдовательно—безъ вещей: это—безпредѣльное въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ никакой предѣльности или опредѣленности; стало быть, нѣтъ ничего, на чемъ можно было бы остановиться мыслію, какъ на недѣлимомъ.

[3] И съ каждою единицею этихъ чиселъ, по гречески читается—

же образомъ, до тѣхъ поръ, пока того первоначальнаго одного не усмотримъ не только какъ одно и многое и безпредѣльное, но и какъ количественное. Идеи же безпредѣльнаго мы къ множеству не прилагаемъ, пока не пересмотримъ все ея число [1], и это число не поставимъ между безпредѣльнымъ и единымъ. Тогда-то уже каждой единицѣ всего E.
позволяемъ мы занять мѣсто въ безпредѣльномъ. Такъ вотъ какъ боги, говорю я, предали намъ разсматривать вещи, учиться и учить другъ друга. А нынѣшніе люди мудрые одно, какъ случится, полагаютъ то скорѣе, то медленнѣе, 17.
чѣмъ должно, и послѣ одного—тотчасъ безпредѣльное [2]; средина же отъ нихъ убѣгаетъ. И вотъ чѣмъ во взаимномъ нашемъ собесѣдованіи различаются діалектическій и эристическій (спорный) способъ рѣчи.

Прот. Одно въ твоихъ словахъ, Сократъ, я нѣсколько понимаю, а другое нахожу нужнымъ выслушать яснѣе.

Сокр. То, что я говорю, Протархъ, въ буквахъ однакожъ B.
ясно: возьми это въ томъ, чему ты учился [3].

καὶ τῶν ἓν ἐκείνων ἕκαστον: фраза, очевидно, поврежденная, и филологи стараются возстановить ее различнымъ образомъ. Болѣе правдоподобнымъ кажется мнѣ исправленіе ея, дѣлаемое Штальбомомъ, который полагаетъ, что эту фразу надобно читать: καὶ τῶν ἐν ἐκείνῳ ἕκαστον.

[1] Пересматривать число идеи безпредѣльнаго—ἀριθμὸν—ὁπόσα—значитъ: давать предѣлы, опредѣлять, ограничивать отдѣльные моменты заключающагося въ безпредѣльномъ многаго чрезъ одно.

[2] Что говоритъ здѣсь Платонъ объ анализѣ идеи безпредѣльнаго чрезъ ограниченіе его содержанія предѣлами или формами, того самаго Бэконъ требуетъ вообще отъ методы аналитической, или наведенія: «spes est una in inductione vera», говоритъ онъ (N. Org. 1, aphor. 14). Для изслѣдованія и нахожденія истины есть два пути. Одинъ отъ чувствъ и отъ частностей восходитъ вдругъ къ самымъ высшимъ аксіомамъ и изъ нихъ, какъ изъ началъ неподвижно истинныхъ, выводитъ аксіомы среднія; это путь обыкновенный. Другой начинается также отъ чувствъ и частностей и возбуждаетъ аксіомы, но возбуждаетъ по мѣрѣ восхожденія, шагъ за шагомъ, постепенно, такъ что только подъ конецъ достигаетъ до результатовъ общихъ; это путь истинный. Послѣдній, чтобы сказать словами Платона, хотя будетъ и медленнѣе, и не такъ скоро приходитъ къ одному, за то приходитъ беременѣющій опытами и познаніями истинными: напротивъ, первый хотя и скоръ, въ заключеніяхъ своихъ поспѣшенъ, за то въ пріобрѣтеніяхъ его много недосмотровъ, пустотъ и неопредѣленностей.

[3] Платонъ далѣе беретъ для примѣра одинъ и тотъ же предметъ—голосъ,

Прот. Какимъ образомъ?

Сокр. Голосъ, выходящій чрезъ уста, конечно, одинъ, но по множеству, у всѣхъ и у каждаго, онъ вмѣстѣ и безпредѣленъ.

Прот. Какъ же.

Сокр. И ни почему изъ этого-то мы не бываемъ мудрыми: ни потому, что знаемъ безпредѣльность его, ни потому, что—единство. А вотъ знаніе количества и качествъ голоса дѣйствительно дѣлаетъ каждаго изъ насъ грамматикомъ.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Да вѣдь то же самое дѣлаетъ и музыкантомъ.

C. *Прот*. Какъ?

Сокр. Голосъ и въ этомъ искусствѣ, конечно, одинъ.

Прот. Какъ не одинъ?

Сокр. А вотъ мы полагаемъ два—тяжелый и острый, да еще третій—равнозвучный. Или какъ?

Прот. Такъ.

Сокр. Но, узнавъ это одно, ты не сдѣлался бы еще въ музыкѣ мудрецомъ, хотя и безъ этого знанія, какъ музыкантъ, просто сказать, ничего не будешь стоить.

Прот. Конечно, ничего.

Сокр. Но если, другъ мой, возьмешь ты численно количественныя и качественныя разстоянія въ голосѣ остромъ и тяжеломъ, и предѣлы этихъ разстояній, и всѣ происходящія изъ нихъ соединенія, какія замѣчены и намъ, послѣдующимъ, переданы предшественниками, и назовешь это гармоніей [1]; да возьмешь и другія такія же свойства, бывающія

D. (beside line: "чественныя и качественныя разстоянія въ голосѣ остромъ")

и разсматриваетъ его съ двухъ сторонъ. Раскрывая первую его сторону, онъ показываетъ, что наука не получаетъ никакой пользы, пока имѣетъ въ виду въ немъ только безпредѣльное одно. Да безполезно будетъ для науки и разсматриваніе другой его стороны, поколику въ немъ берется въ разсчетъ только многое. Съ чего бы ни было начато изслѣдованіе предмета, переходъ отъ одного ко многому, равно какъ отъ многаго къ одному, долженъ совершаться чрезъ число или опредѣленіе отдѣльныхъ вещей.

[1] Изъ интерваловъ между звуками, также изъ предѣловъ каждаго звука и отношеній его, происходятъ συστήματα, называвшіяся у древнихъ гармоніею,

въ движеніяхъ тѣла, которыя, какъ измѣряемыя также числами, надобно называть ритмомъ и тактомъ [1], и вмѣстѣ подумаешь, что такъ и во всемъ нужно разсматривать одно и многое: то, взявъ это такимъ образомъ [2], сдѣлаешься мудрымъ, и разсматривая иное подобное тѣмъ же способомъ, окажешься въ этомъ отношеніи знающимъ. Напротивъ, без- E.
предѣльное множество всего и во всемъ каждый разъ дѣлаетъ тебя въ разумѣніи неопредѣленнымъ, неразмѣреннымъ, неразсчитаннымъ, такъ какъ ты ни въ чемъ не выражаешь какого нибудь числа.

Прот. Мнѣ кажется, Филебъ, что Сократъ говоритъ это прекрасно.

Фил. И мнѣ тоже кажется. Но къ чему же теперь вы- 18.
сказана намъ эта мысль? съ какимъ намѣреніемъ?

Сокр. А вѣдь Филебъ правильно спросилъ насъ объ этомъ, Протархъ.

Прот. Конечно; и отвѣчай-таки ему.

Сокр. Сдѣлаю, если еще немного разберу то же самое.

то есть композиціею разныхъ звуковъ; потому что гармонія у грековъ была не просто всякое сочетаніе низкихъ и высокихъ звуковъ, какъ говоритъ Беккъ (De metris Pindari p. 203, vol. 1 edit. Part. II), но заключала въ себѣ разные роды модуляцій и мотивовъ, къ которымъ подбираемы были звуки. Отсюда происходила гармонія дорійская, фригійская, лидійская и друг. Ptolem. Harm. II, 6. Cicer. Tuscul. 1, 18: Harmoniam ex intervallis sonorum nosse possumus; quorum varia compositio etiam harmonias efficit plures.

[1] Гармонію, опредѣляемую ритмомъ и метромъ, Платонъ замѣчаетъ и въ движеніяхъ тѣла, и притомъ такъ, что эти самыя ограниченія гармоніи находятся даже какъ бы въ связи съ тѣломъ, поколику πάθη τινὰ τȣ̃ σώματος δι' ἀριθμῶν μετρηθέντα. Впрочемъ ритмъ, по понятію Платона, и вообще есть τάξις τῆς κινήσεως. De Legg. II, p. 665 A. Притомъ нисколько не удивительно, что философъ здѣсь обращается къ тѣлу, а не къ голосу; потому что словомъ ἁρμονία указывается на голосъ, а словомъ ῥυθμός—на искусство тѣлодвиженій или пляску, хотя оба эти искусства такъ тѣсно соединены были между собою, что въ пѣніи не менѣе господствовалъ ритмъ, какъ и гармонія, а въ пляскѣ не менѣе гармонія, какъ и ритмъ. Burette, Comm. Acad. Inscript. Par. vol. 1, p. 109 sqq.; vol. V, p. 152.

[2] То, взявъ это такимъ образомъ, ὅταν γὰρ ταῦτα τε λάβῃς οὕτω: филологу не безполезно здѣсь обратить вниманіе на необыкновенное значеніе союза γὰρ. Въ этомъ мѣстѣ онъ имѣетъ силу частицы объяснительной или указательной (то есть), потому что указываетъ на содержаніе протазиса.

Вѣдь какъ взявшій что нибудь одно, сказали мы, долженъ тотчасъ смотрѣть не на природу безпредѣльнаго, а на число: такъ и напротивъ,—кто принужденъ сперва взять безпредѣльное, тотъ долженъ тотчасъ обратить вниманіе не на
B. одно, а опять на число, въ которомъ содержится какое нибудь множество, и потомъ уже, за всѣмъ этимъ,—на одно. Сказанное теперь возьмемъ опять въ буквахъ.

Прот. Какимъ образомъ?

Сокр. На безпредѣльность голоса обратилъ вниманіе или богъ какой нибудь, или божественный человѣкъ, какимъ въ Египтѣ, разсказываютъ, былъ нѣкто Теутъ [1], который первый сталъ мыслить въ безпредѣльномъ гласныя, не какъ одно, а какъ многое; потомъ опять замѣтилъ и другія, хотя
C. безгласныя, однакожъ производившія какой-то звукъ, и открылъ въ нихъ также нѣкоторое число; третьяго же рода буквы различилъ тѣ, которыя теперь у насъ называются безгласными. Различая послѣ сего беззвучныя (безгласныя) и безгласныя (согласныя) всѣ до одной, и отдѣляя такимъ

---

[1] О Теутѣ см. прим. къ Федру р. 274. Онъ, говорятъ, первый не только изобрѣлъ буквы, но и различилъ ихъ по звукамъ: именно, сперва отличилъ τὰ φωνήεντα или гласныя, потомъ—τὰ ἄφωνα или безгласныя, нѣмыя, по природѣ противоположныя первымъ, и наконецъ—среднія между тѣми и другими, τὰ φωνῆς μὲν οὔ, φθόγγυ δὲ μετέχοντά τινος, обыкновенно называемыя ἡμίφωνα—полугласныя. Почти такимъ же образомъ говорится о раздѣленіи буквъ и въ Кратилѣ, р. 424 C sqq.: ἆρα οὖν καὶ ἡμᾶς οὕτω δεῖ πρῶτον μὲν τὰ φωνήεντα διελέσθαι, ἔπειτα τῶν ἑτέρων κατὰ τὰ εἴδη τὰ τε ἄφωνα καὶ ἄφθογγα (нѣмыя), οὑτωσὶ γάρ που λέγουσιν οἱ δεινοὶ περὶ τούτων, καὶ αὖ τὰ φωνήεντα μὲν οὔ, οὐ μέντοι γε ἄφθογγα. Причина, почему буквы, φωνῆς μὲν οὔ, φθόγγου δε μετέχοντα, называются μέσα, заключается въ томъ, что они, какъ τὰ ἡμίφωνα, занимаютъ средину между обоими родами, то есть, съ одной стороны не имѣютъ голоса гласныхъ буквъ и чрезъ это сродны съ безгласными, но съ другой—имѣютъ нѣкоторый звукъ, и чрезъ то сродны съ гласными. Такъ дѣлили буквы и другіе греческіе филологи—Аристотель (De arte poëtica c. 20), Секстъ Эмпирикъ (Adv. Mathem. c. 5), Діонисій Галик. (De comp. verb. c. 14, p. 158, ed. Schaef.): буквъ перваго рода, φωνήεντα, считали семь: α, ε, η, ι, ο, υ, ω; къ буквамъ втораго рода, ἄφωνα, относили β, γ, δ, κ, π, τ, φ, χ, θ (но это было мнѣніе стоиковъ, а Секстъ Эмпирикъ всѣ придыхательныя буквы причислялъ къ полугласнымъ); третій классъ буквъ, ἡμίφωνα, составляли изъ λ, μ, ν, ρ, σ, ς, ξ, ψ. Объ этомъ раздѣленіи буквъ см. Vossii, De arte grammat. 1, c. 12 sqq., который вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно объяснилъ это мѣсто Филеба.

же образомъ гласныя и среднія, пока не обнялъ всего числа
ихъ, онъ каждой порознь и всѣмъ вмѣстѣ далъ имя стихій.
Потомъ увидѣлъ онъ, что никто изъ насъ не можетъ уразумѣть
ни одной изъ буквъ самой по себѣ, безъ всѣхъ ихъ,
и размысливъ, что этотъ союзъ единиченъ и что всѣ буквы D.
приводятся какъ бы къ одному, онъ ученіе о нихъ нарекъ
грамматикою и наименовалъ ее однимъ искусствомъ.

Фил. Это, взятое само по себѣ, Протархъ, я понялъ еще яснѣе, чѣмъ то: но и въ настоящей рѣчи, какъ въ сказанной немного прежде, мнѣ недостаетъ того же.

Сокр. Къ чему, то есть, опять говорится это, Филебъ?

Фил. Да, объ этомъ давно уже спрашиваемъ мы—я и Протархъ.

Сокр. Но вы, какъ говоришь, давно уже спрашиваете о томъ самомъ, къ чему уже пришли.

Фил. Какъ? E.

Сокр. Не о разумности ли и удовольствіи была у насъ сначала рѣчь,—что̀ изъ этого слѣдуетъ предпочесть?

Фил. Какъ не объ этомъ?

Сокр. Но то и другое, говоримъ, по себѣ вѣдь одно.

Фил. Конечно.

Сокр. Такъ прежнее разсужденіе требуетъ отъ насъ того
самаго, какимъ образомъ каждый изъ этихъ предметовъ есть
одно и многое, и какъ въ томъ и другомъ изъ нихъ получается
тотчасъ не безпредѣльное, а нѣкоторое число, прежде
чѣмъ каждый сталъ безпредѣльнымъ [1]? 19.

---

[1] Теперь Сократъ показываетъ, къ чему клонились предшествующія его разсужденія объ одномъ и многомъ, или о безпредѣльномъ и предѣлахъ: открывается, то есть, что, для рѣшенія вопроса о высочайшемъ благѣ, мало говорить объ удовольствіи вообще, или о разумности вообще, потому что это—ἄπειρον, отъ котораго не слѣдуетъ переходить прямо πρὸς τὸ ἕν—πρὸς τὸ ἀγαθόν, а надобно идти къ нему путемъ постепеннаго ограниченія моментовъ, заключающихся въ идеяхъ удовольствія и разумности. Но такъ какъ собесѣдники Сократа находятъ этотъ путь для себя труднымъ, то, уступая ихъ просьбѣ, Сократъ избираетъ другой: именно, характеризуетъ высочайшее благо существенными признаками, и потомъ смотритъ, что̀ съ нимъ сроднѣе, удовольствіе или разумность.

Прот. На трудную же задачу навелъ насъ Сократъ, обогнувши съ нами, Филебъ, не знаю какимъ-то образомъ, какъ бы кругъ. И смотри-ка, кто изъ насъ возьмется теперь отвѣчать на его вопросъ?—Вѣдь, можетъ быть, смѣшно будетъ, если я, преемникъ бесѣды, оказавшись несостоятельнымъ, отъ невозможности найти отвѣтъ на то, о чемъ теперь спрашивается, передамъ это дѣло опять тебѣ; а и того гораздо
B. смѣшнѣе, думаю, когда никоторый изъ насъ не будетъ къ тому способенъ. Смотри же, что̀ слѣдуетъ дѣлать. Сократъ, кажется, спрашиваетъ насъ теперь о родахъ удовольствія, есть ли они или нѣтъ, сколько ихъ и какіе; да о томъ же самомъ опять и въ разсужденіи разумности.

Сокр. Весьма справедливо говоришь, сынъ Калліаса. Вѣдь если мы не будемъ въ состояніи сдѣлать это со всякимъ единымъ, подобнымъ себѣ и тожественнымъ, равно и съ противнымъ тому,—что̀ показало намъ прошедшее разсужденіе; то никто изъ насъ никогда, ни въ какомъ отношеніи и ничего не стоитъ.

C. *Прот.* Почти походитъ на то, Сократъ. Но для человѣка разсудительнаго прекрасное дѣло—знать все вмѣстѣ [1]; вторая же попытка его [2], кажется,—не оставаться въ невѣдѣніи о себѣ самомъ. А къ чему клонится настоящее мое слово,—скажу. Ты, Сократъ, предложилъ теперь всѣмъ намъ на разсужденіе и самъ изслѣдываешь, что̀ въ человѣческихъ пріобрѣтеніяхъ превосходнѣйшее. И вотъ, когда Филебъ указалъ на удовольствіе, на наслажденіе, на разгулъ и на все

---

[1] Для человѣка разсудительнаго прекрасное дѣло знать все вмѣстѣ, καλὸν μὲν τὸ ξύμπαντα γιγνώσκειν τῷ σώφρονι. Здѣсь надобно обратить особенное вниманіе на членъ τό; ибо онъ показываетъ, что ξύμπαντα γιγνώσκειν τῷ σώφρονι имѣетъ силу истины самостоятельной или гномы, то есть мысли, получившей достоинство правила и перешедшей почти въ пословицу. Притомъ ξύμπαντα γιγνώσκειν есть выраженіе, характеризующее мудреца тою чертою, что всѣ его познанія должны быть въ связи и составлять одно цѣлое.

[2] Вторая попытка его, δεύτερος πλοῦς,—пословица, значеніе которой показано въ примѣч. къ Федону, р. 99 D. См. также Politic. р. 300 B и ниже р. 59 C.

подобное, ты сталъ противорѣчить и выставлять не это, а
то, о чемъ мы сами нерѣдко съ охотой упоминаемъ,—и дѣ- D.
лаемъ правильно,—чтобы находящееся въ памяти соприкос-
новенно испытано было порознь: ты говоришь, какъ видно,
что, въ сравненіи съ удовольствіемъ, по правдѣ, лучшими
благами будутъ—умъ, знаніе, разумѣніе, искусство и все
сродное съ этимъ, и что это надобно пріобрѣтать, а не то.
Но какъ оба эти рода благъ, при высказываніи ихъ, встрѣ-
чены сомнѣніемъ, то мы въ шутку грозили тебѣ [1], что
не отпустимъ тебя домой, пока опредѣленіе этихъ положе- E.
ній не доведено будетъ до надлежащаго конца. Ты согла-
сился и далъ намъ себя для этой цѣли. Такъ вотъ мы и
говоримъ, какъ дѣти, что правильно даннаго отнимать нельзя.
Оставь же этотъ способъ относительно всего, что теперь
говорится.

Сокр. Какой способъ разумѣешь ты?

Прот. Способъ поставлять насъ въ затрудненіе и спра-
шивать о томъ, на что въ настоящую минуту мы не можемъ 20.
дать тебѣ удовлетворительнаго отвѣта. Пусть мы не ду-
маемъ, что цѣль нынѣшнихъ разсужденій—наше затрудненіе:
но если не по силѣ намъ выйти изъ него самимъ, долженъ
вывесть насъ ты; потому что обѣщалъ. И такъ, разсматри-
вай это самъ,—слѣдуетъ ли различать роды удовольствія и
знанія, или оставить, если ты можешь какимъ нибудь дру-
гимъ способомъ и хочешь какъ иначе распутать теперешнія
нія наши недоумѣнія.

Сокр. Стало быть, мнѣ не должно ожидать ничего страш- B.
наго, какъ скоро такъ говоришь ты; потому что сказанное
тобою «если хочешь» избавляетъ меня отъ всякаго страха
въ отношеніи къ каждому положенію [2]. Притомъ на этотъ

---

[1] Угрозы не отпускать Сократа домой впереди не было. И такъ, надобно полагать, что Протархъ указываетъ здѣсь на шутку, предшествовавшую началу разсужденія.

[2] Протархова уступка: «если хочешь какъ иначе распутать теперешнія недоумѣнія», тотчасъ напоминаетъ Сократу о прежней угрозѣ слушателей не

разъ, кажется, кто-то изъ боговъ привелъ мнѣ нѣчто на память.

Прот. Какъ и что?

Сокр. Давно уже, не знаю теперь, во снѣ или на яву, слышалъ я одно слово объ удовольствіи и разумности: что ни то, ни другое изъ нихъ не есть добро, но что добро есть иное—третіе, отличное отъ нихъ и лучшее, чѣмъ оба они. И вотъ, если это откроется намъ теперь ясно, то удо-
C. вольствіе разстанется съ побѣдою; потому что добро тогда уже не будетъ тожественно ему. Или какъ?

Прот. Такъ.

Сокр. И тогда-то уже, по моему мнѣнію, не нужно будетъ намъ различать роды удовольствія. Впрочемъ, дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ это яснѣе.

Прот. Прекрасно говоришь; такъ и окончи.

Сокр. Но напередъ представляется нѣчто немногое, въ чемъ нужно еще условиться.

Прот. А что именно?

D. *Сокр*. Жребій добра [1] необходимо ли совершенъ, или не совершенъ?

Прот. Вѣроятно, всего совершеннѣе, Сократъ.

Сокр. Что жъ? Оно—добро довлѣющее?

Прот. Какъ же иначе! Въ этомъ отношеніи оно превосходнѣе всего сущаго.

Сокр. Такъ вотъ то-то, думаю, крайне необходимо гово-

отпускать его домой. Соображая это «если хочетъ», онъ говоритъ: «стало быть мнѣ не должно ожидать ничего страшнаго»,—а потому мѣстоименіе мнѣ поставляетъ съ членомъ—τὸν ἐμέ, указывая этимъ на себя тогдашняго, когда ему грозили. Объ употребленіи личныхъ мѣстоименій съ членомъ см. Dionys. Thrax, ap. Valckenar. ad Ammon. p. 201; Apollon. De pronom. p. 275; De syntax. 1, 28, p. 65 edit. Sylburg.

[1] Сократъ отъ того, что̀ надобно почитать высочайшимъ благомъ, требуетъ трехъ условій: высочайшее благо должно быть τέλεον, ἱκανόν и αἱρετόν; то есть, оно должно завершать человѣческое счастіе и дѣлать совершенно блаженными тѣхъ, кому достается; оно должно быть вполнѣ удовлетворительно и не имѣть нужды въ пособіи со стороны какого нибудь другаго блага; оно должно быть предметомъ всеобщаго стремленія, предметомъ, достойнымъ любви каждаго.

рить о немъ, что все, знающее его, гоняется за нимъ и стремится къ нему, желая взять его и овладѣть имъ, и ни о чемъ больше не заботится, кромѣ того, что̀ можетъ быть совершено съ добромъ.

Прот. Этому противорѣчить нельзя.

Сокр. Будемъ же разсматривать и обсуживать жизнь удо- E.
вольствія и разумности, принимая ту и другую отдѣльно.

Прот. Какъ ты говоришь?

Сокр. Пусть ни въ жизни удовольствія не будетъ разумности, ни въ жизни разумности не будетъ удовольствія. Вѣдь если и то и это—добро, то никоторое изъ нихъ не должно нуждаться въ другомъ: а какъ скоро одно которое нибудь окажется нуждающимся, то оно уже не будетъ у
насъ существенно добромъ. 21.

Прот. Какъ быть?

Сокр. Не попробовать ли намъ испытать это въ тебѣ?

Прот. Конечно.

Сокр. Отвѣчай же.

Прот. Говори.

Сокр. Хотѣлось ли бы тебѣ, Протархъ, провести всю жизнь, наслаждаясь величайшими удовольствіями?

Прот. Почему же не такъ?

Сокр. А желалъ ли бы ты себѣ еще чего нибудь въ добавокъ, если бы имѣлъ это вполнѣ?

Прот. Ничего.

Сокр. Смотри же; о способности мышленія, о разумности, о расчетливости разсудка относительно вещей нужныхъ, и
о всемъ, что съ этимъ сродно, тебѣ, можетъ быть, и во снѣ B.
не привидѣлось бы [1].

---

[1] Тебѣ и во снѣ не привидѣлось бы—μῶν μηδὲ ὁρᾶν τι. Это, очевидно, фраза усѣченная, и потому ее поставляютъ въ зависимость отъ предъидущихъ словъ: προςδεῖν σοι ἡγοῖο. Но съ этимъ выраженіемъ едва ли бы вязалось μηδὲ ὁρᾶν. Посему мнѣ, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, кажется, что надобно читать: μῶν μηδ᾿ ὄναρ ὁρᾶν τι. Это μηδὲ ὄναρ у грековъ имѣло значеніе провербіальное. Demosth. De Fals. Legat. p. 429, ed. Reisk: ἃ μηδ᾿ ὄναρ ἤλπισαν πώποτε κτησαμένην.

Прот. Да зачѣмъ? Вѣдь, живя весело, я имѣлъ бы все.

Сокр. Но, живя такимъ образомъ, неужели наслаждался бы ты во всю жизнь величайшими удовольствіями?

Прот. Почему же не такъ?

Сокр. Не получивъ однако ни ума, ни памяти, ни знанія, ни вѣрнаго мнѣнія, ты, чуждый-то всякой разумности, необходимо, кажется, не зналъ бы прежде всего о томъ,—въ наслажденіи ли проходитъ твоя жизнь, или не въ наслажденіи?

Прот. Необходимо.

C. *Сокр.* И такимъ же таки образомъ, не получивъ памяти, ты необходимо, кажется, не помнилъ бы, что когда-то наслаждался, равно какъ нисколько не воспринималъ бы памятью и впечатлѣній настоящаго удовольствія. Потомъ: не пріобрѣтя вѣрнаго мнѣнія, ты, въ минуту наслажденія, не думалъ бы, что наслаждаешься; а лишившись разсудка, тебѣ нельзя было бы умозаключать, что и въ послѣдующее время будешь наслаждаться. Но такая жизнь была бы жизнію не человѣка, а моллюска [1], или тѣхъ морскихъ животныхъ,
D. которыхъ тѣла заключены въ раковинахъ. Такъ ли это, или, вопреки этому, будемъ думать какъ иначе?

Прот. Да какъ же?

Сокр. Но подобная жизнь неужели стòитъ избранія?

Прот. Это разсужденіе, Сократъ, дѣлаетъ меня теперь совершенно безгласнымъ.

Сокр. Однакожъ мы не должны еще ослабѣвать; разсмотримъ-ка жизнь въ соединеніи съ умомъ.

Прот. Какую жизнь разумѣешь ты?

---

[1] Πλεύμων у нашихъ лексикографовъ принимается только въ значеніи легкихъ. Но этимъ словомъ означается также морское полуживотное, о которомъ упоминаетъ Плиній (H. N. IX, 47; XVIII, 35; XXXII, 9, 10) подъ именемъ pulmo marinus. Ей не приписывалось никакого ощущенія, такъ какъ она заключена въ раковинѣ. Hesychius: λέγονται πλε΄μονες καὶ θαλάττια εἴδη ζώων ἀναίσθητα. Aristot. Hist. an. XIII, 27. Fabric. ad Sext. Emp. p. 216. Отсюда произошла пословица: πνεύμονος βίον ζῆν (см. Casaubon. ad. Athen. III, 17. Petav. ad Synes. De Regn. p. 14); ибо πνεύμων то же, что πλεύμων: по различенію древн. грамматиковъ, послѣднее употребляется ἀττικῶς, а первое—ἑλληνικῶς.

Сокр. Если бы кто изъ насъ захотѣлъ опять жить, полу- E.
чивъ и способность мышленія, и умъ, и знаніе, и всякую
память о всемъ, — а въ удовольствіи не имѣлъ участія нисколько [1], равно какъ и въ скорби, но оставался бы нечувствительнымъ ко всему такому.

Прот. Ни та ни эта жизнь, Сократъ, не представляется мнѣ стоющею избранія; да не представится, думаю, и никому другому.

Сокр. А что, какъ-бы та и эта вмѣстѣ, Протархъ,— 22.
жизнь общая, смѣшанная изъ обѣихъ?

Прот. Разумѣешь, изъ удовольствія и ума, съ способностію мышленія?

Сокр. Да, такую разумѣю я жизнь.

Прот. Эту-то изберетъ, вѣроятно, всякій прежде, чѣмъ которую нибудь изъ тѣхъ; тутъ-то не выйдетъ, что одинъ изберетъ, а другой нѣтъ.

Сокр. Такъ понимаемъ ли мы, что̀ вытекаетъ теперь у насъ изъ настоящихъ разсужденій?

Прот. Конечно; теперь представляются три жизни, и изъ
двухъ между ними никоторая не достаточна и не можетъ B.
быть избрана никѣмъ, ни изъ людей, ни изъ животныхъ.

Сокр. Но изъ этого-то, можетъ быть, не явно ли уже, что никоторая изъ нихъ не есть добро? Вѣдь иначе она была бы достаточна и совершенна, и служила бы предметомъ избранія для всѣхъ животныхъ и растеній, которымъ можно было бы жить такимъ образомъ всегда. А кто изъ насъ избиралъ бы другое, тотъ нехотя поступалъ бы,—либо по незнанію, либо по какой нибудь бѣдственной необходимости.

Прот. Видно, что такъ.

Сокр. Стало быть, теперь, по моему мнѣнію, довольно сказано, что Филебовой богини не должно почитать тожественною съ добромъ.

---

[1] Нисколько, μήτε μέγα μήτε σμικρόν. Объ этой формулѣ см. прим. къ Апол. Сокр. p. 19 D.

Фил. Да и твой умъ, Сократъ,—не добро, ибо подлежитъ тому же обвиненію.

Сокр. Мой-то—можетъ быть, Филебъ; потому что этотъ-то, думаю, не истинный и вмѣстѣ не божественный [1], а какъ бы иной. Я не домогаюсь побѣдныхъ знаковъ въ пользу ума, дѣйствующаго въ общей жизни [2]; надобно смотрѣть и изслѣдовать, съ чѣмъ должны мы имѣть дѣло, поставляя его
D. на второмъ мѣстѣ. Можетъ быть, ища причины этой общей жизни, одинъ изъ насъ сталъ бы причиною ея признавать умъ, другой—удовольствіе; и хотя такимъ образомъ никоторая изъ этихъ обѣихъ не была бы добро, однакожъ тѣмъ не менѣе можно предполагать либо то, либо это въ значеніи причины. Но я готовъ еще болѣе спорить съ Филебомъ относительно того, что въ этой смѣшанной жизни,—какъ ни понималъ бы ее тотъ, кому представляется она жизнію, стоющею избранія и добромъ,—сроднѣе и подобнѣе добру
E. не удовольствіе, а умъ. Поэтому справедливо можно сказать, что удовольствію не принадлежитъ въ жизни ни первое, ни даже [3] второе мѣсто; да оно далеко и отъ третьяго, если теперь надобно сколько нибудь вѣрить моему смыслу.

---

[1] Здѣсь, очевидно, отличается умъ человѣческій отъ ума божественнаго, и полагается, что послѣдній безконечно превосходнѣе перваго, такъ какъ онъ совершенъ и безусловенъ, и для обладанія высочайшимъ блаженствомъ не желаетъ ничего внѣ себя. Эту мысль имѣлъ въ виду Плотинъ Libr. VII, Ennead. VI, p. 1311 sqq., ed. Creuzer.

[2] Κοινὸς βίος есть не что иное, какъ жизнь смѣшанная—μικτός, или обыденная, въ которой удовольствіе смѣшивается съ разумностію, и притомъ такъ, что перевѣсъ бываетъ либо на той, либо на другой сторонѣ, и чрезъ то обнаруживается или больше, или меньше близости къ благу самому въ себѣ. Такимъ образомъ общая жизнь стоитъ у Сократа, по видимому, на второмъ мѣстѣ, поколику, то есть, въ ней соединяются вторичныя причины человѣческаго счастія.

[3] Ни даже второе мѣсто, οὐδ' αὖ τῶν δευτερείων: этимъ οὐδ' αὖ послѣ οὔτε выражается усиленіе во второмъ членѣ рѣчи, сравнительно съ тѣмъ, что сказано въ первомъ. Подобное употребленіе οὐδ' αὖ см. Legg. VIII, p. 840 A: οὔτε τινὸς πώποτε γυναικὸς ἥψατο οὐδ' αὖ παιδός. De Rep. IV, p. 426 B: οὔτε φάρμακα, οὔτε καύσεις, οὔτε τομαί, οὐδ' αὖ ἐπῳδαί. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, вмѣсто οὐδ' αὖ, иногда употребляется οὐδέ γε. De Rep. X, p. 608. B.

Прот. Конечно, Сократъ; теперь-то удовольствіе, кажется 23.
мнѣ, пало предъ тобою, какъ бы пораженное именно настоящими твоими словами. Сражаясь за побѣдные трофеи, оно лежитъ. Но и умъ, сознательно сказать, не предвосхитилъ, какъ видно, этихъ трофеевъ: и онъ потерпѣлъ то же самое. Если же удовольствіе потеряло и второе мѣсто, то уже непремѣнно подвергнется безчестію отъ своихъ любителей, потому что и имъ также не покажется оно прекраснымъ.

Сокр. Что же? Не лучше ли уже отпустить его и не огорчать приложеніемъ къ нему точнаго и обличительнаго испытанія?

Прот. Ты ничего не говоришь, Сократъ.

Сокр. Не потому ли, что, говоря объ огорченіи удоволь- B.
ствія, я говорю о невозможномъ?

Прот. Да мало этого,—ты не знаешь даже, что никто изъ насъ не отпуститъ тебя, пока своимъ изслѣдованіемъ не доведешь дѣла до конца.

Сокр. Охъ, Протархъ! Стало быть, разсужденіе предстоитъ еще длинное и притомъ для настоящаго времени очень не легкое. Вѣдь тутъ открывается нужда въ иномъ пріемѣ: кто идетъ защищать въ пользу ума второе мѣсто, тому нужно имѣть другія стрѣлы, чѣмъ какія въ прежнихъ рѣчахъ; а нѣкоторыя, можетъ быть, и тѣ же самыя. Не должно ли?

Прот. Какъ не должно!

Сокр. Но за начало-то этого дѣла постараемся взяться C.
осторожно.

Прот. Что такое разумѣешь ты?

Сокр. Все нынѣ существующее во всемъ раздѣлимъ надвое, или лучше, если хочешь, натрое.

Прот. Сказалъ бы, на что именно.

Сокр. Возьмемъ нѣкоторыя изъ настоящихъ нашихъ положеній.

Прот. Какія?

Сокр. Богъ, говорили мы, кажется, показалъ одно изъ сущаго какъ безпредѣльное, другое—какъ предѣлъ [1].

Прот. Конечно.

Сокр. Вотъ этихъ родовъ положили мы два, третій же—
D. нѣчто одно, смѣшанное изъ этихъ двухъ.—А смѣшонъ [2] я, кажется, что стараюсь удовлетворительно опредѣлить это родами и считаю ихъ.

Прот. Что ты говоришь, добрякъ?

Сокр. Затѣмъ нуженъ мнѣ и четвертый родъ.

Прот. Говори, какой.

Сокр. Смотри на причину взаимнаго смѣшенія тѣхъ родовъ и, кромѣ ихъ трехъ, положи четвертый этотъ.

Прот. Не понадобится ли тебѣ, думаю, и пятый, заключающій въ себѣ силу дѣленія?

Сокр. Можетъ быть; но теперь, по крайней мѣрѣ, не представляю. Если же будетъ нужно, ты, вѣроятно, позволишь
E. мнѣ искать и пятаго [3].

Прот. Почему же нѣтъ?

Сокр. Такъ изъ четырехъ родовъ отдѣлимъ три, и два изъ нихъ, видя каждый многократно разсѣченнымъ и расторгнутымъ, будемъ опять сводить въ одно, и замѣчать,

---

[1] Здѣсь полагается новое основаніе для разрѣшенія вопроса объ относительномъ достоинствѣ разумности и удовольствія. Въ мірѣ, учитъ Сократъ, господствуетъ законъ, по которому все или безконечно, или оканчивается, или смѣшивается изъ того и другаго, или, наконецъ, заключаетъ въ себѣ причину и начало смѣшенія; а изъ этого основанія выводится слѣдствіе въ пользу настоящаго вопроса. При этомъ надобно замѣтить, что **предѣлъ** въ философіи Платона есть не только то, что таково по своей силѣ и природѣ, но еще имѣетъ способность оканчивать, а потому и названо общимъ именемъ πέρας.

[2] Смѣшнымъ почитаетъ себя Сократъ потому, что, различивъ два рода, онъ потомъ поставляется въ необходимость допустить еще третій, а тамъ и четвертый, и даже предполагаетъ возможность въ различеніи ихъ идти далѣе.

[3] **Позволишь мнѣ искать и пятаго**, συγγνώσει πού μοι σὺ μεταδιώκοντι πέμπτον βίον. Здѣсь βίον вовсе не кстати и даже не согласно съ мыслію Платона, который говоритъ о родахъ вещей, а не о жизни. Надобно полагать, что это слово внесено въ текстъ какимъ нибудь умникомъ, не понявшимъ Платоновой мысли и не видѣвшимъ различія между βίος и εἶδος.

какимъ образомъ тотъ и другой изъ нихъ становился однимъ и многимъ [1].

Прот. Если бы ты сказалъ мнѣ объ этомъ яснѣе, то, можетъ быть, я и могъ бы слѣдовать за тобою.

Сокр. Да я говорю о тѣхъ двухъ предположеніяхъ, на
которыя указывалъ теперь же: одно—безпредѣльное, другое— 24.
предѣлъ. И вотъ постараюсь высказать, что безпредѣльное нѣкоторымъ образомъ есть многое [2]; а предѣлъ пусть насъ подождетъ.

Прот. Ждетъ.

Сокр. Изслѣдуй же. Трудно, конечно, и исполнено недоумѣній то, что я велю тебѣ разсмотрѣть: однакожъ изслѣдуй. Во первыхъ, смотри, въ болѣе тепломъ и въ болѣе холодномъ можешь ли ты когда нибудь мыслить предѣлъ, или живущія въ этихъ родахъ «болѣе» и «менѣе», пока это
живетъ въ нихъ, не позволяютъ тебѣ дойти до конца;—по- B.
тому что если бы здѣсь найденъ былъ конецъ, то скончались бы [3] и они?

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Такъ въ болѣе тепломъ и болѣе холодномъ всегдатаки есть, говоримъ, «болѣе» и «менѣе».

Прот. И очень.

---

[1] Изъ четырехъ предположенныхъ родовъ Сократъ навремя оставляетъ четвертый, то есть, причину взаимнаго смѣшенія ихъ, и беретъ прочіе три: но въ этихъ трехъ онъ сперва разсматриваетъ два, изъ которыхъ происходитъ смѣшеніе,—разсматриваетъ ἄπειρον и πέρας, показывая формы и части того и другаго и объясняя, какимъ образомъ чрезъ общеніе этихъ родовъ образуется нѣчто единое, заключающее въ себѣ множество.

[2] Безпредѣльное у Платона есть то, что заключаетъ въ себѣ τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον, а τὸ ποσὸν отвергаетъ; ибо τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον, по природѣ, никогда и ни на чемъ остановиться не могутъ, но движутся въ безконечность,—отъ большаго къ большему, или отъ меньшаго къ меньшему. Формою же ихъ остановки было бы количество или число, которое уже есть нѣчто опредѣленное, и котораго, слѣдовательно, въ безпредѣльномъ нѣтъ.

[3] У Платона здѣсь игра словъ—τελευτὴ и τελευτᾶν: τελευτὴ есть образованіе вещи чрезъ воображеніе въ ней предѣла, πέρατος; но какъ скоро предѣлъ вошелъ и вещь образовалась,—τὸ μᾶλλον или ἧττον, вообще,—ἄπειρον въ отношеніи къ ней—τελευτᾶ,—безпредѣльное перестаетъ существовать.

Сокр. Поэтому разсудокъ внушаетъ намъ, что болѣе теплое и болѣе холодное—всегда безъ конца; а будучи безъ конца, они, вѣроятно по всему, безпредѣльны.

Прот. Да, это сильно, Сократъ.

Сокр. И какъ хорошо примолвлено, любезный Протархъ!
C. Ты напомнилъ, что и произнесенное тобою «сильно», равно какъ соотвѣтствующее ему «тихо», имѣютъ такое же значеніе, какое «больше» и «меньше»; ибо во что ни входятъ они, ни въ чемъ не допускаютъ «сколько», но всегда вносятъ въ дѣйствія болѣе сильное въ сравненіи съ болѣе тихимъ и наоборотъ,—всегда производятъ «больше» и «меньше», а «сколько» скрываютъ. Если бы они, какъ теперь же сказано, не скрывали этого «сколько», и въ томъ мѣстѣ, гдѣ
D. находятся «больше» и «меньше», «сильно» и «тихо», позволяли быть и этому—и мѣрѣ, то сами ушли бы изъ того мѣста, въ которомъ находятся. Вѣдь болѣе теплое и болѣе холодное, принявъ «сколько», не устояли бы; ибо всегда болѣе теплое и всегда болѣе холодное идетъ впередъ, а не стоитъ: напротивъ, «сколько» стоитъ, и далѣе идти не хочетъ. Потому-то болѣе теплое и вмѣстѣ противное ему бываютъ безпредѣльны.

Прот. Представляется такъ, Сократъ; однакожъ за тѣмъ, что ты сказалъ, слѣдовать не легко. Вотъ если еще и еще
E. будетъ высказано нѣчто такое же, то вопрошающій и вопрошенный, можетъ быть, достаточно согласятся.

Сокр. Ты хорошо говоришь, и надобно постараться сдѣлать такъ. Сообрази-ка: чтобы чрезъ разсматриваніе всего не удлинняться,—за признакъ природы безпредѣльнаго не взять ли намъ этого?

Прот. Что такое разумѣешь ты?

Сокр. Чтὸ ни представляли бы мы дѣлающимся больше и меньше, принимающимъ «сильно» и «тихо», либо «слиш-
25. комъ», и прочее такое же,—все это надобно сложить въ родъ безпредѣльнаго, какъ бы въ одно,—на прежнемъ основаніи, о которомъ мы говорили, что, слагая расторгнутое и раз-

сѣченное, должно по возможности назнаменовывать одну природу [1]. Помнишь ли?

Прот. Помню.

Сокр. Но чтò не принимаетъ этого, а принимаетъ противное этому,—во первыхъ, равное и равенство, послѣ равнаго—двойное и все, что служитъ числомъ для числа, или мѣрою для мѣры,—все [2] это мы, кажется, хорошо бы B. сдѣлали, если бы отнесли къ предѣлу. Или какъ ты скажешь?

Прот. Даже прекрасно, Сократъ.

Сокр. Пускай. Но третій, смѣшанный изъ этихъ обоихъ родовъ, какою назовемъ идеею?

Прот. Самъ скажешь мнѣ, я думаю.

Сокр. Нѣтъ, развѣ богъ,—если бы услышалъ мои молитвы кто нибудь изъ боговъ [3].

Прот. Такъ молись и изслѣдывай.

Сокр. Изслѣдываю, и мнѣ кажется, Протархъ, что кто-то изъ нихъ намъ теперь благопріятствуетъ.

Прот. Какъ ты говоришь это, и почему такъ думаешь? C.

Сокр. Разумѣется, скажу; а ты слѣдуй за мною своимъ вниманіемъ.

Прот. Только говори.

Сокр. Мы сейчасъ произнесли слова: «теплѣе» и «холоднѣе». Не правда ли?

Прот. Да.

Сокр. Прибавь же къ этому «суше» и «влажнѣе», «множествен-

---

[1] Назнаменовывать одну природу, μίαν ἐπισημαίνεσθαί τινα φύσιν, то есть, μίαν ἰδέαν, какъ p. 25 B, p. 26 D: ὅμως δὲ ἐπισφραγισθέντα τῷ τοῦ μᾶλλον καὶ ἐναντίου γένει ἓν ἐφάνη. Politic. p. 258 C: ἰδέαν αὐτῇ μίαν ἐπισφραγίζεσθαι.

[2] Мѣра можетъ служить только для мѣры и, наоборотъ, только мѣрное можетъ опредѣляться мѣрою: а къ безпредѣльному, въ которомъ заключается больше и меньше, не приложима никакая мѣра; потому что тамъ ничто не можетъ быть сравниваемо.

[3] Теперь Платонъ приступаетъ къ объясненію силы и природы того, что смѣшано изъ безпредѣльнаго и предѣла. Но это, по его идеѣ, есть источникъ всего, въ человѣческой жизни прекраснѣйшаго и для человѣческой мудрости недоступнаго. Посему онъ, при разсматриваніи этого рода, считаетъ нужнымъ обратиться съ молитвою къ богамъ и просить ихъ помощи.

нѣе» и «маловатѣе», «быстрѣе» и «медленнѣе», «увеличеннѣе» и «умаленнѣе» [1], и все, что прежде слагали мы въ единство природы, принимающей въ себя «болѣе» и «менѣе».

D. *Прот.* Ты говоришь о природѣ безпредѣльнаго?

Сокр. Да. Вмѣшай-ка въ нее послѣ этого опять родъ предѣла.

Прот. Какой?

Сокр. Вѣдь какъ сводили мы въ одно родъ безпредѣльнаго, такъ надлежало намъ тутъ же свести и родъ предѣльности; а мы не свели. Между тѣмъ не сдѣлаетъ ли онъ, можетъ быть, теперь того же. А когда сведено будетъ то и другое, откроется и смѣшанное [2].

Прот. О какомъ это родѣ и какъ говоришь ты?

Сокр. О родѣ равнаго, двойнаго, и о всемъ, что прекра-
E. щаетъ враждебность взаимно-противныхъ отношенiй и, полагая соотвѣтственность и согласiе, производитъ число.

Прот. Понимаю: ты, кажется, говоришь, что, по смѣшенiи, совмѣстно въ нихъ произойдутъ нѣкоторыя бытности [3].

---

[1] Множественнѣе и маловатѣе,—увеличеннѣе и умаленнѣе, πλέον καὶ ἔλαττον,—μεῖζον καὶ σμικρότερον. Необходимость выразить эти уравнительныя степени привела меня къ убѣжденiю, что и богатый своими формами русскiй языкъ еще не столько развитъ, чтобы могъ найти въ себѣ довольно гибкости для выраженiя всѣхъ формъ языка греческаго. Нашими уравнительными «больше» и «меньше» означается увеличенiе и уменьшенiе не только геометрическое, но и динамическое, не только экстенсивное, но и интенсивное; напротивъ, греческiе πλέον καὶ ἔλαττον указываютъ на одно множество, а μεῖζον καὶ σμικρότερον—на одну величину. Поэтому я прошу извинить меня за составленiе въ настоящемъ случаѣ такихъ уравнительныхъ, которыя у насъ еще не вошли во всеобщее употребленiе.

[2] Безпредѣльное собесѣдники опредѣлили, и притомъ такъ, что, по разсмотрѣнiи разныхъ его формъ и частей, нашли, что въ немъ τὸ μᾶλλον καὶ ἧττον и τὸ σφόδρα καὶ ἠρέμα; напротивъ, родъ предѣльнаго они только указали, а не опредѣлили, и не открыли, какимъ единствомъ очертывается въ немъ многое, хотя Сократъ и обѣщалъ это (p. 24 A, p. 23 E). Онъ въ то время говорилъ, что не сводитъ многаго въ одно, потому что еще не поставлено на видъ многое. Если же опредѣлено будетъ и предѣльное, то оно сдѣлаетъ, можетъ быть, то же самое, именно: какъ скоро то и другое, безпредѣльное и предѣльное, придутъ въ соединенiе, тотчасъ обозначится и родъ смѣшанный.

[3] Нѣкоторыя бытности, γενέσεις τινάς. Слово γένεσις, рожденiе, я перевожу словомъ бытность потому, что рожденiе вещи у Платона по-

Сокр. И правильно кажется.

Прот. Говори же.

Сокр. Въ болѣзняхъ, не правильное ли общеніе ихъ производитъ природу здоровья [1])?

Прот. Непремѣнно. 26.

Сокр. Также въ высокомъ и низкомъ, въ скоромъ и медленномъ, которыя безпредѣльны, не по привхожденіи ли того же является предѣлъ, и въ совершенствѣ устанавливается всецѣлая музыка?

Прот. Да и превосходно.

Сокр. Если даже входитъ это въ холодъ и жаръ, и тогда представленія «много», «слишкомъ» и «безпредѣльно» уничтожаются, и образуется понятіе о внутренней и внѣшней соразмѣрности.

Прот. Какъ же.

Сокр. Равнымъ образомъ не тогда ли, какъ смѣшиваются безпредѣльное и предѣлъ, бываютъ у насъ времена года B.
и все прекрасное?

нимается, какъ результатъ ограниченія безпредѣльнаго предѣломъ: а въ такомъ случаѣ вещь на языкѣ философскомъ и есть τὸ γενόμενον, или бытное.

[1] Изъ соединенія конечнаго и безконечнаго, по ученію Платона, происходятъ явленія удивительныя. Для примѣра, философъ указываетъ сперва на здоровье, потомъ на музыку, далѣе—на благораствореніе воздуха и годовыя перемѣны, а наконецъ—на красоту и крѣпость тѣла. Къ этому присоединяются также и добродѣтели души. О тѣлесномъ здоровьѣ подобнымъ образомъ говорится Tim. p. 82 A sqq., Sympos. p. 186 C. D; да можно доказать, что такъ говорили о немъ и пиѳагорейцы. Къ этому же началу надобно возводить и музыку, состоящую въ гармоническомъ сочетаніи различныхъ звуковъ—высокихъ и низкихъ, скорыхъ и медленныхъ, или въ ритмѣ. Theo Smyrn. 1, p. 15: καὶ οἱ Πυθαγορικοὶ δὲ, οἷς πολλαχῇ ἕπεται Πλάτων, τὴν μουσικὴν φασιν ἐναντίων συναρμογὴν καὶ τῶν πολλῶν ἕνωσιν καὶ τῶν δίχα φρονούντων συμφρόνησιν. Cicer. Somn. Scip. c. 5: Dulcis hic est sonus, qui intervallis coniunctus imparibus, sed tamen pro rata parte ratione distinctis, impulsu et motu—conficitur; qui acuta cum gravibus temperans varios aequabiliter concentus efficit, al. Что касается до красоты, то Платонъ обыкновенно поставлялъ ее ἐν μετριότητι καὶ ξυμμετρίᾳ. См. ниже p. 64 E; Tim. p. 87 C; Politic. p. 284 B. A τὴν ἰσχὺν производитъ ἀπὸ φύσεως καὶ εὐτροφίας τῶν σωμάτων. Protag. p. 351 A. И начало душевныхъ благъ открывается у него также въ сочетаніи конечнаго и безконечнаго; потому что всякая добродѣтель, какъ говорится въ Филебѣ (p. 64 E) и Федонѣ (p. 60 D.), состоитъ въ гармонической благонастроенности души.

Прот. Какъ не тогда.

Сокр. Я уже не хочу говорить о безчисленномъ множествѣ другихъ вещей, напримѣръ, о соединеніи красоты и силы съ здоровьемъ, равно какъ о весьма многомъ и самомъ прекрасномъ въ душахъ. Вѣдь и твоя богиня [1], прекрасный Филебъ, обращая вниманіе на развратъ и всякое зло между людьми и видя, что нѣтъ у насъ конца удовольствіямъ и наслажденіямъ, сама установила законъ и порядокъ, которымъ полагается предѣлъ: и вотъ ты говоришь, что она
C. убиваетъ [2],—а я говорю, что спасаетъ. Тебѣ же, Протархъ, какъ представляется?

Прот. Твои слова, Сократъ, мнѣ очень по мысли.

Сокр. И такъ, я высказалъ три бытности, если ты понимаешь меня.

Прот. Думаю, что понимаю. Одно у тебя, кажется мнѣ, есть безпредѣльное, есть и другое одно—предѣлъ въ сущемъ; но что̀ угодно тебѣ называть третьимъ, не очень понимаю.

Сокр. Потому, почтеннѣйшій, что тебя поразила многочисленность третьей бытности. Правда, и безпредѣльное пред-
D. ставляетъ много-таки родовъ; но такъ какъ они запечатлѣны родомъ «больше» и противнымъ этому роду, то безпредѣльное является единымъ.

---

[1] Сократъ указываетъ на ту богиню, которою Филебъ прежде свидѣтельствовался, и которую тогда, по мнѣнію Сократа, слѣдовало назвать скорѣе удовольствіемъ, чѣмъ Афродитою (p. 12 B). Теперь философъ, относительно имени, какъ бы соглашается съ Филебомъ: пусть удовольствіе будетъ Афродита; но въ такомъ случаѣ надобно, говоритъ, приписать ей τὴν τοῦ ἀπείρου καὶ πέρατος κοινωνίαν, какъ это въ другомъ мѣстѣ приписывается любви и гармоніи. Слѣдовательно, здѣсь подъ именемъ богини Сократъ разумѣетъ Ἀφροδίτην οὐρανίαν, о которой говорится въ Симпосіонѣ.

[2] Филебъ не говорилъ и не говоритъ, что богиня (Афродита) убиваетъ. Поэтому Сократъ, приписывая ему такое мнѣніе, указываетъ этимъ не на имя богини, а на понятіе, съ нею соединяемое. Если, т. е., угодно тебѣ требовать, чтобы Афродита не ограничивала безпредѣльнаго стремленія къ удовольствію предѣломъ, то она въ такомъ случаѣ становится у тебя просто удовольствіемъ, Афродитою плебейскою, а не небесною,—и убиваетъ. Напротивъ я, подводя твою богиню подъ всеобщій законъ ограниченія безконечнаго конечнымъ, вижу въ ней Афродиту небесную,—начало охранительное.

Прот. Справедливо.

Сокр. Да и предѣлъ-то не имѣетъ многаго, и мы не споримъ, что онъ по природѣ не одинъ.

Прот. Какъ же иначе.

Сокр. Конечно, никакъ. Но вѣдь и третье, почитай, представляю я такъ, что полагаю все въ значенiи одного, происшедшаго изъ этихъ, какъ бытность сущности изъ размѣровъ, обозначаемыхъ предѣломъ.

Прот. Понялъ.

Сокр. Но, кромѣ трехъ, сказали мы, надобно разсмотрѣть E.
еще нѣкоторый четвертый родъ [1]. И это разсмотрѣнiе будетъ произведено сообща: смотри, кажется ли тебѣ необходимымъ, что все происходящее происходитъ отъ какой нибудь причины?

Прот. Мнѣ кажется. Да и какъ бы безъ этого что нибудь произошло?

Сокр. А не правда ли, что природа творящаго не отличается ничѣмъ отъ причины, кромѣ имени, такъ что творящее и причина справедливо могутъ быть принимаемы за одно?

Прот. Правда.

Сокр. Да вѣдь и между творимымъ-то и происходящимъ, 27.
соотвѣтственно сейчасъ сказанному, мы не найдемъ никакой разницы, кромѣ имени. Не такъ ли?

Прот. Такъ.

Сокр. Творящее не таково ли всегда по природѣ, что ведетъ, а творимое, происходя, слѣдуетъ за нимъ?

---

[1] Ученiе о четвертомъ родѣ, или началѣ вещей, въ философiи Платона весьма важно; такъ что служитъ, можно сказать, поворотною точкою отъ идеальнаго формализма къ супранатурализму. Можно было полагать, что если есть безпредѣльное и предѣлъ, то по необходимости будетъ уже ἡ γεγενημένη οὐσία. Но безпредѣльное можетъ быть ограничиваемо предѣломъ не одинаково; слѣдовательно, должна быть причина, почему оно ограничивается такъ, а не иначе. Отсюда у Платона всякая бытность предполагаетъ три причины: причину матерiальную,—это безпредѣльное; причину орудную,—это предѣлъ; причину дѣйствующую,—это Богъ. Первыя двѣ причины суть условiя рожденiя или творенiя, а послѣдняя есть причина въ смыслѣ собственномъ.

Прот. Конечно.

Сокр. Стало быть, причина—иное, а не то же съ тѣмъ, что служитъ причинѣ къ произведенію бытнаго.

Прот. Какъ же.

Сокр. Значитъ, происходящее и то, изъ чего все происходитъ, представляютъ намъ три рода?

Прот. И очень.

B. *Сокр.* Такъ вотъ мы и скажемъ, что созидающее все это есть четвертое,—причина, достаточно отличная отъ тѣхъ вещей проявившихся.

Прот. Конечно, скажемъ.

Сокр. Теперь правильно будетъ, по опредѣленіи четырехъ родовъ, для памятованія о каждомъ, перечесть ихъ по порядку.

Прот. Почему не такъ.

Сокр. И такъ, во первыхъ, я называю безпредѣльное, во вторыхъ—предѣлъ, потомъ—смѣшанную изъ нихъ и происшедшую сущность. А называя причину смѣшенія и бытности
C. и почитая ее четвертою, не погрѣшаю ли я нѣсколько?

Прот. Какимъ же образомъ?

Сокр. Ну-ка, что мы послѣ сего заговоримъ? И съ какою мыслію дошли до этого? Не та ли она? Мы спрашивали: удовольствіе ли надобно поставить на второмъ мѣстѣ, или разумность? Не такъ ли было?

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Разобравши же это такимъ образомъ, не лучше ли будетъ намъ теперь установить сужденіе о томъ, что̀ первое, что̀ второе, тогда какъ прежде мы въ разсужденіи этого именно сомнѣвались.

Прот. Можетъ быть.

D. *Сокр.* Хорошо. Превозмогающею жизнію признали мы тогда жизнь, смѣшанную изъ удовольствія и разумности. Было ли такъ?

Прот. Было.

Сокр. Не видно ли намъ теперь, можетъ быть: что̀ это за жизнь и какого она рода?

Прот. Какъ не видно.

Сокр. Вѣдь мы, думаю, назовемъ ее частію третьяго рода; потому что она смѣшана не изъ какихъ нибудь двухъ (частныхъ) вещей, а изъ всѣхъ безпредѣльныхъ, связанныхъ предѣломъ. Посему эта побѣдоносная жизнь правильно можетъ быть частію той.

Прот. Конечно, весьма правильно.

Сокр. Пускай. Что же твоя, Филебъ,—пріятная и не смѣ- E.
шанная? Къ которому изъ сказанныхъ родовъ относя ее, мы отнесли бы правильно? Но прежде, чѣмъ рѣшишь, отвѣчай мнѣ вотъ на что.

Фил. Говори.

Сокр. Удовольствіе и скорбь имѣютъ ли предѣлъ, или относятся къ тому, что̀ заключаетъ въ себѣ «больше» и «меньше»?

Фил. Да, что—«больше», Сократъ; потому что удовольствіе не было бы всѣмъ добромъ [1], если бы, въ разсужденіи «много» и «больше», оказалось по природѣ не безпредѣльнымъ.

Сокр. Да безъ этого, Филебъ, и скорбь не была бы вѣдь 28.
всѣмъ зломъ. Посему намъ нужно обратить вниманіе на что нибудь отличное отъ природы безпредѣльнаго, что̀ удовольствіямъ сообщаетъ нѣкоторую часть добра. Но пусть удовольствіе относится у тебя къ роду безпредѣльнаго: къ которому же изъ сказанныхъ родовъ, не дѣлаясь нечестивыми, отнесемъ мы, Протархъ и Филебъ, разумность, знаніе и умъ? Вѣдь мнѣ представляется немалою опасностію, хорошо ли мы поступимъ, рѣшая этотъ вопросъ, или нѣтъ.

Фил. Ты, Сократъ, ужъ слишкомъ носишься съ своимъ B.
богомъ.

Сокр. Да и ты, другъ мой, съ своей богинею. Однакожъ будемъ говорить о нашемъ вопросѣ.

Прот. Сократъ въ самомъ дѣлѣ требуетъ справедливаго, Филебъ; надобно послушаться его.

---

[1] Всѣмъ добромъ, πᾶν ἀγαθόν. Подъ этимъ πᾶν ἀγαθόν разумѣется абсолютно-полное благо, bonum omni numero absolutum et consummatum; равнымъ образомъ πᾶν κακόν—абсолютно-полное зло.

Фил. Не хочешь ли, Протархъ, вести рѣчь вмѣсто меня?

Прот. Конечно. Впрочемъ, теперь я нѣсколько недоумѣваю и прошу тебя, Сократъ,—будь самъ для насъ пророкомъ, чтобы мы не погрѣшили противъ этого состязателя [1] и не сказали чего нибудь неприличнаго [2].

C. *Сокр.* Надобно послушаться, Протархъ; ибо въ твоемъ приказаніи нѣтъ ничего тяжелаго. Я только въ шутку возмутилъ тебя, по подражанію слову Филеба «носишься», спрашивая объ умѣ и знаніи, къ которому роду они относятся.

Прот. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Между тѣмъ, однакожъ, отвѣчать на это легко [3]; такъ какъ всѣ мудрецы, въ существѣ дѣла носящіеся съ самими собою, соглашаются въ томъ, что умъ у насъ есть царь неба и земли [4],—и, можетъ быть, говорятъ хорошо. Впро-

---

[1] Противъ этого состязателя, т. е. противъ разумности, которая теперь должна вступить въ состязаніе съ удовольствіемъ о правѣ на занятіе третьяго мѣста въ ряду родовъ бытія.

[2] Чего нибудь неприличнаго, παρὰ μέλος φθεγξώμεθά τι. Выраженіе: παρὰ μέλος φθέγξασθαι, повторяющееся Legg. III, p. 696 D, Critias p. 106 B., есть идіотизмъ и значитъ: произносить нелѣпости, парадоксы. Horat. Epist. I, 18, 59: quamvis nil extra numerum fecisse modumque curas.

[3] Сократъ намѣренъ теперь доказать, что мудрость или разумность не только присуща конечному, но должна быть относима и къ роду причины, и свое доказательство устанавливаетъ такъ, что сперва дѣлаетъ взглядъ на цѣлую вселенную, полагая, что человѣческая природа устроена по ея подобію. Вселенная же управляется не чѣмъ инымъ, какъ совершеннѣйшимъ умомъ, что утверждаютъ и мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ, и господствующій въ мірѣ стройный порядокъ. Какъ наше тѣло, говоритъ Сократъ, составлено изъ стихій цѣлой вселенной и ими поддерживается: такъ и нашъ умъ заимствованъ изъ ума, управляющаго вселенною. А отсюда онъ заключаетъ, что человѣческій умъ относится также къ роду причины, и что послѣдняя въ цѣломъ мірѣ дѣлаетъ то самое, что первый дѣлаетъ въ человѣкѣ, то есть, имѣетъ значеніе власти, управляющей пожеланіями, обуздывающей страсти и подчиняющей все законамъ мудрости.

[4] Что всѣмъ располагаетъ и управляетъ умъ,—первый, какъ извѣстно, училъ Анаксагоръ. Сравн. Phaedr. p. 270 A. Cratyl. p. 400 A; 413 C. Начавъ его мыслію, Платонъ поставилъ съ нею въ связь ученіе Филолая, поставлявшаго надъ вселенною τὸ αἴτιον, и такимъ образомъ нѣсколько отступилъ отъ взгляда Анаксагорова. За образъ высочайшаго ума принималъ онъ Зевса, какъ бы играя именемъ Ζεὺς (отъ ζάω, ζῆν); такъ, въ Кратилѣ (p. 396 A) говоритъ: οὐ γάρ ἐστιν ἡμῖν καὶ τοῖς ἄλλοις πᾶσιν ὅστις αἴτιος μᾶλλον τοῦ ζῆν ἢ ὁ ἄρχων τε καὶ βασιλεὺς τῶν πάντων.

чемъ, если угодно, изслѣдованіе этого рода сдѣлаемъ продолжительнѣйшимъ.

Прот. Говори, какъ хочешь; не предполагай затрудненія D.
въ долготѣ, потому что намъ не наскучишь.

Сокр. Ты хорошо сказалъ. Начнемъ же хоть слѣдующимъ вопросомъ.

Прот. Какимъ?

Сокр. Скажемъ ли, Протархъ, что все вмѣстѣ,—все такъ называемое цѣлое,—управляется силою неразумною, слѣпою и случайною, или, напротивъ, какъ говорили наши предшественники, строитель и правитель есть умъ и какое-то дивное разумѣніе [1]?

Прот. И похожаго ничего нѣтъ [2], чудный Сократъ. То, E.
что ты теперь говоришь, мнѣ представляется даже грѣхомъ: напротивъ, мысль объ устрояющемъ все умѣ кажется достойною зрѣлища, представляемаго и міромъ, и солнцемъ, и луною, и звѣздами, и всѣмъ круговращеніемъ; и я не иначе желалъ бы какъ говорить объ этомъ, такъ и мыслить.

Сокр. А что жъ, хочешь ли, и мы нѣсколько подтвердимъ мнѣніе, принятое нашими предшественниками, что дѣло дѣйствительно таково, и рѣшимся не только повторять чужое 29.
безъ опасенія, но и подвергнуться опасности быть порицаемыми, если бы человѣкъ сильный [3] сталъ говорить, что все это не таково, а безпорядочно?

Прот. Почему же мнѣ не хотѣть?

---

[1] Строитель и правитель—какое-то дивное разумѣніе, φρόνησίν τινα θαυμαστὴν συντάττουσαν διακυβερνᾶν. Здѣсь указывается главнымъ образомъ на Анаксагора, который, вмѣсто διακυβερνᾶν, употреблялъ глаголы: διακοσμεῖν и κοσμεῖν; у Цицерона: in ordinem adducere.

[2] И похожаго ничего нѣтъ. Это относится не къ послѣднимъ словамъ Сократа, что строитель всего есть умъ, а къ первымъ,—что все управляется силою неразумною.

[3] Разумѣются софисты, не признававшіе ни боговъ, ни дѣйствующей въ природѣ силы ихъ, ни правилъ благочестія, ни началъ доброй нравственности. Лучшую характеристику ихъ см. Legg. X, p. 885 B sqq.; 888 E; XII, p. 966 D. E. Сильными—δεινούς—Платонъ называетъ ихъ, напримѣръ, Theaet p. 154 D, 173 B, al.

Сокр. Хорошо; прими же въ соображеніе дальнѣйшее наше разсужденіе объ этомъ.

Прот. Говори.

Сокр. Что касается до природы тѣлъ всѣхъ животныхъ, то въ составѣ ихъ мы видимъ и огонь, и воду, и воздухъ, и, будто обуреваемые мореплаватели, видимъ, какъ гово-
B. рится, землю [1].

Прот. И очень. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ обуреваемся недоумѣніями въ настоящихъ своихъ разсужденіяхъ.

Сокр. Пусть такъ; но въ разсужденіи каждой находящейся въ насъ стихіи замѣть слѣдующее.

Прот. Что такое?

Сокр. Что каждая изъ нихъ въ насъ мала, ничтожна, нигдѣ и никакъ не обособлена, и составляетъ неважную силу природы. Взявъ же въ примѣръ одно, то самое мысли и о всемъ: напримѣръ, есть въ насъ, вѣроятно, огонь,—есть онъ и во всемъ.

Прот. Какъ же.

C. *Сокр*. Но въ насъ онъ—нѣчто малое, слабое и ничтожное, а во всемъ—удивителенъ и по множеству, и по красотѣ, и по всякой свойственной огню силѣ.

Прот. Ты говоришь очень справедливо.

Сокр. Что же? Отъ этого ли—отъ нашего огня и происходитъ и питается и управляется огонь всего, или, напротивъ, и мой огонь, и твой, и огонь иныхъ животныхъ все это имѣетъ [2] отъ того (всеобщаго)?

Прот. Ты предлагаешь такой вопросъ, который не стòитъ и отвѣта.

---

[1] Слова: к а к ъ г о в о р и т с я, показываютъ, что οἱ χειμαζόμενοι γῆν καθορῶσιν—было пословицею. Поэтому Протархъ, имѣя въ виду трудность начатаго изслѣдованія, весьма кстати прибавляетъ: χειμαζόμεθα γὰρ ὄντως ὑπ᾽ ἀπορίας ἐν τοῖς νῦν λόγοις. Платонъ нерѣдко пользуется поговорками мореплавателей. Lachet. p. 104 B: ἀνδράσι χειμαζομένοις ἐν λόγῳ καὶ ἀποροῦσι βοήθησον. Euthyd. p. 292 E: σῶσαι ἡμᾶς—ἐκ τῆς τρικυμίας τοῦ λόγου. De Rep. V, p. 472 A et al.

[2] В с е э т о и м ѣ е т ъ, то есть, τὸ τρέφεσθαι καὶ γίγνεσθαι καὶ ἄρχεσθαι,—и пищу и происхожденіе и управленіе.

Сокр. Правильно. То же скажешь ты, думаю, и о землѣ, D.
которая находится здѣсь—въ животныхъ, и которая есть во всемъ; да то же будешь отвѣчать и о всемъ другомъ, о чемъ я спрашивалъ немного прежде.

Прот. Но кто, отвѣчая иначе, показался бы человѣкомъ здравомыслящимъ?

Сокр. Можетъ быть, никто. Но смотри, что слѣдуетъ далѣе. Вѣдь все, о чемъ сейчасъ было сказано, мы назвали тѣломъ не подъ условіемъ ли соединенія этого въ одно?

Прот. Какъ же.

Сокр. Такъ это же прими и касательно того, что̀ назы- E.
ваемъ мы міромъ; потому что и онъ такимъ только образомъ можетъ быть тѣломъ, если тѣ же самыя стихіи въ немъ соединены въ одно.

Прот. Ты говоришь весьма правильно.

Сокр. И такъ, отъ этого ли тѣла вполнѣ питается наше тѣло, или отъ нашего это и питается, и заимствуется, и имѣетъ всѣ тѣ стихіи, о которыхъ мы сейчасъ только говорили?

Прот. Это, Сократъ, уже другой вопросъ, не стоющій отвѣта.

Сокр. Но что? Сто́итъ ли слѣдующій? Какъ ты скажешь? 30.

Прот. Говори, что такое.

Сокр. Не скажемъ ли, что въ нашемъ тѣлѣ есть душа?

Прот. Явно, что скажемъ.

Сокр. Откуда же, любезный Протархъ, наше тѣло взяло ее, если тѣлу всего не пришлось быть одушевленнымъ и имѣть то самое, что есть въ этой,—имѣть даже въ степени гораздо превосходнѣйшей [1]?

---

[1] Сократъ ведетъ свое доказательство такъ: наше тѣло все, что̀ въ немъ есть, заимствуетъ изъ космоса; но въ нашемъ тѣлѣ есть и душа: откуда же взялась она? Если бы вселенная не была одушевлена, то и въ человѣкѣ не было бы души. Это значитъ, что человѣческія души суть нѣкоторыя частицы, взятыя отъ божественнаго ума вселенной. Такое ученіе, очевидно, имѣетъ характеръ пиѳагорейскій. Cicer. Tusc. V, 13: humanus autem animus, decerptus ex mente

Прот. Явно, что неоткуда болѣе, Сократъ.

Сокр. Вѣдь мы не подумаемъ же, Протархъ, чтобы изъ
B. тѣхъ четырехъ родовъ—предѣла, безпредѣльнаго, общаго [1] и рода причины, это присущее во всемъ четвертое, сообщающее нашимъ стихіямъ душу, поддерживающее въ тѣлѣ отправленія, врачующее его, когда оно слабѣетъ, и все во всемъ слагающее и исцѣляющее,—чтобы это четвертое не называлось всею и всяческою мудростію; и тогда какъ то же самое есть въ цѣломъ небѣ и по великимъ его частямъ, тогда какъ тамъ, кромѣ сего, все прекрасно и чисто, чтобы не устроило оно и среди неба природу вещей прекраснѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ [2].

C. *Прот.* Это-то было бы крайне несообразно.

Сокр. Если же не подумаемъ этого, то, сообразуясь съ прежнимъ положеніемъ, лучше скажемъ, что во всемъ есть, какъ говорили мы много разъ, неизмѣримое безпредѣльное и достаточный предѣлъ, и что нѣкоторая немаловажная

---

divina, cum nullo alio nisi cum ipso deo comparari potest. De senect. c. 21: audiebam Pythagorum Pythagoreosque—nunquam dubitasse, quin ex universa mente divina delibatos animos haberemus. Въ этомъ именно смыслѣ излагаетъ свое ученіе и самъ Сократъ у Ксенофонта (Memor. I, 4, 8): «Ты думаешь, что въ тебѣ есть нѣчто разумное, а внѣ тебя нигдѣ нѣтъ разума? Между тѣмъ знаешь, что тогда какъ земли много, въ твоемъ тѣлѣ—малая ея часть; тогда какъ жидкости много, у тебя ея немного; тогда какъ все велико, недѣлимое твое мало, и тѣло у тебя устроено изъ взятыхъ отъ него частей. Одного ли только ума нѣтъ нигдѣ, и ты будто случайно какъ нибудь схватилъ его? Тебѣ кажется, что эта неизмѣримая величина, это безконечное множество, получило такую стройность отъ какого-то неразумія?» —Тамъ же (IV, 3, 14): ἀλλὰ μὴν καὶ ἀνθρώπου γε ψυχή, ἥ, εἴπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρωπίνων, τοῦ θείου μετέχει, ὅτι μὲν βασιλεύει ἐν ἡμῖν, φανερόν, ὁρᾶται δὲ οὐδ' αὐτή.

[1] Общаго—κοινόν, то есть, смѣшаннаго, μικτόν, поколику предѣлъ и безпредѣльное въ немъ—нѣчто одно, причастное тому и другому, общее.

[2] Здѣсь говорится главнымъ образомъ о родѣ причины, однакожъ такъ, что упоминается и о прочихъ трехъ родахъ: сказано сперва о всѣхъ четырехъ, а потомъ вниманіе останавливается на четвертомъ, и о немъ только трактуется. Прежде всего полагается, что четвертый родъ причины τοῖς παρ' ἡμῖν ψυχὴν παρέχειν: потому что хотя душа, какъ и все прочее, составлена также изъ конечнаго и безконечнаго, однако образованіе ея требовало извѣстнаго уравновѣшенія сихъ началъ; а это могло быть произведено не иначе, какъ причиною разумною.

причина въ этомъ, устрояющая и упорядочивающая годы, годовыя времена и мѣсяцы, весьма справедливо можетъ быть названа мудростію и умомъ.

Прот. Конечно, весьма справедливо.

Сокр. Впрочемъ, мудрость и умъ не получаются безъ души.

Прот. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. И не скажешь ли ты, что въ природѣ Зевса [1], D.
по силѣ причины, живетъ царская душа и царскій умъ, а въ другихъ (богахъ) другія совершенства, какія кому изъ нихъ угодно себѣ приписывать?

Прот. И очень.

Сокр. Да и не думай, Протархъ, что мы сказали это слово попусту: оно помогало тѣмъ [2], которые нѣкогда утверждали, что правитель всего всегда есть умъ.

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Оно же даетъ отвѣтъ и на мой-то вопросъ, что умъ—родня [3] причинѣ всего, принадлежащей къ числу че- E.

---

[1] Зевсъ у Платона почитается образомъ высочайшаго ума. Такъ понималъ его и Омиръ (Iliad. XIII, v. 355): ἀλλὰ Ζεὺς πρότερας γέγονε καὶ πλείονα ᾔδη. Phaedr. p. 247 A; 252 C. Plotin. Ennead. III, 5, p. 298 C; IV, 4, p. 403 A.

[2] Разумѣются Анаксагоръ и его послѣдователи.

[3] Что умъ родня причинѣ всего, ὅτι νοῦς ἐστὶ γενούστης τοῦ πάντων αἰτίου. Это слово γενούστης въ греческомъ языкѣ неслыханное и, по самому сочетанію звуковъ, какъ будто не греческое. Поэтому нѣкоторые критики приведенное выраженіе считали испорченнымъ; такъ напримѣръ, Беккеръ измѣняетъ его въ слѣдующее: ἐστὶ γένους τοῦ πάντων κ. τ. λ. Но это—просто догадка, не подтверждаемая кодексами. Изъ нихъ два только, Bodl. et Vat, вмѣсто γενούστης, имѣютъ γένους τῆς: но это чтеніе не представляетъ грамматической правильности. Защищаютъ и объясняютъ это слово Hesychius (T. I, p. 817): γενούστης· ἐπὶ τοῦ θεοῦ ἐννοίας, ὁ γεννητικός; Suidas (T. I, p. 474); γεννούστης (такъ пишетъ его Свида) οἷον γεννήτης, ἢ συγγενὴς, ἢ ἔγγονος. τὸ τελευταῖον ἐκδέχεσθαι ἄμεινον. Приводитъ γενούστης и Олимпіодоръ, и видитъ въ немъ λέξιν καινοτέραν. При такомъ различіи чтеній этого слова, что сказать о значеніи его?—Я думаю, что Платоновъ Сократъ измыслилъ γενούστης не безъ причины и не безъ крайней нужды. Ему надобно было четвертою причиною всего поставить νοῦς и, въ то же время, соединить съ нимъ понятіе γεννήτης или γενήτης, чтобы, то есть, νοῦς оставался не безъ дѣла, какъ у Анаксагора (см. Phaedon. p. 98 B—99 B), но былъ умомъ раждательнымъ и, какъ раждательный, отличался отъ ума самого въ себѣ, или божественнаго. Дальнѣйшее раскрытіе этого Платонова взгляда ясно видно въ Тимеѣ.

тырехъ родовъ, изъ которыхъ былъ у насъ одинъ этотъ. Такъ вотъ ты и имѣешь уже нашъ отвѣтъ.

Прот. И весьма удовлетворительный; хотя ты какъ будто подкрался съ своимъ отвѣтомъ.

Сокр. Шутка, Протархъ, иногда бываетъ отдыхомъ послѣ дѣла серьезнаго.

Прот. Прекрасно сказано.

31. *Сокр.* И такъ умъ-то, другъ мой, къ какому бы роду онъ ни относился, и какую бы силу ни имѣлъ, проясненъ у насъ теперь почти надлежащимъ образомъ.

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А прежде обрисовался предъ нами также и родъ удовольствія.

Прот. И очень.

Сокр. Вспомнимъ же относительно обоихъ и то, что умъ былъ сроденъ съ причиною и почти того же съ нею рода; а удовольствіе—само безпредѣльно и относится къ такому роду, который въ себѣ и отъ себя не имѣетъ и никогда не будетъ имѣть ни начала, ни средины, ни конца.

B. *Прот.* Вспомнимъ; какъ не вспомнить!

Сокр. Потомъ намъ надобно разсмотрѣть [1], въ чемъ есть каждый изъ обоихъ родовъ, и чрезъ какое состояніе происходятъ они, когда происходятъ,—и разсмотрѣть сперва удовольствіе, ибо какъ родъ его мы испытывали прежде, такъ прежде же разсмотримъ и это. Но испытать скорбь отдѣльно отъ удовольствія намъ достаточно нельзя.

Прот. Да, если этимъ путемъ должно идти, то этимъ и пойдемъ.

---

[1] Сократъ приступаетъ теперь къ рѣшенію вопроса о томъ, въ какой сторонѣ человѣческой природы имѣютъ свою опору, или какъ бы свой пріютъ, удовольствіе и разумность: въ душѣ ли, то есть, живутъ они, или въ тѣлѣ, или въ томъ и другомъ. Говорится также о состояніи души и тѣла, въ которомъ находится человѣкъ, подчиняясь дѣйствію удовольствія и разумности. Отсюда видно, въ какомъ смыслѣ принимаетъ Платонъ слово πάθος: это есть страдательное состояніе души относительно къ дѣятельности того или другаго агента.

Сокр. Ну, такъ касательно ихъ бытности то же ли кажется и тебѣ, что мнѣ?

Прот. Что такое? C.

Сокр. Скорбь и удовольствіе, по ихъ существу, представляются мнѣ совмѣщающимися въ общемъ родѣ [1].

Прот. А общій-то родъ, любезный Сократъ,—напомни намъ,—что̀ хочешь ты означать имъ въ прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ?

Сокр. Это, по силамъ, будетъ сдѣлано, почтеннѣйшій.

Прот. Хорошо сказалъ ты.

Сокр. Подъ общимъ разумѣемъ мы тотъ родъ, который изъ четырехъ называли третьимъ.

Прот. Который поставлялъ ты послѣ безпредѣльнаго и предѣла,—въ которомъ полагалъ, думаю, и здоровье и гармонію?

Сокр. Прекрасно. Теперь съ твоей стороны нужно особенное вниманіе. D.

Прот. Говори только.

Сокр. Вотъ и говорю: какъ скоро въ насъ, животныхъ, разрушается гармонія, тотчасъ происходитъ разрушеніе природы и въ то же самое время является бытность скорбей.

Прот. Дѣло очень вѣроятное.

Сокр. И опять, когда она настроя̀ется и возвращается къ своей природѣ,—надобно говорить, что происходитъ удо-

---

[1] Сократъ полагаетъ, что удовольствія и скорби надобно искать въ родѣ смѣшанномъ (ἐν τῷ κοινῷ γένει): это съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, потому что удовольствіе сперва относимо было къ τὸ ἄπειρον. Но прежній вопросъ о родѣ удовольствія, разсматриваемаго въ самомъ себѣ, надобно строго отличать отъ настоящаго вопроса объ источникѣ удовольствія и скорби. Удовольствіе и скорбь полагаются теперь въ τῷ κοινῷ или συμμεμιγμένῳ, если не ошибаюсь, потому, что всѣ животныя и люди, одаренныя чувствомъ удовольствія и скорби, должны относиться къ сущности бытной—γεγενημένην οὐσίαν; а что̀ есть или только конечное, или безконечное, то не можетъ быть причастно ни удовольствію, ни скорби; потому что въ томъ немыслимо ни разрушеніе, ни возстановленіе гармоніи, которая одна есть причина и начало пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій.

вольствіе, если только о вещахъ великихъ можно выразиться кратко и наискорѣйшимъ образомъ.

E· *Прот*. Я думаю, Сократъ, что ты говоришь правильно; однакожъ постараемся высказать то же самое яснѣе.

Сокр. Не легче ли будетъ понять выраженія простонародныя и извѣстныя?

Прот. Какія?

Сокр. Голодъ, вѣроятно, есть разрушеніе и скорбь.

Прот. Да.

Сокр. А принятіе пищи, сопровождаемое опять восполненіемъ, есть удовольствіе.

Прот. Да.

32. *Сокр*. Жажда также есть разрушеніе и скорбь, а сила жидкости, снова восполняющая то, что засохло, есть удовольствіе. Подобнымъ образомъ, отдѣленіе пота и противуестественное разслабленіе отъ жара есть скорбь, а соотвѣтственное природѣ возстановленіе и прохлажденіе есть удовольствіе.

Прот. Конечно.

Сокр. И сгущеніе жидкости отъ холода, противное природѣ животнаго, есть скорбь; а когда жидкости возвращаются опять въ прежнее состояніе и раздѣляются,—этотъ сообразный съ природою путь возвращенія ихъ есть удовольствіе. Однимъ словомъ, смотри, удовлетворительнымъ ли
B. кажется тебѣ положеніе, что если родъ одушевленный, по природѣ происходящій, какъ мы говорили прежде, изъ безпредѣльнаго и предѣла, повреждается, то поврежденіе его есть скорбь; а когда онъ возвращается къ своей сущности, —это возвращеніе его есть удовольствіе.

Прот. Пусть такъ; потому что здѣсь, кажется, виденъ какой-то очеркъ.

Сокр. И такъ, въ обоихъ указанныхъ состояніяхъ, положимъ это какъ одинъ родъ скорби и удовольствія.

Прот. Пусть будетъ положено.

Сокр. Положи также въ самой душѣ и ожиданіе, кото-

рымъ предваряются эти состоянія: предъ удовольствіями C.
ожидаемое—пріятность и увѣренность, а предъ скорбями—страхъ и томленіе.

Прот. Да, это конечно родъ, отличный отъ удовольствія и скорби, выражаемый ожиданіемъ душевнымъ, независимо отъ тѣла.

Сокр. Правильно понимаешь; потому что изъ этихъ, думаю, —по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію,—чистыхъ и, кажется, не смѣшанныхъ ощущеній скорби и удовольствія [1] будетъ, примѣнительно къ удовольствію, видно, цѣлый ли означен- D.
ный родъ заслуживаетъ принятія, или эти ощущенія надобно намъ отнесть къ которому нибудь изъ прежде названныхъ родовъ, а удовольствіе и скорбь, подобно теплотѣ, холоду и всѣмъ такимъ родамъ, то принимать, то не принимать, такъ какъ они—не добро, а только иныя иногда усвояютъ себѣ природу добра.

Прот. Ты очень правильно говоришь; этимъ, вѣроятно, путемъ надобно преслѣдовать то, что теперь ищется.

Сокр. И такъ, сперва разсмотримъ слѣдующее: если ска- E.
занное нами существенно таково, если, то есть, за разрушеніемъ ихъ идетъ печаль, а за возстановленіемъ—удовольствіе; то, когда они и не разрушаются и не возстановляются,

---

[1] Отнесши удовольствіе и скорбь къ ощущеніямъ смѣшаннымъ, Сократъ теперь называетъ ихъ чистыми, имѣя въ виду, конечно, не то состояніе, въ которомъ они становятся явленіями, то есть, пробуждаются въ тѣлѣ и получаютъ какое-нибудь содержаніе, или извѣстный предметъ, а состояніе, предшествующее имъ, какъ явленіямъ, когда пріятное и непріятное чувствуется еще въ самой душѣ и бываетъ безсодержательнымъ, неосуществленнымъ, просто—надеждою или страхомъ. Эти послѣднія чувствованія можно назвать дѣйствительно чистыми и предполагать ἐν τῷ ἀπείρῳ, какъ удовольствія и скорби сами въ себѣ. Чтобы изъ этого не смѣшаннаго состоянія перейти имъ въ смѣшанное, требуется какое нибудь ограниченіе ихъ въ безпредѣльномъ силою предѣла, то есть, требуется предметъ, чрезъ который бы ожидаемое сдѣлалось дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а устрашающее осуществилось дѣйствительною скорбію,—и такимъ образомъ общее перешло бы въ частное. И такъ какъ изъ частнаго еще не видно, таково ли оно, какъ все то общее: то и нельзя всецѣло называть его и принимать какъ добро, безъ примѣси зла, или какъ зло, безъ примѣси добра.

—размыслимъ, что за состояніе будетъ въ каждомъ животномъ при такихъ чувствованіяхъ? Отвѣчай на это со всѣмъ вниманіемъ. Не совершенно ли необходимо, что въ то время никакое животное не будетъ ни скорбѣть, ни наслаждаться удовольствіемъ,—не будетъ нисколько [1]?

Прот. Конечно, необходимо.

Сокр. Такъ это наше расположеніе не есть ли третіе,
33. кромѣ радостнаго и скорбнаго [2]?

Прот. Какъ же.

Сокр. Постарайся же теперь помнить о немъ; потому что для сужденія объ удовольствіи не маловажное дѣло, будемъ ли мы помнить это, или нѣтъ. Впрочемъ, если угодно, скажемъ нѣчто относительно этого предмета.

Прот. Что такое? Говори.

Сокр. Кто избралъ жизнь разумную, тому, знаешь, ничто не мѣшаетъ жить такимъ образомъ.

Прот. Ты говоришь о томъ, кто и не радуется и не
B. скорбитъ?

Сокр. Вѣдь тогда, при сравниваніи жизней, было сказано [3], что человѣку, избравшему жизнь мыслящую и разумную, не слѣдуетъ нисколько радоваться.

Прот. Да, дѣйствительно такъ было сказано.

Сокр. Вотъ же такъ ему и жить; и, можетъ быть, нѣтъ ничего страннаго, что такая жизнь есть изъ всѣхъ самая божественная.

Прот. Поэтому богамъ естественно будетъ ужъ и не радоваться и не испытывать чувства противнаго [4]?

Сокр. Не совсѣмъ естественно; по крайней мѣрѣ, какъ

---

[1] Не будетъ нисколько, μήτε μέγα μήτε σμικρόν. О значеніи этого выраженія см. прим. къ Апологіи Сократа p. 19 C, гдѣ, впрочемъ, вмѣсто μήτε читается οὔτε.

[2] Для объясненія этого заключенія хорошо сравнить De Rep. X, p. 583 C. E, гдѣ о безсодержательности скорби и удовольствія говорится то же самое.

[3] Здѣсь указывается на прежнія изслѣдованія, p 21 A—p. 22 E.

[4] Это мнѣніе повторяется De Rep. VI, p. 505 sq.; Phaedr. p. 217 A; Epinom. p. 983 A: Θεὸν μὲν γὰρ δὴ τὸν τέλος ἔχοντα ἔξω τούτων εἶναι, λύπης τε καὶ ἡδονῆς.

то, такъ и другое состояніе имъ не прилично. Впрочемъ, это мы изслѣдуемъ еще послѣ, когда придется къ слову; а C. теперь доставимъ уму второе мѣсто, если не можемъ доставить ему перваго.

Прот. Ты говоришь весьма правильно.

Сокр. Вѣдь и второй-то родъ удовольствій, который находится, говоримъ, въ самой душѣ, весь произошелъ при посредствѣ памяти.

Прот. Какъ?

Сокр. Видно, сперва надобно взяться за память, что̀ такое она; даже прежде опять, чѣмъ за память, должно быть,—за чувство, если хотимъ, чтобы этотъ предметъ былъ для насъ ясенъ по надлежащему.

Прот. Какъ ты говоришь? D.

Сокр. Положи, что, изъ всегдашнихъ впечатлѣній на наше тѣло, одни, прежде чѣмъ перейти въ душу, погасаютъ въ тѣлѣ и оставляютъ ее безучастною, а другія идутъ въ обѣ эти части и производятъ въ нихъ какъ бы нѣкоторое сотрясеніе, особое и общее въ каждой [1].

Прот. Пусть будетъ положено.

Сокр. И говоря, что впечатлѣнія, идущія не въ обѣ части, утаиваются отъ нашей души, а въ обѣ—не утаиваются, не весьма ли правильно скажемъ?

Прот. Какъ же иначе. E.

Сокр. Но утаеніе ты отнюдь не понимай такъ, что будто бы я говорю здѣсь о бытности забвенія; потому что забве-

---

[1] Обратившись къ изслѣдованію чувства, Платонъ прежде всего различаетъ въ немъ два состоянія: одно—то, въ которомъ душа не принимаетъ участія, а другое—то, которое сознается. Въ первомъ впечатлѣнія дѣлаются на органы, но не возбуждаютъ сознанія и остаются не замѣченными; напротивъ, въ послѣднемъ дѣйствуютъ и тѣло и душа, и каждая изъ этихъ частей—своимъ образомъ. Изъ этого видно, что αἴσθησις у Платона не есть чистое, или страдательное принятіе впечатлѣній, но есть дѣятельность чувствъ, соединенная съ участіемъ или сознаніемъ души. Точно такъ говорится и въ Тимеѣ (p. 43 C): καὶ ὑπὸ πάντων τούτων διὰ τοῦ σώματος αἱ κινήσεις ἐπὶ τὴν ψυχὴν φερόμεναι προσπίπτοιεν· αἳ δὴ καὶ ἔπειτα διὰ ταῦτα ἐκλήθησάν τε καὶ νῦν ἔτι αἰσθήσεις ξυνάπασαι κέκληνται.

ніе есть удаленіе памяти [1], а памяти о томъ, о чемъ теперь говорится, еще не было: говорить же кому нибудь о потерѣ того, чего нѣтъ и не было, безразсудно. Не такъ ли?

Прот. Какъ же.

Сокр. Стало быть, измѣни только названія.

Прот. Какъ?

Сокр. Вмѣсто утаенія отъ души, когда она не участвуетъ въ потрясеніяхъ тѣла, чтѝ теперь называешь ты забвеніемъ, употреби имя: неощущеніе.

Прот. Понимаю.

34. *Сокр.* А если душа и тѣло испытываютъ одно общее впечатлѣніе и съобща движутся, то ты не погрѣшишь, когда такое движеніе назовешь ощущеніемъ.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. И такъ, мы уже знаемъ, чтѝ хотимъ называть ощущеніемъ.

Прот. Какъ же.

B. *Сокр.* Стало быть, кто нибудь, называя память хранительницею ощущенія, по моему мнѣнію, назвалъ бы ее правильно.

Прот. Конечно, правильно.

Сокр. Но память не отличается ли, скажемъ, отъ воспоминанія?

Прот. Можетъ быть.

Сокр. Не это ли она?

Прот. Что такое?

Сокр. То, когда душа получаетъ впечатлѣнія вмѣстѣ съ тѣломъ. А какъ скоро принимаетъ ихъ непремѣнно сама

---

[1] Λήθη, утаеніе отъ души, или забвеніе, по разумѣнію Платона, не есть что либо самобытно существующее, или само по себѣ проявившееся (γένεσις); оно, напротивъ, имѣетъ значеніе только отрицательное: оно есть отрицаніе памяти, какъ тьма—отрицаніе свѣта. Забвеніе не свойственно душѣ, одаренной памятью; оно бываетъ только въ тѣлѣ, поколику его дѣятельность не озаряется сознаніемъ души. Symp. p. 208 A: λήθη γὰρ ἐπιστήμης ἔξοδος. Nemes., De natura hom. p. 202, ed. Matth.: λήθη δ' ἐστὶ μνήμης ἀποβολή. Это ἡ μνήμης ἀποβολὴ и есть то самое, что здѣсь замѣняется словомъ ἀναισθησία.

по себѣ, безъ тѣла,—тогда, говоримъ, душа воспоминаетъ [1]. Не правда ли?

Прот. Конечно.

Сокр. Вѣдь и тогда, когда, потерявъ память, объ ощущеніи ли то, или также о знаніи, душа снова возстановляетъ ее сама по себѣ,—и это все вмѣстѣ называемъ мы припо- C. минаніями и памятованіями.

Прот. Правильно говоришь.

Сокр. А цѣль, для чего все это сказано, вотъ какая.

Прот. Какая?

Сокр. Чтобы какъ нибудь, сколько можно яснѣе, понять удовольствіе души безъ тѣла, и вмѣстѣ пожеланіе: ибо такимъ-то, вѣроятно, способомъ объяснится то и другое.

Прот. Будемъ же говорить, Сократъ, что̀ за этимъ слѣдуетъ.

Сокр. При разсужденіи о бытности удовольствія и всей его формѣ, настоитъ необходимость, какъ видно, изслѣдовать D. многое. И вотъ теперь прежде всего нужно, кажется, взяться за пожеланіе,—что̀ такое оно и откуда происходитъ.

Прот. Такъ изслѣдуемъ; вѣдь ничего не потеряемъ.

Сокр. Да! Потеряемъ и тутъ-то, Протархъ, если найдемъ, что̀ ищемъ: потеряемъ сомнѣніе касательно этого предмета.

Прот. Правильно отразилъ. Постараемся же сказать о дальнѣйшемъ.

Сокр. Не назвали ли мы недавно пожеланіями голодъ, жажду и многое другое подобное?

---

[1] Подъ именемъ памяти Платонъ разумѣетъ, какъ видно, сознательное представленіе впечатлѣній, принятыхъ чрезъ чувства, слѣдовательно при посредствѣ тѣлесныхъ органовъ. Но если въ памяти воскресаютъ такія представленія, которыя не проходили чрезъ область чувственности, то возстановленіе ихъ у Платона называется уже воспоминаніемъ. Такое различіе между памятью и воспоминаніемъ, конечно, не совсѣмъ согласно съ наблюденіемъ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что возбудительницею хранимыхъ въ памяти представленій должна быть сила не чувственной, а духовной природы: потому что воспоминаются обыкновенно не самые образы вещей, а представленія ихъ, и воспоминаются такъ, что вводятся въ формы пространства и времени и озаряются сознаніемъ, чего природѣ чувственной приписать нельзя. Впрочемъ, употребляя выраженіе: ἀπολέσαι μνήμην, и потомъ ἀναπολέσαι πάλιν αὐτήν, Платонъ какъ будто и самъ возвращается къ обыкновенному понятію о памяти и воспоминаніи.

Прот. Да и положительно.

Сокр. На что же смотря, какъ на тожественное [1], на-
E. звали мы однимъ именемъ вещи столь различныя?

Прот. Это, клянусь Зевсомъ, Сократъ, можетъ быть, не легко сказать. Впрочемъ, говорить надобно.

Сокр. Начнемъ опять съ того же, оттуда.

Прот. Откуда?

Сокр. Вѣдь мы всякій разъ говоримъ, что нѣчто жаждетъ.

Прот. Какъ же.

Сокр. А это не значитъ ли—пустѣетъ?

Прот. Конечно.

Сокр. Стало быть, жажда не есть ли желаніе?

Прот. Да, по крайней мѣрѣ—питья.

35. *Сокр.* Питья, или восполненія питья?

Прот. Думаю-таки, восполненія [2].

Сокр. Поэтому опустѣвающій изъ насъ желаетъ, какъ видно, противнаго тому, чѣмъ впечатлѣвается. Вѣдь опустѣвающій желаетъ восполниться [3].

---

[1] На что смотря, какъ на тожественное. Здѣсь ταὐτὸν то же, что τὸ ἓν или τὸ γένος, τὸ εἶδος. Слѣдовательно, Сократъ выражаетъ такую мысль: подъ какимъ родомъ мы разсматриваемъ столь многія и столь различныя вещи, что называемъ ихъ однимъ именемъ?—Поэтому Діогенъ Лаэрцій III, 63), Свида и Фаворинъ правильно говорятъ: Πλάτων καλεῖ καὶ τὴν ἰδέαν οὔτε κινούμενον οὔτε μένον, καὶ ταὐτὸ, καὶ ἓν, καὶ πολλά.

[2] Думаю-таки, восполненія, οἶμαι μὲν πληρώσεως. О значеніи частицы μὲν въ рѣчи вопросительной см. Charm. p. 278 C. Гораздо труднѣе подмѣтить ея значеніе, когда она употребляется при отвѣтахъ и соотвѣтствуетъ Латинскому quidem. Въ такихъ случаяхъ μὲν, равно какъ и quidem, имѣетъ легкій оттѣнокъ уступки, который, кажется, можетъ быть выражаемъ нашею частицею таки. Legg. III, in.: οἶμαι μὲν, ἀπὸ χρόνου μήκους, думаю-таки,—отъ продолжительности времени; De Rep. IV, p. 423 B: οἶμαι μὲν, ἦν δ' ἐγώ, κ. τ. λ., думаю-таки, сказалъ я, и т. д. Германъ (ad Viger. p. 841) говоритъ объ этомъ иначе: если послѣ μὲν не слѣдуетъ δὲ, то, по его мнѣнію, надобно подразумѣвать или одно это δὲ, или цѣлое положеніе, сопровождаемое частицею δὲ. Но употребленіе не оправдываетъ Германова мнѣнія. Sophist. p. 231 D: δοκῶ μὲν γάρ, τὸ πρῶτον εὑρέθη,--вѣдь мнѣ кажется-таки, что первое найдено.

[3] Желанія наши всегда сопровождаются какимъ-то чувствомъ пустоты или недостатка, и стремленіемъ восполнить недостающее. Изъ этого Сократъ заключаетъ, что желанія наши возбуждаются не въ тѣлѣ, а въ душѣ. Доказательство идетъ такъ. Всякое желаніе есть стремленіе получить какую нибудь

Прот. Это ужъ очень ясно.

Сокр. Что же? Человѣкъ, опустѣвающій въ первый разъ, могъ ли бы откуда нибудь или чувствомъ ухватиться за восполненіе, или памятью объ этомъ, если онъ и въ настòящее время не получаетъ такого впечатлѣнія и прежде никогда не получалъ?

Прот. Да какъ же?

Сокр. Между тѣмъ мы сказали, что желающій-то чего B.
нибудь желаетъ?

Прот. Какъ же не сказать?

Сокр. Стало быть, онъ желаетъ не того, чѣмъ впечатлѣвается-то. Вѣдь онъ жаждетъ: это—опустѣніе; а желаетъ: это—восполненіе.

Прот. Да.

Сокр. Слѣдовательно, за восполненіе хватается какъ бы что-то изъ принадлежностей жаждущаго.

Прот. Необходимо.

Сокр. Но тѣло не можетъ; потому что оно опустѣваетъ.

Прот. Да.

Сокр. Стало быть, за восполненіе остается хвататься ду- C.
шѣ,—и явно, что памятью; ибо чѣмъ инымъ ухватилась бы она?

Прот. Почти ничѣмъ.

Сокр. Узнаѐмъ ли мы теперь, чтò слѣдуетъ изъ этихъ нашихъ словъ?

Прот. Что такое?

Сокр. Это разсужденіе говоритъ намъ, что желаніе принадлежитъ не тѣлу.

Прот. Какъ?

вещь, которой не имѣемъ и которою хотимъ восполниться. Поэтому мы желаемъ чего-то противнаго тому, чѣмъ впечатлѣны. А такъ какъ намъ и чувствовать нельзя ничего, чтò не сдѣлало на насъ впечатлѣнія, и вспомнить невозможно ни о чемъ, чего никогда не чувствовали: то явно, что душа къ мысли о восполненіи приводится памятью, и что самое желаніе возбуждается не въ тѣлѣ, а въ душѣ.

Сокр. Такъ, что всякое животное всегда стремится къ тому, что противно его впечатлѣніямъ.

Прот. И очень.

Сокр. А стремленіе-то, ведущее къ противному, чѣмъ каковы впечатлѣнія, показываетъ, что память есть памятованіе того, что противно впечатлѣніямъ.

Прот. Конечно.

D. *Сокр.* Стало быть, это разсужденіе, показывая, что память ведетъ къ предметамъ желанія, открываетъ, что всякое стремленіе и желаніе принадлежитъ душѣ и управляетъ всѣми животными.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Посему это разсужденіе никакъ не допускаетъ, что жаждать, или алкать, или чувствовать иное тому подобное, свойственно нашему тѣлу.

Прот. Очень справедливо.

Сокр. Притомъ, объ этомъ же самомъ размыслимъ и слѣдующее: наше разсужденіе именно здѣсь, кажется, хочетъ указать намъ и нѣкоторый (особенный) родъ жизни.

E. *Прот.* Гдѣ и о какой жизни говоришь ты?

Сокр. Въ восполненіи и опустѣніи, и во всемъ, что относится къ сохраненію и порчѣ животныхъ; и кто изъ насъ находится въ томъ или другомъ состояніи, тотъ, смотря по перемѣнамъ, либо скорбитъ, либо радуется.

Прот. Такъ.

Сокр. А что, если онъ будетъ въ срединѣ между этими состояніями?

Прот. Какъ въ срединѣ?

Сокр. Кто находится подъ впечатлѣніемъ скорби, но помнитъ, какъ было бы пріятно, если бы скорбь его прекратилась, только этого восполненія еще не произошло: что̀ тотъ? Скажемъ, или не скажемъ, что онъ въ срединѣ впе-
36. чатлѣній?

Прот. Конечно, скажемъ.

Сокр. Неужели онъ всецѣло скорбитъ, или также и радуется?

Прот. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, онъ скорбитъ какою-то двойною скорбію: тѣлесно находится подъ впечатлѣніемъ, а душевно—подъ нѣкоторымъ желаніемъ чаянія [1].

Сокр. Какъ это, Протархъ, говоришь ты о двоякости скорби? Не бываетъ ли, что иной изъ насъ, опустѣвая, имѣетъ несомнѣнную надежду восполниться, а иной, напро- B.
тивъ, остается безъ надежды?

Прот. И конечно.

Сокр. Не кажется ли тебѣ также, что, надѣясь быть восполненнымъ, онъ увеселяется памятью, а опустѣвая, въ то самое время печалится?

Прот. Необходимо.

Сокр. Стало быть, тогда какъ человѣкъ, такъ и другія животныя скорбятъ и вмѣстѣ радуются.

Прот. Должно быть.

Сокр. Что же, когда опустѣвающій не имѣетъ надежды получить восполненіе? Не тогда ли бываетъ то двойное впечатлѣніе скорби? и не эту ли скорбь замѣтилъ ты теперь
и подумалъ, что она просто [2] двойная? C.

Прот. Очень справедливо, Сократъ.

Сокр. Такъ этимъ изслѣдованіемъ упомянутыхъ впечатлѣній мы воспользуемся [3] слѣдующимъ образомъ.

Прот. Какимъ?

Сокр. Скажемъ ли, что замѣченныя скорби и удоволь-

---

[1] Желаніе чаянія, προςδοκίας πόθος, есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ вызываетъ воображеніемъ не самое прекращеніе скорби, а только еще надежду на прекращеніе ея; пріятно бы, то есть, было и ожидать того времени, когда она прекратится.

[2] Что она просто двойная, ἁπλῶς εἶναι διπλοῦν, т. е. безъ всякого исключенія. Такъ нерѣдко употребляются ἁπλῶς и ἁπλοῦν. Sympos. p. 183 C.

[3] Вопросъ объ истинныхъ и ложныхъ удовольствіяхъ и скорбяхъ разсматривается также и въ Государствѣ (IX, p. 585 A sqq.); но тамъ, по обстоятельствамъ изслѣдованія, нѣсколько иначе. Nemes., De nat. hom. p. 223: Καὶ γὰρ κατὰ Πλάτωνα τῶν ἡδονῶν αἱ μέν εἰσι ψευδεῖς, αἱ δὲ ἀληθεῖς. Ψευδεῖς μέν, ὅσαι μετ᾽ αἰσθήσεως γίγνονται καὶ δόξης οὐκ ἀληθοῦς, καὶ λύπας ἔχουσι συμπεπλεγμένας· ἀληθεῖς δέ, ὅσαι τῆς ψυχῆς εἰσὶ μόνης αὐτῆς καθ᾽ ἑαυτὴν μετ᾽ ἐπιστήμης καὶ νοῦ καὶ φρονήσεως, καθαραὶ καὶ ἀνεπίμικτοι λύπης, αἷς οὐδεμία μετάνοια παρακολουθεῖ ποτέ.

ствія всѣ истинны или ложны, или—однѣ истинны, а другія нѣтъ?

Прот. Какимъ же образомъ, Сократъ, удовольствія или скорби могли бы быть ложными?

Сокр. А какимъ образомъ, Протархъ, бываютъ истинные или ложные страхи, истинныя или нѣтъ ожиданія [1], истинныя или ложныя мнѣнія?

D. *Прот.* Что касается мнѣній, то, пожалуй, уступлю, но касательно прочаго—нѣтъ.

Сокр. Что ты говоришь? Вѣдь мы, должно быть, возбуждаемъ разсужденіе очень немаловажное.

Прот. Правда.

Сокр. А если, сынъ того мужа [2], понадобится разсмотрѣть, идетъ ли это къ сказанному прежде?

---

[1] О множественномъ числѣ именъ: φόβοι и προςδοκίαι, страхи и ожиданія, надобно замѣтить то, что эти и другія имена непремѣнно становятся многими, какъ скоро изъ области отвлеченныхъ понятій переходятъ въ міръ предметовъ конкретныхъ. По мѣрѣ того, какъ съ извѣстными именами соединяется то или другое содержаніе, они необходимо должны разнообразиться, и тогда, для соединенія ихъ въ одномъ родѣ, родовое понятіе принимаетъ число множественное. Такимъ образомъ страхи, ожиданія, надежды, какъ и латинскія—timores, metus, spes, суть не иное что, какъ отвлеченныя понятія, ограниченныя различными отличительными признаками, и потому перешедшія въ число множественное.

[2] Такое же обращеніе дѣлаетъ философъ De Rep. II, p. 368 A: ὦ παῖδες ἐκείνου τοῦ ἀνδρος. Этою шуткою могъ онъ затрогивать какъ Филеба, который имѣлъ привычку называть своихъ учениковъ словомъ παῖδες, такъ и Протарха, который слѣдовалъ его образу мыслей; а слѣдовавшихъ кому нибудь во взглядѣ на вещи или въ родѣ занятій обыкновенно называли παῖδάς τινος. Такъ, Legg. p. 769 B: παῖδες ζωγράφων. Дальнѣйшими же словами Сократъ вѣжливо обличаетъ своихъ собесѣдниковъ въ томъ, что прежде они сами сознавали справедливость его положеній, а теперь отказываются отъ прежняго своего убѣжденія. «Мнѣ кажется, Филебъ, что Сократъ говоритъ это прекрасно», сказалъ тогда Протархъ, p. 17 E.—«И мнѣ тоже кажется», подтвердилъ Филебъ; «но къ чему же теперь высказана намъ эта мысль? Съ какимъ намѣреніемъ?»—«А вѣдь Филебъ правильно спросилъ насъ объ этомъ, Протархъ», примолвилъ Сократъ.—«Конечно, и отвѣчай-таки ему», сказалъ Протархъ.—Потомъ, когда Сократъ раскрылъ этотъ предметъ, Филебъ замѣтилъ: «въ настоящей рѣчи, какъ и въ сказанной немного прежде, мнѣ недостаетъ того же.»—А Сократъ на это:—«къ чему, то есть, опять говорится это, Филебъ?»—Филебъ же отвѣчалъ: «да, объ этомъ давно уже спрашиваемъ мы—я и Протархъ.»—Имѣя въ

Прот. Можетъ быть, и понадобится.

Сокр. Такъ намъ слѣдуетъ распрощаться и съ другими длиннотами [1], какъ будто бы все, что нами ни говорилось, къ дѣлу не относится.

Прот. Правильно.

Сокр. Скажи же мнѣ: вѣдь меня-то постоянно удивляютъ E.
недоумѣнія касательно того же самаго, что сейчасъ предложили мы.

Прот. Что хочешь ты сказать?

Сокр. Такъ изъ удовольствій не бываютъ одни истинными, а другія ложными?

Прот. Какъ бывать?

Сокр. Значитъ, ни наяву ни во снѣ [2], ни въ неистовствѣ ни въ помѣшательствѣ, не будетъ, говоришь ты, никого, кому казалось бы, что онъ радуется, а на самомъ дѣлѣ отнюдь не радовался, или кому казалось бы, что онъ скорбитъ, а на самомъ дѣлѣ не скорбѣлъ.

Прот. Всѣ мы полагаемъ, Сократъ, что это такъ.

Сокр. И правильно? Или нужно изслѣдовать, правильно ли говорится это, или нѣтъ?

Прот. Я полагалъ бы, что нужно изслѣдовать. 37.

Сокр. Опредѣлимъ еще яснѣе [3] то, что недавно говорено

виду эти слова своихъ собесѣдниковъ, Сократъ теперь шутливо замѣчаетъ имъ, что все, имъ сказанное, вызвано было ихъ вопросами, и что рѣшеніе этихъ вопросовъ они тогда одобрили, а теперь длинныя тѣ разсужденія бросаютъ въ сторону, какъ будто бы они къ дѣлу не относятся.

[1] Съ другими длиннотами, τοῖς ἄλλοις μήκεσιν. Разумѣются боковые пріемы или обороты рѣчи, для раскрытія предмета. Μῆκος, т. е. λόγων: но иногда это слово въ сказанномъ значеніи употребляется и безъ прибавленія λόγων. De Rep. IV, p. 437 A.

[2] Ни наяву, ни во снѣ. Οὔτε δὴ ὄναρ οὔθ' ὕπαρ есть выраженіе собственно провербіальное и значитъ: никакимъ образомъ. Такъ употребляется оно и ниже, p. 65 E. Но здѣсь мы встрѣчаемъ его въ одной конструкціи съ другимъ выраженіемъ: οὔτ' ἐν μανίαις οὔτ' ἐν παραφροσύναις, и потому находимъ приличнымъ удержать буквальный смыслъ его.

[3] Русское выраженіе «имѣть мнѣніе» здѣсь не совсѣмъ соотвѣтствуетъ греческому δοξάζειν. Этотъ глаголъ по-гречески имѣетъ значеніе чисто психологическое или субъективное, и соотвѣтствуетъ недостаточному русскому глаголу

было объ удовольствіи и мнѣніи. Имѣть мнѣніе, вѣроятно, значитъ вѣдь у насъ что нибудь?

Прот. Да.

Сокр. И испытывать удовольствіе?

Прот. Да.

Сокр. Не безъ значенія также и мнимое?

Прот. Какъ же иначе?

Сокр. Равно какъ и предметъ, отъ котораго испытывающій удовольствіе испытываетъ его?

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. Такъ имѣющій мнѣніе,—правильно ли, или неправильно мнитъ онъ,—этого самаго «мнить» собственно никогда не теряетъ.

B. *Прот.* Какъ терять?

Сокр. Равнымъ образомъ и испытываніе удовольствія: правильно ли кто испытываетъ его или неправильно, самое это «испытывать удовольствіе», явно, что никогда не теряется.

Прот. Да, и это такъ.

Сокр. Какимъ же образомъ мнѣніе обыкновенно бываетъ у насъ ложнымъ и истиннымъ, а дѣло удовольствія—только истиннымъ, если мнить и радоваться, въ самомъ дѣлѣ, одинаково свойственно тому и другому?

C. *Прот.* Надобно изслѣдовать.

Сокр. То ли, говоришь, надобно изслѣдовать, что мнѣнію прирождены ложь и истина, и оттого вышло не только мнѣніе, но мнѣніе, въ ту или другую сторону качественное?

Прот. Да.

мнить. Напротивъ, въ выраженіи: имѣть мнѣніе, слово «мнѣніе» есть знакъ предмета, слѣдовательно принимается въ смыслѣ объективномъ. Сократъ въ этомъ мѣстѣ доказываетъ, что скорбь и удовольствіе суть ощущенія пустыя и суетныя. Съ перваго взгляда, такое положеніе представляется, конечно, страннымъ, потому что удовольствія и скорби даютъ чувствовать себя очень живо; однакожъ доказательство Сократа имѣетъ свое значеніе, такъ какъ ложныя удовольствія раждаются отъ ложныхъ мнѣній, а радоваться чему нибудь основываясь на ложномъ мнѣніи, разумѣется, безразсудно.

Сокр. И кромѣ того, надобно еще согласиться намъ вотъ въ чемъ: правда ли, что тогда какъ все другое непремѣнно имѣетъ у насъ качества, только удовольствіе и скорбь есть то, что̀ есть, качествъ же не имѣютъ никакихъ?

Прот. Явно.

Сокр. Между тѣмъ, то-то не трудно замѣтить, что въ нихъ есть и качества; ибо мы давно уже говорили, что то и другое—скорби и удовольствія—бываютъ и велики, и малы, и сильны. D.

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А когда къ которому нибудь изъ нихъ, Протархъ, привьется еще и нравственно худое, мы вѣдь скажемъ, что такимъ образомъ мнѣніе стало худымъ и удовольствіе стало худымъ.

Прот. Какъ же иначе, Сократъ?

Сокр. Что жъ, если къ которому нибудь изъ нихъ привьется правильность, или противное правильности? Не назовемъ ли мы, думаю, мнѣнія правильнымъ, какъ скоро въ немъ есть правильность,—тоже и удовольствія?

Прот. Необходимо.

Сокр. Не слѣдуетъ ли также согласиться, что когда мнимое бываетъ погрѣшительно, погрѣшающее-то тогда мнѣніе будетъ неправильнымъ и неправильно мнящимъ? E.

Прот. Какъ же.

Сокр. И опять: что̀, если видимъ погрѣшность въ скорби или въ удовольствіи, относительно того, о чемъ бываетъ скорбь или противное ей,—назовемъ ли ее правильною, доброю, или которымъ нибудь изъ именъ хорошихъ?

Прот. Но, какъ скоро удовольствіе-то погрѣшаетъ, это невозможно.

Сокр. Притомъ видно вѣдь, что удовольствіе часто сопровождается у насъ не правильнымъ, а ложнымъ мнѣніемъ.

Прот. Какъ не сопровождаться. Но мнѣніе-то, Сократъ, мы и тогда въ этомъ отношеніи называли ложнымъ; а самаго 38.
удовольствія никто и никогда не называлъ такимъ.

Сокр. Ты, Протархъ, ревностно защищаешь теперь дѣло удовольствія.

Прот. Совсѣмъ нѣтъ; я говорю, что̀ слышу.

Сокр. Но все ли равно для насъ, другъ мой,—съ правильнымъ мнѣніемъ и знаніемъ часто въ каждомъ изъ насъ соединяется удовольствіе, или съ ложью и незнаніемъ?

B. *Прот.* По видимому, тутъ конечно не мало разницы.

Сокр. Такъ перейдемъ же къ разсмотрѣнію разницы между этимъ.

Прот. Направляй рѣчь, къ чему тебѣ кажется.

Сокр. Направляю сюда.

Прот. Куда?

Сокр. Мнѣніе, сказали мы, бываетъ у насъ ложное, бываетъ и истинное?

Прот. Такъ.

Сокр. А за ними,—разумѣю, за истиннымъ и ложнымъ мнѣніемъ,—какъ сейчасъ говорили, часто слѣдуютъ удовольствіе и скорбь.

Прот. Конечно.

C. *Сокр.* Но не отъ памяти ли и чувства происходитъ у насъ всякій разъ рѣшимость распознавать?

Прот. И очень.

Сокр. И не необходимо ли намъ въ этомъ отношеніи мыслить о себѣ такъ?

Прот. Какъ?

Сокр. Не сказалъ ли бы ты, что кому нибудь, смотрящему на предметъ издали не очень ясно, приходится хотѣть судить о томъ, что̀ онъ видитъ?

Прот. Сказалъ бы.

Сокр. Послѣ сего, не спросилъ ли бы онъ себя такъ?

Прот. Какъ?

Сокр. Что̀ это стоитъ тамъ у скалы, представляющееся
D. подъ какимъ-то деревомъ?—Не кажется ли тебѣ, что этотъ вопросъ далъ бы себѣ кто нибудь, смотря на такіе, рисующіеся ему образы?

Прот. Какой же иначе?

Сокр. И если бы послѣ того онъ, какъ бы въ отвѣтъ себѣ сказалъ, что это—человѣкъ, то не наугадъ ли сказалъ бы? E.

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. А подошедши потомъ ближе къ предмету, не прибавилъ ли бы, что это—статуя, произведеніе какихъ-то пастуховъ [1]?

Прот. И очень-таки.

Сокр. Но пусть бы кто нибудь былъ съ нимъ, и, что говорилъ онъ самъ въ себѣ, пусть то самое высказывалъ бы этому присутствующему открытымъ словомъ: тогда, какъ онъ высказывалъ бы это, рѣчь его не была ли бы тѣмъ, что прежде называли мы мнѣніемъ?

Прот. Чѣмъ же иначе?

Сокр. А когда былъ бы онъ одинъ и о томъ же размышлялъ бы самъ съ собою, тогда провелъ бы въ этомъ иной разъ и много времени.

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Что же? Относительно этихъ явленій представляется ли тебѣ то, что̀ мнѣ?

Прот. Что такое?

Сокр. Мнѣ кажется, что наша душа походитъ тогда на какую-то книгу.

Прот. Какъ?

Сокр. Память, какъ скоро она приходитъ къ тожеству 39.
съ ощущеніями, и находящіяся въ связи съ ними впечат-

---

[1] Статуи, ἀγάλματα, были изображенія, поставляемыя въ поляхъ и на лугахъ, въ честь боговъ, какъ памятники какихъ нибудь частныхъ событій. Онѣ дѣлаемы были изъ дерева, камня, глины и изъ другихъ подобныхъ веществъ. Этимологію и употребленіе слова ἄγαλμα подробно объясняетъ Ruhnken, p. 3: Ἄγαλμα отъ ἀγάλλειν—nitidum reddere, aliquid exornare. Отсюда—Svidas: ἀγάλματα· πάντα τὰ κόσμου τινος μετέχοντα. Homer: βασιλῆι δὲ κεῖται ἄγαλμα. Pindarus: τὴν ἐπὶ τάφου στήλην οὕτω καλεῖ. Eustath: τοὺς ἀστέρας dixit ἀγάλματα νυκτός. Charito, Lib. 1, p. 1: Καλλιῤῥόην, θαυμαστόν τι χρῆμα παρθένου, καὶ ἄγαλμα τῆς ὅλης Σικελίας. Сравн. Platon, Menon, p. 23 E; Phileb. p. 83 E; Charm. p. 236 A.

лѣнія, кажется мнѣ, будто записываютъ [1] рѣчи въ душахъ нашихъ; и если такимъ сочетаніемъ ихъ записывается истина, то раждается въ насъ и мнѣніе истинное, а отъ него и истинныя рѣчи; когда же этотъ писецъ нашъ записываетъ ложь,—выходятъ противныя истиннымъ.

B. *Прот.* Это мнѣ очень нравится, и такія слова я принимаю.

Сокр. Прими же и другаго художника [2], который въ то же самое время раждается въ нашихъ душахъ.

Прот. Какого?

Сокр. Живописца, который, вслѣдъ за списывателемъ упомянутыхъ рѣчей, рисуетъ въ душѣ образы ихъ.

Прот. Но какимъ образомъ и когда, говоримъ, этотъ раждается?

Сокр. Тогда, когда кто нибудь, отвлекая отъ зрѣнія или отъ другаго чувства мнимое и выражаемое словами, какъ бы смотритъ на образы вещей мнимыхъ и высказываемыхъ.
C. Или этого у насъ не бываетъ?

Прот. Чаще всего.

Сокр. Но не правда ли, что образы мнѣній и рѣчей истинныхъ бываютъ истинны, а ложныхъ—ложны?

---

[1] Способность записывать рѣчи въ душѣ Платонъ усвояетъ не одной памяти самой по себѣ, но памяти вмѣстѣ съ впечатлѣніями—παθήμασι τοῖς περὶ αἰσθήσεις. Память проявляетъ свою дѣятельность, какъ скоро есть ощущеніе; а ощущеніе бываетъ вслѣдствіе впечатлѣній. Поэтому память есть подлежательное условіе памятованія, а впечатлѣнія суть условія предлежательныя. Отношеніе памяти къ ощущеніямъ таково же, каково отношеніе τῆς διανοίας πρὸς τοὺς ἐντὸς τῆς ψυχῆς λόγους (Sophist. p. 263 D): διανοία καὶ λόγος ταὐτόν, πλὴν ὁ μὲν ἐντὸς τῆς ψυχῆς πρὸς αὑτὴν διάλογος ἄνευ φωνῆς γιγνόμενος τοῦτ᾽ αὐτὸ ἡμῖν ἐπωνομάσθη διάνοια.— Τὸ δὲ γ᾽ ἀπ᾽ ἐκείνης ρεῦμα διὰ τοῦ στόματος ἰὸν μετὰ φθόγγου κέκληται λόγος. При такой связи памяти съ впечатлѣніями, уже не удивительно, что далѣе τοῦτο τὸ πάθημα называется ὁ τοιοῦτος παρ᾽ ἡμῖν γραμματεύς.

[2] Теперь Сократъ приступаетъ къ описанію другой способности души, находящейся въ ближайшей связи съ первою и называемой φαντασία. Она, по мнѣнію Сократа, есть какъ бы усовершительница принятыхъ душою образовъ. Этотъ предметъ объясняется также въ Софистѣ, p. 260 E. sqq., а особенно съ стр. 264 A. Δόξα тамъ называется рѣчью, какъ бы заключенною въ душѣ. Если понимаемая такимъ образомъ δόξα остается не одна, а соединяется съ ощущеніемъ чувствъ, то называется видѣніемъ или фантазіею, которая есть какъ бы смѣшеніе чувства и мнѣнія. Посему для фантазіи требуется внутреннее, въ себѣ самомъ, созерцаніе образовъ того, что мнится и высказывается.

Прот. Непремѣнно.

Сокр. Если же это сказали мы правильно, то теперь разсмотримъ и слѣдующее.

Прот. Что такое?

Сокр. Быть намъ такими необходимо только ли въ отношеніи къ настоящему и прошедшему, а въ отношеніи къ будущему—нѣтъ [1]?

Прот. Конечно, одинаково по отношенію ко всѣмъ временамъ.

Сокр. Не сказали ли мы прежде, что удовольствія-то и D.
скорби раждаются въ самой душѣ [2], поколику они ранѣе удовольствій и скорбей тѣлесныхъ,—такъ что намъ приходится напередъ радоваться и скорбѣть о томъ, что̀ имѣетъ быть во времени будущемъ?

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Но не правда ли, что тѣ письмена и рисунки, которыя, какъ мы положили немного прежде, раждаются въ насъ,—что эти письмена и рисунки относятся ко времени прошедшему и настоящему, а къ будущему не относятся? E.

Прот. Совершенная правда.

Сокр. Въ томъ ли смыслѣ называешь ты ее совершенною, что все это суть надежды, простирающіяся на время послѣдующее, и что мы во всю жизнь полны бываемъ надеждъ?

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А ну-ка, къ сказанному теперь, отвѣчай и на слѣдующее.

Прот. На что?

Сокр. Человѣкъ справедливый, благочестивый и добрый не непремѣнно ли боголюбезенъ?

---

[1] Эта вопросительная рѣчь у Платона выражается такъ: εἰ περὶ μὲν τῶν ὄντων καὶ τῶν γεγονότων κ. τ. λ. Но εἰ никогда не употребляется при вопросѣ прямомъ; потому здѣсь надобно понимать вопрошеніе косвенное, и поставлять его въ зависимость отъ стоящаго выше τόδε σκεφώμεθα, не смотря на то, что за этимъ тотчасъ слѣдуетъ τὸ ποῖον.

[2] Указывается p. 33 C sqq.; p. 34 B.

Прот. Что же иное?

Сокр. Ну, а несправедливый и совершенно злой не напротивъ ли, сравнительно съ нимъ?

Прот. Какъ не напротивъ!

Сокр. Такъ вотъ всякій человѣкъ, какъ мы сейчасъ сказали, полонъ многихъ надеждъ.

Прот. Почему не полонъ.

Сокр. И вотъ рѣчи въ каждомъ изъ насъ, которыя [1] называемъ мы надеждами.

Прот. Да.

Сокр. Равно какъ и нарисованныя представленія [2]: иной нерѣдко видитъ у себя множество накопленнаго золота и съ нимъ питаетъ много надеждъ; даже съ удовольствіемъ смотритъ въ себѣ и на свой собственный живописный образъ.

B. *Прот.* Бываетъ и такъ.

Сокр. Но скажемъ ли, что въ добрыхъ писанія полагаются большею частію истинныя, и потому добрые боголюбезны, а въ злыхъ опять—большею частію напротивъ? Или не скажемъ?

Прот. И очень нужно сказать.

Сокр. Вѣдь и въ злыхъ удовольствія-то тѣмъ не менѣе живописны, только они ложны.

Прот. Какъ же иначе.

Сокр. Стало быть, злые наслаждаются удовольствіями по

C. большей части ложными, а люди добрые—истинными.

Прот. Совершенно необходимо.

Сокр. Такъ, по этимъ словамъ, въ человѣческихъ душахъ есть удовольствія ложныя, которыя смѣшнымъ образомъ подражаютъ истиннымъ; тоже и скорби.

---

[1] **Рѣчи, которыя называемъ мы надеждами**,—λόγοι—ἅς ἐλπίδας ὀνομάζομεν. Такое притяженіе мѣстоименія относительнаго у Платона весьма нерѣдко. Phaedr. p. 255 C; Theaet. p. 157 C, и выше p. 29 E. У грамматиковъ называется это attractio pronominis relativi; какъ здѣсь,—вмѣсто λόγοι, οὓς ἐλπίδας ὀνομάζομεν, стоитъ: λόγοι, ἃς ἐλπίδας ὀνομ.

[2] По-гречески: καὶ δὴ καὶ τὰ φαντάσματα ἐζωγραφημένα, т. е. τὰ φαντάσματα, ἃ σμικρῷ πρότερον ἐτίθεμεν ἐν ἡμῖν γίγνεσθαι, какъ было сказано выше, p. 39 D.

Прот. Есть.

Сокр. Нельзя ли было всегда дѣйствительно мнить тому, у кого мнѣнія иногда вовсе не относились ни къ существующимъ предметамъ, ни къ бывшимъ, ни къ будущимъ?

Прот. Конечно, можно.

Сокр. И вотъ, думаю, было то, что̀ дѣлало тогда мнѣ- D.
ніе ложнымъ и заставляло ложно мнить. Не такъ ли?

Прот. Да.

Сокр. Что жъ? Не приписать ли скорбямъ и удовольствіямъ соотвѣтствующихъ имъ свойствъ, примѣнительно къ тѣмъ [1]?

Прот. Какъ?

Сокр. Такъ, что можно было всегда дѣйствительно радоваться тому, кто радовался попусту, иногда и не о существующемъ, и не о бывшемъ, а часто—даже, можетъ быть, многократно—о томъ, чего никогда и не будетъ.

Прот. И это необходимо такъ бываетъ, Сократъ. E.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и о страхахъ, и о раздраженіяхъ, и о другихъ подобныхъ движеніяхъ,—что всѣ они иногда бываютъ и ложными?

Прот. Конечно, такъ.

Сокр. Что же? Худыя мнѣнія—да и хорошія [2]—иначе ли, скажемъ, происходятъ, чѣмъ ложныя?

Прот. Не иначе.

Сокр. И удовольствія-то, думаю, мы почитаемъ худыми не по чему нибудь иному, а только потому, что они ложны. 41.

Прот. Ты, Сократъ, сказалъ совершенно противное. Скор-

---

[1] Соотвѣтствующихъ свойствъ, примѣнительно къ тѣмъ, то есть, къ мнѣніямъ. Здѣсь Платоново выраженіе ἀντίστροφος ἕξις въ наукѣ обыкновенно называется correlatum, quod alteri tanquam ex altera parte respondet, какъ ниже 51 E, 57 A; Gorg. p. 464 B, 465 D; Tim. p. 87 C. Въ удовольствіяхъ соотвѣтствуетъ мнѣніямъ то, что если кто нибудь и дѣйствительно (ὄντως) радуется, то радуется вещамъ, которыхъ нѣтъ и не было.

[2] Худыя мнѣнія—да и хорошія,—πονηρὰς δόξας καὶ χρηστάς. Явно, что Сократъ здѣсь намѣренъ говорить только о худыхъ мнѣніяхъ; поэтому καὶ χρηστὰς кажется будто лишнимъ. Но слово χρηστὰς поставлено здѣсь мимоходомъ, и нисколько не казалось бы неумѣстнымъ, если бы выраженіе было таково: πονηρὰς δόξας, κα μὴν χρηστὰς... какъ Polit. p. 297 A, и выше p. 26 D.

би и удовольствія почитаются худыми не совсѣмъ потому, что они ложны; эти чувствованія принимаютъ черты другой великой и многообразной порочности.

Сокр. О худыхъ удовольствіяхъ, сдѣлавшихся такими по порочности, мы скажемъ немного послѣ, если еще покажет-
ся; а теперь надобно говорить пока о ложныхъ, которыхъ
много, и которыя часто прививаются къ намъ и раждают-
B. ся въ насъ инымъ образомъ [1]. Можетъ быть, это будетъ
полезно намъ для сужденія.

Прот. Какъ не полезно? Лишь бы они были.

Сокр. Но по моему-то мнѣнію [2], Протархъ, они есть; а пока это ученіе у насъ держится, вѣроятно, нельзя намъ не испытать его.

Прот. Хорошо.

Сокр. Такъ приступимъ опять къ этому предмету, какъ борцы.

Прот. Пойдемъ.

Сокр. Мы, если помнимъ, сказали уже немного прежде [3],
C. что, когда есть въ насъ такъ называемыя пожеланія,
тѣло принимаетъ впечатлѣнія отдѣльно, безъ души.

---

[1] Теперь Сократъ намѣревается изслѣдовать инымъ способомъ, что удовольствія и скорби бываютъ ложныя. Тѣ и другія, говоритъ онъ, какъ говорилъ и прежде, принимаютъ τὸ μᾶλλον καὶ τὸ ἧττον. Но такъ какъ они нерѣдко впечатлѣваютъ насъ въ одно и то же время, то быть не можетъ, чтобы наше сужденіе о нихъ всегда было ошибочно. Вѣдь мы иначе судимъ о вещахъ, видя ихъ вдали, и иначе, когда онѣ усматриваются вблизи. То же надобно сказать о скорбяхъ и удовольствіяхъ: смотря по тому, далѣе или ближе отстоятъ они одни отъ другихъ, кажутся намъ то большими, то меньшими. Притомъ, всякое удовольствіе происходитъ отъ какихъ нибудь тѣлесныхъ перемѣнъ: но эти перемѣны иногда бываютъ такъ малы и ничтожны, что и не ощущаются; поэтому нельзя обойтись, чтобы не происходило удовольствій ложныхъ. Часто также мы принимаемъ за удовольствіе одно отсутствіе скорби: а это—важнѣйшая ошибка, потому что для удовольствія мало не скорбѣть; надобно еще, чтобы привходило положительно пріятное. Эта мысль Платона раскрывается также De Rep. IX, p. 582 A sqq.; Tim. p. 64 sqq.

[2] По моему-то мнѣнію—εἰσὶ κατά γε τὴν ἐμήν—разумѣется γνώμην. Этотъ эллипсъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона. De Rep. III, p. 397 D; Politic. p. 277 A, 291 C; Legg. II, p. 653 C; IX, p. 862 A.

[3] Указывается p. 34 B sqq.

Прот. Помнимъ; это было и прежде сказано.

Сокр. И то, чтò желало состояній, противныхъ тѣлу, была душа; а то, чтò доставляло скорбь, или нѣкоторое отъ впечатлѣній удовольствіе, было тѣло?

Прот. Да, было такъ.

Сокр. Соображай же, чтò заключается въ этомъ.

Прот. Говори.

Сокр. Если это фактъ, то выходитъ, что скорби и удо- D.
вольствія въ насъ совмѣстны, и что отсюда вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ ощущенія взаимно противныхъ впечатлѣній, какъ уже видѣли мы это.

Прот. Да, явно.

Сокр. Не сказано ли было и не положено ли прежде, съ общаго нашего согласія, и слѣдующее?

Прот. Что такое?

Сокр. Что оба эти—скорбь и удовольствіе—принимаютъ «больше» и «меньше», и что они идутъ въ безпредѣльность.

Прот. Сказано, какъ же.

Сокр. Такъ долженъ быть какой нибудь способъ правильно судить объ этомъ?

Прот. Въ чемъ же онъ, и какой? E.

Сокр. Въ томъ, чтобы наше желаніе судить объ этомъ всегда желало различать такія впечатлѣнія,—которое изъ нихъ относительно больше и которое меньше, которое слабѣе [1] и которое сильнѣе,—скорбь сравнительно съ удовольствіемъ, скорбь сравнительно съ скорбію, удовольствіе сравнительно съ удовольствіемъ.

Прот. Да, это все такъ, и желаніе судить таково.

---

[1] Которое слабѣе и которое сильнѣе—καὶ τίς μᾶλλον καὶ τίς σφοδροτέρα. Слово μᾶλλον выражено здѣсь уравнительнымъ слабѣе, признаюсь, произвольно: этотъ терминъ, когда встрѣчается онъ въ одномъ предложеніи съ μεῖζων, необходимо поставляетъ русскаго переводчика въ затрудненіе; потому что оба эти уравнительныя, означающія по-гречески различныя стороны сравниваемыхъ предметовъ, по-русски выражаются однимъ и тѣмъ же больше. Словомъ μᾶλλον указывается на степень величины, тогда какъ μεῖζων означаетъ сравниваемую численность.

Сокр. Что жъ? Въ дѣлѣ зрѣнія, отдаленность и близость
42. мѣшаютъ намъ видѣть истинную величину предмета и заставляютъ составлять ложное мнѣніе [1]: не то же ли самое бываетъ и въ удовольствіяхъ?

Прот. Даже гораздо большее, Сократъ.

Сокр. А немного прежде сего у насъ выходило противное.

Прот. Что такое разумѣешь ты?

Сокр. Тогда вѣдь мнѣнія, ложныя и истинныя сами по себѣ, сообщали собственный свой характеръ скорбямъ и удовольствіямъ.

B. *Прот.* Весьма справедливо.

Сокр. А теперь-то, мѣняясь всякій разъ, смотря по отдаленности или близости предмета и по взаимному своему отношенію, удовольствія представляются бо̀льшими и сильнѣйшими при скорби, а скорби—противными при удовольствіяхъ.

Прот. Это необходимо бываетъ такимъ образомъ.

Сокр. Такъ если отъ обоихъ ощущеній ты отсѣчешь то, восколько они больше и восколько меньше противъ дѣйствительныхъ,—поколику это является, а не существуетъ,—то
C. не найдешь и правильно являющагося и не рѣшишься поэтому также назвать правильною и истинною какую нибудь часть удовольствія и скорби.

Прот. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Простираясь же далѣе по этому пути, мы встрѣтимъ удовольствія и скорби еще болѣе ложныя, чѣмъ какія являются и есть въ животныхъ.

Прот. Какія же это, и что разумѣешь ты?

Сокр. Кажется, много разъ говорено было, что, когда природа всякаго животнаго повреждается отъ сложеній и раз-
D. ложеній, отъ наполненій и оскудѣній, отъ увеличеній и ума-

---

[1] Этотъ предметъ такимъ же образомъ объясняется философомъ въ Софистѣ, p. 235 A sqq., Протагорѣ p. 355 E sqq.

леній, тогда обыкновенно возникаютъ скорби, страданія, боли и все, называемое такими именами.

Прот. Да, это многократно говорено было.

Сокр. А какъ скоро природа его возстановляется,—это возстановленіе ея въ себѣ самихъ мы объявляли, какъ удовольствіе.

Прот. Правильно.

Сокр. Но чтò, если относительно къ тѣлу ничего такого въ насъ не бываетъ?

Прот. Когда же могло бы быть это, Сократъ?

Сокр. Теперешній твой вопросъ, Протархъ, вовсе не E.
кстати.

Прот. Почему?

Сокр. Потому, что онъ не мѣшаетъ мнѣ снова обратиться къ тебѣ съ моимъ вопросомъ.

Прот. Съ какимъ?

Сокр. Вѣдь если бы этого не могло быть, Протархъ,—я скажу, чтò необходимо произошло бы отсюда.

Прот. Когда тѣло не двигалось бы, говоришь, ни тѣмъ ни другимъ?

Сокр. Да.

Прот. Это-то ужъ явно, Сократъ, что въ такомъ случаѣ не было бы ни удовольствія, ни скорби какой нибудь.

Сокр. Прекрасно сказалъ. А ты мыслишь, думаю, такъ, 43.
что которое нибудь изъ этихъ чувствованій всегда необходимо есть въ насъ, какъ говорятъ мудрецы;—потому что всегда все течетъ туда и сюда [1].

Прот. Да, говорятъ,—и, кажется, не худо.

Сокр. Какъ же иначе, когда и сами-то они не худы? Однакожъ я хочу ускользнуть отъ этого приведеннаго положенія,—поэтому задумываю бѣжать: бѣги и ты со мною.

Прот. Говори, куда.

---

[1] Сократъ намекаетъ на ученіе Гераклита. См. Phaedon. p. 89, 90; Theaet. p. 179 E sqq.; Sophist. p. 249 C sqq.; Cratyl. p. 402 A.

Сокр. Пусть это будетъ такъ, скажемъ мы имъ. А ты
B. отвѣчай: всѣ ли впечатлѣнія, какія получаетъ всегда любое одушевленное, чувствуетъ оно, когда впечатлѣвается ими? Не утаевается ли отъ насъ самихъ то, что мы растемъ, либо иное подобное впечатлѣніе,—или, совсѣмъ напротивъ, почти все такое неизвѣстно намъ?

Прот. Кажется, совсѣмъ напротивъ.

Сокр. Такъ, видно, сказанное сейчасъ нехорошо нами сказано,—что происходящія отъ повсюдной текучести перемѣны производятъ скорби и удовольствія.

Прот. Что же теперь?

C. *Сокр*. Гораздо лучше и неукоризненнѣе будетъ сказать такъ.

Прот. Какъ?

Сокр. Большія перемѣны производятъ въ насъ скорби и удовольствія, а умѣренныя и малыя вовсе не производятъ ни тѣхъ ни другихъ.

Прот. Это правильнѣе, Сократъ, чѣмъ то.

Сокр. А если это такъ, то придетъ снова недавно сказанная жизнь.

Прот. Какая?

Сокр. Та, чтò проходитъ, сказали мы, безъ скорбей и радостей.

Прот. Ты говоришь очень вѣрно.

Сокр. Поэтому теперь положимъ мы три рода жизни: первую—
D. пріятную, вторую—скорбную, третью—ни ту ни другую. Или какъ иначе сказалъ бы ты объ этомъ?

Прот. Не иначе, а такъ,—что есть три жизни.

Сокр. Стало быть, не скорбѣть не значило бы еще радоваться?

Прот. Какъ же.

Сокр. Поэтому, слыша, что всего пріятнѣе провести всю жизнь безпечально [1], что разумѣешь ты подъ этимъ выраженіемъ?

[1] Здѣсь говорится противъ тѣхъ, которые счастіе жизни поставляли въ совершенномъ отсутствіи скорби. То же раскрывается и De Rep. IX, p. 582 sqq.

Прот. Мнѣ кажется, «жить пріятно» —разумѣютъ жить безъ скорбей.

Сокр. И такъ, чтобы воспользоваться прекрасными именами, положи, что изъ тѣхъ трехъ жизней первая, которая E.
хочешь, будетъ золотая, вторая—серебряная, а третья – ни то ни это.

Прот. Полагается.

Сокр. Но ни та ни эта изъ нихъ можетъ ли быть у насъ какимъ нибудь образомъ одна изъ двухъ—золотая или серебряная?

Прот. Какъ же можетъ быть?

Сокр. Стало быть, судя здраво, о жизни средней, называемой пріятною или скорбною, нельзя имѣть ни правильнаго мнѣнія, если бы кто мнилъ, ни слова, если бы кто говорилъ [1].

Прот. Какъ же можно!

Сокр. Однакожъ мы знаемъ, другъ мой, что и говорятъ-таки это, и мнятъ. 44.

Прот. Даже многіе.

Но кто были мыслители, преподававшіе такое ученіе? Не невѣроятна догадка Шлейермахера, что, такъ какъ въ вѣкъ Платона спорами объ этомъ предметѣ занимались Аристиппъ и Антисѳенъ, то Платонъ, говоря противъ отчужденія удовольствій для счастія жизни, могъ разумѣть Антисѳена и его послѣдователей. Извѣстно, что удовольствіе казалось Антисѳену не только не нужнымъ, чтобы жизнь протекала счастливо, а напротивъ, жить среди удовольствій, по его мнѣнію, значило жить бѣдственно. Μανείην μᾶλλον ἢ ἡσθείην, говорилъ онъ (Diog. Laërt. VI, 3); поэтому онъ могъ утверждать и доказывать, что удовольствіе состоитъ только въ умѣреніи скорби, и что τὸ μὴ λυπεῖσθαι ἡδὺ εἶναι,—и это-то, вѣроятно, изложилъ въ своей книгѣ Περὶ ἡδονῆς (Diog. Laërt. VI, 15—18). Догадку, что здѣсь указывается на Антисѳена, дѣлаютъ еще болѣе правдоподобною нравственныя черты, которыми Платонъ характеризуетъ подобныхъ учителей, 44 C: δυσχέρεια τῆς φύσεως οὐκ ἀγεννοῦς. Xenoph. Symp. IV, § 34 sqq. Cicer. De Fin. II, 6 sqq.

[1] Сократъ хочетъ сказать, что средней жизни, называемой пріятною или скорбною, правильно выразить нельзя, т. е. нельзя опредѣлить, пріятна она, или скорбна; ибо то, что занимаетъ средину между мнѣніемъ (δόξα) и словомъ (λόγος) никакъ не опредѣлимо: высказана δόξα,—утаилось λόγος; принято λόγος,—не проявляется δόξα. Это-то различіе между δόξα и λόγος выражаетъ Сократъ въ измѣненной конструкціи: οὔτε δοξάζοιτο—οὔτε λεχθείη.

Сокр. А думаютъ ли они, что радуются, когда не скорбятъ?

Прот. По крайней мѣрѣ—на словахъ.

Сокр. Стало быть думаютъ, что тогда чувствуютъ удовольствіе; иначе, вѣроятно, не говорили бы.

Прот. Должно быть.

Сокр. Видно же, о радости имѣютъ они ложное мнѣніе, если скорбѣть и радоваться, по природѣ, дѣло различное.

Прот. А вѣдь эти природы дѣйствительно различны.

Сокр. Такъ положимъ ли такихъ чувствованій у насъ
B. три, какъ недавно полагали, или только два: скорбь, называемую у людей зломъ, и прекращеніе скорбей—пріятное, чтò называется добромъ?

Прот. Какъ же теперь, Сократъ, мы спрашиваемъ объ этомъ самихъ себя? Вѣдь я не понимаю.

Сокр. Ты, Протархъ, въ самомъ дѣлѣ не понимаешь противниковъ этого Филеба.

Прот. Какихъ разумѣешь ты противниковъ?

Сокр. Очень сильныхъ, такъ называемыхъ знатоковъ природы, которые утверждаютъ, что удовольствій вовсе нѣтъ.

Прот. Какъ же это?

C. *Сокр.* Все то, что Филебовы единомышленники называютъ удовольствіями, у нихъ называется бѣгствомъ отъ скорбей.

Прот. Такъ ты совѣтуешь вѣрить имъ, или какъ, Сократъ?

Сокр. Нѣтъ; ими надобно пользоваться, какъ гадателями [1], отличающимися не искусствомъ, а печальнымъ настроеніемъ не неблагородной природы. Они слишкомъ возненавидѣли силу удовольствія, и не находятъ въ немъ ничего здраваго, такъ что и самое это его навожденіе почи-

---

[1] Пользоваться какъ гадателями—μάντεσι, людьми, опредѣляющими истину гадательно, такъ какъ они не знаютъ дѣйствительной причины явленій, но судятъ о нихъ, руководствуясь безотчетною смѣтливостью ума. Въ такомъ именно смыслѣ Платонъ часто употребляетъ глаголъ μαντεύεσθαι. См. ниже p. 64 A: τίνα ἰδέαν αὐτὴν εἶναί ποτε μαντευτέον. Lysid. p. 215 D: λέγω τοίνυν ἀπομαντευόμενος τοῦ καλοῦ τε καὶ ἀγαθοῦ φίλον εἶναι τὸ μήτε ἀγαθὸν μήτε κακὸν πρὸς ἃ δε λέγων μαντεύομαι, ἄκουσον.

таютъ очарованіемъ, а не удовольствіемъ. Такъ вотъ какимъ D.
образомъ пользуйся ими; да смотри и вообще на ихъ брюзгливость; потомъ прими въ соображеніе и то, что удовольствія-то кажутся мнѣ истинными,—чтобы, смотря на силу удовольствія со стороны обоихъ этихъ мнѣній, мы могли произнесть о немъ сужденіе.

Прот. Ты говоришь правильно.

Сокр. Будемъ же идти за ними, какъ за союзниками, по слѣдамъ ихъ брюзгливости. Думаю, они, начавъ откуда-то сверху, говорятъ нѣчто, похожее вотъ на что: если мы хо- E.
тимъ знать природу какого нибудь рода, напримѣръ, природу твердаго, то больше ли поймемъ это смотря на самое твердое, или на твердое сколько нибудь?—Ты, Протархъ, долженъ отвѣчать и этимъ брюзгамъ, какъ мнѣ.

Прот. Ужъ конечно; и говорю имъ, что надобно смотрѣть, по величинѣ, на первое.

Сокр. Поэтому, если мы захотимъ знать и родъ удовольствія,—какова его природа; то должны смотрѣть на удовольствія не въ какой нибудь степени, а на высшія и такъ называемыя сильнѣйшія. 45.

Прот. Въ этомъ уступилъ бы тебѣ всякій.

Сокр. А передовыя,—да они же, какъ мы часто говоримъ, и величайшія изъ удовольствій,—не суть ли удовольствія, относящіяся къ тѣлу?

Прот. Какъ не передовыя?

Сокр. Но больше ли они бываютъ у людей, страдающихъ отъ болѣзней, или у здоровыхъ? Поостережемся, чтобы, отвѣчая опрометчиво, не погрѣшить.

Прот. Въ чемъ?

Сокр. Можетъ быть, мы тотчасъ сказали бы, что у здо- B.
ровыхъ.

Прот. Да и вѣроятно.

Сокр. Что же? Не тѣ ли изъ удовольствій имѣютъ перевѣсъ, съ которыми соединяются пожеланія сильнѣйшія?

Прот. Это справедливо.

Сокр. Но страдающіе горячкою и одержимые другими подобными болѣзнями не больше ли жаждутъ, зябнутъ и чувствуютъ все, что въ такомъ случаѣ чувствуетъ тѣло? Не больше ли у нихъ бываетъ недостатка, и восполняя его, не бо̀льшія ли получаютъ они удовольствія? Или этого не назовемъ справедливымъ?

C. *Прот*. Сказанное теперь, по видимому, совершенно таково.

Сокр. Такъ что жъ? Мы можемъ, по видимому, утверждать правильно, что кто хотѣлъ бы знать удовольствія величайшія, тотъ долженъ идти видѣть ихъ не въ здоровьѣ, а въ болѣзни?—Но смотри, не подумай, будто я спрашиваю тебя въ той мысли, что не больше ли радуются тяжело больные, чѣмъ здоровые: нѣтъ, полагай, что я ищу великости удовольствія и того, гдѣ при немъ всегда умѣстно слово «сильно». Вѣдь мы должны, говоримъ, обратить вниманіе на то, какую природу имѣетъ удовольствіе и какую приписы-
D. ваютъ ему люди, утверждающіе, что вовсе нѣтъ его.

Прот. Я почти слѣдую за твоимъ словомъ.

Сокр. А вотъ не менѣе и докажешь это, Протархъ, если отвѣтишь: въ развратной ли жизни видишь ты бо̀льшія удовольствія,—говорю «бо̀льшія» не количественно, но превозмогающія силою и великостію,—или въ жизни разсудительной? Говори со вниманіемъ.

Прот. Понимаю, что̀ говоришь ты, и вижу тутъ большое различіе. Что касается до разсудительныхъ, то въ отношеніи къ нимъ всегда имѣетъ силу пословица *«ничего слиш-*
E. *комъ»* [1], которой они слушаются; а взглянешь на неразсудительныхъ и развратныхъ, такъ сильное удовольствіе, одержащее отъявленныхъ, доводитъ ихъ до неистовства.

Сокр. Хорошо. Но если уже такъ, то явно, что и величайшія удовольствія и величайшія скорби заключаются въ худомъ состояніи души и тѣла, а не въ добродѣтели.

---

[1] Эта пословица приводится также Protag. p. 343 B; Charmid. p. 165 A; Menex. p. 247 E; Hipparch. p. 228 E. Въ указанномъ мѣстѣ Протагора сказано и о ея происхожденіи.

Прот. Конечно.

Сокр. Поэтому надобно избрать нѣкоторыя изъ нихъ и разсмотрѣть, что̀ въ нихъ такое есть, отъ чего мы называли ихъ величайшими [1].

Прот. Необходимо. 46.

Сокр. Разсматривай же удовольствія такихъ болѣзненностей,—что̀ въ нихъ есть.

Прот. Какихъ болѣзненностей?

Сокр. Постыдныхъ,—тѣхъ, что̀ упомянутымъ выше людямъ брюзгливымъ бываютъ крайне ненавистны.

Прот. Которыя же это?

Сокр. Напримѣръ, лѣченіе чесотки чрезъ треніе, и другое тому подобное, имѣющее нужду не въ иномъ врачевствѣ. Такія-то проявляющіяся въ насъ ощущенія какъ, ради боговъ, назовемъ мы: удовольствіемъ, или скорбію?

Прот. Это-то, Сократъ, походитъ на какое-то смѣшанное зло.

Сокр. Впрочемъ, я предложилъ такой примѣръ вѣдь не B.
ради Филеба, а потому, что, не изслѣдовавъ этихъ и сродныхъ съ ними удовольствій, мы и не могли бы, можетъ быть, Протархъ, судить о настоящемъ предметѣ.

Прот. Такъ теперь надобно идти къ сроднымъ съ этими удовольствіямъ.

Сокр. Ты разумѣешь сродныя съ ними по смѣшанности?

Прот. Конечно.

Сокр. Но изъ смѣшеній одни бываютъ тѣлесныя—въ самыхъ тѣлахъ, а другія душевныя—въ самой душѣ [2]. Въ

---

[1] Сократъ имѣетъ въ виду доказать, что природа этихъ удовольствій смѣшанная, и что въ смѣшанности ея скрывается причина, почему тихія удовольствія мы называемъ величайшими.

[2] Удовольствія въ самомъ тѣлѣ,—въ самой душѣ: то есть, внѣ взаимной связи этихъ сторонъ человѣческаго существа; ибо Платонъ допускалъ возможность удовольтсвій въ одной душѣ, безъ тѣла, равно какъ въ одномъ тѣлѣ, безъ души. Но, кромѣ этихъ, ему представлялись также удовольствія, пораждаемыя нераздѣльно и тѣломъ и душою, и потому смѣшанныя. Отсюда три рода удовольствій.

C. душѣ опять, равно какъ и въ тѣлѣ, мы найдемъ скорби, смѣшанныя съ удовольствіями, и увидимъ, что, взятыя вмѣстѣ, они называются иногда удовольствіями, иногда скорбями.

Прот. Какъ это?

Сокр. Когда кто нибудь, при поправленіи, или при разстройствѣ здоровья [1], въ одно и то же время имѣетъ ощущенія противныя,—напримѣръ, чувствуя холодъ, согрѣвается, а чувствуя жаръ, прохлаждается, поколику старается, думаю, одно получить, а другое оставить: тогда это, какъ говорит-
D. ся, смѣшеніе горькаго съ сладкимъ, проявляющееся въ упорномъ соединеніи, производитъ сперва досадительную борьбу, а потомъ жестокое сжиманіе тѣла [2].

Прот. То, что ты теперь говоришь, справедливо.

Сокр. Но эти смѣшенія не таковы ли, что въ однихъ между ними скорбей и удовольствій поровну, а въ другихъ того или этого больше?

Прот. Какъ не таковы!

Сокр. Возьми же это, когда больше бываетъ скорбей, чѣмъ удовольствій,—возьми ощущенія чесотки, о чемъ мы сейчасъ говорили, и зуда. Такъ какъ раздраженіе и воспаленіе происходитъ внутри, и треніемъ или чесаніемъ никто до него
E. не достигнетъ, а только разливаетъ его дѣйствіе по поверх-

---

[1] При этомъ надобно привесть на память, чтò говорено было выше, p. 31 C sqq., о началѣ удовольствія и скорби.

[2] Производитъ жестокое сжиманіе тѣла, ξύστασιν ἀγρίαν ποιεῖ. Здѣсь Сократъ доказываетъ смѣшанность удовольствія съ скорбію самымъ его дѣйствіемъ на человѣка. Древніе греки и римляне, какъ извѣстно, держались того мнѣнія, что душа отъ скорби сжимается, а отъ радости расширяется, и къ этой мысли приведены были, вѣроятно, наблюденіемъ надъ лицомъ, которое въ пору непріятностей померкаетъ и бываетъ стянуто, а подъ вліяніемъ удовольствій свободнѣе развиваетъ черты свои. Senec. Epist. 106: vide, an vultum nobis mutent, an frontem adstringant, an faciem diffundant. Ovid. Metam. XIV, v. 272: Haec ubi nos vidit, dicta acceptaque salute, diffudit vultus. Отсюда не только въ философскихъ школахъ, но и среди народа вошло въ обычай говорить: отъ радости душа διαχεῖεται, διαστέλλεται, διαλύεται, а отъ печали συστέλλεται, συνίσταται. Sympos. p. 206 D. Eurip. Hippolyt. V. 994: πάτερ, μένος μὲν ξύστασίς τε σῶν φρενῶν δεινή. Heraclid. V. 416: καὶ νῦν πικρὰς ἂν ξυστάσεις ἂν εἰςίδοις.

ности: то вносящіе поверхность въ огонь и въ такомъ затрудненіи измѣняющіе ея состояніе въ противоположное иногда возбуждаютъ необыкновенное удовольствіе, а иногда, напротивъ, смотря по тому, какое болѣзнь принимаетъ направленіе, относятъ его, смѣшанное съ внѣшними скорбями, къ внутреннимъ частямъ; такъ что либо слитное насильно раздѣляютъ, либо раздѣленное сливаютъ, и такимъ образомъ
съ удовольствіями слагаютъ скорби [1]. 47.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Если же во всемъ такомъ бываетъ примѣшано больше удовольствія, то примѣсь скорби хотя немного и тревожитъ, однакожъ гораздо обильнѣйшій приливъ удовольствія пересиливаетъ, и иногда заставляетъ скакать, принимаетъ различные цвѣта̀, различные образы, различныя дыханія,—и, приводя человѣка въ изступленіе, исторгаетъ у него безумные вопли.

---

[1] Все это мѣсто довольно трудно для понятія. Здѣсь говорится, что тѣ смѣшенія, содержащія въ себѣ больше скорби, чѣмъ удовольствія, замѣчаются въ чесоткѣ и зудѣ; ибо при этомъ бываетъ такъ, что воспаленіе скрывается внутри, подъ кожею, а чесаніе между тѣмъ производится только по поверхности кожи,—съ тѣмъ чтобы воспалить, слѣдовательно, привесть въ противоположное состояніе, самую кожу. Но отсюда раждается чрезвычайное, возбуждаемое треніемъ, удовольствіе. Случается и обратное направленіе смѣшенія: т. е., внѣшнее воспаленіе, при извѣстной мѣрѣ удовольствія, переносится внутрь. Такъ устанавливаю я эту мысль, слѣдуя интерпункціи текста Штальбомова; въ другихъ изданіяхъ она представляется менѣе вѣрною.—Словами: о чемъ мы сейчасъ говорили, указывается на р. 46 A. Выраженіемъ: въ такомъ затрудненіи, ἀπορίαις, означается то состояніе, въ которомъ больной не знаетъ, что̀ дѣлать отъ зуда и воспаленія.—Смотря по тому, какое болѣзнь принимаетъ направленіе: т. е., явленіе, обнаруживающееся воспаленіемъ или болью, можетъ быть либо таково, что, при обыкновенномъ чесаніи внѣшнихъ частей, соединяется съ сильнымъ удовольствіемъ, либо таково, что болью поражаются внѣшнія части, а внутри воспаленіе ослабѣваетъ, и оттого πρὸς τῶν ἔξω λύπας ἡδονὰς (αὐταῖς) ξυγκερασθείσας παρέχονται. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, тутъ примѣшивается больше скорби, чѣмъ удовольствія, такъ что (чесоточные) либо слитное насильно раздѣляютъ, то есть, чрезъ чесаніе кожи отвлекаютъ какъ бы часть сосредоточеннаго внутри воспаленія наружу, либо раздѣленное сливаютъ, то есть внѣшнюю боль соединяютъ съ возбуждаемымъ внутри удовольствіемъ, чтобы послѣднее, какъ противоположное боли, ощущаемо было тѣмъ живѣе.

B. *Прот*. Конечно.

Сокр. И онъ, какъ самъ говоритъ, такъ и другаго заставляетъ говорить о себѣ, другъ мой, что, наслаждаясь этими удовольствіями, онъ какъ бы умираетъ. И эти-то удовольствія всячески и всегда преслѣдуетъ онъ,—тѣмъ болѣе, чѣмъ бываетъ развратнѣе и безумнѣе. Эти удовольствія называетъ онъ величайшими, и кто всегда и особенно провождаетъ съ ними жизнь, того причисляетъ къ людямъ блаженнѣйшимъ.

C. *Прот*. Ты, Сократъ, прослѣдилъ все, что пользуется уваженіемъ толпы.

Сокр. По крайней мѣрѣ все, Протархъ, относительно тѣхъ удовольствій, которыя принимаютъ въ смѣшеніе сторону внѣшнюю и внутреннюю, въ общихъ ощущеніяхъ самаго тѣла. А объ удовольствіяхъ въ душѣ, которая сообщаетъ тѣлу противное,—скорбь для удовольствія и удовольствіе для скорби, чтобы то и другое пришло въ одно смѣшеніе,—объ этомъ говорили мы прежде, когда разсматривали, что, опустѣвая, кто нибудь желаетъ восполненія отъ надежды, то есть радуется, а отъ опустѣнія скорбитъ [1]. Только тогда [2] мы не заявили этого, а теперь говоримъ, что, когда душа разногласитъ съ тѣломъ во всѣхъ этихъ, по множеству, изумительныхъ вещахъ, тогда происходитъ одно смѣшеніе скорби и удовольствія.

Прот. Ты говоришь, должно быть, очень правильно.

Сокр. Теперь остается у насъ еще одна смѣсь скорби и удовольствія.

Прот. Какую разумѣешь ты?

---

[1] Платонъ принимаетъ смѣшанныя ощущенія двухъ родовъ: одни тѣлесныя, другія душевныя. Первыя обнаруживаются смѣсью удовольствія и скорби въ предѣлахъ самаго тѣла, и имѣютъ, какъ мы видѣли, сторону внѣшнюю и внутреннюю, или физическую и физіологическую; а въ послѣднихъ, напротивъ, приходятъ въ смѣшеніе удовольствія и скорби, происходящія съ одной стороны отъ души, съ другой—отъ тѣла, и какъ тамъ, такъ и здѣсь условливаются чувствомъ опустѣнія и восполненія.

[2] О смѣшеніи удовольствій душевно-тѣлесныхъ философъ разсуждалъ выше, p. 31 B sqq.

Сокр. Ту, которую часто воспринимаетъ въ себя, говорили, сама душа.

Прот. Такъ какъ же это опять говоримъ мы?

Сокр. Гнѣвъ, страхъ, пожеланіе, гореваніе, любовь, рев- E.
ность, ненависть, и все такое—не относишь ли ты къ нѣкоторымъ скорбямъ самой души?

Прот. Отношу.

Сокр. А не найдемъ ли мы, что онѣ исполнены невыразимыхъ удовольствій? Нужно ли намъ вспомнить о гнѣвѣ, «который и мудрыхъ въ неистовство вводитъ, и слаще меда
бываетъ, текущаго капля за каплей» [1],—и объ удоволь- 48.
ствіяхъ, сколько ихъ примѣшивается къ гореванью и пожеланіямъ при скорбяхъ?

Прот. Не нужно; это-то бываетъ такъ, а не иначе.

Сокр. Притомъ, помнишь, въ трагическихъ-то представленіяхъ вмѣстѣ радуются и плачутъ?

Прот. Какъ же.

Сокр. А въ комедіяхъ,—развѣ не знаешь?—расположеніе души и тутъ бываетъ таково, что происходитъ смѣсь скорби удовольствія.

Прот. Не очень понимаю.

Сокр. Да и въ самомъ дѣлѣ не легко, Протархъ, всякій B.
разъ понять здѣсь такое чувствованіе.

Прот. По крайней мѣрѣ, какъ видно, для меня.

Сокр. Ухватимся же за него тѣмъ болѣе [2], чѣмъ оно темнѣе, чтобы всякому легче было узнавать смѣсь скорби и удовольствія и въ другихъ чувствованіяхъ.

---

[1] Это взято изъ Омировой Иліады (XVIII, v. 107 sqq.), гдѣ Ахиллесъ говоритъ матери Θетисѣ: Ὡς ἔρις ἔκ τε θεῶν ἔκ τ' ἀνθρώπων ἀπόλοιτο, καὶ χόλος, ὅς τ ἐφέηκε πολύφρονά περ χαλεπῆναι. Ὅς τε πολὺ γλυκίων μέλιτος καταλειβομένοιο ἀνδρῶν ἐν στήθεσσιν ἀέξεται ἠΰτε καπνός. Оно внесено сюда не вполнѣ, конечно, потому, что уже извѣстно было собесѣдникамъ.

[2] Сократъ учитъ, что и комедія возбуждаетъ удовольствіе, смѣшанное съ скорбію, и доказывать свое положеніе начинаетъ опредѣленіемъ зависти или злорадства. Злорадство, говоритъ онъ, есть болѣзнь души, состоящая въ томъ, что душа радуется чужому несчастію: отсюда, по его мнѣнію, можно

Прот. Пожалуй, говори.

Сокр. Недавно упомянутое имя зависти скорбію ли души какою нибудь признаешь ты, или какъ?

Прот. Такъ.

Сокр. Но окажется опять, что завидующій-то на несчастіе ближняго радуется.

C. *Прот.* И сильно.

Сокр. А незнаніе есть зло, называемое у насъ состояніемъ глупости.

Прот. Почему не такъ.

Сокр. Смотри же отсюда, какъ смѣшна такая природа.

Прот. Говори только.

Сокр. Если смотрѣть вообще, какой нибудь порокъ из-

объяснить природу чувства комическаго. Изъ множества свойственныхъ человѣку слабостей, немаловажна слабость незнанія себя. Но незнаніе себя бываетъ троякое,—по числу трехъ благъ, къ которымъ люди обыкновенно стремятся: т. е., незнаніе по отношенію къ богатству, тѣлесной красотѣ и душевной добродѣтели или мудрости; ибо человѣкъ, ослѣпленный ложнымъ о себѣ понятіемъ, почитаетъ себя или богаче, или красивѣе, или умнѣе, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ; и это есть одно изъ величайшихъ золъ. Кромѣ сего, для уразумѣнія того смѣющагося злорадства, надобно еще людей, водящихся ложными о себѣ понятіями, различать въ двухъ отношеніяхъ: одни при этомъ бываютъ сильны и могущественны, а другіе только горды, на самомъ же дѣлѣ слабы, безсильны. Посему эти смѣшны, а тѣ—жестоки и, по незнанію себя, соединенному съ могуществомъ, безстыдны. Вѣдь смѣшны въ самомъ дѣлѣ люди, если они гордятся своими благами и, въ то же время, подвергаясь насмѣшкамъ, по слабости и невѣжеству не могутъ отмстить за себя; а которые надмѣваются высокимъ о себѣ понятіемъ и вмѣстѣ могущественны, такъ что могутъ вредить другимъ, тѣхъ мы называемъ жестокими и безстыдными. Отсюда видно, какимъ образомъ въ комедіи бываетъ смѣшеніе пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій. Злорадство есть несправедливая радость о злѣ тѣхъ, которымъ мы должны желать добра. Стало быть, злорадствуя другимъ, мы смѣемся надъ человѣческимъ невѣжествомъ, которымъ ослѣпленные люди ложно судятъ о своихъ благахъ, и въ этомъ находимъ удовольствіе. Но такъ какъ злорадствующій другому носитъ въ своемъ сердцѣ скорбь, то не можетъ быть, чтобы въ то же время, когда отъ смѣшнаго чувствуется удовольствіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не чувствовалъ и скорби.—Таково изложенное здѣсь содержаніе Платонова ученія о комическомъ удовольствіи. Но оно, кажется, могло бы быть яснѣе изложено примѣнительно къ вышепоказанному происхожденію удовольствія въ чесоткѣ. Злорадство есть внутреннее воспаленіе души: комедія есть чесаніе, вызывающее это воспаленіе наружу; а такой вызовъ внутренняго зла наружу сопровождается удовольствіемъ.

вѣстнаго состоянія есть порокъ, получившій свое прозвище; во всякомъ же порокѣ скрывается свойство, противное тому, что̀ говорится въ дельфійской надписи.

Прот. Разумѣешь, Сократъ, надпись: *познай самого себя.*

Сокр. Да. Вѣдь явно, что если бы надпись внушала от- D.
нюдь не познавать себя, то она была бы противна той.

Прот. Какъ же.

Сокр. Попробуй же, Протархъ, разсѣчь это натрое.

Прот. Какъ ты говоришь? Я вовсе не могу.

Сокр. Такъ полагаешь, что теперь долженъ раздѣлить это я?

Прот. Полагаю и, кромѣ того, даже прошу.

Сокр. Изъ людей не знающихъ себя, не въ трехъ ли необходимо отношеніяхъ имѣетъ это свойство каждый [1]?

Прот. Въ какихъ?

Сокр. Во первыхъ, въ отношеніи къ деньгамъ, думая, что
онъ богаче, чѣмъ въ самой своей [2] сущности. E.

Прот. Людей съ такимъ свойствомъ дѣйствительно много.

Сокр. А тѣхъ-то еще больше, которые во всемъ, что относится къ тѣлу, представляютъ себя превосходнѣе и прекраснѣе, предпочтительно свойственной имъ дѣйствительности [3].

---

[1] Не трудно замѣтить, что философъ при этомъ имѣлъ въ виду общее, ходившее въ народѣ, понятіе о четверичномъ числѣ благъ. См. De Legg. II, p. 661; Gorg. p. 151 E; Menon. p. 87 E. Но Сократъ, соотвѣтственно своему намѣренію, упоминаетъ только о богатствѣ и красотѣ, потомъ къ этимъ двумъ благамъ присоединяетъ еще добродѣтель и мудрость; потому что люди, составившіе въ умѣ суетное о себѣ понятіе, стараются выставлять себя также добродѣтельными и мудрыми.

[2] Чѣмъ въ самой своей сущности, ἢ κατὰ τὴν αὑτῶν οὐσίαν. Здѣсь αὑτῶν въ числѣ множественномъ относится къ субъекту ἕκαστον числа единственнаго. Поэтому Стефанъ, вмѣсто πλουσιώτερον, совѣтовалъ писать πλουσιωτέρους. Но послѣ ἕκαστος ссылающееся на него относительное мѣстоименіе чаще всего поставляется въ множественномъ. Matthias, Gr. Gr. § 302. Legg. VI, p. 754 D: πρῶτον μὲν φύλακες ἔστωσαν τῶν νόμων, ἔπειτα τῶν γραμμάτων, δι᾽ ὧν ἂν ἕκαστος ἀπογράφῃ τοῖς ἄρχουσι τὸ πλῆθος τῆς αὑτῶν οὐσίας.

[3] Свойственной имъ дѣйствительности, τῆς οὔσης αὐτοῖς ἀληθείας. Ἀλήθεια въ этомъ мѣстѣ не только истина, но и дѣйствительность.

Прот. И очень.

Сокр. Больше же всего, думаю, людей третьяго рода, которые погрѣшаютъ въ душахъ, почитая себя наилучшими по добродѣтели, тогда какъ они не таковы.

Прот. Конечно, больше.

49. *Сокр.* Но изъ добродѣтелей, не за мудрость ли особенно народъ подвизается, и въ этомъ подвигѣ поднимаетъ споры и приписываетъ себѣ славу ложной учености?

Прот. Какъ не за мудрость!

Сокр. Поэтому, кто всякое такое свойство назвалъ бы зломъ, тотъ сказалъ бы правильно.

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но это надобно, Протархъ, раздѣлить еще надвое, если хотимъ, смотря на ребяческую зависть, видѣть въ ней странную смѣсь удовольствія и скорби.

Прот. Какъ же мы раздѣлимъ это надвое, говоришь?

B. *Сокр.* Всѣ, безумно составившіе о себѣ такое ложное мнѣніе, необходимо, какъ и прочіе люди, должны слѣдовать—одни своей крѣпости и силѣ, другіе, думаю, противному.

Прот. Необходимо.

Сокр. Раздѣли же такъ: тѣхъ между ними, которые слабы и, будучи осмѣиваемы, не могутъ отмстить, называя смѣшными, ты произнесешь истину; а имѣющихъ возможность для отмщенія именуя страшными и сильными, дашь

C. себѣ въ нихъ тоже правильный отчетъ. Вѣдь незнаніе въ людяхъ сильныхъ враждебно и постыдно, ибо какъ само оно, такъ и всѣ образы его [1] губятъ ближнихъ; незнаніе же въ слабыхъ мы поставляемъ въ рядъ и природу предметовъ смѣшныхъ.

Въ этомъ значеніи нерѣдко употребляется и латинское veritas. См. Gronovii Observatt. IV, 7; Spalding. ad Quint. III, p. 593.

[1] Такъ и всѣ его образы, καὶ ὅσαι εἰκόνες αὐτῆς (ἀγνοίας). Здѣсь надобно вспомнить, что, говоря это, Сократъ имѣетъ въ виду комическія представленія, которыя дѣйствуютъ на чувства и рисуютъ для нихъ образы, соотвѣтствующіе и нравящіеся незнанію.

Прот. Ты говоришь весьма правильно; но въ этихъ еще не указалъ мнѣ смѣси удовольствій и скорбей.

Сокр. Возьми-ка прежде силу зависти.

Прот. Говори только.

Сокр. Скорбь какая нибудь и удовольствіе бываютъ ли несправедливы? D.

Прот. Это необходимо.

Сокр. Но радоваться о бѣдствіи враговъ не значитъ быть ни несправедливымъ, ни завистливымъ [1]?

Прот. Почему не такъ.

Сокр. А не скорбѣть, но радоваться, когда видишь, что зло поражаетъ друзей,—не несправедливо ли это?

Прот. Какъ не несправедливо!

Сокр. Между тѣмъ незнаніе не называемъ ли мы зломъ для всѣхъ?

Прот. Правда.

Сокр. Но относительно претензіи друзей на мудрость, красоту и на все, о чемъ сейчасъ упоминали мы, полагая, E. что этого бываетъ три вида, и слабое называя смѣшнымъ, а сильное ненавистнымъ,—не скажемъ ли, какъ недавно говорилъ и я, что такое состояніе друзей, если у кого нибудь оно безвредно для другихъ, представляется смѣшнымъ?

Прот. Конечно.

Сокр. И такъ какъ оно есть незнаніе, не признаемъ ли его зломъ?

Прот. Даже большимъ.

Сокр. А радуемся ли мы, или скорбимъ, когда смѣемся надъ нимъ?

Прот. Явно, что радуемся.

---

[1] У древнихъ грековъ мстить врагамъ считалось дѣломъ человѣка мужественнаго; поэтому не казалось несправедливымъ и радоваться о несчастіи враговъ. Солонъ (in Brunckii Poët. gnom. p. 73) говоритъ: εἶναι δὲ γλυκὺν ὧδε φίλοις, ἐχθροῖσι δὲ πικρόν· τοῖσι μὲν αἰδοῖον, τοῖσι δὲ δεινὸν ἰδεῖν. Archiloch. ap. Theoph. ad Autolyc. L. II, 37: ἓν δ' ἐπίσταμαι μέγα, τὸ κακῶς τι δρῶντα ἀνταμείβεσθαι κακοῖς. Fragm. Eurip. ap. Valckenar. p. 157: ἐχθρὸν κακῶς δρᾶν ἀνδρὸς ἡγοῦμαι μέρος.

Сокр. Питать же удовольствіе по случаю зла, поражающаго друзей,—не зависть ли, говоримъ, дѣлаетъ это?

Прот. Необходимо.

Сокр. Стало быть, рѣчь наша приходитъ къ тому заключенію, что, осмѣивая смѣшное въ своихъ друзьяхъ и растворяя удовольствіе завистью, мы къ скорби примѣшиваемъ удовольствіе: потому что зависть давно уже признали скорбію души, равно какъ смѣхъ—удовольствіемъ; а въ этомъ случаѣ то и другое совмѣщается.

Прот. Справедливо.

B. *Сокр.* Такъ вотъ теперь наша рѣчь даетъ намъ знать, что въ горестяхъ, въ трагедіяхъ и комедіяхъ [1],—не въ драмахъ только, а во всякой трагедіи и комедіи жизни,—скорби и удовольствія смѣшиваются, какъ и въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ.

Прот. Съ этимъ нельзя не согласиться, Сократъ, сколько бы кто ни защищалъ противное.

Сокр. Но и гнѣвъ, и похотѣніе, и гореванье, и страхъ, и любовь, и ревность, и зависть, и все такое представляемо было нами смѣшаннымъ изъ того, о чемъ мы нынѣ
C. многократно говорили. Не такъ ли?

Прот. Да.

Сокр. А понимаемъ ли мы, что все нынѣшнее ограничивается гореваньемъ, завистію и гнѣвомъ?

---

[1] В ъ г о р е с т я х ъ, в ъ т р а г е д і я х ъ и к о м е д і я х ъ. Въ подлинникѣ читается только: ἐν θρήνοις τε καὶ ἐν τραγῳδίαις, а слова ἐν κωμῳδίαις нѣтъ, хотя здѣсь необходимо требуетъ его самый предметъ рѣчи, потому что дѣло идетъ о смѣшанности удовольствія и скорби именно въ комическомъ. Посему критики, затрудняясь этимъ мѣстомъ, старались различнымъ образомъ защитить вульгатное его чтеніе, пока наконецъ Готфридъ Германъ не пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь есть пропускъ, и что текстъ долженъ быть возстановленъ въ слѣдующемъ видѣ: μηνύει δὴ νῦν ὁ λόγος ἡμῖν ἐν θρήνοις τε καὶ ἐν τραγῳδίαις καὶ κωμῳδίαις, μὴ τοῖς δράμασι μόνον, ἀλλὰ καὶ τῇ τοῦ βίου συμπάσῃ τραγῳδίᾳ καὶ κωμῳδίᾳ, κ. τ. λ. Этого дополненнаго текста держался и я, потому что въ такомъ видѣ онъ совершенно соотвѣтствуетъ порядку раскрытыхъ въ діалогѣ предметовъ: въ немъ сперва (p. 48 A) разсматриваемы были θρῆνοι καὶ πόθοι, потомъ τραγικαὶ θεωρήσεις, а наконецъ κωμῳδίαι.

Прот. Какъ не понимать?

Сокр. Не равномѣрно ли и многимъ другимъ?

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. А для чего особенно, думаешь, я показалъ тебѣ смѣшеніе въ комедіи? Не для убѣжденія ли тебя въ томъ, что и въ страхѣ, и въ любви, и въ прочемъ легче показать D.
смѣшеніе, чтобы, принявъ это въ сознаніе, ты отпустилъ меня,—не позволялъ мнѣ, направляясь къ тому же, еще болѣе распространяться объ этомъ въ своихъ разсужденіяхъ, а просто положилъ, что и тѣло безъ души, и душа безъ тѣла, и обѣ эти части во взаимномъ общеніи своихъ ощущеній исполнены смѣшенія скорбей съ удовольствіемъ? И такъ, говори теперь: отпускаешь ли меня, или будешь держать до полуночи? Впрочемъ, я думаю выпросить у тебя отпускъ, сказавъ еще немногое. Вѣдь во всемъ этомъ я намѣренъ дать тебѣ отчетъ завтра, а теперь хочу перейти E.
къ прочему, чтобы разсудить о томъ, что̀ велитъ Филебъ.

Прот. Хорошо сказалъ ты, Сократъ. Разсматривай же остальное, какъ тебѣ угодно.

Сокр. Послѣ удовольствій смѣшанныхъ, необходимость естественно велитъ намъ перейти, по порядку, къ удовольствіямъ не смѣшаннымъ.

Прот. Прекрасно сказалъ ты. 51.

Сокр. Поэтому я постараюсь обозначить ихъ тебѣ съ другой стороны [1]. Тѣмъ вѣдь, которые утверждаютъ, что всѣ удовольствія суть ослаба скорбей, я не очень вѣрю, но, какъ говорилъ, сошлюсь на волхвовъ, что нѣкоторыя удовольствія—только мнимыя, а существенно—отнюдь не удовольствія; что иныя между ними велики, и много также мечтательныхъ, но они смѣшаны съ скорбями и ослабами величайшихъ горестей при затрудненіяхъ тѣла и души.

---

[1] Обозначить съ другой стороны, μεταβαλὼν σημαίνειν. О формѣ μεταβαλῶν см. примѣч. къ Федру, p. 241 A.

B. *Прот.* А если бы кто предположилъ нѣкоторыя истинныя [1], Сократъ, правильно ли бы мыслилъ онъ?

Сокр. Такими представляютъ удовольствія, возбуждаемыя прекрасными цвѣтами, формами, весьма многими запахами, звуками и всѣмъ, въ чемъ лишеніе и не ощутимо, и не скорбно, а восполненіе и чувствуется, и бываетъ пріятно.

Прот. Какъ это такъ мы опять говоримъ, Сократъ?

Сокр. Да, конечно, не вдругъ яснымъ представится то,
C. чтò я говорю; надобно постараться объяснить. Подъ красотою формъ я пытаюсь теперь понимать не то, чтò хотятъ понимать многіе, напримѣръ, красоту животныхъ или какой нибудь живописи. Моя рѣчь—о чемъ нибудь прямомъ и кругломъ, и въ числѣ подобныхъ предметовъ—о тѣхъ, которые дѣлаются при помощи циркулей: о плоскостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, построяемыхъ по правиламъ и наугольникамъ, если ты понимаешь меня [2]. Это прекрасно,

---

[1] Философъ приступаетъ теперь къ изслѣдованію и описанію удовольствій чистыхъ, и дѣлитъ ихъ на два рода. Одни изъ нихъ относятся къ вещамъ, постигаемымъ чувствами; другія проявляются въ области искусствъ и наукъ. Первыя получаются отъ того, что почитается прекраснымъ. Но прекрасное у философа здѣсь не есть прекрасное въ себѣ, или абсолютное,—идея прекраснаго; потому что послѣднее созерцается не въ тѣлахъ и не имѣетъ ни цвѣтовъ, ни формъ, ни вида, какъ говорится объ этомъ въ Симпосіонѣ (p. 211 A. E) и Федрѣ (p. 247 C). Такъ какъ теперь идетъ рѣчь объ удовольствіи, то ищется такое прекрасное, которое, хотя бы и подлежало чувствамъ, однакожъ доставляло бы удовольствія чистыя. Источникомъ такихъ удовольствій служатъ прежде всего фигуры, цвѣтà, тѣлà, голосà, упражненія, какъ говорится объ этомъ и въ Горгіасѣ (p. 474 D. al.). Впрочемъ, всѣхъ этихъ вещей философъ не почитаетъ вполнѣ причинами чистаго удовольствія: такое значеніе приписывается имъ лишь въ отношеніи къ тому, что въ нихъ просто, постоянно, тожественно, слѣдовательно свободно отъ всякой измѣняемости,—что постигается силою ума и, постигнутое, созерцается имъ молча; ибо и добро есть то, что само въ себѣ тожественно, постоянно и истинно, какъ излагается это ниже (p. 64 E). И такъ, ощущеніе чистыхъ удовольствій почитается возможнымъ тогда, когда мы своимъ умомъ будемъ постигать первичныя, простыя и постоянныя формы фигуръ, цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ, и чувствомъ удовольствія возбуждаться къ созерцанію ихъ, независимо отъ обыкновеннаго удовольствія тѣлеснаго.

[2] Изъ фигуръ Сократъ относитъ сюда п р я м о е, напримѣръ, прямую линію и εὐθύγραμμον σχῆμα, и к р у г л о е, также п л о с к о е и т в е р д о е. Эти формы казались Платону первичными и постоянными, которыя созерцающему уму должны были доставлять удовольствіе чистое. Τὸ εὐθύ, конечно, не могло

говорю, не относительно къ чему нибудь, какъ что̀ другое [1], но прекрасно всегда, по самой природѣ, и возбуждаетъ нѣкоторыя особенныя удовольствія, нисколько не сходныя D. съ чесаніемъ. Есть и цвѣта̀, имѣющіе такой же характеръ [2]. Понимаемъ ли теперь, или какъ?

Прот. Я стараюсь, Сократъ; но постарайся и ты говорить еще яснѣе.

Сокр. Я говорю, то есть, о мягкихъ и выразительныхъ звукахъ, которые издаютъ какую нибудь одну чистую мелодію, и прекрасны не въ отношеніи къ другому, а сами по себѣ, и за которыми слѣдуютъ сродныя имъ удовольствія [3].

быть принимаемо иначе, какъ за нѣчто простѣйшее и потому начальное. Τὸ περιφερὲς у Пиѳагора и Платона отличалось достоинствомъ высочайшаго совершенства. Diog. Laërt. Vit. Pythag. 19, 35; Plat. Tim. p. 33 B. Τὰ ἐπίπεδα καὶ στερεά,—напримѣръ, квадраты, треугольники, кубы, конусы, цилиндры,—не заключаютъ въ себѣ также ничего, кромѣ тѣхъ простыхъ началъ.—Но какимъ образомъ все такое могло доставлять уму много удовольствія? Этотъ вопросъ рѣшается въ Тимеѣ (p. 52 D sqq.), гдѣ говорится, что весь міръ устроенъ Богомъ по законамъ соотношенія чиселъ и фигуръ.

[1] О природѣ и значеніи тѣхъ вещей, которыя относятся къ чему нибудь другому, а самостоятельной цѣнности не имѣютъ, см. хорошее мѣсто въ Хармидѣ p. 168 B слл., гдѣ этотъ предметъ разсматривается сократически.

[2] Разумѣются цвѣта, прекрасные въ себѣ, независимо отъ своего отношенія къ различнымъ вещамъ. Но которые изъ нихъ именно таковы,—философъ здѣсь не говоритъ. Изъ дальнѣйшихъ его разсужденій (p. 52 E sqq.) видно, что такимъ цвѣтомъ почитаетъ онъ особенно бѣлый. Объ этомъ, нѣсколько темномъ предметѣ, яснѣе говорится въ Тимеѣ (p. 67 C sqq.), гдѣ Платонъ излагаетъ полное свое понятіе о цвѣтахъ и ихъ родахъ.

[3] Я говорю о мягкихъ и выразительныхъ звукахъ, λέγω δὴ τὰς τῶν φθόγγων τὰς λείας καὶ λαμπράς. По замѣчанію Штальбома, здѣсь испорченъ текстъ чрезъ внесеніе слова φθόγγων, вмѣсто φωνῶν. Различіе между этими словами дѣйствительно есть; по-русски надобно различать ихъ какъ звукъ и голосъ, издаваемый не только живымъ органомъ человѣка, но и музыкальнымъ орудіемъ: звукъ струны и голосъ струны—не одно и то же: первый поражаетъ только перепонку уха, а послѣдній понятенъ чувству души. Здѣсь говорится о голосахъ безусловныхъ, доставляющихъ душѣ созерцателя удовольствіе чистое и не заключающихъ въ себѣ ничего непріятнаго: φωναὶ λεῖαι καὶ λαμπραὶ ἕν τι καθαρὸν μέλος ἱεῖσαι,—которымъ противоположны жесткіе и глухіе, отзывающіеся въ душѣ какъ-то непріятно и тревожно. Этотъ предметъ объясняетъ самъ философъ въ Тимеѣ (p. 67 B) и Аристотель (De Aud. vol. II, p. 800, 15; 801, 25; ed. Bekker): τῶν δὲ φωνῶν τυφλαὶ μέν εἰσι καὶ νεφώδεις, ὅσαι τυγχάνουσιν αὐτοῦ καταπεπνιγμένα-

Прот. Да, и это бываетъ.

E. *Сокр.* Но относительно къ запахамъ родъ удовольствій менѣе божественъ [1], чѣмъ эти. За соотвѣтственное въ нихъ съ прежними я принимаю то, что къ нимъ не необходимо примѣшиваются скорби, въ какомъ родѣ вещей и какъ это ни ощущалось бы.—Такъ вотъ, если понимаешь, два вида взятыхъ нами къ разсмотрѣнію удовольствій.

Прот. Понимаю.

52. *Сокр.* Къ этимъ присоединимъ еще и удовольствія, происходящія отъ наукъ, если только науки не сопровождаются алканіемъ науки, и если алканіе [2] учиться не соединяется сперва съ непріятностями.

Прот. И мнѣ то же кажется.

Сокр. Но что̀, если иные, обогащенные науками, впослѣдствіи понесли утрату чрезъ забвеніе? Усматриваешь ли ты въ этихъ наукахъ что нибудь непріятное?

Прот. Это «что-то» не въ природѣ наукъ, а въ помыс-
B. лахъ о потерѣ ихъ, когда кто, лишившись познаній и чувствуя въ нихъ потребность, скорбитъ.

λαμπραὶ δὲ, ὅσαι πόρρω διατείνουσι καὶ πάντα πληροῦσι τὸν συνεχῆ τόπον. Такъ эти роды голосовъ философъ почитаетъ доставляющими удовольствіе чистое, когда они составляютъ ἓν τι καθαρόν, cantum unum quendam purum, которое и ровно, и не заключаетъ въ себѣ никакой нестройности и глухоты. Комментарій на это см. Tim. p. 8 A sqq.

[1] Почему запахами возбуждаются удовольствія менѣе божественныя, Платонъ показываетъ въ Тимеѣ (p. 66 D), гдѣ говорится, что обоняніе не можетъ быть подведено подъ извѣстные роды, или возведено къ достоинству идеи такъ какъ всякій запахъ имѣетъ какую-то половинчатую и несовершенную, неопредѣленную природу. Посему можно различать только два рода запаховъ: одни пріятные, другіе непріятные; посему также нельзя представить въ душѣ различныхъ формъ и видовъ запаха, отъ созерцанія которыхъ получались бы чистыя удовольствія. Впрочемъ, Сократъ все-таки находитъ нѣчто общее между родомъ запаховъ и другими представленіями; это общее состоитъ въ томъ, что съ соотвѣтствующими ему удовольствіями не необходимо соединяются скорби.

[2] Алканіе науки,— πείνη выражаетъ сильное желаніе и, кажется, употреблено Платономъ только въ этомъ мѣстѣ, хотя это слово въ означенномъ смыслѣ употреблялось лучшими древними писателями. Xenoph. Oeconom. 13, 9: πεινῶσι τοῦ ἐπαίνου—οὐχ ἧττον ἢ ἄλλαι τῶν σίτων καὶ ποτῶν. Cyrop. VIII, 3. 16: πεινήσας χρημάτων. Нашъ философъ, вмѣсто πείνη, нерѣдко употребляетъ слово δίψος и διψῶ. Reip. VIII, p. 562 C: δημικρατουμένη πόλις ἐλευθερίας διψήσασα.

Сокр. А теперь-то, почтеннѣйшій, мы ограничиваемся вѣдь только ощущеніями природы, независимо отъ помысловъ.

Прот. Стало быть, ты справедливо говоришь, что въ наукахъ забвеніе всегда бываетъ безъ скорбей.

Сокр. Такъ вотъ и надобно сказать, что къ удовольствіямъ отъ наукъ скорби не примѣшиваются, и что эти удовольствія суть достояніе никакъ не многихъ людей, а весьма небольшаго числа ихъ.

Прот. Какъ не сказать?

Сокр. И такъ, достаточно уже различивъ удовольствія чи- C.
стыя и другія, правильно называемыя не чистыми, приложимъ въ своемъ словѣ къ удовольствіямъ сильнымъ неизмѣряемость, а къ не сильнымъ — противное: измѣряемость. Да и тѣ опять, которыя воспринимаютъ въ себя великость и сильность, и бываютъ такими часто и рѣдко, положимъ, относятся къ тому безпредѣльному, проносящемуся чрезъ тѣло и душу менѣе и болѣе; другія же, не такія, отнесемъ
къ измѣряемымъ [1]. D.

Прот. Ты весьма правильно говоришь, Сократъ.

Сокр. Но кромѣ сего, надобно еще, послѣ этого, разсмотрѣть вотъ что.

Прот. Что такое?

Сокр. Чтò должно отнесть къ истинѣ, это ли: *чисто* и *цѣльно*, или то: *сильно*, *много*, *величественно*, *достаточно?*

Прот. Какая цѣль твоего вопроса, Сократъ?

---

[1] Текстъ этого мѣста, безъ сомнѣнія, сильно поврежденъ, но заключающаяся въ немъ мысль понятна. Нашедши различіе между удовольствіями чистыми и не чистыми, Сократъ всѣ ихъ раздѣляетъ на два вида, относительно ихъ силы и неизмѣряемости, и опять относительно мѣрности, — и первыя изъ нихъ, отличающіяся ἀμετρίᾳ, относитъ, какъ и прежде уже отнесены были они, къ роду безпредѣльнаго — ἄπειρον. Чтобы эта мысль видна была въ самомъ текстѣ, онъ можетъ быть представленъ такъ: καὶ τὰς τὸ μέγα καὶ τὸ σφοδρὸν αὖ δεχομένας καὶ πολλάκις καὶ ὀλιγάκις γιγνομένας τοιαύτας τοῦ ἀπείρου γ᾽ ἐκείνου καὶ ἧττον καὶ μᾶλλον διά τε σώματος καὶ ψυχῆς φερομένου θῶμεν αὐτὰς εἶναι γένους, τὰς δὲ μὴ τῶν ἐμμέτρων. Слова: ἧττον καὶ μᾶλλον διά τε σώματος καὶ ψυχῆς φερομένου будутъ ясны, если вспомнимъ, что говорсно было на стр. 24 А и слл.

Сокр. Та, Протархъ, чтобы въ испытаніи удовольствія
E. и знанія не пропустить ничего, что̀ въ томъ и другомъ есть чистаго и не чистаго. Тогда чистое въ томъ и другомъ, ставъ предметомъ сужденія и для меня и для тебя и для всѣхъ присутствующихъ, будетъ легче обсужено.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Хорошо; о всемъ, что называется у насъ родами чистыми, мы будемъ разсуждать такъ: выберемъ изъ нихъ сперва который нибудь одинъ, и станемъ разсматривать его.

53. *Прот*. Что же выберемъ мы?

Сокр. Сначала посмотримъ, если хочешь, на родъ бѣлизны.

Прот. Пожалуй.

Сокр. И такъ, какимъ образомъ и въ чемъ можетъ состоять у насъ чистота бѣлизны? Не въ томъ ли, что она самая большая и что ея очень много, или въ томъ, что она вовсе безпримѣсна,—что въ ней нѣтъ никакой иной частицы котораго нибудь цвѣта?

Прот. Явно—въ томъ, что она по преимуществу цѣльная.

Сокр. Правильно. Такъ не эту ли положимъ мы, Протархъ, какъ самую истинную, и вмѣстѣ между всѣми бѣлизнами
B. самую прекрасную, а не ту, которой весьма много, или которая очень велика?

Прот. Да и всего правильнѣе.

Сокр. Стало быть, если скажемъ, что малая, но чистая бѣлизна бываетъ бѣлѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснѣе и истиннѣе, чѣмъ большая, но смѣшанная, то скажемъ совершенно правильно?

Прот. Конечно, правильно.

Сокр. Что же? Можетъ быть, намъ и нѣтъ надобности въ большемъ числѣ такихъ примѣровъ при разсужденіи объ удовольствіи: можетъ быть, довольно и этого, чтобы понять, что всякое малое и немногосложное удовольствіе, если оно
C. чисто отъ скорби, бываетъ пріятнѣе, истиннѣе и прекраснѣе, чѣмъ великое и многосложное.

Прот. Безъ сомнѣнія; и этого-то примѣра достаточно.

Сокр. Въ чемъ же состоитъ оно?—Не слыхивали ли мы объ удовольствіи, что оно всегда есть бытное, а сущности удовольствія нѣтъ никакой [1]? Умны вѣдь, право, нѣкоторые, рѣшающіеся доказывать намъ такое положеніе; мы благодарны имъ.

Прот. Что же?

Сокр. Я прослѣжу это самое, любезный Протархъ, посредствомъ вопросовъ. D.

Прот. Говори и спрашивай.

Сокр. Пусть будутъ два предмета [2]: одинъ—самъ по себѣ, а другой всегда желаетъ инаго.

Прот. Какіе это два, и которые разумѣешь ты?

Сокр. Одинъ—самый достоуважаемый по природѣ, а другой уступаетъ ему.

Прот. Говори еще яснѣе.

Сокр. Мальчиковъ мы обыкновенно представляемъ прекрасными и добрыми, а любителей ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ мужественными.

Прот. И очень.

Сокр. Такъ къ этимъ двумъ ищи иныхъ двухъ, во всемъ

---

[1] Платонъ разумѣетъ здѣсь едва ли не Аристиппа и его слушателей, которые полагали, что удовольствіе заключается въ движеніи. См. Diog. Laërt. II, § 87 sqq. То же казалось и Тренделенбургу (De Philebo p. 9), который думалъ, что того же мнѣнія держался и Аристотель. Ethic. Nicom. VII, 12; X, 3. Magn. Moral. II, 7.

[2] Отсюда Сократъ начинаетъ изслѣдывать, какую цѣнность надобно приписать всякому вообще удовольствію. Для этого различаетъ онъ два рода вещей: одинъ родъ тѣхъ, которыя существуютъ сами по себѣ и ни отъ чего не зависятъ; другой—тѣхъ, которыя всегда относятся къ инымъ вещамъ и не довольствуются самими собою. Сравн., что говорится объ этомъ въ Хармидѣ (p. 168 B sqq.). Тому, что̀ по своей природѣ почитается превосходнѣе другаго, приписывается ἡ οὐσία, а другому—несамостоятельному—ἡ γένεσις, то есть, бытность, явленіе,—поколику послѣднее стремится къ первому, какъ къ своей цѣли. 'Η οὐσία есть высочайшее благо, такъ какъ оно существуетъ само по себѣ; а γένεσις есть удовольствіе, ибо прежде было найдено, что удовольствіе происходитъ отъ возстановленія нарушенной гармоніи, все же происходящее есть раждающееся или бытное. И такъ, удовольствіе весьма далеко отстоитъ отъ высочайшаго блага.

E. подобныхъ,—ищи того, чтò мы называемъ третьимъ для другаго [1].

Прот. Говори яснѣе, Сократъ, чтò говоришь.

Сокр. Тутъ нѣтъ ничего хитраго, Протархъ; слово дразнитъ насъ, а говоритъ между тѣмъ, что одно всегда бываетъ для чего нибудь существующаго, другое же—всегда то, ради чего всякій разъ бываетъ бывающее для чего нибудь.

Прот. Насилу понялъ, хоть и многократно сказано было.

Сокр. Можетъ быть, скоро,—по мѣрѣ того, какъ будетъ
54 развиваться наша рѣчь,—поймемъ мы и болѣе, дитя мое.

Прот. Почему не такъ.

Сокр. Возьмемъ же другіе два предмета.

Прот. Какіе?

Сокр. Одно единое—бытность всего, другое единое—сущность.

Прот. Принимаю отъ тебя эти два—сущность и бытность.

Сокр. Весьма правильно. Такъ которое изъ нихъ бываетъ для котораго: бытность ли, скажемъ, для сущности, или сущность для бытности?

Прот. Ты спрашиваешь теперь: называемое сущностью для бытнаго ли есть то, чтò есть?

B. *Сокр*. Видимо.

Прот. Но, ради боговъ, ужели же меня опять спрашивать объ этомъ?

Сокр. Да вѣдь я, любезный Протархъ, говорю нѣчто та-

---

[1] Мысль περὶ τῶν παιδικῶν καὶ ἐραστῶν, равно какъ выраженіе: ἕσα λέγομεν εἶναι τὸ τρίτον ἑτέρῳ, представляются чѣмъ-то очень темнымъ и почти неумѣстнымъ. Сократъ говоритъ здѣсь загадочно и полушуточно, затрогивая своими словами, по видимому, Протарха и Филеба. Такъ какъ рѣчь клонится къ отличенію вещей относительныхъ отъ того, чтò существуетъ независимо, то примѣръ относительности тотчасъ указывается въ мальчикѣ и его любовникѣ: а то, къ чему направляется ихъ отношеніе и что само не направляется уже ни къ чему другому, предполагается какъ что-то самостоятельное. Это-то самостоятельное и есть походящее на пословицу: τὸ τρίτον ἑτέρῳ,—какъ бы, то есть, было сказано: τὸ τρίτον μεταξὺ τῶν δυῶν или ἀμφοτέρων. Параллельныя этому мысли можно читать по мѣстамъ въ Парменидѣ.

кое [1]: верфь ли, скажешь, скорѣе бываетъ для кораблей, или корабли для верфи? И все, что̀ таково; это самое говорю я, Протархъ.

Прот. Такъ почему не отвѣчаешь ты, Сократъ, самъ себѣ?

Сокр. Нѣтъ причины не отвѣчать; однакожъ въ моемъ словѣ принимай участіе и ты.

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. Я полагаю, что и лѣкарства, и всякія средства, и всякое вещество принаровляются ко всѣмъ для бытнаго, а C.
каждое бытное, какъ иное, бываетъ для каждой, какъ иной, сущности; вся же бытность, взятая вмѣстѣ, является для другаго взятаго вмѣстѣ сущаго [2].

Прот. Совершенно ясно.

Сокр. Поэтому удовольствіе-то, если оно есть бытное, необходимо должно быть для какой нибудь сущности.

Прот. Какъ же.

Сокр. Но то̀-то вѣдь, ради чего всегда должно быть бывающее для чего нибудь, принадлежитъ къ области добра; а то, что̀ бываетъ для чего нибудь, надобно отнесть, почтеннѣйшій, къ иной области.

Прот. Весьма необходимо.

Сокр. Стало быть удовольствіе-то, если оно есть бытное, D.
поставляя въ иную область, чѣмъ въ какой находится доброе,—мы поставимъ его правильно?

---

[1] Да вѣдь я, любезный Протархъ, говорю нѣчто такое— τοιόνδε τι λέγω, ὦ Πρώταρχέ μοι. Критики очень затруднялись стоящими передъ этимъ словами Протарха: πρὸς θεῶν ἆρα ἂν ἐπανερωτᾷς μὲ, и безъ всякой нужды различнымъ образомъ измѣняли ихъ, между тѣмъ какъ надлежало бы обратить вниманіе скорѣе на отвѣтъ Сократа: τοιόνδε τι λέγω. Мнѣ кажется, здѣсь нуженъ бы какой нибудь союзъ, чтобы этотъ отвѣтъ тѣснѣе соединялся съ вопросомъ. По моему мнѣнію, фраза должна бы начинаться такъ: ἀλλὰ τοιόνδε τι λέγω

[2] Здѣсь высказывается взглядъ Платона на отношеніе всего являющагося и существующаго. Чтобы что нибудь родилось, произошло, стало отдѣльнымъ явленіемъ, нужно вещество—ὕλη, не въ смыслѣ первой матеріи—ὑποδοχὴ τῶν χρημάτων (этого термина въ такомъ значеніи Платонъ никогда не употреблялъ), а какъ пища или условіе явленія. Но всякая образовавшаяся такимъ образомъ бытность должна направляться къ тому, что̀ служитъ ей основаніемъ, или что̀ имѣетъ въ ней значеніе силы организующей, которую Платонъ называетъ οὐσία.

Прот. Даже весьма правильно.

Сокр. Посему, какъ я говорилъ въ началѣ этого разсужденія, объявившему касательно удовольствія, что оно есть бытное, а сущности не заключаетъ въ себѣ нисколько, надобно быть благодарнымъ: ибо явно, что онъ смѣется надъ тѣми, которые удовольствіе называютъ добромъ.

Прот. И очень.

Сокр. Да вѣдь тотъ же самый будетъ всякій разъ смѣять-
E. ся и надъ тѣми, которые ограничиваются бытностями.

Прот. Какъ же и о комъ говоришь ты?

Сокр. О тѣхъ, которые, утоливъ или голодъ, или жажду, или что нибудь подобное этому, совершаемое въ бытномъ, рады бываютъ бытному, такъ какъ въ немъ заключается удовольствіе, и говорятъ, что не захотѣли бы и жить, если бы не алкали, не жаждали и не испытывали другихъ какихъ бы то ни было слѣдующихъ за этими ощущеній.

55. *Прот.* Да, они таковы.

Сокр. Но противнымъ тому-то, что̀ бываетъ, всѣ мы могли бы назвать разрушающееся.

Прот. Необходимо.

Сокр. Такъ принимающій это долженъ принять также разрушеніе и рожденіе,—но не ту третью жизнь, въ которой нѣтъ ни радости, ни скорби, а есть разумность, сколько возможно чистѣйшая.

Прот. Большой, какъ видно, Сократъ, пришлось бы проявиться нелѣпости въ мышленіи, если бы кто удовольствіе представлялъ намъ въ видѣ добра.

Сокр. Большой, особенно когда мы скажемъ еще, и почему.

Прот. А почему?

B. *Сокр.* Какъ не нелѣпо думать, будто нѣтъ ничего добраго и прекраснаго ни въ тѣлѣ, ни во многомъ другомъ, кромѣ какъ въ душѣ, и будто доброе и прекрасное здѣсь—только удовольствіе, а мужество, или разсудительность, или умъ, или что иное изъ благъ, доставшихся на долю души, отнюдь не таково? Да и сверхъ того, не радующій-

ся, а скорбящій принужденъ былъ бы тогда согласиться, что въ минуты скорби онъ золъ,—хотя бы былъ лучше всѣхъ; радующійся же опять, чѣмъ болѣе радуется,—когда радуется,—тѣмъ больше отличается добродѣтелью. C.

Прот. Все это, Сократъ, въ высшей степени нелѣпо.

Сокр. Такъ чтобы не показалось, будто мы взялись всячески сдѣлать изслѣдованіе удовольствія, а ума и знанія какъ бы сильно бережемся.—Обстучимъ же все это мужественнѣе, не дребезжитъ ли тутъ что нибудь [1], пока не достучимся до чистѣйшаго по природѣ, и, смотря на это, произнесемъ сужденіе, какъ общее объ удовольствіяхъ, такъ и отдѣльное—объ истиннѣйшихъ частяхъ удовольствія.

Прот. Правильно.

Сокр. Не справедливо ли я думаю, что у насъ одна сторона знанія наукъ есть художническая, а другая—образовательная и питательная [2]? Или какъ? D.

---

[1] Обстучимъ—не дребезжитъ ли, εἴ πῇ τι σαθρὸν ἔχει, πᾶν περικρούωμεν. Эта метафора взята отъ способа испытывать сосуды, нѣтъ ли въ нихъ скважинъ или трещинъ, и узнавать доброту ихъ по звуку. Theaet. p. 179 D: σκεπτέον τὴν φερομένην ταύτην οὐσίαν διακρούοντι, εἴτε ὑγιὲς εἴτε σαθρὸν φθέγγεται, гдѣ Схоліастъ замѣчаетъ: ἐκ μεταφορᾶς τῶν διακωδωνούντων τὰ κεράμια, εἰ ἀκέραιά εἰσιν.

[2] Содержаніе начинающагося здѣсь изслѣдованія таково. Есть два рода искусствъ и наукъ: одинъ имѣетъ въ виду дѣятельность и относится къ нуждамъ жизни,—посему называется δημιουργικὸν или χειροτεχνικόν; а другой занимается образованіемъ и дисциплиною. Потомъ—изъ искусствъ ремесленныхъ—одни больше въ связи съ знаніемъ, другія меньше, и отъ того бываютъ или чище, или менѣе чисты. Первыя берутъ въ помощь математику, ариѳметику, науку измѣренія и взвѣшиванія; а послѣднія оставляютъ это пособіе, и потому основываются на догадкахъ и навыкѣ. Но и самыя математическія науки распадаются на два отдѣла; ибо бываютъ либо народными, и прилагаются къ исчисленію и измѣренію предметовъ частныхъ, либо восходятъ выше и изслѣдываютъ самыя основанія чиселъ, вѣсомостей и фигуръ. Первыя суть практическія, а послѣднія—теоретическія, болѣе приближающіяся къ достоинству знанія. Надобно конечно согласиться, что эти науки очень точны; однакожъ далеко выше всѣхъ ихъ стоитъ наука, разсматривающая истинно сущее, всегда себѣ равное, и нѣкоторымъ образомъ заключающая въ себѣ всѣ другія науки. Это не есть искусство ораторское, которымъ хвастаются софисты, а то, которое ведетъ душу къ познанію истины. Многіе люди, ища истины, останавливаются на мнѣніяхъ и сужденіи о вещахъ видимыхъ. Но такимъ образомъ пріобрѣтается не познаніе истины, которая неизмѣнна, постоянна, вѣчна, а понятіе о томъ, что̀ бываетъ,

Прот. Такъ.

Сокр. Размыслимъ же прежде о ремеслахъ,—больше ли знанія въ однихъ между ними, а въ другихъ меньше, и должно ли одни изъ нихъ понимать какъ чистѣйшія, а другія какъ менѣе чистыя.

Прот. Поэтому надобно.

Сокр. Но господствующія слѣдуетъ взять особо отъ каждаго изъ нихъ.

Прот. Которыя и какъ?

E. *Сокр.* Напримѣръ, если бы кто отъ всѣхъ искусствъ отдѣлилъ искусство считать, измѣрять и взвѣшивать, то остальное, можно сказать, было бы не важно.

Прот. Конечно не важно.

Сокр. Послѣ этого, то есть, оставалось бы водиться правдоподобіемъ, доставить опытность и нѣкоторый навыкъ чувствамъ и развить въ нихъ способность угадывать,—что̀ многіе

56. называютъ искусствомъ, получающимъ силу чрезъ упражненіе и трудъ [1].

Прот. Ты говоришь то, что совершенно необходимо.

Сокр. И этимъ, можетъ быть, прежде всего полна музыка, устрояющая гармонію не мѣрою, а чуткостію, пріобрѣтаемою упражненіемъ;—этимъ полна и духовая и вся струн-

---

измѣняется и исчезаетъ; но это недостойно имени истиннаго знанія. Отсюда философъ выводитъ порядокъ всѣхъ наукъ и искусствъ, и устанавливаетъ его такъ: первое мѣсто даетъ философіи и діалектикѣ, второе—наукамъ математическимъ болѣе чистымъ, третье—математикѣ народной, четвертое—искусствамъ мастерскимъ, пользующимся науками математическими, пятое же наконецъ—тѣмъ, которыя совершенно чужды математической точности и изучаются однимъ упражненіемъ и навыкомъ. Объ этомъ предметѣ говорится также Phaedr. p. 248 E sqq.; Politic. p. 278 A sqq.; De Rep. VII, p. 521 C sqq.,—X, p. 602 sqq.; Gorg. p. 451 C sqq.

[1] Подобное ученіе см. Gorg. p. 463 B: ὃ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη οὐκ ἔστι τέχνη, ἀλλ' ἐμπειρία καὶ τριβή. Ibid. 465 A: τέχνην δ' αὐτὴν οὔ φημι εἶναι, ἀλλ' ἐμπειρίαν, ὅτι οὐκ ἔχει λόγον οὐδένα—ὥςτε τὴν αἰτίαν ἑκάστου μὴ ἔχειν εἰπεῖν, ἐγὼ δὲ τέχνην οὐ καλῶ, ὃ ἂν ᾖ ἄλογον πρᾶγμα. Ibid. p. 501 A. Phaedr. p. 260 E. 270 B. Legg. IX, p. 857; XI, p. 938 A. О наукахъ же математическихъ и другихъ необходимыхъ сравн. De Rep. VII, p. 522.

ная ея часть [1], выдерживающая мѣру всякой звучащей струны догадкою, такъ что къ музыкѣ примѣшивается много неяснаго, а твердаго въ ней мало.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Такими же найдемъ мы искусства: и врачебное, и B.
земледѣльческое, и кораблеводительное, и военноначальническое.

Прот. Ужъ конечно.

Сокр. Домостроительное же, пользуясь многочисленными мѣрами и орудіями, которыя даютъ ему возможность соблюдать въ своемъ дѣлѣ особенную точность, имѣетъ, думаю, художественности больше, чѣмъ многія знанія.

Прот. Въ чемъ?

Сокр. Въ построеніи кораблей, домовъ и во многихъ другихъ деревянныхъ постройкахъ. Вѣдь оно употребляетъ, думаю, и правило, и циркуль, и ватерпасъ, и отвѣсъ, и какую-то хитро сдѣланную линейку. C.

---

[1] И духовая и вся струнная ея часть, καὶ ξύμπασα αὐτῆς αὐλητική, τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς τῷ στοχάζεσθαι φερομένης θηρεύουσα. Здѣсь я долженъ дать отчетъ, откуда взята мною «вся струнная часть», когда по гречески стоитъ: καὶ ξύμπασα αὐτῆς αὐλητική, и когда флейта есть инструментъ духовой, а не струнный. Всѣмъ конечно извѣстно, что струнные инструменты подстрояются подъ тонъ флейты, когда надобно пѣть, что̀ у Тибулла (I, 1, 4) называется classica pulsare, или какъ у Аристофана (Avv. v. 682): καλλιβόαν κρεκουσ' αὐλὸν φθέγμασιν ἠρινοῖς; но всетаки струнныхъ звуковъ за голосъ флейты въ этомъ мѣстѣ принимать нельзя,—тѣмъ болѣе, что αὐλητική представляется здѣсь какъ бы родовымъ понятіемъ всей струнной музыки: καὶ ξύμπασα αὐτῆς αὐλητική, τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς—θηρεύουσα. Посему не удивительно, что Гевзде и Шлейермахеръ признали этотъ текстъ испорченнымъ и, вмѣсто αὐλητική, предлагали читать πληκτική. Въ такомъ затрудненіи лучше всего обратиться къ древнимъ кодексамъ Платоновыхъ сочиненій. Одинъ изъ нихъ, Ven. Σ, по свидѣтельству Беккера, нѣсколько отступаетъ отъ обыкновеннаго чтенія, и послѣ αὐλητική прибавляетъ: καὶ κιθαριστική. Это чтеніе представляется дѣйствительно хорошимъ; потому что αὐλητική и κιθαριστική, по свойству ихъ инструментовъ, составляютъ цѣлость и полноту всей музыки, какъ духовой, такъ и струнной. Въ такомъ случаѣ слѣдующія за словомъ αὐλητική слова: τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς τῷ στοχάζεσθαι φερομένης θηρεύουσα, будутъ относиться уже къ κιθαριστική, однакожъ такъ, что въ то же время могутъ идти и къ αὐλητική; потому что въ Политикѣ Платона (III, p. 399 D) флейта называется ὄργανον πολυχορδότατον,—конечно въ томъ смыслѣ, что она уравниваетъ собою всѣ тоны струнныхъ инструментовъ.

Прот. Конечно такъ, Сократъ; ты правильно говоришь.

Сокр. Положимъ же два рода сказанныхъ искусствъ: одни—относящіяся къ роду музыки и соблюдающія въ своихъ произведеніяхъ меньше точности, а другія—подходящія къ искусству домостроительному и болѣе точныя.

Прот. Пусть будутъ положены.

Сокр. Точнѣйшими же изъ нихъ будутъ тѣ, которыя недавно назвали мы первыми.

Прот. Ты говоришь, кажется мнѣ, объ ариѳметикѣ и о тѣхъ искусствахъ, о которыхъ недавно упоминалъ вмѣстѣ съ нею.

D. *Сокр.* Конечно. Но и этихъ, Протархъ, не назвать ли опять искусствами двоякаго рода? Или какъ?

Прот. Которыя же разумѣешь ты?

Сокр. Во первыхъ, ариѳметику не понимать ли—одну, какъ искусство общенародное, а другую—какъ искусство философовъ [1]?

Прот. Чѣмъ же бы ограничить ее, чтобы различить, какъ одну и другую?

Сокр. Не маловажное ограниченіе, Протархъ. Вѣдь одни считаютъ въ числахъ единицы неравныя [2],—напримѣръ,

---

[1] Знакомые съ обыкновенною ариѳметикою опредѣляютъ числами вещи матеріальныя, а самыхъ чиселъ и пропорціальнаго отношенія ихъ однихъ къ другимъ не разсматриваютъ. Отъ этихъ Платонъ отличаетъ φιλοσοφοῦντας, которые пользуются ариѳметикою такъ, что своимъ умомъ отъ вещей тѣлесныхъ возносятся къ мыслимому, и познаютъ такъ называемыя отвлеченныя понятія количества, пропорціальности, величины и проч. Прекраснымъ комментаріемъ этого мѣста можетъ служить разсужденіе въ Политикѣ Платона VII, p. 525 B, 526 B. Снес. Heusd. Init. Philosoph. Platon. vol. VII, p. II, p. 54 sqq., 57 sqq.

[2] Народъ считаетъ обыкновенно единицы неравныя, т. е. отдѣльныя, которыя хотя и кажутся равными, однакожъ различаются между собою самою природою; ибо вещи, подлежащія чувствамъ, имѣютъ ту особенность, что сколь ни много ихъ въ одномъ родѣ, но одна изъ нихъ никогда не бываетъ вполнѣ сходна съ другою. Этотъ вопросъ прекрасно обсуживается Платономъ въ Политикѣ VII, p. 523 A sqq.; p. 524 B. Совершенно иначе считаютъ οἱ φιλοσοφοῦντες: они отвлекаютъ умъ отъ конкретнаго содержанія вещей и, оставивъ ихъ разницы, стараются уловить одну идею, чрезъ присущіе которой всѣ онѣ относятся къ одному роду. Раздѣльнѣе объ этомъ говорится De Rep. VII, p. 524 sqq.

два войска, два быка, два предмета малѣйшихъ или два E.
величайшихъ; а другіе никогда не слѣдуютъ имъ, если въ безчисленномъ множествѣ единицъ не представится одной, не отличающейся ни отъ которой другой.

Прот. Такъ ты, дѣйствительно, хорошо сказалъ, что не мала разница для людей, корпящихъ надъ числами [1], чтобы имѣть основаніе различать двѣ ариѳметики.

Сокр. Что жъ? Искусство исчислять и измѣрять, употребляемое при домостроительствѣ и въ торговлѣ, отличается ли отъ геометріи и счисленія, занимающихъ философію? Надоб- 57.
но ли сказать, что то и другое—одно, или положимъ ихъ два?

Прот. Слѣдуя прежнему, я, чтобы высказать мое мнѣніе, положилъ бы то и другое изъ нихъ какъ два.

Сокр. Правильно. А понимаешь ли, для чего мы поставили это на видъ [2]?

Прот. Можетъ быть; но желательно, чтобы на теперешній вопросъ отозвался ты.

Сокр. Да мнѣ-то кажется, что наша рѣчь не меньше, какъ
и въ самомъ своемъ началѣ, пришла къ этому, ища про- B.
тивусоотвѣтственнаго удовольствіямъ и изслѣдывая, бываетъ ли одно знаніе чище другаго знанія, какъ удовольствіе чище удовольствія.

Прот. Тò-то въ самомъ дѣлѣ очень ясно, что къ этому направлялась твоя рѣчь.

Сокр. Такъ что же? Въ прежнихъ искусствахъ не нашла ли она, что одно изъ нихъ имѣетъ преимущество предъ другими, и бываетъ яснѣе или темнѣе другаго?

Прот. Конечно.

---

[1] О глаголѣ корпѣть, τευτάζειν, см. De Rep. VII, p. 521 E.

[2] Поставили на видъ, προηνεγκάμεθα εἰς τὸ μέσον. Въ трехъ лучшихъ спискахъ стоитъ προςηνεγκάμεθα. Но тогда какъ римляне говорили proferre in medium и afferre in medium, греки въ этомъ случаѣ удержали только форму προφέρειν, а προςφέρειν не употребляли. Προφέρειν εἰς τὸ μέσον встрѣчаемъ у Платона Legg. VII, p. 812 C; XI, p. 936 A; X, 866 D; Sophist. p. 259 D.

Сокр. А въ этихъ опять [1], произнесши какое нибудь искусство одноименное и составивъ о немъ мнѣніе какъ объ
C. одномъ, она тоже разспрашиваетъ, какъ будто бы ихъ было два: ясное, то есть, и чистое здѣсь не точнѣе ли будетъ отнесть къ философствующимъ, чѣмъ къ не философствующимъ?

Прот. Она, кажется мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ объ этомъ разспрашиваетъ.

Сокр. Такъ какой же дадимъ ей отвѣтъ, Протархъ?

Прот. Относительно ясности, Сократъ, мы дошли до удивительно великой разницы между знаніями.

Сокр. Не тѣмъ ли легче будемъ отвѣчать?

Прот. Почему не такъ. И сказано-то будетъ, что эти искусства много отличаются отъ другихъ; а изъ этихъ са-
D. мыхъ особенно отличны занимающіяся съ точностію и истинностію мѣрами и числами, и помогающія неимовѣрнымъ усиліямъ настоящихъ философовъ.

Сокр. Пусть это будетъ по твоему; вѣря тебѣ, мы людямъ, сильнымъ въ растягиваніи рѣчей [2], смѣло дадимъ отвѣтъ.

Прот. Какой?

Сокр. Что есть два искусства исчислять и два искусства измѣрять,—и таковы всѣ къ нимъ относящіяся [3]: они имѣютъ эту двоичность, а имя имъ одно—общее.

---

[1] Мѣстоименіе въ этихъ, ἐν τούτοις, противуполагается предъидущему ἐν τοῖς ἔμπροσθεν и относится къ тому, что сейчасъ говорено было о наукахъ математическихъ. Эти науки, то есть, ариѳметика, логистика и геометрія, въ бывшемъ теперь разсужденіи шли подъ однимъ общимъ именемъ—ὁ λόγος ταύτας ὡς ὁμωνύμους τέχνας ἐφθέγξατο; но онѣ, одноименныя, должны быть изслѣдованы такъ, какъ будто бы ихъ имѣлось двѣ. Слушатели могли подумать, что каждая изъ этихъ наукъ есть наука единичная; а Сократъ, напротивъ, находитъ важное различіе между ариѳметикою, логистикою и геометріею народною и философскою.

[2] Разумѣются эристики и софисты, которые и въ Теэтетѣ изображаются какъ τοὺς λόγους ἄνω κάτω ἕλκοντες.

[3] Говоря, что таковы всѣ къ нимъ относящіяся, Платонъ даетъ чрезъ это понять, что двоичными могутъ быть не эти только науки—ариѳметика, логистика и геометрія, но и другія, о которыхъ онъ не упоминаетъ, и каковы, напримѣръ, статика, стереометрія, астрономія, музыка, достаточно разсмотрѣнныя съ этой стороны въ Политикѣ—VП, p. 527 C sqq.

Прот. Счастливо [1], Сократъ! Дадимъ этотъ отвѣтъ тѣмъ, кого называешь ты сильными. E.

Сокр. Такъ этимъ знаніямъ мы даемъ особенно имя точныхъ?

Прот. Конечно.

Сокр. Но насъ, Протархъ, пристыдила бы вѣдь сила собесѣдованія [2], если бы мы предпочли ей какую нибудь иную.

Прот. Какую же опять надобно разумѣть подъ нею? 58.

Сокр. Очевидно ту, которая знала бы всякое недавно упомянутое искусство. Вѣдь, я думаю, всѣ, у кого есть хоть немного ума, убѣждены въ томъ, что знаніе сущаго, существеннаго и всегда тожественнаго есть знаніе самое истинное [3]. А ты, Протархъ, какъ [4] разсудилъ бы объ этомъ?

Прот. Я часто слыхалъ, Сократъ, какъ Горгіасъ всегда утверждалъ, что искусство убѣждать много превосходнѣе всѣхъ искусствъ [5], потому что оно все заставляетъ себѣ рабствовать по доброй волѣ, а не по принужденію, и от-

---

[1] О привѣтствіи τυχῇ ἀγαθῇ см. Criton. p. 43 D; Sympos. 177 E. Мы говоримъ обыкновенно: счастливо! добрый путь! съ Богомъ! дай Богъ благополучно!

[2] Сила собесѣдованія, ἡ τοῦ διαλέγεσθαι δύναμις, есть не иное что, какъ діалектика. Этотъ перифразъ ея повторяется во многихъ мѣстахъ. De Rep. VII, p. 533 A: ὅτι ἡ τοῦ διαλέγεσθαι δύναμις μόνη ἂν φήνειεν ἐμπείρῳ ὄντι Ibid. p. 537 D: τῇ τοῦ διαλέγεσθαι δυνάμει βασανίζοντα. Ibid. p. 511 B: αὐτὸς ὁ λόγος ἅπτεται τῇ τοῦ διαλέγεσθαι δυνάμει. Діалектика также вслѣдъ за этимъ (p. 58 C) называется ἡ τοῦ διαλέγεσθαι πραγματεία. А вмѣсто δύναμις, для означенія діалектики, иногда употребляется ἐπιστήμη. Эту-то діалектику Сократъ поставляетъ теперь выше всѣхъ наукъ, и опасается, какъ бы не предпочесть ей какой другой. Глаголъ ἀναίνεσθαι, по Гезихію, ἀρνεῖσθαι, заключаетъ въ себѣ понятіе стыда и раскаянія. Valckenar. Ad Callimach. Fragm. p. 251.

[3] О превосходствѣ діалектики предъ прочими науками прекрасно говорится въ Политикѣ VII, p. 531 D sqq.; 532 A, C; 533 B. sqq.

[4] Какъ разсудилъ бы объ этомъ? τί πῶς τοῦτο διακρίνοις ἄν. По русски надлежало бы сказать: чтὸ и какъ; но нашимъ «какъ» иногда указывается столько же на форму, сколько и на содержаніе. Такое значеніе принадлежитъ ему и здѣсь.

[5] Высказываемое здѣсь Протархомъ мнѣніе Горгіаса можно видѣть въ діалогѣ Платона, озаглавленномъ именемъ этого Софиста: Gorg. p. 452 D, E, гдѣ Горгіасъ самъ превозноситъ свою науку за ея способность убѣждать.

B. того далеко выше, чѣмъ прочія искусства. Теперь я не хотѣлъ бы противорѣчить ни тебѣ, ни ему.

Сокр. Ты какъ будто взялъ противъ меня оружіе, да постыдился и бросилъ.

Прот. Пусть теперь будетъ такъ, какъ тебѣ кажется.

Сокр. Виноватъ ли я, что ты худо понялъ?

Прот. Что такое?

Сокр. Вѣдь я изслѣдывалъ не то, любезный Протархъ, какое искусство, или какое знаніе превосходнѣе всѣхъ тѣмъ,
C. что оно величайшее, отличное и чрезвычайно полезное для насъ,—а то, какое наблюдаетъ за ясностію, точностію и истинностію, хотя бы оно было маловажно и мало полезно. Этого-то теперь ищемъ мы. Смотри же, ты не оскорбишь вѣдь и Горгіаса, уступивъ его искусству способность господствовать надъ людьми чрезъ доставленіе имъ пользы; помни только, что въ настоящую минуту разсматривается такое дѣло, какое имѣлось въ виду, когда я говорилъ о бѣломъ, что бѣлое—хотя бы оно было и мало, да чисто—этимъ самымъ, своею истинностію, превосходитъ и бо̀льшую
D. бѣлизну, если она не такова. Такъ вотъ мы теперь сильно задумываемся и много разсуждаемъ—смотря не на какую нибудь пользу знаній и не на какую нибудь важность ихъ, а на то, есть ли въ нашей душѣ какая сила, любящая истину и для ней все дѣлающая. Объ этой-то силѣ должны мы говорить, изслѣдывая чистоту ума и разумности, чтобы рѣшить, она ли есть это обыкновенное достояніе человѣка,
E. или надобно намъ искать другой, выше ея.

Прот. Я вникаю и думаю, что трудно допустить какое нибудь иное знаніе или искусство, которое больше держалось бы истины, чѣмъ это.

Сокр. Не въ томъ ли смыслѣ надобно понимать эти твои слова, что многія искусства и всѣ, которыя трудятся [1]

---

[1] Разумѣются тѣ многія искусства и науки, о которыхъ упоминалось прежде, которыя вращаются въ кругу предметовъ, доступныхъ чувствамъ, и если про-

надъ своими предметами, прежде имѣютъ въ виду мнѣнія 59.
и дружно изслѣдываютъ то, что̀ относится къ мнѣніямъ? Если же кто и думаетъ, что занимается природою, то,—знаешь ли?—онъ во всю жизнь имѣетъ дѣло съ нашимъ міромъ явленій, разсматривая, какъ здѣсь что произошло, какъ здѣсь что дѣйствуетъ и страдаетъ [1]). Скажемъ ли такъ, или нѣтъ?

Прот. Такъ.

Сокр. Стало быть, такой человѣкъ трудится не надъ тѣмъ, что̀ всегда существуетъ, а надъ бывающимъ, будущимъ и бывшимъ.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. А изъ этого назовемъ ли мы что̀ яснымъ, относительно къ точнѣйшей истинѣ бытія, когда здѣсь и не было B.
никогда ничего тожественнаго, и не будетъ, и въ настоящее время не имѣется?

Прот. Какъ назвать?

Сокр. Но въ томъ, что не заключаетъ въ себѣ ничего постояннаго, найдемъ ли мы для себя что нибудь постоянное?

Прот. Это, думаю, никакъ невозможно.

стираются до тонкостей, то поднимаютъ умъ къ высшей области и возбуждаютъ силу мышленія, хотя чрезъ это не дѣлаются еще наукою, достойною своего имени, не пріобрѣтаютъ того, что̀ называется знаніемъ—ἐπιστήμη. De Rep. V, p. 477 C; VI, p. 511 B, C, D; VII, p. 533 D sqq. Всѣ эти науки трудятся, πεπόνηνται; а πονεῖσθαι значитъ выносить—особенно въ мастерствѣ—тяжкія работы, подобно Омировымъ циклопамъ, доившимъ овецъ и козъ (Odyss. ι, ν. 250, 310, 343): но всѣ онѣ занимаются только мнѣніями и изъ круга мнѣній не выступаютъ.

[1] Говоря, что всѣ упомянутыя науки дружно занимаются мнѣніями, философъ поприще ихъ трудовъ видитъ ἐν τῷ κόσμῳ τῷδε—въ мірѣ явленій. Въ такомъ именно значеніи употребляетъ онъ слово к о с м о с ъ, то есть, разумѣетъ его какъ прекрасное убранство природы, не заключающее въ себѣ однако ничего постояннаго и неизмѣняемаго, и потому не доставляющее тѣмъ труженикамъ дѣйствительной истины. Исторія космоса, по ученію Платона, обогащаетъ насъ только свѣдѣніями правдоподобными, на которыхъ наука, стремящаяся къ истинѣ, надежно опираться не можетъ. Tim. p. 29 A sqq.; 42 E sqq.; 46 D. Потому-то и въ извѣстномъ мѣстѣ Федона (p. 97 C sqq.) Сократъ укоряетъ Анаксагора, что онъ, положивъ, будто все въ мірѣ явленій управляется умомъ, при дѣйствительномъ разсматриваніи вещей, не воспользовался этою причиною, но природу вещей изъяснялъ то изъ воздуха, то изъ воды, то изъ огня. Оставивъ эти земныя вещи, Платонъ возносился своимъ умомъ къ идеямъ ихъ, и изъ идей старался объяснять значеніе вещей.

Сокр. Стало быть, ни умъ, ни знаніе, поколику они держатся самаго истиннаго, на этомъ не останавливаются.

Прот. Да и естественно.

Сокр. И такъ, распрощаемся со всѣми—и съ тобою, и со мною, и съ Горгіасомъ, и съ Филебомъ,—и будемъ свидѣтель-
C. ствоваться слѣдующимъ основаніемъ.

Прот. Какимъ?

Сокр. Постоянное, чистое, истинное и называемое подлиннымъ пусть будетъ у насъ либо то, всегда тожественное, себѣ равное и не смѣшанное, либо—новая попытка—[1] съ этимъ сродное; а все другое надобно называть вторичнымъ и послѣднимъ.

Прот. Ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. Но къ этимъ прекраснѣйшимъ предметамъ не будетъ ли справедливо приложить и прекраснѣйшія означающія ихъ имена?

Прот. Естественно.

D. *Сокр.* А имена, особенно почтенныя-то, не суть ли умъ и разумность?

Прот. Да.

Сокр. Стало быть, они, тщательно приложенныя къ помысламъ объ истинно-сущемъ, будутъ сочтены приложенными правильно.

Прот. Конечно.

Сокр. И тѣ-то вѣдь имена, представленныя тогда мною на обсужденіе, были не иныя, а эти.

---

[1] Новая попытка—ἢ δεύτερος. Stephanus: «Aut δεύτερον scribendum, aut aliquid cum δεύτερος deesse dicendum est». Больше справедливо послѣднее. Нѣкоторые критики думали прояснить дѣло чрезъ измѣненіе δεύτερος въ δευτέρως и въ этомъ случаѣ опирались на нѣкоторыхъ худшихъ спискахъ: но мнѣ кажется болѣе вѣрною догадка Шлейермахера, который полагаетъ, что послѣ δεύτερος здѣсь пропущено слово πλοῦς. Эта пословица δεύτερος πλοῦς, о которой см. Phaedon. p. 99 D, въ самомъ дѣлѣ здѣсь умѣстна; потому что она употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда первый опытъ бываетъ неудаченъ и остается лавировать. А здѣсь тὸ и есть: надобно брать тожественное, всегда себѣ равное, а если это не удается, нужно обращаться по крайней мѣрѣ къ тому, что сродно съ этимъ.

Прот. Какъ же, Сократъ.

Сокр. Пускай. Но кто, имѣя въ виду смѣшать между
собою разумность и удовольствіе, приказалъ бы намъ сло- E.
жить ихъ и смотрѣлъ бы на насъ, какъ на мастеровъ, ко-
торые изъ нихъ или въ нихъ должны что нибудь образовать,
тотъ этимъ способомъ могъ бы хорошо уподобить ихъ.

Прот. И очень.

Сокр. Такъ послѣ этого не приняться ли намъ за смѣшеніе?

Прот. Почему же.

Сокр. Не будетъ ли правильнѣе, если мы предварительно скажемъ и напомнимъ себѣ это?

Прот. Что такое?

Сокр. О чемъ и прежде упоминали. Пословица, кажется,
хорошо говоритъ, что хорошее надобно переворачивать сло-
вомъ два-три раза [1]. 60.

Прот. Почему же.

Сокр. Такъ давай, съ Богомъ. Сказанное нами тогда, думаю, такъ было сказано.

Прот. Какъ?

Сокр. Филебъ говорилъ, что удовольствіе есть правильная
цѣль для всѣхъ животныхъ, и что къ ней должны идти всѣ.
Это самое для всѣхъ есть также и добро. И два означенныхъ
имени—добро и удовольствіе—къ чему-то одному, къ одной
природѣ, прилагаются правильно. А Сократъ сперва говорилъ, B.
что это не такъ,—что будто бы два имени—и добро и
пріятность—имѣютъ отличную одно отъ другаго природу,
и что сторонѣ добра больше причастна разумность, чѣмъ
удовольствіе. Не это ли, Протархъ, говорено было теперь
и тогда?

Прот. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но и тогда, и теперь не въ томъ ли мы соглашались?

---

[1] Переворачивать словомъ два-три раза, καὶ δὶς καὶ τρὶς τό γε καλῶς λέγειν. Пословица или, лучше, поговорка: δὶς καὶ τρὶς τὸ καλόν, или δὶς καὶ τρὶς καλὸν τὰ καλὰ λέγειν. См. Gorg. p. 498 E.

Прот. Въ чемъ?

C. *Сокр.* Что природа добра отличается отъ прочаго вотъ какъ.

Прот. Какъ?

Сокр. Которому изъ животныхъ оно всегда, всецѣло и постоянно присуще, то ни въ чемъ другомъ никогда не нуждается, но совершенно довольно. Не такъ ли?

Прот. Конечно такъ.

Сокр. И не старались ли мы своими разсужденіями отдѣлить одно отъ другаго, и каждое ввести въ жизнь особо: удовольствіе безъ смѣшенія съ разумностію, а разумность также безъ всякой, даже самомалѣйшей, примѣси удовольствія?

Прот. Это было.

D. *Сокр.* И каждое изъ этихъ состояній не показалось ли намъ въ то время удовлетворительнымъ для всякаго?

Прот. Какъ же.

Сокр. Если же тогда-то мы сбились съ пути, пусть теперь кто нибудь снова возьмется и скажетъ правильнѣе, положивъ въ одной идеѣ и память, и разумность, и знаніе, и истинное мнѣніе, и наблюдая, захочетъ ли кто себѣ безъ нихъ хоть чего нибудь сущаго или бывающаго,—захочетъ ли даже удовольствія,—сколь бы широко или сильно оно ни было, какъ скоро, захотѣвши, ни на минуту не будетъ имѣть ни истиннаго мнѣнія о своей радости, ни самомалѣйшаго по-
E. знанія о своемъ состояніи, ни памяти о своихъ чувствованіяхъ. То же скажи и о разумности: скорѣе ли захочетъ кто имѣть разумность безъ всякаго, хотя бы кратчайшаго, удовольствія, чѣмъ съ нѣкоторыми удовольствіями, или скорѣе согласится имѣть всѣ удовольствія безъ разумности, чѣмъ съ нѣкоторою разумностію.

Прот. Это невозможно, Сократъ; да и зачѣмъ намъ часто возвращаться къ тѣмъ же вопросамъ?

61. *Сокр.* Впрочемъ совершеннымъ-то, вожделѣннымъ и всецѣлымъ для всѣхъ благомъ не можетъ быть никоторое изъ нихъ.

Прот. Какъ быть!

Сокр. Поэтому благо или ясно (само по себѣ), или надобно взять его въ какомъ нибудь очеркѣ [1], чтобы можно было, какъ мы сказали, дать которому либо изъ нихъ второе мѣсто.

Прот. Ты весьма правильно говоришь.

Сокр. Не нашли ли мы нѣкоего пути къ благу?

Прот. Какого пути?

Сокр. Вѣдь если бы кто, ища человѣка, сперва правильно разспросилъ о мѣстопребываніи его, гдѣ онъ живетъ, это B.
было бы, вѣроятно, какимъ-то важнымъ способомъ для отъисканія искомаго.

Прот. Какъ не важнымъ.

Сокр. Вотъ же и теперь разсужденіе показываетъ намъ, какъ показывало вначалѣ, что блага надобно искать въ жизни не несмѣшанной, а смѣшанной.

Прот. Конечно.

Сокр. Больше надежды, что мы нагляднѣе увидимъ искомое въ хорошо смѣшанномъ, чѣмъ въ не смѣшанномъ.

Прот. И очень.

Сокр. И такъ, молясь богамъ [2], Протархъ,—Діонисъ ли C
это, Ифестъ, или кто другой изъ боговъ получилъ такую честь смѣшенія,—будемъ смѣшивать.

---

[1] Взять его въ какомъ нибудь очеркѣ, ἢ καί τινα τύπον αὐτοῦ ληπτέον. Слово τύπος между прочимъ употребляется для означенія общаго очерка вещи, за которымъ потомъ слѣдуетъ подробное ея описаніе или изображеніе. Поэтому τύπος здѣсь правильно противуполагается нарѣчію σαφῶς. Таково употребленіе этого слова выше, p. 32 B: δοκεῖ μοι τυπον γέ τινα ἔχειν. De Rep. II, p. 414 A: ὡς ἐν τύπῳ, μὴ δι' ἀκριβείας εἰρῆσθαι. VI, p. 491 C: ἔχεις γὰρ τὸν τυπον ὧν λέγω.

[2] Приступая къ смѣшенію удовольствій съ искусствами и науками, Сократъ и теперь, какъ прежде при подобномъ случаѣ (p. 25 B), считаетъ нужнымъ обратиться съ молитвою къ богамъ и полагаетъ, что тутъ надобно молить тѣхъ изъ нихъ, которымъ предоставлена власть и сила производить смѣси; а таковыми богами почитаетъ Діониса и Ифеста, потому что Ифестъ у Омира (Iliad. 1, v. 595 sqq.) подноситъ богамъ кубки:

Улыбнулась богиня, лилейно-раменная Гера,
И съ улыбкой отъ сына блистательный кубокъ пріяла.
Онъ и другимъ небожителямъ, съ правой страны начиная,
Сладостный нектаръ подноситъ, черпая кубкомъ изъ чаши.

Прот. Конечно будемъ.

Сокр. И предъ нами, будто предъ какими виноразливателями, текутъ два ручья: одинъ, ручей удовольствія, можно уподобить меду; а другой, трезвенный и чуждый вина ручей разумности, походитъ на суровую и здоровую воду [1]. Эти-то стихіи надобно постараться смѣшать самымъ лучшимъ образомъ.

Прот. Почему не смѣшать.

D. *Сокр.* И вотъ, во первыхъ: все ли удовольствіе смѣшавъ со всею разумностію, получимъ мы смѣсь особенно хорошую?

Прот. Можетъ быть.

Сокр. Но это не безопасно; а какимъ бы образомъ смѣшать безопаснѣе,—кажется, я могу объявить нѣкоторое мнѣніе.

Прот. Говори, какое.

Сокр. Было у насъ удовольствіе, какъ думаемъ, одно по истинѣ больше другаго, также и изъ искусствъ—одно точнѣе другаго.

Прот. Какъ не быть.

Сокр. Равнымъ образомъ, и знаніе отличное отъ знанія: одно, смотрящее на то, что̀ происходитъ и погибаетъ, а
E. другое—на то, что̀ и не происходитъ и не погибаетъ, но существуетъ всегда тожественно и неизмѣнно. Имѣя въ виду истину, мы это послѣднее почитали истиннѣе того.

А Діонисъ, какъ производитель вина, конечно, умѣлъ различнымъ образомъ растворять его. Это—простѣйшее объясненіе мѣста; но Платонъ съ именами Діониса и Ифеста могъ соединять также значеніе аллегорическое. Мнѣніе позднѣйшихъ платониковъ объ этомъ можно читать у Олимпіодора.

[1] Ручей удовольствія называя ручьемъ меду, Платонъ, кажется, имѣлъ въ виду взглядъ пиѳагорейскій; Олимпіодоръ не безъ основанія говоритъ, ὅτι κρῆναι μέλιτος μὲν ἡ τῆς ἡδονῆς ὡς γλυκείας καὶ τὸ ἐκστατικὸν ἐχούσης. διὸ καὶ Πυθαγόρειος λόγος, διὰ μέλιτος πίπτειν εἰς γένεσιν τὰς ψυχάς. Ὕδατος δὲ κρήνη τοῦ νοῦ ὡς νηφαντική. Причина, почему ручей мудрости названъ трезвеннымъ, по мнѣнію Винкельмана, заключается въ томъ, что этимъ указывается на жертву, какая приносима была суровымъ богинямъ—Эвменидамъ, также Мнимосинѣ, Афродитѣ, Ураніи, Музамъ, Аврорѣ: имъ приносили νηφάλια, ἄπυρα, которыя были безъ вина и состояли изъ одной подслащенной воды, μελικράτῳ. См. Reisig. Enarrat. Soph. Oed. Col. p. XLIV.

Прот. И весьма правильно.

Сокр. И такъ, смѣшавъ сперва истиннѣйшія части того и другаго, мы можемъ видѣть, достаточна ли эта смѣсь для доставленія намъ жизни вожделѣнной, или понадобится еще что нибудь не такое.

Прот. Я, конечно, думаю, что надобно дѣлать такъ.

Сокр. Представимъ же себѣ человѣка [1], разумѣющаго 62.
самую справедливость, чтò такое она, могущаго разсуждать соотвѣтственно силѣ своего ума [2], и такимъ же образомъ мыслящаго о всемъ, чтò существуетъ.

Прот. Представимъ.

Сокр. Будетъ ли достаточно его знаніе, если онъ разумѣетъ божественный кругъ и самую божественную сферу, а этой человѣческой сферы и этихъ круговъ не знаетъ [3],

---

[1] Доказавъ, что счастіе человѣческой жизни не состоитъ ни въ одной мудрости (τῷ πέρατι), ни въ одномъ удовольствіи (τῷ ἀπείρῳ), философъ идетъ теперь къ третьему роду жизни, смѣшанному изъ тѣхъ двухъ (τὸ ξυμμεμιγμένον). Но, чтобы эта жизнь была установлена правильно, прежде всего изслѣдывается, всѣ ли удовольствія и всѣ ли безъ различія части наукъ и мудрости должны войти въ смѣшеніе, или надобно сдѣлать между ними выборъ? Здѣсь начинается рѣшеніе этого вопроса. Сократъ полагаетъ, что нѣтъ ни одной части науки, которая не была бы необходима для счастливаго провожденія жизни; ибо хотя знанія, направляющіяся къ созерцанію истины вещей, суть стяжанія дѣйствительно превосходнѣе всѣхъ, однакожъ одни они для счастія жизни недостаточны: для этого нужна помощь и прочихъ. Иначе думаетъ Сократъ объ удовольствіяхъ: изъ числа ихъ онъ допускаетъ только тѣ, которыя истинны и сообразны съ законами мудрости, а сильныя и неумѣренныя, способныя разрушить гармонію всякой смѣси, считаетъ нужнымъ устранять.

[2] Здѣсь не безполезно замѣтить различіе между выраженіями τὸν λόγον ἔχειν—разсуждать и νοεῖν—умствовать. Τὸ νοεῖν относится конечно къ τὸν νοῦν или къ уму, который созерцаетъ божественное и безусловное. Напротивъ, ὁ λόγος есть разумъ или разсудокъ, силою котораго мы можемъ находить причины дѣйствительно сущаго и выражать ихъ словомъ. Поэтому формулѣ τὸν λόγον ἔχων противополагается причастіе ἀγνοῶν. Но, чтобы разсудокъ шелъ правильно и вѣренъ былъ истинѣ, онъ долженъ τῷ νοεῖν ἕπεσθαι.

[3] Божественный кругъ и самую божественную сферу, по гречески: κύκλου μὲν καὶ σφαίρας αὐτῆς τῆς θείας. Это ограниченіе τῆς θείας относится не къ одному σφαίρας, но и къ κύκλου. Κύκλον и σφαῖραν τὴν θείαν надобно понимать въ значеніи идеи, опредѣляющей собою горизонтъ, въ которомъ умъ можетъ созерцать предметы божественные. Идея умственнаго горизонта справедливо называется божественною; потому что заключающіяся въ немъ

между тѣмъ какъ въ домостроительствѣ и другихъ дѣлахъ тѣмъ не менѣе пользуется правѝлами и упомянутыми прежде

B. кругами (циркулями).

Прот. Мы говоримъ, Сократъ, о смѣшномъ нашемъ расположеніи, вращающемся только въ божественныхъ знаніяхъ.

Сокр. Какъ ты сказалъ? Неужели надобно внесть сюда и примѣшать непостоянное и нечистое искусство того ложнаго правѝла и круга [1] (циркуля)?

Прот. Необходимо, если кто изъ насъ дѣйствительно намѣренъ отъискать дорогу домой.

C. *Сокр.* Неужели и музыка, которая, какъ мы прежде говорили, полна догадокъ и подражанія, не требуетъ чистоты?

Прот. Это, мнѣ кажется, необходимо, если наша жизнь будетъ хоть какъ нибудь жизнію.

Сокр. Видно, ты хочешь, чтобы я, какъ толкаемый и тѣснимый толпою привратникъ, уступилъ и, растворивъ ворота настежъ, позволилъ втекать въ нихъ всѣмъ знаніямъ и каждой недостаточной смѣшиваться съ чистою.

D. *Прот.* Не знаю, Сократъ, какой вредъ получилъ бы тотъ, кто принялъ бы всѣ прочія знанія, когда есть у него первыя.

Сокр. Такъ пустить ли течь всѣ въ бассейнъ той Омировой весьма поэтической долины [2]?

вещи не подлежатъ чувствамъ. Phaedon. p. 80 A: σκόπει δὴ, ἔφη, ὦ Κέβης, εἰ ἐκ πάντων τῶν εἰρημένων τὰ δὲ ἡμῖν ξυμβαίνει, τῷ μὲν θείῳ καὶ ἀθανάτῳ καὶ νοητῷ καὶ μονοειδεῖ καὶ ἀεὶ ὡσαύτως κατὰ ταὐτὰ ἔχοντι ἑαυτῷ ὁμοιότατον εἶναι ψυχή, κ. τ. λ. Отсюда уже само собою явно, что̀ разумѣется подъ сферою человѣческою и что̀ такое—кругъ человѣческій. Это—тотъ горизонтъ, въ которомъ дѣйствуютъ наши чувства, что̀ выражаютъ и прибавленныя здѣсь указательныя мѣстоименія ταύτην и τούτους.

[1] Сократъ спрашиваетъ: неужели Филебъ думаетъ, что и тѣ простонародныя понятія о практической геометріи, и тѣ орудія, которыми пользуются землемѣры, архитекторы и проч., должны быть внесены въ предѣлы геометріи чистой, которая называется божественною, тогда какъ первая пользуется орудіями (κανόσι καὶ κύκλοις) ложными, т. е. феноменальными, и для измѣренія феноменовъ?

[2] Имѣется въ виду мѣсто Омировой Иліады IV, 452 sqq.:

Словно когда двѣ рѣки наводненныя, съ горъ низвергаясь,
Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаютъ,
Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаясь въ бездонную пропасть.

Прот. Конечно.

Сокр. Пускай текутъ. Но теперь надобно опять идти къ ручью удовольствій. Вѣдь намъ не удалось искусства и удовольствія смѣшать, какъ думалось, смѣшивая части только истинныхъ; но, любя всякое знаніе, мы дозволили совмѣ- Е. ститься всѣмъ вдругъ, и притомъ прежде удовольствій.

Прот. Ты говоришь весьма вѣрно.

Сокр. Теперь пора посовѣтоваться намъ и касательно удовольствій,—надобно ли пустить ихъ также всѣ вдругъ, или и изъ нихъ сперва позволить тѣмъ, которыя истинны.

Прот. Для безопасности-то очень важно, безъ сомнѣнія, пустить напередъ истинныя.

Сокр. Пусть будутъ пущены. Что же послѣ этого? Не нужно ли примѣшать и тѣ, которыя, какъ и тамъ, окажутся необходимыми?

Прот. Почему не такъ, если они въ самомъ дѣлѣ необходимы-то.

Сокр. Но когда объ искусствахъ сказано было такъ, что 63. знать всѣ ихъ во всю жизнь не только не вредно, даже полезно, то теперь то же будемъ мы говорить и объ удовольствіяхъ: если, то есть, всѣми удовольствіями наслаждаться во всю жизнь полезно намъ и безвредно для другихъ, то надобно смѣшать всѣ ихъ.

Прот. Что же скажемъ мы объ этомъ? И какъ поступимъ?

Сокр. Объ этомъ, Протархъ, должно спрашивать не насъ, а самыя удовольствія и разумность, и касательно взаимнаго отношенія ихъ выпытывать слѣдующее.

Прот. Что такое? В.

Сокр. Милыя!—какъ васъ назвать: удовольствіями, или какимъ другимъ именемъ?—что предпочли бы вы: жить ли со всею разумностію, или безъ разумности?—На это они, думаю, необходимо отвѣчали бы такъ.

Прот. Какъ?

Сокр. Такъ какъ прежде сказано было, что какой нибудь родъ и не очень возможенъ и не полезенъ, если онъ оди-

нокъ и совершенно обособленъ, то изъ всѣхъ-то родовъ мы
C. признаемъ одинъ, которому, вмѣсто уединенной жизни, весьма хорошо жить съ нами: это—родъ знанія какъ всего прочаго, такъ и силы въ каждомъ изъ насъ, сколь совершенно она можетъ быть познана.

Прот. И хорошо-таки сказали вы теперь, примолвимъ мы.

Сокр. Правильно. Послѣ этого опять надобно спросить разумность и умъ: имѣете ли вы сколько нибудь потребности смѣшиваться съ удовольствіями?—Но, какъ скоро уму и разумности предложили бы мы этотъ вопросъ, они, можетъ быть, спросили бы наоборотъ: съ какими удовольствіями?

Прот. Вѣроятно.

D. *Сокр.* Тогда-то наше слово было бы уже слѣдующее. Кромѣ тѣхъ истинныхъ удовольствій, скажемъ мы, нужны ли вамъ еще для сожительства удовольствія величайшія и сильнѣйшія?—Какъ можно, Сократъ? отвѣчали бы они:—вѣдь эти-то удовольствія представятъ намъ безчисленныя препятствія, возмущая своимъ неистовствомъ души, въ которыхъ мы живемъ; да они и самимъ намъ не дадутъ возникнуть, и рож-
E. денныхъ нами дѣтей, внушая намъ, по нашей безпечности, забвеніе о нихъ, большею частію совершенно погубятъ. Прочія же удовольствія, которыя ты назвалъ истинными и чистыми, признавай почти за сродныя съ нами, да кромѣ ихъ примѣшай и тѣ, соединенныя съ здравомысліемъ и разсудительностію,—всѣ, которыя, какъ сопровождательницы богини, неуклонно слѣдуютъ за всякою добродѣтелію.—Напротивъ, примѣшивать къ уму удовольствія, сродныя съ безуміемъ и другимъ зломъ, было бы крайне безразсудно тому, кто, желая видѣть смѣсь прекраснѣйшую и самую невозму-
64. тимую, старается узнать въ ней, что̀ такое въ человѣкѣ и во всемъ благо по природѣ, и какъ надобно угадывать его въ самой идеѣ. Не разумно ли, скажемъ, и не соотвѣтственно ли себѣ отвѣчаетъ этими словами умъ,—отвѣчаетъ и за себя, и за память, и за правильное мнѣніе?

Прот. Безъ сомнѣнія, благоразумно.

Сокр. Однакожъ и это-то необходимо [1]; а иначе ничего не можетъ выйти.

Прот. Что такое? B.

Сокр. Къ чему не примѣшаемъ мы истины, то не произойдетъ и никогда не можетъ быть истиннымъ.

Прот. Какъ этому быть!

Сокр. Никакъ нельзя. Если же требуется и еще какая нибудь примѣсь,—ты и Филебъ говорите. А мнѣ настоящее разсужденіе представляется отдѣланнымъ, какъ бы какой безплотный міръ, прекрасно властвующій въ одушевленномъ тѣлѣ [2].

Прот. Будь увѣренъ, Сократъ, что и мнѣ такъ же кажется.

Сокр. Стало быть, если бы мы сказали, что теперь стоимъ уже въ притворѣ жилища, въ которомъ обитаетъ благо, то C.
нѣкоторымъ образомъ сказали бы правильно?

Прот. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ такъ кажется.

Сокр. Чтò же въ этой смѣси можетъ казаться намъ самымъ драгоцѣннымъ и вмѣстѣ особенною причиною того, почему

---

[1] Теперь Сократъ хочетъ разсмотрѣть причины и основанія, которыми должно уравновѣшиваться смѣшеніе удовольствія и разумности, чтобы оно было хорошо и совершенно. Само собою разумѣется, что это уравновѣшиваніе надобно почитать разумнымъ; слѣдовательно, причина его должна скрываться въ разумности. Такимъ образомъ не отъ удовольствій зависитъ опредѣлять мѣру разумности, а отъ разумности—назначать мѣру удовольствій. Притомъ философъ полагаетъ, что добро усматривается въ истинности, соотвѣтственности частей и красотѣ; а судить объ этомъ—дѣло разумности.

[2] Сдѣлавши смѣсь и доказавши, что для ней требуется истина, Сократъ ничего уже болѣе не желаетъ для ея законченности и превосходства. Поэтому продолжавшееся доселѣ разсужденіе уподобляетъ κόσμῳ τινὶ ἀσωμάτῳ, который одушевленному тѣлу долженъ предписать образъ и цѣль жизни. Разсужденіе Сократа въ самомъ дѣлѣ есть κόσμος τις ἀσώματος: ибо все, что было въ немъ изъяснено, взято изъ высшей области вещей божественныхъ и пріобрѣтено путемъ идеальнаго созерцанія. Притомъ этотъ κόσμος ἄρξων ἐμψύχου σώματος; потому что человѣческое счастіе представляется теперь какъ бы какимъ тѣломъ, надъ которымъ владычествуетъ вполнѣ раскрытое Платономъ и завершенное λόγος. Такъ понимаемъ мы это мѣсто Филеба. Но Тренделенбургъ (De Platonis Philebi consilio p. 13) объясняетъ его иначе. По его мнѣнію, Платонъ, сравнивая свое разсужденіе съ космосомъ, указываетъ этимъ на части діалога и искусственное его построеніе.

такое состояніе бываетъ всѣмъ любезно? Увидѣвъ это, мы потомъ разсмотримъ, съ удовольствіемъ ли, или съ умомъ сроднѣе и союзнѣе то преимущество въ цѣломъ.

D. *Прот*. Правильно. И это будетъ намъ очень полезно для его оцѣнки.

Сокр. Впрочемъ причину всей-то смѣси, по которой она или дороже всего, или вовсе ничего не стоитъ, узнать не трудно.

Прот. Какъ ты говоришь?

Сокр. Это извѣстно всякому человѣку.

Прот. Что такое?

Сокр. Всякое смѣшиваніе, какое и сколь великое оно ни было бы, не соблюдая мѣры и естественной соразмѣрности, необходимо губитъ и смѣшанное, и прежде всего—себя:
E. потому что не смѣсь, а несмѣшанность—истинная скученность—это именно всегда составляетъ несчастіе тѣхъ [1], которые пріобрѣли ее.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Вотъ теперь сила добра ушла отъ насъ въ природу прекраснаго: потому что мѣра и соразмѣрность всегда сходятся для проявленія въ красотѣ и добродѣтели [2].

Прот. Конечно.

---

[1] Несмѣшанность—истинная скученность—составляетъ несчастіе, ἄκρατος ξυμπεφορημένη ἀληθῶς ἡ τοιαύτη γίγνεται ξυμφορά. Въ этой греческой фразѣ этимологическая игра словомъ ξυμφορὰ, которой по русски удержать невозможно. Ξυμφορὰ собственно значитъ снесеніе, скучиваніе, сборъ безъ порядка и разсчитанности; ξυμφορὰ также - опасность, несчастіе. Имѣя въ виду эту двузнаменательность слова ξυμφορὰ, философъ говоритъ, что не смѣшеніе разумности и удовольствій губитъ человѣка, а неразсчитанная скученность, или скучиваніе ихъ безъ смѣшенія: ἄκρατος ξυμπεφορημένη есть дѣйствительное несчастіе,—ἡ ὄντως ξυμφορὰ человѣка.

[2] Красота, по ученію Платона, происходитъ отъ соотвѣтственности или соразмѣрности частей, примѣнительно къ какой нибудь цѣли, и составляетъ какъ бы завершеніе, полноту, воплощеніе добра, а поэтому и привлекаетъ своимъ видомъ. Politic. p. 284 B: ἅπασαι γὰρ αἱ τοιαῦταί που (τέχναι)—τὸ μέτριον σῴζουσαι πάντα ἀγαθὰ καὶ καλὰ ἀπεργάζονται. Tim. p. 87 D: πᾶν δὴ τὸ ἀγαθὸν οὐ κακόν· τὸ δὲ καλὸν οὐκ ἄμετρον, καὶ ζῷον οὖν τὸ τοιοῦτον ἐσόμενον ξύμμετρον θετέον. De Rep. VI, p. 486 E,—гдѣ говорится, что и сама истина не можетъ не имѣть симметріи.

Сокр. Между тѣмъ мы сказали, что, при смѣшеніи, примѣшивается къ нимъ и истина.

Прот. Конечно.

Сокр. И такъ, если мы не можемъ схватить добро одною идеею, то схватимъ его тремя—красотою, соразмѣрностію 65.
и истиною: скажемъ [1], что эти начала правильнѣйшимъ образомъ сложивъ какъ бы въ одно, мы находимъ въ нихъ причину того, что̀ есть въ смѣси, и, по добротѣ сихъ началъ, называемъ доброю и самую смѣсь.

Прот. Весьма правильно.

Сокр. Такъ теперь у насъ, Протархъ, всякій можетъ быть способнымъ судьею относительно удовольствія и разумности,—которое изъ этихъ явленій сроднѣе съ наилучшимъ и цѣннѣе въ очахъ людей и боговъ. B

Прот. Явно, конечно; однакожъ лучше будемъ изслѣдывать.

Сокр. Будемъ же судить о тѣхъ трехъ началахъ, взимая ихъ каждое порознь [2], и примѣняя къ удовольствію и уму: ибо надобно видѣть, къ чему сроднѣе будетъ отнесть намъ каждое изъ нихъ.

Прот. Ты говоришь о красотѣ, истинѣ и соразмѣрности?

---

[1] Если мы не можемъ схватить добро одною идеею, то схватимъ его тремя. Метафоры: θηρεῦσαι, λαμβάνειν, очевидно, взяты отъ охотниковъ. Три идеи, нужныя для того, чтобы ими опредѣлить добро и овладѣть имъ, суть красота, соразмѣрность и истина. Но такимъ образомъ пойманное нами добро не было бы тѣмъ абсолютнымъ благомъ, о которомъ философъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ. См. De Rep. VI, p. 508 D sqq.; VII, p. 517 E. Legg. XII, p. 965 C sq. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, подъ какими формами надобно пріобрѣтать добро, если мы не можемъ наслаждаться имъ въ безформенномъ его существѣ. Не имѣя силъ созерцать на землѣ высочайшее означаемое, нужно по крайней мѣрѣ присматриваться къ его знакамъ.

[2] Будемъ судить о тѣхъ трехъ началахъ, взимая ихъ каждое порознь, καθ' ἓν ἕκαστον τῶν τριῶν—κρίνωμεν. Критиковъ въ этомъ мѣстѣ очень занимаетъ предлогъ κατά. Одни изъ нихъ находятъ его лишнимъ и хотѣли бы изгнать изъ текста; другіе видятъ въ немъ значеніе простаго винительнаго падежа, зависящаго отъ глагола и не управляющаго винительнымъ ἓν ἕκαστον. Но, кажется, нѣтъ никакой причины прибѣгать здѣсь къ разнымъ тонкостямъ: довольно только знать, что κατὰ не всегда бываетъ предлогомъ; иногда оно употребляется какъ нарѣчіе и значитъ порознь.

Сокр. Да. Прежде-то возьми истину, Протархъ. Взявши же
C. ее и всмотрѣвшись въ эти три—умъ, истину и удовольствіе,—
удержись на долгое время, и потомъ отвѣчай самому себѣ:
удовольствіе ли сроднѣе съ истиною, или умъ?

Прот. Зачѣмъ тутъ время? Различія, думаю, много. Вѣдь
удовольствіе, какъ говорятъ, всего лживѣе; а въ удовольстві-
яхъ любовныхъ, которыя кажутся притомъ величайшими,
признается простительнымъ предъ богами даже клятвопре-
ступленіе [1]; такъ что удовольствія, будто дѣти, не имѣ-
D. ютъ нисколько ума. Напротивъ, умъ—или то же, что истина,
или всего подобнѣе ей,—самое истинное [2].

Сокр. Послѣ этого разсматривай такимъ же образомъ мѣрность: удовольствіе ли больше имѣетъ мѣрности, чѣмъ разумность, или разумность—больше, чѣмъ удовольствіе?

Прот. Легко рѣшить и этотъ предложенный тобою вопросъ. Я думаю, что изъ всѣхъ явленій нельзя найти ничего по природѣ неумѣреннѣе удовольствія и радости, равно какъ ничего—умѣреннѣе знанія.

Сокр. Ты хорошо сказалъ. Однакожъ говори еще о треть-
E. емъ: умъ ли у насъ воспринимаетъ больше красоты, или
родъ удовольствія, то есть, умъ ли прекраснѣе удовольствія,
или напротивъ?

Прот. Но что касается разумности и ума, Сократъ, то никто никогда ни наяву ни во снѣ не видывалъ и не мыслилъ какимъ нибудь образомъ, чтобы умъ или въ прошедшемъ, или въ настоящемъ, или въ будущемъ былъ нѣчто безобразное.

Сокр. Правильно.

---

[1] Клятвы въ дѣлахъ любовныхъ изстари почитаемы были какъ выраженія легкомыслія, и нарушеніе ихъ въ вину не вмѣнялось,—боги за клятвопреступленіе въ этомъ отношеніи не наказывали. Plat. Symp. p. 183 B: ἀφροδίσιον ὅρκον οὔ φασιν εἶναι. Объ этомъ писали многіе. Barthius ad Claudian. De Nupt. Honor. v. 84. Casaubon. ad Athen. p. 827. Toup. Emendatt. in Suid. T. I, p. 170 al.

[2] Сила и природа человѣческой души и вещей божественныхъ, или идей, по ученію Платона, одна и та же. Phaedon. p. 79 и 80 B: θείῳ καὶ ἀθανάτῳ καὶ νοητῷ καὶ μονοειδεῖ—ὁμοιότατον εἶναι ψυχὴν συμβαίνει.

Прот. А удовольствія-то, и притомъ почти величайшія, бываютъ таковы, что, видя кого нибудь наслаждающагося ими, мы ради ихъ находимъ въ немъ или смѣшное, или до того безобразное, что, смотря на него, сами стыдимся, 66.
и скрываемъ, заботливо прячемъ все такое, предоставляя это ночи: потому что при свѣтѣ смотрѣть на это не годится.

Сокр. Такъ ты будешь говорить, Протархъ, и чрезъ отправляемыхъ вѣстниковъ, и лично присутствующимъ,—что удовольствіе есть пріобрѣтеніе не первое и даже не второе, но что первымъ будетъ относящееся къ мѣрѣ, мѣрности и благовременности,—все, почитаемое такимъ, что имѣетъ природу вѣчную.

Прот. Изъ сказаннаго теперь это, въ самомъ дѣлѣ, явно.

Сокр. Затѣмъ второе будетъ относящееся къ соразмѣрному, прекрасному, совершенному, довлѣющему и ко всему, B.
что заключается въ этомъ родѣ вещей.

Прот. Въ самомъ дѣлѣ вѣроятно.

Сокр. На третьемъ же мѣстѣ, какъ я угадываю, если положишь ты умъ и разумѣніе, то недалеко уклонишься отъ истины.

Прот. Можетъ быть.

Сокр. А на четвертомъ не поставимъ ли то, что есть въ самой душѣ, то есть, знанія, искусства и правильныя мнѣнія? Вѣдь все это, послѣ трехъ, есть четвертое, если C.
все это съ добромъ-то сроднѣе, чѣмъ съ удовольствіемъ.

Прот. Можно полагать.

Сокр. Слѣдуетъ пятое,—и тутъ мы помѣстимъ удовольствія, которыя опредѣлили какъ безпечальныя, и назвали чистыми удовольствіями души, направленными къ чувствамъ.

Прот. Можетъ быть.

Сокр. Но *на шестомъ колѣнѣ*, говоритъ Орфей, *прервите мелодію пѣсни* [1]. Должно быть, и наша рѣчь прервется на ше-

---

[1] Приведенный здѣсь стихъ Орфея читается и у Плутарха, II, p. 391. Сравн. Orphic. Fragm. ed. Hermann. p. 473. Lobeck. Aglaopham. p. 788 sqq.

D. стомъ присужденьи. Вѣдь послѣ этого намъ ничего не остается болѣе, какъ своему изслѣдованію придать голову [1].

Прот. Да, надобно.

Сокр. Хорошо; такъ, въ третій и послѣдній разъ [2], пересмотримъ тѣ же положенія, которыя засвидѣтельствованы нами.

Прот. Какія?

Сокр. Филебъ почиталъ у насъ добромъ всякое и полное удовольствіе.

Прот. *Въ третій разъ:*—это сказалъ ты, Сократъ, видно, съ намѣреніемъ обозрѣть бывшее разсужденіе.

E. *Сокр*. Да; такъ выслушаемъ же дальнѣйшее-то. Предвидя все, что теперь уже разсмотрѣно, и досадуя на положеніе не только Филеба, но и весьма многихъ другихъ, я говорилъ, что въ человѣческой жизни умъ далеко лучше и превосходнѣе удовольствія.

Прот. Было такъ.

Сокр. Подозрѣвая же, что есть и многое иное, я говорилъ: если откроется нѣчто лучшее этихъ обоихъ, я буду бороться по крайней мѣрѣ за второе мѣсто для ума, противъ удовольствія,—и удовольствіе лишится даже второй степени.

67. *Прот*. Да, ты говорилъ.

Сокр. Но потомъ всего удовлетворительнѣе показалось то, что изъ обоихъ этихъ никоторое не удовлетворительно.

Прот. Весьма справедливо.

Сокр. Въ тогдашнемъ разсужденіи и умъ вовсе оставленъ, и удовольствіе; и добромъ-то самимъ въ себѣ не оказалось ни то ни другое изъ нихъ, такъ какъ они въ нашихъ глазахъ

---

[1] Придать голову, κεφαλὴν или τέλος, или еще κολοφῶνα ἐπιθεῖναι,—формула очень употребительная. См. Gorg. p. 505 D; Politic. p. 277 B; Legg. IV, p. 707 C; XII, p. 957 B; Alcib. 1 p. 105 D; Epist. VII, p. 340 C, al. Но мы не знаемъ, кто бы говорилъ ἀποδοῦναι κεφαλὴν: потому что ἀποδοῦναι значитъ отдать, какъ бы заплатить долгъ, какъ: Politic. p. 267 A; De Republ. p. 612 B. C, al. Поэтому, вмѣсто ἀποδοῦναι, не слѣдуетъ ли читать ἐπιθεῖναι?

[2] Въ третій и послѣдній разъ, τὸ τρίτον τῷ σωτῆρι. Объ этой пословицѣ см. Charm. 167 A.

лишились самодовлѣемости и силы, свойственной тому, что̀ достаточно и совершенно.

Прот. Очень правильно.

Сокр. Когда же явилось и третье, лучшее каждаго изъ этихъ, тогда умъ, сравнительно съ удовольствіемъ, оказался далеко ближе и свойственнѣе побѣдившей теперь идеѣ. B.

Прот. Какъ не ближе.

Сокр. Такимъ образомъ, по приговору, который произнесло наконецъ наше изслѣдованіе, сила удовольствія должна находиться на пятой степени.

Прот. Вѣроятно.

Сокр. А на первой—никакъ, хотя бы говорили это всѣ быки, жеребцы и прочіе, сколько ихъ есть, звѣри, такъ какъ они гоняются за удовольствіемъ. Вѣря имъ, будто гадатели—птицамъ, многіе судятъ такъ, что удовольствія суть наилучшее въ нашей жизни [1], и думаютъ, что лучшими въ этомъ отношеніи свидѣтелями служатъ скорѣе скотскія похоти, чѣмъ всегдашнія разсужденія жрецовъ музы философской. C.

Прот. Теперь мы всѣ уже соглашаемся, Сократъ, что ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. Такъ отпустите ли меня?

[1] Люди, державшіеся этого мнѣнія, доказывали его, вѣроятно, такъ же, какъ у Цицерона (De Fin. I, 9) доказывалъ свое ученіе Эпикуръ. Hoc Epicurus in voluptate ponit (т. е. высочайшее благо), summumque malum in dolore; idque instituit docere sic: Omne animal, simul atque natum sit, voluptatem appetere eaque gaudere ut summo bono, dolorem aspernari ut summum malum et, quantum possit, a se repellere, idque facere nondum depravatum, ipsa natura incorrupte atque integre judicante. S e x t. E m p. P y r r o n. Hypoth. III, c. 24, § 194: Ὅθεν καὶ οἱ Ἐπικούρειοι δεικνῦναι νομίζουσι φύσει αἱρετὴν εἶναι τὴν ἡδονήν. Τὰ γὰρ ζῶα φασὶν ἅμα τῷ γενέσθαι ἀδιάστροφα ὄντα ὁρμᾶν μὲν ἐπὶ τὴν ἡδονήν, ἐκκλίνειν δὲ ἀλγηδόνας. Итакъ, настоящее мѣсто Платона показываетъ, что эпикурейцы были еще до Эпикура, и что ихъ было много, какъ это видно изъ словъ: οἱ πολλοὶ κρίνουσι κ. τ. λ. De Rep. IX, p. 586 A; VI, p. 505 C sqq. Legg. IX, p. 874 E. A r i s t o t. Ethic. Nic. I, 5. Это мѣсто Платона имѣлъ въ виду и Порфирій, De esu anim. III, I: Σωκράτης πρὸς τοὺς ἡδονὴν διαμφισβητοῦντας εἶναι τὸ τέλος, οὐδ' ἂν πάντες, ἔφη, σύες τε καὶ τράγοι τούτῳ συναινοῖεν, πεισθήσεσθαι ἄν, ἐν τῷ ἥδεσθαι τὸ εὐδαῖμον ἡμῶν κεῖσθαι, ἔστ' ἂν νοῦς ἐν τοῖς πᾶσι κρατῇ.

Прот. Остается еще немногое, Сократъ,—и ты-то, вѣроятно, не уйдешь отсюда прежде насъ. Я напомню тебѣ объ остальномъ [1].

---

[1] Протархъ хочетъ напомнить Сократу объ остальномъ; но что еще остается касательно этого предмета не разсмотрѣннымъ, изъ хода діалога не видно. Напротивъ, послѣдніе, сдѣланные Сократомъ выводы относительно степеней блага, равно какъ изложенное имъ обозрѣніе всего, что и какъ въ діалогѣ было изложено, показываютъ, что діалогъ законченъ совершенно. Можно, конечно, догадываться, что Протарху хотѣлось бы узнать, какое мѣсто и значеніе въ человѣческой жизни надобно указать удовольствіямъ не чистымъ. Но такъ какъ здѣсь говорится о благахъ, и притомъ о такихъ благахъ, которыя оказываются достойными своего имени предъ судомъ идеи блага высшаго,—а не чистыя удовольствія подобными благами быть не могутъ:—то Сократъ и не обратилъ вниманія на предложеніе Протарха напомнить о нихъ, и замолчалъ.

КРАТИЛЪ.

КРАТИЛЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

О Платоновомъ Кратилѣ можно было бы судить, конечно, тверже и надежнѣе, если бы мы отчетливо знали, какъ софисты и грамматики того времени думали о происхожденіи словъ, и до какой степени разнообразились ихъ мнѣнія объ этомъ въ области философіи. При недостаткѣ такихъ свѣдѣній мы должны, по крайней мѣрѣ, внимательно присмотрѣться къ характеру указаній на этотъ предметъ, изложенныхъ въ самой книгѣ Платона, чтобы составить себѣ о томъ по возможности ясное понятіе. Вѣдь Платонъ тѣмъ и занятъ здѣсь, что исправляетъ превратныя положенія людей о происхожденіи словъ и изгоняетъ злоупотребленіе ими въ философіи: онъ показываетъ, что самое занятіе этимологіею у тогдашнихъ грамматистовъ выходило изъ худыхъ началъ,—что какъ слова и не произошли отъ одного человѣческаго произвола, и не навязаны одною необходимостію природы, такъ и познаніе истины должно быть почерпаемо не изъ именъ, прилагаемыхъ къ вещамъ, а изъ существа вещей; и такимъ образомъ превратной этимологіи софистовъ и философовъ противополагаетъ собственный спо-

собѣ философствованія и собственное ученіе истины. Въ тѣ времена ходили особенно два мнѣнія о природѣ вещей: одно элейское, по которому все дѣйствительно существующее почиталось постояннымъ и неизмѣннымъ; другое Гераклитово, которымъ дѣйствительно сущее отрицалось, и все мыслимо было въ непрестанномъ движеніи. Защитники того и другаго изъ этихъ мнѣній, когда возникалъ вопросъ объ этимологіи словъ, старались рѣшать его примѣнительно къ общему философскому взгляду своей школы. Особенною же хвастливостію выдавались на этомъ поприщѣ гераклитяне, какъ это видно изъ самаго содержанія Кратила; ибо во всемъ почти разговорѣ дѣло идетъ больше о превратности ихъ понятія, ставшаго любимымъ убѣжденіемъ тогдашнихъ софистовъ. Посему Платонъ въ Кратилѣ сильно настаиваетъ на той мысли, что, для опредѣленія истины относительно происхожденія словъ, надобно вступить на иной путь и что гораздо благоразумнѣе будетъ изслѣдовать природу и силу самыхъ вещей, чѣмъ терять время въ пустой игрѣ словопроизведенія.

Но чѣмъ болѣе тѣ филологи, отвергая надежныя начала, вдавались въ производство словъ и оттуда выводили значеніе ихъ, тѣмъ болѣе имѣлъ Платонъ побужденій припоминать странныя ихъ усилія и собирать смѣшные примѣры ихъ этимологіи. И въ этомъ отношеніи Кратилъ имѣетъ не малое сходство съ Эвтидемомъ: ибо какъ въ Эвтидемѣ съ колкою насмѣшливостію подбираются примѣры пустой протагоровской діалектики, такъ въ Кратилѣ съ обиліемъ представляются образцы нелѣпаго словопроизводства; и мы почти не можемъ сомнѣваться, что все это—только забавная поддѣлка подъ мысли софистовъ, а особенно протагорейцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ конечно не маловажное затрудненіе, ка̀къ различить мѣста, продиктованныя Платону одною шуткою, отъ серьезныхъ его положеній. И не удивительно, что нѣкоторые критики, не замѣтивъ этого различія, держались той мысли, будто Платонъ въ Кратилѣ

хотѣлъ изложить свое мнѣніе о началѣ словъ и языка, и, не видя здѣсь никакой насмѣшки, выдавали все за собственныя его опредѣленія, такъ что навязали ему множество нелѣпостей. Такъ, *Менагій* у Діогена Лаэрція (p. 149) говоритъ: «Platonis in Cratylo sunt fere omnia pseudetyma, pace tanti viri liceat dixisse». Не правильнѣе судитъ объ этомъ и *Тидеманъ* (Argument. Dialogg. Platon. p. 84 sqq). Насмѣшку въ разсматриваемомъ діалогѣ стали чувствовать первые—*Garnier* (Memoires de Littérature t. XXXII, p. 190—217) и *Tennemann* (Histor. Philosoph. t. II, p. 340 sqq.); но они перешли въ другую крайность и не оставили Платону ничего серьезнаго. Напротивъ, мы думаемъ, что разсужденія философа, коими опровергаются взгляды Ермогена и Кратила, и мысли его въ послѣдней части діалога, что познаніе о вещахъ надобно почерпать не изъ именъ, а изъ самой силы и природы вещей, имѣютъ характеръ ученія, принадлежащаго ему самому; а что̀ привнесено для объясненія этимологическихъ диковинокъ, которыми любили хвастаться софисты, то надобно понимать какъ шутку и насмѣшку. Чтобы яснѣе усмотрѣть, какое было намѣреніе у Платона при изложеніи этой книги, сдѣлаемъ, по нашему обыкновенію, обзоръ ея содержанія.

Разговаривающими лицами вводятся здѣсь Ермогенъ и Кратилъ, которые, когда пришелъ къ нимъ Сократъ, тотчасъ приглашаютъ его принять участіе въ ихъ бесѣдѣ. Бесѣда ихъ была о происхожденіи словъ и языка. Кратилъ настаивалъ, что происхожденіе всѣхъ именъ есть естественное, и трактовалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько темно. Посему Ермогенъ проситъ Сократа открыть и объяснить имъ свои относительно этого мысли. Сократъ съ обыкновенною любезностію и остроуміемъ отвѣчаетъ ему, что нельзя удивляться, если такой прекрасный предметъ окруженъ мракомъ, и что онъ не знаетъ, что̀ думать о немъ,—тѣмъ болѣе, что не слушалъ дорогихъ уроковъ Продика, за которые платится по пятидесяти драхмъ, а пользовался преподаваемыми

только за одну драхму. Впрочемъ онъ готовъ изслѣдовать это дѣло, но не иначе, какъ общими силами съ Ермогеномъ и Кратиломъ. Выслушавъ Сократа, Ермогенъ объявляетъ, что ему нравится исключительно мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ имена условными знаками вещей; а кому кажутся они естественными, съ тѣми онъ не согласенъ (Init.—384 E).

Эти самыя стороны вопроса Сократъ и поставляетъ во взаимное противорѣчіе. Во первыхъ, говоритъ онъ, можетъ случиться такъ, что той же самой вещи иное имя прилагается публично и иное частно. Потомъ замѣчаетъ, что сужденія истинныя обыкновенно отличаются отъ ложныхъ, поколику мы судимъ о всѣхъ вещахъ или соотвѣтственно ихъ природѣ, или не совсѣмъ приспособляемся къ ней. Отсюда сужденія наши, полагаетъ онъ, или соотвѣтствуютъ самымъ вещамъ, или не соотвѣтствуютъ. А какъ имена и слова суть части нашихъ сужденій и выраженій, то и они также могутъ быть истинны и ложны. Притомъ Сократъ думаетъ, что если сила именъ заключается въ употребленіи ихъ и привычкѣ къ нимъ, то одинъ и тотъ же человѣкъ одной и той же вещи можетъ придавать имена различныя, и всѣ ихъ надобно будетъ признавать правильными. Но Ермогена эти доказательства нисколько не отвлекаютъ отъ его положенія: онъ все-таки упорно настаиваетъ, что начало и употребленіе именъ надобно производить изъ привычки и произвола людей (p. 384 E—385 E).

Но такъ какъ это мнѣніе принимаетъ происхожденіе именъ произвольное, или, по нынѣшнему, субъективное, то Сократъ прежде всего считаетъ нужнымъ разсмотрѣть, правильно ли судитъ Протагоръ, что всѣ вещи таковы, какими кому кажутся, и что, слѣдовательно, человѣкъ есть какъ бы нѣкоторая мѣра ихъ, или же онѣ имѣютъ свою силу и значеніе сами по себѣ. Вѣдь тò-то несомнѣнно, говоритъ онъ, что, какъ скоро одобрено будетъ мнѣніе Протагора, должно уничтожиться всякое различіе между благоразуміемъ и неблагоразуміемъ, мудростію и глупостію; ибо чтò кому ка-

жется, то и надобно почитать истиннымъ. По той же самой причинѣ, думаетъ Сократъ, слѣдуетъ отвергнуть и мнѣніе Эвтидема, который полагаетъ, что все вмѣстѣ для всѣхъ оказывается равно. Этимъ опредѣленіемъ въ корнѣ уничтожается также всякое различіе между добромъ и зломъ. Если же все вмѣстѣ не для всѣхъ одинаково и равно, и частные предметы для отдѣльныхъ лицъ не таковы, какими являются: то слѣдуетъ, что вещи имѣютъ собственную свою природу сами по себѣ, и что эта природа не зависитъ отъ чувства и произвола людей (p. 385 E—386 E).

Когда это было такимъ образомъ изложено и Ермогеномъ одобрено, Сократъ начинаетъ слѣдующее разсужденіе. Если вещи имѣютъ собственную свою силу и отъ человѣческихъ чувствъ не зависятъ, то необходимо таковы же должны быть и относящіяся къ нимъ дѣйствія, то есть и они не зависятъ отъ нашей воли и блюдутъ въ себѣ собственную свою природу. Но къ дѣйствіямъ относится и рѣчь. Поэтому, кто намѣренъ говорить правильно, тотъ долженъ дѣлать это соотвѣтственно природѣ рѣчи. Рѣчи же подчинено наименованіе, которое также считается дѣйствіемъ. Стало быть, и именовать вещи мы должны соотвѣтственно природѣ наименованія, такъ, чтобы и въ этомъ отношеніи исключалось всякое безразсудство произвола (p. 386 E—387 D).—Кромѣ того, имена суть какъ бы нѣкоторыя орудія, которыми мы пользуемся, чтобы научить другъ друга относительно вещей и чтобы отчетливо разбирать, которыя изъ нихъ различны между собою. Слѣдовательно, тотъ будетъ правильно пользоваться ими, кто умѣетъ учить. А пользуясь именами, онъ видитъ ихъ готовыми; ибо они установлены употребленіемъ и навыкомъ, такъ что представляются дѣломъ какого-то законодателя. Изъ этого видно, что слова не слѣдуетъ вымышлять и выковывать всякому: это можетъ дѣлать только тотъ, кто хорошо знаетъ вещь, и кого называемъ мы законодателемъ (p. 387 D—388 E).—Да сообрази и то, чему слѣдуетъ законодатель въ измышленіи именъ.

Вѣдь какъ всякое орудіе должно быть примѣнено къ той вещи, въ отношеніи къ которой служитъ орудіемъ; такъ и имена своими звуками и слогами соотвѣтствуютъ у него природѣ тѣхъ вещей, которыя означаются ими. Поэтому-то слова самыхъ вещей суть какъ бы нѣкоторые образы, о значеніи которыхъ будетъ весьма хорошо судить тотъ, кто соблюдаетъ правильное употребленіе именъ, то есть, діалектикъ. Изъ этого ясно, что не всякому можно позволить вымышлять слова и давать имена вещамъ, но надобно принять мнѣніе Кратила, который почитаетъ имена естественными и, слѣдовательно, способнымъ налагателемъ ихъ готовъ признать того, который, слѣдуя указанію природы, искусно и благоразумно умѣетъ буквами и слогами выражать отличительныя свойства вещей (р. 388 Е—390 Е).

Выслушавъ это, Ермогенъ сознается, что не находитъ ничего, чѣмъ можно было бы опровергнуть разсужденія Сократа, хотя дѣло кажется ему все еще не опредѣленнымъ и не изслѣдованнымъ, и потому обращается къ Сократу съ новою просьбою, чтобы онъ показалъ точнѣе, въ чемъ состоитъ та естественная правильность именъ. Но Сократъ говоритъ, что для этого надобно посѣщать софистовъ, людей, въ такомъ дѣлѣ весьма свѣдущихъ. А такъ какъ Ермогенъ, по своей бѣдности, не можетъ платить имъ той высокой цѣны за уроки, то ему не остается ничего болѣе, какъ просить брата своего Калліаса, чтобы онъ по выслушаннымъ имъ наставленіямъ Протагора самъ обсудилъ, что̀ въ этомъ отношеніи говорятъ правильно, что̀ ложно. Ермогенъ однакожъ отвѣчаетъ, что ему вообще не нравится взглядъ Протагора, слѣдовательно не понравится и то, что изъ него будетъ выведено.

Послѣ сего Сократъ начинаетъ шутить: у Омира, говоритъ, надобно учиться правильному понятію объ именахъ; потому что Омиръ различаетъ языкъ боговъ и людей, а боги, извѣстно, наилучшимъ образомъ видятъ естественное свойство именъ. Онъ разсказываетъ, что троянскую рѣку

боги назвали Ксаноомъ, а люди—Скамандромъ; также упоминаетъ объ одной птицѣ, которая въ сонмѣ боговъ слыветъ халкидой. Но это и подобное этому можетъ быть настолько сокрыто отъ насъ, что намъ тутъ не легко будетъ понять что нибудь. Имена же Скамандрія и Астіанакса, данныя, какъ говорятъ, сыну Гектора, кажется, могутъ быть нами изслѣдованы. Омиръ разсказываетъ, что сына Гекторова трояне назвали Астіанаксомъ, женщины же—Скамандріемъ. Но мужчины умнѣе женщинъ; слѣдовательно, имя сына Гекторова—Астіанаксъ правильнѣе. Да и значеніе его очевидно: такъ какъ Гекторъ, по свидѣтельству Омира, защищалъ городъ и стѣны, то сына его назвали царемъ города. А имя самого Гектора означаетъ такого человѣка, который держитъ городъ, слѣдовательно есть господинъ его. Отсюда сынъ его могъ назваться подобно тому, какъ мы приплодъ льва и лошади обыкновенно называемъ львенкомъ и жеребенкомъ, если только они родились не уродами. Въ этомъ случаѣ все равно, какими буквами и слогами ни будешь пользоваться: прибавишь ли какую нибудь букву, или отнимешь, лишь бы формою имени означалась природа самой вещи. Вѣдь здѣсь господствуютъ великая свобода и разнообразіе употребленія; такъ напримѣръ, царь называется также ἄγις, вождемъ, πολέμαρχος, военачальникомъ, εὐπόλεμος, воителемъ, ἀκεσίμβροτος, врачевателемъ. Всѣ эти имена хотя и различны, однакожъ имѣютъ почти ту же силу и значеніе. И такъ, что̀ произошло и родилось по природѣ, тому необходимо получить одинакое имя съ тѣмъ, отъ чего оно произошло. А что̀ рождается вопреки природѣ, то должно быть наименовываемо по роду, къ которому присуждается. Напримѣръ, кто имѣетъ отца благочестиваго, а самъ нечестивъ, тотъ долженъ называться не Тимоѳеемъ, а Мисоѳеемъ, потому что онъ выродокъ отца. Поэтому Орестъ названъ отъ ὀρεινοῦ, то есть дикимъ, по жестокости его души; также Агамемнонъ—отъ ἄγαστος ἐν τῷ μένειν, потому что въ принятомъ однажды намѣреніи онъ стоялъ твердо.

Таково же свойство именъ Атрея, Пелопса, Тантала и другихъ. Съ этой точки зрѣнія могутъ быть объясняемы даже и имена боговъ. Высочайшій изъ нихъ, напримѣръ, называется то Ζεύς, то Δίς; но оба эти названія, соединенныя въ одно, хорошо выражаютъ божество его и силу: ибо явно, что онъ названъ διά τὸ ζῆν, такъ что Δίς произведено отъ διά, а Ζεύς отъ ζῆν. Далѣе, и Κρόνος, отецъ Зевса, получилъ имя отъ κόρος, κορεῖν, что значитъ вычищать, потому что это божество выметеннаго и очищеннаго ума. Не противъ этого и имя Οὐράνου, происходящее ἐκ τοῦ ὁρᾶν τὰ ἄνω (p. 390 E—396 A).

Ермогенъ удивляется Сократу, что онъ, какъ бы въ какомъ-то священномъ изступленіи, провѣщаваетъ такіе оракулы. А Сократъ въ отвѣтъ: причина заключается въ томъ, другъ мой, что поутру разсуждалъ я съ Эвтифрономъ проспалтійскимъ, который исполнилъ меня тѣмъ духомъ, будто божественнымъ вдохновеніемъ. Если же случится мнѣ, при изслѣдованіи происхожденія именъ, погрѣшить въ чемъ нибудь, то я легко упрошу, чтобы какой нибудь жрецъ или софистъ завтра вознесъ за меня умилостивительную молитву. А теперь мнѣ представляется благоразумнымъ продолжать изслѣдованіе вопроса объ именахъ (p. 396 D).

Оставимъ же, говоритъ, собственныя имена людей и героевъ, которыхъ причины могли быть различны. Разсмотримъ лучше названія вещей постоянныя и неизмѣняемыя; ибо этимъ-то родомъ ихъ, по всей вѣроятности, особенно занимались изобрѣтатели именъ. Начнемъ съ боговъ. Боги названы «θεοί» отъ бѣжанія, то есть отъ θέειν; потому что древніе люди признавали богами однѣ бѣгущія по небу звѣзды, а потомъ это имя перенесено уже на всѣхъ боговъ. За ними слѣдуютъ геніи, δαίμονες, получившіе названіе отъ δαῆναι, быть мудрымъ; ибо, когда другіе оставили добродѣтель и мудрость, эти одни пребыли добродѣтельными и мудрыми. Но герои названы такъ отъ εἴρειν, говорить, чтобы показать въ нихъ совершенныхъ ораторовъ и діалектиковъ

(398 Е). Въ томъ же шуточномъ родѣ производятся имена людей (р. 399 A—D), тѣла и души (р. 399 Е—400 D), Весты (р. 401 A—D), Кроноса и Реи (р. 402 А), Тетіоса, Нептуна (р. 402 D—Е), Плутона (403 А), Орка, Цереры, Юноны, Персефоны (р. 404 D), Аполлона (р. 404 Е—406 А), Музъ (р. 406 А), Латоны (р. 406 А, В), Діаны (406 В), Діониса и Венеры (406 С, D), Минервы (407 В), Вулкана (407 С), Марса (407 D), Меркурія (407 Е—408 А), Пана (408 В—D), и все это дѣлается съ насильственнымъ измѣненіемъ буквъ, по способу элейцевъ, гераклитянъ и орфистовъ. Отъ именъ божескихъ Сократъ переходитъ къ именамъ солнца, луны, огня, воды, воздуха и земли, года и годовыхъ временъ, изслѣдованіе которыхъ сопровождаетъ такою же шуткою (р. 409 А—410 Е). Потомъ приступаетъ къ именамъ добродѣтелей и пороковъ, удобствъ и неудобствъ, удовольствій и скорбей, причемъ весьма тонко смѣется надъ гераклитянами, поддѣлываясь подъ ихъ способъ умствованій. Встарину люди, говоритъ онъ, въ изслѣдованіи природы вещей страдали какъ бы головокруженіемъ, а потому пришли къ мысли, что и самыя вещи находятся въ непрестанномъ движеніи, и вслѣдствіе этого называли ихъ означающими также движеніе именами (р. 411 В, С). Отсюда φρόνησις есть φορᾶς νόησις; γνώμη—γονῆς νώμησις; νόησις значитъ то же, что νεόεσις; σοφία же произведено отъ σόος, σύεσθαι, σοῦς и ἐπαφή; δίκαιον означаетъ τὸ διαϊόν, то, что проницаетъ, слѣдовательно есть то же, что αἴτιον δι' ὅ γίγνεταί τι; въ народѣ хотя и принято это словопроизводство справедливости, но не уяснено значеніе его, а потому случается, что справедливость тотъ называетъ солнцемъ, видя въ немъ источникъ жизни и движенія, другой—все проникающимъ огнемъ, иной—Анаксагоровымъ умомъ, разлитымъ по всей вселенной (р. 413 D). Но ἀνδρεία есть какъ бы ἀνρειά, то есть ἐναντία ῥοή; τέχνη же—ἐχονόη, если допустить вообще, что первоначальныя формы именъ отъ прибавки или убавки буквъ терпятъ измѣненіе; ἀρετή есть сокращенное изъ ἀειρειτή, отъ ἀεὶ ῥεῖν; αἰσχρόν значитъ

то же, что ἀεισχόῤῥουν; ἡδονή есть ἡ πρὸς τὴν ὄνησιν τείνουσα πρᾶξις, какъ ἡ ὀνή; λύπη есть διάλυσις ἐν πάθει; ἀνία значитъ τὸ ἐμποδίζον τοῦ ἰέναι; ὀδύνη—τὴν ἔνδυσιν τῆς λύπης. Но долго было бы перечислять все, что, въ осмѣяніе гераклитянъ, объясняется здѣсь до стр. 421 A. Прибавимъ только одно: ἀλήθεια производится отъ θείας ἄλης, какъ бы отъ божественнаго скачка, а ψεῦδος—отъ εὕδειν; наконецъ, ὄν и οὐσία, по способу гераклитянъ, объясняются чрезъ ἰόν и ἰοῦσαν (p. 421 B, C).

Смѣлость и необычайность производства какъ этихъ словъ, такъ и другихъ, на которыя будетъ указано, Сократъ извиняетъ тѣмъ, что многія слова—или варварскія, заимствованныя у другихъ народовъ, или отъ древности потеряли свое значеніе и потерпѣли сильную порчу. Теперь думаетъ онъ изслѣдывать вопросъ такъ, чтобы доходить до первыхъ стихій словъ; посему приступаетъ сперва къ разсмотрѣнію тѣхъ первоначальныхъ именъ, которыя не сложны или отъ другихъ не произведены, съ тѣмъ, чтобы потомъ коснуться также и отдѣльныхъ буквъ. Объ этомъ разсуждаетъ онъ слѣдующимъ образомъ.

Первоначальнымъ словамъ необходимо быть такими же, какими и производнымъ; ибо и они, если только призваны быть именами, должны выражать силу и природу вещей. Впрочемъ тѣ и другія различаются тѣмъ, что произведенныя слова показываютъ вещи посредствомъ первоначальныхъ, а простыя и коренныя дѣлаютъ это инымъ способомъ. Каковъ этотъ способъ означенія,—можно понять изъ слѣдующаго. Если бы, не имѣя ни языка ни слова, хотѣли мы обозначить окружающіе насъ предметы, то, безъ сомнѣнія, указывали бы ихъ руками, головою и другими членами тѣла, какъ дѣлаютъ это глухонѣмые. И такъ, намѣреваясь означить легкое и поднимающееся вверхъ, мы поднимали бы руки къ небу, а для означенія нижняго и тяжелаго, опускали бы ихъ книзу. Такимъ же образомъ и касательно всего прочаго. Но когда мы означаемъ вещи язы-

комъ и устами, чтò иное дѣлаемъ тогда, какъ не выражаемъ ихъ нѣкоторымъ подражаніемъ? Стало быть, имя есть выраженное словомъ подражаніе вещамъ, которымъ объявляется ихъ сила и природа (р. 421 С—424 А).

Но сила и природа вещей выражается слогами и буквами. Посему о нихъ прежде и надобно говорить. Изъ буквъ, одни—гласныя, другія—безгласно-согласныя, третьи—полугласныя. Эти роды буквъ надобно сравнивать съ самыми вещами и смотрѣть, въ чемъ онѣ согласны между собою. Чрезъ такое благоразумное соразмѣреніе различныхъ буквъ, слова оказываются соотвѣтствующими и принаровленными къ самымъ вещамъ. А изъ словъ потомъ слагается рѣчь, представляющаяся какъ бы живописною картиною вещей, разрисованною разными красками, соотвѣтствующими природѣ ихъ. О самыхъ словахъ и образованіи ихъ судить трудно: но такъ какъ объясненіе ихъ съ этой точки зрѣнія необходимо, то надобно испытать, сколько можемъ мы здѣсь имѣть успѣха. Вѣдь кто говоритъ, что имена объяснять неудобно,—или потому, что они даны вещамъ отъ боговъ, или потому, что они перешли къ намъ отъ варваровъ, или потому, что они по давности устарѣли,—тотъ не думаетъ, что, пренебрегши истолкованіе первоначальныхъ словъ, нельзя правильно объяснить и производныхъ. Поэтому кто желаетъ быть въ этомъ дѣлѣ свѣдущимъ, тотъ долженъ обращать особенное вниманіе на слова первоначальныя, если не хочетъ въ своемъ истолкованіи быть просто болтуномъ.—Этимъ замѣчаніемъ, безъ сомнѣнія, затрогиваются софисты, которые, оставляя безъ вниманія стихіи языка, безразсудно занимались, примѣнительно къ цѣли какого нибудь частнаго предмета, изъясненіемъ словъ производныхъ и сложныхъ.—И такъ, прежде всего надобно показать силу отдѣльныхъ буквъ, и, если въ моемъ разсужденіи объ этомъ выпадетъ что смѣшное, прошу извинить меня, ради трудности предмета (р. 424 А—426 В).

Буква ρ способна выражать движеніе, чтò видно изъ со-

тряcенія произносящаго ее языка; поэтому-то она и вошла въ слова: ῥεῖν (течь), τρόμος (дрожаніе), κρούειν (ударять), и въ другія подобныя. Потомъ, ι показываетъ тонкость—и, по тонкости, способность проникать, подвигаться, какъ въ глаголахъ: ἰέναι (идти) и ἵεσθαι (тоже). Буквы же: σ, φ, ψ, ζ выражаютъ шипѣніе, или свистъ, какъ въ словахъ: ψυχρόν (холодное), ζέον (кипящее), σείεσθαι (трястись), и въ другихъ. Для означенія покоя и стоянія пригодны буквы δ и τ, при произношеніи которыхъ языкъ какъ бы опирается на зубахъ. Тихое, жидкое, клейкое хорошо обозначаются чрезъ λ, произнося которую, языкъ падаетъ какъ-то мягко. Такимъ образомъ, всякая буква имѣетъ свойственную себѣ силу и выраженіе, и это, при употребленіи ея, надобно наблюдать внимательно (р. 426 B—427 D).

Кратилъ признается, что все это объяснено совершенно согласно съ его воззрѣніемъ,—потому ли, что Сократъ исполнился какого-то священнаго восторга отъ Эвтифрона, или потому, что присуща была ему своею божественностію другая какая муза. Это мѣсто весьма ясно показываетъ, что все здѣсь изложено Сократомъ не какъ собственное его убѣжденіе, а какъ шуточное приспособленіе къ мнѣніямъ другихъ; такъ что даже и правильныя его замѣчанія направлены, безъ сомнѣнія, къ насмѣшкѣ. Выслушавъ отвѣтъ Кратила, Сократъ приступаетъ къ тонкому опроверженію его мнѣнія.

Имена приданы вещамъ, говоритъ, чтобы мы знали ихъ природу: стало быть, есть нѣкоторое искусство правильнаго нахожденія именъ. Кратилъ хотя и допускаетъ это, однакожъ не соглашается, что одни изъ нихъ болѣе приспособлены къ вещамъ, чѣмъ другія; потому что если которыя нибудь надобно называть дѣйствительно именами, то они дѣйствительно также принадлежатъ вещамъ: прочія же, говоритъ, уже и не имена, а просто пустыя слова и звуки. Вѣдь слова, такъ какъ они подражаютъ природѣ вещей и служатъ какъ бы образомъ ихъ, не могутъ быть придаваемы

ко всякой вещи, въ значеніи именъ, превратно, если въ этомъ приложеніи не допускать обмана и ошибки.—Сократъ отвѣчаетъ ему: а развѣ и ты думаешь, что никто не можетъ лгать и ошибаться?—Кратилъ, слѣдуя, безъ сомнѣнія, началамъ Протагора, подтверждаетъ это безъ запинки,—и Сократъ находитъ нужнымъ обличить неправильность этого мнѣнія. Словà, говоритъ, суть нѣкоторые рисунки вещей. Но можетъ случиться, что кто нибудь, образъ мужчины признавъ за образъ женщины, ошибочно приложитъ ему и имя, выражающее силу его; а это явно показываетъ, что въ употребленіи именъ есть мѣсто обману. Изъ этого слѣдуетъ, что одни имена, надобно думать, прилагаются къ вещамъ правильно, а другія—превратно, и потому одни бываютъ лучше другихъ (p. 427 E—431 E). Остроумно, конечно, отвѣчаетъ на это Кратилъ, полагая, что имя, написанное иначе, чѣмъ какъ слѣдовало, выходитъ совсѣмъ другое, и потому не есть имя той вещи, которую должно оно означать. Но не менѣе остроумно говоритъ и Сократъ, сравнивая его съ числами: тогда какъ числа, съ прибавкою или убавкою единицы, тотчасъ теряютъ свою силу, свойство образовъ не таково: они хотя бы и не во всемъ были подобны одинъ другому, все таки оставались бы образами и были бы двумя; такъ что, если бы имя Кратила и совершенно представляло природу его,—былъ бы уже не одинъ Кратилъ, а два. Но если имя подобно означаемой имъ вещи, то и стихіи, изъ которыхъ сложены слова первоначàльныя, необходимо должны уподобляться вещамъ. Повѣримъ съ этою нормою употребленіе словъ. Мы иногда предъ буквою ρ, которая есть жосткая, полагаемъ λ, выражающую легкость и мягкость. Въ слово, напримѣръ, σκληρότης вошла у насъ буква λ, противная природѣ жосткости; тотъ же диссонансъ имѣетъ въ концѣ этого слова и буква σ, которая не заключаетъ въ себѣ ничего для показанія его жосткости, и потому на нарѣчіи эретрійскомъ приличнѣе говорится σκληρότηρ. И такъ, совершенно ясно, что

силу и природу вещи это слово не совсѣмъ выражаетъ, хотя значеніе сего имени извѣстно всякому, такъ какъ привычка съ извѣстнымъ словомъ соединять извѣстный смыслъ не подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ мнѣніе Кратила переводится теперь на сторону мнѣнія Ермогенова, какъ прежде Ермогенъ приведенъ былъ къ принятію мнѣнія Кратилова. Этимъ самымъ Платонъ довольно ясно уже обозначилъ собственную свою мысль: онъ положилъ, что оба эти мнѣнія заключаютъ въ себѣ нѣчто справедливое, а потому должно не раздѣлять ихъ, а скорѣе соединить въ одно (p. 427 D—435 C).

Изслѣдовавъ это, Сократъ переходитъ къ исправленію другой ошибки Кратила. Кратилъ думалъ, что имена не только показываютъ, что̀ представлялось изобрѣтателямъ ихъ относительно природы вещей, но и открываютъ самую силу и природу ихъ; такъ что уразумѣвшій первое уразумѣетъ и послѣднее. Посему онъ предполагалъ, что ими означаются также текучесть и движеніе. Противъ этого положенія Сократъ разсуждаетъ такъ. Кто прилагалъ имена къ вещамъ, говоритъ, тотъ, дѣлая единственно это, не тщательно наблюдалъ силу и природу ихъ. Не важно въ самомъ дѣлѣ, что все множество различныхъ именъ, по видимому, направляется къ одному и тому же, то есть, къ показанію смѣны и движенія вещей; ибо такъ могло случиться и по ошибкѣ. Кромѣ того, есть много словъ, означающихъ не движеніе, а покой вещей. Напримѣръ, имя знанія, ἐπιστήμης, очевидно, образовалось изъ глагола стоять, ἵστημι. А отсюда можно заключить, что составитель именъ не держался того положенія, что все течетъ. Гораздо важнѣе то, что съ этимъ мнѣніемъ сопряжено значительное затрудненіе. Вѣдь если мы полагаемъ, что отъ именъ есть переходъ къ познанію самыхъ вещей, то само собою слѣдуетъ, что первый составитель словъ, такъ какъ онъ не имѣлъ еще именъ и знать вещи безъ нихъ не могъ, придавалъ имена вещамъ не съ знаніемъ, а съ незнаніемъ (p. 435 C—438 B).

Поставленный въ затрудненіе, Кратилъ прибѣгаетъ теперь подъ защиту той мысли, что имена приданы вещамъ, говоритъ, существомъ, человѣка превосходнѣйшимъ,—богомъ или какимъ геніемъ. Это можно заключить изъ той соотвѣтственности словъ вещамъ, которая превышаетъ человѣческое разумѣніе.—Но такой соотвѣтственности Сократъ не допускаетъ. Многія имена, говоритъ, получили свое начало отъ движенія, многія также и отъ покоя. Изъ этого слѣдуетъ,—хотя эта мысль и нечестива,—что тотъ богъ или геній постановили взаимно противорѣчущее, какъ скоро показали въ словахъ, что все течетъ и не течетъ (р. 438 В—D).

Если же неизвѣстно, говоритъ Сократъ, котораго рода имена правильны, то они никакъ не могутъ способствовать къ правильному познанію вещей, и познаніе это можетъ быть почерпаемо единственно изъ взаимнаго соотношенія и самой природы ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, это познаніе гораздо превосходнѣе того, какое почерпается изъ тѣней словъ и образовъ. Къ тому же эти слова, означающія движеніе вещей, по видимому, обнаруживаютъ погрѣшности, если только вещи находятся не въ непрестанномъ волненіи, но суть нѣчто доброе, прекрасное, честное, самостоятельное и не подлежащее никакой смѣнѣ перемѣнъ. Вѣдь прекрасное само въ себѣ если бы всегда текло, то не могло бы быть и названо; потому что, пока мы наименовали бы его, тотчасъ вышло бы иное. Точно такимъ же образомъ, при этомъ движеніи вещей, не могло бы имѣть мѣста и познаніе; потому что всякому знанію было бы необходимо измѣняться и переходить въ противное ему. Но этотъ важный и трудный вопросъ, постоянны ли вещи и неизмѣняемы, или, по Гераклиту, текутъ какъ рѣка, мы въ настоящемъ случаѣ оставимъ. То только намъ совершенно извѣстно, что лишь человѣку мало разсудительному свойственно образовать свою душу тѣнями и образами словъ и твердо настаивать на томъ, что въ вещахъ нѣтъ ничего извѣстнаго и опредѣленнаго, но что все въ нихъ течетъ и смѣняется (р. 438 Е—440 С).

Высказавъ это, Сократъ уговариваетъ Кратила, чтобы онъ оставилъ предразсудочную довѣрчивость и самъ все тщательно изслѣдовалъ, а изслѣдовавши, сообщилъ и ему. Кратилъ хотя и обѣщаетъ сдѣлать это, однакожъ въ подобныхъ предметахъ не считаетъ себя такимъ новичкомъ, чтобы не чувствовать превосходства мнѣнія Гераклитова. И такъ, Сократъ проситъ его, чтобы, возвратившись въ деревню, онъ это мнѣніе уяснилъ и доказалъ. Этими словами оканчивается разговоръ (p. 440 D, E).

Чрезъ изложеніе содержанія діалога, кажется, достаточно подтвердилось высказанное нами вначалѣ замѣчаніе относительно намѣренія, какое имѣлъ писатель при обработкѣ его. Философъ училъ, что имена вещей и не произвольны только, и не естественны только, и что тѣ удивительно какъ пустословятъ, которые, слѣдуя особенно послѣднему мнѣнію, полагаютъ, что познаніе о вещахъ надобно почерпать изъ производства именъ,—тогда какъ оно зависитъ единственно отъ неизмѣняемой и постоянной природы ихъ.

Но кто были философы и этимологи, осмѣиваемые въ Кратилѣ, мало изслѣдовано. Хотя Сократъ въ началѣ разговора и упоминаетъ о Продикѣ, но его занятія относились не столько къ этимологіи, сколько къ синонимикѣ словъ (см. *Spengel*, Artium scriptorr. p. 46—59. Сн. Protagor. p. 207 sqq). Поэтому невѣроятно, чтобы Платонъ противъ него направлялъ свой діалогъ. Сократъ объ этомъ софистѣ упоминаетъ, конечно, потому, что онъ былъ учителемъ Ермогена въ предметахъ грамматическихъ. Искусный прикрыватель своей мудрости, представляя себя въ этомъ дѣлѣ ничего не понимающимъ, говоритъ, что онъ не слушалъ дорогихъ уроковъ Продика, а пользовался только наставленіями дешевыми. Не затрогивается въ этой книгѣ и Иппіасъ элейскій,—во первыхъ, потому, что объ немъ не сказано ни полслова; во вторыхъ, хотя онъ и разсуждалъ объ отдѣльныхъ словахъ, однакожъ, сколько можно заключать

изъ словъ Платона (Hipp. mai. p. 265 B), изслѣдывалъ больше законы чиселъ, чѣмъ происхожденіе словъ. По мнѣнію *Шлейермахера,* Платонъ разумѣлъ здѣсь будто бы Антисѳена. Но если бы это было справедливо, то надлежало бы удивляться, что въ Кратилѣ упоминается весьма многое, что нисколько не относится къ этому Сократову ученику. Впрочемъ и грамматическія занятія Антисѳена были такого рода, что Сократу не было повода смѣяться надъ нимъ. *Классенъ* (De primordiis grammaticae graecae p. 29 sq.) весьма справедливо замѣчаетъ, что онъ изслѣдывалъ только діалектическое и риторическое употребленіе языка. Кажется, гораздо ближе видѣлъ правду *Астъ* (De vita et scriptis Platon. p. 267 sq.), полагая, что въ этой книгѣ переоцѣниваются софисты Гераклитовой школы, разсуждавшіе о непрестанной текучести вещей. А такіе софисты были не кто другіе, какъ друзья и ученики Протагора. Этому не противорѣчатъ слова *Классена* (p. 29 sqq.), который говоритъ, что абдеритянинъ въ своей Ὀρθοέπεια не разсматривалъ отдѣльныхъ именъ, но разсуждалъ только о правильномъ образѣ рѣчи, поколику онъ зависитъ отъ грамматики: ибо свое мнѣніе о естественномъ происхожденіи и силѣ словъ софистъ раскрылъ не въ этомъ сочиненіи, а больше въ книгѣ περὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ὀρθότητος, составлявшей часть книги, надписанной именемъ Ἀλήθεια. Но какъ думалъ самъ Протагоръ о происхожденіи именъ? Къ сожалѣнію, рѣшеніе сего вопроса можетъ основываться только на догадкахъ. Впрочемъ дѣло это не такое трудное, чтобы приходилось оставить его въ совершенномъ мракѣ. Во первыхъ, изъ всей науки Протагора можно съ правдоподобіемъ выводить, чтò думалъ онъ объ этимологіи. Во вторыхъ, предметъ можетъ быть объясненъ и изъ самаго Кратила. Абдеритянинъ, какъ извѣстно, держался мнѣнія Гераклита, что все течетъ, какъ рѣка, и съ нимъ соединялъ другое, по которому человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Если же онъ полагалъ, что все течетъ, и чувства наши при-

знавалъ такъ приспособленными къ этой смѣняемости вещей, что они всегда и вездѣ бываютъ согласны съ нею,—доказательства чего см. Theaet. p. 151 E—160 E,—то не могло же быть, чтобъ и именъ вещей не признавалъ онъ такими, какими постигаются они каждымъ чувствомъ и разумѣніемъ, то есть естественными. Справедливость нашей догадки довольно ясно подтверждаютъ многія мѣста Кратила. Предположивъ это, становится понятнымъ, почему Ермогенъ, полагавшій, что всѣ имена произошли отъ употребленія и условія, говоритъ съ такимъ презрѣніемъ о Протагоровой *Истинѣ*. Если бы софистъ въ этой книгѣ защищалъ происхожденіе словъ отъ произвола, то собесѣдникъ, безъ сомнѣнія, иначе судилъ бы о его сочиненіи. Этимъ предположеніемъ объясняется и то, почему (p. 391 A) Сократъ велитъ Ермогену идти къ брату Калліасу, чтобы научиться отъ него естественному произведенію словъ по протагоровскому способу; ибо Калліасъ, какъ извѣстно, былъ преданъ и всѣмъ прочимъ софистамъ, но особенно Протагору (чит. Protag. p. 311 A). Что же касается до діалектики абдеритянина, то мы знаемъ, что ученики его слишкомъ злоупотребляли ею и прилагали ее ко всякимъ хитросплетеніямъ и мелочнымъ софизмамъ. То же выходитъ и изъ положенныхъ имъ началъ этимологіи; ибо изъ самаго Кратила можно понять, что между друзьями его явились люди, пользовавшіеся ими нелѣпо: не изъ словъ и именъ, созданныхъ умомъ, старались они выводить и объяснять человѣческія понятія, а сами въ слова и имена вносили свои помыслы и этимъ способомъ доказывали и утверждали ихъ. Эти люди преслѣдуются здѣсь тонкою насмѣшкою, и въ то же время многими примѣрами нелѣпой этимологіи показывается, какъ превратно примѣняютъ они свое искусство. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что производства словъ въ большомъ обиліи заимствуются у Омира и осмѣиваются подъ его авторитетомъ. Это служитъ замѣчательнымъ доказательствомъ,

что Платонъ передразниваетъ именно протагорейцевъ. Вѣдь и изъ Теэтета извѣстно (р. 179 Е и р. 152 Е), что ученики Протагора, дабы снискать себѣ больше довѣрія и доставить больше значенія своему воззрѣнію, ссылались на Омира, будто и онъ держался того же мнѣнія, что все непрестанно течетъ и смѣняется. Поэтому Платонъ называетъ ихъ также омиристами. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что мыслившіе такимъ образомъ, въ видахъ поддержки своего мнѣнія, злоупотребляли толкованіемъ словъ Омировыхъ? Это до того вѣроятно, что выходитъ даже за предѣлы вѣроятности и можетъ быть признано дѣломъ рѣшеннымъ.

И такъ, мы, по возможности, изслѣдовали, кто были тѣ люди, которыхъ Платонъ въ этомъ діалогѣ преслѣдуетъ аттическою своею шуткою. Теперь слѣдуетъ сказать о лицахъ, ведущихъ бесѣду съ Сократомъ о происхожденіи словъ и о приложеніи, какое можетъ имѣть оно въ философіи. Это тѣмъ важнѣе, что есть старинное, дошедшее до насъ преданіе, будто оба собесѣдника, и Ермогенъ и Кратилъ, были нѣкогда учителями Платона въ философіи. *Аристотель* (Metaphys. I, 6), *Апулей* (De dogm. Plat. p. 2, ed. Elm.), *Діогенъ Лаэрцій* (III, 6) и другіе говорятъ, что Кратилъ первый познакомилъ его съ мудростію Гераклита; только не всѣ согласны въ томъ, было ли это прежде, чѣмъ началъ онъ слушать Сократа, или послѣ; Ермогену же, котораго *Проклъ* (р. 5, ed. Boisson) называетъ σωκρατικός, Платонъ обязанъ былъ знаніемъ ученія элейскаго (*Diog. Laërt.* III, 6). И такъ, надобно внимательно разсмотрѣть, что̀ есть справедливаго въ этомъ разсказѣ и каковы были отношенія Платона къ этимъ людямъ. Вѣдь удивительно въ самомъ дѣлѣ, что изъ тѣхъ, которыхъ имѣлъ онъ своими учителями, одного въ настоящемъ діалогѣ остроумно опровергаетъ, а другаго искуснымъ, шутливымъ подражаніемъ осмѣиваетъ.

Что касается до Ермогена, то о немъ одинъ только

Діогенъ свидѣтельствуетъ, какъ объ учителѣ Платона, другіе же всѣ молчатъ объ этомъ, такъ что свидѣтельство это сомнительно. Какъ допустить, чтобы Аристотель и Апулей, упоминая съ этой стороны о Кратилѣ, не сказали ни слова о Ермогенѣ? Но подозрѣніе въ ошибкѣ или обманѣ еще болѣе увеличится, когда тщательно взвѣсимъ, какимъ, по внутреннимъ своимъ силамъ, представленъ онъ въ діалогѣ; вѣдь не только не видно, чтобы онъ особенно зналъ ученіе элейское и старательно занимался имъ, но еще оказывается, что когда-то интересовалъ его больше взглядъ Протагора, который теперь ему уже не нравится (р. 386 А). Притомъ это былъ человѣкъ, вовсе не выдающійся ни по уму, ни по учености, чтобы можно было приписать ему глубокое знаніе философіи. Да и родъ его былъ такъ высокъ, что совсѣмъ невѣроятно, будто когда-то приходилось ему быть учителемъ философіи. Онъ происходилъ отъ благороднаго дома Иппониковъ и Калліасовъ, и если стѣснялся скудостію матеріальныхъ средствъ жизни, потому что братомъ Калліасомъ, какъ видно, лишенъ былъ отеческаго наслѣдства (р. 391 С), все же однакожъ не терпѣлъ бѣдности въ такой степени, чтобы прибѣгать къ должности наставника. Я скорѣе прихожу къ тому мнѣнію, что онъ, по обычаю своего вѣка, дабы получить хорошее и разностороннее образованіе, предался софистамъ. И такъ какъ ученіе Протагора ему не нравилось, то онъ не соглашался и съ мнѣніемъ тѣхъ, которые всѣ имена признавали естественными, но, слѣдуя авторитету какого-то софиста, защищалъ положеніе противное. Можетъ быть, касательно этого предмета, какъ и прежде замѣчено, держался онъ сужденій Продика. Такую догадку можно выводить изъ того, что Сократъ на просьбу Ермогена—помочь ему своимъ совѣтомъ отвѣчаетъ отказомъ, на томъ основаніи, что онъ не слушалъ дорогихъ Продиковыхъ уроковъ, а слушалъ дешевые; ибо такимъ образомъ искусно прикрываетъ онъ и собственную мудрость, и вмѣстѣ своимъ замѣчаніемъ ко-

летъ Ермогена, который изъ наставленій софиста могъ узнать, какъ надобно судить объ этомъ спорномъ предметѣ. Какъ бы то ни было, но Ермогенъ, безъ всякаго сомнѣнія, введенъ здѣсь Платономъ въ бесѣду съ Кратиломъ именно потому, что защищалъ мнѣніе, относительно происхожденія словъ, противное мнѣнію послѣдняго, и притомъ жилъ съ нимъ въ дружбѣ (Cratyl. extr). А что, по словамъ Діогена, былъ онъ когда-то учителемъ Платона, это—чистая выдумка, какъ полагаютъ и *Штальбомъ*, и *Астъ* (De vit. et scriptis Plat. p. 20), и *Фанъ-Принстеръ* (Prosopogr. Plat. p. 225). Это о Ермогенѣ; теперь переходимъ къ Кратилу, котораго именемъ надписанъ весь діалогъ.

Астъ (p. 19) и *Зохеръ* (De scriptis Plat. p. 162) не соглашаются признавать этого Кратила за одно лицо съ тѣмъ Кратиломъ, который сообщилъ Платону первыя понятія о Гераклитовой мудрости; потому что Платонъ едва ли бы позволилъ себѣ такъ шутить надъ человѣкомъ, съ которымъ прежде находился въ такихъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Но Штальбомъ думаетъ иначе. Во первыхъ, никто и нигдѣ не упоминаетъ о двухъ Кратилахъ: ни Аристотель, ни Апулей не прибавляютъ ничего, чѣмъ учитель философа отличался бы отъ другаго. А между тѣмъ на какое нибудь отличіе, конечно, указали бы они, если ужъ самая книга, которая не могла быть имъ неизвѣстною, надписана именемъ Кратила. Во вторыхъ, такъ какъ этотъ самый Кратилъ, съ указанными здѣсь оттѣнками его нравовъ и его ума, преданъ былъ наукѣ Гераклитовой или лучше—Протагоровой, то весьма вѣроятно, что онъ-то и былъ наставникомъ, познакомившимъ юношу Платона съ Гераклитовыми положеніями; развѣ допустимъ, что въ тѣ поры жилъ другой философъ того же имени, гораздо болѣе знаменитый, чѣмъ этотъ, и что въ разсматриваемый діалогъ введенъ онъ безъ точнаго означенія его рода. Къ тому же надобно обратить вниманіе и на то, что у Аристотеля нѣтъ ни слова о дружескихъ отношеніяхъ между

Кратиломъ и Платономъ. Философъ этотъ говоритъ просто, что Платонъ «съ дѣтства обращался сперва съ Кратиломъ, отъ котораго впослѣдствіи принялъ мнѣнія гераклитянъ, что все чувствопостигаемое непрестанно течетъ, и что о вещахъ чувственныхъ никакое познаніе невозможно». Стало быть, онъ передаетъ одно—что Платонъ учился у Кратила, то есть слушалъ его наставленія и ученіе. Но отсюда еще нельзя заключать о близкой, дружеской связи ихъ между собою. Чтò же, если Платонъ впослѣдствіи не высоко цѣнилъ наставленія Кратила и даже презиралъ его за упорство въ ложныхъ мнѣніяхъ?—не могло ли быть, что онъ рѣшился преслѣдовать его насмѣшками и шутками, какъ приверженца уродливой доктрины? И что это было дѣйствительно такъ, мы не будемъ сомнѣваться, если всмотримся въ образъ Кратила, какъ онъ начертанъ въ соименномъ разговорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Кратилъ здѣсь такъ преданъ началамъ гераклитянъ, что, сколь ни нелѣпы указываемыя Сократомъ словопроизводства, онъ тотчасъ подтверждаетъ ихъ своимъ согласіемъ, лишь бы только этимъ доказывались текучесть и смѣняемость вещей. Притомъ онъ до того твердо держится своихъ понятій, что никогда не отступаетъ отъ своего мнѣнія, и это замѣтитъ всякій, кто внимательно прочитаетъ діалогъ отъ p. 427 E. Потомъ, когда въ концѣ книги Сократъ Гераклитовой наукѣ о движимости вещей противоположилъ свое, или, лучше, Платоново ученіе объ идеяхъ, онъ и тутъ прибавилъ, что Гераклитовъ взглядъ все таки столько нравится ему, что въ его преимуществѣ онъ и теперь не сомнѣвается и никогда не будетъ сомнѣваться. Человѣкъ съ такимъ упорнымъ и слѣпымъ убѣжденіемъ и не сознаетъ, что приводимыя Сократомъ словопроизводства имѣютъ характеръ насмѣшки и шутки, и безъ малѣйшаго колебанія вѣритъ даже тому, что ими Сократъ обязанъ Эвтифрону, либо какому иному гераклитянину. Судя по такому описанію его, кажется, не трудно допустить, что Платону, не смотря на знакомство его съ

Кратиломъ, можно было позволить себѣ шутки на счетъ этого прежняго своего учителя. Но, можетъ быть, спросятъ: почему Платонъ нашелъ нужнымъ ввести его въ діалогъ, какъ лицо разговаривающее, когда всѣ знали, что онъ нѣкогда ему самому преподавалъ ученіе Гераклита? Отвѣтъ на это не труденъ. Книга, озаглавленная именемъ Кратила, была, если не ошибаюсь, первымъ сочиненіемъ, въ которомъ философъ явно обозначилъ, какъ далеко отступилъ онъ отъ ученія гераклитянъ и протагорейцевъ.

Перейдемъ теперь къ Эвтифрону, отъ котораго Сократъ не въ одномъ мѣстѣ производитъ свою мудрость (p. 391 C). Кажется, нѣтъ основаній сомнѣваться, что этотъ Эвтифронъ тотъ самый, котораго мы знаемъ изъ соименнаго разговора. Тамъ выставляется онъ, какъ человѣкъ, несущій должность прорицателя и приписывающій себѣ точнѣйшее знаніе вещей божественныхъ (p. 4). И оракулы свои провѣщалъ онъ въ такомъ восторженномъ настроеніи, что слушателямъ казался иногда сумасшедшимъ и часто заставлялъ ихъ смѣяться (p. 3 B, C). Поэтому нельзя удивляться, что онъ много занимался истолкованіемъ божескихъ именъ, и тѣмъ, сколько можно было, распространялъ свою науку о вещахъ божественныхъ. Произнося свои оракулы въ настроеніи крайней восторженности, онъ приходилъ въ такое же состояніе и при изъясненіи именъ. Это ясно видно изъ мѣстъ Кратила: p. 396 C, D, 399 A—E, 408 A, 409 D. Близость его съ Кратиломъ была, кажется, тѣмъ короче, что онъ тоже принадлежалъ къ школѣ гераклитянъ. Отсюда легко понять, почему Сократъ, чтобы осмѣять Кратила, прикидывается, будто всѣми своими истолкованіями именъ онъ обязанъ Эвтифрону, и Кратилъ одобряетъ это. Такимъ образомъ явно, что веселымъ и шутливымъ подражаніемъ Сократа провѣщателю осмѣиваются какъ Кратилъ, такъ и прочіе гераклитяне, съ особенною ревностью занимавшіеся изъясненіемъ словъ.

Все это—о лицахъ діалога и о насмѣшкахъ надъ геракли-

тянами, оцѣнка превратныхъ понятій которыхъ составляетъ бо̀льшую половину книги. Но не должно думать, что Платонъ посвящаетъ весь свой діалогъ только осмѣянію тѣхъ людей. Нѣтъ, обличая своею шуткою софистовъ, онъ весьма благоразумно соединяетъ съ этимъ разсужденіе и о нѣкоторыхъ иныхъ вещахъ, либо служившихъ въ тѣ времена предметомъ общихъ толковъ, либо относившихся къ собственнымъ его философскимъ воззрѣніямъ. Тогда, по видимому, былъ въ ходу вопросъ: имена вещей произошли ли отъ природы, φύσει, или отъ произвола и употребленія, νόμῳ? Этого вопроса философъ въ разсматриваемомъ діалогѣ хотя спеціально и не рѣшилъ, и только нашелъ въ немъ поводъ къ осмѣянію софистовъ, однакожъ сдѣлалъ довольно ясныя указанія, ка̀къ самъ онъ думаетъ объ этомъ; ибо (до p. 390 E), опровергнувъ положеніе Ермогена тѣмъ, что переводитъ его на Кратилово, онъ потомъ (отъ p. 427 E) уничтожаетъ начало Кратила, возвращая его къ Ермогенову, и этимъ довольно ясно обозначаетъ и собственное свое убѣжденіе, что въ томъ и другомъ мнѣніи есть нѣчто справедливое. И такое сужденіе, безъ сомнѣнія, далеко лучше мнѣнія *Аристотеля*, а послѣ—*Секста Эмпирика* (Hypotyp. II, 18, Adv. mathem. p. 247), который (De interpret. c. 2) вмѣстѣ съ Ермогеномъ полагаетъ οὐ φύσει εἶναι τὰ ὀνόματα, ἀλλὰ κατὰ συνθήκην. Не больше успѣли и стоики, защищавшіе противное мнѣніе (см. *Cicero*, De finib. II, 14, *Potter*. ad Clem. Alexandr. p. 405; *Michaeler*, De origine linguae p. 21, 36; *Dorsch*, Philosophische Geschichte der Sprache und Schrift. 1791). Новѣйшіе ученые понимаютъ дѣло такъ, что первыя начала языковъ суть подражаніе природѣ, а предметы болѣе сложные именуются произвольно, потому что съ природою внѣшнихъ вещей могутъ они сравниваться различнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ Платонъ весьма справедливо судилъ, что употребленіе языка, какъ и развитіе искусства, находитъ свое условіе частію въ необходимости, частію въ свободѣ. И эти условія опредѣлилъ

онъ такъ ясно, что вѣкамъ послѣдующимъ не оставилъ досказать въ семъ отношеніи ничего замѣчательнаго.

Но и этимъ не исчерпывается еще все содержаніе Кратила. Мнѣ представляется, что философъ здѣсь имѣлъ въ виду особенно показать, что познаніе надобно почерпать не изъ тѣней словъ, а изъ самой силы и природы вещей. И въ этомъ состоитъ какъ бы результатъ всего сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ гераклитяне и, можетъ быть, другіе философы того времени злоупотребляли этимологіею, чтобы началами ея подтвердить нелѣпые свои вымыслы,—то Платонъ находилъ нужнымъ не только подвергнуть мнѣнія ихъ колкой сократической ироніи, но и противопоставить опредѣленіямъ ихъ собственное свое ученіе объ идеяхъ, и такимъ образомъ доказать, что одна лишь діалектика, и то хорошо установленная, можетъ вести къ познанію истины. Поэтому въ концѣ діалога онъ начала своей идеологіи поставляетъ какъ бы объ руку съ мнѣніями гераклитянъ, хотя отнюдь не выдаетъ ее за дѣло извѣстное и изслѣдованное, а сравниваетъ съ нѣкоторымъ сновидѣніемъ. По крайней мѣрѣ твердо стоитъ на томъ, что безразсудно придавать больше значенія словамъ, чѣмъ самой истинѣ вещей.

Теперь остается еще изслѣдовать вопросъ о времени, когда этотъ діалогъ написанъ и изданъ въ свѣтъ. Указаній для рѣшенія его весьма немного, да и тѣ, къ сожалѣнію, не отличаются достаточною для сего опредѣленностью. Изъ p. 385 E мы, конечно, понимаемъ, что Кратилъ написанъ послѣ смерти Протагора; но годъ, не позже котораго могъ быть онъ написанъ, опредѣлить трудно. Протагоръ умеръ, кажется, за 410 лѣтъ до христіанской эры и почти за шесть лѣтъ до конца пелопонезской войны, если только вѣрно счисленіе *Фререта* (въ книгѣ: Memoires de l' Academ. des Inscript. t. 47, p. 277 sqq.) и *Геелія* (Histor. Sophistar. p. 70), которое мы далеко предпочитаемъ другимъ хронологическимъ показаніямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Кратилъ, какъ и Эвтидемъ, долженствовалъ быть написанъ послѣ 3 г. 92

олимп. Но на р. 420 В и 426 С есть и другое указаніе времени: тамъ упоминается о долгихъ гласныхъ η и ω, которыя, какъ извѣстно, приняты были оффиціально во время магистратуры Эвклида, во 2 г. 94 олимп. Впрочемъ я не много придаю значенія этому указанію; ибо вѣроятно само собою, что частное употребленіе тѣхъ буквъ могло быть допущено въ Аѳинахъ задолго прежде, чѣмъ приведено было это въ оффиціальную форму и получило силу закона. Объ этомъ см. дѣльныя замѣчанія *A. Matthiae*, Gr. Ampl. T. 1, p. 22. Но, можетъ быть, самое-то принятіе этихъ буквъ и подало поводъ къ болѣе ревностнымъ, чѣмъ прежде, разсужденіямъ о происхожденіи буквъ и словъ. Если это было дѣйствительно такъ, то Платонъ, пользуясь такимъ случаемъ, можетъ быть, въ то же время написалъ и эту книгу. Это мнѣніе не лишено и нѣкоторыхъ другихъ, довольно правдоподобныхъ основаній; да не мало подтверждается и самымъ содержаніемъ книги. Вѣдь если Кратилъ, преподававшій Платону въ молодости его Гераклитовы начала, вводится въ эту книгу такъ, что его мнѣнію постоянно противополагается Платоново ученіе объ идеяхъ, или о силѣ и природѣ вещей самихъ въ себѣ, то можно думать, что философъ нашъ въ то время въ первый разъ ясно опредѣлилъ, какъ далеко, подъ вліяніемъ Сократовыхъ наставленій, отступилъ онъ отъ мнѣнія гераклитянъ, которые полагали, что ничто не пребываетъ въ одномъ состояніи, но все непрестанно течетъ какъ рѣка, и въ этой мысли прежняго своего учителя заставилъ разговаривать съ преемникомъ его. Такъ какъ Сократъ особенно трудился надъ изысканіемъ и толкованіемъ найденныхъ понятій, чрезъ выясненіе отдѣльныхъ формъ ихъ и частей; то Платонъ, узнавъ ученіе элейцевъ о сущемъ, постепенно и мало по малу приведенъ былъ къ убѣжденію, что въ основаніи тѣхъ умственныхъ понятій лежитъ нѣкоторая сила и самостоятельная οὐσία. Но такое философское воззрѣніе едва ли могло быть у Платона прежде смерти Сократа. Посему этотъ діалогъ, какъ и Эвтидемъ, пред-

ставляетъ, можетъ быть, первые замѣтные слѣды ученія объ идеяхъ, впослѣдствіи раскрытые философомъ полнѣе и обстоятельнѣе. Сюда же, думаю, надобно отнесть и то, что Сократъ въ концѣ діалога говоритъ объ идеяхъ, представляющихся ему въ сновидѣніи: то есть, идей касается онъ только гаданіемъ,—чѣмъ весьма хорошо указывается на философа-юношу, который еще не положилъ твердыхъ, хорошо обдуманныхъ началъ своей наукѣ. Можетъ быть, по этой причинѣ Сократъ теперь не берется изслѣдовать, что̀ превосходнѣе,—мнѣніе ли Гераклита о непрестанной текучести вещей, или ученіе объ идеяхъ, но утверждаетъ и стоитъ только на томъ, что безразсудны тѣ, которые питаютъ надежду изъ происхожденія и силы словъ узнать самую природу вещей. Есть и еще одно обстоятельство, особенно подтверждающее нашу догадку. Вѣдь нельзя сомнѣваться, что діалоги, надписанные именами Эвтидема, Кратила и Протагора, направлены къ обличенію Протагора и учениковъ его: такъ, въ Эвтидемѣ опровергнута діалектика протагорейцевъ, которою злоупотребляли они для составленія своихъ хитросплетеній и ловушекъ; въ Кратилѣ искусно осмѣивается тотъ нелѣпый способъ, которымъ тѣ же умствователи старались придти къ познанію истины, производствомъ словъ подтверждая собственные свои помыслы; въ Протагорѣ, наконецъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы обширнымъ и изящнымъ развитіемъ рѣчи доказать, что у нихъ нѣтъ никакой науки добродѣтели. Можно ли допустить, чтобъ эти, столь близкія по содержанію, столь сродныя между собою и находящіяся въ такой тѣсной связи, сочиненія вышли одно послѣ другаго чрезъ большіе промежутки времени? Мнѣ, признаюсь, всегда казались они такъ тѣсно соединенными, что и самаго изложенія ихъ какъ будто нельзя относить ко временамъ различнымъ. Но мы, по видимому, справедливо заключили, что Эвтидемъ написанъ въ началѣ 94 олимп.; а для Протагора указали третій или четвертый годъ той же олимпіады. Если эти хронологическія

наши указанія вѣрны, то можно полагать, что Кратилъ вышелъ въ свѣтъ въ срединѣ 94 олимп., немного прежде Протагора. Впрочемъ, если бы кто нашелъ основанія болѣе твердыя, и написаніе упомянутыхъ діалоговъ хронологически распредѣлилъ иначе, мы уступили бы доказательствамъ. Но то кажется намъ неправдоподобнымъ, что высказали объ этомъ *Шлейермахеръ* и *Астъ*. Первый думаетъ, что Кратилъ написанъ вскорѣ послѣ Эвтидема и Теэтета, чего никому не придетъ въ голову, кто внимательно разсмотритъ, о чемъ идетъ дѣло въ Теэтетѣ. Вѣдь то, о чемъ разсуждаетъ Теэтетъ, содержаніемъ Кратила и не дополняется и не распространяется, а скорѣе наоборотъ—что̀ только намѣчено въ послѣдней части этого діалога, то въ Теэтетѣ является главнымъ предметомъ, излагается и объясняется обширно. Изъ этого, думаемъ, слѣдуетъ, что написаніе Теэтета надобно полагать послѣ Кратила. Не болѣе правдоподобно мнѣніе и втораго, который, опредѣляя хронологическій порядокъ Платоновыхъ сочиненій, назначаетъ Кратилу мѣсто послѣ Теэтета, Софиста, Политика и Парменида, и подозрѣваетъ, что Кратилъ находится въ связи съ какими-то неизвѣстными намъ и потерянными для насъ діалогами, въ которыхъ философъ продолжалъ развивать начатое здѣсь разсужденіе о происхожденіи и природѣ языка. Но ни откуда не извѣстно, разсматривалъ ли Платонъ этотъ вопросъ въ какомъ нибудь иномъ сочиненіи, и не видно никакого сродства въ содержаніи, предметѣ и намѣреніи Кратила съ содержаніемъ, предметомъ и намѣреніемъ Софиста, Политика и Парменида; да нѣтъ и другихъ признаковъ, по которымъ можно было бы подозрѣвать, что Кратилъ написанъ послѣ упомянутыхъ выше діалоговъ. Напротивъ, все удостовѣряетъ въ томъ, что эта книга написана Платономъ въ то время, когда, положивъ первыя основанія ученію объ идеяхъ, онъ вознамѣрился обличить и опровергнуть гераклитянъ и протагорейцевъ. Потому-то здѣсь, какъ и въ Эвтидемѣ и въ

Иппіасѣ Большемъ, господствуетъ почти юношеская порывчивость и несдержанность; такъ что сочиненіе это больше походитъ на комедію, чѣмъ на діалогъ, занимающійся изъясненіемъ философскихъ положеній. И опять, здѣсь ученіе объ идеяхъ хотя и противопоставлено мнѣніямъ гераклитянъ, но о немъ упоминается такъ, что философъ позволяетъ намъ замѣтить его намѣреніе—изложить впослѣдствіи этотъ предметъ обстоятельнѣе. Притомъ здѣсь не видно еще и слѣдовъ подробнаго изученія пиѳагорейской доктрины, тогда какъ въ Парменидѣ и другихъ упомянутыхъ діалогахъ оно весьма замѣтно и бросается въ глаза само собою. Сюда можно бы отнесть одно только мѣсто, p. 405 C: но оно ни на что не наводитъ, кромѣ какъ на гармонію небесныхъ тѣлъ, что было извѣстно и въ Аѳинахъ. Наконецъ, здѣсь не сдѣлано ни однимъ словомъ намека на мегарцевъ, которые между тѣмъ, сколько можно догадываться, не обходили тоже вопроса о происхожденіи словъ и языка. Это-то и многое другое служитъ намъ достаточнымъ доказательствомъ, что созданіе Кратила относилось именно къ тому времени, которое мы выше обозначили. Замѣтимъ однакожъ, что эти доказательства рѣшаютъ вопросъ только въ смыслѣ вѣроятія, и только тогда сохраняютъ силу и твердость, когда разсматриваются всѣ вмѣстѣ, а не порознь [1].

---

[1] Stallbaum, Platonis opera omnia, v. V, sect. 1 (Goth. 1834), de Cratylo Platonis.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЕРМОГЕНЪ, КРАТИЛЪ и СОКРАТЪ.

383. *Ерм*. Хочешь ли [1], сообщимъ свое разсужденіе и Сократу?

Крат. Если тебѣ угодно.

Ерм. Кратилъ этотъ говоритъ, Сократъ, что правильное названіе каждой вещи прирождено ей природою, и что не то ея имя, которымъ называютъ ее нѣкоторые, условившись называть такъ и издавая часть своего голоса, но и у грековъ и у варваровъ есть прирожденная всѣмъ имъ пра-
B. вильность наименованій. Такъ вотъ я и спрашиваю его:— имя ему «Кратилъ»—истинно или нѣтъ?—Онъ соглашается, что это дѣйствительное его имя. Ну, а Сократу? спросилъ я.—«Сократъ», отвѣчаетъ онъ.—Не такъ же ли и всѣмъ другимъ людямъ,—какимъ именемъ каждаго называемъ, то и

[1] Хочешь ли, сообщимъ свое разсужденіе и Сократу? Астъ (De vita et scriptis Platonis p. 274) полагаетъ, что этотъ діалогъ потерялъ свое начало: но мы никакъ не думаемъ, чтобы кто нибудь согласился съ его мнѣніемъ, кому извѣстно, что Платону иногда нравилось вводить вниманіе читателя вдругъ въ самую средину предмета. Весьма подобно этому и начало Филеба: «Смотри-ка, Протархъ, что намѣренъ ты теперь говорить за Филеба, и противъ какого нашего положенія хочешь спорить, если оно высказано не по твоимъ мыслямъ». Можно сравнить также начала Пира, Менона и нѣкоторыхъ другихъ діалоговъ.

есть его имя?—Однакожъ тебѣ-то имя не «Ермогенъ» [1], говоритъ онъ, хотя бы и всѣ такъ называли тебя.—Когда же сталъ я спрашивать и усиливался узнать, что̀ тутъ разу-
мѣется, онъ не объяснилъ мнѣ ничего, а только смѣется 384.
надо мною, показывая видъ, что предоставляетъ собственному моему уму знать объ этомъ. Между тѣмъ если бы онъ захотѣлъ высказать ясно, то привелъ бы къ убѣжденію и меня, и я говорилъ бы то же, что̀ говоритъ онъ. И такъ, если ты можешь какъ нибудь разгадать [2] оракулъ Кратила, то я съ удовольствіемъ послушалъ бы. Или еще пріятнѣе было бы удостовѣриться, что̀ кажется самому тебѣ въ разсужденіи правильности именъ, если бы ты захотѣлъ сказать это.

Сокр. Ермогенъ, сынъ Иппоника! есть старинная посло- B.
вица, что прекрасное трудно [3], когда приступаешь къ его изученію. Такъ-то и объ именахъ—ученіе не маловажное. Если бы я слышалъ пятидесятидрахмовый урокъ Продика [4],

---

[1] Кратилъ шутливо отказывалъ Ермогену въ его имени, говоря, что оно никакъ къ нему не идетъ, и имѣлъ въ мысли, вѣроятно, то, что Ермогенъ и не краснорѣчивъ, въ чемъ самъ онъ сознается, p. 408 B, и не богатъ, что показываетъ p. 384 C. Сравн. p. 407 E sqq.

[2] Кратилъ высказалъ свое мнѣніе не открыто и ясно, а прикровенно и темно, какъ обыкновенно высказывались провѣщатели. Поэтому провѣщаніе, μαντεία, есть положеніе, выраженное темно и прикровенно. Оттого хорошо идетъ сюда и глаголъ συμβαλεῖν, гадать. Можетъ быть, здѣсь имѣлось въ виду и то, что Кратилъ въ этихъ вещахъ слишкомъ много приписывалъ провѣщателю Эвтифрону.

[3] О пословицѣ: χαλεπὰ τὰ καλά, прекрасное трудно, см., кромѣ Схоліаста къ этому мѣсту, De Republ. IV, p. 435 C. VI, p. 497 C. Hipp. Mai. p. 304. 3.

[4] Сократъ искусно подшучиваетъ и надъ хвастовствомъ софиста, требовавшимъ за свои уроки по пятидесяти драхмъ, и надъ своею бѣдностію, которая не позволяла ему принадлежать къ служителямъ дорогой его мудрости. О дружескихъ отношеніяхъ Сократа къ Продику см. прекрасныя мѣста Protagor. p. 341 A, Charmid. p. 163 D. Софистъ училъ такъ, что, смотря по содержанію урока, или даже по различію слушателей, требовалъ и различнаго вознагражденія. Да и авторъ Аксіоха (c. 6) говоритъ, что Продикъ преподавалъ иное за полдрахмы съ каждаго слушателя, иное за двѣ драхмы, иное за четыре. Изъ настоящаго мѣста мы узнаемъ, что онъ разсуждалъ также περὶ ὀνομάτων ὀρθότητος,—и это были уроки дорогіе, пятидесятидрахмовые, стоившіе около десяти рублей (Aristot. Rhetor. III, 14).

по выслушаніи котораго, говоритъ онъ, становишься знающимъ это; то ничто не помѣшало бы тебѣ сейчасъ узнать истину о правильности именъ: но я не слышалъ его, а слышалъ
C. драхмовый; такъ не знаю, сколько тутъ истиннаго. Я готовъ изслѣдовать это сообща съ тобою и Кратиломъ. А что имя тебѣ, говоритъ онъ, по истинѣ не «Ермогенъ», то я подозрѣваю здѣсь его шутку. Можетъ быть, онъ думаетъ, что ты, стараясь собирать деньги, всякій разъ встрѣчаешь неудачи. Но я уже сказалъ, что знать такія вещи трудно; надобно это дѣло разсмотрѣть сообща,—какъ ты будешь говорить о немъ, и какъ Кратилъ.

Ерм. Что касается до меня, Сократъ, то, часто-таки разговаривая объ этомъ со многими другими, я не могъ
D. убѣдиться, будто есть какая-то иная правильность именъ, кромѣ утвержденной условіемъ и согласіемъ; ибо мнѣ кажется, что какое кто чему далъ имя, такое и правильно. И если бы опять одно названіе замѣнено было другимъ, то первое было бы уже нехорошо, хотя и послѣднее тоже не болѣе правильно. Когда, напримѣръ, мы даемъ другія имена своимъ слугамъ [1], тогда имя новое не болѣе бываетъ правильно, какъ и прежнее; ибо ничему никакое имя не прирождается отъ природы, но всѣ имена зависятъ отъ закона и обычая лицъ, которыя пріурочиваютъ и называютъ
E. вещи. Если же это не такъ, я готовъ поучиться и слушать не только Кратила, но и всякаго другаго.

385. *Сокр.* Можетъ быть, и есть что-то въ словахъ твоихъ,

---

[1] Слугамъ—собственно домашнимъ или домочадцамъ, οἰκέταις. Греки, по естественной мягкости своего характера, этимъ же именемъ называли и рабовъ, подобно римлянамъ, которые давали имъ имена familiae и familiarium. См. Athenaeus VI, 19. Pollux III, 82. Senec. Epist. 47. Macrob. Saturn. I, 9. Но такъ какъ имена рабовъ были различны и происходили отъ различныхъ причинъ и случаевъ, то очень могло быть, что они называемы были то тѣми, то другими именами, по произволу господъ. Забавенъ на этотъ счетъ разсказъ Аммонія Герміаса у Аристотеля (De interpret. p. 31 sqq.). Діодоръ Кроносъ, чтобы доказать произвольность именъ, называлъ своихъ рабовъ частицами языка, и одного именно заключительною частицею ἀλλὰ μήν.

Ермогенъ; но разсмотримъ положеніе: ка̀къ кто называетъ каждую вещь, такъ ей и имя.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Хотя бы частный человѣкъ называлъ, хотя бы городъ?

Ерм. Полагаю.

Сокр. Но что̀, если я назову какую нибудь вещь, напримѣръ то, что теперь мы называемъ человѣкомъ,—если это самое я назову лошадью, а теперешнюю лошадь человѣкомъ: вѣдь общественное имя одному и тому же предмету будетъ тогда «человѣкъ», а частное «лошадь»; и опять—частное имя «человѣкъ», а общественное «лошадь»? Согласенъ?

Ерм. Мнѣ кажется. B.

Сокр. Хорошо; скажи мнѣ вотъ что: называешь ли ты что нибудь—говорить истинно и ложно?

Ерм. Называю.

Сокр. Не возможна ли одна рѣчь истинная [1], а другая ложная?

Ерм. Конечно.

Сокр. Не правда ли, что кто о сущемъ говоритъ, что оно есть, тотъ говоритъ истину, а кто утверждаетъ, что его нѣтъ, тотъ лгунъ?

Ерм. Да.

Сокр. Стало быть, возможно словомъ выражать то, что̀ есть, и то, чего нѣтъ?

---

[1] Общій очеркъ того, о чемъ разсуждаютъ здѣсь Сократъ и Ермогенъ, можно сдѣлать такъ: Сократъ учитъ, что кто хочетъ давать имена вещамъ, тотъ не долженъ слѣдовать слѣпому произволу, не подчиняясь никакому закону, но обязанъ имѣть въ виду нѣкоторую норму, чтобы при чтеніи буквъ взимаема была въ разсмотрѣніе самая природа всякой вещи: ибо, какъ вѣрною рѣчью почитается та, которая во всемъ своемъ составѣ согласна съ природою вещей, къ которымъ относится; такъ и имена, поколику части рѣчи, должны представлять природу указываемыхъ ими вещей. А отсюда Сократъ заключаетъ, что правильное значеніе именъ не должно быть почитаемо въ исключительной зависимости ни отъ природы самыхъ вещей, ни отъ человѣческаго произвола. Однакожъ это не заставляетъ Ермогена отступиться отъ своего мнѣнія; онъ никакъ не допускаетъ, чтобы приложеніе именъ могло быть даже правильно, если оно не произвольно.

Ерм. Конечно.

C. *Сокр*. Слово истинное въ цѣломъ ли только бываетъ истиннымъ, а части его не истинны?

Ерм. Нѣтъ, и части.

Сокр. Бо̀льшія ли только части истинны, а меньшія нѣтъ, или всѣ?

Ерм. Я думаю, всѣ.

Сокр. Въ томъ, что̀ ты говоришь, есть ли часть меньше *имени?*

Ерм. Нѣтъ, это самая малая.

Сокр. Слѣдовательно, имя, заключающееся въ рѣчи истинной, произносится?

Ерм. Да.

Сокр. И само оно истинно, говоришь ты?

Ерм. Да.

Сокр. А рѣчи лживой часть не лжива ли?

Ерм. Полагаю.

Сокр. Стало быть, можно произнесть имя и ложное и истинное, если можно произнесть рѣчь?

D. *Ерм*. Какъ не можно!

Сокр. Но какъ кто назоветъ вещь, такъ ей и имя?

Ерм. Да.

Сокр. И сколькими бы кто ни назвалъ вещь именами, столько ихъ и будетъ? И тогда будетъ, когда назоветъ?

Ерм. У меня, Сократъ, нѣтъ иной правильности имени, кромѣ той, что каждую вещь я могу назвать другимъ именемъ, какое ни придамъ ей, а ты—другимъ, какое ни придашь. Вижу, что такъ и въ городахъ,—каждый къ однимъ
E. и тѣмъ же предметамъ иногда прилагаетъ имена собственно для себя,—и эллины особо отъ иныхъ эллиновъ, и эллины особо отъ варваровъ.

Сокр. Хорошо, увидимъ, Ермогенъ, таковыми ли представляются тебѣ вещи, что сущность ихъ есть особая для каждаго,—какъ говорилъ Протагоръ, полагая, что мѣра всѣхъ

вещей есть человѣкъ [1], то есть какими представляются пред- 386.
меты мнѣ, таковы они для меня, а какими тебѣ, таковы для тебя; или вещи, по твоему мнѣнію, въ самихъ себѣ имѣютъ нѣкоторую основу сущности.

Ерм. Нѣкогда, Сократъ, и я, колеблясь сомнѣніемъ, приходилъ къ тому, что̀ говоритъ Протагоръ; однакожъ это, мнѣ кажется, не совсѣмъ такъ.

Сокр. Что? Ты уже приходилъ къ тому, что тебѣ не казалось, чтобы былъ кто нибудь человѣкомъ злымъ?

Ерм. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; напротивъ, часто-таки я и B.
самъ терпѣлъ, такъ что нѣкоторые люди мнѣ кажутся очень злыми, даже весьма многіе.

Сокр. Что жъ? а людей очень добрыхъ тебѣ еще не представлялось?

Ерм. Весьма немного.

Сокр. Такъ представлялись?

Ерм. Представлялись.

Сокр. Какъ же ты полагаешь это? Не такъ ли, что люди очень добрые—очень умны, а очень злые—очень безумны?

Ерм. Мнѣ кажется, такъ. C.

Сокр. Но возможно ли, если Протагоръ говорилъ истину,—если, то есть, истина [2] въ томъ, что что̀ каждому изъ насъ кажется, то̀ и есть,—возможно ли, чтобы одни изъ насъ были разумны, а другіе безумны?

Ерм. Конечно нѣтъ.

Сокр. И это-то, я думаю, тебѣ очень кажется, что если

---

[1] Это ученіе Протагора раскрыто Платономъ во многихъ діалогахъ, и мы много разъ объясняли его во вступительныхъ своихъ разсужденіяхъ и примѣчаніяхъ. См. Protagor.; Theaet. p. 152 A, 177 C. Apolog. 28 E. Gorg. p. 512 A et al.

[2] Е с л и, т о е с т ь, и с т и н а — в ъ т о м ъ. Сократъ и здѣсь и въ слѣдующихъ далѣе словахъ, по видимому, указываетъ на сочиненіе Протагора, озаглавленное словомъ Ἀλήθεια. Подобное косвенное указаніе мы видимъ и въ Теэтетѣ p. 171 C: οὐδενὶ ἂν εἴη ἡ Πρωταγόρου Ἀλήθεια ἀληθής. Ib. p. 162 A: εἰ. ἀληθὴς ἡ Ἀλήθεια Πρ· Ибо въ этомъ сочиненіи объяснялось знаменитое его мнѣніе о человѣкѣ, какъ мѣрѣ всѣхъ вещей.

есть разумность и неразумность, то рѣшительно невозможно, чтобы Протагоръ говорилъ истину, потому что одинъ, по правдѣ, ничѣмъ не былъ бы умнѣе другаго, если бы что̀ каждому представляется, то для каждаго было бы и истинно.

D. *Ерм.* Такъ.

Сокр. Равнымъ образомъ не кажется тебѣ, думаю, и ученіе Эвтидема, что для всѣхъ вмѣстѣ и всегда все равно; ибо тогда не было бы ни добрыхъ, ни злыхъ, если бы добродѣтель и порокъ были равны для всѣхъ.

Ерм. Справедливо говоришь.

Сокр. А когда и не для всѣхъ все вмѣстѣ и всегда равно [1], и не для каждаго въ каждой вещи свое, такъ уже явно, что есть предметы, имѣющіе какую-то непреложную сущ-
E. ность сами [2] въ себѣ, не для насъ и не отъ насъ,—влекомые нашимъ представленіемъ туда и сюда,—но существующіе по себѣ, для своей сущности, съ которою срослись.

Ерм. Это, Сократъ, мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Неужели же сами они таковы, а дѣйствія ихъ не такого свойства? Или и это самое—дѣйствія—не есть ли одинъ какой-то видъ вещей?

---

[1] Опровергнувъ умствованіе Протагора, Сократъ видитъ, что Ермогенъ, если только не хочетъ онъ противорѣчить самому себѣ, не можетъ одобрить и положеніе Эвтидема, который природу вещей почиталъ вездѣ тою же, и по этому случаю изъ вышеприведенныхъ посылокъ выводитъ заключеніе о ничтожествѣ Эвтидемова мнѣнія. Эвтидемъ держался воззрѣнія Протагорова, которое однако, чтобы привнесть къ нему что либо новое, нѣсколько измѣнилъ. По его понятію, вещи таковы, какими кому кажутся, слѣдовательно для всѣхъ вообще людей вездѣ и непрестанно онѣ тѣ же. Онъ разумѣлъ здѣсь, безъ сомнѣнія, всегдашнее тожество производимыхъ вещами впечатлѣній, поколику они берутся отвлеченно. Вотъ какъ мнѣнія Протагора и Эвтидема различаетъ Проклъ, p. 15: «Иное, говоритъ онъ, ученіе Протагорово, иное Эвтидемово; по смыслу перваго, не представляется ничего подлежащаго, что̀ было бы таково или таково, кромѣ чувствуемаго чрезъ смѣшеніе вещей дѣятельныхъ и страдательныхъ, а по взгляду Эвтидемову, каждое недѣлимое производитъ все вмѣстѣ и всегда, и производитъ все справедливое. И такъ, эти софисты, вышедши изъ различныхъ началъ, сошлись въ одномъ заключеніи».

[2] Силу и природу вещей почитаетъ Сократъ не субъективною, о которой надобно судить въ зависимости отъ чувственныхъ нашихъ ощущеній, а скорѣе объективною, которая существуетъ сама по себѣ и отъизвнѣ не зависитъ.

Ерм. Конечно, и это.

Сокр. Стало быть, и дѣйствія совершаются по ихъ природѣ, а не по нашему мнѣнію. Если, напримѣръ, мы возьмемся что нибудь существующее разсѣчь, то надобно ли намъ отдѣльную вещь разсѣкать, какъ бы мы ни захотѣли и чѣмъ бы ни захотѣли, или, желая извѣстный предметъ разсѣчь, мы будемъ это дѣлать согласно съ природою, чтобы, то есть, и разсѣкать его, и онъ разсѣкался естественно? Вѣдь тогда только, разсѣкая его, мы успѣемъ въ этомъ и поступимъ правильно: напротивъ, разсѣкая вопреки природѣ, погрѣшимъ и ничего не сдѣлаемъ? 387.

Ерм. Мнѣ кажется, такъ. B.

Сокр. Равнымъ образомъ, если мы возьмемся жечь, слѣдуя ли всякому мнѣнію будемъ жечь, или только правильному? А это мнѣніе,—то, по которому каждый предметъ жгутъ, и онъ жжется,—естественно и согласно съ природою.

Ерм. Такъ.

Сокр. Не такъ ли и прочее?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но и говорить не есть ли одно изъ дѣйствій?

Ерм. Да.

Сокр. Такъ ли говоря, какъ кому покажется говорить, будетъ онъ говорить правильно, или больше успѣетъ и скажетъ, если начнетъ говорить о вещахъ естественно и какъ позволяютъ онѣ говорить о себѣ, а когда не такъ,—погрѣшитъ и ничего не сдѣлаетъ? C.

Ерм. Мнѣ кажется, такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но наименованіе не есть ли часть говора? ибо выражаютъ рѣчи, вѣроятно, именами.

Ерм. Конечно.

Сокр. Не есть ли и наименованіе нѣкоторое дѣйствіе, если и говоръ о вещахъ былъ нѣкоторымъ дѣйствіемъ?

Ерм. Да.

Сокр. Дѣйствія же представлялись намъ дѣйствіями не для насъ, но чѣмъ-то имѣющимъ собственную свою природу. D.

Ерм. Такъ.

Сокр. Поэтому не слѣдуетъ ли и именовать вещи такъ, какъ и чѣмъ естественно именоваться имъ, а не такъ, какъ мы захотѣли бы, если думаемъ устоять въ прежнихъ своихъ соглашеніяхъ? И такимъ образомъ мы успѣшнѣе были бы въ наименованіи, а иначе нѣтъ.

Ерм. Видимо.

Сокр. Хорошо же; что надлежало разсѣчь, то надлежало, говорили мы, разсѣчь чѣмъ нибудь?

Ерм. Да.

E. *Сокр*. Также, что надлежало ткать, надлежало ткать чѣмъ нибудь, и что надлежало просверлить, надлежало просверлить чѣмъ нибудь?

Ерм. Конечно.

Сокр. А что надлежало назвать, надлежало назвать чѣмъ нибудь?

388. *Ерм*. Такъ.

Сокр. Что̀ же будетъ то, чѣмъ надлежало просверлить?

Ерм. Буравъ.

Сокр. А то, чѣмъ ткать?

Емр. Челнокъ.

Сокр. А то, чѣмъ назвать?

Ерм. Имя.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Стало быть, и имя есть нѣкоторое орудіе.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но если бы я спросилъ: что за орудіе челнокъ? Не то ли это, чѣмъ ткутъ?

Ерм. Да.

B. *Сокр*. А что дѣлаемъ мы, когда ткемъ? Не утокъ ли, и не раздѣляемъ ли сплошную основу?

Ерм. Да.

Сокр. Не то же ли скажешь ты и о буравѣ, и о прочемъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ не сказать ли того же и объ имени? Назвавъ имя орудіемъ, что дѣлаемъ мы имъ?

Ерм. Не могу сказать.

Сокр. Не учимъ ли чему другъ друга, и не различаемъ ли вещей, каковы онѣ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, имя есть орудіе какое-то учительное C.
и назначенное для раздѣленія сущности, какъ челнокъ для раздѣленія основы.

Ерм. Да.

Сокр. А челнокъ есть орудіе ткацкое?

Ерм. Какъ же не ткацкое!

Сокр. Стало быть, ткачъ будетъ дѣйствовать челнокомъ хорошо; хорошо же,—значитъ, по-ткацки. А учитель будетъ пользоваться именемъ хорошо; хорошо же,—значитъ, по-учительски.

Ерм. Да.

Сокр. Но чьимъ дѣломъ ткачъ дѣйствуетъ хорошо, когда дѣйствуетъ челнокомъ?

Ерм. Дѣломъ плотника.

Сокр. Всякій ли—плотникъ, или только тотъ, кто знаетъ искусство?

Ерм. Кто знаетъ искусство.

Сокр. Чьимъ дѣломъ хорошо дѣйствуетъ сверлильщикъ, D.
когда дѣйствуетъ буравомъ?

Ерм. Дѣломъ кузнеца.

Сокр. А всякій ли кузнецъ, или только тотъ, кто знаетъ искусство?

Ерм. Кто знаетъ искусство.

Сокр. Пускай. Но чьимъ дѣломъ пользуется учитель, когда пользуется именемъ?

Ерм. И этого не могу сказать.

Сокр. И того-то не можешь ты сказать, кто передалъ намъ имена, которыми мы пользуемся?

Ерм. Въ самомъ дѣлѣ не могу.

Сокр. Не кажется ли тебѣ, что передалъ намъ ихъ законъ?

Ерм. Походитъ.

E. *Сокр*. Стало быть, учитель пользуется дѣломъ законодателя [1], когда пользуется именемъ?

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. А законодателемъ кажется тебѣ всякій человѣкъ, или только тотъ, кто знаетъ искусство?

Ерм. Кто знаетъ искусство.

Сокр. И такъ, давать имена, Ермогенъ, есть дѣло не вся-
389. каго человѣка, а только художника именъ. А художникъ ихъ, какъ видно, есть законодатель, который изъ художниковъ между людьми весьма рѣдкій.

Ерм. Походитъ.

Сокр. Разсмотри же теперь, на что смотря, законодатель даетъ имена? Изслѣдуй это изъ прежняго. На что смотря, плотникъ дѣлаетъ челнокъ? Не на то ли, что̀ способствуетъ тканію?

Ерм. Конечно.

Сокр. Что же? если челнокъ, когда онъ дѣлаетъ его,
B. раскалывается, то, смотря ли на расколовшійся, будетъ онъ дѣлать другой, или на тотъ видъ, по которому дѣлалъ и расколовшійся?

Ерм. Мнѣ кажется, на тотъ видъ.

Сокр. Такъ не совершенно ли справедливо тотъ видъ назовемъ мы челнокомъ самимъ въ себѣ?

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Если же челнокъ дѣлается, для тонкой ли то или

---

[1] Ὁ νόμος, законъ, имѣетъ также значеніе обычая, или навыка; поэтому Ермогенъ еще выше призналъ, что имена, по его мнѣнію, прилагаются къ вещамъ νόμῳ καὶ ἔθει τῶν ἐθισάντων. Имѣя это въ виду, Сократъ теперь спрашиваетъ: Ἆρ' οὐχὶ ὁ νόμος δοκεῖ σοὶ εἶναι ὁ παραδοὺς ταῦτα; и чрезъ это самое приходитъ къ тому слѣдствію, что νομοθέτου ἄρα ἔργῳ χρήσεται κ. τ. λ. Такимъ образомъ, чтобы собесѣднику легче было отвѣчать, Сократъ спрашиваетъ теперь не о самомъ налагателѣ именъ, а скорѣе о томъ, кто передалъ ихъ. Изъ этого ясно, почему здѣсь употребляется слово νομοθέτης.

толстой, для льняной или шерстяной ткани,—вообще для какой бы ни было; то не надобно ли смотрѣть на видъ челнока, и для какой именно ткани былъ бы онъ наилучшимъ, не такимъ ли по природѣ слѣдуетъ и приготовлять C.
его для каждой работы?

Ерм. Да.

Сокр. И въ отношеніи къ прочимъ-то орудіямъ тотъ же способъ. Изобрѣтши для недѣлимаго орудіе, свойственное ему по природѣ, надобно полагать его въ той матеріи, изъ которой оно сдѣлано, и полагать не какъ самъ хочешь, а какъ свойственно; потому что буравъ, напримѣръ, по природѣ надобно къ недѣлимому умѣть полагать въ желѣзѣ.

Ерм. Конечно.

Сокр. А челнокъ, по природѣ свойственный недѣлимому, —въ деревѣ.

Ерм. Такъ.

Сокр. Ибо особый челнокъ у насъ по природѣ былъ, какъ D.
видно, для каждаго рода ткани; то же и о прочемъ.

Ерм. Да.

Сокр. Такъ и имя, свойственное по природѣ недѣлимому, почтеннѣйшій [1], не должно ли тому законодателю умѣть полагать въ звукахъ и слогахъ и, смотря на это самое, чтò такое имя, составлять и придавать всѣ имена, если онъ хочетъ быть вѣрнымъ ихъ придавателемъ?—А что каждый законодатель полагаетъ названіе не въ тѣхъ же самыхъ слогахъ, то относительно этого не должно оставаться въ незна- E.
ніи. Вѣдь и всякій кузнецъ, дѣлая то же самое орудіе для той же самой вещи, полагаетъ его не въ то же самое желѣзо, хотя, изъ другаго ли желѣза сдѣлано оно, здѣсь ли 390.

---

[1] Отъ изобрѣтателя именъ Сократъ требуетъ двухъ дѣлъ: во первыхъ, онъ долженъ изобрѣтать имена примѣнительно къ звукамъ и слогамъ, чтобы чрезъ то самая природа вещей выражалась вѣрнѣйшимъ образомъ; во вторыхъ, онъ долженъ имѣть идею имени, подобно тому, какъ дѣлатель челнока, при постройкѣ этого орудія, держитъ въ умѣ самый видъ его. Отсюда p. 390 A: ἕως ἂν τὸ τοῦ ὀνόματος εἶδος ἀποδιδῷ τὸ προσῆκον ἑκάστῳ ἐν ὁποιαιστοῦν συλλαβαῖς.

сдѣлано, или у варваровъ, пока имѣется въ виду одна и та же идея,—оно правильно. Не такъ ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. Такимъ образомъ не допустишь ли ты, что законодатель и здѣсь и у варваровъ, пока онъ держится вида имени, приличнаго недѣлимому въ какихъ бы то ни было слогахъ, ничѣмъ не хуже законодатель здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ?

Ерм. Конечно.

B. *Сокр.* Кто же будетъ знать, приличный ли челноку видъ положенъ въ какомъ нибудь деревѣ? Сдѣлавшій ли его плотникъ, или пользующійся имъ ткачъ?

Ерм. Больше правдоподобно, Сократъ, что пользующійся.

Сокр. А кто будетъ пользоваться дѣломъ лирщика? не тотъ ли, кто умѣетъ наилучшимъ образомъ наблюдать надъ работающимъ и судить о его работѣ, хорошо ли она произведена, или нѣтъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Кто, то есть?

Ерм. Цитристъ.

Сокр. А судить о работѣ кораблестроителя?

C. *Ерм.* Кормчій.

Сокр. Но кто въ состояніи наилучшимъ образомъ наблюдать надъ дѣломъ законодателя и судить о его работѣ, какъ здѣсь, такъ и у варваровъ? Не тотъ ли, кто будетъ ею пользоваться?

Ерм. Да.

Сокр. А это не тотъ ли, кто умѣетъ спрашивать?

Ерм. Конечно.

Сокр. Равно какъ и самъ отвѣчать?

Ерм. Да.

Сокр. Умѣющаго же спрашивать и отвѣчать иначе ли назовешь ты, чѣмъ діалектикомъ?

Ерм. Не иначе, а такъ.

D. *Сокр.* Стало быть, строить руль есть дѣло плотника, подъ

надзоромъ кормчаго, если руль долженъ быть построенъ хорошо.

Ерм. Явно.

Сокр. А давать имя-то есть, какъ видно, дѣло законодателя, состоящаго подъ надзоромъ діалектика, если имена должны быть даваемы хорошо.

Ерм. Такъ.

Сокр. Поэтому не худо должно быть и то, какъ ты думаешь [1], Ермогенъ,—что, то есть, прикладываніе именъ есть дѣло не плохихъ и не случайныхъ людей; да справедливо говоритъ и Кратилъ, утверждая, что вещи получаютъ свои имена отъ природы и что не всякій есть составитель именъ, E.
а только тотъ, кто смотритъ на имя каждаго предмета въ отношеніи къ природѣ и можетъ видъ сего полагать въ буквахъ и слогахъ.

Ерм. Я не нахожу, Сократъ, чтò надлежало бы противопоставить твоимъ словамъ. Впрочемъ не легко такъ вдругъ согласиться съ тобою; мнѣ кажется, скорѣе можно повѣрить 391.
тебѣ, если ты покажешь, чтò, по твоему мнѣнію, составляетъ правильность имени по природѣ.

Сокр. Я, почтеннѣйшій Ермогенъ, не говорю ни о какой правильности; ты забылъ сказанное мною немного прежде, что я не знаю этого и что могу разсматривать это только вмѣстѣ съ тобою. И вотъ теперь, когда мы, я и ты, разсматриваемъ это, намъ, противъ прежняго, представляется уже такъ много, что имя имѣетъ у насъ какую-то правильность по природѣ, и что не всякому человѣку подручно умѣть хорошо прилагать его къ чему бы то ни было. Не такъ ли? B.

Ерм. Конечно.

Сокр. И такъ, послѣ сего мы должны изслѣдовать, если желаешь знать, что такое его правильность.

Ерм. Да, я конечно желаю знать.

---

[1] Какъ ты думаешь. Относящіяся сюда мысли Ермогена чит. р. 384 D.

Сокр. Разсматривай же.

Ерм. Но какимъ образомъ разсматривать?

Сокр. Самое правильное дѣло, другъ мой, разсматривать съ знающими, платя имъ деньги и воздавая благодарность. Такіе люди—софисты, переплативъ которымъ много денегъ,
C. и братъ твой Калліасъ [1] кажется мудрецомъ. А такъ какъ ты не распоряжаешься отцовскимъ наслѣдствомъ, то долженъ докучать брату и просить его, чтобы онъ научилъ тебя правильности касательно этого, какъ узналъ о ней отъ Протагора [2].

Ерм. Вотъ ужъ странною была бы моя просьба, Сократъ, если бы тогда, какъ истины Протагоровой я вовсе не принимаю, то, что говорится въ такой истинѣ, принималъ, какъ нѣчто стоющее вниманія.

Сокр. Когда же не нравится тебѣ это, такъ надобно
D. учиться у Омира [3] и у другихъ поэтовъ.

---

[1] О щедрости Калліаса относительно софистовъ см. Apolog. Socr. p. 20 A. О дружескихъ же его связяхъ съ софистами, а особенно съ Протагоромъ, см. Protagor. p. 314 C sqq. Theaet. p. 165 A. Xenoph. Symp. 1, 5.

[2] По видимому, здѣсь имѣется въ виду такъ называемая ὀρθοέπεια Протагора, которая занималась, безъ сомнѣнія, изъясненіемъ свойственныхъ словамъ грамматическихъ формъ и показаніемъ правильнаго ихъ употребленія. См. Aristot. Rhetor. III, 5. De sophistar. elenchis—p. 574, ed. Buhl. et Sprengel. Artium scriptorr. p. 472 sqq. Совсѣмъ иное было у Протагора ἡ τῶν ὀνομάτων ὀρθότης, разсуждавшая о происхожденіи и природѣ словъ и бывшая частію книги, подъ заглавіемъ Ἀλήθεια, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ и настоящее мѣсто. (Снес. p. 386 C). Абдеритянинъ, кажется, вышелъ изъ того положенія, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, и отсюда приходилъ къ заключенію, что и самое начало словъ должно быть производимо отъ чувствъ, чтобы имена вещей были естественны. Слѣдъ этого ученія замѣтенъ въ Протагорѣ (p. 332 A): Ἐπειδὴ δὲ ὁ ἄνθρωπος θείας μετέσχε μοίρας, πρῶτον μὲν θεοὺς ἐνόμιζε.—ἔπειτα φωνὴν καὶ ὀνόματα ταχὺ διηρθρώσατο τῇ τέχνῃ, καὶ οἰκήσεις καὶ ἐσθῆτας—εὕρετο. И такъ, Протагоръ, кажется, полагалъ, что и имена вещей для каждаго таковы, какими они постигаются и понимаются въ зависимости отъ чувствъ, и потому они естественны. А отсюда явно, почему Ермогенъ, утверждавшій противное, говоритъ съ такимъ презрѣніемъ о Протагоровой Ἀλήθεια.

[3] Показавши на взглядъ справедливость Кратилова мнѣнія, Сократъ съ этого мѣста начинаетъ въ духѣ Кратила разсуждать такъ, что поставляетъ предъ очами самый вѣрный образъ того способа, которымъ люди подобнаго рода пользовались при изслѣдованіи и обсужденіи происхожденія словъ. Поэтому слѣдую-

Ерм. А что же говоритъ Омиръ объ именахъ, Сократъ? и гдѣ?

Сокр. Во многихъ мѣстахъ, особенно же важно и прекрасно тамъ, гдѣ онъ различаетъ, какими именами одни и тѣ же предметы называютъ люди, и какими боги. Развѣ ты не думаешь, что въ этихъ случаяхъ слова его важны и удивительны относительно правильности именъ? Вѣдь ужъ явно, что боги-то употребляютъ имена точно тѣ, какія свойственны природѣ. Или не думаешь? E.

Ерм. Да, я, конечно, хорошо знаю, что если они называютъ, то называютъ правильно: но на что именно указываешь ты?

Сокр. Развѣ тебѣ не извѣстно, что троянскую рѣку, которая единоборствовала съ Идестомъ, боги, по словамъ Омира, называютъ Ксанѳомъ [1], а люди Скамандромъ?

Ерм. Извѣстно.

Сокр. Такъ что же? Не думаешь ли, что важное дѣло знать, 392.
почему больше правильно называть ту рѣку Ксанѳомъ, чѣмъ Скамандромъ? Теперь, если хочешь, и касательно птицы, по его же словамъ,

Въ сонмѣ безсмертныхъ слывущей Халкидой, у смертныхъ Киминдой,—

щихъ за симъ разсужденій, явно усвояемыхъ тогдашнимъ грамматикамъ, никакъ не должно вводить въ кругъ убѣжденій Платоновыхъ. Напротивъ, у Платона здѣсь все направлено къ тонкому и ловкому осмѣянію софистической этимологіи. Этимъ только можно объяснить, почему и самыя нелѣпыя производства словъ съ такою отчаянною смѣлостію выставляются здѣсь какъ бы совершенно справедливыя. Съ этою же цѣлію, безъ сомнѣнія, упоминаетъ теперь Платонъ и о словахъ омирическихъ; ибо софисты, чтобы придать болѣе важности своимъ словотолкованіямъ, обыкновенно ссылались на авторитетъ Омира и Исіода. (Сравн. p. 392 A, B; 397 C; 407 A; 408 A; 410 B. C al). Подъ Эвтифрономъ, ученіе котораго Сократъ, для изложенія Кратилова мнѣнія, притворяется слушавшимъ, разумѣется, конечно, тотъ самый провѣщатель Эвтифронъ, именемъ котораго озаглавленъ одинъ изъ разговоровъ Платона. Онъ былъ убѣжденъ въ себѣ такъ, что будто бы не говорилъ ничего маловажнаго, ничего низкаго, ничего смертнаго. Поэтому и о производствѣ словъ толковалъ не иначе, какъ подъ наитіемъ какого-то божественнаго вдохновенія и изступленія. На такое его состояніе указываютъ между прочимъ Εὐθύφρονος ἵπποι, p. 409 D.

[1] См. Iliad. XX, 74.

худое ли дѣло знать, насколько правильнѣе той же самой птицѣ придавать названіе Халкиды, чѣмъ Киминды [1]? Встрѣчаемъ мы также Ватіею [2] и Мирину, и многія другія на-
B. званія, какъ у этого поэта, такъ и у иныхъ. Но изслѣдованія прочихъ названій можетъ быть выше насъ,—меня и тебя: разсмотрѣніе же Скамандрія и Астіанакса соразмѣрнѣе, какъ мнѣ кажется, съ силами человѣческими и легче; а эти имена, говоритъ Омиръ, принадлежали сыну Гектора, и показываетъ, какова ихъ правильность. Вѣроятно, ты знаешь стихи, въ которыхъ заключается то, о чемъ я говорю.

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ думаешь ли, что Омиръ изъ этихъ именъ почиталъ болѣе правильнымъ прилагать къ сыну имя Астіанакса, чѣмъ Скамандрія?

C. *Ерм*. Не могу сказать.

Сокр. Но разсматривай вотъ какъ. Если бы кто спросилъ тебя: умные ли люди правильнѣе даютъ имена, или неразумные?

Ерм. Очевидно, я сказалъ бы, что умные.

Сокр. Но женщины ли въ городахъ, если говорить о цѣломъ родѣ, кажутся тебѣ умнѣе, или мужчины?

Ерм. Мужчины.

Сокр. Не знаешь ли ты, что, по словамъ Омира, ребе-
D. нокъ Гекторовъ названъ Астіанаксомъ отъ троянцевъ, Скамандріемъ же, явно, что отъ [3] женщинъ, такъ какъ у мужчинъ-то онъ былъ Астіанаксъ?

Ерм. Походитъ.

Сокр. А троянцевъ не почиталъ ли и Омиръ болѣе мудрыми, чѣмъ женщинъ ихъ?

---

[1] См. Iliad. XIV, 291.

[2] См. Iliad. II, 813.

[3] Между тѣмъ Омиръ (Iliad. VI, 402) ясно говоритъ, что Скамандріемъ назвалъ его самъ Гекторъ: τὸν ῥ Ἕκτωρ καλέεσκε Σκαμάνδριον, αὐτὰρ οἱ ἄλλοι Ἀστυάνακτ᾽, οἶος γὰρ ἐρύετο Ἴλιον Ἕκτωρ. Поэтому Платонъ, кажется, съ намѣреніемъ опустилъ это мѣсто, и поставилъ на видъ только Iliad. XXII, 506: Ἀστυάναξ, ὃν Τρῶες ἐπίκλησιν καλέουσιν· οἶος γάρ σφὶν ἔρυτο πύλας καὶ τείχεα μακρά.

Ерм. Я думаю.

Сокр. Стало быть, онъ полагалъ, что къ сыну его правильнѣе прилагать имя Астіанакса, чѣмъ Скамандрія?

Ерм. Видимо.

Сокр. Разсмотримъ же, почему это? Или самъ онъ не открываетъ ли намъ прекрасно причину этого, когда говоритъ: «могъ онъ одинъ защищать ихъ городъ и длинныя стѣны». E.
Значитъ, потому, какъ видно, правильно было сыну этого защитника дать имя Астіанакса, что оно выдержано отцомъ его, какъ говоритъ Омиръ.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Что же это будетъ? Я и самъ тутъ ничего не понимаю, Ермогенъ; а ты понимаешь?

Ерм. Клянусь Зевсомъ,—и я.

Сокр. И Гектору-то, добрякъ, приложилъ имя не самъ ли 393.
Омиръ?

Ерм. Почему такъ?

Сокр. Потому, мнѣ кажется, что и оно близко къ Астіанаксу, и оба эти имени походятъ на эллинскія,—такъ какъ ἄναξ и ἕκτωρ означаютъ почти одно и то же,—оба эти имени царскія; ибо чей кто былъ бы ἄναξ (царь), въ отношеніи къ тому онъ былъ бы, вѣроятно, и ἕκτωρ (обладатель), такъ какъ, очевидно, господствуетъ надъ нимъ, обладаетъ имъ и имѣетъ его. Или тебѣ кажется, что я ничего не говорю, что я недоразумѣваю и думаю, какъ бы B.
лишь напасть на какой-то слѣдъ Омировой мысли о правильности именъ?

Ерм. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не то, какъ мнѣ кажется; ты, можетъ быть, напалъ на что-то.

Сокр. Вѣдь правильно-таки, какъ мнѣ представляется, порожденіе льва называть львомъ, а порожденіе коня—конемъ. Не говорю о томъ, чтò раждается какъ бы уродомъ,—отъ коня чѣмъ-то не такимъ, чтò конь; говорю о родовомъ порожденіи, согласномъ съ природою. Если конь, вопреки природѣ, производитъ порожденіе быка по природѣ, то уже C.

не жеребенкомъ надобно назвать его, а теленкомъ. Равнымъ образомъ, если бы и отъ человѣка, думаю, произошло порожденіе не человѣка, этого порожденія не слѣдуетъ называть человѣкомъ. И дерева, и все такимъ же образомъ. Или тебѣ не кажется?

Ерм. Кажется.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Наблюдай же за мною, чтобы я какъ нибудь не обманулъ тебя. Вѣдь на этомъ же основаніи, если порожденіе происходитъ отъ царя,—оно
D. должно быть называемо царемъ: тѣми ли слогами означается оно, или другими,—это все равно; прибавляется какая буква, или отбрасывается,—и это ничего не значитъ, пока имѣетъ силу проявляющаяся въ имени сущность дѣла.

Ерм. Какъ это говоришь ты?

Сокр. Не хитро. Ты знаешь, что мы произносимъ имена стихій (слова), а не самыя стихіи,—за исключеніемъ четы-
E. рехъ: ε, υ, ο, ω,—и что, обстанавливая ихъ другими гласными и согласными, означаемъ такимъ образомъ прочія буквы и составляемъ ихъ имена. И пока въ имени полагается проявляющаяся сила стихіи, правильно будетъ называть именемъ то, что̀ она открываетъ намъ. Напримѣръ, витѣ присоединеніе η, τ и α, видишь, нисколько не повредило, чтобы цѣлымъ именемъ этой стихіи, котораго хотѣлъ законодатель, нельзя было выразить ея природы. Такъ умѣлъ онъ хорошо давать имена буквамъ.

Ерм. Мнѣ кажется, ты говоришь правду.

Сокр. Не то же ли самое и о царѣ? Вѣдь отъ царя, вѣро-
394. ятно, будетъ царь, отъ добраго добрый, отъ прекраснаго прекрасный, и все такимъ же образомъ,—изъ каждаго рода другое такое же порожденіе, если не произойдетъ уродъ. Поэтому надобно прилагать къ нимъ тѣ же имена. Можно оразноображивать ихъ слогами, чтобы показать неразумному, что, при существенномъ своемъ тожествѣ, они отличны другъ отъ друга. Какъ лѣкарства врачей, различающіяся цвѣтомъ и запахомъ, намъ, при ихъ тожественности,

кажутся иными, а врачу, разсматривающему силу лѣкарствъ, представляются тѣми же и не изумляютъ его примѣсью: такъ, можетъ быть, и знатокъ въ именахъ смотритъ на силу ихъ и не изумляется, если прибавляется къ нимъ буква, или переставляется, или отбрасывается, или сила имени заключается и въ совершенно иныхъ буквахъ. Вотъ и въ сказанномъ сейчасъ примѣрѣ, Астіанаксъ и Гекторъ состоятъ вовсе не изъ тѣхъ же буквъ, кромѣ буквы τ, одна- C.
кожъ означаютъ одно и то же. Такъ-то и Археполисъ что общаго имѣетъ въ буквахъ? а выражаетъ то же самое. Много и другихъ именъ, которыя не означаютъ ничего, кромѣ царя; а иныя-то опять означаютъ военачальника, каковы: Агисъ, Полемархъ, Эвполемъ. Бываютъ также и врачебныя, напримѣръ: Ятроклъ, Акесимвротъ. Можетъ быть, нашли бы мы множество и другихъ, по слогамъ и буквамъ различныхъ, а по силѣ выражающихъ одно и то же. Кажется такъ, или нѣтъ?

Ерм. Ужъ конечно кажется. D.

Сокр. Такъ раждающимся по природѣ надобно давать тѣ же названія.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но что, если противъ природы,—если раждаются въ видѣ уродовъ? Напримѣръ, когда отъ человѣка добраго и благочестиваго раждается нечестивый: не такъ же ли надобно поступить, какъ мы сказали прежде, если бы конь произвелъ порожденіе быка,—надлежало бы, то есть, порожденію дать имя не родившаго, а рода, къ которому оно относится?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, и нечестивому, родившемуся отъ бла- E.
гочестиваго, надобно дать имя его рода.

Ерм. Такъ.

Сокр. То есть, имя, какъ видно, не Ѳеофила, не Мнисиѳеоса и никакое подобное, а такое, которое имѣетъ про-

тивное этимъ значеніе, если только названія должны быть правильны.

Ерм. По крайней мѣрѣ всего болѣе, Сократъ.

Сокр. Такъ-то и Орестъ, должно быть, правильно названъ, Ермогенъ, искусство ли какое приложило къ нему это имя, или какой поэтъ, указывая именемъ на звѣрство его природы, на его дикость и горную (ὀρεινόν) натуру.

395. *Ерм.* Видимо, такъ, Сократъ.

Сокр. Пристало вѣдь это имя и отцу его по природѣ.

Ерм. Видимо.

Сокр. Должно быть такой какой-то и Агамемнонъ, когда надъ тѣмъ, что показалось ему, работаетъ и упорствуетъ, положивъ конецъ мнѣніямъ для добродѣтели. Доказательствомъ его упорства служитъ неотступное стояніе греческой толпы подъ Троею. Такъ что этотъ человѣкъ былъ по своей стоянкѣ (ἐπιμονῇ) удивителенъ (ἀγαστός): это самое выражает-
B. ся именемъ Агамемнонъ. Можетъ быть, правильно приложено къ нему и имя Атрей [1]: ибо убіеніе Хризиппа и то, что̀ жестокаго сдѣлалъ онъ по отношенію къ Θіэсту,—все это вредоносно и гибельно (ἀτηρά) для добродѣтели (ἀρετήν). Такъ названіе его этимъ именемъ мало отступаетъ отъ дѣла и прячется подъ покрываломъ, чтобы не всѣмъ была извѣстна природа этого человѣка: говорящимъ объ именахъ довольно видно, что̀ значитъ Атрей. Возьмешь ли τὸ ἀτειρές
C. (несокрушимый), или τὸ ἄτρεστον (безтрепетный), или τὸ ἀτηρόν (гибельный),—во всякомъ случаѣ имя къ нему приложено правильно. Мнѣ кажется, что прилично дано имя и Пелопсу; потому что Пелопсъ означаетъ человѣка близорукаго, и такого названія онъ заслуживаетъ.

Ерм. Какъ же это?

---

[1] Хризиппъ былъ сынъ Пелопса и Астіопы. Такъ какъ отецъ любилъ его почти исключительно, то мачиха его Ипподамія, негодуя на это, расположила двухъ своихъ сыновей, Атрея и Θіэста, убить его (см. Hygin. f. 85. Pausan. VI, 20). О жестокомъ поступкѣ Атрея съ Θіэстомъ см. Hygin. f. 88. Pausan. II, 18.

Сокр. Объ этомъ человѣкѣ говорятъ, напримѣръ, что въ убійствѣ Миртила [1] онъ не предугадывалъ и не предвидѣлъ ничего, что̀ въ будущемъ произойдетъ для всего рода, какому отъ того подвергнется онъ бѣдствію,—когда, смотря только на близкое и настоящее,—что̀ и значитъ πέλας,— D.
старался всѣми силами взять сторону жены своей Ипподаміи. А что касается до Тантала, то всякій согласится, что къ нему имя приложено правильно и по природѣ, если только справедливо все, о немъ разсказываемое.

Ерм. Что же это такое?

Сокр. Онъ еще при жизни испыталъ много ужасныхъ несчастій, въ заключеніе которыхъ и отечество его было всецѣло разрушено, а послѣ смерти, въ преисподней, надъ его головою, въ соотвѣтствіе его имени, удивительно E.
повѣшенъ камень. И просто выходило, будто бы кто, желая назвать висящее (ταλάνταvον), назвалъ прикровенно, и, вмѣсто ταλάνταvον, сказалъ Τάνταλον. Такое-то, какъ видно, жребій молвы произвелъ имя и для него. Явно, что и къ отцу его, такъ называемому Зевсу, прекрасно приложено было имя; только не легко понять его. Вѣдь имя Зевса есть просто какъ бы слово: раздѣливъ же его на двое, 396.
одни изъ насъ пользуются одною его частію, другіе—другою,—одни, то есть, называютъ его Зиномъ (Ζῆνα), другіе Діемъ (Δία). Сложенныя же въ одно, эти части выражаютъ природу Бога,—что̀ и свойственно, говоримъ, дѣлать имени; ибо ни въ насъ ни во всѣхъ другихъ нѣтъ ничего, почему бы кто больше былъ причиною жизни (τοῦ ζῆν), чѣмъ правитель и царь всѣхъ. И такъ, слѣдуетъ, что онъ правильно

---

[1] Нѣкогда Пелопсъ, путешествуя съ Ипподаміею, сошелъ съ колесницы, чтобы поискать ключевой воды, и ушелъ далеко. Ипподамія, оставшись одна съ кучеромъ Миртиломъ, вздумала располагать его къ преступной любви. Но Миртилъ не послушался ея. Тогда она стала обвинять Миртила предъ Пелопсомъ, будто бы онъ посягалъ на ея цѣломудріе. Выслушавъ эту клевету, Пелопсъ бросилъ своего кучера въ ближнее море, которое отъ имени брошеннаго получило свое названіе. См. Thzetzcs ad Lycophron. v. 156. Съ того времени домъ Пелопса сталъ подвергаться страшнымъ бѣдствіямъ. Sophocl. Electr. 508.

B. называется богомъ, чрезъ котораго всегда получаютъ жизнь (δι᾽ ὃν ζῆν) всѣ существа живущія. Но это выраженіе распалось, какъ говорю, на двое, на имена Дія и Зина. Слушающему же сразу можетъ показаться, что этотъ сынъ Кроноса своевоіенъ; да такъ и слѣдуетъ, чтобы Зевсъ былъ порожденіемъ нѣкоего великаго разума: потому что Кроносъ означаетъ не мальчика (κόρον), а чистоту и незапятнанность его ума (νοῦς). Этотъ же, какъ говоритъ преданіе, есть
C. сынъ Урана,—и такимъ именемъ хорошо выражается смотрѣніе вверхъ. Уранія значитъ: смотрящая на выспреннее (ὁρῶσα τὰ ἄνω). Оттого-то и говорятъ, Ермогенъ, что верхогляды являются чистыми умами, и что небу (οὐρανῷ) правильно дано имя. И если бы я помнилъ генеалогію Исіода, о какихъ еще отдаленнѣйшихъ предкахъ ихъ говоритъ онъ, то не пересталъ бы доказывать, какъ правильно приложены къ нимъ имена, пока не испыталъ бы, чтò можетъ сдѣлать такая мудрость, замолчитъ ли она, или нѣтъ,—та
D. мудрость, которую теперь вдругъ навѣяло на меня, не знаю откуда-то.

Ерм. Ты и въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, представляешься мнѣ просто-таки какъ тѣ восторженники, произносящіе сразу свои провѣщанія.

Сокр. И причина-то восторженности, Ермогенъ, перешла въ меня, думаю, особенно отъ Эвтифрона проспалтійскаго; потому что я поутру долго бесѣдовалъ съ нимъ и слушалъ его. Такъ вотъ, въ своемъ восторгѣ, онъ геніальною мудростію, должно быть, не только наполнилъ мои уши, но и
E. занялъ мою душу. Поэтому, мнѣ кажется, надобно намъ поступить такъ: сегодня воспользоваться ею и разсмотрѣть прочее относительно именъ; а завтра, если вамъ будетъ угодно, отвратить ее жертвенно и очиститься, нашедши, кто
397 въ силахъ очищать это,—изъ жрецовъ ли кого нибудь, или изъ софистовъ.

Ерм. Я-то согласенъ; потому что съ большимъ удовольствіемъ слушалъ бы, чтò еще остается сказать объ именахъ.

Сокр. Сдѣлаемъ же такъ. Откуда, хочешь, начнемъ мы свое изслѣдованіе, теперь, какъ уже вошли въ предѣлы какого-то типа [1],—чтобы видѣть, будутъ ли намъ свидѣтелями самыя имена, что каждое изъ нихъ полагается не вовсе такъ, случайно, но имѣетъ нѣкоторую правильность? Упомянутыя B.
имена героевъ и людей могли бы, можетъ быть, обмануть насъ: потому что многія изъ нихъ даются, какъ мы прежде говорили, по фамиліямъ предковъ и къ инымъ вовсе не идутъ; а многія также прилагаются, какъ знаки желанія, —напримѣръ, Эвтихидъ (счастливый), Сосія (сохраненный), Ѳеофилъ (боголюбезный), и подобныя. Такъ всѣ такія, мнѣ кажется, надобно оставить. Вѣроятно, найдемъ мы гораздо правильнѣе приложенными тѣ, которыя всегда существенны и согласны съ природою; потому что приложеніе именъ съ C.
этой стороны, надобно думать, было предметомъ особенной заботливости. Нѣкоторыя же изъ нихъ, можетъ быть, приложены и божественною—больше нежели человѣческою силою.

Ерм. Ты, кажется, хорошо говоришь, Сократъ.

Сокр. Такъ не справедливо ли будетъ начать намъ изслѣдованіе отъ боговъ,—какимъ образомъ боги назвали правильнымъ это самое имя?

Ерм. И естественно.

Сокр. Тутъ я подозрѣваю слѣдующее. Первые изъ людей, населявшихъ Элладу, мнѣ кажется, чтили тѣхъ только боговъ, которыхъ чтутъ теперь многіе изъ варваровъ, то есть, солнце, луну, землю, звѣзды и небо. Видя, что всѣ они D.
всегда идутъ своимъ путемъ, бѣгутъ, отъ этой природы [2]

---

[1] Слово τύπος, когда говорится собственно объ отпечатлѣніи образовъ, часто употребляется у философа въ значеніи общаго описанія рѣчи или разсужденія. Отсюда ἐν τύπῳ λέγειν нерѣдко значитъ—разсуждать о какомъ нибудь предметѣ вообще, не разсматривая съ точностію его частей. Platon. De Rep. VI, p. 491 C: ἔχεις γὰρ τὸν τύπον ὧν λέγω, гдѣ потомъ противополагается этому слову τὸ ἀκριβέστερον πύθεσθαι. Ibid. III, p. 414 A: ὡς ἐν τύπῳ, μὴ δι ἀκριβείας εἰρῆσθαι. Alib.

[2] Кто внимательно всмотрится здѣсь въ цѣль разсужденія, тотъ легко замѣтитъ, что это мнѣніе о производствѣ имени боговъ не принадлежитъ Платону.

бѣжанія (θεῖν) тѣ люди наименовали ихъ богами (θεούς); а впослѣдствіи, признавъ и всѣхъ другихъ, они уже и этимъ усвоили то же названіе. Походитъ ли нѣсколько на правду, что̀ я говорю, или нѣтъ?

Ерм. Конечно, походитъ.

Сокр. Что же послѣ этого будемъ изслѣдывать? Или ужъ явно, что геніевъ, героевъ и людей?

Ерм. Геніевъ.

E. *Сокр*. И въ самомъ дѣлѣ, Ермогенъ, что означаетъ имя геній? Наблюдай, покажется ли тебѣ, что я нѣчто говорю.

Ерм. Говори только.

Сокр. Знаешь ли, кого Исіодъ называетъ демонами?

Ерм. Не приведу на мысль.

Сокр. И того не приведешь на мысль, что сперва былъ золотой родъ людей?

Ерм. Это-то знаю.

Сокр. Такъ вотъ что Исіодъ говоритъ о немъ:

Потомъ, когда тотъ родъ судьбы велѣньемъ скрылся,
398. Земными чистые тѣ геніи зовутся;
Щиты они отъ золъ, благіе стражи смертныхъ.

Ерм. Такъ что же?

Сокр. Думаю, то говоритъ онъ, что золотой родъ по природѣ былъ не золотой, а добрый и прекрасный. Доказательствомъ же служитъ мнѣ то, что и насъ называетъ онъ родомъ желѣзнымъ.

Ерм. Ты говоришь правду.

Сокр. Не думаешь ли, что и изъ нынѣшнихъ того, кто
B. добръ, относитъ онъ къ роду золотому?

Ерм. Естественно.

Такое же произво дство этого имени мы встрѣчаемъ и у Геродота, II, 52: Θεούς προσωνόμασάν σφεας ἀπὸ τοῦ τοιούτου, ὅτι κόσμῳ θέντες τὰ πάντα πρήγματα καὶ πάσας νομὰς εἶχον. Къ этому см. примѣчаніе Весселинга, что такая этимологія могла нравиться гераклитянамъ, которые, представляя, что все находится въ непрестанномъ движеніи, полагали, что и самые боги суть не иное что, какъ скороходы.

Сокр. А добрые иное ли что, чѣмъ [1] разумные?

Ерм. Разумные.

Сокр. Такъ вотъ такими-то болѣе всего, кажется мнѣ, называетъ онъ геніевъ: такъ какъ они были разумны и знающи (δαήμονες), то Исіодъ и наименовалъ ихъ геніями (δαίμονες). Да на древнемъ-то нашемъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ именно такое значеніе. Хорошо говоритъ и онъ, говорятъ и многіе другіе поэты, что когда добрый человѣкъ умретъ, тогда получитъ важнѣйшій жребій и честь, и, по имени разумности, сдѣлается геніемъ. Поэтому и я полагаю, C. что человѣкъ знающій (δαήμων), который былъ бы добръ, есть существо геніальное (δαιμόνιον), живъ онъ или умеръ, и правильно называется геніемъ.

Ерм. И я, какъ мнѣ кажется, Сократъ, въ этомъ совершенно схожусь съ твоимъ мнѣніемъ. Что же будетъ герой-то?

Сокр. Это не очень трудно понять. Имя героевъ нѣсколько уклонилось; но явно, что оно произошло отъ Эроса.

Ерм. Какъ ты говоришь?

Сокр. Развѣ не знаешь ты, что герои—полубоги?

Ерм. Такъ что жъ?

Сокр. То есть, всѣ они произошли отъ любви либо бога D. къ смертной, либо смертнаго къ богинѣ. Если будешь разсматривать такъ, и притомъ на основаніи аттическаго древняго языка, то узнаешь и больше. Тебѣ откроется, что отъ имени Эроса, отъ котораго произошли герои, слово герой немного отступило какъ названіе. Герои либо имѣютъ это происхожденіе, либо они были софисты, сильные риторы и діалектики, способные предлагать вопросы; ибо εἴρειν значитъ говорить. Поэтому на аттическомъ языкѣ, какъ мы сейчасъ замѣтили, такъ называемые ге- E. рои, нѣкоторые риторы и эротики сходятся въ своемъ значеніи, такъ что родъ риторовъ и софистовъ оказывается

---

[1] Вотъ это положеніе чисто сократическое, по которому добродѣтель—одно и то же съ знаніемъ.

племенемъ героевъ. Такъ не это трудно понять, а скорѣе имя людей,—почему называются они людьми. Ты можешь сказать?

Ерм. Куда мнѣ, добрякъ? Если бы я и былъ въ состояніи найти это, то не настаивалъ бы, ибо думаю, что ты скорѣе найдешь, чѣмъ я.

399. *Сокр.* Видно же, ты вѣришь воодушевленію Эвтифрона.

Ерм. Очевидно.

Сокр. Да и правильно вѣришь. Вотъ я и теперь уже видимо настроенъ къ мышленію хитрому и, должно быть, если не поостерегусь, нынѣ же буду мудрѣе надлежащаго. Наблюдай, чтò я говорю. Во первыхъ, относительно именъ надобно замѣтить то, что мы часто однѣ буквы вносимъ въ нихъ, а другія изгоняемъ изъ нихъ, когда хотимъ отъ чего нибудь взять названіе, да переставляемъ и ударенія.
B. Напримѣръ, Διί φίλος (Зевсу любезенъ): чтобы это, вмѣсто выраженія, было у насъ именемъ (Δίφιλος), вторую іоту въ немъ мы уничтожаемъ и, вмѣсто остраго ударенія на среднемъ слогѣ, произносимъ тяжелое; въ другія же имена, напротивъ, вносимъ буквы, и тяжелое удареніе произносимъ какъ острое.

Ерм. Ты правду говоришь.

Сокр. Такъ между прочими именами одно, подвергшееся подобной перемѣнѣ, есть, какъ мнѣ кажется, и имя людей; потому что изъ выраженія оно, по отнятіи отъ него одного *α* и по перенесеніи на конецъ тяжелаго ударенія, сдѣлалось именемъ.

Ерм. Какъ ты говоришь?

C. *Сокр.* Вотъ какъ. Это имя значитъ ἄνθρωπος (человѣкъ)—потому, что прочія животныя того, чтò видятъ, не разсматриваютъ, не разсчитываютъ, не соображаютъ; напротивъ, человѣкъ, какъ только увидѣлъ,—а это то же, что ὄπωπε,—тотчасъ сообразилъ (ἀναθρεῖν) и разсчиталъ, что увидѣлъ. Отсюда-то изъ животныхъ только человѣкъ правильно названъ ἄνθρωπος,—соображающій, чтò увидѣлъ,—*ἀναθρῶν ἃ ὄπωπεν.*

Ерм. Что же? послѣ этого спросить ли тебя о томъ, что̀ узналъ бы я съ удовольствіемъ?

Сокр. Конечно.

Ерм. Это дѣло, мнѣ кажется, какъ бы по порядку слѣ- D.
дуетъ за прежнимъ. Мы называемъ нѣчто въ человѣкѣ душою и тѣломъ.

Сокр. Какъ не называть?

Ерм. Постараемся же и это разобрать, какъ прежнее.

Сокр. Ты говоришь объ изслѣдованіи души, что она прилично носитъ это имя, а потомъ опять объ изслѣдованіи тѣла?

Ерм. Да.

Сокр. Чтобы сказать объ этомъ сразу [1],—назвавшіе душу имѣли, думаю, въ виду ту мысль, что душа (ψυχή), пока присуща она тѣлу, есть причина его жизни, такъ какъ
даетъ ему способность дышать и охлаждаться (ἀναψύχειν), и E.
если охлажденія не достаетъ, тѣло разрушается и кончается. Поэтому-то, кажется мнѣ, назвали ее душою. Но, если хочешь, потерпи; потому что я, слѣдуя Эвтифронамъ, кажется, усматриваю нѣчто убѣдительнѣе этого. Такое мнѣніе, какъ
мнѣ представляется, могутъ, конечно, презирать и почитать 400.
затѣйливымъ; однакожъ разсматривай, не понравится ли оно и тебѣ?

Ерм. Только говори.

Сокр. Природу всего тѣла, чтобы оно и жило и ходило, что̀ иное поддерживаетъ и водитъ, по твоему мнѣнію, какъ не душа?

Ерм. Не иное.

---

[1] Первое производство τῆς ψυχῆς, которое одно, безъ сомнѣнія, справедливо, приводится, говоритъ, мимоходомъ, безъ предварительнаго обсужденія. Но за нимъ слѣдуетъ тотчасъ другое, чрезвычайно нелѣпое, и полагается уже не мимоходомъ, а съ особенною увѣренностію, какъ производство, достойное Эвтифрона. Какая тонкая и остроумная шутка! Впрочемъ вотъ что говоритъ Аристотель (De anim. I, 2, 23): διὸ καὶ τοῖς ὀνόμασιν ἀκολουθοῦσιν, οἱ μὲν τὸ θερμὸν λέγοντες, ὅτι διὰ τοῦτο καὶ τὸ ζῆν ὠνόμασται, οἱ δὲ τὸ ψυχρὸν διὰ τὴν ἀναπνοὴν καὶ τὴν κατάψυξιν καλεῖσθαι ψυχήν (см. къ этому мѣсту Trendelenb. p. 242).

Сокр. Что жъ? а природу всѣхъ прочихъ вещей,—развѣ не вѣришь Анаксагору,—устрояетъ и поддерживаетъ умъ [1] и душа?

Ерм. Вѣрю.

Сокр. Стало быть, это имя хорошо бы прилагать къ той
B. способности, которая водитъ и держитъ (ὄχεῖ καὶ ἔχει) природу, и измѣнить его въ φυσέχην (держащее природу). Впрочемъ изрядно говорить и ψυχή.

Ерм. Конечно; мнѣ даже кажется, что это искуснѣе того.

Сокр. Да такъ и есть; вѣдь смѣшно же въ самомъ дѣлѣ имя употреблять такъ, какъ оно положено.

Ерм. Но то, что̀ послѣ сего,—что скажемъ о немъ?

Сокр. Разумѣешь тѣло?

Ерм. Да.

Сокр. Это-то представляется мнѣ различнымъ образомъ: отступи хоть нѣсколько,—и производствъ множество. Такъ,
C. нѣкоторые тѣло (σῶμα) называютъ гробомъ [2] (σῆμα) души, которая въ настоящее время какъ бы положена въ немъ. А какъ тѣломъ опять означается то, что̀ означаетъ душа, то тѣло (σῶμα) правильно поэтому называется и знакомъ (σῆμα). Но это имя особенно установили, мнѣ кажется, орфисты,—полагая, что душа несетъ здѣсь наказаніе за то, за что несетъ, и что она имѣетъ этотъ покровъ, чтобы могла

---

[1] Почему здѣсь соединяются оба эти имени—νοῦς τε καὶ ψυχή, показываетъ Аристотель (De anim. I, 2, 13): Ἀναξαγόρας δ᾽ἔοικε μὲν ἕτερον λέγειν ψυχήν τε καὶ νοῦν,——χρῆται δὲ ἀμφοῖν ὡς μιᾷ φύσει, πλὴν ἀρχήν γε τὸν νοῦν τίθεται μάλιστα πάντων. Анаксагоръ училъ, что всѣ вещи и стихіи ихъ были нѣкогда смѣшаны между собою, но потомъ силою ума раздѣлились и распредѣлились. Для выраженія этого, формула его была такова: νοῦς πάντα χρήματα διῆρε καὶ διεκόσμησε. См. Phaedon. p. 72 C. И такъ, глаголъ διακοσμεῖν принадлежитъ самому Анаксагору, а причастіе καὶ ἔχουσαν прибавлено Платономъ для этимологіи.

[2] Слово σῶμα, по мнѣнію Сократа, имѣетъ троякое происхожденіе: во первыхъ, оно производится отъ σῆμα и значитъ какъ бы гробъ души; потомъ, во второмъ значеніи τοῦ σήματος, оно есть знакъ, которымъ душа пользуется для показанія своихъ чувствованій, и, наконецъ, σῶμα можетъ быть понимаемо какъ σώσμα, темница, въ которой душа живетъ какъ узница, подъ наказаніемъ, пока не будетъ изведена изъ ней. Первая этимологія, вѣроятно, принадлежала Гераклиту или Филолаю, а послѣднюю философъ самъ относитъ къ орфистамъ.

быть соблюдена (σώζηται) будто въ темницѣ. И такъ, это имя σῶμα, какъ оно произносится, выражаетъ узилище души, пока душа не воздастъ должнаго, и тутъ не надобно измѣнять ни одной буквы.

Ерм. Объ этомъ, мнѣ кажется, довольно сказано, Со- D.
кратъ; но нельзя ли бы намъ такимъ же образомъ сдѣлать изслѣдованіе объ именахъ боговъ, подобно тому, какъ ты говорилъ сейчасъ объ имени Зевса,—какая правильность заключается въ ихъ наименованіяхъ?

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, Ермогенъ, мы-то, если только есть въ насъ умъ, могли бы привесть одно прекрасное основаніе, что о богахъ ничего [1] не знаемъ,—ни о нихъ самихъ, ни объ именахъ, какими они называютъ себя; хотя явно, что они-то называютъ себя справедливо. Другое же опять основаніе правильности въ томъ, какъ въ молитвахъ [2] E.
намъ велитъ законъ молиться, (ибо) какими которые боги лю- 401.
бятъ называться именами, такъ, не зная другихъ наименованій, должны называть ихъ и мы; и это, мнѣ кажется, узаконено хорошо. Такъ, если хочешь, будемъ разсуждать, какъ бы предупреждая боговъ, что относительно ихъ мы не изслѣдуемъ ничего, ибо не считаемъ себя способными изслѣдывать, а обратимъ свои разсужденія къ людямъ, которые, составивъ себѣ нѣкогда понятіе о нихъ, прилагали къ нимъ имена: это—дѣло не укоризненное.

---

[1] По видимому, дѣлается намекъ на извѣстное положеніе Протагора (Diog. Laert. IX, 51): περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι εἴθ' ὡς εἰσίν, εἴθ' ὡς οὐκ εἰσίν; только оно весьма мягко примѣняется къ настоящему предмету. Затрогивается здѣсь и народный предразсудокъ, что будто бы богамъ нравятся именно нѣкоторыя прилагаемыя къ нимъ имена.

[2] Извѣстно древнее языческое благочестіе въ употребленіи именъ божіихъ. См. Spanhem. ad Callim. Hymn. in Dian. v. 7. Stanlei. ad Aeschyl. Agam. v. 168. Этотъ обычай молящихся осмѣиваетъ Лукіанъ (Timon): ὦ Ζεῦ φίλιε, καὶ ξένιε, καὶ ἑταιρεῖε, καὶ ἐφέστιε, καὶ ἀστεροπητά, καὶ ὅρκιε, καὶ νεφεληγερέτα, καὶ ἐρίγδουπε, καὶ εἴ τί σε ἄλλο οἱ ἐμβρόντητοι ποιηταὶ καλοῦσιν, κ. τ. λ. Поэтому Сократъ въ Филебѣ говоритъ (p. 12 C): «всегдашнее мое благоговѣніе предъ именами боговъ не таково, какъ предъ человѣческими, но выше величайшаго страха. Я и теперь Афродиту называю такъ, какъ ей нравится,—Афродитою».

Ерм. Ты говоришь, кажется, дѣльно, Сократъ; такъ и сдѣлаемъ.

B. *Сокр.* Такъ иначе ли начнемъ, чѣмъ съ Весты [1], по закону?

Ерм. Въ самомъ дѣлѣ справедливо.

Сокр. Какая же, говорятъ, была мысль назвать Весту Вестою?

Ерм. Клянусь Зевсомъ,—и это, думаю, не легко.

Сокр. Первые прилагатели именъ, добрый Ермогенъ, должно быть, не худые въ самомъ дѣлѣ были люди, но какіе-то верхогляды [2] и болтуны.

Ерм. Почему же?

C. *Сокр.* Приложеніе именъ мнѣ представляется дѣломъ какихъ-то такихъ людей. И кто сталъ бы разсматривать даже имена иностранныя, все-таки нашелъ бы, чтò значитъ каждое изъ нихъ. Напримѣръ, здѣсь,—чтò мы называемъ οὐσίαν (сущностію), то другіе зовутъ ἐσίαν, а еще другіе—ὠσίαν. И такъ сперва, примѣнительно къ второму изъ сихъ именъ, было основаніе сущность вещей назвать ἑστίαν (Вестою). А такъ какъ у насъ и то опять, что причастно сущности, называется также ἑστία (Вестою), то вотъ наша Ἑστία (Веста) вышла и правильнымъ именемъ. Въ древности, видно, и мы οὐσίαν (сущность) называли ἐσίαν. Притомъ, и судя по жертвамъ, можно полагать,

---

[1] Начнемъ съ Весты. Schol. ad Euthyphr. § 2: «ἀφ' Ἑστίας ἄρχεσθαι.—Эта пословица прилагается къ тѣмъ, которые, будучи облечены силою, начинали дѣлать обиды съ домашнихъ,—ибо былъ обычай—изъ боговъ приносить первыя жертвы Вестѣ. Это перенесено было съ лицъ, занимающихся религіозными предметами, которыя приносили Вестѣ начатки, или первыя произведенія домашняго очага, произведенія изъ домашества, потому что очагъ (ἑστία) есть домъ». Слово «Веста» употребляется здѣсь Сократомъ двузнаменательно.

[2] Разумѣются изслѣдователи вещей, вдававшіеся въ тонкости, каковы были философы, которыхъ толпа иначе почти и не называла. Посему Сократъ употребляетъ теперь эти названія, говоря языкомъ народа, и такимъ образомъ съ одной стороны обличаетъ нелѣпость тѣхъ этимологовъ, а съ другой—насмѣшливо указываетъ на данныя имъ прозвища. Подобное сему см. Phaedr. p. 269 E; снес. Parm. p. 135 D; De Rep. VI, p. 488.

что прилагатели именъ имѣли такую мысль; потому что D.
тѣ, которые Весту называли сущностію всего, находили при-
личнымъ приносить жертву первой Вестѣ, прежде чѣмъ всѣмъ
богамъ. А у кого опять употреблялось ὠσία, тѣ почти усвоя-
ли взглядъ Гераклита, полагая, что все сущее идетъ и ни-
что не стоитъ. Поэтому причиною и вождемъ у нихъ былъ
толчокъ (τὸ ὠθοῦν), и отсюда хорошо было назвать это
ὠσίαν. Такъ вотъ какъ мы, люди, ничего не знающіе, разсу-
дили объ этомъ.—Послѣ Весты справедливо будетъ изслѣдо- E.
вать Рею и Кроноса, хотя имя Кроноса-то мы уже и раз-
сматривали. Впрочемъ, можетъ быть, это не отговорка.

Ерм. Почему же, Сократъ?

Сокр. Ахъ, добрякъ! Мнѣ пришелъ на мысль рой мудро-
сти.

Ерм. Какой же это?

Сокр. Очень смѣшно сказать; между тѣмъ дѣло, думаю,
правдоподобное. 402.

Ерм. Что это за дѣло?

Сокр. Я какъ будто вижу Гераклита, произносящаго нѣ-
которыя древнія изреченія мудрецовъ, изъ временъ Кроноса
и Реи, приводимыя также и Омиромъ.

Ерм. Какъ ты это говоришь?

Сокр. Гераклитъ говоритъ, что все идетъ и ничто не сто-
итъ, и уподобляя сущее теченію (ῥοῇ) рѣки, прибавляетъ,
что дважды въ одну и ту же рѣку войти невозможно.

Ерм. Такъ.

Сокр. Что же? Кажется ли тебѣ, что чужда была Гера-
клита мысль, что прилагатель именъ предкамъ прочихъ бо- B.
говъ далъ имена Реи (теченія) и Кроноса (времени)? Уже-
ли случайно, думаешь, съ обоими богами соединилъ онъ
наименованія текучести? Такъ-то опять и Омиръ [1] отцомъ

---

[1] См. Iliad. 14, 201: εἶμι γὰρ ὀψομένη πολυφόρβου πείρατα γαίης, Ὠκεανόν τε, θεῶν γένεσιν, καὶ μητέρα Τηθύν. Ibid. 302.

боговъ называетъ Океанъ, а матерію Тиѳису. То же, думаю, и Исіодъ [1]. Говоритъ негдѣ и Орфей [2], что

Первый вступилъ тогда въ бракъ Океанъ красиво текущій,
Взялъ за себя сестру отъ матери общей—Тиѳису.

C. Такъ вотъ на что смотри, какъ они и между собою согласны, и все направляютъ къ Гераклитову взгляду.

Ерм. Видимо, въ твоихъ словахъ что-то есть, Сократъ; однакожъ я не знаю, что значитъ имя Тиѳисы.

Сокр. Да почти то же самое, что называется сокровеннымъ именемъ ручья; потому что слова διαττώμενον (пропускаемое) и ἠθούμενον (вливаемое чрезъ лейку) указываютъ на ручей. Изъ этихъ-то обоихъ именъ и сложилось имя
D. Тиѳиса.

Ерм. Это изысканно, Сократъ.

Сокр. Почему не такъ? Но что за этимъ?—О Зевсѣ мы уже сказали.

Ерм. Да.

Сокр. Такъ будемъ говорить о его братьяхъ, Посидонѣ и Плутонѣ, и о другомъ имени, которымъ называютъ его.

Ерм. Конечно.

Сокр. Первый, назвавшій Посидона Посидономъ, назвалъ
E. его, кажется, потому, что, когда онъ шелъ, природа моря удержала его и не позволила ему идти далѣе, но была для него какъ бы ножными узами (δεσμὸς τῶν ποδῶν). Такъ вотъ начальникъ этой силы, богъ, и названъ Посидономъ, какъ бы Ποσίδεσμον (скованнымъ по ногамъ); буква же ε внесена сюда, можетъ быть, для благоприличія. Впрочемъ, пожалуй, и не то здѣсь говорится, но вмѣсто сигмы сперва стояли

---

[1] Theog. 44 sq. Здѣсь родителями всѣхъ боговъ Исіодъ называетъ Γαῖαν и Οὐρανόν. А Ὠκεανὸν и Τηθύν (см. 337 sqq.) почитаетъ родоначальниками только рѣкъ и морей. Впрочемъ Сократъ говоритъ объ этомъ съ сомнѣніемъ.

[2] Подобно этому начало гимна Океану: Ὠκεανόν καλέω, πατέρ' ἄφθιτον αἰὲν ἐόντα ἀθανάτων τε θεῶν γένεσιν θνητῶν τ' ἀνθρώπων. О приведенныхъ въ текстѣ стихахъ см. Orphica, p. 384, ed. Herm.

въ этомъ словѣ двѣ ламвды; такъ что оно было именемъ
многознающаго (πολλὰ εἰδότος) бога. А можетъ быть, онъ на- 403.
званъ отъ глагола σείειν (трясти) σείων (потрясающимъ), и
потомъ къ этому слову прибавлены π и δ. Что же касается
до Плутона, то онъ получилъ это имя отъ даянія богатства
(πλοῦτος), такъ какъ богатство достается глубоко изъ земли.
А преисподнюю (ᾅδης), кажется, многіе понимаютъ какъ не-
видимое (ἀειδές), прилагаютъ къ ней это имя и, боясь та-
кого имени, называютъ ее Плутономъ.

Ерм. А тебѣ какъ представляется, Сократъ? B.

Сокр. Мнѣ кажется, люди, относительно этого бога силы многоразличнымъ образомъ ошибались и недостойно боялись его. Вѣдь боятся того, что, когда кто изъ насъ умретъ, навсегда тамъ останется; испугались и того, что душа отходитъ къ нему обнаженною отъ тѣла: а мнѣ кажется, что все стремится къ чему-то тому же,—и власть этого бога, и его имя.

Ерм. Какимъ же образомъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, что̀ именно представляется мнѣ.
Скажи, какое бы то ни было животное которыми узами
сильнѣе понуждается оставаться гдѣ нибудь,—необходимо- C.
стію, или пожеланіемъ?

Ерм. Пожеланіе гораздо выше, Сократъ.

Сокр. Такъ думаешь ли, что многіе не избавились бы отъ преисподней, если бы преисподняя не связывала ихъ сильнѣйшими тамошними узами?

Ерм. Явно.

Сокр. Стало быть, преисподняя связываетъ ихъ, какъ видно, какимъ-то пожеланіемъ, если связываетъ узами крѣпчайшими,—а не необходимостію.

Ерм. Видимо.

Сокр. А пожеланій опять, не правда ли, много?

Емр. Да.

Сокр. Стало быть, преисподняя связываетъ ихъ пожеланіемъ, D.
величайшимъ изъ пожеланій, если хочетъ удержать ихъ узами
сильнѣйшими.

Ерм. Да.

Сокр. А есть ли какое пожеланіе больше, какъ, обращаясь съ кѣмъ нибудь, думать, что чрезъ него сдѣлаешься лучшимъ человѣкомъ?

Ерм. Клянусь Зевсомъ, никакого, Сократъ.

Сокр. Поэтому скажемъ, стало быть, Ермогенъ, что изъ тамошнихъ никто не захочетъ удалиться сюда, даже самыя
E. Сирены [1], но и эти, и всѣ другіе тамъ очарованы: такъ хороши, какъ видно, рѣчи, которыя умѣетъ говорить имъ преисподняя. И надобно думать посему, что этотъ богъ— совершенный софистъ и великій благодѣтель находящихся у него душъ, если въ самомъ дѣлѣ подаетъ тамошнимъ столь великія блага; и такъ много у него тамъ избытковъ, что отъ этого получилъ онъ и имя Плутона. Да и то опять,— не хочетъ онъ обращаться съ людьми, имѣющими тѣла̀, но
404. тогда только вступаетъ съ ними въ связь, когда душа бываетъ чиста отъ всѣхъ, относящихся къ тѣлу, золъ и пожеланій. Не дѣло ли философа, мужа благонастроеннаго, и то, что онъ такимъ образомъ связалъ и держитъ ихъ въ узахъ добродѣтели, тогда какъ, при порывахъ и неистовствѣ тѣла, не могъ бы и Кроносъ—отецъ—удержать ихъ, связавъ такъ называемыми своими узами [2]?

---

[1] Проклъ, объясняя это мѣсто, говоритъ о Сиренахъ слѣдующее: τρία γένη Σειρήνων οἶδεν ὁ μέγας Πλάτων: οὐράνιον, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὴν τοῦ Διὸς βασιλείαν· γενεσιουργόν, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὸν Ποσειδῶνα· καθαρτικόν, ὅπερ ἐστὶν ὑπὸ τὸν Ἅιδην. Καὶ ἔστι κοινὸν αὐτῶν πασῶν τὸ διὰ τῆς ἐναρμονίου κινήσεως ὑποκαταχλίνειν πάντα τοῖς ἑαυτῶν ἡγεμόσι θεοῖς· διόπερ ἐν οὐρανῷ μὲν τὴν ψυχὴν οὖσαν ἐνίζειν θέλει ταῖς ἐκεῖ διαγωγαῖς· ἐν δὲ τῇ γενέσι ζώσας παραπλέειν αὐτὰς προσήκει κατὰ τὸν ὁμηρικὸν Ὀδυσσέα (Od. XII, 165 sqq. Coll. 40 sqq.), εἴπερ καὶ ἡ θάλασσα γενέσεως εἰκών, ἵνα μὴ θέλγωνται ὑπὸ τῆς γενέσεως. ἐν δὲ τῷ ᾅδῃ γενομένας συνάπτεσθαι διὰ τῶν νοήσεων πρὸς τὸν θεὸν τοῦτον· ὥστε οἶδεν ὁ Πλάτων ἐν τῇ τοῦ Ἀίδου βασιλείᾳ, γένη θεῶν καὶ δαιμόνων καὶ ψυχῶν, αἳ περιχορεύουσι τὸν θεόν, ὑπὸ τῶν ἐκεῖ Σειρήνων θελγόμεναι. Съ послѣдними словами Прокла сравн. мѣсто De Rep. X, p. 617.

[2] Объ узахъ Сатурна говоритъ Макробій (Saturnal. 1, 8): «Почему самъ Сатурнъ содержится въ оковахъ, причины этого, сознается Verrius Flaccus, я не знаю. Но мнѣ помогаетъ чтеніе Аполлодора. Сатурнъ, по словамъ Аполлодора, весь годъ связанъ шерстяными узами, и разрѣшается только въ день своего праздника, то есть въ мѣсяцѣ декабрѣ. И отсюда-то произошла послови-

Ерм. Ты, должно быть, дѣло говоришь, Сократъ.

Сокр. Да и имя-то преисподней (Ἅιδης), Ермогенъ, произошло далеко не отъ невидимаго (ἀειδοῦς), а гораздо скорѣе отъ того, что она знаетъ (εἰδέναι) все прекрасное. Примѣнительно къ этому-то слову законодатель назвалъ преисподнюю (Ἅιδης). B.

Ерм. Пускай. Но отъ чего Димитру, Иру, Аполлона, Аѳину, Ифеста, Арея и прочихъ боговъ? Какъ скажемъ?

Сокр. Димитра (Δημήτηρ) названа, по видимому, отъ пищи, которую раздаетъ, какъ мать (μήτηρ); а Ира—какъ нѣкая любимица (ἐρατή), отчего и говорится, что Зевсъ былъ C. ея любовникомъ (ἐρασθεὶς). А можетъ быть, законодатель, смотря на явленія небесныя, Ироко прикровенно наименовалъ воздухъ (ἀέρα), то есть, положилъ начало въ концѣ: ты можешь это узнать, если будешь чаще произносить имя Иры. Что же касается до Ферефатты, то многіе, какъ видно, по неопытности относительно правильности именъ, боятся и этого имени, и Аполлона. Измѣнивши названіе, они представляютъ Ферсефону, и страшнымъ кажется имъ это имя; а между тѣмъ оно даетъ знать, что богиня мудра; ибо, D. когда производятся дѣла, прикасаться къ нимъ, браться за нихъ и мочь преслѣдовать ихъ было бы мудростью. И такъ, эта богиня, за мудрость и ухватливость въ производящихся дѣлахъ (τὴν ἐπαφὴν τοῦ φερομένου), могла бы быть правильно названа Ферепафою, или чѣмъ-то такимъ. Потому-то съ нею сопоставляется преисподняя, какъ мудрая, какова она и есть. А теперь, предпочитая благозвучіе истинѣ, уклоняютъ это имя отъ его значенія и богиню называютъ Ферефаттою. То же, какъ говорю, и объ Аполлонѣ: многіе бо- E. ятся имени этого бога, какъ будто оно выражаетъ что страшное. Или ты не замѣчалъ?

ца: «боги имѣютъ шерстяныя ноги», означающая то, что въ десятый мѣсяцъ сѣмя, одушевленное въ утробѣ, возрастаетъ въ жизнь и, пока не выйдетъ на свѣтъ, удерживается мягкими связями природы».

Ерм. Конечно замѣчалъ, и ты правду говоришь.

Сокр. А между тѣмъ оно-то, какъ мнѣ кажется, для показанія силы этого бога, приложено къ нему прекрасно.

Ерм. Какъ же?

Сокр. Я постараюсь сказать, что̀ именно мнѣ представ-
405. ляется. Вѣдь нѣтъ имени, которое бы, при своемъ единствѣ, болѣе принаровлено было къ выраженію четырехъ силъ этого бога; такъ что оно касается всѣхъ ихъ и нѣкоторымъ образомъ указываетъ на искусства—и музыкальное, и провѣщательное, и врачевательное, и стрѣлковое.

Ерм. Такъ говори; вѣдь, по твоимъ словамъ, это имя есть что-то странное.

Сокр. А между тѣмъ оно самое гармоничное, такъ какъ этотъ богъ—музыкантъ. Во первыхъ, умилостивленіе и очищенія [1], предписываемыя какъ врачами, такъ и провѣщателями, священные обходы то съ врачебными, то съ про-
B. вѣщательскими средствами, омыванья при этомъ и опрыскиванья, все это въ состояніи сдѣлать одно: представить человѣка чистымъ и по тѣлу и по душѣ. Или нѣтъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Но этотъ богъ не есть ли очиститель, омыватель и освобождатель отъ такихъ золъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ по своимъ освобожденіямъ (ἀπολύσεις) и омы-

---

[1] Proclus, p. 106: ὅτι τὴν κάθαρσιν μὴ μόνον ἐπὶ τῆς ἰατρικῆς ὁρᾷν, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τῆς μαντικῆς δείκνυσιν, ὅτι γενικῶς ἡ καθαρτικὴ τοῦ Ἀπόλλωνος δύναμις περιέχει τὰς δύο· καὶ γὰρ ταῖς τοῦ φωτὸς μαρμαρυγαῖς λαμπρύνει τὸν κόσμον, καὶ ταῖς παιωνικαῖς ἐνεργείαις πᾶσαν τὴν ὑλικὴν ἀμετρίαν ἐκκαθαίρει, ἃ δὴ καὶ οἱ ἐνταῦτα μιμούμενοι ἰατροί τε καὶ μάντεις οἱ μὲν τὰ σώματα καθαίρουσιν, οἱ δὲ διὰ τῶν περιρράνσεων καὶ τῶν περιθείσεων ἀγνοὺς ἑαυτοὺς καὶ τοὺς συνόντας ἀποτελοῦσι. Подъ словомъ περιθειώσεις разумѣются обливанье себя водою, осыпанье сѣрою и другими очистительными веществами: эти торжественные обряды древнихъ люстрацій всякому извѣстны. Tibull. I, 5, 8: illi ego, quum tristi morbo defessa iaceres, te dicor votis eripuisse meis; ipseque ter centum lustravi sulfure puro, carmine quum magico praecinuisset anus. Virgil. Aen. VI, 226: Idem ter socios pura circumtulit unda. Περιῤῥάνσις означало окачиваніе водою всего тѣла. Изъ Плутарха (Vit. Sull. c. 32, T. 1, p. 472) видно, что περιῤῥαντήριον Аполлона было и въ Римѣ.

ваніямъ (ἀπολούσεις), какъ врачъ въ такихъ дѣлахъ, онъ правильно можетъ быть названъ Омывателемъ (Ἀπολούων). C.
Потомъ, по провѣщательности, весьма правильно было бы называть его, какъ называютъ ѳессалійцы, истиннымъ и простымъ (ἁπλοῦν), что—одно и то же; а всѣ ѳессалійцы произносятъ его имя «Аплонъ». Далѣе, по всегдашнему метанію, какъ сильный въ стрѣльбѣ, онъ можетъ быть названъ всегда метающимъ (ἀεὶ βάλλων). Наконецъ, что касается до музыки,—должно замѣтить, что α, какъ въ словахъ ἀκόλουθος и ἄκοιτις, часто значитъ *вмѣстѣ*; такъ и здѣсь означаетъ совмѣстную полюсность (πόλησιν),—и на небѣ, котораго крайнія точки называются полюсами, и въ гармоніи пѣнія, гдѣ D.
полюсы получаютъ имя симфоніи. И вотъ это, какъ говорятъ знатоки въ музыкѣ и астрономіи, связываетъ все вмѣстѣ (ἅμα πολεῖ) нѣкоторою гармоніею. И такъ, этотъ богъ владычествуетъ своею гармоніею, выражая ее въ совмѣстномъ вращаніи (ὁμοπολῶν) всего и у боговъ и у людей. Поэтому, какъ ὁμοκέλευθον (сопутника жизни) и ὁμόκοιτιν (раздѣлительницу ложа) мы, перемѣнивъ ο на α, назвали ἀκόλουθον и ἄκοιτιν; такъ назвали и Аполлона, который прежде былъ ὁμοπολῶν (вмѣстѣ вращающій), прибавили, то есть, другую λ, такъ какъ безъ этого ὁμοπολῶν соименно было E.
съ страшнымъ словомъ ἀπολῶν (имѣющій погубить). Неправильно разсматривая это имя, нѣкоторые и теперь подозрѣваютъ въ немъ такую силу и боятся его, какъ означающаго какую нибудь гибель. Между тѣмъ оно, какъ сей- 406.
часъ говорено, приложено къ богу такъ, что касается всѣхъ его свойствъ,—простоты, всегдашняго стрѣлянія, омыванія, совмѣстнаго вращанія. А Музъ и вообще искусство музыкальное законодатель наименовалъ этимъ именемъ, какъ видно, отъ ощупыванія (μῶσθαι), или отъ изслѣдованія и философіи; Литу же—отъ кротости этой богини, такъ какъ она выражаетъ свое благожеланіе всякому, о чемъ кто проситъ ее. Можетъ быть, впрочемъ, вѣрно и то, какъ называютъ ее иностранцы; а изъ иностранцевъ многіе называютъ ее

Лиѳо̀. Видно, они не за суровость нрава, а за кротость и
B. мягкость (λεῖον) нашли приличнымъ назвать ее Лиѳо, когда такъ называютъ. Артемида же получила имя, по видимому, отъ непорочности (ἀρτεμές) и скромности, за ея любовь къ дѣвственности. Впрочемъ, назвавшій эту богиню, можетъ быть, назвалъ ее за знаніе добродѣтели [1] (ἀρετῆς), или за то, что она ненавидѣла женскую ниву (ἄροτον), осѣменяемую мужчиною. И такъ, прилагавшій имена далъ такое имя богинѣ или за что нибудь въ этомъ родѣ, или за все сказанное.

Ерм. Что же Діонисъ и Афродита?

Сокр. О великомъ дѣлѣ спрашиваешь ты, сынъ Иппоника.
C. Но способъ изслѣдованія именъ, принадлежащихъ этимъ богамъ, есть и серьезный и шуточный: о серьезномъ спроси кого нибудь другаго; а шуточный ничто не мѣшаетъ разсмотрѣть и намъ, потому что шутку любятъ и боги. Если Діонисъ означаетъ дающаго вино (διδοὺς οἶνον), то Діонисомъ въ этомъ случаѣ онъ названъ былъ бы шуточно; а вино (οἶνος), располагающее многихъ пьяницъ, не имѣющихъ ума, думать (οἴεσθαι), будто у нихъ есть умъ (νοῦν ἔχειν), по всей справедливости, также въ шутку, могло бы быть названо виннымъ умомъ (οἰόνους). Что же касается до Афродиты,
D. то не слѣдуетъ противорѣчить Исіоду, но согласиться, что Афродита названа по ея рожденію изъ морской пѣны (ἀφρός).

Ерм. Но ты, какъ аѳинянинъ, Сократъ, конечно не забудешь ни объ Аѳинѣ, ни объ Ифестѣ и Ареѣ.

Сокр. Да и не естественно.

Ерм. Конечно нѣтъ.

Сокр. О другомъ-то ея имени не трудно сказать, почему оно приложено.

---

[1] За знаніе добродѣтели, ἀρετῆς ἵστορα. Шутка этой этимологіи такъ осязательна, что надобно быть слишкомъ тупоумнымъ, чтобы не замѣтить ея здѣсь, равно какъ и въ другихъ словопроизводствахъ. И однакожъ добрые грамматики всѣмъ этимъ этимологіямъ даютъ значеніе чистой правды, и, не задумываясь, вносятъ ихъ въ рядъ Платоновыхъ положеній.

Ерм. О какомъ?

Сокр. Мы называемъ же ее Палладою.

Ерм. Какъ не называть.

Сокр. Но полагая, что это имя взято отъ пляски въ вооруженіи, мы правильно, думаю, положили бы, потому что потрясать (πάλλειν) и потрясаться (πάλλεσθαι), прыгать (ὀρχεῖν) и кружиться (ορχεῖσθαι)—значитъ у насъ поднимать себя, или что другое вверхъ, взять что съ земли, или держать въ рукахъ. E. 407.

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ Паллада поэтому.

Ерм. Да и правильно. Но какъ скажешь о другомъ?

Сокр. Объ имени Аѳины?

Ерм. Да.

Сокр. Это тяжелѣе, другъ мой. Объ Аѳинѣ и древніе думали, по видимому, такъ, какъ думаютъ нынѣшніе знатоки Омира. Вѣдь многіе изъ этихъ, истолковывая поэта, говорятъ, что Аѳина сотворила самый умъ и мысль, и со- B. ставитель именъ такое что-то представлялъ относительно ея; еще же величественнѣе говоритъ онъ, называя Аѳину какъ бы умомъ Бога (θεοῦ νόησιν), какъ бы она есть Ѳеоноя (θεονόα), и въ этомъ словѣ, по произношенію иностранному, употребивъ, вмѣсто η, α, и отнявъ буквы ι и σ. А можетъ быть, и не такъ; но составитель именъ, предпочтительно предъ прочими, назвалъ ее Ѳеоноею, поколику она мыслитъ божественное. Ничто не мѣшаетъ полагать и то, что онъ разумѣлъ помышленіе сердца (τὴν ἐν τῷ ἤθει νόησιν) и, олицетворяя его въ этой богинѣ, хотѣлъ назвать ее Иѳоноею. Впослѣдствіи же либо самъ онъ, либо другіе, направ- C. ляя это имя, какъ думали, къ лучшему, назвали ее Аѳиною.

Ерм. Но что объ Ифестѣ? Какъ скажешь?

Сокр. Ты спрашиваешь о благородномъ знатокѣ свѣта (φάεος ἵστορα)?

Ерм. Выходитъ.

Сокр. Да не онъ ли это всѣмъ извѣстный Фестъ, притянувшій къ себѣ η?

Ерм. Должно быть, если только тебѣ, сколько видно, не кажется какъ нибудь иначе.

Сокр. Но что бы ни казалось, спрашивай объ Ареѣ.

Ерм. Спрашиваю.

D. *Сокр*. Арей, если угодно, могъ быть названъ по мужескому полу (ἄῤῥεν) и по мужеству (ἀνδρεῖον); да хотя бы опять назывался онъ по жесткости и неуступчивости, что выражается словомъ ἄῤῥατον (несокрушимое),—воинственному богу и въ этомъ и во всякомъ смыслѣ прилично называться Ареемъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Теперь отъ боговъ отстанемъ, ради боговъ; потому что я боюсь разсуждать о нихъ. Предлагай мнѣ вопросы о чемъ хочешь другомъ, чтобы тебѣ видѣть, каковы кони Эвтифроновы [1].

E. *Ерм*. Конечно, сдѣлаю такъ; но по крайней мѣрѣ объ одномъ еще спрошу тебя, объ Эрміи; ибо Кратилъ не соглашается, что я «Ермогенъ» [2]. Постараемся же разсмотрѣть Эрмія, что значитъ это имя, чтобы видѣть, говоритъ ли этотъ что нибудь.

Сокр. Да это-то имя, «Эрмій», по видимому, относится нѣсколько и къ предмету, потому что означаетъ истолкователя,
408. вѣстника, хищника и обманщика на словахъ и дѣятеля на торговой площади: всѣ эти занятія касаются содержанія нашей рѣчи. И такъ, что говорили мы и прежде, глаголъ εἴρειν [3] означаетъ употребленіе слова, а другой, часто встрѣчающійся у Омира [4] въ формѣ ἐμήσατο, значитъ *измышлять*.

---

[1] Каковы кони Эвтифроновы. Принаровленіе къ стиху Омира, Iliad. V, 221: ἀλλ' ἄγ' ἐμῶν ὀχέων ἐπιβήσεο, ὄφρα ἴδηαι, οἷοι Τρώϊοι ἵπποι.

[2] См. p. 383 B; 384 C.

[3] См. p. 398 D.

[4] Объ омирическомъ словѣ ἐμήσατο снес. Iliad. ζ' 157; Odyss. γ' 119, 303, κ' 115, λ' 428, χ' 194.

Изъ обоихъ этихъ глаголовъ какъ бы повелѣваетъ намъ законодатель составлять имя бога, введшаго въ употребленіе
рѣчь и выдумавшаго слово. Люди! кто выдумалъ употреб- B.
лять рѣчь (τὸ εἴρειν), тотъ можетъ справедливо называться у васъ εἰρέμης. А мы теперь, заботясь, думаю, о прикрасахъ, измѣнили это имя въ Эрмія. Да и Ирида названа, видно, отъ εἴρειν, потому что она была вѣстницею.

Ерм. Клянусь Зевсомъ,—Кратилъ, стало быть, какъ мнѣ кажется, хорошо говоритъ, что я не Ермогенъ; потому что вовсе не легко измышляю слово.

Сокр. Но вѣдь и Панъ-то, сынъ Эрмія, вѣроятно, имѣетъ
двѣ природы [1], другъ мой. C.

Ерм. Какъ же такъ?

Сокр. Ты знаешь, что это слово означаетъ все (τὸ πᾶν); оно всегда круговращаетъ и перевертываетъ; оно—двойное: истинное и ложное.

Ерм. Конечно.

Сокр. Истинная сторона его легка и божественна, она живетъ вверху между богами; а ложная—внизу, среди народной черни,—она жестка и трагична [2] (козлиста). Отсюда-то въ трагичной (козлистой) жизни множество басенъ и лжи.

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, все (τὸ πᾶν), показывающее и всегда вра-
щающее (ἀεὶ πολῶν), правильно называется Паномъ, пасту- D.
хомъ козъ (αἰπόλος), двухприроднымъ сыномъ Эрмія, который вверху легокъ, а внизу жостокъ и козловиденъ. При-

---

[1] О Панѣ, сынѣ Ермія, см. Lucian. Dialogg. deor. XXII. Этимъ производствомъ имени Сократъ остроумно и шутливо указываетъ на способъ разсужденій эристиковъ, которые, не заботясь объ истинѣ, все колебали и расшатывали своими хитросплетеніями. Сюда относится διπλοῦς λόγος, ἀληθής τε καὶ ψευδής, которое философъ шутливо сравниваетъ съ верхними и нижними частями Пана.

[2] Трагична или козлиста, τραγικόν. Это—прекрасная амфиболія, которою ловко затрогиваются трагическія басни поэтовъ. Мысли Платона о народной эллинской трагедіи ясно и опредѣленно высказаны въ его книгахъ о Государствѣ.

томъ Панъ есть или слово, или братъ слова, если только онъ—сынъ Эрмія; братъ же если походитъ на брата,—нѣтъ ничего удивительнаго. Но, какъ я уже говорилъ, отстанемъ отъ боговъ, почтеннѣйшій.

Ерм. Отъ такихъ-то, Сократъ, пожалуй, если хочешь; но о другихъ чтò мѣшаетъ тебѣ разсуждать,—напримѣръ, о солнцѣ, о лунѣ, о звѣздахъ, о землѣ, объ эѳирѣ, о возду-
E. хѣ, объ огнѣ, о водѣ, о годовыхъ временахъ, о годѣ?

Сокр. Ты слишкомъ многое приказываешь мнѣ. Впрочемъ, если это будетъ тебѣ пріятно, я готовъ.

Ерм. Сдѣлай одолженіе.

Сокр. О чемъ же сперва хочешь слышать? Или, какъ сказалъ, будемъ разсуждать о солнцѣ?

Ерм. Конечно.

409. *Сокр.* Но рѣчь о солнцѣ, по видимому, сдѣлалась бы болѣе наглядною, если бы говорящій воспользовался дорійскимъ его именемъ; у Дорянъ же оно называются ἅλιος. Дорійское ἅλιος, примѣнительно къ глаголу ἁλίζειν, значитъ—собираться людямъ въ одно мѣсто, когда солнце восходитъ; могло быть оно названо и потому, что всегда (ἀεὶ) въ своемъ ходѣ вращается (εἰλεῖ) около земли, или и потому, что своимъ движеніемъ разнообразитъ (ποικίλλει) произведенія земли; а разнообразить и испещрять цвѣтами (αἰολεῖν)—одно и то же.

Ерм. Чтò же будетъ луна?

Сокр. Это имя—σελήνη,—видимо, дразнитъ Анаксагора.

Ерм. Отчего такъ?

Сокр. Выходитъ, что онъ открылъ только старое, ска-
B. завъ недавно, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца.

Ерм. Какъ это?

Сокр. Такъ, что τὸ σέλας (блескъ) и τὸ φῶς (свѣтъ)—то же самое.

Ерм. Да.

Сокр. Но этотъ свѣтъ вокругъ луны всегда новъ и дре-

венъ, если только анаксагорейцы [1] говорятъ правду. Всегда ходя около нея, солнце постоянно обливаетъ ее новымъ свѣтомъ, старый же остается отъ прежняго мѣсяца.

Ерм. Конечно.

Сокр. А Селанееюто (Σελαναία) называютъ ее многіе.

Ерм. Конечно.

Сокр. Поколику же она всегда имѣетъ блескъ (σέλας) новый (νέον) и старый (ἔνον), то по всей справедливости могла бы быть названа составнымъ именемъ σελαενονεοάεια, которое
въ слитномъ видѣ произносится σελαναία. C.

Ерм. Это имя по крайней мѣрѣ диѳирамвическое, Сократъ. Но какъ ты говоришь о мѣсяцѣ и звѣздахъ?

Сокр. Мѣсяцъ (μεὶς) могъ бы, отъ уменьшаемости (μειοῦσθαι), правильно быть названъ μείης; а звѣзды (ἄστρα) получили имя, по видимому, отъ молніи (ἀστραπή); молнія же (ἀστραπή),—такъ какъ она заставляетъ отвращать глаза (ὦπα),—могла бы быть названа ἀναστρωπή; между тѣмъ какъ теперь, для красоты, она называется ἀστραπή.

Ерм. Чтò же огонь и вода?

Сокр. Касательно огня я недоумѣваю: должно быть, либо D.
муза Эвтифронова оставила меня, либо это очень трудно. Смотри же, какимъ пользуюсь я средствомъ въ отношеніи ко всему тому, въ чемъ недоумѣваю.

Ерм. Какимъ же?

Сокр. Я открою тебѣ. Отвѣчай-ка мнѣ: можешь ли сказать, какимъ образомъ получилъ имя огонь?

Ерм. Клянусь Зевсомъ, не могу.

Сокр. Наблюдай же, чтò я подозрѣваю въ отношеніи къ нему. Я замѣчаю, что эллины, и особенно тѣ изъ нихъ,

---

[1] Анаксагоръ, говорятъ, первый началъ опредѣленнѣе учить, какъ это бываетъ, что свѣтъ луны то получаетъ приращеніе, то ущербляется. Plutarch. Vit. Nic. 23: ὁ γὰρ πρῶτος σαφέστατόν τε πάντων καὶ θαῤῥαλεώτατον περὶ σελήνης καταυγασμῶν καὶ σκιᾶς λόγον εἰς γραφὴν καταθέμενος Ἀναξαγόρας. Origen. Philosoph. 8: οὗτος ἀφώρισε πρῶτος τὰ περὶ τὰς ἐκλείψεις καὶ φωτισμούς.

E. которые живутъ подъ властію варваровъ, многими именами обязаны варварамъ.

Ерм. Такъ что же?

Сокр. Кто изслѣдываетъ это имя по законамъ эллинскаго языка, естественно ли оно придано, а не по законамъ того, отъ котораго оно произошло, тотъ, знай, будетъ недоумѣвать.

Ерм. Естественно.

410. *Сокр.* Смотри же, и это имя,—огонь,—не есть ли что-то варварское; потому что не легко привить его къ языку эллинскому; и вотъ фригійцы, произнося это слово, очевидно уклоняются нѣсколько отъ эллинскаго его произношенія. Таковы же слова: вода, собака и многія другія.

Ерм. Такъ.

Сокр. Стало быть, тутъ не должно быть насилія; потому
B. что могутъ вѣдь и вспомнить ихъ. Поэтому огонь и воду я устраняю. Но воздухъ, Ермогенъ, не потому ли названъ воздухомъ (ἀήρ), что поднимаетъ (αἴρει) наземное; или—что онъ всегда течетъ (ῥεῖ), или—что отъ его теченія происходитъ вѣтеръ? Потому что вѣтры у поэтовъ называются дуновеніями (ἀῆται). Можетъ быть, смыслъ его такой, какъ бы кто говорилъ πνευματόῤῥουν (потокъ вѣтра), ἀητόῤῥουν (потокъ дуновеній). А эѳиръ я понимаю какъ-то такъ, что онъ всегда бѣжитъ (ἀεὶ θεῖ), обтекая воздухъ (ἀέρα), и потому справедливо могъ бы быть названъ ἀειθεήρ (непрестаннымъ обтекателемъ воздуха). Земля же (γῆ) скорѣе имѣетъ
C. то значеніе, какое соединяютъ съ нею, называя ее Геею (Γαῖα); потому что Гея правильно называется родительницею, какъ говоритъ Омиръ, у котораго γεγάασι значитъ *порождены*.

Ерм. Пускай.

Сокр. Что же было у насъ предположено послѣ этого?

Ерм. Годовыя времена, Сократъ, и самый годъ.

Сокр. Годовыя времена [1] (ὧραι), если хочешь знать это имя

---

[1] Годовыя времена, ὧραι. Ὥραι должно произносить на древнемъ аттическомъ нарѣчіи; стало быть, надобно говорить ὅραι, потому что ω и η въ Аѳинахъ въ древности не употреблялись. Но ὅραι суть предѣлы зимы, лѣта и проч.

по надлежащему, надобно произносить аттически, какъ произносили его въ древности; ибо годовыя времена (ὧραι) названы такъ потому, что ими опредѣляются (ὁρίζονται) зимы, лѣта, вѣтры и произрастающіе изъ земли плоды. А какъ опредѣ- D.
ляющія, они справедливо называются ὧραι. Слова же ἐνιαυτός и ἔτος (годъ) должны составлять нѣчто одно. Вѣдь это—всякая вещь, преемственно выводящая на свѣтъ то, что раждается и бываетъ, и выводимое испытывающая (ἐξετάζον) въ себѣ (ἐν ἑαυτῷ): какъ прежде видѣли мы, что Зевса, раздѣливъ имя его надвое, люди стали называть то Зиномъ (Ζῆνα), то Діемъ (Δία); такъ и теперь—годъ одни называютъ ἐνιαυτόν, потому что онъ въ себѣ (ἐν ἑαυτῷ), а другіе—ἔτος, потому что онъ испытываетъ. Цѣлое же выраженіе, которымъ означается испытующее въ себѣ, показываетъ одно, раздѣленное надвое; E.
такъ что въ одномъ словѣ вышли два имени—ἐνιαυτός и ἔτος.

Ерм. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, ты оказалъ большіе успѣхи.

Сокр. Да, въ мудрости, думаю, я далеко ушелъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Вѣроятно, еще будешь говорить.

Ерм. Да, послѣ этого вида я охотно разсмотрѣлъ бы тѣ 411.
прекрасныя [1] имена,—въ какой степени справедливо они приложены,—имена, относящіяся къ добродѣтели, какъ-то: разумность, смышленость, справедливость и всѣ подобныя этимъ.

Сокр. Ты поднимаешь, другъ, не маловажный родъ именъ: но такъ какъ теперь я одѣтъ въ кожу льва [2], то не надобно робѣть; надобно, какъ видно, разсматривать и разум-

---

[1] Прекрасныя имена, τὰ καλὰ ὀνόματα, то есть слова, которыми означаются прекрасныя вещи (De Rep. 1, p. 344 B. Hipp. m. p. 288 D).

[2] Здѣсь указывается на басню Езопа, въ которой разсказывается, что оселъ, одѣвшись въ кожу льва, хотѣлъ, чтобъ его почитали львомъ, и потому издавалъ дикія и страшныя рычанія. Но наконецъ кто-то, видѣвшій и осла и льва, открылъ обманъ и глупое животное прогналъ палкою (Aesopi Fabul. 113).

ность, и смышленость, и думу, и знаніе, и прочія, всѣ тѣ, о которыхъ говоришь, прекрасныя имена.

B. *Ерм.* Конечно, не слѣдуетъ намъ отказываться.

Сокр. Однакожъ, клянусь собакою, мнѣ кажется, я не худо догадываюсь-то, какъ и сейчасъ думалъ, что самые древніе люди, занимавшіеся приложеніемъ именъ, какъ и теперь многіе изъ софистовъ, отъ частаго верченья, при поискахъ того, въ чемъ состоитъ существо дѣла, страдаютъ круженіемъ головы, и оттого имъ представляется, будто кружатся и всячески вращаются самыя вещи; причину, то есть,
C. этого своего мнѣнія видятъ они не въ себѣ, не въ собственномъ своемъ состояніи, но таковы, говорятъ, самыя вещи, что ничто между нами не стоитъ, не бываетъ твердо, а все течетъ, несется и всегда беременѣетъ всякимъ движеніемъ и рожденіемъ. Такъ я говорю, имѣя въ виду всѣ упомянутыя теперь имена.

Ерм. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Можетъ быть, ты не понялъ сейчасъ сказаннаго, что имена прилагаются все какъ будто къ вещамъ несущимся, текущимъ и происходящимъ.

Ерм. Не очень вдумался.

D. *Сокр.* Однакожъ первое это, что̀ какъ первое высказано нами, непремѣнно таково?

Ерм. Что такое?

Сокр. Разумность (φρόνησις): вѣдь это есть мысль (νόησις) о движеніи (φορᾶς) и теченіи (ῥοῦ); а можно понимать и выгоду движенія (φορᾶς ὄνησιν); по крайней мѣрѣ здѣсь говорится о движеніи. Потомъ, дума (γνώμη), если угодно, всячески указываетъ на разсматриваніе и колебаніе (νώμησιν) порожденія (γονῆς); ибо колебать (νωμᾶν) и разсматривать—одно и то же. Далѣе, если хочешь, самая мысль (νόησις) есть желаніе новаго (νέου ἕσις), а новымъ означается то, что всегда происходитъ. Это-то расположеніе души хотѣлъ выразить
E. положившій имя νεόεσιν; потому что въ древности говорили не νόησις, но вмѣсто η надлежало читать двойное ε,—νεόεσιν.

А разсудительность [1] (σωφροσύνη), которую мы сейчасъ только разсматривали, есть сохраненіе разумности (σωτηρία φρονήσεως). Даже и знаніе-то [2] (ἐπιστήμη) показываетъ какъ бы послѣдо- 412.
ваніе (ἑπομένης) замѣчательной души за ходомъ дѣлъ, причемъ она и не отстаетъ, и не забѣгаетъ впередъ. Поэтому въ слово ἐπιστήμη надобно внесть ι и читать ἐπιίστημη. И смышленость (σύνεσις) опять можетъ казаться чѣмъ-то такимъ, какъ соображеніе; когда говорятъ: ξυνιέναι (ξὺν ἰέναι), тогда это говоримое совершенно соотвѣтствуетъ τῷ ἐπίστασθαι (знанію), ибо шествіе вмѣстѣ означаетъ душу, идущую рядомъ съ вещами. Такъ и мудрость (σοφία) значитъ — касаться B.
движенія. Это, конечно, довольно темно и странно: но мы должны припомнить по мѣстамъ слова поэтовъ, которые, когда говорятъ о чемъ нибудь такомъ, что начинаетъ идти быстро, употребляютъ слово ἐσύθη (шелъ торопливо). А у одного изъ благородныхъ лаконцевъ было и имя Σοῦς, которымъ лакедемоняне называютъ быстрое стремленіе. Осязаніемъ (ἐπαφή) этого-то движенія, когда движутся вещи, означается ἡ σοφία. Что же касается слова τὸ ἀγαθόν (добро), то это имя естественно прилагается къ тому, что̀ по всей своей природѣ ἀγαστόν (достойно удивленія); ибо такъ какъ C.
вещи идутъ, то есть въ нихъ скорость, есть и медленность. Но таково не все, а нѣчто, достойное удивленія (ἀγαστόν),

---

[1] Штальбомъ удивляется, что Аристотель (Ethic. VI, 5) подтверждаетъ изложенную Сократомъ этимологію слова σωφροσύνη, ибо стагирскій философъ говоритъ такъ: ἔνθεν καὶ τὴν σωφροσύνην τούτῳ προσαγορεύομεν τῷ ὀνόματι, ὡς σώζουσαν τὴν φρόνησιν. То же высказываетъ и Etymologia Magna (p. 744, 33): σωφροσύνη παρὰ τὸ σώζειν τὸ φρονεῖν, ἢ παρὰ τὸ σῶμα φρουρεῖν ἀπὸ ῥύπου, ἢ διὰ τὰ σῶα φρονεῖν. По нашему мнѣнію, это не только не удивительно, а напротивъ, весьма справедливо; потому что σωφροσύνη, по самой точной этимологіи, значитъ — здравомысліе. Вотъ почему, желая взять нѣсколько шире это слово, мы, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, постоянно переводили σωφροσύνη словомъ разсудительность, соотвѣтствующимъ нѣмецкому Besonnenheit.

[2] Эта этимологія явно направлена къ опроверженію понятій гераклитовскихъ и протагоровскихъ. Такъ какъ философы сихъ школъ полагали, что все непрестанно движется, то необходимо должны были согласиться, что и умъ, если надобно ему что нибудь познать, принужденъ слѣдовать своимъ движеніемъ за идущею впередъ природою вещей.

быстрое (θόον). Этому-то достойному удивленія (ἀγαστῷ) дано названіе—добро (ἀγαθόν). Справедливость, такъ какъ это имя прилагается къ разумѣнію праваго, легко понять, а самое правое—трудно: да и видно, что до нѣкоторой степени большинство соглашается въ этомъ, а потомъ начи-
D. наетъ разногласить. Вѣдь держащіеся той мысли, что все—въ ходу, представляютъ въ мірѣ, конечно, много такого, что есть не болѣе, какъ преходящее; однакожъ во всемъ этомъ допускаютъ и нѣчто, чѣмъ проникается цѣлое, и что производитъ все бывающее. Это нѣчто есть быстрѣйшее и тончайшее, потому что не иначе можно проникать все преходящее, какъ будучи самымъ тонкимъ, чтобы ничѣмъ не задерживаться, и самымъ быстрымъ, чтобы пользоваться всѣмъ другимъ, какъ бы оно стояло. Но такъ какъ проникающее (διαϊόν) управляетъ
E. всѣмъ прочимъ, то это имя правильно дано справедливому (δίκαιον), принявъ для благозвучія звукъ κ.—И вотъ доселѣ,
413. какъ мы теперь говорили, большинство соглашается, что это есть справедливое. Но я, Ермогенъ, человѣкъ въ этомъ отношеніи докучливый, разузналъ все здѣсь тайно, будто справедливое (δίκαιον) тожественно съ причиною (αἴτιον),—ибо то, чрезъ что (δι' ὅ) нѣчто бываетъ, есть причина,—и иные собственно ради причины почитали это названіе правильнымъ. А когда, выслушавъ такое мнѣніе, я тѣмъ не менѣе снова потихоньку спрашиваю: что же такое будетъ справедливое, почтеннѣйшій, если это такъ?—тогда мой вопросъ, кажется, заходитъ уже далѣе надлежащаго, переска-
B. киваетъ [1] чрезъ предметъ изслѣдуемый. Довольно, говорятъ, знать мнѣ и слышать; думая же удовлетворить меня, начинаютъ утверждать—одинъ то, другой—другое, и тутъ болѣе не сходятся между собою. Иной, напримѣръ, полагаетъ:

---

[1] О пословицѣ: ὑπὲρ τὰ σκάμματα, или τὰ ἐσκαμμένα ἅλλεσθαι, перескакивать чрезъ предметъ изслѣдуемый, говорятъ: Zenobius, Cent. VI, Prov. 23; Eustathius ad Hom. Odyss. p. 302, 2. Употребленіе ея, по замѣчанію Leopard. (Emendatt. 1, c. 22), особенно нравилось церковнымъ писателямъ.

справедливое (δίκαιον) вотъ что,—солнце; потому что оно одно, все проникая (διαϊόντα) и разгорячая (κάοντα), управляетъ сущимъ. А какъ скоро, выслушавъ это, будто что-то прекрасное, я начинаю съ удовольствіемъ пересказывать кому нибудь то же самое,—этотъ слушатель смѣется надо мною и спрашиваетъ: неужели, думаешь, у людей не бываетъ ничего справедливаго, когда солнце зашло? Потомъ, склоняясь на мои докуки, онъ съ своей стороны заявляетъ, что справедливое есть самый огонь. Но въ этомъ не легко удостовѣриться. C. Другой разумѣетъ здѣсь не самый огонь, а скрывающуюся въ огнѣ теплоту. Третій смѣется надъ всѣми подобными мнѣніями и говоритъ: справедливое есть то, чѣмъ признаетъ его Анаксагоръ,—это умъ; потому что умъ, по мнѣнію Анаксагора, самодержавно и ни съ чѣмъ не смѣшиваясь, проходитъ всюду и устрояетъ всѣ вещи [1]. Такъ здѣсь, другъ мой, я прихожу гораздо въ большее недоумѣніе, чѣмъ въ какомъ находился, когда только что началъ изучать справедливое, что̀ такое оно. Впрочемъ имя-то, ради котораго D. было у насъ изслѣдованіе, приложено къ справедливому, явно, поэтому.

Ерм. Мнѣ представляется, Сократъ, что ты слышалъ это отъ кого нибудь, а не самъ сочинилъ.

Сокр. А касательно другихъ-то именъ?

Ерм. Тѣ не такъ.

Сокр. Слушай же. Можетъ быть, я и въ остальномъ обману тебя, будто говорю, не слушавъ никого. Что еще остается у насъ послѣ справедливости? Думаю, мы не разсматривали еще мужества. Несправедливость-то (ἀδικία) вѣдь, въ су-

---

[1] Τὸ δίκαιον опять принимается за одно и то же съ τὸ αἴτιον. Изъ этого видно, почему здѣсь могло быть упомянуто положеніе Анаксагора, о которомъ см. Phaedon. p. 98 B. Анаксагоръ понималъ умъ, какъ αὐτοκράτορα, не подчиненнаго никакой чуждой власти, или, какъ говоритъ Aristot. (De anima, I, 2, 22, III, 4, 3, 5), ἀπαθῆ (см. Trendelenb. ad Arist. de anima p. 467). Сюда же относится его выраженіе: οὐδενὶ μεμιγμένον, или ἀμιγῆ; ибо, смѣшавшись съ чужими частями, ὁ νοῦς не имѣлъ бы возможности упорядочивать и устроять природу вещей.

E. ществѣ дѣла, очевидно, есть только помѣха тому, что̀ проникаетъ (διαϊόντος), а мужество (ἀνδρεία) значитъ, что это имя получило свое начало отъ борьбы; борьба же, когда что течетъ (ῥεῖ), существенно условливается не инымъ чѣмъ, какъ противнымъ теченіемъ (ἐναντίαν ῥοήν). Поэтому если изъ имени ἀνδρεία мы выкинемъ δ, то самое дѣло укажетъ на имя ἀνρεία. Но явно, что не всякому теченію противное теченіе есть ἀνδρεία, а только тому, которое направляется
414. противъ справедливаго; ибо иначе мужество не было бы похваляемо. И мужескій полъ (ἄῤῥεν) и мужчина (ἀνήρ) близко подходятъ къ сказанному значенію, то есть, къ теченію вверхъ (ἄνω ῥοῇ). Напротивъ, женщина (γυνή), по моему представленію, значитъ порожденіе (γονή). Женскій же полъ (θῆλυ) названъ, кажется, отъ сосца (θηλῆς); а сосецъ-то (θηλή), Ермогенъ, не отъ того ли, что орошаемое имъ онъ заставляетъ цвѣсти (θηλεῖν)?

Ерм. Видно, такъ, Сократъ.

Сокр. Даже самое слово ботѣть (θάλλειν), по моему мнѣнію, выражаетъ возрастаніе юношей, такъ какъ возрастаніе ихъ совершается скоро и вдругъ. Поддѣлывая это слово,
B. наименователь сложилъ его изъ глаголовъ θεῖν (бѣжать) и ἅλλεσθαι (скакать). Но ты не замѣчаешь, что я несусь какъ бы внѣ поприща, хватаясь за легкое: тогда какъ у насъ остается еще много такого, что кажется серьезнымъ.

Ерм. Ты говоришь правду.

Сокр. И между серьезными-то вещами надобно взглянуть на искусство, что̀ значитъ оно.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но искусство-то (τέχνη) не означаетъ ли обладанія
C. умомъ (ἕξιν νοῦ), если отнимешь букву τ, а между χ, ν и η внесешь ο.

Ерм. Это-то очень натянуто, Сократъ.

Сокр. Ты не знаешь, почтеннѣйшій, что первыя установленныя имена уже завалены тѣми, которые хотѣли придать имъ трагическій характеръ, чрезъ прибавку и убавку буквъ ради благозвучія и чрезъ различное перевертываніе

ихъ, въ видахъ украшенія и по вкусу времени. Вотъ и въ словѣ κάτοπτρον (зеркало) не кажется ли тебѣ странною вставка буквы ρ? Вѣдь это дѣлаютъ, думаю, тѣ, которые нисколько не заботятся объ истинѣ, а только фигурничаютъ D.
устами; такъ что, внесши многое въ первыя имена, они наконецъ производятъ то, что ни одинъ человѣкъ не понимаетъ, что̀ значитъ извѣстное имя; напримѣръ, и сфинкса (σφίγγα), вмѣсто финкса (φιγγός), называютъ сфинксомъ, и многое другое.

Ерм. Это такъ, Сократъ.

Сокр. Съ другой стороны, кто позволитъ себѣ вносить въ имена и отнимать отъ нихъ, что заблагоразсудитъ, тотъ будетъ имѣть большое удобство прилаживать всякое имя ко всякой вещи.

Ерм. Ты правду говоришь. E.

Сокр. Конечно, правду. Поэтому тебѣ, мудрому вождю рѣчи, надобно, да и естественно, думаю, соблюдать мѣру.

Ерм. Желалъ бы.

Сокр. И я вмѣстѣ съ тобою желаю, Ермогенъ; только не слишкомъ гоняйся за точностію, любезнѣйшій, чтобы не надорвать моихъ силъ [1]. Вѣдь я приступаю къ глав- 415.
нѣйшему въ томъ, о чемъ говорилъ; такъ какъ послѣ имени τέχνη мы будемъ разсматривать слово μηχανή. Μηχανή (машина), мнѣ кажется, есть знакъ длиннаго пути къ совершенству (ἄνειν); потому что μῆχος (долгота) означаетъ длинный путь. Такъ изъ обоихъ этихъ словъ—μῆχος и ἄνειν,—сложено имя μηχανή. Но, какъ я и сейчасъ сказалъ, намъ надобно идти къ главнѣйшему въ томъ, о чемъ было говорено: теперь должно изслѣдовать, что̀ значатъ имена: добродѣтель (ἀρετή) и порокъ (κακία). Одного изъ нихъ я еще не B.
достигаю своимъ взглядомъ, а другое кажется мнѣ очевид-

---

[1] Чтобы не надорвать моихъ силъ, μή μ' ἀπογυιώσῃς μένεος,—слова Гектора, Homer. Iliad. VI, 265: μή μ' ἀπογυιώσῃς μένεος δ' ἀλκῆς τε λάθωμαι. Это—тонкая насмѣшка Сократа надъ строгостію и серьезностію Ермогена въ производствѣ именъ.

нымъ, потому что согласно со всѣмъ прежнимъ. При всеобщемъ движеніи вещей, все идущее дурно (κακῶς) есть порокъ (κακία); а когда это совершается въ душѣ,—что она дурно направляется путемъ дѣлъ,—тогда оно, отъ имени цѣлаго, называется порокомъ по преимуществу. А что̀ значитъ идти дурно, мнѣ кажется явно и изъ слова δειλία (робость), которое мы прошли не разсмотрѣвши, тог-
C. да какъ слѣдовало разсмотрѣть его вмѣстѣ съ ἀνδρεία (мужествомъ); должно быть, пропущено у насъ и многое другое. Слово δειλία (робость души) означаетъ крѣпкія узы; ибо λίαν (слишкомъ) есть нѣкоторая сила: поэтому δειλία должно выражать сильныя и величайшія узы души; равно какъ и словомъ ἀπορία (недоумѣніе) и всякимъ другимъ, которымъ, какъ видно, указывается на препятствіе въ хожденіи и движеніи, выраж ется зло. Такъ вотъ что, по видимому, значитъ дурно идти: значитъ задерживаться и встрѣчать препятствія въ хожденіи; и когда это бываетъ въ душѣ, тогда она становится полна порока. Если же въ этомъ имя
D. «порокъ», то имя «добродѣтель» (ἀρετή) будетъ противно сему, означая сперва удобное хожденіе, а потомъ—разрѣшенное теченіе доброй души; такъ что это имя досталось, какъ видно, тому, что всегда течетъ (ἀεὶ ῥέον) неудержимо и безпрепятственно. Посему добродѣтель правильно было бы называть ἀειρείτη (всегда текущею). Впрочемъ, можетъ быть, разумѣютъ подъ нею и αἱρετήν (избранную), такъ какъ она есть состояніе самое избранное. Сокращенно же назвали ее ἀρετή. Теперь, можетъ быть, не станешь говорить, что я
E. выдумываю. Полагаю, что если правильно сказанное мною передъ симъ, что такое порокъ, то правильно и это имя—добродѣтель.

Ерм. Но что будетъ значить имя κακόν (зло), о которомъ
416. прежде ты много говорилъ?

Сокр. Страннымъ, клянусь Зевсомъ, кажется мнѣ это имя, и труднымъ для объясненія. Такъ и къ нему я прилаживаю ту машину.

Ерм. Какую это?

Сокр. Ту, которую назвали мы чѣмъ-то варварскимъ.

Ерм. Походитъ-таки, что говоришь правду. Впрочемъ, если хочешь, оставимъ это и постараемся разсмотрѣть прекрасное и постыдное, что̀ въ нихъ скрывается основательнаго.

Сокр. Смыслъ слова αἰσχρόν (постыдное) представляется мнѣ даже явнымъ; ибо онъ согласенъ съ прежними изслѣ- B. дованіями. Мнѣ думается, что налагатель именъ всегда укоряетъ вещи, препятствующія теченію и задерживающія его; а потому и здѣсь всегда задерживающему теченіе (ἀεὶ ἴσχοντι τὸν ῥοῦν) далъ это имя ἀεισχοροῦν, сокращенно произносимое теперь αἰσχρόν.

Ерм. Что же будетъ прекрасное?

Сокр. Это труднѣе понять, хотя смыслъ-то его зависитъ только отъ гармоніи и долготы слога οῦ.

Ерм. Какъ это?

Сокр. Это имя, по видимому, есть наименованіе разсудка.

Ерм. Какъ ты говоришь? C.

Сокр. Ну да по какой причинѣ, думаешь, названа каждая вещь? Не эта ли причина дала имена?

Ерм. Непремѣнно.

Сокр. И не въ разсудкѣ ли она или боговъ, или людей, или тѣхъ и другихъ?

Ерм. Да.

Сокр. Но τὸ καλέσαν (назвавшее) вещи и τὸ καλόν (прекрасное) не то же ли самое,—не разсудокъ ли это?

Ерм. Видимо.

Сокр. А все, что производится умомъ и разсудкомъ, не есть ли произведеніе похвальное? Напротивъ, что не ими,—достойно порицанія? D.

Ерм. Конечно.

Сокр. Но врачебнымъ производится врачебное, плотническимъ—плотническое? Или какъ ты скажешь?

Ерм. Скажу такъ.

Сокр. Стало быть, прекраснымъ—прекрасное?

Ерм. По крайней мѣрѣ, надобно полагать.

Сокр. А это-то—не разсудокъ ли, какъ мы говоримъ?

Ерм. Конечно.

Сокр. Стало быть, это наименованіе, τὸ καλὸν (прекрасное), правильно прилагается къ разумности, когда она совершаетъ такія вещи, которыя мы съ удовольствіемъ называемъ прекрасными.

Ерм. Видимо.

E. *Сокр.* Что же еще остается у насъ изъ этого?

Ерм. Остаются слова, относящіяся къ доброму и прекрасному: пригодное, выгодное, полезное, прибыльное и противное всему этому.

417. *Сокр.* Ξυμφέρον (пригодное), вѣроятно, найдешь и ты, если будешь соображать прежнее, ибо оно родственно съ знаніемъ: оно выражаетъ не иное что, какъ движеніе (φορὰν) души вмѣстѣ съ вещами; поэтому происходящія отсюда дѣла, отъ совмѣстнаго движенія (ξυμπεριφέρεσθαι) названы пригодными (συμφέροντα), или вмѣстѣ движущимися (σύμφορα).

Ерм. Походитъ.

Сокр. А κερδάλεον (прибыльное) происходитъ отъ κέρδος
B. (прибыль). Κέρδος же обнаружитъ свое значеніе, если вмѣсто δ поставить въ немъ ν; потому что имъ иначе только именуется доброе. Проходя во все, оно смѣшивается (κεράννυται), и налагатель именъ, чтобы означить эту его силу, далъ ему такое и имя; а потомъ, вмѣсто ν, поставили δ и стали произносить κέρδος.

Ерм. Λυσιτελοῦν же (выгодное) что такое?

Сокр. По видимому, употреблять это слово, Ермогенъ, надобно не такъ, какъ употребляютъ его торговцы, разумѣя подъ нимъ вознагражденіе расхода; не этотъ, мнѣ кажется, смыслъ заключаетъ въ себѣ λυσιτελοῦν (выгодное), а тотъ,
C. что оно, будучи быстрѣе всего, не позволяетъ останавливаться дѣламъ и, когда движеніе пришло къ концу, не даетъ ему застаиваться и прекращаться, но всегда разрѣшаетъ остановку (λύει τέλος), если бы она хотѣла существиться, и дѣ-

лаетъ движеніе безпрерывнымъ и безсмертнымъ. Поэтому-то, мнѣ кажется, добро почтили словомъ выгоды (λυσιτελοῦν), ибо выгоднымъ (λυσιτελοῦν) назвали движеніе, разрѣшающее конецъ (λύον τὸ τέλος). Ὠφέλιμον же (полезное)—слово иностранное, которымъ часто пользуется и Омиръ въ формѣ ὀφέλλειν: это—названіе увеличенія и возрастанія.

Ерм. Но что будутъ у насъ имена, этимъ противныя? D.

Сокр. Тѣ, которыми выражается отрицаніе ихъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, не должны быть изслѣдываемы.

Ерм. Какія это?

Сокр. Ἀξύμφορον (непригодное), ἀνωφελὲς (безполезное), ἀλυσιτελὲς (невыгодное), ἀκερδὲς (неприбыльное).

Ерм. Правду говоришь.

Сокр. А βλαβερὸν (гибельное) и ζημιῶδες (вредное) достойны изслѣдованія.

Ерм. Да.

Сокр. И βλαβερὸν-то (гибельное) есть вредящее теченію
(βλάπτον τὸν ῥοῦν); а вредящее (βλάπτον) опять есть желаю- E.
щее связать (ἅπτειν); связывающее же и вяжущее (ἅπτειν
καὶ δεῖν)—одно и то же: это имена порицанія. И такъ, что̀
желаетъ связать теченіе (τὸ βουλόμενον ἅπτειν ῥοῦν), то правильно могло бы быть названо βουλαπτεροῦν, а для красоты, какъ мнѣ представляется, стали называть это βλαβερόν.

Ерм. Пестры выходятъ у тебя имена-то, Сократъ; ты какъ
будто насвистываешь теперь прелюдію посвященной Аѳинѣ 418.
пѣсни [1], когда произносишь это имя—βουλαπτεροῦν.

Сокр. Не моя вина, Ермогенъ; виноваты полагатели именъ.

Ерм. Правда. Но ζημιῶδες (вредное) что же будетъ?

---

[1] Пѣсня, νόμος, или напѣвъ пѣсни, посвященной Минервѣ, весьма разнообразился. См. Pollux IV, 77; сн. IV, 66. Hesych. in v. Ἀθηνᾶ. И такъ, Ермогенъ въ шутку говоритъ Сократу, что онъ какъ бы пропѣлъ прелюдію къ пѣснѣ, посвященной Минервѣ, когда имя βουλαπτεροῦς представилъ въ такихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Если, то есть, самая тема пѣсни принимаетъ большое разнообразіе, то и прелюдія къ ней не можетъ быть проста и ровна, потому что иначе не соотвѣтствовала бы разнообразію ея модуляцій.

Сокр. Что будетъ ζημιῶδες? Смотри, Ермогенъ, какъ я справедливо говорю, полагая, что чрезъ прибавку и отнятіе буквъ сильно переиначивается смыслъ именъ; такъ что иногда хоть чуть-чуть переверни имя,—тотчасъ выйдетъ про-
B. тивное значеніе. Таково, напримѣръ, и слово δέον (вяжущее): я привелъ его на мысль и вспомнилъ сейчасъ, по поводу того, о чемъ хотѣлъ тебѣ говорить,—что новый нашъ языкъ, такой прекрасный, скрывая свой смыслъ, такъ перевернулъ слова τὸ δέον и τὸ ζημιῶδες, что они показываютъ противное, тогда какъ древній тѣмъ и другимъ словомъ выражаетъ именно то, чтò они значатъ.

Ерм. Какъ ты говоришь?

Сокр. Я скажу тебѣ. Ты знаешь, что древніе наши весь-
C. ма часто употребляли ι и δ; не менѣе употребляютъ эти буквы и женщины, которыя особенно сохраняютъ древній языкъ. А теперь вмѣсто ι ввертываютъ въ слова или ει или η, вмѣсто же δ—ζ, такъ какъ эти буквы великолѣпнѣе.

Ерм. Какъ же это?

Сокр. Напримѣръ, ἡμέραν (день) древнѣйшіе называли ἱμέραν, другіе—ἑμέραν, а нынѣшніе называютъ ἡμέραν.

Ерм. Такъ.

Сокр. А знаешь ли, что только этимъ древнимъ именемъ выражается мысль налагателя именъ? Вѣдь онъ назвалъ день ἱμέραν потому, что примѣнялся къ радующимся людямъ, ко-
D. торые желаютъ (ἱμείρουσιν) изъ тьмы перейти въ свѣтъ.

Ерм. Видимо.

Сокр. А теперь-то подняли это слово на ходули, такъ что и не поймешь, какой смыслъ имѣетъ ἡμέρα, хотя нѣкоторые думаютъ, будто день (ἡμέρα) дѣлаетъ людей кроткими (ἥμερα), и потому такъ названъ.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. И ζυγὸν-то (ярмо), знаешь, древніе называли δυογόν.

Ерм. Конечно.

Сокр. И ζυγὸν-то ничего не выражаетъ, между тѣмъ какъ двумъ (δυεῖν), связаннымъ для везенія (ἐς τὴν ἀγωγὴν), спра-

ведливо дано имя δυογόν. А теперь ζυγόν. Множество и дру- E.
гихъ именъ этого рода.

Ерм. Видимо.

Сокр. Такъ вотъ такимъ же образомъ, во первыхъ, такъ называемымъ δέον (вяжущее) означается противное всѣмъ именамъ, относящимся къ добру; потому что, по идеѣ добра, δέον есть δεσμός (узы) и препятствіе въ движеніи, сродное вредному.

Ерм. И очень такъ представляется, Сократъ.

Сокр. Но не то выйдетъ, если мы воспользуемся именемъ древнимъ, которое положено, вѣроятно, гораздо правильнѣе,
чѣмъ нынѣшнее, и которое будетъ согласно съ прежними 419.
именами добра, если, вмѣсто ε, мы внесемъ въ него ι, какъ произносили древніе; ибо не δέον значитъ оно, а διόν—проницающее добро, и его-то налагатель именъ дѣйствительно хвалитъ Да такимъ образомъ не будетъ онъ противорѣчить и самому себѣ, но тѣмъ же самымъ съ словомъ δέον будетъ представляться ему и полезное, и выгодное, и прибыльное, и доброе, и пригодное, и благоуспѣшное;—это слово выразится только различными именами и, проходя своимъ благоустроеніемъ всюду, будетъ представлять достойное похвалы, тогда какъ задерживая и связывая, оно вызываетъ по-
рицаніе. Даже и ζημιῶδες (вредное), если, по требованію древ- B.
няго языка, вставить въ это имя дельту вмѣсто зиты, перемѣнившись въ δημιῶδες, представится тебѣ именемъ, вяжущимъ идущее.

Ерм. Но что будутъ значить, Сократъ, слова: ἡδονή (удовольствіе), λύπη (скорбь), ἐπιθυμία (пожеланіе) и подобныя этимъ?

Сокр. Это, какъ мнѣ кажется, Ермогенъ, не очень трудныя. Вѣдь ἡδονή (удовольствіе) получило это имя, какъ дѣйствіе, стремящееся, по видимому, къ полезному (ὄνησιν); а дельта вставлена въ него съ тою цѣлію, чтобы оно, вмѣсто ἡονῆς, произносилось ἡδονή. А λύπη (скорбь) названо такъ,
кажется, отъ разложенія (διαλύσεως), которому въ этомъ со- C.

стояніи подвергается тѣло. И ἀνιά (печаль) тоже есть препятствіе къ шествію (ἰέναι). А ἀλγηδών (мученіе) представляется мнѣ словомъ иностраннымъ, происшедшимъ отъ ἀλγεινόν (мучительное). Потомъ, ὀδύνη (грусть) получило это имя, по видимому, отъ вхожденія (ἐνδύσεως) скорби. А ἀχθηδών (тоска), какъ явно для всякаго, есть имя, уподобляющееся тяжелости движенія. Теперь χαρά [1] (веселье) обязано своимъ именемъ, по видимому, разливу (διαχύσει) и свободѣ теченія (ῥοῆς) души. Τέρψις (увеселеніе) произведено отъ τερπνόν (увеселительное);
D. а τερπνόν (увеселительное) названо по подобію пресмыкающагося (ἕρψεως) въ душѣ дыханія (πνοῇ): по правдѣ произносили его ἕρπνουν, но съ теченіемъ времени оно перешло въ τέρπνον. Что же касается до εὐφροσύνη (радость), то нѣтъ нужды говорить, почему она такъ названа; ибо для всякаго явно, что она получила это имя, εὐφροσύνη, отъ хорошаго (εὖ) сдруженія (ξυμφέρεσθαι) съ дѣлами, и это-то справедливо; не смотря однакожъ на это, мы называемъ ее εὐφροσύνη. Не трудно и слово ἐπιθυμία (пожеланіе); ибо явно, что это имя получило свое начало отъ силы, идущей къ сердцу (ἐπὶ τὸν θυμόν); а
E. θυμός (сердце) ведетъ свое названіе отъ пыла (θύσεως) и горячности души. Но ἵμερος-то (приманка любви) придано особенно влекущему душу потоку (ῥῷ); ибо такъ какъ оно сильно течетъ (ἱέμενος ῥεῖ), жаждая дѣлъ, и такимъ образомъ желаніемъ
420. течь могущественно привлекаетъ душу, то отъ этой всей силы и называется ἵμερος. Ἵμερος называется также и πόθος, означая этимъ стремленіе не къ настоящему, а къ находящемуся гдѣ-то и отсутствующему, отчего и наименовано πόθος. Πόθος, когда предметъ желанія былъ присущъ, назывался ἵμερος; а то же самое ἵμερος, когда предметъ въ
B. отсутствіи, называется πόθος. Ἔρως же (любовь), такъ какъ онъ втекаетъ (ἐσρεῖ) извнѣ, входитъ чрезъ глаза, а не состав-

---

[1] Имя χαρᾶς приложено къ разливу души, вѣроятно оттого, что, по взгляду древнихъ, душа отъ радости расширяется, а отъ печали сжимается; эту самую мысль Платонъ высказалъ также въ Филебѣ (p. 31 A) и Симпосіонѣ (p. 206 D).

ляетъ домашняго потока въ томъ, кто его имѣетъ, по этой причинѣ, отъ втеченія (ἐσρεῖν), въ древности назывался ἔσρος; ибо тогда вмѣсто ω мы употребляли [1] ο, а теперь, ο замѣнивъ ω, стали называть его ἔρως. Не укажешь ли еще чего нибудь, что должны мы разсмотрѣть?

Ерм. Какъ представляется тебѣ δόξα (мнѣніе) и подобное этому?

Сокр. Δόξα наименована или по преслѣдованію (διώξει),—когда душа идетъ преслѣдовать знаніе, каковы вещи, или по полету стрѣлы (τόξου); къ послѣднему подходитъ ближе: потому что съ этимъ согласуется мнимость (οἴησις). Полетомъ стрѣлы указывается, по видимому, на стремленіе души къ вещи, ка- C.
кова каждая изъ нихъ, равно какъ и воля (βουλή) имѣетъ значеніе въ отношеніи къ полету стрѣлы (βολή); имѣть же волю (βούλεσθαι) значитъ желать, а желать значитъ совѣтоваться (βουλεύεσθαι). Все это, взятое вмѣстѣ, изображается подобіемъ летящей стрѣлы; равно какъ и противное—ἀβουλία (необдуманность) есть, кажется, неудача, когда кто не добросилъ (οὐ βαλόντος) и не попалъ въ то, во что бросалъ, чего хотѣлъ, къ чему стремился и о чемъ совѣтовался.

Ерм. Твой разборъ, Сократъ, кажется, пошелъ уже гуще. D.

Сокр. Потому что хочу кончить. Думаю только разобрать ἀνάγκην (необходимость), которая въ связи съ прежнимъ, и слово ἑκούσιον (добровольное). Ἑκούσιον есть уступающее, не противоборствующее, однакожъ, какъ говорю, уступающее тому, что идетъ (εἶκον τῷ ἰόντι): этимъ именемъ выражается уступка по желанію. А ἀναγκαῖον (необходимое) и ἀντίτυπον (противоборствующее), какъ происходящее противъ воли,

---

[1] Евстаѳій (ad Iliad. p. 1001 s. p. 246 T. III, ed. Lips.) говоритъ: Ὅτι δὲ τὸ ο στοιχεῖον ου ἐγράφετο, κατὰ καὶ τὸ ε ει, δηλοῦσιν οἱ παλαιοί. Καὶ ἡ αἰτία, ἵνα στοιχειακῶς περισπῶνται καὶ αὐτὰ ὡς μακρά· βραχέα γὰρ ὄντα οὐκ εἶχον περισπᾶσθαι. Изъ этого мѣста и p. 426 ученые заключаютъ, что Кратилъ написанъ послѣ XCIV 2 олимп., такъ какъ въ этомъ году, подъ магистратурою Эвклида, іонійскія гласныя Η и Ω оффиціально приняты были въ алфавитъ. См. Muret. Varr. Lectt. XVIII, c. 1. Wesseling. ad Petit. legg. Attic. p. 194 et al.

есть то, что относится къ погрѣшности и невѣжеству; это
E. слово принаровлено къ шествію по ущельямъ (κατὰ τὰ ἄγκη), гдѣ препятствія, скалы и поросты задерживаютъ движеніе. Оттого-то, можетъ быть, и вышло ἀναγκαῖον, что движеніе уподоблено шествію по ущельямъ (διὰ τοῦ ἄγκους). Но пока будетъ у насъ сила, не оставимъ ее праздною; не оставляй и ты, а спрашивай.

Ерм. Спрашиваю о важнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ,—
421. объ истинѣ и лжи, о сущемъ и о томъ самомъ, о чемъ у насъ теперь рѣчь,—объ имени: для чего бываетъ имя?

Сокр. Называешь ли ты что нибудь μαίεσθαι?

Ерм. Да, это-то значитъ искать.

Сокр. Такъ ὄνομα есть имя, выраженное словомъ, показывающимъ, что это есть сущее искомое. Въ этомъ ты еще болѣе можешь увѣриться изъ того, что̀ называемъ мы именуемымъ; ибо здѣсь ясно высказывается, что сущее есть
B. то, относительно чего бываетъ изысканіе (μάσμα). И слово ἀλήθεια (истина) также составлено, по видимому, изъ другихъ словъ; потому что этимъ словомъ—истиною—означается божественное движеніе сущаго, или какъ бы божіе хожденіе (θεία ἄλη). А ψεῦδος (ложь) противоположно движенію; потому что, задерживаемое и принуждаемое молчать, становясь опять предметомъ порицаемымъ, оно взято по подобію спящихъ (καθεύδουσι), и только приданное ψ скрываетъ значеніе этого имени. Потомъ, ὄν (сущее) или οὐσία (сущность), принявъ ι, приходятъ къ согласію съ истиннымъ, такъ какъ оно въ этомъ случаѣ означаетъ идущее (ἰὸν), а
C. οὐκ ὄν опять, какъ нѣкоторые и называютъ его, не идущее (οὐκ ἰόν).

Ерм. Это-то, кажется мнѣ, Сократъ, ты составилъ мужественно. Но если бы кто спросилъ объ этихъ именахъ: τὸ ἰόν (идущее), τὸ ῥέον (текущее), τὸ δοῦν (вяжущее),—какая заключается въ нихъ правильность?

Сокр. То что̀ отвѣчали бы мы ему, говоришь? Не такъ ли?

Ерм. Конечно.

Сокр. Мы сейчасъ вывели одно, на чемъ основываясь, можемъ, кажется, отвѣчать дѣльно.

Ерм. Что именно?

Сокр. Можемъ то, чего не знаемъ, принимать за что-то варварское. Иногда, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ встрѣтится D.
нѣчто такое, а иногда начала именъ надобно отыскивать у древнихъ: вѣдь если имена вездѣ извращаются, то не удивительно, что древній языкъ отъ нынѣшняго варварскаго ничѣмъ не отличается.

Ерм. Невѣроятнаго-то въ твоихъ словахъ ничего нѣтъ.

Сокр. Да, я говорю вещи обыкновенныя. Впрочемъ это не кажется мнѣ поводомъ уклоняться отъ борьбы: напротивъ, надобно старательно изслѣдовать дѣло. Вникнемъ же: кто будетъ всегда спрашивать о словахъ, изъ которыхъ состоитъ E.
имя, а потомъ опять станетъ направлять свои вопросы къ тому, изъ чего составлены слова, и не захочетъ прекратить своихъ распросовъ; то отвѣчающій не будетъ ли наконецъ приведенъ къ необходимости отказаться?

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Но отказывающійся по усталости когда переcталъ 422.
бы отвѣчать справедливо? Не тогда ли, какъ пришелъ бы къ тѣмъ именамъ, которыя оказывались бы стихіями другихъ словъ и именъ? Вѣдь эти стихіи уже несправедливо было бы почитать сложенными изъ другихъ именъ, если онѣ таковы. Напримѣръ, недавно τὸ ἀγαθὸν (добро) мы признали сложеннымъ изъ словъ ἀγαστὸν (удивительное) и θοόν (быстрое): но θοόν, можетъ быть, произошло изъ другихъ словъ, а ἀγαστὸν опять изъ другихъ. Предположимъ однако, что эти имена не сложены уже изъ какихъ нибудь B.
другихъ: тогда мы справедливо можемъ сказать, что пришли уже къ стихіямъ, и что этого больше не надобно относить къ другимъ именамъ.

Ерм. Ты, мнѣ кажется, правильно говоришь.

Сокр. Такъ не стихіи ли и тѣ имена, о которыхъ ты теперь спрашиваешь, и не должно ли уже какимъ нибудь инымъ

способомъ изслѣдывать ихъ правильность, въ чемъ она состоитъ?

Ерм. Вѣроятно.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ вѣроятно, Ермогенъ: по видимому,
C. и все прежнее-то приходитъ къ этому. Если же это такъ, какъ представляется мнѣ, то смотри сюда вмѣстѣ со мною, не съ ума ли я схожу, полагая, въ чемъ должна состоять правильность первыхъ именъ?

Ерм. Говори; лишь бы только достало у меня силы,— буду разсматривать вмѣстѣ съ тобою.

Сокр. Что одна-то нѣкоторая правильность у всякаго имени, перваго и послѣдняго, и что никоторое изъ нихъ, какъ имя, ничѣмъ не отличается отъ другаго,—думаю, и тебѣ кажется.

Ерм. Конечно.

D. *Сокр*. Но правильность разсмотрѣнныхъ-то нами теперь именъ была у насъ такова, что ею показывалось, каково каждое сущее.

Ерм. Какъ не показывалось.

Сокр. А такими-то должны быть не менѣе первыя, какъ и послѣднія, если это будутъ имена.

Ерм. Конечно.

Сокр. Послѣднимъ же возможно было сдѣлаться такими, какъ видно, чрезъ прежнія.

Ерм. Видимо.

Сокр. Пускай. Но первыя-то, пока имъ еще не подлежатъ
E. другія, какимъ образомъ съ надлежащею ясностію выразятъ намъ вещи, если надобно имъ быть именами? Отвѣчай мнѣ вотъ на что: представь, что у насъ не было бы ни голоса, ни языка, а хотѣлось бы дать знать другимъ о вещахъ;— не стали ли бы мы, какъ теперь глухонѣмые, дѣлать знаки руками, головою и прочими частями тѣла?

423. *Ерм*. Какъ же иначе, Сократъ?

Сокр. И вотъ если бы, думаю, захотѣли мы выразить верхнее и легкое, то, подражая самой природѣ вещи, под-

няли бы руку къ небу; а когда бы нижнее и тяжелое,—къ землѣ. Равнымъ образомъ, желая означить бѣгущаго коня, или иное животное, мы уподобляемъ имъ, знаешь, свое тѣло и его положенія.

Ерм. Необходимо бываетъ такъ, какъ говоришь.

Сокр. Стало быть, выраженіе чего нибудь совершается B.
тѣломъ, поколику оно подражаетъ, какъ видно, другому тѣлу, которое хочетъ выразить.

Ерм. Да.

Сокр. А когда мы хотимъ выразить что нибудь голосомъ, языкомъ и устами, тогда выраженіе каждой вещи будетъ происходить у насъ не отъ этихъ ли орудій, поколику чрезъ нихъ дѣлается подражаніе чему либо?

Ерм. Мнѣ кажется, необходимо.

Сокр. Стало быть, имя есть, какъ видно, подражаніе посредствомъ голоса тому, чему подражаетъ и что называетъ подражающій голосомъ, когда подражаетъ.

Ерм. Мнѣ кажется.

Сокр. Но, клянусь Зевсомъ, другъ мой, это, по моему C.
мнѣнію, что-то не такъ у насъ выходитъ.

Ерм. Почему же?

Сокр. Мы должны бы были согласиться, что подражающіе овцамъ, пѣтухамъ и другимъ животнымъ называютъ то, чему подражаютъ.

Ерм. Правда.

Сокр. Такъ это кажется тебѣ хорошо?

Ерм. Мнѣ не кажется. Но какое подражаніе, Сократъ, составляло бы имя?

Сокр. Во первыхъ, мнѣ кажется,—не такое, какъ если бы мы подражали вещамъ—какъ подражаемъ музыкой, D.
хотя бы въ то же время подражали имъ и голосомъ; во вторыхъ, и не такое, чтобы подражать тому же, чему подражаетъ музыка, не означая подражаемаго именемъ. Я говорю вотъ что: каждой вещи приличенъ свой голосъ и образъ, а многимъ и цвѣтъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Такъ имя—не тамъ, гдѣ есть это подражаніе, и не такими подражаніями занимается искусство наименовательное; ибо эти-то подражанія свойственны во первыхъ музыкѣ, во вторыхъ живописи. Не такъ ли?

Ерм. Да.

Сокр. А что будетъ вотъ это? Не кажется ли тебѣ, что во всякой вещи есть сущность, какъ есть цвѣтъ и все, что мы разсмотрѣли? Во первыхъ, самому цвѣту и голосу, тому и другому порознь, равно какъ и всѣмъ прочимъ свойствамъ, стоющимъ быть наименованіями чего нибудь, не принадлежитъ ли какая нибудь сущность?

E. *Ерм*. Мнѣ кажется.

Сокр. Что же? Если бы кто могъ этому самому,—сущности каждой вещи,—подражать буквами и слогами, то выразилъ ли бы, что̀ значитъ каждая вещь? Или нѣтъ?

424. *Ерм*. Конечно, выразилъ бы.

Сокр. А чѣмъ признать могущаго сдѣлать это? Изъ прежнихъ одного назвалъ ты музыкантомъ, другаго живописцемъ,—а этого кѣмъ?

Ерм. Мнѣ кажется, Сократъ, что это тотъ, кого мы давно ищемъ,—это наименователь.

Сокр. Но если ты говоришь правду, то, видно, надобно
уже изслѣдовать тѣ имена, о которыхъ спрашивалъ, то есть
слова: ῥοή (теченіе), ἰέναι (шествіе) и σχέσις (удержаніе),—
выражаютъ ли они буквами и слогами вещи, къ которымъ
B. прилагаются, такъ, чтобы подражали сущности, или не выражаютъ.

Ерм. Конечно.

Сокр. Давай же посмотримъ, одни ли только эти имена принадлежатъ къ числу первыхъ, или есть и многія иныя.

Ерм. Я думаю, есть иныя.

Сокр. Вѣроятно. Но какой возможенъ способъ различенія ихъ, чтобы подражателю начать подражаніе? Такъ какъ подражаютъ сущности обыкновенно слогами и бук-

вами, то не всего ли правильнѣе сперва различать стихіи, подобно тѣмъ, которые, приступая къ ритмамъ, сперва различаютъ силы стихій, потомъ силы слоговъ, и такимъ C.
образомъ переходятъ уже своимъ изслѣдованіемъ къ ритмамъ, —прежде же не переходятъ?

Ерм. Да.

Сокр. Не такъ ли и мы должны сперва различить гласныя, а потомъ и другія, по видамъ ихъ, то есть согласныя и безгласныя: вѣдь такъ говорятъ люди, въ этомъ отношеніи сильные. За тѣмъ опять, которыя буквы не гласныя, хотя впрочемъ и не безгласныя? Да и между самыми гласными сколько есть разныхъ видовъ! И когда мы хорошо разберемъ все это, надобно будетъ снова взять имена и D.
смотрѣть, есть ли что такое, къ чему всѣ они относятся, какъ стихіи, изъ которыхъ можно узнавать вещи, и есть ли у нихъ виды такимъ же образомъ, какъ въ стихіяхъ. Хорошо разсмотрѣвши все это, надобно умѣть каждое имя приложить по подобію,—нужно ли будетъ одной вещи приписать одно, или съ однимъ смѣшать многія,—какъ дѣлаютъ живописцы, которые, стараясь о сходствѣ, употребляютъ то одну пурпуровую краску, то какое нибудь иное снадобье, E.
а иногда смѣшиваютъ многіе цвѣта, когда, напримѣръ, приготовляютъ цвѣтъ человѣческаго тѣла, или что другое въ этомъ родѣ, такъ какъ всякое изображеніе требуетъ, думаю, особаго состава. Подобно этому будемъ и мы примѣнять стихіи къ вещамъ, и, то одну соединяя съ одной, гдѣ покажется это нужнымъ, то взявши многія, станемъ образовать такъ называемые слоги, а потомъ опять устанавливать соединеніе слоговъ, изъ чего составятся [1] имена 425.

---

[1] Изъ чего составятся имена и глаголы, ἐξ ὧν τά τε ὀνόματα καὶ ῥήματα συντίθενται. Здѣсь, не смотря на подлежащія средняго рода, глаголъ стоитъ во множественномъ числѣ. Гейндорфу до того не нравится это, что онъ совѣтуетъ множественное число перемѣнить въ единственное. Но есть много причинъ, почему аттики имена средняго рода соединяли иногда съ множественнымъ числомъ. Примѣры такихъ соединеній собраны Астомъ, Ad legg. p. 46, 1, p.

и глаголы; изъ именъ же и глаголовъ наконецъ разовьемъ уже что нибудь большое, прекрасное и цѣлое,—разовьемъ, какъ тамъ, напримѣръ, животное—живописью, такъ здѣсь рѣчь—именословіемъ, или риторикою, или какое оно ни будь, это искусство. Или, лучше сказать, будемъ дѣлать это не мы,—я увлекся словомъ; имена, какъ сложены они, сложили ихъ такъ древніе: намъ же надобно, если только
B. положимъ изслѣдывать все это научно, такъ различивъ ихъ, разсматривать съ той стороны,—правильно ли приложены первыя и послѣднія, или нѣтъ; а соединять ихъ иначе—ка̀къ бы не было худо и неметодично, любезный Ермогенъ.

Ерм. Можетъ быть, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Что же? Надѣешься ли на себя, что можешь такимъ образомъ различить ихъ? Вѣдь я-то не могу.

Ерм. А мнѣ далеко до того.

Сокр. Такъ оставимъ это; или, не хочешь ли, сдѣлаемъ,
C. что можемъ,—возьмемся хоть немного разсмотрѣть это, по силамъ, сказавъ напередъ, какъ недавно говорили богамъ, что, нисколько не зная истины, мы гадаемъ о ней по человѣческимъ мнѣніямъ: позволимъ себѣ такимъ же образомъ сказать и теперь, что если полезно должно быть кому другому или намъ различеніе именъ, то такъ надобно различать ихъ; а потому въ настоящее время мы и обязаны, какъ говорится, по силамъ заняться этимъ. Кажется это? Или какъ ты скажешь?

D *Ерм*. Конечно, мнѣ-то и очень кажется.

Сокр. Смѣшными, по видимому, окажутся вещи, Ермогенъ, выраженныя подражательно буквами и слогами; одна-

---

634 E, Ad Rempubl. p. 386; Поппомъ, Prolegg. ad Thucydid. 1, p. 97 A; Ad Xenoph. Anabas. I, 2, 23 et al. Разсмотрѣвши эти примѣры внимательно, всякій замѣтитъ, что множественнымъ числомъ означается или множество частей, или какое нибудь подразумѣваемое имя мужескаго рода, имѣющее то же значеніе съ именемъ средняго рода. Послѣдній случай особенно возможенъ при означеніи животныхъ. А Бернарди (Syntax. p. 418) полагаетъ, что аттики въ ежедневномъ разговорѣ послѣ именъ средняго рода употребляли глаголъ во множественномъ числѣ, водясь просто правиломъ вѣжливости.

коже это необходимо. Для насъ нѣтъ ничего лучше, какъ отнести къ чему нибудь истинность первыхъ именъ, подражая сочинителямъ трагедій, которые, когда въ чемъ недоумѣваютъ, тотчасъ бѣгутъ къ машинамъ, чтобы поднять боговъ: такъ отдѣлаемся и мы, если скажемъ, что первыя имена наложены богами, и оттого они правильны. Не E.
будетъ ли и для насъ это сильнѣйшимъ изъ основаній? Или — то, что мы приняли ихъ отъ какихъ нибудь варваровъ, такъ какъ варвары древнѣе насъ? Или со стороны древности 426.
нельзя разсматривать ихъ и какъ варварскія? Потому что всѣ они легко могли быть отклонительными уловками того, кто не хотѣлъ давать отчета въ первыхъ именахъ, правильно ли они наложены. Между тѣмъ, кто какимъ нибудь образомъ не узналъ правильности первыхъ именъ, тому нельзя знать правильность и послѣднихъ; потому что эти необходимо объясняются тѣми, о которыхъ онъ ничего не знаетъ. Стало быть, явно, что называющій себя искусникомъ въ от- B.
ношеніи этихъ, долженъ имѣть готовность особенно и яснѣйшимъ образомъ показать свое искусство относительно къ именамъ первымъ, а не то—быть увѣреннымъ, что о послѣднихъ-то онъ будетъ только пустословить. Или тебѣ кажется иначе?

Ерм. Нисколько не иначе, Сократъ.

Сокр. Но то, что̀ я знаю объ именахъ первыхъ, кажется мнѣ очень надутымъ и смѣшнымъ. Я передамъ тебѣ это, если хочешь; а ты, какъ скоро можешь откуда взять что нибудь лучшее, постарайся передать мнѣ.

Ерм. Сдѣлай это. Говори же смѣло.

Сокр. Во первыхъ, буква ρ (р) представляется мнѣ какъ бы C.
орудіемъ всякаго движенія; но мы и не сказали, откуда происходитъ это имя—κίνησις (движеніе). Впрочемъ явно, что имъ означается ἴεσις (шествіе), ибо въ древности мы употребляли не η, а ε. Начало же его отъ κίειν; а κίειν имя иностранное, и значитъ идти. И такъ, кто открылъ бы соотвѣтственное нашему языку древнее его наименованіе, тотъ сталъ

бы правильно называть его ἴεσις. А теперь отъ иностраннаго κίειν, отъ замѣны въ немъ гласной итою (η) и отъ внесенія въ него ν оно названо κίνησις, хотя слѣдовало бы произно-
D. сить κιείνησις, или ἴεσις. Но στᾶσις (стояніе) означаетъ отрицаніе τοῦ ἰέναι (шествія) и для красоты названо στάσις.—Такъ стихія ρ, какъ говорю, есть, кажется, прекрасное орудіе движенія въ устахъ устанавливателя именъ, желающаго выразить движущееся (φορά),—и онъ въ самомъ дѣлѣ часто пользуется этимъ орудіемъ для сказанной цѣли: буква ρ есть явное подражаніе движенію, во первыхъ, уже въ глаголѣ
E. ῥεῖν (течь) и въ словѣ ῥοή (теченіе), потомъ въ словѣ τρόμος (трепетъ), далѣе въ имени τραχύς (страшный), а сверхъ сего и въ такихъ глаголахъ, каковы κρούειν (ударять), θραύειν (ломать), ἐρείκειν (раскалывать), θρύπτειν (тереть), κερματίζειν (раздроблять), ῥυμβεῖν (вертѣть); все это выражается по большей части буквою ρ. Вѣдь налагатель именъ видѣлъ, думаю, что языкъ, произнося ее, не бываетъ неподвиженъ, но сотрясается; потому-то, представляется мнѣ, и пользовался ею для этого. А ι опять употреблялъ онъ для выраженія всего тонкаго, что особенно идетъ чрезъ все; потому-то ἰέναι (идти)
427. и ἵεσθαι (поспѣшать) выговариваетъ чрезъ ι; тогда какъ чрезъ φ, ψ, σ и ζ, имѣющія характеръ буквъ дышущихъ, подражаетъ всему такому, и въ именахъ говоритъ, напримѣръ: ψυχρόν (холодное), ζέον (кипящее), σείεσθαι (сотрясаться) и вообще σεισμός (сотрясеніе). Отсюда наименователь, подражая чему нибудь дующему, вездѣ въ такихъ случаяхъ вноситъ въ рѣчь большею частію такія, по видимому, и буквы. Буквы же: δ, выражающая сжатіе языка, и τ—твердость его, каждая,
B. имѣютъ, думалъ онъ, силу подражать вязанію (δεσμός) и стоянію (στάσις). Или опять, состояніе паденія (ὀλισθάνειν) языка замѣчая въ буквѣ λ, по подобію характеризовалъ онъ ею τὰ λεῖα (легкое), самый глаголъ ὀλισθάνειν, также слова: λιπαρόν (тучное), κολλῶδες (клейкое), и всѣ такія. А сила буквы γ противодѣйствуетъ паденію языка, и отсюда, по подражанію, вышли слова: τὸ γλισχρόν (скользкое), γλυκύ (сладкое),

γλοιῶδες (вязкое). Замѣтивъ опять, что буква ν издаетъ звукъ
внутри, и буквами выражая вещи, наименователь обозначалъ C.
ею внутреннее, сокрытое. Равнымъ образомъ α придавалъ онъ
большому (μεγάλῳ), а η—длинному (μήκει), такъ какъ это
буквы долгія. А требуя знака для выраженія круглоты
(γογγύλον), онъ большею частію вносилъ въ имя букву ο.
Такъ, кажется, поступалъ налагатель именъ, образуя знаки и
имена для каждой вещи по буквамъ и слогамъ, а изъ этихъ
уже подражательно составляя и прочее, имъ соотвѣтствующее.
И вотъ что, Ермогенъ, по моему мнѣнію, означается пра- D.
вильностію именъ, если не иное что нибудь говоритъ объ
этомъ Кратилъ.

Ерм. Да и въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, много-таки докуки,
какъ я и по началу говорилъ, дѣлаетъ мнѣ Кратилъ, толкуя
о правильности именъ, но не говоря ясно, въ чемъ она
состоитъ; такъ что я не могу понять, добровольно или по-
неволѣ онъ столь темно разсуждаетъ объ этомъ. Скажи-ка E.
вотъ теперь, Кратилъ, лично Сократу: нравится ли тебѣ,
какъ Сократъ говоритъ объ именахъ, или ты можешь раз-
суждать объ этомъ инымъ, лучшимъ образомъ? Если мо-
жешь, говори, чтобы или научиться у Сократа, или на-
учить обоихъ насъ.

Крат. Что ты это, Ермогенъ? Развѣ легко, кажется тебѣ, такъ скоро научиться и научить всякому дѣлу, не то что этому, которое принадлежитъ, по видимому, къ дѣламъ величайшимъ?

Ерм. Мнѣ-то, клянусь Зевсомъ, не кажется. Но я нахожу 428.
весьма хорошими вотъ эти слова Исіода: кто къ малому
прибавитъ хоть немногое,—дѣло подвинется [1]. Поэтому, если
малое нѣчто ты въ состояніи сдѣлать бо́льшимъ, не отказы-
вайся отъ труда, но облагодѣтельствуй и этого Сократа и,
по справедливости, меня.

---

[1] См. Opp. et DD. 359: εἰ γάρ κεν καὶ σμικρὸν ἐπὶ σμικρὸν καταθεῖο, καὶ θαμὰ τοῦτ᾽ ἔρδοις, τάχα κεν μέγα καὶ τὸ γένοιτο.

Сокр. Да вѣдь и самъ-то я, Кратилъ, ничего не утверждалъ, о чемъ говорилъ, а разсматривалъ дѣло съ Ермогеномъ,
B. какъ мнѣ представлялось; такъ и поэтому-то смѣло говори, если знаешь что̀ лучшее, въ той мысли, что слова твои будутъ приняты. Вѣдь я и не удивился бы, когда бы ты могъ говорить что нибудь лучшее; потому что, кажется, и самъ изслѣдывалъ это, и учился у другихъ. Такъ если думаешь сказать нѣчто лучшее, относительно правильности именъ, то по этому вопросу запиши и меня въ число твоихъ учениковъ.

Крат. Пусть бы, Сократъ, какъ говоришь ты, я и въ самомъ дѣлѣ занимался этимъ предметомъ и, можетъ быть,
C. сдѣлалъ бы тебя своимъ ученикомъ; но я боюсь, какъ бы не вышло совершенно противнаго, и мнѣ приходитъ въ голову повторить тебѣ слова Ахиллеса, которыя сказалъ онъ въ молитвахъ [1] Аяксу:

Сынъ Теламоновъ, Аяксъ Зевсородный, властитель народа!
Все, что ты мнѣ говорилъ, какъ будто изъ сердца лилося.

Подобнымъ образомъ и ты, Сократъ, изливалъ мнѣ свои вѣщанія отъ души, подъ вліяніемъ ли Эвтифрона было твое воодушевленіе, или давно таилась въ тебѣ другая какая-то не сознаваемая тобою муза.

D. *Сокр.* Ахъ, добрый Кратилъ! я и самъ давно дивлюсь своей мудрости и не вѣрю ей. Поэтому, кажется, надобно изслѣдовать, говорю ли я что. Вѣдь быть обманываемымъ самому отъ себя всего хуже; потому что если обманщикъ ни на шагъ не отступаетъ, но всегда присущъ, то какъ это ужасно! Такъ видно, надобно чаще оглядываться на то, что сказано было прежде, и стараться, по словамъ того поэта [2], смотрѣть взадъ и впередъ. Вотъ и
E. теперь мы видимъ, что у насъ сказано. Правильность име-

---

[1] Въ молитвахъ, ἐν Λιταῖς, Iliad. ι, 640 sq. Извѣстно, что послѣднюю часть рапсодіи древніе означали именемъ Λιτῶν. См. Hipp. Min. p. 364 E.

[2] Того же поэта Iliad. α′ 341, γ′ 109. Cicer. Epist. famil. XIII, 15.

ни, говоришь, состоитъ въ томъ, что оно показываетъ, какова самая вещь. Достаточно ли, скажемъ, это положеніе?

Крат. Мнѣ кажется, Сократъ, очень достаточно.

Сокр. Стало быть, имена говорятся для наученія?

Крат. Конечно.

Сокр. Такъ не скажемъ ли, что есть такое искусство, есть и мастера въ немъ?

Крат. Конечно.

Сокр. Кто же они?

Крат. Тѣ, о которыхъ ты говорилъ по началу,—законо- 429.
датели слова.

Сокр. Скажемъ ли, опять, что и это искусство живетъ между людьми, какъ прочія, или не скажемъ? Я хочу выразить вотъ что: между живописцами есть ли одни лучшіе, другіе худшіе?

Крат. Конечно.

Сокр. Лучшіе же не лучшими ли представляютъ намъ свои работы, изображенія, а другіе худшими? И не такимъ же ли образомъ домостроители,—одни строятъ лучшіе домы, а другіе—худшіе?

Крат. Да.

Сокр. Не тоже ли и законодатели,—одни представляютъ B.
намъ свои дѣла лучшими, а другіе—худшими?

Крат. Это мнѣ еще не кажется.

Сокр. Стало быть, тебѣ не кажется, что одни законы бываютъ лучше, другіе хуже?

Крат. Конечно нѣтъ.

Сокр. Такъ и имя, какъ видно, по твоему мнѣнію, въ приложеніи своемъ не бываетъ одно хуже, другое лучше?

Крат. Конечно нѣтъ.

Сокр. Стало быть, всѣ имена прилагаются правильно?

Крат. По крайней мѣрѣ всѣ имена.

Сокр. Что же? Этому Ермогену (Ἑρμογένει), какъ мы недавно говорили, и не приложено, значитъ, такое имя, если C.
оно не сближаетъ его съ родомъ Ермія (ἑρμοῦ γένεσις), или хотя и приложено, да только неправильно?

Крат. И не приложено, мнѣ кажется, Сократъ, а только представляется приложеннымъ: это имя другаго, котораго именемъ выражается самая природа [1].

Сокр. Такъ не лжетъ ли тотъ, кто называетъ его Ермогеномъ? Вѣдь и того опять не было бы, чтобы его называли Ермогеномъ, если онъ не Ермогенъ.

Крат. Какъ ты говоришь?

D. *Сокр.* Не та ли сила твоего слова, что вовсе нельзя говорить ложно? Вѣдь много людей есть и теперь, было и прежде, любезный Кратилъ, которые утверждали это.

Крат. Какъ же бы, Сократъ, кто нибудь, говоря то, что говоритъ, могъ говорить о не существующемъ? Не то ли значитъ говорить ложь, когда говоришь о томъ, чего нѣтъ?

Сокр. Хитро твое слово,—не по мнѣ, не по моему возрасту, другъ мой; однакожъ скажи мнѣ вотъ что: говорить ли только, думаешь, нельзя ложно, а полагать можно?

E. *Крат.* Мнѣ кажется, и полагать ложно нельзя.

Сокр. Ни сказать, ни примолвить? Напримѣръ, пусть бы кто нибудь, встрѣтившись съ тобою на чужой сторонѣ, взялъ тебя за руку и сказалъ: здравствуй аѳинскій иностранецъ, сынъ Смикріона, Ермогенъ!—этотъ,—говорилъ ли бы онъ, полагалъ ли бы это, сказалъ ли бы, или примолвилъ,—называлъ бы не тебя, а этого Ермогена? Или никого?

Крат. Мнѣ кажется, Сократъ, что онъ напрасно издавалъ бы такіе звуки.

430. *Сокр.* Мило и это. Но вѣрные ли издавалъ бы звуки издающій ихъ, или ложные? Или, опять, одни изъ звуковъ были бы вѣрны, а другіе ложны? Вѣдь и этого достаточно.

Крат. Я сказалъ бы, что такой человѣкъ шумитъ, напрасно самъ себя приводитъ въ движеніе, какъ будто бы ударомъ двигалъ что мѣдное.

Сокр. А ну-ка не перемѣнимся ли, Кратилъ: не полагаешь

---

[1] Не природа проявляетъ имя, а имя—природу. Поэтому справедливо выразилъ мысль Фицинъ: cui natura inest, quae nomine continetur.

ли ты, что иное дѣло имя, и иное—то, чему принадлежитъ имя?

Крат. Полагаю.

Сокр. А не соглашаешься ли, что имя есть подражаніе вещи? B.

Крат. Всего болѣе.

Сокр. Не говоришь ли также, что живописныя изображенія какимъ-то инымъ образомъ суть подражанія нѣкоторыхъ вещей?

Крат. Да.

Сокр. Хорошо. Можетъ быть, я не понимаю, что за смыслъ твоихъ словъ, хотя ты говоришь, пожалуй, и правильно. Можно ли распредѣлять и сопоставлять оба эти подражанія, то есть живописныя изображенія и имена, примѣнительно къ вещамъ, которыхъ онѣ подражаніе, или нельзя?

Крат. Можно. C.

Сокр. Такъ, во первыхъ, смотри вотъ на что: изображеніе мужчины не отнесетъ ли кто либо къ мужчинѣ, а изображеніе женщины—къ женщинѣ, и прочее такимъ же образомъ?

Крат. Конечно.

Сокр. И противное этому—изображеніе мужчины къ женщинѣ, а женщины къ мужчинѣ?

Крат. Можно и это.

Сокр. Но оба ли такія распредѣленія будутъ правильны, или одно которое нибудь?

Крат. Одно.

Сокр. Думаю, то, которое къ каждому предмету относитъ приличное ему и подобное.

Крат. Мнѣ кажется.

Сокр. И такъ, чтобы намъ не сражаться словами, тебѣ D. и мнѣ, такъ какъ мы друзья,—прими то, что я говорю. Вѣдь такое-то распредѣленіе въ обоихъ подражаніяхъ, другъ мой, въ изображеніяхъ и именахъ, называю я правильнымъ, и въ именахъ не только правильнымъ, но и истиннымъ;

другое же, которымъ приписывается и усвояется вещи не подобное, называю неправильнымъ, а когда это въ именахъ, то и ложнымъ.

E. *Крат*. Но какъ бы не было этого,—неправильнаго распредѣленія, Сократъ,—только въ живописныхъ изображеніяхъ; а въ именахъ—не такъ: тамъ оно всегда по необходимости правильно.

Сокр. Какъ ты говоришь? Что за различіе между этимъ и тѣмъ? Развѣ нельзя, подошедши къ мужчинѣ, сказать ему: вотъ твой портретъ, а указать—на что случится, на его ли изображеніе, или на изображеніе его жены? Указать же значитъ поставить предметъ предъ чувство зрѣнія.

Крат. Конечно.

Сокр. Что же? Развѣ нельзя опять, подошедши къ нему, сказать: вотъ твое имя? Вѣдь и имя есть подражаніе, какъ живописное изображеніе. Такъ вотъ я и говорю: развѣ нельзя
431. было бы сказать ему: вотъ твое имя,—и послѣ того предъ чувство его слуха поставить что̀ случится, его ли подражаніе, говорящее, что онъ мужчина, или подражаніе женскому полу человѣческаго рода, говорящее, что онъ женщина? Не кажется ли тебѣ, что это возможно, и иногда бываетъ?

Крат. Готовъ согласиться съ тобою, Сократъ; пусть будетъ такъ.

Сокр. Да и хорошо дѣлаешь, что соглашаешься, другъ мой, если такъ: теперь объ этомъ слишкомъ спорить не надобно. Если же таково распредѣленіе и здѣсь, то одно изъ
B. нихъ мы хотимъ называть говорящимъ правду, другое—ложь. А когда такъ, то распредѣлять имена неправильно и приписывать вещи не то, что ей прилично, но иногда то, что не прилично, значило бы такіе составлять и глаголы. А какъ скоро такъ составлены глаголы и имена,—таковы по необходимости будутъ и рѣчи; потому что рѣчь, какъ
C. я думаю, есть составъ изъ этого. Или какъ ты говоришь, Кратилъ?

Крат. Такъ; ты, мнѣ кажется, хорошо судишь.

Сокр. Если первыя имена мы уподобимъ опять начертаніямъ живописи, то, какъ въ живописныя изображенія, можно вносить въ нихъ всѣ приличныя имъ цвѣта́ и формы, и не всѣ, но нѣкоторыя оставлять, а другія прибавлять, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Или нельзя?

Крат. Можно.

Сокр. Вносящій же въ нихъ всѣ прекрасныя черты не дѣлаетъ ли прекрасными и изображеній, а прибавляющій или отнимающій черты, хотя тоже производитъ образы, но не худые ли? D.

Крат. Да.

Сокр. Что же сказать о томъ, кто подражаетъ сущности вещей посредствомъ слоговъ и буквъ? Не такимъ же ли способомъ и у него,—если будетъ отнесено къ нимъ все, имъ приличное, выйдетъ образъ прекрасный, и это есть имя; а когда онъ немногое пропуститъ или иногда прибавитъ,—хотя и выйдетъ образъ, но не прекрасный,—такъ что одни имена будутъ составлены хорошо, а другія—худо?

Крат. Можетъ быть.

Сокр. Слѣдовательно, можетъ быть одинъ хорошимъ ма- E.
стеромъ именъ, а другой—худымъ?

Крат. Да.

Сокр. И имя ему было законодатель?

Крат. Да.

Сокр. Слѣдовательно, можетъ быть, клянусь Зевсомъ, какъ въ другихъ искусствахъ, такъ и между законодателями, что будетъ одинъ хорошій, другой—худой, если въ прежнемъ мы уже согласились.

Крат. Такъ. Но видишь, Сократъ,—когда эти буквы, α, β, и каждую изъ стихій мы будемъ грамматически придавать именамъ, когда станемъ что нибудь отнимать, присоединять, 432.
или перестанавливать,—имя хотя и напишется, однакожъ неправильно, какъ будто бы оно вовсе не было написано, даже выйдетъ прямо другое, если подвергнется такимъ перемѣнамъ.

Сокр. Чтобы, разсматривая дѣло такъ, не разсматривать намъ худо, Кратилъ!

Крат. Какъ же?

Сокр. Можетъ быть, все, что ты говоришь, испытываетъ то же, что необходимо испытывать вещи, зависящей отъ бытія или небытія какого нибудь числа. Вотъ, напримѣръ, десять, или какое хочешь иное число: если отнимешь отъ него, или прибавишь къ нему что нибудь,—тотчасъ выйдетъ
B. другое. Но не такова правильность какого либо предмета качественнаго и всякаго подобія: напротивъ, вполнѣ даже и невозможно выразить, каковъ предметъ, которому выраженіе уподобляется, если имѣетъ быть подобіе. Смотри, дѣло ли я говорю. Два ли будутъ такіе предмета, каковы Кратилъ и его изображеніе, если кто изъ боговъ изобразитъ не только твой цвѣтъ и видъ, какъ дѣлаютъ живописцы, но и все внут-
C. реннее,—такое, какое именно твое,—выразитъ ту самую и мягкость, и теплоту, вложитъ въ нихъ и движеніе, и душу, и разумность, какая у тебя,—однимъ словомъ, все, что ты имѣешь, представитъ такимъ особо и поставитъ возлѣ тебя? Будутъ ли эти предметы—Кратилъ и его изображсніе, или два Кратила?

Крат. Мнѣ кажется, это будутъ два Кратила, Сократъ.

Сокр. Такъ видишь ли, другъ мой, что должно искать иной правильности изображенія и того, о чемъ мы теперь разсуждали, а не настаивать, будто, когда что убываетъ,
D. или присоединяется, изображенія уже не бываетъ? Развѣ не замѣчаешь, сколько недостаетъ изображеніямъ, чтобы сдѣлаться имъ тѣми, кого они изображаютъ?

Крат. Замѣчаю.

Сокр. Смѣшныя вещи, Кратилъ, происходили бы отъ именъ для тѣхъ, по отношенію къ которымъ эти имена суть имена, если бы всѣ они во всемъ были похожи на самые предметы. Тогда каждый предметъ былъ бы двойнымъ, и ни о чемъ нельзя было бы сказать, чтò тутъ самый предметъ, и чтò его имя.

Крат. Правда.

Сокр. И такъ, смѣло допускай, почтеннѣйшій, что одно имя прилагается хорошо, другое нѣтъ, и не требуй всѣхъ буквъ такихъ, чтобы непремѣнно выходило имя, точь въ точь соотвѣтствующее предмету, но давай мѣсто и буквѣ несоотвѣтственной; если же внесешь не соотвѣтствующую вещи букву, то внесешь и имя въ выраженіе, а когда имя, то и выраженіе въ рѣчь,—и вещь тѣмъ не менѣе будетъ означаться именемъ и высказываться, пока сохранится типъ вещи, о которой идетъ дѣло,—какъ мы, я и Ермогенъ, помнишь ли, недавно говорили о стихіяхъ наименованій. E. 433.

Крат. Помню.

Сокр. Хорошо же. Когда въ имени это есть,—пусть и не все приличное,—вещь по крайней мѣрѣ наименована; и наименована хорошо, если прилично все,—худо, если не многое. Оставимъ же ее, почтеннѣйшій, называться, чтобы не сдѣлаться намъ смѣшными, подобно эгинянамъ, бродящимъ позднею ночью по дорогамъ,—чтобы не показалось, будто и мы къ вещамъ на самомъ дѣлѣ какъ-то такъ вышли позднѣе надлежащаго. Либо ищи какой нибудь иной правиль- B.
ности имени, и не соглашайся, что имя вещи заявляется слогами и буквами; потому что, принимая оба эти положенія, ты не можешь быть въ согласіи съ самимъ собою.

Крат. Мнѣ кажется, ты, Сократъ, говоришь ладно, и я подтверждаю слова твои.

Сокр. Но если въ этомъ мы согласились, то послѣ сего разсмотримъ вотъ что: какъ скоро имя будетъ приложено хорошо,—скажемъ ли, что оно должно имѣть приличныя буквы?

Крат. Да.

Сокр. Прилично же то, что подобно вещамъ? C.

Крат. Конечно.

Сокр. Стало быть, хорошо приложенное бываетъ приложено такъ, а что нехорошо приложилось, то, можетъ быть, состоитъ большею частію изъ приличныхъ и подобныхъ буквъ,

если это будетъ изображеніе, но имѣетъ и нѣчто не приличное, отчего имя выйдетъ не хорошимъ и нехорошо составленнымъ. Такъ ли скажемъ, или иначе?

Крат. Не надобно, думаю, спорить, Сократъ, хотя и не нравится мнѣ положеніе, что имя есть, а между тѣмъ оно
D. приложено нехорошо.

Сокр. То ли не нравится тебѣ, что имя есть заявленіе вещи?

Крат. То самое.

Сокр. А не хорошо ли, по твоему мнѣнію, говорится, что одни имена сложены изъ первоначальныхъ, другія—первыя?

Крат. Мнѣ кажется.

Сокр. Но если заявленіями нѣкоторыхъ вещей должны сдѣлаться первыя, то имѣешь ли ты какой иной, лучшій способъ сообщить имъ значеніе заявленій, чѣмъ представить ихъ сколько можно болѣе такими, каковы самыя вещи, ко-
E. торыя надобно выразить ими? Или больше нравится тебѣ способъ, о которомъ говоритъ Ермогенъ и многіе другіе, что, то есть, имена суть условные знаки, что они служатъ знаками для условившихся, которые напередъ знаютъ вещи, и что въ этомъ состоитъ правильность имени,—въ условіи; разницы же въ томъ нѣтъ, такъ ли кто условливается, какъ нынѣ принято, или, напротивъ, нынѣшнее малое называетъ великимъ, а нынѣшнее великое—малымъ? Который способъ нравится тебѣ?

434. *Крат*. Полное и совершенное различіе, Сократъ,—выражать подобіемъ, что̀ выражаешь, а не случайностію.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Поэтому, если имя будетъ подобно вещи, то по природѣ необходимо, чтобы вещамъ подобны были стихіи, изъ которыхъ кто либо захочетъ слагать первыя имена. Я говорю такъ: составилъ ли бы когда кто нибудь, какъ мы сейчасъ разсуждали, живописное изображеніе, похожее на какую либо вещь, если бы матеріаловъ, изъ которыхъ составляются живописныя изображенія, природа не представляла подобными вещамъ, служащимъ

предметами подражанія для живописи? Или это невозможно? B.

Крат. Невозможно.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и имена никогда и ничему не уподоблялись бы, если бы то, изъ чего они слагаются, не заключало въ себѣ нѣкотораго подобія вещамъ, относительно которыхъ имена суть подражанія? Не стихіи ли это, изъ чего надобно слагать ихъ?

Крат. Да.

Сокр. И такъ, пристань же и ты къ нашему слову, какъ недавно принялъ его Ермогенъ. Ну-ка, хорошо ли мы, C.
кажется тебѣ, говоримъ, что ρ подходитъ къ стремленію, движенію и жесткости, или нехорошо?

Крат. Мнѣ кажется, хорошо.

Сокр. А λ—къ легкому, мягкому и къ тому, о чемъ недавно говорили?

Крат. Да.

Сокр. Но знаешь ли, что въ отношеніи къ одному и тому же мы произносимъ σχληρότης (жесткость), а эретрійцы σχληρότηρ?

Крат. Конечно.

Сокр. Такъ обѣ эти буквы, ρ и σ, то же ли значатъ, и то же ли выражается у нихъ, когда приведенное слово они оканчиваютъ на ρ, чтò у насъ, оканчивающихъ его на σ, или для однихъ изъ насъ не выражается того, чтò для другихъ?

Крат. Выражается для обоихъ. D.

Сокр. Потому ли, что буквы ρ и σ подобны, или потому, что нѣтъ?

Крат. Потому, что подобны.

Сокр. Во всемъ ли подобны онѣ?

Крат. По крайней мѣрѣ въ томъ, что выражаютъ стремленіе.

Сокр. А внесенная λ не выражаетъ ли противнаго жесткости?

Крат. Можетъ быть, она внесена неправильно, Сократъ.

Какъ недавно, разговаривая съ Ермогеномъ, ты отнималъ и прибавлялъ буквы, гдѣ слѣдовало, и мнѣ казалось это правильнымъ,—такъ, можетъ быть, и теперь вмѣсто λ надобно говорить ρ.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Что же? Говоря, какъ говоримъ теперь, мы не понимаемъ другъ друга, когда кто про-
E. износитъ σκληρόν (жесткое), и ты не знаешь, что̀ я теперь говорю?

Крат. Понимаю,—по крайней мѣрѣ по обыкновенію, любезнѣйшій.

Сокр. Но, говоря объ обыкновеніи, думаешь ли, что оно есть нѣчто отличное отъ условія? Иное ли что называешь ты обыкновеніемъ, чѣмъ я,—что, то есть, произнося это, я мыслю то, а ты знаешь, что я то̀ мыслю? Не это ли гово-
435. ришь ты?

Крат. Да.

Сокр. Поэтому, если ты знаешь, когда я произношу, то не заявленіе ли дѣлается тебѣ отъ меня?

Крат. Да.

Сокр. Но заявленіе-то—посредствомъ неподобнаго тому, что̀, произнося, я думаю,—если только λ не подобна понимаемой тобою жесткости (σκληρότητι). Если же такъ, то что̀ иное значитъ это, какъ не соглашеніе твое съ самимъ собою, и правильность имени основывается у тебя на условіи, поколику для выраженія-то назначаются и подобныя и неподобныя буквы, по случайному обыкновенію и условію. А
B. какъ обыкновеніе есть всего менѣе условіе, то не хорошо было бы сказать, что подобіе есть заявленіе; скажемъ,—обыкновеніе; потому что оно заявляетъ, какъ видно, подобнымъ и неподобнымъ. Сошедшись же въ этомъ, Кратилъ,—ибо твое молчаніе я буду принимать за согласіе,—необходимо намъ, для заявленія своихъ мыслей словомъ, привнесть и условіе и обыкновеніе. Вѣдь если захочешь ты, любезнѣйшій, обратиться къ числу, то откуда думаешь взять имена и приложить, какъ подобныя, къ каждому изъ чиселъ, пока не дашь

сколько нибудь своего согласія, что и условіе имѣетъ силу C.
относительно правильности именъ? Такъ мнѣ хотя и самому
нравится, что имена, по возможности, подобны вещамъ, но
чтобы это изыскиваніе подобія, какъ говоритъ Ермогенъ [1],
не было въ самомъ дѣлѣ слишкомъ привязчиво, необходимо
сверхъ того, для правильности именъ, пользоваться и этимъ
грубымъ способомъ,—условіемъ. Впрочемъ, по возмож-
ности, была бы рѣчь прекраснѣйшею, когда бы или
вся она, или большею частію выражалась именами подоб-
ными, то есть приличными; противное же тому дѣлало бы
негоднѣйшею. Послѣ этого, отвѣчай мнѣ еще вотъ на что:
какую силу имѣютъ у насъ имена, и что дѣлаютъ они, D.
скажемъ, хорошаго?

Крат. Мнѣ кажется, они учатъ, Сократъ; да и то очень просто, что кто знаетъ имена, тотъ знаетъ и вещи.

Сокр. Можетъ быть, ты разумѣешь то, Кратилъ, что кто
знаетъ имя, каково оно,—а оно есть какъ бы вещь,—тотъ
будетъ знать и вещь, такъ какъ существующее—подобно
имени; для всего же взаимно подобнаго—одно искусство. E.
Это-то, кажется, разумѣешь ты, когда говоришь: кто знаетъ
имена, тотъ будетъ знать и вещи.

Крат. Весьма справедливо.

Сокр. Давай же посмотримъ, что это за способъ изученія вещей, о которомъ ты теперь говоришь, и есть ли какой нибудь иной,—только этотъ лучше того,—или инаго вовсе нѣтъ, кромѣ этого. Какъ ты думаешь?

Крат. Я думаю такъ, что иной-то едва ли есть,—что 436.
этотъ—единственный и наилучшій.

Сокр. Этотъ самый способъ не есть ли и изысканіе вещей, и изыскавшій имена не изыскалъ ли и то, чему они принадлежатъ? Или искать и находить—долженъ быть другой способъ, а учиться—этотъ?

---

[1] См. р. 414, гдѣ онъ сказалъ: καὶ μάλα γε γλίσχρως. А это стараніе Кратила все приводить къ подобію ловко названо было ὁλκή.

Крат. Всего вѣрнѣе то, что искать и находить—тотъ же способъ, этотъ самый.

B. *Сокр*. А ну-ка размыслимъ, Кратилъ, точно ли кто нибудь, при исканіи вещей, слѣдуетъ именамъ: разсматривая, что̀ значитъ каждое имя, не думаешь ли, что настоитъ не малая опасность обмануться?

Крат. Какъ?

Сокр. Явно, скажемъ мы, что первый установитель именъ, какими почиталъ вещи, такія положилъ и имена. Не такъ ли?

Крат. Да.

Сокр. И если онъ понималъ вещи неправильно, а давалъ имъ имена соотвѣтственно своему понятію, то слѣдующіе ему въ чемъ, думаешь, увѣрятся? Не въ томъ ли, что будутъ введены въ обманъ?

Крат. Смотри, чтобъ не было иначе, Сократъ: установитель
C. именъ необходимо зналъ, почему даетъ ихъ; а не то,—какъ я и прежде говорилъ,—они не были бы и именами. Что установитель именъ не погрѣшалъ противъ истины, вотъ тебѣ важнѣйшее доказательство: у него никогда не было бы все такъ согласно. Развѣ не замѣчаешь этого самъ, когда говоришь, что всѣ имена происходили такимъ же образомъ и потому̀ же?

Сокр. Но эта-то защита, добрый Кратилъ, ничего не значитъ. Вѣдь если установитель именъ ошибся вначалѣ, то не удивительно, что принужденъ былъ ошибаться и потомъ,
D. и поставлялся въ необходимость согласоваться съ самимъ собою,—подобно тому, какъ у начертывателя геометрическихъ фигуръ, когда допущена первая малая и незамѣтная неправильность, прочее, сколь бы ни было многосложно, приходитъ уже во взаимное согласіе. Такъ начало всякой вещи каждый человѣкъ долженъ много обдумывать и разсматривать, правильно ли оно полагается, или неправиль-
E. но. Когда же начало достаточно испытано,—прочее явно будетъ за нимъ слѣдовать. Я даже и не удивился бы, если бы имена согласовались одни съ другими. Присмотримся-ка

опять къ тому, о чемъ разсуждали прежде. Имена, говоримъ мы, означаютъ у насъ сущность идущаго, движущагося, текущаго. Иное ли что выражаютъ они, по твоему мнѣнію?

Крат. Совершенно такъ, и значеніе-то ихъ правильно. 437.

Сокр. Начнемъ же свое разсмотрѣніе, взявъ изъ нихъ сперва вотъ это имя—ἐπιστήμη (знаніе): оно довольно обоюдно и какъ бы означаетъ больше то, что̀ останавливаетъ (ἵστησιν) нашу душу на (ἐπὶ) вещахъ, нежели то, что̀ движется съ ними; и правильнѣе производить его начало не чрезъ прибавленіе къ нему буквы ε, какъ говорили мы нынѣ, а чрезъ внесеніе въ него, вмѣсто ει, гласной ι. Потомъ и слово βέβαιον (постоянное) есть также подражаніе какой-то неподвижности (βάσεως) и стоянія, а не движенія. Затѣмъ самое ἱστορία (преслѣдованіе) означаетъ B. то, что̀ удерживаетъ теченіе (ἵστησι τὸν ῥοῦν). И πιστὸν (надежное), безъ сомнѣнія, значитъ останавливать (ἱστᾶν). Далѣе, и μνήμη (память) всякому, вѣроятно, показываетъ, что въ душѣ есть пребываніе (μονή), а не движеніе. Если угодно, то и ἁμαρτία (грѣхъ) и ξυμφορὰ (опасность), какъ скоро захочешь слѣдовать имени, выражаютъ одно и то же съ понятіемъ (ξύνεσις), знаніемъ (ἐπιστήμη) и со всѣми прочими именами, принимаемыми въ хорошую сторону. Близки къ C. нимъ, по видимому, и ἀμαθία (невѣжество) и ἀκολασία (неумѣренность); потому что ἀμαθία выражаетъ шествіе вмѣстѣ съ Богомъ (ἅμα θεῷ), а ἀκολασία непремѣнно есть слѣдованіе (ἀκολουθία) за дѣлами. Такимъ образомъ, что почитаемъ мы именами въ самомъ дурномъ, то можетъ очень походить на имена въ самомъ хорошемъ. Думаю, что, если потрудишься, откроешь много и другаго, чѣмъ опять приведенъ будешь къ мысли, что устанавливатель именъ означаетъ ими вещи не идущія или движущіяся, а неподвижныя.

Крат. Однако ты видишь, Сократъ, что многое озна- D. чалъ онъ и съ той стороны.

Сокр. Такъ что же, Кратилъ? Будемъ ли считать имена

будто подаваемые голоса, и въ этомъ поставимъ ихъ правильность? то есть, въ какомъ значеніи именъ окажется больше, тѣ имена будутъ и вѣрны?

Крат. Выходитъ такъ.

Сокр. Совсѣмъ нѣтъ, другъ мой; оставимъ и эту сторону
E. дѣла, а разсмотримъ другое,—согласимся ли мы и въ этомъ, или не согласимся. Ну-ка, согласимся ли мы совершенно, что постановители именъ въ городахъ эллинскихъ и варварскихъ суть законодатели, а могущее дѣлать это искусство есть законодательство?

Крат. Конечно.

Сокр. Говори-ка,—первые законодатели, установляя первыя имена, знали ли вещи, къ которымъ прилагали ихъ, или не знали?

Крат. Я думаю, Сократъ, что знали.

438. *Сокр*. Невѣроятно, другъ мой, Кратилъ; скорѣе, не знали.

Крат. Мнѣ не кажется.

Сокр. Возвратимся же опять къ тому, съ чего мы начали и пришли сюда. Ты, если помнишь, недавно сказалъ, что установитель именъ необходимо зналъ, говоришь, то, къ чему прилагалъ ихъ. Такъ ли и теперь кажется тебѣ, или нѣтъ?

Крат. И теперь.

Сокр. Значитъ, и первый установитель ихъ установлялъ, знавши дѣло?

Крат. Знавши.

Сокр. Изъ какихъ же именъ изучалъ онъ или открывалъ
B. вещи, пока еще первыя-то имена не были приложены, а между тѣмъ изучать вещи и открывать, говоримъ, иначе невозможно, какъ изучивъ и ткрывъ имена, каковы они?

Крат. Мнѣ кажется, ты дѣльно говоришь, Сократъ.

Сокр. Такъ какимъ образомъ они, эти законодатели установленія именъ, могли бы знать вещи, прежде чѣмъ приложили хоть одно имя и уразумѣли его, если только изучать вещи возможно не иначе, какъ изъ именъ?

Крат. Я думаю, весьма справедливо говорятъ объ этомъ, С. Сократъ, что приложеніе первыхъ именъ къ вещамъ относится къ какой-то высшей силѣ, нежели человѣческая, дабы они были необходимо правильны.

Сокр. Такъ установившій имена,—геній ли это какой, или богъ установлялъ ихъ,—думаешь, противорѣчилъ самъ себѣ? Или тебѣ кажется, что недавнія наши слова ничего не значатъ?

Крат. Но чтобы другія изъ нихъ не были имена.

Сокр. Которыя, почтеннѣйшій,—къ стоянію ли ведущія, или къ движенію? Вѣдь они, какъ сейчасъ сказано, различаются не многочисленностію.

Крат. Да и несправедливо было бы, Сократъ. D.

Сокр. Но когда имена возстаютъ другъ противъ друга, и одни утверждаютъ, что *они* подобны истинѣ, а другія—что *они*,—чѣмъ мы различимъ ихъ и на какомъ основаніи? Вѣдь, конечно, не на иныхъ же именахъ, которыя отличны отъ этихъ,—что невозможно;—но кромѣ сихъ именъ надобно искать, очевидно, чего-то другаго, что и безъ именъ открываетъ намъ, которыя изъ нихъ истинны, то есть, по- E.
казываютъ истину вещей.

Крат. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. А если такъ, то можно намъ, какъ видно, Кратилъ, изучить вещи и безъ именъ.

Крат. Видимо.

Сокр. Чрезъ что же еще иное надѣешься ты изучить ихъ? Не чрезъ то ли, чрезъ что было бы естественно и совершенно справедливо,—то есть, однѣ чрезъ другія, если онѣ взаимно сродны, и самихъ чрезъ себя? Потому что отличнымъ отъ нихъ и чуждымъ означалось бы нѣчто отличное и чуждое, а не сами онѣ.

Крат. Ты говоришь, кажется, правду.

Сокр. Смотри же, ради Зевса: не соглашались ли мы много 439.
разъ, что имена, хорошо приложенныя, подходятъ къ тому, чего они имена, и бываютъ изображеніями вещей?

Крат. Да.

Сокр. Такъ если вещи можно изучать особенно чрезъ име-
на, можно и чрезъ самыя вещи: то которое изученіе ихъ
будетъ наилучшее и яснѣйшее? Изъ образа ли узнавать
вещь самою въ себѣ, сколь хорошо она отображена, и истину
B. изъ ея изображенія, или изъ истины—какъ самую истину
вещи, такъ и образъ ея, прилично ли онъ сдѣланъ?

Крат. Мнѣ кажется, необходимо изъ истины.

Сокр. Какимъ образомъ надобно изучать и открывать вещи,—узнать это, можетъ быть, выше силъ моихъ и твоихъ; для насъ довольно и обоюднаго согласія, что онѣ должны быть изучаемы и изслѣдываемы не изъ именъ, а гораздо скорѣе сами изъ себя, чѣмъ изъ именъ.

Крат. Видимо, Сократъ.

C. *Сокр.* Разсмотримъ еще и то, какъ бы не обмануло насъ
множество этихъ къ одному и тому же направляющихся
именъ. Въ самомъ дѣлѣ, устанавливавшіе имена устанавли-
вали ихъ въ той мысли, что все идетъ и течетъ,—ибо они,
мнѣ кажется, дѣйствительно такъ мыслили; а между тѣмъ
случилось не такъ: эти установители, какъ бы попавъ въ
какой-то круговоротъ, и сами вертятся, и насъ тянутъ за
собою и бросаютъ въ тотъ же вихрь. Смотри-ка, почтен-
нѣйшій Кратилъ, что̀ мнѣ часто представляется какъ бы во
снѣ [1]: называемъ ли мы нѣчто прекраснымъ и добрымъ
D. самимъ въ себѣ, и относительно всякой отдѣльной вещи
такимъ же образомъ, или не называемъ?

Крат. Мнѣ кажется, называемъ, Сократъ.

Сокр. Разсмотримъ же это самое,—не то, что извѣстное

---

[1] Такъ говоритъ Сократъ, давая замѣтить, что самая сила вещей, постоянная и неизмѣнная въ себѣ, представляется ему болѣе гадательно, чѣмъ въ выводахъ умозаключенія. Платонъ приведенъ былъ къ ученію объ идеяхъ, по видимому, тогда, когда положеніе о общихъ понятіяхъ Сократа соединилъ съ философемами элейцевъ о сущемъ. Послѣ того онъ уже обдуманно отступилъ отъ мнѣнія гераклитянъ, которые не допускали ничего постояннаго, но все представляли въ непрестанномъ движеніи.

лицо прекрасно, или нѣчто такое,—все это, по видимому, течетъ,—а самое, скажемъ, прекрасное: не таково ли оно всегда, каково есть?

Крат. Необходимо.

Сокр. Можно ли выразить правильно то, что̀ всегда уходитъ,—выразить, во первыхъ, что это—то же, во вторыхъ, что это—таково? Или необходимо, что, тогда какъ мы говоримъ, оно тотчасъ становится уже инымъ, ускользаетъ и не остается тѣмъ же?

Крат. Необходимо.

Сокр. Какимъ же образомъ могло бы быть чѣмъ нибудь E.
то, что̀ никогда не то же? Вѣдь если бы оно было то же, то въ это самое время, очевидно, не измѣнялось бы. А что̀ всегда одинаково и тожественно, то̀ какъ могло бы измѣняться или приходить въ движеніе, не выступая изъ своей идеи?

Крат. Никакъ.

Сокр. Да оно не было бы никѣмъ и познано; ибо только
что приступилъ бы ты съ намѣреніемъ познать его,—оно 440.
сдѣлалось бы инымъ и чуждымъ, а потому не было бы еще узнано, каково оно дѣйствительно и въ какомъ состояніи находится. Вѣдь никакое знаніе не познаетъ, познавая никакъ не существующее.

Крат. Именно такъ.

Сокр. Тамъ, по справедливости, нельзя указать и на знаніе, Кратилъ, гдѣ всѣ вещи измѣняются и ничто не стоитъ. Вѣдь если это самое знаніе есть знаніе того, что не измѣняется, то знаніе всегда пребываетъ и всегда есть знаніе:
а когда измѣняется и самый видъ знанія, то, какъ скоро B.
видъ знанія измѣняется въ иной, знанія уже нѣтъ, и гдѣ всегда происходитъ измѣняемость, тамъ никогда не бываетъ знанія; а отсюда слѣдуетъ, что тамъ не бываетъ ни познаваемаго, ни имѣющаго быть познаннымъ. Если же, напротивъ, всегда есть познающее, то есть и познаваемое, есть и прекрасное, есть и доброе, есть и бытіе каждой отдѣльной

вещи; и это уже не походитъ на то, что мы недавно го-
C. ворили,—на теченіе и движеніе. Этимъ ли образомъ все существуетъ, или тѣмъ, о которомъ говорятъ послѣдователи Гераклита и многіе другіе,—рѣшить, можетъ быть, не легко: не слишкомъ умному человѣку свойственно, пускаясь въ имена, занимать ими себя и свою душу, вѣря имъ и ихъ установителямъ,—утверждать, будто что-то знаешь; а между тѣмъ произносить судъ противъ себя и вещей,—что ни въ чемъ нѣтъ ничего здраваго, но что все течетъ, будто ску-
D. дель,—что всѣ вещи, точно будто люди, страдающіе разстройствомъ желудка, подвержены разнымъ теченіямъ и изліяніямъ. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ такъ, Кратилъ, а можетъ быть и нѣтъ. Такъ тебѣ надобно мужественно и хорошо изслѣдовать, а не вдругъ принимать,—вѣдь ты еще молодъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ; когда же изслѣдуешь и найдешь, сообщишь и мнѣ.

Крат. Такъ и сдѣлаю. Впрочемъ хорошо знай, Сократъ, что я и теперь слушаю тебя не безъ изслѣдованія; а изслѣдывая этотъ предметъ, и озабочиваясь имъ, я нахожу,
E. что гораздо скорѣе бываетъ такъ, какъ говоритъ Гераклитъ.

Сокр. Такъ ты, другъ мой, научишь меня въ другой разъ, когда придешь; а теперь ступай въ деревню, куда собирался; сопутствовать тебѣ будетъ и этотъ Ермогенъ.

Крат. Такъ и будетъ, Сократъ; но постарайся и ты подумать еще объ этомъ.

ТЕЭТЕТЪ.

ТЕЭТЕТЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Разговоры Платона Теэтетъ, Софистъ и Парменидъ, безъ сомнѣнія, относятся къ числу важнѣйшихъ въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій; потому что въ нихъ рѣшаются вопросы, касающіеся существенныхъ и высшихъ частей системы великаго греческаго философа; и эти вопросы непремѣнно требовали рѣшенія, ибо вызываемы были современнымъ направленіемъ мышленія. Было время, когда и въ обществѣ древне-греческомъ, какъ впослѣдствіи въ ново-европейскомъ, люди мыслящіе болѣе всего толковали о томъ, въ чемъ должно состоять истинное знаніе и, какъ истинное, откуда и какимъ путемъ оно получается. Въ то время тревожныхъ порывовъ ума къ истинному знанію жилъ и философствовалъ Платонъ. И могъ ли этотъ геніальный умъ равнодушно внимать толкамъ о такомъ важномъ предметѣ, оглашавшемъ школы мегарцевъ, элейцевъ, киринейцевъ, софистовъ и политиковъ, не высказывая собственнаго своего взгляда на интересующій общество вопросъ,—могъ ли особенно въ томъ случаѣ, когда мнѣнія о немъ расходились въ крайности, и не было связи, которая бы соединяла ихъ? Причина разногласія тогдашнихъ мыслителей относительно

природы и происхожденія знанія заключалась, конечно, въ различіи началъ, на которыхъ они основывались, а слѣдовательно и въ различныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ былъ ими разсматриваемъ. Одни поставляли знаніе въ совершенную и исключительную зависимость отъ чувствъ, не замѣчая даже того, что чувству, самому по себѣ, вовсе не свойственно видѣть вещи въ различныхъ отношеніяхъ; а безъ отношеній не возможно никакое знаніе. Другіе, напротивъ, природу знанія выводили изъ всѣхъ условій матеріальнаго бытія и разоблачали ее до наготы и пустоты отвлеченнаго понятія,—въ той мысли, что истинное знаніе должно быть удѣломъ не чувственнаго усмотрѣнія, а чистой дѣятельности ума. Очевидно, что эти взгляды, по самой своей противоположности, не могли покровительствовать истинѣ и примириться въ ней, не уравновѣсившись и не сблизившись въ чемъ нибудь среднемъ. Такое срединное воззрѣніе на природу знанія принадлежало Платону.

Авторитетъ чувствъ въ дѣлѣ познанія истины ревностно защищала современная Платону школа Протагора. Слѣдуя Гераклиту, что въ природѣ все измѣняется и течетъ неудержимымъ потокомъ, Протагоръ полагалъ, что единственною мѣрою постоянно измѣняющихся вещей могутъ служить чувства, а слѣдовательно для однихъ только чувственныхъ усмотрѣній возможно и истинное знаніе. Это знаніе, конечно, не имѣло у него значенія всеобщаго,—какъ потому, что усматриваемыя въ вещахъ перемѣны не для всѣхъ людей однѣ и тѣ же, такъ и потому, что законъ непрерывной текучести явленій простирается и на самыя чувства. Отсюда, по ученію Протагора, раждается необходимость довольствоваться знаніемъ частнымъ или личнымъ. Чувство есть не только оракулъ истины, мѣра знанія, но и знанія лишь для себя; такъ что у всякаго человѣка—своя истина, свое знаніе. И одинъ человѣкъ можетъ имѣть преимущество въ этомъ отношеніи предъ другимъ только тогда, когда въ

состояніи бываетъ навязать ему собственную истину, или расположить его къ усвоенію собственнаго знанія. Само собою разумѣется, что какъ чувства подлежатъ тоже закону всеобщей текучести вещества, то вмѣстѣ съ ихъ измѣняемостію должна измѣняться и мѣра истины. По этой причинѣ, истинному знанію ничто не мѣшаетъ переходить въ ложное, а ложному въ истинное. Отсюда формула Протагоровой школы: παντὶ λόγῳ λόγον ἀντικεῖσθαι, впослѣдствіи сдѣлалась формулою скептицизма (*Diog. Laërt.* IX, 51; тамъ же *Menag.* p. 243). Отъ этого ученія Протагора и его послѣдователей не далеко отступало и положеніе тѣхъ, которые поставляли знаніе въ правильномъ мнѣніи, или въ мнѣніи μετὰ λόγου; потому что источникъ его указываемъ былъ также въ чувственномъ усмотрѣніи. Отъ обыкновеннаго свидѣтельства чувствъ въ истинномъ знаніи оно отличалось только тѣмъ, что опиралось на достаточномъ основаніи.

Другая, почти тоже современная Платону школа, занимавшаяся рѣшеніемъ вопроса о знаніи, была элейская. Она развивалась въ области чисто формальнаго мышленія, и чѣмъ далѣе шла въ своемъ развитіи, тѣмъ болѣе терялась въ отвлеченіяхъ формы отъ содержанія. Ища истины въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ, она это неизмѣняемое надѣялась найти въ логическомъ понятіи, чуждомъ всякой вещественности; такъ какъ вещественность подлежитъ чувствамъ, а все чувственное измѣнчиво. И вотъ конкретное представленіе предмета, ставъ предметомъ логическаго анализа въ лабораторіи разсудка, распадается на свои начала: форма отвлекается и становится предикатомъ истины, матерія отходитъ къ видимости и даетъ пищу мнѣнію; первая, чѣмъ меньше сберегаетъ содержанія, тѣмъ больше растетъ въ объемѣ, и наконецъ объемлетъ все, а послѣдняя, чѣмъ меньше ограничивается формою, тѣмъ больше показываетъ неопредѣленности въ содержаніи, и наконецъ, совершенно потерявъ свойственную вещамъ недѣлимость, льется нераздѣльнымъ, обманывающимъ чувства потокомъ веществен-

ныхъ стихій. Такимъ образомъ для элейской философіи и самъ человѣкъ двусторроненъ, и все существующее расходится какъ бы на два лагеря, и между ними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ живой связи, которая бы соединяла ихъ въ одно цѣлое, какъ единичный предметъ философскаго созерцанія.

Изъ этихъ двухъ направленій тогдашней философіи, стремившейся найти источникъ истиннаго знанія и опредѣлить характеръ его, Платонъ не одобрялъ ни того ни другаго. Онъ, конечно, полагалъ, что знаніе истины возможно для одного ума, и въ этомъ отношеніи какъ будто приближался нѣсколько къ понятіямъ элейцевъ. Но истина у него была не то, что ens intellectus,—не формальное бытіе, въ какомъ принимали ее Парменидъ и Зенонъ, а реальное; здѣсь поприще дѣятельности указывалось не разсудку, а силѣ идеальнаго созерцанія, способной проникать своимъ взоромъ въ самую природу или сущность вещей, и видѣть въ нихъ вѣчныя, неизмѣняемыя условія существованія. Съ другой стороны, не оставлялъ онъ, для этой цѣли, пользоваться и чувствами, слѣдовательно не отвергалъ безусловно и ученія протагорейцевъ. Но понятіе его о чувственномъ усмотрѣніи было таково, что оно не имѣетъ силы для вступленія въ самое святилище истины, а только водится мнѣніемъ о ней, то есть съ большею или меньшею вѣроятностію предполагаетъ ее. На міръ явленій Платонъ смотрѣлъ такъ, что и не почиталъ его міромъ sui generis, чѣмъ-то чуждымъ царству истины, какъ понимали его элейцы, и не признавалъ въ немъ области, исключительно достаточной для ознакомленія человѣка съ истиною, что̀ утверждала школа Протагора,—но разумѣлъ его какъ чувствопостигаемое выраженіе идей, и потому въ каждомъ впечатлѣніи со стороны внѣшней природы видѣлъ какъ бы πάθημά τι, которымъ въ душѣ долженъ быть пробужденъ одинъ изъ образовъ міра мыслимаго (Theaet. p. 191 C—D; 194 D). Этотъ взглядъ Платона на познаніе истины казался тогда столь оригинальнымъ и новымъ, и

настолько отличался отъ философскихъ воззрѣній того времени, что современники либо не соглашались съ нимъ, либо вовсе не понимали его.

Надобно полагать, что Платонъ написалъ этотъ діалогъ съ намѣреніемъ прояснить свое ученіе объ истинномъ знаніи и защитить его противъ всѣхъ возраженій. И почти несомнѣнно, что осуществленіемъ такого намѣренія былъ не одинъ Теэтетъ, но вмѣстѣ съ нимъ также Софистъ и Парменидъ, потому что въ Теэтетѣ излагаются и опровергаются только тѣ возраженія, которыя дѣлаемы были со стороны философовъ, основавшихъ знаніе на чувствахъ; опроверженіе же положеній философіи элейской, или изложеніе доказательствъ, почему отвлеченное ея одно не имѣетъ никакой цѣны для знанія, мы читаемъ въ Софистѣ; а что касается Парменида, то, въ двухъ первыхъ діалогахъ опровергнувъ чужія мнѣнія, Платонъ здѣсь, очевидно, излагаетъ собственныя понятія о томъ же предметѣ. Это намѣреніе, расположившее его къ написанію означенныхъ діалоговъ, безъ сомнѣнія, возникло въ немъ еще тогда, когда, вслѣдъ за смертію Сократа, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими его учениками, удалился въ Мегару къ Эвклиду. Проживаніе у Эвклида, конечно, доставляло ему много случаевъ входить въ разсужденія о началахъ знанія и слышать споры мегарцевъ объ этомъ предметѣ, и эти состязанія могли тѣмъ сильнѣе напечатлѣться въ его памяти, чѣмъ съ большею горячностію производились; а горячность въ спорахъ могла возбуждаться въ означенное время особенно тѣмъ, что мнѣнія послѣдователей Протагора и учениковъ элейской школы, кажется, защищаемы были и нѣкоторыми слушателями Сократа, когда они, сошедшись въ Мегарѣ, проводили время въ дружескихъ бесѣдахъ о важнѣйшихъ вопросахъ философіи. Во первыхъ, извѣстно, что глава мегарскихъ эристиковъ, Эвклидъ, далеко отступилъ отъ Сократова взгляда и ближе подошелъ къ ученію Парменида (*Diog. L.* II, 124). Сближеніе его съ началами мышленія элейскаго было такъ

велико, что древніе писатели, говоря о школахъ элейской и мегарской, иногда смѣшивали ихъ одну съ другою. (*Cicer*. Academ. II, 42). Ясное свидѣтельство объ этомъ находимъ и у Аристокла въ «Евангельскомъ Приготовленіи» Евсевія (XI, p. 510 C; XIV, p. 756 C), гдѣ между прочимъ говорится: τοιαῦτα γάρ τινα πρότερον μεν Ξενοφάνης καὶ Παρμενίδης καὶ Ζήνων καὶ Μέλισσος ἔλεγον, ὕστερον δὲ οἱ περὶ Στίλπονα καὶ τοὺς Μεγαρικούς. Но, тогда какъ одни изъ Сократовыхъ учениковъ защищали мнѣнія элейцевъ о знаніи и его источникахъ, другіе, подобно протагорейцамъ, благопріятствовали въ томъ же отношеніи началамъ сенсуализма, поддерживали авторитетъ чувствъ. Главою философовъ этого рода былъ прежній слушатель Сократа Аристиппъ, основатель школы киринейской, и такая живая связь между ученикомъ и учителемъ тѣмъ сильнѣе располагала Платона изслѣдовать мнѣнія киринейскихъ сенсуалистовъ. Хотя ниоткуда не извѣстно, что и Аристиппъ также, по смерти Сократа, жилъ сколько нибудь времени въ Мегарѣ; однакожъ ученіе его какъ бы невольно представлялось Платону, когда онъ своимъ словомъ касался подобнаго взгляда на источникъ познанія, и замѣтно, что такой взглядъ ему вовсе не нравился. Въ самомъ дѣлѣ, положенія Аристиппа имѣли много сходства съ Протагоровыми. Какъ Протагоръ мѣру вещей теоретически хотѣлъ видѣть въ чувственномъ усмотрѣніи человѣка; такъ Аристиппъ мѣрою ихъ въ смыслѣ практическомъ почиталъ чувственное свидѣтельство сердца, и дѣлилъ его на пріятное, скорбное и среднее (*Sext*. *Emp*. VII, 99). Равнымъ образомъ, какъ, по Протагору, знаніе заимствовалось не отъ самыхъ вещей, а отъ дѣйствія ихъ на чувство; такъ и по Аристиппу, вещи были пріятны или не пріятны не сами по себѣ, а въ значеніи τῶν παθημάτων,—поколику они въ своихъ впечатлѣніяхъ κατάληπτα и ἀδιάφευστα (*Aristocl*. ap. Euseb. Praep. Evang. XIV, p. 764 C sqq. *Sext*. *Emp*. adv. Mathem. VII, 190 sqq. VI, 53. *Diog*. *L*. II, 92). Поэтому можно смѣло сказать, что въ первой части Теэтета, въ которой

излагается и опровергается ученіе Протагора, Платонъ нисколько не менѣе затрогиваетъ и колеблетъ также сенсуализмъ Аристиппа. Гораздо труднѣе рѣшить, кого философъ разумѣетъ во второмъ и третьемъ отдѣлѣ разсматриваемаго діалога; ибо намъ не извѣстны установители того начала, что знанія истины надобно искать въ правильномъ мнѣніи; да и сами послѣдователи Сократа, по видимому, не устанавливали его, хотя, сколько можно судить по тонкому изслѣдованію этого положенія въ Теэтетѣ, между ними долженствовали быть нѣкоторые защитники правильнаго мнѣнія. А что многіе изъ нихъ съ особеннымъ участіемъ рѣшали вопросъ о знаніи и истинѣ, достаточно свидѣтельствуетъ Свида, указывающій на книги Критона περὶ τοῦ μαθεῖν, περὶ τοῦ γνῶναι и περὶ ἐπιστήμης (см. у него сл. Κρίτων, и *Diog. Laërt.* II, 121). Кромѣ того, и у Діогена Лаерція встрѣчаемъ мы указанія на сочиненія Симона περὶ ἐπιστήμης, περὶ κρίσεως, περὶ τοῦ διαλέγεσθαι (II, 123), равно какъ на письменныя разсужденія Симміаса ѳивскаго περὶ λογισμοῦ, περὶ ἀληθείας (II, 124), и на нѣкоторыя другія. Соображая это, Шлейермахеръ не безъ вѣроятія догадывается, что правильное мнѣніе казалось достаточнымъ источникомъ знанія Антисѳену, и что слѣдовательно и объ этомъ могли быть споры.

Наша увѣренность, что намѣреніе написать Теэтета, Софиста и Парменида возникло въ душѣ Платона по поводу разсужденій о знаніи, происходившихъ въ Мегарѣ, подтверждается, по видимому, самымъ вступленіемъ въ разсматриваемый діалогъ, такъ какъ оно походитъ на памятникъ того времени, когда Платонъ жилъ въ этомъ городѣ. Во вступленіи разсказывается, что Эвклидъ мегарскій изложилъ разговоръ о природѣ знанія, происходившій нѣкогда между киринейскимъ математикомъ Ѳеодоромъ, Сократомъ и Теэтетомъ,— однимъ молодымъ аѳиняниномъ. Объ этомъ разговорѣ Эвклидъ припоминаетъ по тому случаю, что сейчасъ только привезъ онъ съ собою того самаго Теэтета, взятаго имъ съ поля битвы при Коринѳѣ. Услышавъ о разговорѣ, Терпсіонъ,

тоже мегарецъ и нѣкогда ревностный ученикъ Сократа, сряду проситъ Эвклида передать ему содержаніе той бесѣды. Эвклидъ обѣщаетъ. И вотъ оба они приходятъ домой, и тамъ на одного слугу возлагается обязанность прочитать имъ вслухъ упомянутую рукопись. Таково вступленіе въ діалогъ. Въ немъ выставлены на видъ обстоятельства, слишкомъ далекія отъ содержанія діалога. Почему вводится здѣсь разсказчикомъ Эвклидъ, основатель школы эристиковъ? Для чего велитъ онъ читать свою рукопись по просьбѣ Терпсіона, который жилъ въ Мегарѣ и принадлежалъ къ числу учениковъ Сократа? Что заставило Платона сценою передачи разговора избрать именно Мегару, а не Аѳины? Вся эта обстановка кажется совершенно произвольною и случайною, если вопросовъ рѣшаемыхъ въ Теэтетѣ, Софистѣ и Парменидѣ не поставлять въ связь съ мегарскими бесѣдами Платона; только сказанною внѣшнею связью съ ними объясняется умѣстность высказанныхъ во введеніи обстоятельствъ.

Впрочемъ изъ предположенія, что въ Мегарѣ происходили споры между Сократовыми слушателями объ источникахъ истиннаго знанія, нельзя еще заключить, будто къ тому самому времени относится и выходъ въ свѣтъ Платонова Теэтета. Искусное и зрѣло обдуманное изложеніе этого сочиненія позволяетъ догадываться, что въ душѣ Платона по поводу тѣхъ споровъ возникла только первая мысль о немъ, самое же написаніе его, равно какъ Софиста и Парменида, по всей вѣроятности, совершилось позднѣе, когда Платонъ, послѣ долговременныхъ путешествій, возвратился въ отечество. Къ этой догадкѣ приводятъ насъ нѣкоторые признаки, встрѣчающіеся въ самомъ діалогѣ. Во первыхъ, въ немъ упоминается о Протагорѣ, какъ уже умершемъ; а изъ этого слѣдуетъ, что Теэтетъ могъ быть написанъ не раньше, какъ въ третьемъ году XCIII олимп., или за 410 лѣтъ до Р. Х. Но это еще не важно. Гораздо ближе рѣшается вопросъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ разсматриваемой книги говорится о коринѳскомъ сраженіи. Подъ этимъ сра-

женіемъ, очевидно, разумѣется не иное, какъ битва, упоминаемая Димосѳеномъ въ рѣчи противъ Лептина, и называемая имъ (§ 11) ἡ μεγάλη μάχη πρὸς Λακεδαιμονίους, ἡ ἐν Κορίνθῳ. Стало быть, тогда была война, возгорѣвшаяся чрезъ десять лѣтъ послѣ пелопонезской и извѣстная подъ именемъ Коринѳской. Но сраженіе при Коринѳѣ, по свидѣтельству Ксенофонта (Hellen. IV, 2. 8) и Діодора (XIV, 83), произошло при архонтѣ Діофантѣ, на второмъ году XCVI олимп. А предъ этимъ временемъ Платонъ въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ посѣщалъ Италію, Киринею и Египетъ (Diog. L. III, 6. 7). Слѣдовательно, Теэтетъ могъ быть изданъ не прежде, какъ по возвращеніи Платона въ отечество. Если бы впрочемъ выходъ Теэтета мы отнесли еще къ болѣе позднему времени, то мнѣніе наше было бы ошибочно; ибо въ концѣ этого діалога говорится о доносѣ Мелита на Сократа, что показалось бы очень страннымъ: едвали бы Платонъ упоминулъ объ обстоятельствахъ этого обвиненія, по давности времени уже забытыхъ. И такъ, Теэтетъ, по всей вѣроятности, написанъ около третьяго или четвертаго года XCVI олимп., то есть чрезъ шесть или семь лѣтъ послѣ смерти Сократа, когда память о судѣ надъ нимъ еще жива была въ народѣ. Это весьма хорошо согласуется и съ высказаннымъ въ Теэтетѣ взглядомъ Платона на жизнь философа. Платонъ, потрясенный страшною катастрофою своего учителя, рѣшился не принимать на себя общественныхъ обязанностей, и кажется, не было недостатка въ людяхъ, которые укоряли его за такое равнодушіе къ обществу. Но укоризны въ этомъ отношеніи могли дѣлать ему не прежде, какъ тогда, когда онъ возвратился изъ перваго путешествія и богатымъ запасомъ своихъ познаній сталъ дѣлиться съ друзьями и учениками. И не естественно ли было ему въ то время прежде всего оправдывать себя предъ глазами этихъ обвинителей, выставляя на видъ достоинство и высокое значеніе философа, посвящающаго свою жизнь созерцанію вещей божественныхъ? Это

самое и дѣлаетъ онъ въ своемъ Теэтетѣ, начиная со стр. 172 C—до 177 B, гдѣ не безъ нѣкоторой горечи высказываетъ различіе между жизнію философа и дѣятеля гражданскаго, и показываетъ, насколько первая предпочтительнѣе послѣдней. Та же мысль раскрывается и въ Горгіасѣ (p. 484 D).

Нельзя не сказать нѣсколько словъ и о господствующемъ тонѣ Теэтета. Весь этотъ діалогъ отличается особенно искусною и изящною ироніей: здѣсь Сократъ тонкою своею шуткою преслѣдуетъ и протагорейцевъ, и послѣдователей Гераклита, и всѣхъ тѣхъ, которые философскія свои положенія основывали на авторитетѣ Гомера, Орфея и другихъ древнѣйшихъ поэтовъ. Притомъ ученіе философовъ, подвергаемое критическому разсмотрѣнію, объясняется здѣсь многими соображеніями, сравненіями и подобіями, чтобы тѣмъ легче было опровергнуть его. И все это дѣлается съ такою тонкою ироніею, что человѣкъ, не совсѣмъ знакомый съ тономъ и оборотами Сократовой рѣчи, съ перваго раза можетъ подумать, будто Сократъ одобряетъ нелѣпыя представленія тогдашнихъ философскихъ школъ. Таково, напримѣръ, представленіе птичника или голубятни (p. 197 C—D), которую иные изъ толкователей Платона, по смѣшной ошибкѣ, относили къ образамъ, выражающимъ собственныя его положенія. Не менѣе изящною является шутка Сократа и по самому способу его разсужденія; потому что Сократъ часто поддѣлывается здѣсь подъ такую именно діалектику, какою пользовались философы имъ обличаемые, то есть смѣло вдается въ софистическія хитросплетенія, до которыхъ они были большіе охотники, либо разсуждаетъ отъ лица своихъ противниковъ и запутываетъ ихъ въ ихъ же собственныхъ сѣтяхъ. Кто не возьметъ на себя труда подмѣтить всѣ эти своеобразности въ разсматриваемомъ діалогѣ, тотъ далеко не войдетъ въ мысль Платона, и даже поставитъ ему въ вину ту мнимонелѣпую болтливость, въ которой онъ является не болѣе, какъ искуснымъ и лукавымъ Момусомъ. Вѣдь и сказать

нельзя, какъ много вредитъ истинной мысли Платона такое истолкованіе ея, что будто въ Теэтетѣ господствуетъ разсужденіе серьезное, чуждое всякой шутки и веселости: такой истолкователь гоняется просто за тѣнью, не замѣчая самой вещи.

Разсмотримъ теперь, въ какомъ порядкѣ и послѣдовательности развивается содержаніе Теэтета. Это разсмотрѣніе нужно особенно потому, что главная въ этомъ діалогѣ идея идетъ излучинами, уклоняется въ стороны, слѣдовательно дѣлаетъ не безполезнымъ указаніе руководительной нити, имѣющей облегчить вниманіе читателя.

Сцена собесѣдованія въ Теэтетѣ открывается тѣмъ, что киринейскій математикъ Өеодоръ и Сократъ случайно встрѣтились въ одной гимназіи. Өеодоръ тогда, надобно полагать, преподавалъ въ Аөинахъ математику, потому что былъ, какъ говорится (Theaet. p. 145 A), γεωμετρικός, ἀστρονομικὸς καὶ λογιστικός τε καὶ μουσικός, καὶ ὅσα παιδείας ἔχεται. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, владѣя такими познаніями, онъ заговорилъ съ Сократомъ въ духѣ послѣдователя Протагорова; потому что онъ, какъ читаемъ (p. 161 B, 162 A, 168 E), былъ другъ Протагора и до того одобрялъ образъ его мыслей, что, по смерти этого софиста, защищалъ его мнѣнія, будто наслѣдіе отца. Но положенія Гераклита ему не нравились, потому что были темны (p. 179 C sqq). И въ математикѣ, который во всемъ требуетъ ясности, это не удивительно. Не странно равнымъ образомъ и то, что онъ признаетъ себя непривычнымъ къ рѣчи разговорной (p. 146 B), и потому высказываетъ свое нерасположеніе къ собесѣдованію. Тѣмъ не менѣе однако Платонъ приписываетъ его наукѣ высокое значеніе, изъ чего становится вѣроятнымъ, что въ Киринеи онъ ревностно слушалъ этого математика (Diog. L. III, 6). Встрѣтившись съ нимъ въ гимназіи, Сократъ спрашиваетъ его о способностяхъ юношей, посѣщающихъ его школу. Өеодоръ болѣе другихъ между ними хвалитъ Теэтета, отличающагося благонравіемъ и скромно-

стію, прилежаніемъ къ ученію и философски настроенною природою. Между тѣмъ входитъ самъ Теэтетъ. Сократъ тотчасъ подзываетъ его и, по поводу мнѣнія о немъ Өеодора, осыпаетъ его похвалами. А такъ какъ онъ отличался особенно успѣхами въ знаніи, то Сократу естественно было спросить его о силѣ и природѣ знанія, и высказать свое желаніе, чтобы онъ изложилъ свое понятіе объ этомъ предметѣ. Теэтетъ тотчасъ приступаетъ къ дѣлу.

Для составленія понятія о знаніи, безъ сомнѣнія, прежде всего надлежало найти его родъ; но молодой человѣкъ, вмѣсто того, перебираетъ частныя формы, которыми оно выражается и, думая уловить его въ этихъ отдѣльныхъ формахъ, допускаетъ ошибку. Сократъ даетъ ему замѣтить невѣрность составленнаго имъ понятія,—и юноша съ умомъ, настроеннымъ къ философскому мышленію, тотчасъ догадывается, чего хочетъ отъ него Сократъ. Быстрая сообразительность Теэтета радуетъ Сократа. Доволенъ онъ и тѣмъ, что юноша сознаетъ трудность предложенной ему задачи, и настоящее усиліе его ума уподобляетъ болѣзнованію родильницы, а эротематическую свою методу—искусству повивальной бабки (p. 146 A—151 D). Высказавъ такое подобіе, сынъ Софрониска снова убѣждаетъ Теэтета опредѣлить, что̀ разумѣется подъ именемъ знанія,—и молодой человѣкъ предлагаетъ одно за другимъ три опредѣленія, изслѣдованіе и опроверженіе которыхъ составляетъ все содержаніе діалога. Во первыхъ, онъ говоритъ, что знаніе есть *чувство:* но это опредѣленіе опровергается; потомъ ищетъ знанія въ *правильномъ мнѣніи:* но и это опять оказывается несостоятельнымъ; тогда онъ обращается къ *правильному мнѣнію* μετὰ λόγου,—однакожъ и это Сократу кажется не совсѣмъ вѣрнымъ.

По первому положенію Теэтета, знаніе принадлежитъ *чувству:* кто усматриваетъ что либо чувствами, тотъ и знаетъ то, что̀ усматриваетъ. Выслушавъ это положеніе, Сократъ замѣчаетъ, что Теэтетъ повторилъ мнѣніе Протагора, только иными словами выразилъ его: ибо Протагоръ

говоритъ, что человѣкъ есть какъ бы мѣра всѣхъ вещей, то-есть, для каждаго что либо таково, какимъ кажется ему самому; Теэтетъ признается, что онъ дѣйствительно гдѣ-то читалъ подобное мнѣніе, и почти согласенъ съ нимъ. Тогда Сократъ начинаетъ разсматривать его со всѣхъ сторонъ и объясняетъ такъ, какъ будто бы самъ покровительствуетъ ему (p. 151 D—152 C). Разсужденіе его объ этомъ таково: нѣтъ ничего, что было бы нѣчто само по себѣ, или одно и то же; ибо все относится къ чему либо иному. А отсюда слѣдуетъ, что ничему самому по себѣ нельзя приписать какое либо качество: ибо что называемъ мы малымъ, то самое и велико, и наоборотъ; что кажется тяжелымъ, то самое и легко. И Протагоръ въ этомъ отношеніи согласенъ съ Эмпедокломъ, Гераклитомъ, Гомеромъ, Орфеемъ, Эпихармомъ и другими. Поэтому все надобно производить отъ движенія, измѣненія и взаимнаго отношенія вещей, и это все принято, безъ особенной точности, называть *бытіемъ*; ибо повсюду господствуетъ тотъ постоянный и неизмѣнный законъ, что въ движеніи все происходитъ, а въ покоѣ все исчезаетъ. Это объясняется между прочимъ природою и причинами цвѣта; ибо цвѣтъ самъ по себѣ существуетъ ни внѣ зрѣнія, ни въ зрѣніи, а во взаимной связи глазъ и предметовъ видимыхъ. Напримѣръ, бѣлизны нѣтъ ни въ самой вещи, называемой бѣлою, ни въ глазѣ; но какъ скоро къ глазу приражается какое либо внѣшнее впечатлѣніе и движеніе,—глазъ становится видящимъ—безъ видѣнія, а вещь—бѣлою—безъ бѣлизны; такъ что уничтожь глазъ и производящую движеніе вещь,—бѣлизны болѣе не будетъ. И нельзя думать, будто въ вещахъ самихъ по себѣ есть какое нибудь качество: самое даже легкое наблюденіе надъ вещами показываетъ, что одна и та же вещь, безъ всякой перемѣны въ своей природѣ и помимо собственной нашей силы, кажется намъ то тою, то другою. Сравнимъ, напримѣръ, шесть игральныхъ костей съ четырьмя другими: первыя цѣлымъ и половиною больше

послѣднихъ. Но когда тѣ сравниваются съ двѣнадцатью, то составляютъ только половину ихъ. Изъ этого очевидно, что одно и то же число бываетъ то больше, то меньше, чего, конечно, не могло бы быть, если бы числа заключали въ себѣ извѣстную опредѣленную величину (p. 152 D—155 E). И такъ, надобно думать, что кромѣ движенія и перемѣны нѣтъ ничего, и что отсюда все получаетъ свое начало. Но движеній есть два рода: одинъ усматривается въ дѣйствіи, другой—въ страданіи; и когда они соединяются между собою, съ одной стороны тотчасъ происходитъ чувство, съ другой—чувствуемое. Что движется, то, входя въ глазъ, наполняетъ его зрѣніемъ и даетъ ему способность видѣть, и само вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ нѣкоторое качество, какъ, напримѣръ, бѣлизну, и кажется бѣлымъ; тогда какъ само по себѣ оно ни бѣло ни черно, да и цвѣтомъ-то качествуется лишь до тѣхъ поръ, пока усматривается очами. И такъ, всѣ качества вещей происходятъ отъ соединенія дѣйствующаго и страдающаго, и потому о всѣхъ вещахъ надобно сказать, что онѣ не *существуютъ*, а *бываютъ* (p. 155 E—157 D). Стало быть, что чувствуется, то дѣйствительно и есть, и Протагоръ правильно судилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, или что для каждаго человѣка собственное чувство есть достаточный судья истины. Но вотъ иной возразитъ, что люди часто чувствуютъ лживо, усматриваютъ, напримѣръ, ложные образы въ сновидѣніяхъ, въ болѣзняхъ, въ помѣшательствѣ. Впрочемъ это возраженіе ничего не значитъ; потому что если истина вещей находится въ зависимости отъ чего нибудь, а самостоятельнаго бытія не имѣетъ, то явно, что какою она чувствуется, такова и есть. Если, напримѣръ, больному или помѣшанному вино, которое онъ пьетъ, кажется горькимъ,—вино для него дѣйствительно таково и есть, какимъ кажется, какъ скоро *быть* и *казаться* одно и то же. Притомъ ничѣмъ нельзя доказать, что чувствуемое нами въ сновидѣніи или въ помѣшательствѣ ложно, такъ какъ нѣтъ признака истины,

которымъ сонъ отличался бы отъ бодрствованія, состояніе же болѣзней, если оно продолжается и недолго, надобно оцѣнивать не продолжительностію времени (p. 157 E—161 B). Впрочемъ противъ положенія Протагора могутъ сказать и нѣчто другое: изъ него слѣдуетъ, скажутъ, что свиньи, собаки и прочія животныя столь же разумны, какъ и люди, и что человѣкъ, въ этомъ отношеніи, равняется богамъ. Но на началахъ Протагорова ученія опровергнуть ихъ не такъ трудно: во первыхъ, мы внушимъ тѣмъ людямъ, что о богахъ тутъ упоминать не слѣдуетъ, потому что у Протагора остается подъ сомнѣніемъ, существуютъ боги, или нѣтъ; а что, говорятъ, унизительно для человѣка равняться въ мудрости съ самымъ грязнымъ животнымъ, то такая мысль о животномъ составлена произвольно и предразсудочно, а не подъ диктовку истины. Есть и еще сомнѣніе. Могутъ сказать: вотъ мы слышимъ слова иностранныхъ языковъ, однакожъ не понимаемъ ихъ; слѣдовательно чувствовать что нибудь и знать или понимать—не все равно. На это мы отвѣтимъ такъ: въ такихъ вещахъ ничто не познается кромѣ того, что̀ чувствуется (p. 161 C—163 B). Столь же легко опровергнуть и все, что стали бы, можетъ быть, возражать противъ Протагора. Если бы, напримѣръ, кто сказалъ, что мы многое знаемъ, чему научились прежде и чего теперь не постигаемъ чувствами, тогда какъ, по Протагору, тамъ нѣтъ уже знанія, гдѣ чувство болѣе не дѣйствуетъ; то отвѣтъ на это былъ бы тотчасъ готовъ. Память, то есть, вовсе не то, что чувство: называемое знаніемъ по памяти совершенно отлично отъ того, что нѣкогда было чувствуемо; такъ что одно воспоминаніе не даетъ намъ никакого знанія. Не важнѣе и то возраженіе, что многое усматривается чувствами темно и издали, и знаніе тогда не получается. Вѣдь кто чувствуетъ темно и издали, тотъ совершенно отличенъ отъ другаго, чувствующаго то же самое ясно и вблизи; ибо легко понять, что знаніе различныхъ людей должно быть тоже различно. Сверхъ сего и то, по видимому, справедливо, что

никто своимъ знаніемъ не превосходитъ другаго, какъ скоро для всякаго истинно то, чтò кому представляется; такъ какъ несомнѣнно, что и сами люди, наравнѣ съ животными, по состоянію тѣла и души, бываютъ или хуже или лучше. Кто хвораетъ, тотъ находится въ худшемъ состояніи сравнительно съ другимъ, который пользуется здоровьемъ. Врачъ знаніемъ лѣкарствъ превосходитъ не знающаго ихъ. Философы и ораторы равнымъ образомъ должны быть предпочитаемы людямъ неученымъ,—не потому, чтобы они яснѣе усматривали природу вещей, а потому, что имъ понятнѣе польза того или другаго человѣка; ибо только польза есть единственная и надежнѣйшая мѣра мудрости. Чѣмъ больше, то есть, кто знаніемъ полезности можетъ служить другимъ, тѣмъ тотъ и мудрѣе (p. 163 C—168 C).

Доселѣ Сократъ разговаривалъ съ Теэтетомъ и, ограничиваясь яснымъ изложеніемъ ученія Протагорова, тщательно скрывалъ собственное о немъ мнѣніе. А теперь онъ убѣждаетъ Ѳеодора принять участіе въ разговорѣ и, когда этотъ согласился, тотчасъ начинаетъ опровергать тѣ самыя положенія, которыя прежде объяснялъ. Не всѣ люди, говоритъ, водятся истинными мнѣніями; часто случается, что они лживо чувствуютъ, и потому, въ отношеніи къ одной и той же вещи, бываютъ несогласны сами съ собою. А изъ этого явно, что одно и то же можетъ быть и истинно и ложно; изъ этого слѣдуетъ также, что чѣмъ большимъ числомъ людей одобряется извѣстное мнѣніе, тѣмъ истиннѣе должно оно казаться. Стало быть, мнѣніе Протагора, подтверждаемое согласіемъ меньшинства, заключаетъ въ себѣ мало истинности, и какъ не одобряемое многими, оно ложно. Итакъ, не соглашающіеся съ Протагоромъ необходимо должны недоумѣвать, чтò такое защищаетъ онъ, и истина у него подвергается опасности потерять значеніе истины. Кромѣ тòго, по замѣчанію Сократа, Протагоръ самъ уступаетъ, что во многихъ вещахъ одни бываютъ мудрѣе и знающѣе другихъ: а это, если получше вникнуть въ дѣло, много вре-

дитъ его положенію. Онъ не отвергаетъ того, что общества, постановляя что либо для общей пользы, постановляютъ не всегда полезное, даже охотно уступаетъ, что между людьми, публично совѣтующими нѣчто, или не совѣтующими, относительно полезности ихъ совѣтовъ, бываетъ великая разница; такъ что и здѣсь опять возбуждается сомнѣніе, могутъ ли они правильно и здраво отличить полезное отъ неполезнаго, хотя каждый изъ нихъ о справедливости, благочестіи, благонравіи и честности судитъ такъ, какъ дѣйствительно ему кажется (p. 168 C—172 C).

Послѣ сего Сократъ вдругъ прерываетъ свою рѣчь и, увлекаясь какою-то мыслію, вдается какъ бы въ свободное разсужденіе, безъ опредѣленной, по видимому, цѣли. Ѳеодоръ объясняетъ это избыткомъ у нихъ досуга, не ограничивающаго ихъ собесѣдованія никакими предѣлами времени. Размышляя объ этомъ, Сократъ признаетъ счастливымъ жребій философовъ, которые, не задерживаясь никакими разсчетами времени и обстоятельствъ, могутъ свободно разсуждать между собою объ относящихся къ философіи предметахъ,—не то, что ораторы, связанные тѣсными временными условіями и сидящіе въ собраніяхъ, сравнительно съ философами, какъ рабы. Вѣдь есть, говоритъ, такіе люди, которые съ дѣтства привыкли къ рабскому образу чувствованія и дѣятельности, которые низко льстятъ судьямъ и народу, будто своимъ господамъ, горячо спорятъ и ссорятся между собою, зорко видятъ, что̀ полезно, но въ душѣ обезображены рабствомъ и носятъ въ себѣ всякаго рода порчу, лгутъ и обманываютъ, и не удерживаются отъ неправды. Таковы-то тѣ людишки, вертящіеся въ судахъ и собраніяхъ, хотя кажутся и очень мудрыми. Совсѣмъ другое дѣло—истинные философы. Они не занимаются дѣлами гражданскими, не думаютъ о пріобрѣтеніи почестей, презираютъ благородство и богатство, невѣжды въ несеніи обязанностей частныхъ и общественныхъ, не цѣнятъ могущества и силы, и такъ мало заботятся о внѣшнемъ, что для прочихъ людей служатъ

предметомъ насмѣшекъ. За то въ чемъ состоитъ сама по себѣ справедливость и несправедливость, и что надобно почитать истиннымъ счастіемъ человѣка,—это знаютъ они лучше всѣхъ, занимающихся дѣлами общественными, потому что послѣдніе о такихъ вещахъ разсуждаютъ очень дурно. И такъ, если бы всѣ сознавали превосходство философіи, то между людьми обрѣталось бы больше мира и меньше бѣдствій. Но зло въ человѣчествѣ совершенно истребиться не можетъ, потому что необходимо быть чему нибудь, что противорѣчило бы добру. Отъ всякаго зла свободна только природа божественная. Поэтому философъ своею цѣлію почитаетъ то, чтобы отъ этихъ земныхъ вещей какъ можно скорѣе бѣжать къ Богу, то есть, ближайшимъ образомъ уподобляться ему. А такой цѣли достигаетъ онъ, строго соблюдая справедливость и храня благочестіе съ мудростію; потому что Богъ сколько совершенъ, столько же и справедливъ. Знаніе этого дѣла составляетъ истинную мудрость, въ сравненіи съ которою умѣнье вести дѣла гражданскія кажется мелочнымъ, ничтожнымъ. Хотя люди съ такимъ умѣньемъ удивительно какъ много думаютъ о себѣ; но на самомъ дѣлѣ думы ихъ—мечты, какъ скоро не знаютъ они того, что̀ долженъ знать всякій. Они не знаютъ и не вѣрятъ, что для несправедливости блюдутся величайшія наказанія, и что несправедливые потому суть люди самые несчастные. А когда слышишь отъ нихъ порицаніе и обвиненіе философіи, и требуешь, чтобъ они нашли основаніе унизительнаго мнѣнія о ней,—у нихъ теряется все краснорѣчіе и на языкѣ остается только дѣтская болтливость (p. 172 C—177 B).

Это разсужденіе Сократа о различіи жизни гражданской и философской есть какъ бы мимоходное и случайное, однакожъ изложено не безъ цѣли. Оно направлено противъ тѣхъ, которые порицали какъ другихъ послѣдователей Сократовыхъ, такъ особенно Платона, что онъ, оставивъ дѣла гражданскія, всю свою жизнь посвятилъ философіи. Нельзя

не замѣтить, что это мѣсто находится въ теснѣйшей связи и съ содержаніемъ цѣлаго діалога. Къ этому разсужденію Сократъ увлеченъ былъ мыслію о тѣхъ, которые на все смотрѣли въ отношеніяхъ, не имѣя въ виду истины самостоятельной, а потому и не могли рѣшить, на какомъ основаніи дѣйствительно полезны тѣ гражданскія постановленія, которыя почитали полезными. И такъ, мысли Сократа о жизни философа имѣютъ значеніе эпизода, подготовляющаго начало для разсужденій объ истинномъ знаніи и указывающаго источникъ его въ существѣ совершеннѣйшемъ—въ Богѣ. Посмотримъ, какъ отсюда начинаетъ онъ развивать положительныя свои понятія. Люди, занятые дѣлами гражданскими, сами сознаются, говоритъ онъ, что общество не увѣрено въ полезности своихъ постановленій. И это еще яснѣе открывается изъ самаго понятія о пользѣ. Вѣдь польза относится непремѣнно къ времени будущему, которое имѣетъ въ виду государство, начертывая извѣстные законы. Посему если человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, то человѣкъ же долженъ измѣрять отношенія вещей и во времени будущемъ. Но здѣсь надобно замѣтить, что умѣющій поставлять въ правильное отношеніе вещи будущія долженъ судить лучше тѣхъ, которые не имѣютъ такой способности. Это подтверждается примѣромъ самого Протагора. Онъ объявлялъ, что объ осуществленіи совѣтовъ, высказываемыхъ въ судебныхъ рѣчахъ, можетъ судить лучше прочихъ,—и что ему вѣрили, свидѣтельствуетъ большое число его учениковъ. Стало быть, самъ Протагоръ долженъ былъ бы согласиться, что правильною мѣрою вещей слѣдуетъ почитать не всякаго, а только мудрѣйшаго. Надобно еще взглянуть и на настоящія впечатлѣнія чувствъ, которымъ гераклитовцы уступаютъ познаніе истины, только темно и запутанно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ. Не будемъ говорить о философахъ, все останавливающихъ, а скажемъ о тѣхъ, у которыхъ все движется. Должно различать два рода движенія: одно качественное, другое—мѣстное. Вещь можетъ переходить изъ одного

мѣста въ другое, можетъ также изъ такой дѣлаться не такою,—изъ бѣлой черною, изъ мягкой жесткою, и такъ далѣе. И необходимо, чтобы все двигалось обоими родами движенія; а иначе выйдетъ, что одно и то же движется и не движется. Поэтому, когда движется бѣлое,—необходимо, чтобы оно и измѣнялось; когда движется зрѣніе,—ему тоже нельзя обойтись безъ перемѣнъ; такъ и все прочее. Слѣдствіе отсюда ясно само собою: ничто, то есть, не можетъ быть или казаться ни бѣлымъ, ни не бѣлымъ, но должно и казаться и вмѣстѣ не казаться какъ бѣлымъ, такъ и не бѣлымъ. А этимъ въ сужденіи и познаніи истины подрывается весь авторитетъ чувствъ (p. 177 C—183 C).

Послѣ сего очередь собесѣдователя снова перешла къ Теэтету, такъ какъ Ѳеодоръ предварительно сказалъ, что онъ будетъ участвовать въ разговорѣ не долѣе, какъ сколько потребуетъ того спорная сторона предмета. Сократъ и за этимъ, конечно, продолжаетъ опровергать главное положеніе Протагора; но основаніе опроверженія теперь у него новое,—теперь онъ полагаетъ, что и изъ самой природы чувствъ можно вывести заключеніе, что сужденія объ истинѣ или какого либо знанія имъ приписать нельзя. Это доказывается слѣдующимъ образомъ. Каждому чувству, говоритъ Сократъ, свойственны особыя впечатлѣнія; одни принимаются только ушами, другія ноздрями, иныя глазами, и такъ далѣе. Но впечатлѣнія отдѣльныхъ чувствъ мы часто сравниваемъ между собою и общее многимъ сводимъ въ одно. А это никакъ не можетъ быть производимо самими органами чувствъ. И такъ, остается заключить, что здѣсь должна имѣть мѣсто работа ума, господствующая надъ чувствомъ, ибо такія, напримѣръ, понятія, какъ подобіе и неподобіе, тожество и различіе, сущность и несущность, и многія другія, зависятъ не отъ чувствъ, а дѣйствительно принадлежатъ только уму. Стало быть, несомнѣнно, что сужденіе ума стоитъ выше впечатлѣній, производимыхъ чувствами. Къ тому же чувствами владѣемъ мы съ самаго рожденія, а способности пониманія

и умозаключенія въ то время еще не имѣемъ; поэтому, что надобно почитать полезнымъ или неполезнымъ,—это у насъ достояніе уже позднѣйшее, пріобрѣтаемое уже съ развитіемъ понятій,—путемъ опыта и науки. Изъ всего этого ясно, что знаніе никакъ не можетъ заключаться въ усмотрѣніяхъ и чувствахъ (p. 183 C—187 A).

Эти разсужденія Сократа противъ теоретическаго сенсуализма Протагорова раскрывали предметъ такъ тонко и опровергали его столь рѣшительно, что, по видимому, нечего было и прибавить къ увеличенію ихъ твердости и основательности. Но жизнь беретъ свое: практическая настроенность духа беременѣетъ свойственными себѣ убѣжденіями; а убѣжденія, вліяя на направленіе ума, зараждаютъ въ немъ мнѣнія и развиваютъ ихъ, какъ достаточныя основанія знанія. Поэтому, кончивъ дѣло съ чувствами, находившими защитника своихъ правъ въ Протагорѣ, Сократъ начинаетъ теперь говорить противъ такъ называемыхъ философовъ здраваго смысла, или, по тогдашнему, *правильнаго мнѣнія*. Шлейермахеръ и Астъ замѣчаютъ, что такими философами Платонъ почиталъ Антисѳена и его друзей. Но мы не ручаемся за вѣрность этой догадки, если только подъ именемъ правильнаго мнѣнія будемъ разумѣть не практическое понятіе или правило жизни, а теоретическое начало познанія. Приступая къ раскрытію содержанія этой части Теэтета, надобно прежде всего обратить вниманіе на то, къ какому Сократъ прибѣгаетъ способу для опроверженія защитниковъ правильнаго мнѣнія. Онъ явно пользуется здѣсь такими діалектическими тонкостями и хитросплетеніями, къ какимъ, по всей вѣроятности, прибѣгали мыслители, имъ опровергаемые. Подобный мимизмъ есть характеристическая черта Платона, замѣчаемая въ изложеніи многихъ его сочиненій. Но предположивъ это, нельзя уже думать, что Платонъ здѣсь разумѣлъ киниковъ, а скорѣе слѣдуетъ остановиться на той мысли, что ученіе о важности правильнаго мнѣнія весьма сродно съ положеніями тоже Протагора и его послѣдовате-

лей. Извѣстно, что мнѣніе, δόξαν, Платонъ ставилъ въ зависимость отъ чувства: такъ что если вещи постигаются и обсуживаются правильно, то происходитъ мнѣніе правильное, а когда нѣтъ,—ложное (см. Tim. p. 37 B). Но были мыслители, смотрѣвшіе на впечатлѣнія чувствъ какъ на источникъ знанія, въ томъ предположеніи, что ими условливаются правильныя сужденія ума. Этихъ-то мыслителей имѣетъ здѣсь въ виду Сократъ, и вотъ что говоритъ о нихъ.

Онъ начинаетъ свое разсужденіе рѣшеніемъ вопроса, возможно ли какое нибудь *ложное мнѣніе*,—и софистически даетъ ему такое направленіе, что ложное мнѣніе, по значенію его доказательствъ, оказывается невозможнымъ; а отсюда потомъ заключаетъ, что въ правильномъ мнѣніи знаніе состоять не можетъ. О какихъ вещахъ мы мнимъ, говоритъ онъ, тѣ или *знаемъ*, или *не знаемъ*. Но ложное мнѣніе происходитъ или такъ, что чего кто не знаетъ, то принимаетъ за иное, чего тоже не знаетъ; или такъ, что что̀ кто знаетъ, то принимаетъ за иное, что тоже знаетъ; или, наконецъ, такъ, что чего кто не знаетъ, то принимаетъ за иное, что знаетъ. Но такъ какъ изъ всѣхъ этихъ положеній нельзя правильно допустить никотораго, то слѣдуетъ, что ложнаго мнѣнія найти невозможно (p. 187 B—188 C). Къ тому же присоединяется другое доказательство, если только, при изслѣдованіи природы мнѣнія, можно брать въ счетъ не только *знаніе*, но и *сущность*. Положимъ, ложное мнѣніе есть то, по которому мы мнимъ нѣчто такое, чего *нѣтъ*. Но полагать это отнюдь нельзя: вѣдь какъ невозможно, чтобы кто видѣлъ и однакожъ ничего не видѣлъ, такъ равно необходимо, чтобы кто мнитъ, въ самомъ дѣлѣ что нибудь мнилъ; а кто ничего не мнитъ, тотъ и не имѣетъ никакого мнѣнія. Стало быть, о томъ, чего нѣтъ, не можетъ быть никакого мнѣнія. А отсюда слѣдуетъ, что ложное мнѣніе усматривается не въ томъ, что мнится то, чего нѣтъ (p. 188 D—189 B). Далѣе поставляется на видъ третье основаніе для изслѣдованія лож-

наго мнѣнія. Можетъ быть, оно усматривается въ *измѣненіи образуемыхъ умомъ понятій*. Вѣрна ли эта мысль о немъ? Въ такомъ измѣненіи или могутъ обмѣниваться между собою оба предмета, мыслимые въ душѣ, какъ бы разговаривающей съ самой собою, или уму человѣка мыслящаго представляется только одинъ изъ нихъ. Если мыслится и измѣняется только одинъ изъ нихъ, то произойдетъ то, возможность чего мы уже отвергли, то есть, возможность мнѣнія о томъ, чего нѣтъ. А когда будутъ смѣшиваться оба предмета,— мы придемъ въ странное противорѣчіе съ самими собою: будемъ принимать прекрасное за безобразное, хорошее за худое, коня за быка, единицу за двоицу,—чего не бываетъ ни во снѣ, ни въ сумасшествіи (р. 189 В—190 Е). Наконецъ, ложное мнѣніе можетъ происходить отъ *обмѣна чувственныхъ усмотрѣній и примѣтъ ума*. Представимъ, что въ нашемъ умѣ есть какъ бы восковая таблица, на которой отпечатлѣваются образы вещей, и что у одного она меньше, у другаго больше, у одного чище, у другаго грязнѣе, у одного сырѣе, у другаго суше и тверже. Поколику на этой таблицѣ написаны образы того, что мы чувствуемъ, потолику есть у насъ память и знаніе о томъ, что принято нашими чувствами. Но, пересматривая всѣ способы, какими можетъ происходить обмѣнъ чувственныхъ усмотрѣній и образовъ ума, мы легко находимъ, что обманъ умѣстенъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ которой либо части чувствъ окажется ощущеніе не довольно точнымъ, или первое познаніе—мало удовлетворительнымъ. Напримѣръ, сохраняя въ своей душѣ образы Теэтета и Ѳеодора, я, по прошествіи долгаго времени, вижу ихъ издали, и стараюсь каждому приписать тѣ черты, которыя принадлежатъ тому и другому и подъ которыми ихъ знаю, но не выдерживаю правильности: Теэтета мню Ѳеодоромъ, или усматриваю только одного, тогда какъ въ моемъ умѣ есть образы обоихъ, и такимъ образомъ изображеніе одного, по ошибкѣ, переношу на другаго,—видя Теэтета, принимаю его за Ѳеодора. Причину этого люди

мудрые находятъ въ томъ, что представляемая нами въ душѣ восковая таблица бываетъ либо довольно велика и хорошо приготовлена, а потому воспринимаетъ образы вѣрно и сохраняетъ ихъ долго, либо мягка, груба и грязна, и оттого образы на ней меньше вѣрны и тверды. Отсюда происходитъ то, что иные люди бываютъ понятливѣе, памятливѣе и способнѣе къ воспринятію правильныхъ мнѣній, а иные, напротивъ, непонятливы, забывчивы, тупы и склонны къ ошибкамъ (р. 190 E—195 B).

Раскрывъ это такимъ образомъ и остроумно объяснивъ, Сократъ вдругъ измѣняетъ свой взглядъ на предметъ и начинаетъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ изслѣдованій. Онъ думаетъ теперь, что ложному мнѣнію надобно дать большій объемъ, чѣмъ какимъ оно доселѣ было описываемо; потому что его источникъ скрывается не въ одномъ смѣшеніи чувственныхъ усмотрѣній съ представленіями ума, но оно можетъ происходить и тогда, когда смѣшиваются между собою самыя умственныя представленія. Это доказываетъ онъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, говоритъ, ты спросилъ бы кого нибудь: семь и пять, сложенныя въ одно, какую составляютъ сумму, и тебѣ отвѣчали бы «одиннадцать»; ты въ этотъ моментъ легко замѣтилъ бы, что тѣ, содержащіяся въ душѣ, представленія чиселъ взаимно соединяются именно душою. И такъ, остается допустить, что либо нѣтъ вовсе никакого ложнаго мнѣнія, либо возможно то, что̀ прежде было отвергнуто,—можетъ, то есть, кто либо не знать того, что̀ онъ знаетъ (р. 195 B—196 C). Теэтетъ жалуется, что такой взглядъ для него очень тяжелъ. И не удивительно; потому что все это разсужденіе перепутано тонкостями софистической діалектики. Посему Сократъ, сверхъ ожиданія, думаетъ бросить эту нить изслѣдованія и рѣшается тотчасъ поднять вопросъ о силѣ и природѣ самаго знанія; такъ какъ ложное мнѣніе, очевидно, можетъ быть съ точностію опредѣлено не иначе, какъ по разсмотрѣніи этого вопроса,—по возвращеніи, то есть, къ прежнему, съ чего начали они свою

бесѣду (р. 196 С—197 В). *Нѣкоторые* (кто именно—не извѣстно) полагаютъ, говоритъ Сократъ, что знать есть не иное что, какъ *имѣть* о чемъ нибудь знаніе; а мы скажемъ: владѣть знаніемъ; ибо имѣть его и владѣть имъ—не одно и то же. Различіе между сими понятіями состоитъ въ томъ, что, имѣя что либо, мы уже пользуемся этимъ, а владѣя вещію, можемъ по произволу пользоваться и не пользоваться ею. Возьмемъ для примѣра голубятню. Находящіеся въ ней голуби суть предметъ обладанія, а тѣхъ, которые пойманы нами въ голубятнѣ, мы имѣемъ. Сравнимъ же представленія нашего ума съ птицами, а самый умъ—съ птичникомъ, въ которомъ онѣ содержатся. Представленія ума, какъ бы запертыя кѣмъ либо въ его птичникѣ, находятся, говоримъ, въ его владѣніи; то есть, онъ сохраняетъ представленія вещей, имъ признанныхъ. Но тѣхъ изъ нихъ, которыя въ этомъ самомъ птичникѣ бываютъ улавливаемы, онъ имѣетъ; такъ что занятіе наукою есть какъ бы нѣкоторая ловля представленій ума. Пусть бы кто, напримѣръ, изучилъ ариѳметику, и однакожъ не дѣлаетъ изъ нея никакого употребленія: онъ владѣетъ ею. А кто, напротивъ, прилагаетъ ее къ чему нибудь, тотъ ее имѣетъ, то есть, задаетъ себѣ относящіеся сюда вопросы, будто не зная предмета, тогда какъ знаетъ его. Изъ этого ясно, что бываетъ какъ бы двоякая ловля представленій: одна производится для овладѣнія, а другая приноситъ пользу уже владѣтелю, когда онъ схватываетъ и какъ бы держитъ въ рукахъ то, чѣмъ владѣетъ. Вѣдь можно всякому давно извѣстное, по прошествіи нѣкотораго времени, воспроизводить въ своей душѣ, и какъ бы вторично держать то, чѣмъ всегда владѣлъ, но чего никогда не бралъ на мысль. Если же такъ, то ложное мнѣніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: изъ всѣхъ представленій ума, какими кто владѣетъ, нѣкоторое старается онъ имѣть, то есть ввести въ употребленіе, но вмѣсто того, которое хотѣлъ, сознательно схватываетъ другое, и такимъ образомъ ошибается въ задуманномъ выборѣ (р. 197 В—199 В).

Доселѣ Сократъ старался происхожденіе ложнаго мнѣнія объяснить изъ природы самаго знанія. Но онъ полагаетъ, что и на этомъ остановиться еще нельзя; ибо ему кажется чрезвычайно страннымъ, что ложное мнѣніе такимъ образомъ выводится изъ обмѣна представленій человѣческаго ума. По его сужденію, въ этомъ случаѣ полагается то, чего полагать никакъ нельзя, что, то есть, спрашивающій о томъ, что ему извѣстно, между знаніемъ полагаетъ однакожъ что либо другое вмѣсто того, и чрезъ это самое вводится въ обманъ. Стало быть, здѣсь нѣтъ пользы, ложныя ли, или истинныя мнѣнія сообщаются человѣческому уму; потому что мнящій лживо не придетъ къ мысли, что истинныя представленія онъ замѣнилъ ложными. А какъ надобно судить объ этомъ, должно быть ясно изъ вышесказаннаго (p. 199 B—200 D). И такъ, Сократъ снова приходитъ къ той мысли, что прежде чѣмъ будетъ изслѣдовано ложное мнѣніе, надобно съ точностію опредѣлить, въ чемъ состоитъ знаніе. Но Теэтетъ настаиваетъ на прежнемъ положеніи, по которому должно видѣть его въ правильномъ мнѣніи. Это побуждаетъ Сократа наконецъ совершенно опровергнуть защищаемое Теэтетомъ опредѣленіе знанія. Взявъ въ примѣръ судью и оратора, онъ говоритъ, что между знаніемъ и правильнымъ мнѣніемъ—большое различіе. Дѣло ораторовъ обыкновенно состоитъ не въ сообщеніи судьямъ истины, а въ убѣжденіи ихъ принять то, чего хочется самимъ ораторамъ. Не смотря однакожъ на это, случается, что опредѣленія судейскія оказываются справедливыми и вѣрными, и они будутъ всегда таковы, если судьи постараются сохранять знаніе истины. Стало быть очевидно, что знаніе и мнѣніе весьма различны между собою (p. 200 D—201 C).

Приведенный этимъ доказательствомъ въ недоумѣніе, Теэтетъ предлагаетъ наконецъ третье опредѣленіе знанія,—полагаетъ, что знаніе есть не что иное, какъ *истинное мнѣніе* μετὰ λόγου, и потомъ самъ же даетъ ему троякое толкованіе. Однакожъ Сократъ ни одного изъ этихъ толкованій

не находитъ достаточнымъ для выраженія природы знанія. Первое, предложенное Теэтетомъ, толкованіе новаго опредѣленія знанія состоитъ въ томъ, что μετὰ λόγου значитъ—*съ изъясненіемъ*, *выраженнымъ словами*. Недостаточность его Сократъ выводитъ изъ того, что каждый человѣкъ, какъ бы ни думалъ о предметѣ, можетъ свое мнѣніе выражать словами; а этимъ уничтожается всякое различіе между знаніемъ и истиннымъ мнѣніемъ, допущенное выше. Послѣ сего Теэтетъ иначе изъясняетъ свое опредѣленіе: μετὰ λόγου, говоритъ, имѣетъ такое значеніе, что *цѣлое проявляется частями*, *и потому исчисляются стихіи вещи*. Кого спросили бы, напримѣръ, о природѣ колесницы, тотъ сталъ бы перечислять деревянные куски, изъ которыхъ она построена, колеса и другія ея части; или кого спросили бы объ имени Сократа, тотъ перечислилъ бы отдѣльныя буквы и слоги, составляющіе это имя. На приведенное объясненіе Сократъ отвѣчаетъ объясненіемъ же мнѣнія объ этихъ вещахъ, высказаннаго тѣмъ, кто его защищалъ (p. 201 D—206 D). Оно состояло въ слѣдующемъ: стихіи и начала вещей не даютъ никакого опредѣленія и имѣютъ только значеніе собственныхъ именъ. А что̀ сложено изъ нихъ, то можетъ быть объясняемо и опредѣляется этими самыми стихіями, и оттого почитается дознаннымъ. И такъ, начала и стихіи постигаются одними чувствами, независимо отъ познавательности ума; а что̀ изъ нихъ составлено, относительно того умѣстно истинное мнѣніе, съ опредѣленіемъ и яснымъ познаніемъ ума. И это самое есть *знаніе*, если только *истинное мнѣніе* соотвѣтствуетъ тѣмъ стихіямъ. Чтобы понять это яснѣе, хорошо разсмотрѣть слова и ихъ стихіи, то есть буквы. Въ самомъ дѣлѣ, каждый слогъ опредѣляется и познается при посредствѣ буквъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, буквы же только усматриваются, а не подлежатъ никакому опредѣленію и не познаются умомъ. Это сужденіе Сократъ опровергаетъ такимъ образомъ. Слогъ или состоитъ изъ одной буквы, или есть нѣкоторое цѣлое, происшедшее изъ отдѣльныхъ стихій.

Если возьмешь первое, то надобно будетъ допустить, что имѣющій вѣрное и ясное познаніе о слогѣ долженъ также знать и отдѣльныя буквы, и это знаніе пріобрѣсти еще прежде, чѣмъ узналъ цѣлый слогъ. А когда положишь, что слогъ есть нѣчто цѣлое, состоящее изъ отдѣльныхъ стихій,— тотчасъ откроется, что ты полагаешь что-то странное. Вѣдь слогъ потому только есть нѣчто цѣлое, что состоитъ изъ особыхъ, сложенныхъ въ одно буквъ; а цѣлое что̀ такое будетъ, какъ не взятыя вмѣстѣ части? Цѣлымъ, безъ сомнѣнія, называется то, въ чемъ нѣтъ недостатка частей, требующихся для природы вещи, или что иначе означается словомъ *все*. И такъ *цѣлое* и *все*—безразличны, равно какъ нѣтъ никакого различія между *все* и *всѣ*. Напримѣръ, всѣ воины составляютъ все, то есть цѣлое войско; всѣ числа дѣлаютъ все число, или цѣлую, полную сумму. Если же все есть цѣлое, то явно, что и части какой нибудь вещи суть ея цѣлое. А изъ этого опять понятно, что какъ скоро познается цѣлое, необходимо познаются и части, что знаніе какого нибудь цѣлаго не можетъ имѣть мѣста, если не соединится съ этимъ ясное знаніе стихій, изъ которыхъ оно состоитъ; даже знаніе цѣлаго будетъ тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ точнѣе кто либо познаетъ тѣ отдѣльныя стихіи. Притомъ этимъ способомъ знаніе отнюдь не пріобрѣтается. Положимъ, имѣлъ бы ты точнѣйшее понятіе о буквахъ, и научился бы составлять изъ нихъ слоги: однакожъ при начертаніи буквъ ошибка найдетъ себѣ мѣсто; вѣдь можно погрѣшить, пиша, напримѣръ, имя Теэтета (р. 206 E—208 B). Остается третій способъ истолкованія слова μετὰ λόγου. Опредѣленіе его можетъ быть таково, что *въ немъ сносятся признаки, которыми опредѣляемое отличается отъ всѣхъ прочихъ вещей*. Но и здѣсь также есть нѣчто, не избѣгающее порицанія. Вѣдь если такъ, то будетъ слѣдовать, что одинъ человѣкъ, хорошо знающій другаго, не будетъ знать его, не сознавая всѣхъ признаковъ, которыми онъ отличается отъ прочихъ людей, хотя совершенно знаетъ его; а это явно противорѣчитъ

ежедневному опыту. Видно, съ правильнымъ мнѣніемъ должно быть уже соединено представленіе признаковъ, которыми вещь отличается. Притомъ странно утверждать, что знаніе есть правильное мнѣніе, соединенное съ умомъ (μετὰ λόγου); ибо умъ принадлежитъ тому, кто имѣетъ знаніе вещи. И такъ, кто сказалъ бы, что знаніе есть правильное мнѣніе, присоединенное къ уму, тотъ выразилъ бы не больше, какъ слѣдующее: знаніе есть правильное мнѣніе, соединенное съ знаніемъ; а этимъ ничто не объясняется, но опредѣляется то же чрезъ то же (p. 208 C—210 B).

Опровергнувъ всѣ эти опредѣленія, Сократъ объявляетъ, что у него нѣтъ больше времени для дальнѣйшаго разсужденія: его требуютъ въ судъ, куда долженъ онъ явиться по случаю доноса, который сдѣлалъ на него Мелитъ. И такъ, прекративъ свою бесѣду, онъ проситъ друзей, для продолженія разговора, придти сюда же завтра (p. 210 C—D).

Вотъ краткое обозрѣніе содержанія въ Платоновомъ Теэтетѣ. Намъ кажется, что имъ ясно подтверждается то самое, что сказано было выше о цѣли этой книги. Теперь становится еще очевиднѣе, что Платонъ идетъ здѣсь къ раскрытію и утвержденію того положенія, что чувственное усмотрѣніе для пріобрѣтенія истиннаго знанія ничего не значитъ, что оно никакой не приноситъ пользы для этой цѣли даже и въ томъ случаѣ, когда соединяется съ правильнымъ мнѣніемъ и объясненіемъ опредѣленія. И такъ, Теэтетъ имѣетъ характеръ собственно полемическій: онъ весь состоитъ изъ опроверженій, послѣдовательно направляемыхъ противъ трехъ, показанныхъ выше опредѣленій знанія. Положительное мнѣніе Платона о знаніи въ Теэтетѣ прямо не высказывается и соблюдается до раскрытія его въ другой, особой книгѣ,—въ Парменидѣ, гдѣ представляются всѣ формы и условія знанія въ идеяхъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы и здѣсь Платонъ не дѣлалъ намековъ на свою истину, не касался ея по крайней мѣрѣ косвенно. Опровергая ложныя мнѣнія современныхъ философовъ о знаніи, онъ этимъ

путемъ отрицанія какъ бы разоблачаетъ истину отъ чуждыхъ ей покрововъ, и по мѣстамъ такъ близко подходитъ къ ея природѣ, что недостаетъ только прямаго на нее указанія. Чтобы увѣриться въ томъ и понять, какъ это у Платона дѣлается, стоитъ только со вниманіемъ прочитать, напримѣръ, страницу 209. Здѣсь доказывается, что слово μετὰ λόγου не можетъ быть мыслимо, какъ исчисленіе признаковъ, которыми извѣстная вещь отличается отъ всѣхъ прочихъ вещей. Сократъ излагаетъ Теэтету свое доказательство слѣдующимъ образомъ: «Имѣя о тебѣ правильное мнѣніе, да если присоединю твой умъ (разум. μετὰ λόγου),—я дѣйствительно знаю тебя; а безъ того,—вожусь однимъ мнѣніемъ. Но умъ-то былъ истолкованіемъ твоего отличія. Посему, водясь только мнѣніемъ, я не касался своею мыслію ни одного изъ признаковъ, которыми ты отличаешься отъ другихъ; стало быть, я мыслилъ что-то общее, что принадлежитъ не больше тебѣ, какъ и другимъ. Объясни же, ради Зевса, какъ это я мнилъ больше тебя, чѣмъ кого нибудь инаго?» Не трудно замѣтить, что, опровергая значеніе, какое Теэтетъ соединяетъ съ словомъ μετὰ λόγου, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ здѣсь въ виду, во первыхъ, родовое понятіе—человѣка, во вторыхъ, частную идею Теэтета, котораго онъ знаетъ и не перечисляя его признаковъ. На эту самую мысль наводитъ Сократъ и слѣдующими за тѣмъ словами: «Правильное мнѣніе о каждомъ предметѣ», говоритъ онъ, «вращается около различія. И такъ, прилагать умъ къ правильному мнѣнію—что̀ еще будетъ? Вѣдь если бы приказывали имѣть мнѣніе о томъ, чѣмъ отличается нѣчто отъ другаго, то это приказаніе было бы смѣшно; потому что оно предписывало бы намъ имѣть правильное мнѣніе о предметахъ, со стороны отличія ихъ отъ другихъ предметовъ, тогда какъ мы получили уже о нихъ правильное мнѣніе, если находимъ, чѣмъ различаются они отъ другихъ. Вѣдь приказывать взять то, что уже держимъ, для изученія того, о чемъ уже имѣемъ мнѣніе, по истинѣ свойственно человѣку темному». Но то,

что̀ служитъ основаніемъ не отличія вещи отъ другихъ вещей, а единства ея и тожества съ собою, очевидно, есть идея, которая въ душѣ всегда прежде мнѣнія, равно какъ единство прежде отличія. Эта мысль таилась въ душѣ Платона, какъ норма его разсужденій; но онъ не выставлялъ ея впередъ, когда ей надлежало быть назади и, оставаясь невидимою, управлять движеніемъ мыслей о правильномъ мнѣніи.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЭВКЛИДЪ, ТЕРПСІОНЪ, СОКРАТЪ, ѲЕОДОРЪ, ТЕЭТЕТЪ.

142. *Эвкл.* [1] Сейчасъ ты изъ деревни, Терпсіонъ, или давно?

Терп. Довольно давно,—и все искалъ тебя на площади, да, къ удивленію, не могъ найти.

Эвкл. Потому, что меня не было въ городѣ.

Терп. Гдѣ же ты былъ?

Эвкл. Ходилъ на пристань встрѣтить Теэтета, котораго везли въ Аѳины изъ коринѳскаго лагеря.

---

[1] Эвклидъ, знаменитый основатель школы мегарской или эристической, принадлежалъ къ числу извѣстнѣйшихъ учениковъ Сократа (Diog. Laërt. II, 47, 106. Cicer. Acad. II, 42), и еще въ юношествѣ, для слушанія его уроковъ, хаживалъ въ Аѳины изъ Мегары. Когда Сократъ умеръ, ученики его, боясь тридцати тиранновъ, оставили Аѳины, и многіе изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Платонъ, удалились въ Мегару къ Эвклиду, который принялъ ихъ съ любовію (Diog. Laërt. II, 160; III, 6). Преданность его Сократу видна и изъ того, что онъ находился при смерти своего учителя (Platon. Phaedon. p. 59 B). Въ этомъ же мѣстѣ указывается причина, почему Платонъ заставилъ его разговаривать съ Терпсіономъ. Терпсіонъ былъ также весьма любимъ Сократомъ, и въ послѣдній день его жизни слушалъ бесѣду его съ учениками. Впрочемъ о Терпсіонѣ нигдѣ больше не упоминается; имя его передалъ потомству одинъ Платонъ. У Платона представляется онъ жителемъ деревни, находившейся близъ Мегары, откуда случалось ему хаживать въ городъ. Безуспѣшно искавши теперь Эвклида на мегарской площади, Терпсіонъ случайно встрѣтился съ нимъ на возвратномъ пути его изъ Аѳинъ, куда проводилъ онъ Аѳинскаго юношу Теэтета. Идучи съ Терпсіономъ домой, Эвклидъ вспомнилъ объ одной бесѣдѣ, происходившей между Сократомъ и Теэтетомъ. Терпсіонъ пожелалъ узнать ея содержаніе; но Эвклидъ сказалъ, что она изложена имъ на бумагѣ. Поэтому, когда пришли они въ домъ Эвклида, рукопись о той бесѣдѣ дана была для прочтенія Эвклидову слугѣ, и онъ прочиталъ ее вслухъ.

Терп. Живаго или мертваго?

Эвкл. Едва живаго: онъ сильно страдалъ и отъ нѣкото- B.
рыхъ ранъ, а особенно отъ свирѣпствовавшей въ войскѣ болѣзни.

Терп. Вѣроятно, поносомъ?

Эвкл. Да.

Терп. Каковъ этотъ человѣкъ, по твоимъ словамъ, находящійся въ опасности?

Эвкл. Человѣкъ прекрасный и добрый, Терпсіонъ: вотъ я и теперь слышалъ, какъ нѣкоторые превозносили его подвиги въ сраженіи.

Терп. Да и не странно; было бы гораздо удивительнѣе, если бы онъ оказался не такимъ. Однакожъ почему не останови-
вился онъ здѣсь, въ Мегарѣ? C.

Эвкл. Спѣшилъ домой. Я просилъ его и совѣтовалъ; но онъ не хотѣлъ. Проводивъ его, я на возвратномъ пути вспомнилъ и удивлялся, какъ пророчески Сократъ высказывалъ и другое-таки, и относящееся къ Теэтету. Помнится, незадолго до смерти, встрѣтившись съ Теэтетомъ, еще мальчикомъ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ и, разговорившись, восхищался естественными его способностями, а потомъ, когда я пришелъ въ Аѳины, пересказалъ мнѣ свой съ нимъ разго-
воръ, который стоило выслушать, и прибавилъ, что, при- D.
шедши въ возрастъ, этотъ мальчикъ непремѣнно сдѣлается человѣкомъ знатнымъ.

Терп. Да и правду, какъ видно, сказалъ онъ. Однакожъ какой именно былъ его разговоръ? Не можешь ли пересказать?

Эвкл. Нѣтъ, такъ-то устно, клянусь Зевсомъ, не могу: но въ то время, только что пришелъ я домой, тотчасъ набросалъ памятную записку, а потомъ на досугѣ [1] раскрывалъ,

---

[1] Тотчасъ набросалъ п. з., а потомъ... раскрывалъ,—по гречески употребленъ одинъ и тотъ же глаголъ, только въ различныхъ залогахъ: ἐγραφάμην, ἔγραφον. На особое значеніе того и другаго изъ нихъ въ этомъ словѣ указываетъ самъ Эвклидъ; ибо формой ἐγραφάμην выражаетъ здѣсь то, что онъ записалъ

сколько припоминалъ, чего же не помнилъ, всякій разъ, приходя въ Аѳины, спрашивалъ у Сократа и, возвратившись сюда, исправлялъ; такъ что у меня написанъ почти весь разговоръ.

Терп. Правда, я слышалъ это отъ тебя и прежде, и всегда съ намѣреніемъ медлилъ [1] здѣсь, чтобы попросить тебя показать мнѣ рукопись. Но что мѣшаетъ намъ заняться этимъ теперь,—тѣмъ болѣе, что я, возвратившись изъ деревни, имѣю нужду въ отдыхѣ?

B. *Эвкл.* Да и самъ я, проводивъ Теэтета до Эрина [2], не безъ удовольствія отдохнулъ бы. Пойдемъ же, и мальчикъ, въ минуты нашего отдыха, прочитаетъ намъ рукопись.

Терп. Правильно говоришь.

Эвкл. Вотъ эта рукопись, Терпсіонъ: я написалъ разговоръ такъ, что будто бы Сократъ не пересказываетъ его мнѣ, какъ пересказывалъ, а разговариваетъ, съ кѣмъ, по его словамъ, разговаривалъ. Бесѣда его была съ геометромъ Ѳео-
C. доромъ [3] и съ Теэтетомъ. И чтобы въ рукописи не за-

разговоръ для собственнаго употребленія, съ цѣлію помочь памяти, а форма ἔγραφον показываетъ, что тотъ же самый разговоръ обдѣлываемъ былъ имъ для передачи другимъ.

[1] То есть, Терпсіонъ съ нѣкотораго времени жилъ въ деревнѣ, откуда иногда хаживалъ въ городъ. И такъ какъ ему извѣстно было о книгѣ Эвклидовой, то всякій разъ, бывая въ городѣ, онъ нарочно долѣе оставался въ немъ,—въ надеждѣ случайно встрѣтиться съ Эвклидомъ въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ этимъ имѣть поводъ попросить его, чтобы онъ показалъ ему свою книгу.

[2] Мѣсто подъ именемъ Ἐρινεοῦ или Ἐρινοῦ напоминало Аѳинянамъ о похищеніи Прозерпины Плутономъ. См. Pausan. I, p. 19, 31, 36, 38, 92.

[3] Ѳеодоръ Киринейскій, по свидѣтельству самого Платона (p. 145 A), былъ особенно γεωμετρικός, ἀστρονομικὸς καὶ λογιστικός τε καὶ μουσικός, καὶ ὅσα παιδείας ἔχεται. Поэтому не удивительно, что онъ вводится, какъ лицо говорящее, въ трехъ діалогахъ—въ Теэтетѣ, Софистѣ и Политикѣ. Но, предавшись исключительно наукамъ математическимъ, требующимъ серьезнаго хода рѣчи, онъ не такъ былъ способенъ къ веденію бесѣды сократической, и оказывался медленнымъ. Поэтому Платонъ заставляетъ его больше слушать, чѣмъ говорить. Впрочемъ познанія его въ философіи были весьма обширны; только онъ держался больше взгляда Протагорова и защищалъ его мнѣнія, такъ что наконецъ Сократъ долженъ былъ опровергать и опровергъ его. Какъ математикъ, онъ былъ человѣкъ суровый (p. 145 E),—шутка, читаемъ, была не въ характерѣ Ѳеодора. Но

трудняли рѣчи слова вставочныя, какъ о томъ, когда говоритъ Сократъ,—напримѣръ: «я сказалъ», или—«я говорилъ», такъ и объ отвѣчающемъ: «онъ подтвердилъ», или «не согласился»; то я писалъ такъ, какъ бы Сократъ самъ разговаривалъ съ ними, и потому вставочныя слова выпустилъ.

Терп. И тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, Эвклидъ.

Эвкл. Возьми же, мальчикъ, эту рукопись, и читай.

Сокр. Если бы я болѣе заботился о Киринеѣ, Ѳеодоръ, D.
то спросилъ бы тебя о тамошнемъ и о тамошнихъ,—ревностно ли занимаются тамъ нѣкоторые изъ юношей геометріею, или какою иною философіею. А теперь,—такъ какъ тѣхъ люблю меньше, чѣмъ этихъ,—я больше желаю знать, которые изъ юношей у насъ подаютъ надежду сдѣлаться людьми порядочными: это и самъ я наблюдаю, сколько могу, объ этомъ спрашиваю и другихъ, съ которыми юноши, вижу, охотно обращаются. Немалое число ихъ сближается, конечно, и съ тобою,—да и справедливо: ты достоинъ того, E.
какъ съ другихъ сторонъ, такъ и со стороны геометріи. Поэтому, если пришлось тебѣ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь, стоющимъ замѣчанія, то съ удовольствіемъ получилъ бы о томъ свѣдѣніе.

Ѳеод. Да и стоитъ-таки, Сократъ, мнѣ сказать, а тебѣ послушать, съ какимъ встрѣтился я мальчикомъ изъ вашихъ гражданъ. И если бы онъ былъ прекрасенъ, я побоялся бы съ жаромъ говорить о немъ, чтобы не показаться къ нему пристрастнымъ: а то, не завидуй мнѣ, онъ некрасивъ,—походитъ на тебя, какъ сплюснутостью носа,

---

это не могло охладить къ нему чувствованій Платона, потому что Платонъ высоко цѣнилъ достоинства сего человѣка, и притомъ самъ такъ уважалъ науки математическія, что признавалъ ихъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію мудрости. Кромѣ того, Діогенъ Лаерцій разсказываетъ (II, 8, 103), что Платонъ, находясь въ Киренахъ, слушалъ у Ѳеодора математику. О томъ же свидѣтельствуетъ и Апулей (De Habit. Doctr. Plat. p. 2, ed. Elm.). И это весьма правдоподобно; потому что математика хоть и была ему знакома еще въ Аѳинахъ, но, изучая потомъ философію пиѳагорейцевъ, онъ убѣдился, что нѣкоторыя ея части не могутъ быть поняты безъ знанія высшихъ математическихъ законовъ, а потому и обратился къ Ѳеодору.

такъ и выкатившимися глазами; только то и другое въ
144. меньшей мѣрѣ, чѣмъ у тебя. Смѣло говорю: хорошо знай, что съ кѣмъ когда я ни встрѣчался,—а сближался я весьма со многими,—никого не зналъ, кто былъ бы одаренъ такими удивительными способностями. Въ ученьи онъ послушенъ, тогда какъ въ иныхъ отношеніяхъ упоренъ, отлично также кротокъ, и сверхъ того мужественъ больше, чѣмъ кто нибудь: я и не предполагалъ, и не вижу такого. Есть, конечно, острые, какъ этотъ, смѣтливые, по большой части памятливые и порывистые къ гнѣву,—несутся стремительно, будто не
B. нагруженные корабли, и по природѣ больше неистовы, чѣмъ мужественны; тяжелые же опять лѣниво приступаютъ къ наукамъ и бываютъ крайне забывчивы. А этотъ направляется къ ученью и изслѣдованію такъ легко, непреткновенно, съ успѣхомъ и съ великою кротостію, подобно потоку масла [1], текущему безъ шума, что удивляешься, какъ у него дѣлается это въ такомъ возрастѣ.

Сокр. Хорошая вѣсть. Чей же онъ изъ гражданъ?

C. *Ѳеод*. Я слышалъ имя, да не помню. Но онъ въ массѣ этихъ подходящихъ: нѣкоторые друзья его и самъ онъ сейчасъ мазались во внѣшнемъ портикѣ [2], и вотъ, намазавшись, кажется, идутъ теперь сюда; такъ смотри, узнаешь ли его.

---

[1] Прекрасное уподобленіе Теэтетовой ревности къ ученію, что, то есть, она походитъ на непрестанно, но ровно и безъ шума текущее масло, повторяемо было потомъ, по подражанію Платону, многими писателями, какъ замѣчаетъ это Ruhnkenius ad Longini l. c. Не худо обратить здѣсь вниманіе и на особенную выразительность нарѣчія ἀνυσίμως, съ успѣхомъ, которое, происходя отъ глагола ἀνύειν или ἀνύτειν, у грековъ всегда употреблялось такъ, что скрывало въ себѣ подразумѣвающееся ὁδόν. О такомъ его употребленіи см. Hermann. ad Sophocl. El v. 1344.

[2] Изъ этого видно, что разговоръ происходилъ въ какой-то гимназіи; та же сцена разговора въ Хармидѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ діалогахъ Платона. Сократъ имѣлъ обыкновеніе часто бывать въ такихъ мѣстахъ (см. Charmid. p. 153 A. B. Euthyphr. p. 2 A). О томъ, что палестры или гимназіи были окружены портиками, можно читать у Витрувія (Architect. V, II, снес. Mercurial. Gymn. I, 9). Δρόμοι, или портики, были поприща не только для состязанія въ бѣганіи, но и для прогулки (Ruhnken. ad Tim. p. 89).

Сокр. Знаю: это сынъ сунійца Евфронія, человѣка именно такого, другъ мой, какимъ описанъ тобою юноша, знатнаго и въ другихъ отношеніяхъ, и въ томъ, что онъ оставилъ большое состояніе. Но имени этого мальчика я не знаю.

Θеод. Имя-то его—Теэтетъ, а состояніе, Сократъ, кажется, D.
разстроено нѣкоторыми опекунами. Впрочемъ, что касается
денегъ, то и онъ удивительно щедръ.

Сокр. Ты описываешь браваго человѣка. Прикажи-ка ему сѣсть здѣсь.

Θеод. Это будетъ. Теэтетъ! Сюда, подлѣ Сократа.

Сокр. Конечно, Теэтетъ, чтобы мнѣ разсмотрѣть и самого
себя, каковъ я лицомъ; такъ какъ Θеодоръ находитъ, что
я похожъ на тебя. Однакожъ, если бы каждый изъ насъ E.
держалъ лиру, и намъ сказалъ бы кто нибудь, что онѣ под-
строены одна подъ другую,—тотчасъ ли бы повѣрили мы,
или напередъ испытали, музыкантъ ли тотъ, кто говоритъ
это?

Теэт. Испытали бы.

Сокр. И нашедши, что такъ, повѣрили бы, а когда музыки онъ не знаетъ, не повѣрили бы?

Теэт. Правда.

Сокр. Теперь же вотъ думаю я: если занимаетъ насъ
сходство лицъ, надобно намъ разсмотрѣть, живописецъ ли 145.
тотъ, кто говоритъ это, или нѣтъ.

Теэт. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ живописецъ ли Θеодоръ?

Теэт. Сколько мнѣ-то извѣстно, нѣтъ.

Сокр. Неужели и не геометръ?

Теэт. Безъ сомнѣнія, геометръ, Сократъ.

Сокр. Тоже и астрономъ, и счетчикъ, и музыкантъ, и все, что относится къ воспитанію?

Теэт. Мнѣ кажется.

Сокр. Если, стало быть, въ похвалу или порицаніе, находитъ онъ насъ въ чемъ нибудь похожими по тѣлу, то не стоитъ обращать на него вниманія.

Теэт. Можетъ быть.

B. *Сокр.* Что же, когда похвалилъ бы онъ душу котораго либо, за ея добродѣтель и мудрость? Не слѣдовало ли бы слушающему его старательно испытать это, а хвалимому имъ усердно показать себя?

Теэт. Конечно, Сократъ.

Сокр. Такъ теперь время, любезный Теэтетъ, тебѣ показать себя, а мнѣ испытать. Хорошо знай, что Өеодоръ сколь ни многихъ нынѣ же хвалилъ мнѣ иностранцевъ и здѣшнихъ горожанъ, никого не хвалилъ, какъ тебя.

Теэт. Хорошо бы такъ, Сократъ; но смотри, не шутя ли C. говорилъ онъ.

Сокр. У Өеодора это не въ обычаѣ. Нѣтъ, не отказывайся отъ того, на что далъ согласіе,—подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ говоритъ шутя; чтобы ему не придти къ необходимости свидѣтельствовать. Вѣдь никто не заподозритъ его свидѣтельства. Нѣтъ, смѣло устой въ согласіи.

Теэт. Да, надобно сдѣлать это, если тебѣ угодно.

Сокр. Говори же мнѣ: вѣроятно, учишься ты у Өеодора чему нибудь изъ геометріи?

Теэт. Да.

D. *Сокр.* И чему нибудь также относительно астрономіи, гармоніи, счисленія?

Теэт. По крайней мѣрѣ стараюсь.

Сокр. Да вѣдь и я, дитя мое, учусь, и у него-таки, и у другихъ, которые, по моему мнѣнію, знаютъ нѣчто такое. Но, тогда какъ иное въ этомъ отношеніи я порядочно держу, есть немногое, въ чемъ недоумѣваю и что надобно разсмотрѣть съ тобою и съ другими. И вотъ говори мнѣ: учиться не значитъ ли дѣлаться мудрѣе въ томъ, чему учишься?

Теэт. Какъ не значитъ.

Сокр. А мудрецы мудры, конечно, мудростію.

Теэт. Да.

E. *Сокр.* Но это отличается ли чѣмъ нибудь отъ знанія?

Теэт. Что такое—это?

Сокр. Мудрость. Или въ чемъ знатоки, въ томъ самомъ и мудрецы?

Теэт. Какъ же.

Сокр. Стало быть, знаніе и мудрость—то же самое.

Теэт. Да.

Сокр. Такъ вотъ это-то и есть, въ чемъ я недоумѣваю, и не могу достаточно понять самъ собою:—что̀ такое знаніе. Можемъ ли мы объяснить это? Какъ вы думаете? Кто изъ 146.
насъ скажетъ первый? Допустившій ошибку и всегда ошибающійся пусть сидитъ осломъ, какъ говорятъ дѣти, играющіе въ мячъ [1]: а кто взялъ верхъ, не сдѣлавъ ошибки, тотъ будетъ у насъ царемъ и станетъ приказывать, чтобы отвѣчали ему по его желанію. Что вы молчите? Можетъ быть, отъ желанія бесѣдовать, Ѳеодоръ, я выхожу нѣсколько грубъ [2], когда стараюсь, чтобы мы вошли въ разговоръ и были друзьями взаимно привѣтливыми.

Ѳеод. Въ твоихъ словахъ, Сократъ, нѣтъ ничего груба- B.
го; но приказывай отвѣчать кому нибудь изъ мальчиковъ. Вѣдь я-то не привыченъ къ такому собесѣдованію, да не такой уже и возрастъ мой, чтобы привыкать: мальчикамъ же это прилично и они отъ того успѣвали бы гораздо болѣе; ибо юношество дѣйствительно во всемъ получаетъ приращеніе. Такъ вотъ, какъ началъ, не отпускай Теэтета, но спрашивай его.

Сокр. Слышишь теперь, Теэтетъ, что̀ говоритъ Ѳеодоръ:

---

[1] Какъ говорятъ дѣти, играющіе въ мячъ. Schol: Ὄνος κάθου, ἐπὶ τῶν πράγματι (τινι) ἡττωμένων. Ἐιρηται δὲ ἀπὸ τῶν παίδων τῶν σφαιριζόντων καὶ τὸν νικηθέντα εἰς ὄνον καθιζόντων. Объ этой игрѣ подробнѣе Eustathius ad Odyss. p. 1601, v. 40 sqq., ed. Rom.,—p. 304 ed. Lips. Pollux IX, 106.

[2] Здѣсь во многихъ лучшихъ спискахъ, вмѣсто ὑμᾶς ποιῆσαι стоитъ ἡμᾶς ποιῆσαι. И справедливо: Сократу не было никакой причины стараться о дружескомъ сближеніи Ѳеодора и Теэтета и прочихъ, нѣмыхъ въ діалогѣ, лицъ; такъ какъ Ѳеодоръ былъ учитель Теэтета, а другіе юноши принадлежали къ товарищамъ послѣдняго. Но самъ онъ дѣйствительно желалъ, чтобъ они принимали участіе въ его бесѣдѣ, особенно когда сказалъ (p. 145 D.), что теперь больше ради его надобно предпринять изслѣдованіе природы знанія.

C. не слушаться его, какъ я думаю, и ты не захотѣлъ бы, да и не слѣдуетъ молодому человѣку показывать неповиновеніе, когда приказываетъ ему что нибудь такое человѣкъ мудрый. Скажи же прямо и благородно: чѣмъ кажется тебѣ знаніе?

Теэт. Да, надобно, Сократъ, когда вы приказываете. За то, если бы я и нѣсколько ошибся, вы, безъ сомнѣнія, поправите.

Сокр. Конечно, лишь бы только были въ состояніи.

Теэт. И такъ, мнѣ кажется, что познанія суть и то, чему можно научиться у Ѳеодора, то есть, геометрія и прочее, о чемъ сейчасъ упоминалъ ты, и опять—сапожничество и

D. искусство другихъ мастеровъ: всѣ они и каждое порознь суть не иное что, какъ знаніе [1].

Сокр. Благородно-то благородно, другъ мой, и щедролюбиво: просили одного, а ты далъ многое и, вмѣсто простаго, различное.

Теэт. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Можетъ быть, говорю пустяки; однакожъ я скажу, что̀ думаю. Когда приводишь ты сапожничество, тогда разумѣешь ли что иное, кромѣ знанія дѣлать обувь?

Теэт. Ничего.

E. *Сокр.* А что̀, когда плотничество?—иное ли что тутъ, кромѣ знанія дѣлать деревянные сосуды?

Теэт. И тутъ ничего.

Сокр. Такъ въ обоихъ не то ли ты опредѣляешь, чего знаніе есть каждое изъ нихъ?

Теэт. Да.

Сокр. Но спрашивалось-то не о томъ, Теэтетъ, чего зна-

---

[1] Явно, что при опредѣленіи знанія Теэтетъ точно такъ же погрѣшаетъ, какъ въ другихъ случаяхъ обличаемы были въ погрѣшностяхъ софисты и ихъ ученики. Требовалось, то есть, общее понятіе о знаніи, а онъ исчисляетъ нѣкоторыя отдѣльныя части и формы знанія, которыя, по безконечному различію предметовъ познаваемыхъ, безъ сомнѣнія, численностію своею могутъ простираться въ безконечность. На эту-то ошибку Сократъ очень остроумно указываетъ словами: γενναίως γε καὶ φιλοδώρως κ. τ. λ.

ніе есть знаніе, и сколько ихъ; потому что, спрашивая насъ, не имѣли желанія сосчитать знанія, а хотѣли узнать, что̀ такое само знаніе. Или я ничего не говорю?

Теэт. Совершенно правильно.

Сокр. Разсмотри-ка и это. Пусть бы кто спросилъ насъ 147.
о чемъ нибудь изъ вещей простыхъ и подручныхъ,—напримѣръ, о глиняной массѣ, что такое она, и мы отвѣчали бы: глиняная масса бываетъ у горшечниковъ, глиняная масса у печниковъ, глиняная масса у кирпичниковъ:—не смѣшно ли было бы?

Теэт. Можетъ быть.

Сокр. Во первыхъ, намъ кажется, что вопрошающій изъ нашего отвѣта пойметъ дѣло, если, сказавъ: глиняная масса, мы прибавимъ къ этому: масса кукольниковъ, либо—масса какихъ другихъ мастеровъ. Или ты думаешь, что можно B.
понять имя чего нибудь, когда не знаешь, что̀ такое оно?

Теэт. Никакъ нельзя.

Сокр. Стало быть, не поймешь и знанія обуви, не зная знанія.

Теэт. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно тотъ не составитъ понятія ни о сапожничествѣ, ни о какомъ иномъ искусствѣ, кто не понимаетъ знанія.

Теэт. Такъ.

Сокр. Стало быть, для вопрошающаго: что̀ такое знаніе, смѣшнымъ покажется отвѣтъ, когда приведутъ имя какого нибудь искусства; потому что отвѣчающій будетъ указывать на знаніе чего нибудь, а объ этомъ его не спрашивали. C.

Теэт. Походитъ.

Сокр. Тогда какъ можно было, вѣроятно, отвѣчать просто и коротко: оно идетъ путемъ безконечнымъ; напримѣръ, и при вопросѣ о глиняной массѣ, вѣроятно, можно было сказать просто и коротко, что это есть глина, разведенная водою, а чья она, оставить.

Теэт. Теперь-то такъ кажется легко, Сократъ. Но ты

спрашиваешь, должно быть, о томъ же, о чемъ недавно спрашивалось и у насъ самихъ, когда мы, я и соименникъ D. твой Сократъ [1], разговаривали другъ съ другомъ.

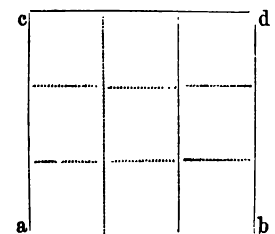
Сокр. О чемъ, то есть, Теэтетъ?

Теэт. Этотъ Өеодоръ объяснялъ намъ чертежами нѣчто о потенціяхъ [2], о трехфутовой и пятифутовой величинѣ,

---

[1] Соименникъ твой Сократъ. Это—тотъ самый Сократъ младшій, который въ Политикѣ разговариваетъ съ элейскимъ иностранцемъ. Онъ, какъ видно, былъ въ дружеской связи съ Теэтетомъ, и Платонъ здѣсь не безъ причины упоминаетъ о немъ, сколько можно замѣтить это, читая въ Софистѣ p. 218.

[2] О потенціяхъ, περὶ δυνάμεων, первыхъ и вторыхъ, или квадратахъ, см. Epinom. p. 991 A; Euclid. XIII, 13 sqq.; Theon Smyrn. De music. c. 17 al. Видя, что отношенія этихъ потенцій многоразличны, юноши вздумали привесть ихъ къ опредѣленнымъ нѣкоторымъ родамъ. Это значило συλλαβεῖν ихъ εἰς ἕν, обнять однимъ общимъ понятіемъ, которымъ могли бы быть означены всѣ онѣ. Они замѣтили, что потенцій есть два рода: однѣ γραμμαὶ τὸν ἰσόπλευρον καὶ ἐπίπεδον ἀριθμὸν τετραγωνίζουσι,—и ими они опредѣлили долготу, μῆκος; другія назвали τὸν ἑτερομήκη, или собственно потенціями. Такимъ образомъ всякое число распалось у нихъ на два класса и представило два рода сложныхъ величинъ. Явно, что здѣсь дѣло шло о числахъ раціональныхъ и ирраціональныхъ числахъ квадратныхъ корней. Основанія ихъ объясняются такъ, что названія для нихъ заимствуются изъ геометріи, какъ дѣлается это и теперь въ той части ариөметики, которая разсуждаетъ о числахъ квадратныхъ и кубическихъ. Помня это, мы легко объяснимъ себѣ смыслъ настоящаго мѣста. Именно: ἡ τρίπους и πεντέπους δύναμις суть трехфутовая и пятифутовая стороны квадрата,—что не есть μήκει σύμμετρον, т. е. несоразмѣримо сторонѣ одного фута. Выраженное числами, это будетъ имѣть такой смыслъ: квадратный корень числа троичнаго или пятеричнаго будетъ число ирраціональное. И такъ, разобравши дѣло, юноши поняли сами, что однѣ потенціи суть совершенные квадраты, какъ напр. 9=3 . 3; 4=2 . 2, которые, по протяженію, соизмѣримы, потому что стороны ихъ равны; другія, напротивъ, не совершенно квадраты, такъ какъ рождены одною потенціею и производятся неравными факторами, наприм. 12=6 . 2, или 2 . 6,—онѣ сходны не относительно протяженности, а только относительно потенціи, и потому называются ἑτερομήκεις. Это самое можно возвесть къ очевидности геометрическими чертежами. Возьмемъ линію c въ одинъ футъ: c. Квадратъ ея будетъ: | a |. Но отношеніемъ чиселъ 9=3 . 3 выражается фигура. И такъ, начертимъ трехфутовую линію a b и на ней опишемъ a b c d. Такимъ образомъ a b будетъ τὸ μῆκος

доказывая, что по долготѣ онѣ не соразмѣрны футу: такъ бралъ онъ каждую порознь потенцію до семнадцатифутовой, и на этой какъ-то остановился. Тогда пришло намъ въ голову нѣчто подобное твоему вопросу: такъ какъ потенцій представлялось безчисленное множество, то намъ вздумалось попытаться заключить ихъ въ одной, чтобы этою одною обозначить всѣ потенціи. E.

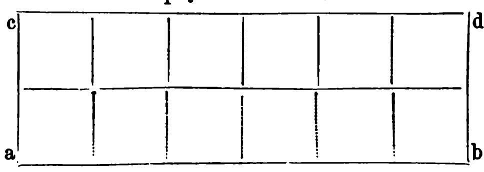
Сокр. И вы нашли нѣчто такое?

Теэт. Кажется, нашли. Смотри и ты.

Сокр. Говори.

Теэт. Всякое число мы раздѣлили на двое, и ту его

квадрата. Если теперь квадратъ a сравнимъ съ a b c d, то найдемъ, что первый столько разъ содержится въ послѣднемъ, сколько разъ число единицы обнимается числомъ девятеричнымъ, и отсюда выходитъ фигура, справедливо называемая τετράγωνος, ἰσόπλευρος, ἐπίπεδος,—и всѣ эти имена Теэтетъ весьма вѣрно перевелъ на числа. Изъ этого очевидно, что̀ значатъ слова: τὸν μὲν (ἀριθμὸν) δυνάμενον ἴσον ἰσάκις γίγνεσθαι (которое имѣетъ равныхъ факторовъ, какъ 16=4 . 4; 25=5 . 5; 36=6. 6); τῷ τετραγώνῳ τὸ σχῆμα ἀπεικάσαντες τετράγωνόν τε καὶ ἰσόπλευρον προςείπομεν. И такъ, числа, соразмѣримыя не только по потенціямъ, но и по сторонамъ, у юношей получили названіе чиселъ опредѣленныхъ относительно къ протяженію, μῆκος, поколику они—совершенные квадраты. Но не такими, полагали они, должны выйти фигуры, построяемыя только потенціально, безъ отношенія πρὸς τὸ μῆκος. Это будутъ фигуры продолговатыя, и, такъ какъ долгота ихъ у каждой своя, онѣ называются ἑτερομήκεις. Долгота своя,—то есть свои числа, въ которыхъ факторы, слѣдовательно стороны, не равны, напр. 12=2 . 6. Переведемъ эти самыя числа на чертежи. Возьмемъ линію c въъ одинъ футъ: c ; потомъ протянемъ линію a b въ два фута: a————————b, соотвѣтствующую фактору меньшему—2. Къ этимъ присоединимъ еще третью линію, которая имѣла бы 6 футовъ долготы, слѣдовательно соотвѣтствовала бы фактору числа шестеричнаго; такая линія будетъ c————————————————————d. Приготовивъ это, изъ линій a b и c d построимъ прямолинейный четвероугольникъ a b c d:

Потомъ изъ футовой линіи c возьмемъ квадратъ и будемъ сравнивать его съ прямолинейнымъ четвероугольникомъ: откроется, что онъ столько разъ входитъ въ четвероугольникъ, сколько разъ единица содержится въ двѣнадцати. Но фигура, обусловленная этими отношеніями, не имѣетъ равенства сторонъ, а выходитъ продолговатою. Стало быть, числа 12=6 . 2 соразмѣряются не μήκει, а δυνάμει.

часть, которая могла быть равножды равною, уподобивъ четвероугольнику, назвали равностороннимъ четвероугольникомъ.

Сокр. Да и хорошо.

Теэт. А число промежуточное, какъ напримѣръ: три, пять,
148. и всякое, которому нельзя быть равножды равнымъ, но которое бываетъ корнемъ произведенія, или бо̀льшаго на меньшее, или меньшаго на большее, и за свои стороны всегда принимаетъ большее и меньшее,—такое число, уподобивъ опять фигурѣ продолговатой, мы назвали числомъ продолговатымъ.

Сокр. Прекрасно; но что потомъ?

Теэт. Всѣ линіи, изображающія число равносторонняго четвероугольника и четвероугольной плоскости, мы опредѣлили понятіемъ долготы, а всѣ, дающія число изъ раз-
B. личныхъ протяженій,—понятіемъ потенцій, такъ какъ по долготѣ эти числа соразмѣрны не тѣмъ, а плоскостямъ, на которыя указываютъ. То же самое и о твердыхъ тѣлахъ.

Сокр. Превосходно, дѣти; Ѳеодоръ, кажется, не будетъ виноватъ въ ложности своихъ свидѣтельствъ.

Теэт. Впрочемъ, Сократъ, что̀ спрашиваешь ты о знаніи, на то не могъ бы я отвѣчать, какъ о долготѣ и потенціи, хотя вопросъ-то твой мнѣ кажется такимъ же; такъ что Ѳеодоръ снова оказывается солгавшимъ.

C. *Сокр.* Что ты! Но если бы кто, хваля тебя за бѣганье, говорилъ, что онъ не встрѣчалъ никого изъ юношей, столь быстраго на бѣгу, а потомъ, состязаясь, ты былъ бы побѣжденъ сильнѣйшимъ и быстрѣйшимъ: то думаешь ли, что меньше былъ бы правъ хвалившій тебя?

Теэт. Не думаю.

Сокр. Найти же знаніе, какъ теперь-таки говорилъ я о немъ, маловажнымъ чѣмъ-то почитаешь ты, а не крайне высокимъ?

Теэт. О, клянусь Зевсомъ, по мнѣ-то, оно относится къ предметамъ наивысочайшимъ.

Сокр. Будь же смѣлѣе въ отношеніи къ себѣ и думай, что Ѳеодоръ говоритъ не пустяки: постарайся всячески D.
взяться за слово и о другихъ предметахъ, и о знаніи, что̀ такое оно.

Теэт. Предъ стараніемъ, Сократъ, оно, конечно, откроется.

Сокр. Ну же; вѣдь ты сейчасъ хорошо началъ: подражая отвѣту о потенціяхъ, которыя, какъ многочисленныя, соединены тобою въ одномъ видѣ, постарайся такимъ же образомъ и многія знанія высказать однимъ словомъ.

Теэт. Но знай хорошо, Сократъ, что я, выслушивая про- E.
износимые тобою вопросы, часто принимался разсматривать это; только и самъ себя не могу убѣдить, что говорю что-то удовлетворительное, и отъ другихъ не слышу такого отвѣта, какого ты требуешь, хотя и не думаю отстать отъ попытки.

Сокр. Потому что испытываешь боли, любезный Теэтетъ, какъ беременный, а не праздный.

Теэт. Не знаю, Сократъ; говорю именно то, что чувствую.

Сокр. Эхъ, чудакъ! ты не слышалъ, что я сынъ благо- 149.
родной и строгой [1] повивальной бабки Фенареты?

Теэт. Это-то уже слышалъ.

Сокр. А слышалъ ли, что и я занимаюсь тѣмъ же самымъ искусствомъ?

Теэт. Вовсе нѣтъ.

Сокр. Знай же хорошо, что такъ; только не оговори меня предъ другими. Отъ иныхъ я таюсь, другъ мой, что владѣю такимъ искусствомъ,—и они, по незнанію, не говорятъ

---

[1] Благородной и строгой повивальной бабки, μαίας μάλα γενναίας τε καὶ βλοσυρᾶς. Филологи затрудняются здѣсь словомъ βλοσυρὸς, которое означаетъ человѣка и жестокаго или строгаго, и такого, который возбуждаетъ уваженіе къ себѣ. Говорятъ, что Сократъ, какъ добрый сынъ, не могъ приложить къ матери такого оскорбительнаго эпитета. Въ худую также сторону принималъ это слово Атеней и порицалъ за него Платона (V, p. 343, ed. Schw.). Но подъ именемъ βλοσυρᾶς τῆς μαίας Сократъ, конечно, разумѣлъ женщину строгую, которая самою строгостію возбуждала къ себѣ уваженіе.

о мнѣ этого,—а говорятъ то, что я человѣкъ самый несносный, привожу людей въ недоумѣніе [1]. Слышалъ ли ты по крайней мѣрѣ это?

Теэт. Слышалъ.

B. *Сокр.* А сказать ли причину?

Теэт. Конечно.

Сокр. Такъ размысли, какъ все бываетъ у повивальныхъ бабокъ, и легко поймешь, чего я хочу. Вѣдь ты, конечно, знаешь, что ни одна изъ нихъ, сама беременѣя и раждая, не помогала бы другимъ; но онѣ раждать уже не могутъ.

Теэт. Конечно.

Сокр. Причина же этого-то, говорятъ,—въ Артемидѣ, которая, сама будучи неплодною, получила жребій попе-
C. ченія о родахъ. Но неплоднымъ не дала она способности бабничать, ибо человѣческая природа слабѣе, чѣмъ могла бы усвоить искусство въ томъ, чего не испытала: напротивъ, женщинамъ, неплоднымъ по возрасту, желая почтить ихъ сходство съ собою, приказала это.

Теэт. Естественно.

Сокр. А тò развѣ не естественно и не необходимо, что беременныя никѣмъ инымъ такъ не узнаются, какъ повивальными бабками?

Теэт. Конечно.

Сокр. Притомъ повивальныя-то бабки, давая зелья и напѣвая родильницамъ, могутъ возбуждать боли, либо, когда
D. захотятъ, ослаблять ихъ, раждающимъ трудно помогаютъ родить, либо, когда покажется нужнымъ выкинуть, располагаютъ къ выкидышу.

Теэт. Такъ.

Сокр. Не извѣстно ли тебѣ о нихъ и то, что онѣ—страшнѣйшія свахи: чрезвычайно мудры узнавать, какой жен-

---

[1] Съ этимъ мѣстомъ хорошо снести Menon. p. 79 E, гдѣ раскрывается то же самое сравненіе съ нѣкоторою обстоятельностію и выразительностію. Удовлетворительно объясняетъ его и Plutarch. Quaest. Plat. p. 1000.

щинѣ надобно сойтись съ какимъ мужчиною, чтобы раждались наилучшія дѣти?

Теэт. Объ этомъ я не очень знаю.

Сокр. Такъ знай, что объ этомъ онѣ больше хлопочутъ, чѣмъ объ отрѣзаніи пупка. Подумай-ка: къ тому же, или Е.
къ иному искусству относится ухаживать и выращать изъ земли плоды, и знать, какое растеніе и сѣмя посадить въ какую землю?

Теэт. Не къ иному, а къ тому же.

Сокр. А въ отношеніи къ женщинѣ, иное ли, думаешь, искусство дѣлать это, и иное—выращать?

Теэт. Не естественно.

Сокр. Конечно нѣтъ. По причинѣ несправедливой и безъ- 150.
искуственной связи мужчины съ женщиною, чему имя—обольщеніе, повивальныя бабки, какъ особы почтенныя, конечно, избѣгаютъ искусства сватать, боясь, чтобы отъ послѣдняго не сдѣлаться виновными въ первомъ; но правильное-то сватовство идетъ, точно, къ однимъ настоящимъ повивальнымъ бабкамъ.

Теэт. Видимо.

Сокр. Та̀къ вотъ велико дѣло повивальныхъ бабокъ; но оно меньше моего; потому что женщинамъ не свойственно раждать иногда призраки, иногда дѣйствительныя существа; В.
а это не легко распознать. Вѣдь если бы было свойственно, то важнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ дѣломъ повивальныхъ бабокъ оказалось бы различать истинное и не истинное. Или не думаешь?

Теэт. Думаю.

Сокр. Моему же искусству бабничанья свойственно иное, чѣмъ ихнему: мое отличается тѣмъ, что бабничанье прилагаетъ не къ женщинамъ, а къ мужчинамъ, и наблюдаетъ надъ родами не тѣлесными, а душевными. Важнѣйшее же дѣло нашего искусства есть возможность всячески испытывать, при- С.
зракъ ли и ложь раждается въ мысли юноши, или плодъ здоровый и истинный. Вѣдь и со мной бываетъ то же, что

съ повивальными бабками: я не раждаю мудрости, и многіе, порицавшіе меня за то, что другихъ я спрашиваю, а самъ не даю ни на что никакого отвѣта, потому что не мудрецъ, порицаютъ справедливо. Причина же этого слѣдующая: бабничать мнѣ Богъ повелѣваетъ, а раждать запретилъ. Такъ самъ я не очень что-то мудръ, и порожденіе моей души
D. не есть какое нибудь мое изобрѣтеніе. Но обращающіеся со мною,—хотя иные на первый разъ оказываются и очень не свѣдущими,—всѣ, кому Богъ помогаетъ, съ теченіемъ времени обращенія [1], удивительно до какой степени успѣваютъ, какъ представляется это и имъ самимъ, и другимъ. Отсюда ясно, что у меня они ничему не научаются, но многое и прекрасное находятъ и держатъ въ самихъ себѣ. Такимъ образомъ причина родовспоможенія—Богъ и я; а
E. это явно вотъ изъ чего. Многіе уже, не уразумѣвъ того и все приписавъ себѣ, меня же, или сами собою, или подъ вліяніемъ другихъ, презрѣвъ, разошлись со мною раньше надлежащаго,—а разошедшись, чрезъ дурное обращеніе, прочее выкинули, рожденное же при моемъ бабничаньи, худо выкормивъ, погубили, потому что призрачное и ложное поставили выше истиннаго, и наконецъ какъ для самихъ себя, такъ и для другихъ стали казаться невѣждами. Однимъ изъ
151. такихъ былъ Аристидъ [2], сынъ Лизимаха, и иные, очень

---

[1] Объ этомъ мѣстѣ разсуждаетъ Плутархъ—Quaest. Plat. t. II, p. 999, гдѣ спрашивается, что̀ такое разумѣлъ Сократъ подъ именемъ Бога. Этотъ вопросъ дѣйствительно сто̀итъ изслѣдованія. Въ отношеніи къ нему многое высказалъ писатель діалога, носящаго имя Θеага, но высказалъ къ своему вреду; потому что Богомъ въ пок занномъ мѣстѣ почиталъ Сократова генія, который, по его мнѣнію, не только въ Сократѣ, но и во всякомъ человѣкѣ, кто съ нимъ обращается, можетъ производить вещи дивныя, чудесныя. Потому-то, между прочимъ, писателемъ Θеага мы и не признали Платона, который о геніи своего учителя нигдѣ не передаетъ подобныхъ мыслей. Говоря вообще о Богѣ, Сократъ разумѣетъ не генія своего, такъ какъ послѣдняго ясно отличаетъ отъ Бога словами (p. 151 A): ἐνίοις μὲν τὸ γιγνόμενόν μοι δαιμόνιον ἀποκωλύει συνεῖναι, Бога же признаетъ попечителемъ о повивальномъ его искусствѣ, который равно помогаетъ и его труду, и собесѣдникамъ-раждателямъ.

[2] Объ Аристидѣ см. Lachet. p. 178 A. О немъ говоритъ съ обыкновенными своими прикрасами и писатель Θеага, p. 130. Подобное читаемъ Sympos. p. 213 D.

многіе. Когда потомъ снова приходили они просить моего обращенія и дѣлали крайнія усилія,—живущій во мнѣ геній нѣкоторымъ возбранилъ обращаться со мною, нѣкоторымъ позволилъ,—и они стали снова успѣвать. Обращающіеся со мною чувствуютъ вотъ и это, общее съ раждающими женщинами: они терпятъ боли, испытываютъ затруднительность своего положенія день и ночь—гораздо болѣе, чѣмъ тѣ. Возбуждать такія боли и успокоивать можетъ мое искусство. И эти-то такъ. Но иногда бываетъ, Теэтетъ, что юноши B.
какъ-то не кажутся мнѣ беременными [1]: тогда, узнавъ, что во мнѣ они не имѣютъ нужды, я радушно сватаю ихъ и, слава Богу, очень достаточно угадываю, съ кѣмъ обращаясь могутъ они получить пользу. Многихъ передалъ я Продику, многихъ инымъ мудрымъ и богоугоднымъ мужамъ. Объ этомъ я распространился съ тобою, почтеннѣйшій, подозрѣвая, какъ и самому тебѣ кажется, что ты внутренно мучишься болями чревоношенія. И такъ, относись ко мнѣ, какъ къ сыну повивальной бабки, который и самъ знаетъ повивальное искусство,—и о чемъ я буду спрашивать, поста- C.
райся на то какъ можешь лучше отвѣчать. И если, разсматривая, чтò ты говоришь, я найду слова твои призракомъ, а не правдою, и потому потихоньку выну ихъ и выкину,—ты не сердись, какъ сердятся по поводу дѣтей матери, при первыхъ родахъ. Вѣдь многіе уже, почтеннѣйшій, такъ чувствовали себя въ отношеніи ко мнѣ, что готовы были просто укусить, когда я вынималъ у нихъ какія нибудь бредни: они не думаютъ, что я дѣлаю это изъ добра-

---

[1] Сократъ, очевидно, говоритъ здѣсь о различныхъ способностяхъ учениковъ и о такомъ или другомъ настроеніи ихъ душъ. Предполагается въ молодомъ человѣкѣ невозможность беременности для философіи, которая требуетъ углубленія въ предметъ и разсматриванія его въ формахъ всеобщихъ, тогда какъ онъ, по легкости своихъ способностей, любитъ держаться только на поверхности предмета,—изучать его, напримѣръ, съ точки зрѣнія филологической или исторической. Такихъ молодыхъ людей Сократъ отсылалъ то къ Продику, тогдашнему филологу, то къ инымъ мудрецамъ, которыхъ называетъ этимъ именемъ, конечно, не безъ ироніи.

го расположенія, и далеки отъ той мысли, что какъ ни
D. одинъ богъ не мыслитъ людямъ зла, такъ и я не дѣлаю ничего такого по злому намѣренію; но вѣдь никакъ же не позволительно мнѣ уступать лжи и скрывать правду. Постарайся же, Теэтетъ, опять сначала сказать, что̀ такое знаніе. Не говори, что не можешь; если Богъ захочетъ и ты будешь мужаться, то возможешь.

Теэт. Да и въ самомъ дѣлѣ, Сократъ; когда ты-то такъ
E. приказываешь, стыдно не постараться всячески сказать, что можно. Такъ вотъ мнѣ кажется, что нѣчто знающій чувствуетъ то, что̀ знаетъ; а потому теперь представляется, что знаніе есть не иное что, какъ чувствованіе.

Сокр. Хорошо, конечно, и благородно, дитя мое; такъ долженъ говорить, кто заявляетъ свое мнѣніе. Но давай разсмотримъ сообща, здраво ли оно, или пусто. Знаніе, говоришь, есть чувствованіе [1]?

Теэт. Да.

Сокр. Ты сказалъ, должно быть, не маловажное положеніе
152. о знаніи, а такое, которое объявлялъ и Протагоръ; только онъ то же са̀мое высказалъ другимъ образомъ, ибо говорилъ, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей [2],—существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ, что онѣ не существуютъ. Вѣроятно, читалъ?

Теэт. Читалъ, и много разъ.

Сокр. Не говоритъ ли онъ какъ-то такъ, что какою

---

[1] Это—первое опредѣленіе знанія. Оно принадлежитъ Протагору, и Платонъ сперва самъ тонко объясняетъ его, а потомъ, отъ p. 161 A, подвергаетъ критическому изслѣдованію и опровергаетъ. Объ этомъ мнѣніи Протагора снес. Sext. Empir. Pyrrh. Hyp. I, 216—219; Advers. mathem. VII, 59—64; Diog. Laërt. IX, 51; Cicer. Acad. II, 46.

[2] Объ этомъ мнѣніи Протагора, которое Платонъ колко разбираетъ также въ Кратилѣ (p. 385 E), съ большею подробностію говорится Legg. IV, p. 716 C и въ Протагорѣ. Протагоръ отвергъ въ человѣкѣ способность познавать что нибудь абсолютно и объективно, и все поставилъ въ отношеніе къ собственнымъ каждаго усмотрѣніямъ и представленіямъ, говоря, что чѣмъ кому представляется, то̀ таково и есть. Поэтому всѣ усмотрѣнія равно вѣрны.

всякая вещь кажется мнѣ, такова она для меня, и какою тебѣ, такова для тебя, а ты и я—человѣкъ?

Теэт. Да, онъ говоритъ такъ.

Сокр. Мудрый человѣкъ, вѣроятно, ужъ не сумасбродничаетъ; послѣдуемъ же ему.—Но не бываетъ ли иногда, что, B.
при дуновеніи того же вѣтра, одинъ изъ насъ зябнетъ, другой нѣтъ, и одинъ немного, другой сильно?

Теэт. И очень.

Сокр. Такъ тогда вѣтеръ, самъ по себѣ, холоднымъ ли назовемъ мы, или не холоднымъ? Или повѣримъ Протагору, что для зябнущаго онъ холоденъ, а для не зябнущаго нѣтъ?

Теэт. Походитъ на то.

Сокр. Не такъ ли и является это каждому?

Теэт. Да.

Сокр. А явленіе-то (τὸ φαίνεται) есть чувствованіе?

Теэт. Конечно.

Сокр. Стало быть, являемость (φαντασία) и чувствованіе— C.
то же самое и въ тепломъ, и во всемъ тому подобномъ; ибо чтò всякій чувствуетъ, тò для всякаго, должно быть, и есть.

Теэт. Походитъ.

Сокр. Слѣдовательно, чувствованіе, какъ знаніе, всегда есть чувствованіе существующаго [1], и никогда не бываетъ лживымъ.

Теэт. Видимо.

Сокр. Такъ, ради Харитъ, не всесвѣтнымъ ли какимъ-то мудрецомъ былъ Протагоръ, когда открылъ это намъ, пестрой толпѣ, а ученикамъ тайно говорилъ истину?

---

[1] Знаніе, по мысли Платона, особенно тѣмъ отличается отъ мнѣнія, что послѣднее неточно и не достигаетъ до существующаго, тогда какъ первое относится къ тому, чтò существуетъ само по себѣ и содержитъ въ себѣ истинную силу и природу всякой вещи. Правда, и чувствованію, говоритъ Платонъ, должно также нѣчто подлежать, чтò существовало бы: но это существующее, каково бы оно ни было, поколику будутъ разсматривать его протагоровски, не будетъ твердымъ, постояннымъ, но будетъ зависѣть отъинуду, измѣняться, оразноображиваться, и можетъ быть названо скорѣе бывающимъ, чѣмъ существующимъ.

D. *Теэт.* Какъ ты говоришь это, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ очень не малозначительное слово: что нѣтъ ничего одного самого по себѣ, что не назвать тебѣ правильно никакого качества вещи, но что̀ назовешь ты великимъ, то покажется малымъ, что̀—тяжелымъ, то—легкимъ, и все такимъ же образомъ; такъ что нѣтъ ничего одного, ни по бытію, ни по качествамъ: все, чему неправильно приписываемъ мы понятіе бытія, происходитъ отъ стремленія, движенія и взаимнаго смѣшенія вещей; ибо ничто никогда не существуетъ, но все бываетъ. И въ этомъ,
E. кромѣ Парменида, сходились всѣ по порядку [1] мудрецы: Протагоръ, Гераклитъ, Эмпедоклъ, и главы поэтовъ во всякомъ родѣ: въ комедіи Эпихармъ, въ трагедіи Омиръ,—который, сказавъ:

Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳису,

прибавляетъ, что все есть порожденіе теченія и движенія. Или онъ, кажется тебѣ, не это говоритъ?

Теэт. Мнѣ кажется, это.

---

[1] Парменидъ, какъ извѣстно, почиталъ истиннымъ цѣлое сущее, вѣчное и, имѣя его въ виду, къ нему относилъ всякое свое разсужденіе (Karsten. De Parmenide p. 178 sqq). Отъ его мнѣнія далеко отступили физики, которые старались все объяснить непрестанною измѣняемостію вещей, а сужденіе объ истинѣ совершенно отвергли. Изъ нихъ особенно стоитъ упоминанія Гераклитъ, учившій, πάντα ῥεῖν ποταμοῦ δίκην (Diog. Laërt. IX, 8. Sext. Emp. Hypot. III, 115 al.) Ему слѣдовалъ и Протагоръ, отчего Сократъ и говоритъ: Πρωταγόρας τε καὶ Ἡράκλειτος. Обоихъ ихъ соединяетъ и Аристотель (Metaph. III, in). Въ сопутники ему прибавляется и Эмпедоклъ, который матерію вещей составлялъ изъ земли, воды, воздуха и огня, и причинами надъ ними поставлялъ дружбу и вражду; поэтому въ основаніе всякаго рожденія необходимо долженъ былъ положить также движеніе (Sext. Emp. Adv. mathem. VII, 115 sqq.; IX, 10; X, 317). Кромѣ этихъ упоминается еще Эпихармъ, древнѣйшій комическій поэтъ и философъ, по мнѣнію котораго вещи такъ измѣнчивы, что бывшее вчера нынѣ уже не существуетъ. De Epicharmo comoediarum scriptore, Theocrit. Epigr. 17, I: ἅτε φωνὰ Δώριος, Χὡνὴρ ὁ τὰν κωμῳδίαν εὑρὼν Ἐπίχαρμος. Themist. Or. XIX, p. 486: ἐπεὶ καὶ κωμῳδία τὸ παλαιὸν ἤρξατο μὲν ἐκ Σικελίας, ἐκεῖθεν γὰρ ἤστην Ἐπίχαρμός τε καὶ Φόρμος. κάλλιον δὲ Ἀθήναζε συνηυξήθη. Къ этимъ присоединяется и Омиръ, котораго приведенный здѣсь стихъ взятъ изъ Иліады, XIV, 201, 302. Причину, по которой Платонъ называетъ его отцемъ трагедіи, см. Rep. X, p. 595 B и 598 D.

Сокр. Кто же еще могъ бы спорить противъ такого-то 153.
лагеря и вождя—Омира, не дѣлаясь отъ того смѣшнымъ?

Теэт. Не легко, Сократъ.

Сокр. Конечно, не легко, Теэтетъ, когда вотъ и достаточныя доказательства этого положенія: что кажимость бытія и явленія доставляется движеніемъ, а небытія и исчезанія—покоемъ. Напримѣръ, теплотворъ и огонь, раждающій и упорядочивающій также прочее, самъ раждается отъ усилія и тренія; а это есть движеніе. Или не таковы условія рожденія огня?

Теэт. Именно таковы. B.

Сокр. Даже и родъ-то животныхъ раждается изъ этого самаго.

Теэт. Какъ же не изъ этого!

Сокр. Что же? состояніе тѣлъ разрушается не отъ покоя ли и бездѣйствія, а сохраняется большею частію не отъ гимнастическихъ ли упражненій и движеній?

Теэт. Да.

Сокр. Состояніе же души пріобрѣтаетъ познанія, сохраняется и дѣлается лучше не отъ ученія ли и размышленія,—
что̀ имѣетъ свойство движеній,—а не познаетъ и, что узна- C.
ло, забываетъ—не отъ покоя ли, свойственнаго отсутствію мысли и невѣжеству?

Теэт. И очень.

Сокр. Стало быть, движеніе, и по душѣ и по тѣлу, есть добро, а противное тому будетъ противное?

Теэт. Походитъ.

Сокр. Не сказать ли тебѣ еще о безвѣтренной и тихой погодѣ, и о прочемъ подобномъ,—что это затишье распространяетъ гнилость и губитъ, а противное ему сохраняетъ? Сверхъ того не заставить ли тебя, въ заключеніе, привесть золотую цѣпь [1], подъ которою Омиръ разумѣетъ не иное

---

[1] Объ употребленіи пословицы—τὸν κολοφῶνα ἐπιθεῖναι, сказать въ заключеніе, кромѣ Схоліаста къ этому мѣсту, см. Strab. XIV, p. 952; Ruhnken. ap.

что, какъ солнце, и показываетъ, что, пока есть круговра-
D. щеніе и солнце движется, все существуетъ и сохраняется у боговъ и людей, а какъ скоро оно остановилось бы, будто связанное,—всѣ вещи разрушились бы и все, какъ говорится, перевернулось бы кверху дномъ?

Теэт. Мнѣ кажется, Сократъ, Омиръ показываетъ то, что ты говоришь.

Сокр. Понимай же это такъ, почтеннѣйшій: во первыхъ, относительно зрѣнія,—то, что̀ называешь ты бѣлымъ цвѣтомъ, не есть нѣчто особое, внѣ твоихъ глазъ, или въ самыхъ глазахъ, и не назначай для этого какого нибудь мѣ-
E. ста; потому что иначе это уже существовало бы въ ряду вещей, какъ что-то постоянное, и потому не находилось бы въ состояніи рожденія.

Теэт. Какъ же смотрѣть на это?

Сокр. Будемъ слѣдовать недавно сказанному, полагая, что само по себѣ ничто не существуетъ. Такимъ образомъ черный, бѣлый и всякій иной цвѣтъ окажется произведеніемъ зрѣнія, приражающагося къ присущему движенію, и каждое такое приражение мы называемъ цвѣтомъ; хотя не бу-
154. детъ тутъ ни приражающагося, ни приражаемаго, а выйдетъ нѣчто среднее, свойственное тому и другому. Или

Heusdium Spec. crit. p. 33 etc. Платонъ этою формулою воспользовался также въ Эвтидемѣ, p. 301 E; Закон. II, p. 673 D, 674 C. Употребляли ее и римляне—colophonem imponere vel addere, прилагая это выраженіе къ тому, кто довелъ дѣло до конца. Но, вмѣсто ἐπιτιθεὶς, Сократъ у Платона здѣсь беретъ слово προςβιβάζων, такъ какъ для окончанія изслѣдованія считаетъ нужнымъ нѣкоторое насиліе, и упоминаетъ о золотой цѣпи, о которой идетъ рѣчь у Омира (Iliad. 8, v. 17 sqq.). Евстаѳій говоритъ: Πλάτων δὲ αὐτὸν τὸν ἥλιον χρυσέαν λέγει σειράν· αὐτῷ γὰρ ἐκδέδεσθαι τὸ πᾶν. Между тѣмъ явно, что Платонъ вноситъ сюда мысль о золотой Омировой цѣпи, имѣя въ виду показать превратное понятіе физиковъ, которые воображали, что въ этомъ мѣстѣ у Омира таится какое-то глубокое знаніе природы вещей. Оттого произошло, что онъ и самъ писателями позднѣйшаго времени, которые не поняли его насмѣшки, безразсудно введенъ въ общеніе съ этимъ превратнымъ представленіемъ; ибо позднѣйшіе платонисты долго и настойчиво прославляли эту Платонову цѣпь (см. Creuzerus ad Procl. Institut. Theolog. Plat. p. 142. Hermann, ad Lucian. De histor. conscrib. p. 56).

ты станешь утверждать, что какимъ всякій цвѣтъ представляется тебѣ, таковъ онъ и для собаки, и для иного какого хочешь животнаго?

Теэт. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не стану.

Сокр. Что же? думаешь ли, что нѣчто и другому человѣку представляется такимъ, какъ тебѣ? Твердо ли ты стоишь въ этомъ, или гораздо скорѣе согласишься, что и для тебя самого то же является не тѣмъ же, потому что ты никогда не бываешь подобенъ самому себѣ?

Теэт. Послѣднее мнѣ больше кажется, чѣмъ первое.

Сокр. Поэтому если бы то, что̀ мы измѣряемъ, или че- B.
го касаемся, было либо велико, либо бѣло, либо тепло, то, приразившись къ другому, оно не сдѣлалось бы инымъ, не измѣняясь само-то въ себѣ. И опять, если бы былъ таковъ каждый измѣряемый или осязаемый предметъ, то, по привхожденіи другаго предмета или другаго впечатлѣнія, самъ онъ, не впечатлѣваясь, не дѣлался бы инымъ. Между тѣмъ теперь-то, другъ мой, мы какъ бы съ удовольствіемъ поставляемъ себя въ необходимость говорить вещи странныя и смѣшныя, что сказалъ бы и Протагоръ и всякій рѣшающійся подтверждать его положеніе [1].

Теэт. Какъ же и что скажешь ты?

Сокр. Прими небольшой примѣръ,—и узнаешь все, чего я C.
хочу. Возьми, положимъ, шесть игорныхъ костей: приложивъ къ нимъ четыре, мы скажемъ, что ихъ больше четырехъ на цѣлое съ половиною, а когда приложимъ двѣнадцать,—ихъ будетъ меньше на половину. И не потерпимъ, чтобы говорили иначе. Или ты потерпишь?

Теэт. Не потерплю.

Сокр. Что же? Пусть бы Протагоръ, или кто другой спросилъ тебя: Теэтетъ! можно ли увеличить или усложнить

[1] Смыслъ рѣчи такой: ни вещи, представляющіяся извнѣ, ни чувства наши и мнѣнія, если бы имѣли въ себѣ свойства, не испытывали бы никакой перемѣны или смѣненія другими свойствами; а между тѣмъ опытъ показываетъ, что дѣйствительно бываетъ такъ.

что нибудь иначе какимъ нибудь образомъ, нежели чрезъ умноженіе? Что будешь отвѣчать?

Теэт. Если буду смотрѣть, Сократъ, на смыслъ настоя-
D. щаго вопроса, то скажу, что нельзя; а когда посмотрю на прежній-то,—какъ бы не сказать противнаго, что можно.

Сокр. Хорошо; право, клянусь Ирою, другъ мой, божественно. Однакожъ видно, что если ты будешь отвѣчать «можно», то выйдетъ что-то эврипидовское [1],—языкъ-то у насъ будетъ неукоризненъ, а мысль укоризненна.

Теэт. Правда.

Сокр. Поэтому если бы мы были сильны и мудры,—я и ты,—то, изслѣдовавъ все, относящееся къ мыслямъ, стали бы теперь наконецъ, отъ избытка силъ, пробовать другъ дру-
E. га и, входя софистически въ борьбу, отражать слова одного словами другаго: но такъ какъ теперь мы еще простоваты, то сперва хотимъ разсмотрѣть дѣло само по себѣ, что̀ такое то, о чемъ у насъ идетъ разсужденіе,—согласны ли между собою наши мысли, или нисколько.

Теэт. Я, конечно, хотѣлъ бы этого.

Сокр. Да и я тоже. И если такъ, то, имѣя множество досуга, что̀ иное будемъ мы дѣлать, какъ не изслѣдывать
155. легонько снова, не съ досадою, но дѣйствительно въ духѣ самоиспытанія, что̀ такое въ насъ эти представленія. Разсматривая первое изъ нихъ, мы скажемъ, какъ я думаю, что никогда ничто не бываетъ больше или меньше, ни массою, ни числомъ, пока не сдѣлается равно само себѣ. Не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. А второе: къ чему ничто не прилагается и отъ чего ничто не отнимается, то и не увеличивается никогда, и не умаляется, но всегда бываетъ равно.

---

[1] Указывается на извѣстный стихъ Эврипида (Hyppolit. 612, гдѣ см. объясн. Снес. Cicer. De officiis III, 29. Hug. Grotius, De jure belli et pacis, LIII, 13).

Теэт. Совершенно такъ.

Сокр. Не положимъ ли и третьяго: чего прежде не бы- B.
ло, тому быть послѣ, безъ бытности и происхожденія, не-
возможно?

Теэт. По крайней мѣрѣ кажется.

Сокр. Такъ эти, думаю, три принятыя нами положенія
борятся въ нашей душѣ сами съ собою, когда мы говоримъ
объ игорныхъ костяхъ, или когда утверждаемъ, что я,
достигши такого возраста, и не выросъ, и не пришелъ въ
состояніе противное, хотя, въ теченіе года твоей молодости,
сперва былъ больше, потомъ сталъ меньше,—не потому, что-
бы отъ моей величины было что нибудь отнято, а потому,
что ты выросъ. Вѣдь я впослѣдствіи сталъ то, чѣмъ, не C.
сдѣлавшись, не былъ; ибо, не сдѣлавшись, бывать не возмож-
но,—хотя, не теряя ничего изъ величины, никогда не стано-
вился меньше. Если только мы примемъ это, то найдемъ
безчисленное множество и другихъ такихъ же вещей. Ты, вѣ-
роятно, слѣдуешь за мною, Теэтетъ; потому что кажешься
не неопытнымъ въ подобныхъ вопросахъ.

Теэт. Нѣтъ, клянусь богами, Сократъ; я чрезвычайно удивляюсь, что̀ это такое, и когда пристально всматриваюсь въ это,—у меня отъ темноты кружится голова.

Сокр. Өеодоръ, кажется, не худо гадаетъ, другъ мой, о D.
твоей природѣ: вѣдь удивляться есть [1] свойство особенно
философа; ибо начало философіи не иное, какъ это, и тотъ,
кто Ириду назвалъ порожденіемъ Тавманта [2] (удивляющаго-

---

[1] Съ этимъ мѣстомъ хорошо сравнить слова Аристотеля, Metaph. I, 2: Διὰ τὸ θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ τὸ νῦν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν, ἐξ ἀρχῆς μὲν τὰ πρόχειρα τῶν ἀπόρων θαυμάσαντες, εἶτα κατὰ μικρὸν οὕτω προϊόντες καὶ περὶ τῶν μειζόνων διαπορήσαντες. Ὁ δ᾽ ἀπορῶν και θαυμάζων οἴεται ἀγνοεῖν. Clem. Alex. II, p. 380 A: τῆς ἀληθείας ἀρχὴ τὸ θαυμάζειν, ὡς Πλάτων ἐν Θεαίτητῳ λέγει.

[2] Философъ весьма искусно пользуется словами Исіода въ Theogon. v. 780, и примѣняетъ ихъ къ своему предмету, придавая имъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой былъ въ умѣ поэта. Какъ кстати Ириду, посланницу боговъ, называетъ онъ Философіею и почитаетъ ее дочерью Тавманта!

ся), не худо знаетъ ея генеалогію. Но понимаешь ли теперь, отчего по ученію Протагора, о которомъ мы говоримъ, выходитъ такъ, или еще нѣтъ?

Теэт. Кажется, еще нѣтъ.

Сокр. Такъ будешь ли ты мнѣ благодаренъ, если я вмѣстѣ съ тобою внѣдрюсь въ смыслъ скрытой истины того
Е. человѣка, или, лучше, тѣхъ именитыхъ людей?

Теэт. Какъ же не быть? и очень.

Сокр. Соображай же осмотрительно, какъ бы не подслушалъ насъ кто изъ непосвященныхъ.—Вѣдь есть люди, полагающіе, что существуетъ только то, что можно ощутительно взять руками, а дѣлъ бытности и всего невидимаго въ число сущностей не принимаютъ [1].

156. *Теэт*. Ты говоришь, Сократъ, о людяхъ грубыхъ и упрямыхъ.

Сокр. Одни изъ нихъ—даже большіе невѣжды, дитя мое; но другіе очень образованны, и относительно ихъ-то я хочу открыть тебѣ тайну. Начало, отъ котораго все зависитъ, какъ мы и сейчасъ говорили, у нихъ таково: все есть движеніе, и кромѣ движенія нѣтъ ничего; движеніе же бываетъ двухъ родовъ, и по количеству каждое безпредѣльно, а по силѣ—одно дѣятельное, другое страдательное. Изъ взаимоотношенія и тренія ихъ происходятъ порожденія, по
В. количеству тоже безпредѣльныя, но двойственныя,—чувственное и чувство, всегда совпадающее и раждающееся вмѣстѣ съ чувственнымъ. Чувство вотъ какія получило у насъ названія: зрѣніе, слухъ, обоняніе, холодъ и тепло, удовольствіе и скорбь, желаніе и страхъ, и проч.; неопредѣленное множество чувствованій не носитъ никакихъ названій, а весьма многія наименованы. Каждому изъ этихъ чувствъ,

---

[1] Платонъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь атомистовъ, которые не допускали ничего, кромѣ пустоты и атомовъ, и потому все поставляли въ отношеніе только къ тѣлеснымъ чувствамъ. Согласно съ такимъ представленіемъ, они, по словамъ Платона, не вѣрятъ ничему, чего не могутъ ἀπρὶξ τοῖν χεροῖν λαβεῖν или συμπιζειν, какъ говорится также Sophist. p. 247 C.

по рожденію, современенъ и чувственный родъ: зрѣнію—
цвѣта̀, по различію его, различные, слуху, такимъ же об-
разомъ, звуки,—а другимъ чувствамъ представились срод-
ными другіе чувственные предметы. Что же такое значитъ C.
для насъ это разглагольствіе, Теэтетъ? Понимаешь?

Теэт. Не очень, Сократъ.

Сокр. Такъ соображай; не достигнемъ ли какъ нибудь цѣ-
ли. Оно хочетъ выразить то, что хотя все это, какъ гово-
римъ, движется, но въ движеніи всего есть скорость и мед-
ленность. И вотъ, восколько что медленно, востолько сво-
имъ движеніемъ на ближайшее и дѣйствуетъ, да такъ и
раждаетъ, и раждаемое такимъ образомъ бываетъ медлен- D.
нѣйшее; напротивъ, восколько что быстро, востолько да-
лѣе простираетъ свое движеніе, и такъ раждаетъ, и ражда-
емое такимъ образомъ бываетъ быстрѣйшее, ибо бѣжитъ,
и въ этомъ бѣгѣ состоитъ природа движенія. И такъ, когда
око (ὄμμα—смотрецъ) и что нибудь другое ему соотвѣтству-
ющее сблизились и произвели съ одной стороны бѣлизну,
съ другой—сродное бѣлизнѣ ощущеніе, чего, до взаимнаго
сближенія ихъ, никогда прежде не было: тогда, въ проме-
жуткѣ между ними, зрѣніе пошло къ глазамъ, а бѣлизна—
къ тому, что̀ современно произвело цвѣтъ; такимъ образомъ E.
глазъ наполнился зрѣніемъ, сталъ видѣть, и сдѣлался не
зрѣніемъ какимъ-то, а глазомъ зрящимъ; произведшее же
вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтъ наполнилось бѣлизною, и вышла
опять не бѣлизна, а бѣлое,—дерево ли то случилось, или ка-
мень, или какая бы ни была вещь, окрашенная такимъ
цвѣтомъ. Такъ надобно понимать и прочее,—жесткое, теп-
лое и все другое. А самого по себѣ, какъ и прежде гово- 157.
рили, нѣтъ ничего: все происходитъ изъ взаимоотношенія,
и все разнообразіе вещей—отъ движенія; потому что объ
одномъ, говорятъ, нельзя мыслить такъ, что оно неизмѣнно
есть и дѣйствующее что нибудь, и опять страдающее что
нибудь. Вѣдь ничто не есть дѣйствующее, прежде чѣмъ
сошлось съ страдающимъ, и ничто не есть страдающее,

прежде чѣмъ встрѣтилось съ дѣйствующимъ: сошедшееся съ чѣмъ нибудь дѣйствующее, встрѣтивши другое, является страдающимъ; такъ что по всему этому, какъ мы вначалѣ говорили, нѣтъ ничего одного самого по себѣ, но все
B. всегда находится въ отношеніи къ чему нибудь;—бытіе надобно изгнать отвсюду, хотя, по привычкѣ и незнанію, мы многократно и теперь принуждены были употреблять это слово. По ученію мудрецовъ, не должно быть допускаемо ни нѣчто, ни что нибудь, ни мое, ни это, ни то, ни иное какое имя, показывающее остановку; напротивъ, природа велитъ произносить: бывающее и дѣлающееся, погибающее и измѣняющееся; ибо кто словомъ остановилъ бы что нибудь, тотъ, дѣлая это, былъ бы легко обличенъ. Такъ говорить должно и относительно частей, и относительно многаго вмѣстѣ собраннаго, какъ, напримѣръ, собирательному
C. даютъ имя человѣка, камня, извѣстнаго животнаго и вида. Скажи же, Теэтетъ, нравится ли тебѣ это, и желалъ ли бы ты наслаждаться такимъ ученіемъ, какъ нравящимся?

Теэт. Не знаю, Сократъ; потому что не могу понять, одобряешь ли ты то, чтò говоришь, или только испытываешь меня.

Сокр. Ты не помнишь, другъ мой, что я и не знаю, и не усвояю себѣ ничего такого, потому что неплоденъ, а только бабничаю относительно тебя и потому напѣваю тебѣ и
D. предлагаю отвѣдать каждое ученіе мудрецовъ, пока не выведу на свѣтъ собственнаго твоего убѣжденія. Когда же будетъ выведено, тогда уже посмотрю, пустымъ ли окажется оно, или здоровымъ. Будь же смѣлъ, твердъ и отвѣчай мужественно, чтò покажется тебѣ относительно того, о чемъ я буду спрашивать.

Теэт. Спрашивай.

Сокр. Говори же опять: нравится ли тебѣ, чтобы и доброе, и прекрасное, и все, о чемъ мы сейчасъ разсуждали, не существовало, а происходило?

Теэт. Когда слушаю, какъ излагаешь это ты,—нравит-

ся: твое изложеніе представляется удивительно основательнымъ и должно быть принято.

Сокр. Такъ не опустимъ же того, что остается еще раз- E.
смотрѣть. А остаются сновидѣнія[1], болѣзни,—какъ прочія, такъ и сумасшествіе,—и все, что называется недостаткомъ слуха, зрѣнія и иныхъ чувствъ. Вѣдь ты, вѣроятно, знаешь, что всѣмъ этимъ обыкновенно обличаются сейчасъ разсмот-
рѣнныя нами основанія; потому что въ такихъ случаяхъ 158.
чувства у насъ бываютъ всего болѣе ложны, и являющееся тогда каждому изъ нихъ далеко не то, что̀ дѣйствительно есть, а совершенно напротивъ,—что представляется имъ, того вовсе нѣтъ.

Теэт. Ты говоришь, Сократъ, очень справедливо.

Сокр. Какое же основаніе остается тому, дитя мое, кто знаніе поставляетъ въ чувствѣ и утверждаетъ, что являющееся каждому чувству то̀ и есть, чѣмъ является?

Теэт. Я затрудняюсь сознаться, Сократъ, что не въ состояніи ничего сказать, такъ какъ ты теперь только укорилъ меня за такой отвѣтъ; хотя по правдѣ-то не могу сомнѣ-
ваться въ томъ, что сумасшедшіе и сновидцы имѣютъ лож- B.
ныя представленія, когда одни изъ нихъ считаютъ себя богами, другіе—пернатыми и во снѣ летающими.

Сокр. А не имѣешь ли ты въ виду и вотъ какого спора ихъ, особенно когда говорятъ они о снѣ и бодрствованіи?

Теэт. Какого?

---

[1] Платонъ объясняетъ здѣсь ученіе Протагора, вѣроятно, такъ, что пользуется доказательствами, не слишкомъ далекими отъ доказательствъ, приводимыхъ самимъ Протагоромъ. Но вотъ теперь могутъ, въ опроверженіе его теоріи, указать на сновидѣнія, болѣзни, сумасшествіе, въ которыхъ чувства, очевидно, обманываютъ насъ. Это возраженіе разрушается Платономъ такъ. Каковъ я, говоритъ онъ, который чувствую, таковы и мои ощущенія. Если въ болѣзни или сумасшествіи вино кажется мнѣ горькимъ, то оно въ эту минуту таково и есть, какимъ представляется; ибо быть и казаться—одно и то же. Вѣдь ничѣмъ нельзя доказать, что представленія спящихъ или сумасшедшихъ ложны; да и нѣтъ очевидныхъ признаковъ, которыми можно бы отличить состояніе бодрствующаго отъ состоянія спящаго. Здѣсь нѣтъ основанія въ пользу истины. Основаніе же сужденія о ней по меньшей продолжительности болѣзней—недостаточно.

Сокр. Тебѣ, думаю, случалось уже много разъ слыхать вопросъ: какимъ доказательствомъ можно подтвердить слова того, кто изслѣдовалъ бы, что̀ теперь, въ настоящую минуту, спимъ ли мы, и обо всемъ, о чемъ разсуждаемъ, разсуждаемъ ли во снѣ, или бодрствуемъ, и то, что между собою говоримъ,
C. совершается на яву?

Теэт. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ затруднишься, Сократъ, какимъ тутъ воспользоваться доказательствомъ; потому что все въ этомъ случаѣ хоть и обратно противоположно, а идетъ къ той же цѣли. О чемъ, напримѣръ, разговаривали мы теперь, о томъ самомъ, ничто не мѣшаетъ подумать намъ, будто разговариваемъ другъ съ другомъ во снѣ; и если когда мы пересказываемъ какой нибудь сонъ, то бываетъ удивительное сходство этого съ тѣмъ.

Сокр. Такъ видишь, споры-то заводить не трудно, когда
D. спорятъ и о томъ, во снѣ ли что̀ бываетъ или на яву,— тѣмъ болѣе, что равно и время, въ продолженіе котораго мы спимъ и въ продолженіе котораго бодрствуемъ, и что, какъ въ то, такъ и въ это, душа наша усиливается мнѣнія настоящей минуты выставить всего болѣе истинными; такъ что равное время мы считаемъ дѣйствительнымъ то и это, и съ равною силою утверждаемъ одно и другое.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Не то же ли надобно сказать о болѣзняхъ и неистовствѣ, кромѣ только времени, такъ какъ оно не равно?

Теэт. Правильно.

Сокр. Что же? долговременностію или кратковременностію опредѣлится истинное?

E. *Теэт.* Это было бы во всякомъ случаѣ смѣшно.

Сокр. Чѣмъ же инымъ можешь ты ясно доказать, которыя изъ этихъ мнѣній истинны?

Теэт. Не представляю.

Сокр. Слушай же меня, что стали бы говорить объ этомъ люди, полагающіе, что что̀ всегда кому кажется, то̀ для того, кому кажется, истинно. Говорить начинають они,

какъ я думаю, предложеніемъ вотъ какого вопроса: Теэтетъ! по всему другое неужели будетъ имѣть силу ту же самую съ другимъ?—И не должно думать, что предметъ, о которомъ спрашивается, отчасти тотъ же, отчасти другой, но всецѣло другой.

Теэт. Тамъ, конечно, нельзя быть чему нибудь тѣмъ же, ни въ силѣ, ни въ иномъ чемъ либо, гдѣ совершенно другое. 159.

Сокр. Такъ не необходимо ли согласиться, что это будетъ и не подобно?

Теэт. Мнѣ кажется.

Сокр. Слѣдовательно, если случится чему быть подобнымъ либо не подобнымъ, себѣ ли то, или иному,—уподобляющееся мы назовемъ тѣмъ же, а не уподобляющееся—другимъ?

Теэт. Необходимо.

Сокр. А не сказали ли мы прежде [1], что есть много, и неисчислимо много, такого, что дѣйствуетъ, равно какъ и такого, что страдаетъ?

Теэт. Да.

Сокр. И если при этомъ иное смѣшается съ инымъ и инымъ, то родитъ не то же, а другое?

Теэт. Конечно. B.

Сокр. Давай же говорить о мнѣ, о тебѣ и о всякомъ,—хотя бы, напримѣръ, о Сократѣ здоровомъ и о Сократѣ больномъ. Этотъ подобенъ ли, скажемъ, или не подобенъ тому?

Теэт. То ли ты говоришь, что цѣлаго больнаго Сократа сравниваешь съ тѣмъ цѣлымъ здоровымъ Сократомъ?

Сокр. Прекрасно понялъ. Я говорю это самое.

Теэт. Такъ не подобенъ.

Сокр. Слѣдовательно, какъ не подобенъ онъ, то и другой?

---

[1] Доказательство идетъ такъ: Что совершенно отлично отъ другаго, то ни съ которой стороны не можетъ быть тѣмъ же, чѣмъ другое. Но дѣятельныя начала безчисленны, равно какъ и страдательныя; слѣдовательно, примѣшивающееся къ тому или этому произведетъ не то же, а различное. Напримѣръ, нѣчто дѣятельное, встрѣчаясь съ Сократомъ въ здоровомъ его состояніи, породитъ что либо иное, чѣмъ если бы встрѣтилось оно съ Сократомъ больнымъ.

Теэт. Необходимо.

C. *Сокр*. Скажешь то же и о спящемъ, видно, и о всемъ, о чемъ мы сейчасъ разсуждали?

Теэт. Скажу.

Сокр. Такъ всякая вещь, имѣющая способность что нибудь дѣлать, какъ скоро захватитъ Сократа здоровымъ, подѣйствуетъ на меня, какъ на другаго, а когда больнымъ, какъ на другаго?

Теэт. Почему же не быть этому?

Сокр. И съ обѣихъ сторонъ произведемъ мы другое,—я страдающій и та дѣйствующая?

Теэт. Какъ же.

Сокр. Когда я пью вино въ состояніи здоровья, не представляется ли оно мнѣ пріятнымъ и сладкимъ?

Теэт. Да.

Сокр. Потому что, согласно съ прежними соглашеніями, D. дѣйствующее и страдающее производятъ сладость и чувство, и оба эти произведенія приходятъ въ совмѣстное движеніе: чувство, исходя отъ страдающаго, дѣлаетъ чувствующимъ языкъ; а сладость, принадлежа вину и движась вокругъ него, дѣлаетъ то, что вино бываетъ и представляется здоровому языку сладкимъ.

Теэт. Прежнія наши соглашенія были, конечно, таковы.

Сокр. А когда Сократъ боленъ, не правда ли, что вино съ перваго же раза застаетъ его по истинѣ не тѣмъ? Вѣдь подходитъ-то оно къ не подобному.

Теэт. Да.

Сокр. Тогда и Сократъ въ такомъ состояніи, и питье вина, E. конечно, произведутъ другое: относительно къ языку—чувство горечи, а относительно къ вину—происходящую и движущуюся горечь; и вино будетъ не горечью, а горько, я же—не чувствомъ, а чувствующимъ.

Теэт. Совершенно такъ.

Сокр. И я, чувствуя такъ, никогда не сдѣлаюсь инымъ; потому что у иного—иное чувство, а иное чувство дѣлаетъ

измѣненнымъ и инымъ того, кто чувствуетъ. Да и дѣйствующее на меня, сошедшись съ инымъ чѣмъ либо и производя то же, не останется такимъ же; потому что, отъ иного раждая иное, оно сдѣлается измѣненнымъ. 160.

Теэт. Такъ.

Сокр. Ни я самъ для себя, ни то само для себя не будетъ такимъ.

Теэт. Конечно, не будетъ.

Сокр. Вѣдь когда я чувствую, чувствовать-то мнѣ необходимо что нибудь; потому что быть чувствующимъ и ничего не чувствовать невозможно. Да и то бываетъ въ отношеніи къ чему нибудь, чтò бываетъ или сладкимъ, или B.
горькимъ, или чѣмъ либо такимъ; потому что сладкому ни для чего не быть сладкимъ нельзя.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ остается намъ, думаю, если существуемъ, существовать, если бываемъ, бывать одно для другаго; потому что необходимость хотя и связываетъ нашу сущность, однакожъ связываетъ ее не съ чѣмъ инымъ, и не съ нами самими. Слѣдовательно, намъ остается быть связанными только взаимно; такъ что если называютъ что либо существующимъ, или бывающимъ, то надобно говорить, что это существуетъ или бываетъ въ отношеніи къ чему нибудь, отъ чего нибудь, для чего нибудь; а что есть нѣчто существующее или бывающее само по себѣ,—того, какъ показываетъ изложенное нами разсужденіе, не слѣдуетъ ни самому говорить, ни отъ другаго принимать. C.

Теэт. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Такъ не правда ли, что дѣйствующее на меня находится въ отношеніи ко мнѣ, а не къ иному чему либо, и что я чувствую его дѣйствіе, а не иной кто нибудь?

Теэт. Какъ же иначе?

Сокр. Слѣдовательно, мое чувство вѣрно для меня; потому что оно всегда принадлежитъ моей сущности. И я, по Прота-

гору, судья какъ сущаго во мнѣ, поколику оно существуетъ, такъ и не сущаго, поколику оно не существуетъ.

Теэт. Походитъ.

D. *Сокр*. И такъ, если я не ошибаюсь и не сбиваюсь съ пути мыслію относительно сущаго или бывающаго, то какъ мнѣ не знать того, чтò я чувствую?

Теэт. Никакъ нельзя не знать.

Сокр. Стало быть, ты прекрасно сказалъ, что знаніе есть не иное что, какъ чувство: къ этому приходитъ оно и по Омиру [1], Гераклиту и ихъ послѣдователямъ,—что все течетъ на подобіе рѣки; къ этому—и по мудрѣйшему Протагору,—что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; къ этому—и по Теэтету,
E. что если такъ, то познаніе есть чувство. Не правда ли, Теэтетъ? Скажемъ ли, что это-то—какъ бы вновь тобою рожденное и мною воспринятое дитя? Или какъ будешь говорить?

Теэт. Необходимо такъ, Сократъ.

Сокр. Каковъ бы ни былъ этотъ плодъ, мы однакожъ, какъ видно, кое-какъ родили его. Но послѣ родовъ надобно намъ своимъ словомъ по надлежащему обѣжать вокругъ оба соединенныя съ ними поприща [2], и смотрѣть, чтобы рожденное не скрыло отъ насъ чего нибудь недостойнаго пита-
161. нія, чего нибудь пустаго и ложнаго. Или ты думаешь, что твое непремѣнно надобно воспитывать, а не выкидывать? Будешь ли ты смотрѣть терпѣливо, какъ станутъ испытывать его, и не разсердишься ли сильно, если отнимутъ у тебя этого какъ бы твоего первенца?

Θеод. Теэтетъ будетъ терпѣливъ, Сократъ; потому что

---

[1] См. p. 152 D—E.

[2] Пятый день по рожденіи младенца у грековъ считался торжественнымъ. Тогда женщины, исполнявшія должность повивальныхъ бабокъ при родильницѣ, очистивъ руки торжественнымъ обрядомъ, носили младенца около очага. Въ десятый же день новорожденнымъ давали имена. См. Suidas in v. Ἀμφιδρόμια. Athenaeus, Deipn. IX, 2, p. 370 sq. Поэтому Сократъ, принявъ на себя должность повивальной бабки, весьма кстати теперь говоритъ, что ему слѣдуетъ совершить ἀμφιδρόμια τῷ λόγῳ.

вовсе не упоренъ. Но говори, ради боговъ. Неужели опять не такъ?

Сокр. Ты подлинно охотникъ до разсужденій, и очень добръ, Θеодоръ, если думаешь, будто я какой мѣшокъ рѣчей, и будто мнѣ легко вынуть изъ него одну и сказать, что раскрытое мнѣніе не годится. Ты не обращаешь вниманія B.
на происходящее и не замѣчаешь, что всякое разсужденіе выходитъ не отъ меня, а отъ моего собесѣдника; я же ничего больше не знаю, кромѣ малости,—принимать всякое слово отъ другаго мудреца и скромно разсматривать его. Вотъ и теперь я буду допытываться этого отъ него, ничего не говоря самъ.

Θеод. Ты прекрасно говоришь, Сократъ; такъ и дѣлай.

Сокр. Знаешь ли, Θеодоръ, чему удивляюсь я въ другѣ твоемъ Протагорѣ?

Θеод. Чему? C.

Сокр. Прочее, что онъ сказалъ, мнѣ очень нравится,—чтò, напримѣръ, всякому кажется, тò и есть; но началу его слова я удивился: почему, начиная свою Истину [1], не сказалъ онъ, что мѣра всѣхъ вещей есть свинья, кинокефалъ, или иное, еще болѣе странное изъ чувствующихъ животныхъ. Такое начало говорило бы намъ великолѣпно и весьма презрительно, показывая, что, тогда какъ мы удивляемся этому человѣку за его мудрость, будто Богу, онъ по своему разумѣнію не лучше не только прочихъ людей, но и лягушечьяго D.
помета. Или какъ скажемъ, Θеодоръ?—Вѣдь если для каждаго истинно будетъ то, что представляется его чувству, и одинъ не въ силахъ лучше обсудить состояніе другаго и основательнѣе изслѣдовать его мнѣніе, правильно оно или ложно,

---

[1] Слово «Истину» мы означили прописною буквою, ибо не сомнѣваемся, что здѣсь указывается на сочинсніе Протагора, озаглавленное словомъ Ἀλήθεια. Это подтверждаетъ и Схоліастъ: τὸ τοῦ Πρωταγόρου σύγγραμμα, ἐν ᾧ ταῦτα δοξάζει, Ἀλήθεια ἐκαλεῖτο ὑπὸ Πρωταγόρου. Это же доказывается и мѣстомъ въ Кратилѣ (р. 386 C sqq.), и слѣдующими ниже (р. 162 A) словами въ Теэтетѣ: εἰ ἀληθής ἡ ἀλήθεια Πρωταγόρου, ἀλλὰ μὴ παίζουσα ἐκ τοῦ ἀδύτου τῆς βίβλου ἐφθέγξατο.

но, какъ уже много разъ сказано, всякій о своемъ будетъ думать только самъ, и всѣ эти думы правильны и истинны;
E. то почему, другъ мой, Протагоръ-то былъ бы мудръ, такъ что справедливо удостоился за большую цѣну учить другихъ, а мы были бы невѣжественнѣе его и должны ходить къ нему,—когда всякій самъ есть мѣра своей мудрости? Какъ не скажешь, что это говоритъ онъ въ угодность народу? О себѣ и о моемъ повивальномъ искусствѣ я молчу: сколько смѣху возбуждаемъ мы, да и вся, думаю, метода діалектическая! Вѣдь изслѣдывать и рѣшаться обличать представленія и мнѣнія другъ друга, когда у всякаго они правиль-
162. ны, не значитъ ли вдаваться въ длинную и нескончаемую болтовню,—если Истина Протагора—истина, если изъ глубины своей книги провѣщавалъ онъ намъ не шутя?

Өеод. Сократъ! Протагоръ дѣйствительно мнѣ другъ, какъ ты сейчасъ сказалъ. Поэтому я не рѣшился бы, соглашаясь съ тобою, обличать его, да не хотѣлъ бы противорѣчить и тебѣ противъ моего убѣжденія. Такъ возьми опять Теэтета, который, казалось, и теперь слушалъ тебя очень внимательно.

B. *Сокр*. Неужели, Өеодоръ, пришедши хоть бы въ лакедемонскія [1] палестры, ты сталъ бы смотрѣть на другихъ—обнаженныхъ, и нѣкоторыхъ—худыхъ, а самъ не раздѣлся бы и не показалъ за то своего вида?

Өеод. Но почему тебѣ кажется, что я не убѣдилъ бы ихъ, если бы они стали предлагать мнѣ это? Такъ-то думаю я убѣдить теперь и васъ, чтобы вы позволили мнѣ быть только зрителемъ, а не волокли меня высохшаго въ гимназію—бороться съ человѣкомъ, который и моложе и сочнѣе, чѣмъ я.

Сокр. А если тебѣ, Өеодоръ, это любо, то и мнѣ не про-

---

[1] «Лакедемоняне первые обнажались и, вышедши на средину, для гимназическихъ упражненій жирно намазывались» (Thucyd. 1, 6). Этого предмета Платонъ касается также De Rep. V, p. 452 C.

тивно [1], какъ говорятъ люди, выражающіеся пословицами. C.
И такъ надобно снова обратиться къ мудрому Теэтету [2]. Скажи же, Теэтетъ: во первыхъ, какъ это мы сейчасъ разсматривали, не удивляешься ли ты вмѣстѣ со мною, что вдругъ явишься въ мудрости нисколько не хуже не только какихъ бы то ни было людей, но и боговъ? Или Протагорова мѣра меньше, думаешь, принадлежитъ богамъ, чѣмъ людямъ?

Теэт. Этого, клянусь Зевсомъ, я не думаю, и очень удивляюсь тому, о чемъ ты спрашиваешь. Когда мы разсматривали, какъ это говорятъ, что кому что̀ кажется, то̀
и есть для того, кому кажется, тогда это положеніе мнѣ D.
представлялось хорошимъ, а теперь вышло вдругъ противное.

Сокр. Потому что ты молодъ, любезное дитя, и оттого живо выслушиваешь ораторство [3] и убѣждаешься. Но къ этому Протагоръ, или иной кто за него, скажетъ: Благородные дѣти и старцы! вы, сидя вмѣстѣ, разглагольствуете между собою и выводите на сцену боговъ, которыхъ, есть ли они, или ихъ нѣтъ, я изъемлю [4] изъ своихъ рѣчей и
сочиненій. Слыша, что̀ принимаетъ толпа, вы сами говорите E.
то же: какъ страшно, если въ мудрости никто изъ людей

---

[1] Εἰ οὕτως σοὶ φίλον, οὐδ' ἐμοὶ ἐχθρόν,—пословица, встрѣчающаяся также у Аристенета,—Epist. XXI, p. 98.

[2] Причина, по которой Сократъ называетъ Теэтета мудрымъ, видна изъ слѣдующихъ далѣе словъ. Кто относитъ знаніе къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, тотъ естественно не уступитъ никому имени мудреца; потому что, владѣя собственными чувствами, онъ поэтому такой же мудрецъ, какъ и всѣ, и никому не даетъ отчета въ своей мудрости.

[3] Сократова рѣчь называется здѣсь δημηγορία, потому что произносящимъ ее представляется Протагоръ, чтобы показать себя и снискать благоволеніе народа. Такъ обыкновенно поступали народные ораторы.

[4] Протагоръ о бытіи и природѣ боговъ писалъ въ выраженіяхъ, сильно обличавшихъ его сомнѣніе въ этомъ отношеніи. Protagoras, говоритъ Цицеронъ, (De nat. deor. I, 12 и 23), sophistes temporibus illis vel maximus, cum in principio libri sui sic posuisset: De divis, neque ut sint, neque ut non sint, habeo dicere: Atheniensium jussu urbe atque agro est exterminatus, libri que ejus in concione combusti. По гречески передаетъ это Sext. Emp. Adv. mathem. p. 329. Diog. Laërt. IX, 51: Περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι εἴθ ὡς εἰσὶν εἴθ' ὡς οὐκ εἰσίν. πολλὰ γὰρ τὰ κωλύοντα εἰδέναι, ἥτε ἀδηλότης καὶ βραχὺς ὢν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου·

ничѣмъ не будетъ отличаться отъ какого бы то ни было скота! Но доказательства и необходимаго основанія не высказываете, а руководитесь правдоподобіемъ,—съ которымъ Ѳеодоръ, или кто другой изъ геометровъ, если бы захотѣлъ прибѣгать къ нему въ геометріи, не имѣлъ бы никакого значенія. Смотрите же, ты и Ѳеодоръ, относительно столь
163. важныхъ рѣчей будете ли вы держаться вѣроятія и правдоподобія.

Теэт. Но не справедливо, Сократъ; ни ты, ни мы не сказали бы этого.

Сокр. Такъ надобно, какъ видно, разсмотрѣть иначе, уступая твоему и Ѳеодорову слову.

Теэт. Конечно, иначе.

Сокр. Будемъ же разсматривать такъ: знаніе и чувство—одно ли и то же, или отличное? Вѣдь къ этому, кажется, направлялось все наше разсужденіе, и для этого тронули мы много такихъ странностей. Не такъ ли?

Теэт. Безъ сомнѣнія.

B. *Сокр*. Согласимся ли мы, что все, постигаемое чувствомъ зрѣнія и слуха, есть вмѣстѣ и знаніе? Напримѣръ, прежде чѣмъ изученъ нами языкъ варваровъ, скажемъ ли, что не слышимъ, когда они говорятъ, или будемъ утверждать, что какъ скоро слышимъ, то и понимаемъ ихъ говоръ? Тоже опять, не зная буквъ и смотря на нихъ, будемъ ли настаивать, что не видимъ ихъ, или, когда видимъ, станемъ говорить, что знаемъ?

Теэт. То-то самое въ нихъ, Сократъ, что̀ видимъ и слышимъ, мы назовемъ знаніемъ: образъ, то есть, и цвѣтъ ихъ
C. видимъ и знаемъ; высокій и низкій тонъ ихъ слышимъ и вмѣстѣ знаемъ. Но чему относительно ихъ учатъ грамматисты и толкователи, того мы не чувствуемъ ни зрѣніемъ, ни слухомъ, и не знаемъ.

Сокр. Очень хорошо, Теэтетъ, и спорить съ тобою въ этомъ отношеніи, чтобы ты усовершился, не слѣдуетъ.

Но смотри, вотъ подходитъ еще нѣчто, и наблюдай, какъ бы намъ отогнать это.

Теэт. Что такое?

Сокр. Слѣдующее. Если бы спросили: возможно ли, что бы кто, узнавъ нѣкогда что нибудь, и притомъ помня это D.
самое и сохраняя, тогда какъ помнитъ, не зналъ того самаго, что помнитъ? Но я, кажется, многословлю. Вотъ мой вопросъ: правда ли, что узнавшій что нибудь не знаетъ того, когда помнитъ?

Теэт. Да какъ же это, Сократъ? Ты говоришь что-то чудовищное.

Сокр. Такъ не брежу ли я? Смотри-ка. Не говоришь ли ты, что видѣть есть чувствовать, и зрѣніе есть чувство?

Теэт. Говорю.

Сокр. По сказанному сейчасъ, видящій что нибудь не сдѣлался ли знатокомъ того, что видѣлъ?

Теэт. Да.

Сокр. Что же теперь? не называешь ли ты чего нибудь E.
памятью?

Теэт. Да.

Сокр. Памятью ничего, или чего нибудь?

Теэт. Конечно, чего нибудь.

Сокр. Не такого ли чего нибудь, что узнано и почувствовано?

Теэт. Какъ же.

Сокр. Такъ видѣвшій что нибудь иногда помнитъ это?

Теэт. Помнитъ.

Сокр. Хотя бы и зажмурился? Или, поступивъ такъ, забываетъ?

Теэт. Это-то, Сократъ, странно и сказать.

Сокр. Однако должно же, чтобы сберечь прежнее слово; 16
а иначе убѣжитъ.

Теэт. Да и я, клянусь Зевсомъ, подозрѣваю то же, только не довольно понимаю. Скажи же, какъ?

Сокр. Вотъ какъ: видящій, говоримъ, сдѣлался знатокомъ

того, что видитъ; ибо мы согласились, что зрѣніе, чувство и знаніе—одно и то же.

Теэт. Конечно.

Сокр. Но видящій-то и сдѣлавшійся знатокомъ того, что видѣлъ, если зажмурится, помнитъ это, конечно, однакожъ не видитъ. Не такъ ли?

Теэт. Да.

B. *Сокр*. А не видѣть-то значитъ не знать: если кто видитъ, тотъ и знаетъ.

Теэт. Правда.

Сокр. Слѣдовательно, выходитъ, что чего кто сдѣлался знатокомъ, того тотъ, если не видитъ, не знаетъ, и тогда, когда помнитъ. А это, скажемъ, было бы чудомъ, если бы случилось.

Теэт. Ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. Такъ выходитъ, явно, что-то невозможное, если и знаніе и чувство ты назовешь однимъ и тѣмъ же.

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. Стало быть, то и другое надобно назвать инымъ.

Теэт. Должно быть.

C. *Сокр*. Чѣмъ же бы еще могло быть знаніе? Надобно, какъ видно, говорить опять сначала. А между тѣмъ что̀ тутъ будемъ дѣлать [1], Теэтетъ?

Теэт. Относительно чего?

Сокр. Мы оказываемся похожими на трусливаго пѣтуха; отскочили и поемъ прежде побѣды.

Теэт. Какъ это?

---

[1] Когда, по видимому, было уже опровергнуто мнѣніе тѣхъ, которыми αἴσθησις и ἐπιστήμη принимаемы были за одно,—Сократъ вдругъ велитъ поостеречься, чтобы не позволить себѣ торжествовать прежде побѣды; вѣдь доказательства противъ этого ученія, можетъ быть, можно опровергнуть, или по крайней мѣрѣ ослабить. Въ самомъ дѣлѣ, переставъ опровергать Протагорово мнѣніе, Сократъ опять переходитъ на сторону своихъ противниковъ и показываетъ, какимъ образомъ дѣло ихъ можетъ быть поддержано. О обычаѣ грековъ, особенно же аѳинянъ, воспитывать пѣтуховъ и пускать ихъ въ бой извѣстно всякому (см. Plat. Hypp. Maj. p. 295 D; Lysid. p. 211 E; Legg. VII, p. 789 B; Aristoph. Acharn. v. 166. Avv. v. 70 etc.).

Сокр. Мы походимъ на тѣхъ спорщиковъ [1], которые соглашаются между собою относительно принятаго ими значенія именъ и такимъ образомъ въ разсужденіи любятъ брать верхъ. Называя себя не борцами, а философами, мы и не сознаемъ, что дѣлаемъ одно и то же съ тѣми сильными D.
мужами.

Теэт. Я еще не понимаю, какъ ты говоришь.

Сокр. А вотъ постараюсь объясниться относительно того, чтò думаю-то. Вѣдь мы спрашивали, дѣйствительно ли тотъ, кто узналъ и помнитъ что либо, не знаетъ, и доказавъ, что видѣвшій и зажмурившійся помнитъ, хотя не видитъ, заключили, что не видѣвшій есть вмѣстѣ и помнящій: а это невозможно. Такимъ образомъ положеніе Протагорово и твое, что знаніе и чувство—одно и то же, потеряно.

Теэт. Явно. E.

Сокр. Но не было бы, думаю, потеряно, другъ мой, если бы отецъ этого положенія былъ живъ: онъ сильно защитилъ бы его; а теперь надъ сиротою-то мы издѣваемся. Да вотъ и оставленные Протагоромъ попечители, изъ которыхъ одинъ —этотъ Θеодоръ, не хотятъ помочь ему. Такъ должно быть, ради справедливости, мы сами окажемъ ему помощь.

Θеод. Попечитель его не я, Сократъ, а болѣе Калліасъ [2], 165.
сынъ Иппоника. Мы же отъ простыхъ рѣчей скоро какъ-то уклонились къ геометріи. Впрочемъ все-таки будемъ тебѣ благодарны, если поможешь ему.

---

[1] Мы походимъ, говоритъ Сократъ, на тѣхъ рьяныхъ и изворотливыхъ спорщиковъ, которые, условившись между собою въ значеніи именъ, двузнаменательностію ихъ опровергаютъ мнѣніе противника. Кто таковы ἀντιλογικοί, объяснено въ Федонѣ (p. 101 E). Еще же яснѣе поставляются здѣсь на видъ Эвтидемъ и Діонисіодоръ, которые пускались въ разныя словесныя хитрости, хватаясь то за то, то за другое значеніе слова. И такъ, Сократъ показываетъ, что протагорейцы могутъ помочь своему мнѣнію тогда, когда съ извѣстными словами будутъ соединять иное значеніе.

[2] О Калліасѣ, аѳинскомъ богачѣ, который изъ тщеславія давалъ въ своемъ домѣ пріютъ Протагору и другимъ софистамъ, см. Plat. Protagor. p. 311 A; Cratyl. p. 391 A.

Сокр. Прекрасно говоришь, Θеодоръ. Вникай же въ мою-то помощь. Вѣдь кто не будетъ обращать вниманія на тѣ слова, которыми мы большею частію привыкли утверждать и отрицать, тотъ можетъ давать согласіе на положенія, еще ужаснѣе сейчасъ допущенныхъ.

B. *Θеод*. Обращайся къ намъ обоимъ, но отвѣчаетъ пусть младшій; потому что ошибаться ему менѣе неприлично.

Сокр. Такъ я предлагаю ужаснѣйшій вопросъ. Онъ, думаю, что-то такое: возможно ли, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ, зная нѣчто, не зналъ того, что̀ знаетъ?

Θеод. Что будемъ отвѣчать на это, Теэтетъ?

Теэт. Я-то думаю, что, вѣроятно, невозможно.

Сокр. Да, если видѣніе-то сочтешь знаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлаешь ты съ этимъ неизбѣжнымъ вопросомъ, держимый имъ, по пословицѣ, будто въ колодезѣ [1], когда какой смѣльчакъ, зажавъ рукою одинъ твой глазъ, спроситъ:

C. видишь ли ты зажатымъ глазомъ свое платье?

Теэт. Не скажу, думаю, этимъ-то; но другимъ—конечно.

Сокр. Такъ правда ли, что то же самое ты видишь и не видишь?

Теэт. Какъ-то такъ.

Сокр. Не этого требую я, скажетъ онъ, и не о томъ спрашиваю—*какъ*, а *то ли:*—правда ли, то есть, что что̀ ты знаешь, того и не знаешь? Теперь тебѣ представляется, что чего не видишь, то̀ видишь. Но ты уже согласился, что видѣть значитъ знать, а не видѣть—не знать. Заключай же изъ этого, что̀ у тебя выходитъ.

D. *Теэт*. Я заключаю, что изъ моего положенія вытекаютъ противныя слѣдствія.

Сокр. А вѣдь можетъ быть, почтеннѣйшій, что ты испытаешь и много такихъ затрудненій, если кто спроситъ

---

[1] Пословица: ἐν φρέατι συνέχεσθαι, держать связаннымъ въ колодезѣ, примѣняется къ тѣмъ, которые поставлены въ такое затрудненіе, что высвободиться изъ него никакъ не могутъ (см. р. 174 C).

тебя: можно ли знать одно и то же остро и тупо, вблизи знать, а издали не знать, знать твердо и слегка, и будетъ предлагать другіе безчисленные вопросы,—которыми этотъ пращникъ [1], вдающійся въ споры по найму, закидаетъ тебя изъ своей засады, какъ скоро ты положишь, что знаніе и чувство—то же самое: нападая на твой слухъ, на твое обоняніе и на прочія чувства, онъ будетъ опровергать тебя настойчиво и не отпуститъ, пока, связанный имъ, ты не удивишься многожеланной его мудрости и, попавшись къ E.
нему въ руки, запутавшись въ его сѣти, не откупишься деньгами, сколько нужно будетъ ихъ по твоему и его мнѣнію. Но ты, можетъ быть, скажешь: какимъ же словомъ Протагоръ поможетъ своимъ положеніямъ? Не попытаться ли показать это?

Теэт. Конечно.

Сокр. Все, что мы говоримъ съ цѣлію помочь ему, онъ,
думаю, соберетъ въ одно, и, выражая намъ презрѣніе, скажетъ: 166.
Этотъ добрякъ Сократъ,—когда какой-то ребенокъ, испуганный его вопросомъ: возможно ли, чтобы одинъ и тотъ же одно и то же помнилъ и не зналъ, отъ страха отвѣчалъ отрицательно, потому что не могъ предвидѣть слѣдствій,—въ своихъ разсужденіяхъ поднялъ на смѣхъ меня. А это, пустѣйшій Сократъ, бываетъ у тебя вотъ какъ: когда ты которое нибудь изъ моихъ положеній изслѣдываешь чрезъ вопросъ, и спрошенный, отвѣтивъ, какъ отвѣтилъ бы я, ошибается, тогда опроверженъ я; а какъ скоро иначе,—опроверженъ B.
самъ спрошенный. Между тѣмъ согласится ли, думаешь, кто нибудь съ тобою, что память о впечатлѣніяхъ удерживаетъ впечатлѣнія такими, каковы они были, когда воспринимались, у того, кѣмъ болѣе не воспринимаются?—Далеко не такъ. Или опять, усумнится ли кто нибудь допустить, что воз-

---

[1] Ловкій тотъ спорщикъ сравнивается съ легко вооруженнымъ наемнымъ воиномъ. Здѣсь, очевидно, разумѣется софистъ, который, пуская въ ходъ свое остроуміе, будто какой торгашъ, приианиваетъ къ своему ученію другихъ и обѣщаетъ имъ важную пользу.

можно одно и то же знать и не знать? Или, если побоится этого, уступитъ ли когда нибудь, что измѣнившійся будетъ тотъ самый, какимъ былъ до измѣненія? Скорѣе ли допустимъ, что есть который нибудь, а не которые нибудь, и эти не дѣ-
C. лаются безчисленными, какъ скоро происходитъ измѣненіе,— если ужъ ловли именъ-то должно избѣгать? Нѣтъ, почтеннѣйшій, скажетъ онъ, къ тому, чтȏ я говорю, приступай честно: докажи, если можешь, что у каждаго изъ насъ не особыя свои чувства; или, когда они и особыя, все-таки являющееся представляется не ему одному; или, если надобно называть что нибудь бытіемъ, все-таки являющееся есть бытіе не для него одного. А что ты говоришь о свиньѣ и кинокефалѣ, то не только самъ свинствуешь, но и слу-
D. шателей своихъ располагаешь дѣлать то же относительно моихъ сочиненій,—и такой поступокъ твой не хорошъ. Конечно, я утверждаю, что истина такова, какъ она описана мною: что, то есть, каждый изъ насъ есть мѣра существующаго и не существующаго, и одинъ отъ другаго этимъ самымъ дѣйствительно до безконечности различенъ, такъ какъ для одного есть и является то, для другаго—иное; но я далекъ отъ того, чтобы не признавать ни мудрости, ни человѣка мудраго; напротивъ, того самаго и я называю мудрецомъ, кто, если кому изъ насъ представляется и есть зло, помогаетъ это представляющееся и существующее превратить въ добро. Притомъ не привязывайся въ моемъ ученіи къ
E. слову, но узнай еще яснѣе, чтȏ я говорю, вотъ съ какой стороны. Припомни, напримѣръ, чтȏ было сказано прежде: что, то есть, больному представляется горькою пища, которую онъ вкушаетъ, и что такова она и есть; а у здороваго бытіе и представленіе бываетъ противное. Мудрѣйшимъ изъ нихъ не слѣдуетъ почитать ни того ни другаго, да и невозможно,
167. ибо нельзя произнесть приговоръ, будто больной невѣжда, когда такъ думаетъ, или будто здоровый мудръ, когда думаетъ иначе; но надобно измѣнить одно состояніе, потому что другое лучше. Такъ и въ дѣлѣ воспитанія,—надобно пере-

водить дитя изъ извѣстнаго состоянія въ лучшее. Но врачъ измѣняетъ состоянія лѣкарствами, а софистъ—разсужденіями. Впрочемъ имѣющаго какія нибудь мнѣнія ложныя никто не заставитъ впослѣдствіи держаться мнѣній какихъ либо истинныхъ; потому что ни не существующаго, ни другаго чего, кромѣ того, чѣмъ кто впечатлѣнъ, нельзя ввести въ мнѣніе; а впечатлѣнное всегда истинно. Я думаю, что у B.
людей, имѣющихъ мнѣнія въ худомъ состояніи души, сродное ей мнѣніе доброе возбуждаетъ другія такія же,—и вотъ иные, по неопытности, называютъ ихъ истинными представленіями; а я признаю одни только лучшими другихъ, но никоторыхъ не считаю самыми истинными. И мудрецовъ, любезный Сократъ, я называю далеко не лягушками, но относительно къ тѣлу—врачами, а относительно къ растительности—земледѣльцами. Вѣдь C.
и земледѣльцы, когда растенія ихъ хвораютъ, по моему мнѣнію, вмѣсто худыхъ чувствъ, доставляютъ имъ хорошія, здоровыя и истинныя, а мудрые-то и добрые риторы тоже городамъ, вмѣсто худыхъ мнѣній, внушаютъ добрыя и справедливыя. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ каждому городу кажется справедливымъ и похвальнымъ, то̀ и есть для него справедливое и похвальное, пока онъ такъ думаетъ: а мудрецъ, вмѣсто худаго существующаго въ немъ мнѣнія и бытія, внушаетъ ему доброе. Подобно этому и софистъ, имѣющій силу такъ руководствовать воспитывающееся юношество, для воспитанныхъ D.
имъ есть мудрецъ, достойный многихъ денегъ. Такимъ образомъ одни становятся мудрѣе другихъ, но никто не имѣетъ понятія ложнаго, и ты, хочешь или не хочешь, а долженъ сдѣлаться мѣрою; потому что такъ только сохраняется это ученіе. Если тебѣ угодно оспаривать его съ самаго начала, оспаривай,—изложи свое мнѣніе въ непрерывной рѣчи; а когда хочешь посредствомъ вопросовъ,—посредствомъ вопросовъ; потому что человѣку умному не надобно избѣгать и этого способа, но должно болѣе всего преслѣдовать его. Дѣлай же пожалуй такъ; но не обижай своими вопросами. Потому что весьма несообразно—говорить, будто ревнуешь E.

о добродѣтели, а между тѣмъ ничего не домогаться въ разсужденіи, кромѣ обиды. Обида же состоитъ здѣсь въ томъ, когда бы кто велъ бесѣду скорѣе какъ противникъ, нежели какъ собесѣдникъ: въ первомъ случаѣ онъ шутилъ бы и вводилъ, сколько можетъ, въ обманъ, тогда какъ въ разговорѣ ему надлежало бы быть серьезнымъ и поправлять собесѣдника, указывая ему тѣ только погрѣшности, въ которыя онъ впалъ
168. самъ по себѣ и вслѣдствіе прежней бесѣды. И вотъ если ты будешь дѣлать такъ, то собесѣдники твои, за свою опрометчивость и сомнѣніе, станутъ винить самихъ себя, а не тебя, послѣдуютъ за тобою и, питая къ тебѣ любовь, а къ себѣ ненависть, уйдутъ отъ себя къ философіи, чтобы, сдѣлавшись иными, отстать отъ тѣхъ, съ которыми были прежде. А когда будешь дѣлать противное этому, какъ дѣлаютъ многіе,—съ тобою случится тоже противное: въ слушателяхъ своихъ ты, вмѣсто философовъ, воспитаешь людей, которые будутъ нена-
B. видѣть это занятіе, какъ скоро станутъ постарше. Такъ если хочешь послушать меня, изслѣдывай, какъ и прежде было говорено, именно съ снисходительностію,—не враждебно и задорно, а благожелательно,—что̀ мы говоримъ, когда заявляемъ, что все движется, и что всякому что̀ кажется,—частный ли то будетъ человѣкъ, или городъ,—то̀ и есть; изъ этого-то смотри, одно ли и то же—знаніе и чувство, или иное, а не изъ употребленія названій и именъ (какъ дѣлалъ ты сейчасъ), которыми многіе, привлекая ихъ къ че-
C. му придется, по требованію случая, поставляютъ другъ друга въ различныя затрудненія.—Эту-то, Ѳеодоръ, малую отъ малаго, по моимъ силамъ, приношу я помощь твоему другу; а если бы онъ самъ былъ живъ, то помогъ бы своимъ положеніямъ гораздо сильнѣе.

Ѳеод. Шутишь, Сократъ: напротивъ, ты очень мужественно помогъ этому человѣку.

Сокр. Ты хорошо говоришь, другъ мой. Скажи же мнѣ, замѣтилъ ли ты, ка̀къ сейчасъ говорилъ Протагоръ и по-
D. рицалъ насъ, что мы, разговаривая съ ребенкомъ, для опро-

верженія его положеній, пользуемся робостію ребенка, и, съ одной стороны, отзываясь объ этомъ какъ о насмѣшкѣ, а съ другой—величаясь мѣрою всѣхъ вещей, приказывалъ намъ разсуждать о его ученіи серьезно?

Өеод. Какъ не замѣтить, Сократъ.

Сокр. Что же? прикажешь послушаться его?

Өеод. И очень.

Сокр. А видишь ли, что здѣсь всѣ, кромѣ тебя,—ребята? Такъ если послушаемся того человѣка,—ученіе его должны серьезно разсматривать я и ты, спрашивая и отвѣчая другъ E.
другу, чтобы въ томъ-то нельзя было обвинять насъ, будто мы изслѣдывали его положенія, играя съ дѣтьми.

Өеод. Что же? развѣ Теэтетъ не лучше можетъ слѣдовать за разсматриваемымъ предметомъ, чѣмъ многіе съ большою бородою?

Сокр. По крайней мѣрѣ не лучше тебя-то, Өеодоръ. Такъ не думай, что, тогда какъ я долженъ всячески защищать умершаго твоего друга, ты не долженъ никакъ; нѣтъ, по- 169.
чтеннѣйшій, слѣдуй-ка немного за предметомъ, до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ, тебѣ ли надобно быть мѣрою относительно геометрическихъ чертежей, или всѣ, такъ же какъ ты, достаточны для себя и въ астрономіи, и во всемъ, въ чемъ состоитъ твое отличіе.

Өеод. Сидя подлѣ тебя, Сократъ, трудно не давать отчета. Я сейчасъ говорилъ вздоръ, полагая, что ты позволишь мнѣ не снимать одежды, и не станешь принуждать меня, какъ лакедемоняне; впрочемъ въ тебѣ, кажется, больше сходства съ Скиррономъ [1]. Лакедемоняне приказываютъ или B.
удалиться, или раздѣться; а ты, по видимому, дѣлаешь дѣло скорѣе Антеево [2]: подошедшаго къ тебѣ не отпускаешь,

---

[1] Ты походишь больше на Скиррона, который низвергалъ путешественниковъ со скалы, пока самъ не былъ убитъ Тезеемъ, отправлявшимся изъ Трезены въ Аөины (см. Plutarch. Thes. 3; Diodor. IV, 61; Ovid. Met. VII, 446.

[2] Антей нѣкогда жилъ въ ливійской пещерѣ и всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ въ ту страну, вызывая съ собою на бой, умерщвлялъ. Но наконецъ

пока не принудишь его раздѣться и сразиться съ тобою на словахъ.

Сокр. Ты, въ самомъ дѣлѣ, отлично изобразилъ мою болѣзнь, Θеодоръ; только я крѣпче тѣхъ, потому что со мною встрѣчалось уже множество Иракловъ и Тезеевъ [1], сильныхъ въ словѣ, и они очень больно били меня, а я все-
C. таки не отступаю,—такая страшная вселилась въ меня любовь къ этому занятію. Не отказывайся же и ты помѣряться со мною и принести пользу какъ себѣ, такъ и мнѣ.

Θеод. Больше не противорѣчу: веди куда хочешь; опровергнутому всячески надобно въ этомъ отношеніи терпѣть судьбу, какую ты назначишь. Впрочемъ, конечно, не далѣе же того, чѣмъ предположено тобою, буду я въ состояніи ввѣрить себя твоему водительству.

Сокр. Довольно и этого. Но будь у меня особенно внимателенъ къ тому, чтобы, разговаривая, не допустить намъ безъ сознанія какого нибудь дѣтскаго рода разговоровъ,
D. и чтобы не стали насъ опять порицать за это.

Θеод. Да ужъ постараюсь,—по крайней мѣрѣ сколько могу.

Сокр. Возьмемся же [2], во первыхъ, снова за прежнее, и посмотримъ, правильно или неправильно досадовали мы и укоряли то разсужденіе, что оно по разумности дѣлало самодовлѣющимъ всякаго, тогда какъ Протагоръ согласился съ нами, что нѣкоторые, относительно лучшаго и худшаго, превосходятъ другихъ, и что эти именно—мудрецы. Не такъ ли?

онъ и самъ былъ схваченъ и задушенъ Геркулесомъ, когда послѣдній, похитивъ Геріоновыхъ быковъ, прибылъ въ Ливію.

[1] Разумѣетъ софистовъ, сильно нападавшихъ на Сократа; таковы были Эвтидемъ и Діонисіодоръ, описанные въ діалогѣ, озаглавленномъ именемъ Эвтидема; таковъ Тразимахъ, изображенный въ книгахъ о Государствѣ; таковъ Калликлесъ, выставленный въ Горгіасѣ, и другіе подобные.

[2] То самое положеніе Протагора, которое Сократъ доселѣ такъ прекрасно объяснялъ и такъ тонко защищалъ, теперь снова вызывается на обсужденіе, чтобы сказать противъ него все, что можно. Теперь признается нужнымъ прежде всего изслѣдованіе, правильно или нѣтъ Протагоръ полагаетъ, что человѣкъ есть мѣра вещей.

Θеод. Да.

Сокр. И если онъ самъ лично соглашался, а не мы, по- E. могающіе, допустили это его именемъ, то признанное имъ не слѣдовало бы опять браться доказывать; но, можетъ быть, кто найдетъ, что мы не въ правѣ соглашаться за него. Посему хорошо будетъ яснѣе условиться касательно настоящаго пункта; ибо не малое различіе, такъ ли быть этому, или иначе.

Θеод. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Такое условіе кратчайшимъ образомъ возьмемъ мы 170. не иначе, какъ изъ собственныхъ словъ Протагора.

Θеод. Какъ?

Сокр. Вотъ какъ. Кажущееся всякому, говоритъ онъ,—это и есть для того, кому кажется.

Θеод. Конечно, говоритъ.

Сокр. Такъ вотъ и мы, Протагоръ, высказываемъ мнѣнія человѣка, или лучше—мнѣнія всѣхъ людей, и полагаемъ, что нѣтъ никого, кто въ одномъ не почиталъ бы себя мудрѣе прочихъ, а въ другомъ—прочихъ мудрѣе себя, и въ величайшихъ особенно опасностяхъ, когда возстаютъ бури, или на войнѣ, или въ болѣзняхъ, или на морѣ, не смотрѣлъ бы на правителей, въ своемъ родѣ, будто на боговъ, ожидая отъ B. нихъ спасенія и приписывая имъ превосходство не въ чемъ болѣе, какъ въ знаніи. Да и все человѣческое полно тѣмъ, что люди ищутъ учителей и правителей то для себя, то для прочихъ животныхъ и для подѣлокъ, въ той мысли опять, что они способны и учить, способны и управлять. А во всемъ этомъ что иное, скажемъ, скрывается, какъ не то, что люди признаютъ въ себѣ и мудрость и невѣжество?

Θеод. Не иное.

Сокр. Мудрость же не почитаютъ ли они истинною мыслію, а невѣжество—ложнымъ мнѣніемъ?

Θеод. Какъ же. C.

Сокр. Что же мы сдѣлаемъ, Протагоръ, съ твоимъ положеніемъ? Скажемъ ли, что мнѣнія у людей всегда справед-

ливы, или иногда справедливы, иногда ложны? Вѣдь изъ того и другаго, вѣроятно, слѣдуетъ, что они не всегда справедливы, но что бываютъ тѣ и эти. Смотри-ка, Θеодоръ, захотѣлъ ли бы кто изъ послѣдователей Протагора, или самъ ты, спорить, что никто не почитаетъ другаго ни невѣждою, ни человѣкомъ, питающимъ ложное мнѣніе?

Θеод. Невѣроятно, Сократъ.

D. *Сокр*. И однакожъ къ этой необходимости приходитъ положеніе, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей.

Θеод. Какъ же такъ?

Сокр. Когда ты, обсудивъ что нибудь самъ съ собою, открываешь мнѣ свое о чемъ либо мнѣніе, тогда это мнѣніе, по положенію Протагора, для тебя должно быть истиннымъ; а намъ-то, прочимъ, точно ли нельзя быть цѣнителями твоего сужденія, будемъ ли мы судить, что твое мнѣніе всегда вѣрно, или множество людей противопоставитъ тебѣ собственныя мнѣнія,—въ той мысли, что ты судишь и думаешь ложно?

E. *Θеод*. Клянусь Зевсомъ, Сократъ! въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ числа такимъ, какъ говоритъ Омиръ [1], которые чрезвычайно обезпокоиваютъ меня.

Сокр. Что же? хочешь ли, скажемъ, что тогда ты, по твоему мнѣнію, говоришь правду, а по мнѣнію безчисленнаго множества людей,—ложь?

Θеод. Изъ твоихъ словъ это необходимо слѣдуетъ.

Сокр. Что же для самого Протагора? Если и самъ онъ не думалъ, что человѣкъ есть мѣра, и люди дѣйствительно такъ не думаютъ,—не необходимо ли, что ни для кого нѣтъ
171. той истины, которую онъ написалъ? А когда самъ-то онъ думалъ, только толпа не раздѣляетъ его мыслей,—то знаешь ли, во первыхъ, что чѣмъ больше тѣхъ, которымъ не кажется, нежели тѣхъ, которымъ кажется, тѣмъ больше не существующаго, нежели существующаго?

---

[1] Odyss. π' v. 121; ρ' v. 422; τ' v. 78. Fischerus.

Ѳеод. Необходимо, если съ каждымъ мнѣніемъ въ самомъ дѣлѣ будетъ соединяемо существованіе и несуществованіе.

Сокр. А потомъ вотъ и это великолѣпно. Протагоръ, вѣроятно, соглашается признавать истинными мнѣнія всѣхъ, которые противополагаютъ его мнѣнію свои собственныя и ими утверждаютъ его лживость.

Ѳеод. Конечно.

Сокр. Такъ не соглашается ли онъ, что его мнѣніе ложно, B.
если согласенъ, что тѣ говорятъ правду, которые признаютъ его ложнымъ?

Ѳеод. Необходимо.

Сокр. Другіе-то не соглашаются, что они лгутъ?

Ѳеод. Конечно, нѣтъ.

Сокр. А тотъ-то опять уступаетъ, судя по написанному имъ, что и это мнѣніе вѣрно?

Ѳеод. Явно.

Сокр. Стало быть, со всѣхъ сторонъ, начиная съ Протагора, возникнетъ сомнѣніе, и онъ-то особенно допуститъ его. Когда будетъ положено, что мнѣніе того, кто говоритъ противное, справедливо, тогда и самъ Протагоръ согласится, C.
что ни собака, ни любой человѣкъ не есть мѣра ни одной вещи, которая не познана. Не такъ ли?

Ѳеод. Такъ.

Сокр. А если всѣ будутъ сомнѣваться, то Протагорова истина ни для кого не будетъ истинною,—ни для иного кого либо, ни для самого Протагора.

Ѳеод. Мы уже слишкомъ, Сократъ, нападаемъ на моего друга.

Сокр. А между тѣмъ неизвѣстно, другъ мой, пройдетъ ли намъ это даромъ. Вѣдь, по всей вѣроятности, онъ какъ старше, то и мудрѣе насъ. Чтò, если вдругъ покажется онъ D.
изъ земли по самую шею?—прежде чѣмъ опять погрузится и уйдетъ назадъ, вѣроятно, сильно побранитъ и меня, говорящаго вздоръ, и тебя, соглашающагося со мною? Такъ намъ необходимо, думаю, воспользоваться самими собою,

каковы мы ни есть, и чтò покажется, то всегда и говорить. Вотъ и теперь, иное ли что скажемъ, кромѣ слѣдующаго: кто бы то ни былъ, всякій согласится по крайней мѣрѣ въ томъ, что изъ людей бываетъ одинъ мудрѣе другаго, бываетъ и невѣжественнѣе?

Ѳеод. И мнѣ то же кажется.

Сокр. Что жъ? устоитъ ли и такъ-то особенно то мнѣніе, ко-
E. торое мы изложили, помогая Протагору: что, то есть, многія вещи, какими кажутся, таковы и есть для каждаго,—теплыя, сухія, сладкія, и всякія того же рода? Вѣдь если по отношенію къ чему Протагоръ уступитъ, что одинъ человѣкъ преимущественнѣе другаго, то, конечно, по отношенію къ здоровому и болѣзненному, охотно скажетъ, что ни бабенка, ни мальчишка, ни звѣрекъ, не зная, чтò имъ здорово, не способны вылѣчить самихъ себя, и гдѣ какъ, а ужъ здѣсь-то одинъ будетъ превосходнѣе другаго.

Ѳеод. Мнѣ кажется, такъ.

172. *Сокр*. То же и относительно дѣлъ политическихъ [1]: прекрасное и постыдное, справедливое и не справедливое, святое и не святое,—чтò изъ этого каждый городъ, по своимъ мыслямъ, полагаетъ законнымъ для себя, тò для каждаго и есть на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не мудрѣе ни гражданинъ гражданина, ни городъ города. Но въ опредѣленіи полезнаго и не полезнаго для себя,—если гдѣ опять, то здѣсь Протагоръ согласится, что совѣтникъ превосходнѣе совѣтника и одно опредѣленіе города, для ис-
B. тины, превосходнѣе другаго, и не очень осмѣлится утверждать, будто чтò городъ по своимъ мыслямъ полагаетъ

---

[1] По мнѣнію Протагора, и общества, постановляющія что либо для себя, въ той мысли, что это полезно для нихъ, постановляютъ не въ самомъ дѣлѣ полезное и спасительное; даже надобно уступить ему, что между людьми, публично совѣтующими что либо или не совѣтующими, относительно къ пользѣ, велико различіе. Мнѣніе Протагора, какъ мы видѣли, было таково, что мудрецы не тѣмъ превосходнѣе другихъ, что знаютъ истину лучше народа, а больше тѣмъ, что въ состояніи вѣрнымъ сужденіемъ отличить полезное отъ безполезнаго и вреднаго.

полезнымъ для себя, то болѣе всего и принесетъ ему пользу. А тамъ, о чемъ говорю,—въ справедливомъ и не справедливомъ, въ святомъ и не святомъ,—рѣшаются настаивать, что, по природѣ, нѣтъ ничего, имѣющаго свою сущность, но все вообще бываетъ истиннымъ мнѣніемъ тогда, когда мнится и во сколько времени мнится. И люди-то, не совсѣмъ раздѣляющіе [1] положеніе Протагора, какъ-то такъ проводятъ свое ученіе.—Но у насъ, Өеодоръ, къ разсужденію C.
привходитъ [2] другое разсужденіе,—къ меньшему большее.

Өеод. А развѣ намъ не досугъ, Сократъ?

Сокр. По видимому. Я и въ другое-таки время часто размышлялъ, почтеннѣйшій, но особенно теперь думаю, что людямъ, послѣ того какъ они много времени провели въ философіи, пришедши въ судъ, естественно казаться смѣшными риторами.

Өеод. Какъ это говоришь ты?

Сокр. Съ молодости толкающіеся въ судахъ и другихъ такихъ мѣстахъ, противъ людей, воспитанныхъ въ филосо- D.
фіи и въ подобныхъ занятіяхъ, отличны по воспитанію едва ли не такъ же, какъ рабы противъ свободныхъ.

---

[1] То есть, люди, не совсѣмъ согласные съ Протагоромъ, что человѣкъ есть мѣра вещей, полагаютъ однакожъ, что нѣтъ ничего по природѣ святаго, справедливаго, честнаго, и всякую добродѣтель и честность поставляютъ въ одномъ мнѣніи. Такимъ образомъ философъ показываетъ, что и другіе также не лучше думаютъ о добродѣтели, хотя и не соглашаются съ сужденіемъ Протагора объ истинѣ.

[2] Какъ скоро привзошла мысль объ управленіи государствомъ, говоритъ Сократъ, матерія для разсужденій увеличилась; ибо вмѣстѣ съ этимъ приходятъ ему на мысль философы и ораторы, до крайности неспособные къ несенію общественныхъ обязанностей. По этому поводу здѣсь, въ видѣ эпизода, излагается сравненіе политиковъ и философовъ. Во первыхъ, Сократъ описываетъ рабское состояніе народныхъ ораторовъ и низость ихъ чувствованій; такъ какъ, примѣняясь единственно къ обстоятельствамъ времени, они не могутъ свободно заниматься дѣлами, или разсуждать о вещахъ, достойныхъ знанія. Философы же, и притомъ лучшіе, чуждаются дѣлъ общественныхъ, за что народъ не имѣетъ къ нимъ никакого уваженія и даже обвиняетъ ихъ. Съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ говорится о неумѣньи философовъ нести общественныя обязанности, хорошо сравнить то, что излагается въ Горгіасѣ—p. 484 C sqq. и De Rep. VI. p. 487; VII, 517 D. Ораторы и философы сравниваются также въ Эвтидемѣ.

Өеод. Какъ это?

Сокр. Такъ, что у нихъ, какъ ты сказалъ, всегда есть
досугъ, и они въ тишинѣ досуга разсуждаютъ. Подобно
намъ, въ третій уже разъ теперь принимающимся за рѣчь
послѣ рѣчи, и они, когда привзошедшая нравится имъ, какъ
и намъ, больше, чѣмъ предлежащая, не заботятся, длинно
или коротко говорятъ о ней, только бы найти истину. Но
Е. говорящіе всегда при недосугѣ,—какъ бы увлекали ихъ во-
дяные часы,—не позволяютъ себѣ разсуждать, о чемъ жела-
ли бы: тутъ стоитъ противникъ, съ своею необходимостію [1]
и съ читаемымъ обвиненіемъ; кромѣ этого ничего нельзя
говорить, и это называютъ очною ставкою. Съ рѣчью здѣсь
обвиняемый [2] всегда обращается къ господину, сидящему
и держащему въ рукѣ свитокъ правъ, и препирательствъ
173. никогда не бываетъ о стороннемъ, а о самомъ дѣлѣ; часто
подвизаются и изъ-за души. Въ числѣ этихъ случаются лю-
вкрадчивые и острые, умѣющіе господину польстить сло-
вомъ и угодить дѣломъ,—души маленькія и неправыя. Вѣдь
рабство съ молодости отнимаетъ у нихъ развитіе, прямоту
и независимость, заставляя ихъ кривить и въ еще нѣжныя
души вселяя великое опасеніе и страхъ; не умѣя совмѣ-
щать этого страха и опасенія съ справедливостію и исти-
ною, и тотчасъ обращаясь ко лжи и къ обидамъ другъ другу,
они крайне искажаются и портятся; и такимъ образомъ, не
В. имѣя ничего здраваго въ умѣ, изъ дѣтей становятся мужами,
полными убѣжденія, что вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались они

---

[1] Необходимостью, ἀνάγκη, Сократъ называетъ, можетъ быть, водяные часы, которыми опредѣлялось время для произнесенія рѣчи. При изложеніи просьбы, надлежало смотрѣть особенно на то, что̀ относилось къ главному вопросу, а дѣлать отступленія не позволялось. Этотъ законъ особенно имѣлъ силу при рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ. Lysias c. Sim. p. 163: ἔχοιμι δ' ἂν καὶ ἄλλα πολλὰ εἰπεῖν περὶ τούτου, ἀλλ ἐπειδὴ παρ' ὑμῖν οὐ νόμιμόν ἐστιν, ἔξω τοῦ πράγματος λέγειν, ἐκεῖνο ἐνθυμεῖσθε.

[2] Обвиняемый, ὁμοδοῦλος,—который защищаетъ себя; а господинъ, δεσπότης καθήμενος—судья. Отсюда судьи вообще назывались καθήμενοι. См. Thucyd. V, 55. Такъ какъ отъ воли судьи зависѣло весьма многое, то онъ именовался господиномъ ссорящихся.

сильными и мудрыми. Эти-то таковы, Θеодоръ; но хочешь ли, разсмотримъ и людей нашего сонма? или, оставивъ ихъ, опять возвратимся къ своему предмету, чтобы, какъ сейчасъ только говорили, не злоупотребить и намъ слишкомъ много свободою и измѣнчивостію рѣчей?

Θеод. Отнюдь нѣтъ, Сократъ;—разсмотримъ. Вѣдь ты очень хорошо сказалъ, что, обращаясь въ этомъ сонмѣ, не мы подчиняемся рѣчамъ; напротивъ, рѣчи—какъ бы наши слуги, C.
и каждая изъ нихъ ожидаетъ, пока, по нашему произволенію, она будетъ доведена до конца; ибо насъ, какъ поэтовъ, не укоритъ ни судья, ни зритель, и нѣтъ власти, намъ предписывающей.

Сокр. Будемъ, стало быть, если тебѣ такъ кажется, говорить только о корифеяхъ: ибо чтò можно сказать о тѣхъ-то, которые худо проводятъ жизнь въ философіи? А эти съ самой молодости не знаютъ дороги ни на площадь, ни туда, гдѣ D.
находится судъ, или совѣтъ, или иное какое мѣсто общественнаго городскаго собранія; законовъ и опредѣленій, произносимыхъ или написанныхъ, и не видятъ и не слышатъ; стремленіе же къ партизанству для полученія правительственной должности, сходки, ужины, пирушки съ флейтщицами и во снѣ имъ не грезятся. Хорошо или худо чье нибудь состояніе въ городѣ, приключилось ли кому несчастіе чрезъ предковъ, либо отъ мужей, или женъ, это ему менѣе извѣстно, чѣмъ то, сколько, по пословицѣ, въ морѣ ведеръ [1].
И онъ даже не знаетъ, что всего этого не знаетъ; потому что E.
чуждается такихъ познаній,—не ради молвы, а оттого, что въ городѣ находится и жительствуетъ только его тѣло, а мысль почитаетъ все это маловажнымъ и ничтожнымъ, и, по сло-

---

[1] Сколько ведеръ въ морѣ, οἱ τῆς θαλάττης λεγόμενοι χόες: пословица, примѣняемая ἐπὶ τοῦ πολυμαθοῦς καὶ ἐμπείρου; такъ говоритъ Схоліастъ. По видимому, она имѣла такое же значеніе, какое и другая: arenas dinumerare posse. Themistius p. 97—116, ed. Dind.: διὰ τοῦτο ἄρα ὁ Πύθιος τῆς μεν ψάμμου τὸν ἀριθμὸν οὐκ ἐδίσταζεν ὁπόση εἴη, οὐδὲ τῆς θαλάττης τοὺς χόας.

вамъ Пиндара [1], съ презрѣніемъ носясь всюду, измѣряетъ глубину и поверхность земли, возлетаетъ выше неба въ астро-
174. номіи и, внѣдряясь совершенно во всю природу каждаго существа, вообще не нисходитъ ни къ чему близкому.

Ѳеод. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вѣдь такъ же, Ѳеодоръ, астрономничалъ и Ѳалесъ [2], когда, смотря вверхъ, упалъ въ колодезь, а одна остроумная и шутливая ѳракійская служанка посмѣялась надъ нимъ и сказала: небесное-то домогается узнать, а что предъ глазами и подъ ногами у него, того не видитъ. Эта же насмѣшка приложима ко всѣмъ, которые проводятъ время въ философіи.
B. Такой человѣкъ, по истинѣ, не знаетъ ни ближняго, ни сосѣда,—не знаетъ не только, чтò онъ дѣлаетъ, но и человѣкъ ли онъ, или какая скотина. А между тѣмъ чтò такое человѣкъ, и чтò такой природѣ, преимущественно предъ другими, свойственно дѣлать или испытывать,—это онъ разыскиваетъ и изслѣдываетъ. Понимаешь, Ѳеодоръ, или нѣтъ?

Ѳеод. Понимаю, и ты говоришь правду.

Сокр. Такъ вотъ такой-то, сносясь съ кѣмъ нибудь частно или публично, другъ мой, какъ я говорилъ вначалѣ, и бу-
C. дучи принужденъ, въ судѣ ли то, или въ другомъ мѣстѣ, разсуждать о предметѣ, находящемся подъ ногами или предъ глазами, возбуждаетъ смѣхъ не только въ ѳракіянкахъ, но и во всякомъ иномъ народѣ, когда, по неопытности, попадаетъ въ колодези и въ различныя затруднительныя обстоятельства; и этотъ срамъ, дающій понятіе о глупости, бываетъ ужасенъ. Вѣдь если бранятъ его, то онъ не находитъ въ себѣ возможности отвѣчать кому нибудь бранью, такъ какъ не знаетъ ни за кѣмъ ничего худаго, не занимавшись этимъ, и въ безъисходности своей оказывается смѣшнымъ;

---

[1] По словамъ Пиндара. Указывается на отрывокъ, недавно разобранный Беккомъ. Tom. II, P. II, p. 668 sq. Смыслъ Пиндаровыхъ словъ передаютъ: Clem. Al. V, p. 707; Euseb. Praepar. Ev. XII, p. 672 et al.

[2] Разсказъ объ этомъ можно читать у Діог. Л. I, 34.

а когда хвалятся и величаются другіе,—онъ является не D.
притворно, а дѣйствительно смѣющимся, и оттого кажется безумнымъ поносителемъ. Превозносятъ ли тиранна или царя,—ему представляется, что слышитъ онъ ублажаніе одного изъ пастуховъ, напримѣръ, свинопаса, или овчара, или какого нибудь волопаса, который выдаиваетъ много молока; только думаетъ, что животное у тѣхъ упрямѣе, и
что тѣмъ опаснѣе пасти и доить его: а впрочемъ такого E
рода пастухъ, отъ недосуга, необходимо долженъ быть не менѣе дикъ и необразованъ, какъ и обыкновенные пастухи, обнесенный на своей горѣ стѣною, будто загономъ. Если же слышитъ онъ, что кто нибудь, пріобрѣтши десять тысячъ, или еще болѣе, плетровъ земли, владѣетъ удивительнымъ множествомъ; то ему кажется, что онъ слышитъ мелочи, потому что привыкъ смотрѣть на всю землю. Восхваляютъ ему и родъ, говоря, что у такого-то семь богатыхъ дѣдовъ: но онъ думаетъ, что это—похвала людей, смотря-
щихъ тупо и узко и, по невѣжеству, не могущихъ всегда 175.
смотрѣть на все, и сосчитать, что дѣдовъ и прадѣдовъ у каждаго имѣлись несчетныя миріады, и что въ числѣ ихъ, у кого бы то ни было, часто являлись десятки тысячъ богатыхъ и бѣдныхъ, царей и рабовъ, варваровъ и эллиновъ. Хвалиться же спискомъ двадцати-пяти предковъ и возводить ихъ къ Ираклу, сыну Амфитріонову, представляется ему
чрезвычайною мелочностію; а что двадцать-пятый вверхъ B.
отъ Амфитріона и пятидесятый отъ него самого былъ такимъ, какимъ быть ему пришлось, этому онъ смѣется, такъ какъ не могутъ они объ этомъ поразмыслить и освободиться отъ суетности несмысленной своей души. Такъ этотъ за все подобное бываетъ осмѣиваемъ толпою, поколику съ одной стороны кажется гордымъ, а съ другой—не знаетъ, чтò у него подъ ногами, и при всякомъ случаѣ впадаетъ въ затрудненіе.

Ѳеод. Ты, Сократъ, дѣйствительно говоришь быль.

Сокр. А когда самъ-то онъ влечетъ кого нибудь вверхъ,

другъ мой [1], и кто либо захотѣлъ бы, вышедши изъ среды
C. вопросовъ: чѣмъ обидѣлъ я тебя, или ты меня? войти въ разсмотрѣніе самой справедливости и несправедливости, что̀ такое каждая изъ нихъ, и чѣмъ отличаются онѣ отъ всѣхъ, либо одна отъ другой,—или, оставивъ вопросъ: счастливъ ли царь, пріобрѣтшій много золота? разсудить вообще о царствованіи, о человѣческомъ счастіи и бѣдности, каковы они, и какимъ образомъ человѣческой природѣ свойственно одно
D. изъ нихъ пріобрѣтать, а отъ другаго убѣгать; тогда, какъ скоро тому малодушному, криводушному и сутяжливому человѣку надобно дать отчетъ, онъ обнаруживаетъ опять обратно противное (философу) свойство. Чувствуя головокруженіе, вися вверху и съ высоты смотря внизъ, онъ, по непривычкѣ, мучится, находится въ затрудненіи, косноязычествуетъ [2] и возбуждаетъ смѣхъ не въ ѳракіянкахъ и не въ иномъ какомъ либо человѣкѣ необразованномъ, потому что они не замѣчаютъ этого, а во всѣхъ тѣхъ, которые получили воспитаніе, противное рабскому.—Таковъ-то характеръ того и другаго, Ѳеодоръ: одинъ принадлежитъ чело-
E. вѣку, воспитанному дѣйствительно въ свободѣ и въ досугѣ, и этого именно называешь ты философомъ, а для такого казаться простоватымъ не составляетъ вины, и ничего не значитъ, когда онъ бываетъ обязанъ къ рабскому служенію, не умѣть, напримѣръ, ни приготовлять дорожный вьюкъ, ни варить кушанье, ни произносить льстивыя рѣчи; а другой

---

[1] Влечь кого либо вверхъ, ἑλκύσαι ἄνω τινά, приписывается философу, который, отвлекая чью либо мысль отъ разсматриванія жизни ежедневной, возноситъ ее къ созерцанію вещей высшихъ, такъ какъ и самъ онъ всегда занятъ созерцаніемъ божественнаго, и къ этому стремится свободно, безъ всякаго принужденія.

[2] Здѣсь, вмѣсто βαρβαρίζων, я читаю βατταρίζων, потому что при глаголѣ βαρβαρίζειν стоящая причина τοῦ βαρβαρίζειν, ὑπὸ ἀηθείας, никакъ не можетъ быть его причиною; между тѣмъ τὸ βατταρίζειν дѣйствительно происходитъ ὑπὸ τῆς ἀηθείας. Luc. Lup. Tragoed. § 27: ἐν πλήθει δὲ εἰπεῖν ἀτολμότατός ἐστιν, καὶ τὴν φωνὴν ἰδιώτης καὶ μιξοβάρβαρος, ὥστε γέλωτα ὀφλισκάνειν διὰ τοῦτο ἐν ταῖς συνουσίαις, οὐ συνείρων, ἀλλὰ βατταρίζων καὶ ταραττόμενος.

во всемъ этомъ-то можетъ служить ловко и скоро, да не въ состояніи свободно бросить плащъ на правое плечо [1], равно 176.
какъ уловить гармонію словъ, чтобы правильно восхвалить истинную жизнь боговъ и счастливыхъ мужей.

Ѳеод. Если бы ты, Сократъ, убѣдилъ всѣхъ, какъ меня, въ томъ, чтò говоришь, то между людьми было бы больше мира и меньше зла.

Сокр. Но погибнуть злу, Ѳеодоръ, невозможно [2]; потому что всегда необходимо что нибудь противное добру. И не въ богахъ утвердилось оно, а обходитъ по необходимости смертную природу и это мѣсто. Потому и надобно стараться какъ можно скорѣе уходить отсюда туда [3]. Бѣгство это В.
есть посильное уподобленіе Богу; а уподобляться Богу значитъ дѣлаться справедливымъ и мудро благочестивымъ [4].

---

[1] Свободно бросить плащъ на правое плечо, ἀναβάλλεσθαι ἐπιδέξια ἐλευθέρως. Плащъ, по обычаю людей благородныхъ, клали на лѣвое плечо, и потомъ откидывали его на правое, гдѣ онъ и завязывался: напротивъ, перекидывать его справа налѣво почиталось признакомъ деревенщины и необразованности. См. Casaubon. Animadvv. in Athen. I. 18, p. 54. Salmas, ad Tertull. p. 113. Böttiger, Griechische Wasengemälde, Vol. 1, P. 1, p. 55 sq.

[2] Извѣстно положеніе Платона, что никакое зло не происходитъ отъ боговъ, но всякое имѣетъ свой источникъ въ слабости человѣческой природы. См. Tim. p. 47 D. E; 69 A sqq. De Rep. X, p. 613 A. Legg. X, p. 906 sqq. Politic. p. 268 E sqq.

[3] Это положеніе Платона по всѣмъ вѣкамъ переходило изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, такъ что въ древности почти нельзя указать писателя, который бы не цитовалъ его. Доказано же и объяснено оно больше самимъ философомъ. De Rep. VI, p. 501 B—C; X, p. 613 A, al. Нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ заимствовалъ его у пиѳагорейцевъ; послѣ же Платона оно усвоено было стоиками и позднѣйшими платонистами, даже христіанскими. См. Wyttenbach, ad Plutarch. De ser. num. Vind. p. 27. Оно встрѣчается у Климента Алекс. Strom. II, p. 500 A; усильно слѣдовалъ ему и Плотинъ Ennead. I, 2. 1. p. 12 A и 3, p. 13 C.

[4] Мудро благочестивымъ, ὅσιον μετὰ φρονήσεως. Природа добродѣтели у Платона такова, что всецѣло основывается на мудрости. См. Phaedon. p. 69 B. Поэтому безъ мудрости, по его мнѣнію, невозможны ни справедливость, ни разсудительность, ни мужество. Философъ вышелъ изъ того знаменитаго Сократова положенія, по которому добродѣтель должна была состоять въ знаніи. Отсюда въ книгахъ и о Государствѣ, и о Законахъ, и въ другихъ діалогахъ, онъ разсуждаетъ о добродѣтели такъ, что ко всѣмъ видамъ ея постоянно прибавляется μετὰ φρονήσεως, —въ той мысли, что добродѣтель есть произведеніе не слѣпаго чувственнаго стремленія, а разумной, сознательной дѣятельности.

Но дѣло очень не легкое, почтеннѣйшій, убѣдить, что не для того надобно избѣгать порока и преслѣдовать добродѣтель, для чего говоритъ толпа,—что въ нихъ самихъ должна быть цѣль подвига, а не въ томъ, какъ бы казаться не злымъ, но добрымъ; ибо это-то мнѣ представляется, по пословицѣ, одной болтовней старухъ [1]. Истинное же мы выскажемъ слѣдующимъ образомъ: Богъ ни въ чемъ и никакъ
C. не несправедливъ, но есть существо всевозможно справедливѣйшее; и ничто столько не подобно ему, какъ то, когда кто изъ насъ становится опять самымъ справедливымъ. Этимъ, по истинѣ, опредѣляется какъ сила человѣка, такъ и его ничтожество, безсиліе. Знаніе этого есть мудрость и истинная добродѣтель, а незнаніе—невѣжество и очевидное зло: прочія же кажущіяся превосходства и мудрости въ гражданскихъ правительствахъ бываютъ суетны, а въ искусствахъ
D. корыстны. Поэтому кто обижаетъ и говоритъ либо поступаетъ нечестиво, тому гораздо лучше не попускать быть сильнымъ въ злодѣйствѣ; ибо такіе увеселяются укоризною и думаютъ слышать въ ней, что они не пустые люди, не лишнее бремя земли, но мужи, какіе въ городѣ должны быть сохраняемы. И такъ, надобно сказать истину, что они тѣмъ болѣе таковы, какими не почитаютъ себя, что не почитаютъ. Вѣдь имъ неизвѣстно наказаніе за неправду; а оно не должно быть неизвѣстно; потому что удары и смерти, которымъ иногда и не подвергаются дѣлающіе
E. неправду,—по ихъ мнѣнію, не наказаніе: наказаніе у нихъ то, чего нельзя избѣжать.

Θеод. Что же именно разумѣешь ты?

---

[1] Добродѣтель должна быть предметомъ всеобщаго благоговѣнія не за видимую или внѣшнюю ея честность, а за то, что она ближайшимъ образомъ подходитъ къ справедливости Божества. Человѣкъ называется здѣсь справедливымъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ предикатъ прилагается къ нему на народной площади, а въ смыслѣ справедливости совершенной, какова δικαιοσύνη въ книгахъ о Государствѣ, гдѣ завершаются и восполняются ею всѣ прочія возможныя для человѣка добродѣтели.

Сокр. Тогда какъ въ природѣ вещей, другъ мой, есть образцы,—одинъ божественный—образецъ счастія, другой безбожный—образецъ страданія,—люди, не видящіе, что это такъ, по глупости и крайнему безумію, не замѣчаютъ, что одному они несправедливыми дѣйствіями уподобляются, а 177
отъ другаго отступаютъ, и чрезъ это, проводя жизнь соотвѣтствующую тому, которому уподобляются, несутъ наказаніе. И скажи мы имъ, что, если не разстанутся они съ своею способностію,—по смерти, тò чистое отъ золъ мѣсто не приметъ ихъ, и имъ достанется всегда проводить жизнь, подобную здѣшней,—какъ злымъ, обращаться съ злыми:—эти умники и хитрецы будутъ слушать такія предостереженія, безъ сомнѣнія, будто отъ какихъ нибудь безумцевъ.

Ѳеод. И очень-таки, Сократъ.

Сокр. Да, знаю, другъ мой. Съ ними случается нѣчто B.
одно: если должны бываютъ они въ частномъ разговорѣ дать и принять отчетъ въ томъ, чтò порицаютъ, и хотятъ мужественно выдерживать бесѣду долгое время, а не убѣгаютъ малодушно; то,—странно, почтеннѣйшій,—имъ наконецъ не нравятся собственныя ихъ рѣчи, и та риторика какъ-то увядаетъ, такъ что они оказываются ничѣмъ не лучше дѣтей. Но оставимъ это, какъ замѣчаніе, сказанное мимоходомъ; потому что иначе постоянный наплывъ ихъ будетъ C.
удалять насъ отъ начальнаго предмета. Возвратимся къ прежнему, если это и тебѣ кажется.

Ѳеод. Мнѣ-то, Сократъ, не непріятно слушать объ этомъ; потому что человѣкъ моего возраста легче слѣдуетъ за рѣчью. Впрочемъ, если тебѣ угодно, возвратимся.

Сокр. Слово свое мы простерли, помнится, до того мѣста, гдѣ встрѣтились съ людьми, которые, говоря, что сущность движется, и что всегда кажущееся всякому тò и есть для того, кому кажется, хотятъ утверждать это какъ по отношенію къ прочему, такъ не менѣе и по отношенію къ справедливому,—что какое, то есть, дѣлаетъ городъ постановленіе, какъ ему кажущееся, тò для постановляющаго, пока поста- D.

новленное стоитъ, и есть всего болѣе справедливое. Что же касается до добра, то никто еще не имѣетъ столько мужества, чтобы осмѣлился настойчиво утверждать, будто городъ постановляетъ у себя что либо и въ видахъ пользы, и будто постановленіе его столько времени полезно, сколько времени стоитъ, развѣ кто будетъ пожалуй произносить одно имя. А это была бы насмѣшка надъ тѣмъ, о чемъ мы говоримъ. Не такъ ли?

Θеод. Конечно.

E. *Сокр.* Пусть же будетъ у насъ рѣчь не объ имени, а о дѣлѣ, которое означается именемъ.

Θеод. Пусть.

Сокр. Но что̀ означается именемъ, то̀-то, вѣроятно, городъ и постановляетъ, и всѣ законы, сколько онъ понимаетъ и можетъ, даетъ себѣ, какъ самые полезные. Или при законодательствѣ имѣетъ онъ въ виду что̀ иное?

178. *Θеод.* Никакъ не иное.

Сокр Однакожъ всегда ли онъ достигаетъ этого, или всякій во многомъ и ошибается?

Θеод. Думаю, и ошибается.

Сокр. Въ томъ же самомъ всякій согласится еще болѣе тогда, когда кто спроситъ о всемъ родѣ, въ которомъ содержится польза. Вѣдь польза, вѣроятно, простирается и на

---

[1] Доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ. Протагорейцы добровольно соглашаются, что общество о добромъ и полезномъ не можетъ постановить ничего опредѣленнаго. Что это такъ, еще яснѣе можно видѣть изъ понятія о томъ, что называется полезнымъ. Полезное, въ чемъ бы оно ни состояло, относится еще ко времени будущему. И такъ, государство, излагая и постановляя законы, имѣетъ въ виду пользу на время будущее. А отсюда слѣдуетъ, что если человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, то эту мѣру надобно прилагать и ко времени будущему, такъ какъ мы судимъ не о настоящемъ только, но и о будущемъ. Но въ этомъ отношеніи никакимъ образомъ нельзя замѣтить, что кто нибудь, снося вещи между собою, произноситъ сужденіе вѣрнѣе, чѣмъ человѣкъ не знающій. Это доказывается примѣромъ самого Протагора. Онъ утверждалъ, что о будущемъ результатѣ судебныхъ рѣчей можетъ говорить лучше и вѣрнѣе всѣхъ,—и, судя по множеству его учениковъ, ему вѣрили въ этомъ. Стало быть, Протагоръ долженъ былъ согласиться, что не всякій, а только мудрецъ можетъ быть мѣрою вещей.

время будущее; потому что когда мы законодательствуемъ, тогда постановляемъ законы, какъ имѣющіе быть полезными во времени послѣдующемъ; а это время можно правильно назвать будущимъ.

Ѳеод. Конечно. B.

Сокр. Давай же спросимъ Протагора, или иного кого изъ тѣхъ, которые говорятъ одинаково съ нимъ, и спросимъ вотъ какъ: Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, утверждаете вы, Протагоръ,—мѣра бѣлыхъ, тяжелыхъ, легкихъ, не исключая никакихъ? Потому что, имѣя въ себѣ знакъ ихъ и думая, что онѣ таковы, каковы впечатлѣнія, онъ полагаетъ, что онѣ для него истинны и дѣйствительны. Не такъ ли?

Ѳеод. Такъ.

Сокр. Но имѣетъ ли онъ въ себѣ признакъ, скажемъ, и для будущихъ, Протагоръ,—такъ что какими, думаетъ, бу- C.
дутъ онѣ, такими и бываютъ для него думающаго? Напримѣръ, касательно теплоты: когда кто, не знающій врачебнаго искусства, думаетъ, что онъ получитъ горячку, и что эта теплота у него будетъ, а другой, врачъ, думаетъ о немъ противное; то по мнѣнію ли котораго нибудь скажемъ, выйдетъ будущее, или по мнѣнію обоихъ, такъ что онъ для врача будетъ и не тепелъ и не въ горячкѣ, а для себя—то и другое?

Ѳеод. Это было бы смѣшно.

Сокр. Но о будущей сладости и остротѣ вина будетъ, D.
думаю, уважительно мнѣніе земледѣльца, а не цитриста.

Ѳеод. Какъ же.

Сокр. И о будущей ненастроенности и настроенности мнѣніе педотрива не можетъ быть лучше, чѣмъ мнѣніе музыканта, въ томъ, что послѣ покажется настроеннымъ самому педотриву.

Ѳеод. Никакъ не можетъ.

Сокр. И когда кто имѣетъ пировать, не зная повареннаго искусства, а между тѣмъ приготовляется пиръ,—сужденіе его о будущемъ удовольствіи не такъ важно, какъ сужденіе

повара. Потому что мы вовсе не препираемся о томъ,
E. чтò кому теперь пріятно, или было уже пріятно, а спрашиваемъ о будущемъ,—чтò всякому, то есть, кажется, тò и будетъ; въ этомъ отношеніи всякій есть ли превосходный судья самъ для себя? Или ты, Протагоръ, лучше предусмотришь своимъ мнѣніемъ, чтò въ словахъ каждаго изъ насъ будетъ для судилища убѣдительнымъ, чѣмъ кто либо изъ простыхъ гражданъ?

Θеод. И очень, Сократъ; въ этомъ-то сильно онъ ручался, что превосходитъ всѣхъ.

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, любезный; иначе никто вѣдь
179. не бесѣдовалъ бы съ нимъ, платя ему много денегъ, если бы собесѣдниковъ своихъ онъ не увѣрилъ, что относительно будущаго, чтò будетъ и покажется, ни провѣщатель и никто иной не можетъ быть лучшимъ судьею, чѣмъ онъ самъ для себя.

Θеод. Весьма справедливо.

Сокр. Но не къ будущему ли относятся и законодательства, и польза, и не согласится ли всякій, что законодательствующій городъ часто по необходимости уклоняется отъ самаго полезнаго?

Θеод. И очень.

Сокр. Стало быть, мы основательно скажемъ противъ тво-
B. его учителя, что необходимо ему признать одного мудрѣе другаго, и что такой есть мѣра; а мнѣ, не знающему, нѣтъ никакой необходимости быть мѣрою, какъ недавно произнесенная за него рѣчь принуждала меня, хочешь—не хочешь, ею быть.

Θеод. Такимъ способомъ, Сократъ, положеніе его, кажется мнѣ, особенно уловляется, хотя оно ловится и на томъ, что придаетъ вѣсъ мнѣніямъ другихъ, между тѣмъ какъ открылось, что послѣднія отнюдь не полагаютъ его словъ истинными.

C *Сокр.* Такое-то, Θеодоръ, могло бы быть уловлено и иными многими способами, такъ какъ не всякое всякаго

мнѣніе истинно: но что касается присущихъ каждому впечатлѣній, отъ которыхъ происходятъ ощущенія и соотвѣтственныя ощущеніямъ мнѣнія, то эти труднѣе [1] обличить въ неистинности. Впрочемъ, можетъ быть, я не то говорю: вѣдь случится пожалуй, что ихъ и не поймаешь, а тѣ, которые почитаютъ ихъ столь же ясными, какъ и знанія, можетъ быть, говорятъ дѣло, и мысль этого Теэтета не далека была отъ цѣли, когда онъ положилъ, что ощущеніе и знаніе—одно и то же. Посему надобно подойти ближе, какъ велѣла произнесенная за Протагора рѣчь, и изслѣдо- D.
вать эту движущуюся сущность, постукивая [2], крѣпкою ли она отзывается, или дребезжащею. Борьба за нее не маловажна, и не между немногими.

Өеод. Далеко не маловажна, потому что чрезвычайно распространилась въ Іоніи, гдѣ друзья Гераклита съ великимъ усиліемъ проводятъ эту мысль.

Сокр. Потому-то болѣе, любезный Өеодоръ, и надобно изслѣдовать ее сначала, какъ она предлагается ими. E.

Өеод. Безъ сомнѣнія. Вѣдь что касается этихъ гераклитянъ, Сократъ, или, какъ ты говоришь, омиритянъ, и даже жившихъ еще раньше, не исключая самыхъ ефесянъ, которые выдаютъ себя за людей весьма опытныхъ,—то съ ними можно разговаривать не иначе, какъ съ бѣшеными. Они подвижны, точно слѣдуютъ въ этомъ своимъ книгамъ; а чтобы остановиться на словѣ и, по очереди, то спокойно отвѣчать на вопросъ, то спрашивать,—этого у нихъ или ма- 180.

---

[1] Гораздо труднѣе было бы, говоритъ, доказать, что не вѣрны настоящія чьи впечатлѣнія, ощущенія и мнѣнія. Даже, можетъ быть, и вовсе нельзя обличить ихъ въ обманѣ и заблужденіи, если только вѣрно положеніе гераклитянъ, что все течетъ, какъ рѣка. И такъ, это положеніе ихъ надобно подвергнуть испытанію, хотя, по темнотѣ ихъ разсужденій, испытаніе здѣсь едва ли возможно.

[2] Постукивая, διακρούοντα,—метафора, взятая отъ способа пробовать глиняную посуду, крѣпка она, или нѣтъ. Этою метафорою хорошо воспользовался Персей (Satyr. III. 45): sonat vitium percussa, maligne respondet viridi non cocta fidelia limo; (V, 17): pulsa, dignoscere cautus, quid solidum crepet, et pictae tectoria linguae.

ло, или нисколько не бываетъ; даже больше, чѣмъ нисколько,—у этихъ людей нѣтъ ни на волосъ покоя. А если ты кого спросишь [1] о чемъ нибудь,—они начнутъ вытаскивать загадочныя словечки, будто стрѣлы изъ колчана, и стрѣлять ими; когда же захочешь потребовать отчета въ сказанномъ,—пораженъ будешь другимъ, снова переиначеннымъ въ значеніи словомъ, и никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ ничего не кончишь. Да не кончаютъ они ничего и между собою, но очень остерегаются, какъ бы не допустить чего постояннаго въ словѣ, или въ душахъ своихъ, въ той
B. мысли, какъ мнѣ кажется, что чрезъ это произошла бы остановка, противъ которой они сильно воюютъ и, сколько могутъ, изгоняютъ ее отовсюду.

Сокр. Можетъ быть, ты видѣлъ, Θеодоръ, людей воинственныхъ, а съ мирными не встрѣчался, такъ какъ они не были твоими друзьями. Я думаю, они такъ бесѣдуютъ въ школѣ съ учениками, когда желаютъ сдѣлать ихъ подобными себѣ.

C. *Θеод.* Съ какими учениками, почтеннѣйшій? У такихъ и не бываетъ одинъ ученикомъ другаго; тамъ люди образуются сами собою, когда каждому изъ нихъ случается придти въ состояніе воодушевленія; тамъ всякій думаетъ, что другой ничего не знаетъ. Отъ этихъ людей, какъ я уже

---

[1] Это мѣсто особенно замѣчательно. Здѣсь весьма обстоятельно говорится о способѣ разсужденій, которому слѣдовали гераклитяне того времени. Они обвиняются, во первыхъ, въ непостоянствѣ, потому что не хотѣли ни на минуту остановиться, чтобы внимательно разсмотрѣть настоящую матерію разсужденія; во вторыхъ, въ томъ, что пользовались какими-то темными остротами, которыя имѣли свой источникъ, вѣроятно, въ прославленной темнотѣ рѣчей самого Гераклита, о которой см. примѣч. ad Cicero n. De nat. deor. I, 26; III, 14. De finib. II, 5. Diog. L. IX, 6. Aristot. Rhet. III, 5. Гераклитъ, по видимому, оттого впадалъ въ темноты, что любилъ въ своихъ мнѣніяхъ остроумничать, старался, чтобы они производили на слушателей эффектъ, поражали, и для того употреблялъ иногда ῥηματίσκια αἰνιγματώδη; любилъ также вводить въ свою рѣчь слова въ новыхъ значеніяхъ, которыя самъ выдумывалъ,—оттого Θеодоръ и прибавляетъ: ἑτέρῳ πεπλήξει καινῶς μετωνομασμένῳ (см. Phileb. p. 45 A; Sophist. p. 252 A).

говорилъ, ты никогда не добьешься основанія,—ни по желанію ихъ, ни противъ желанія, и мы должны брать ихъ слова, какъ вопросъ для послѣдованія.

Сокр. Ты мѣтко-таки говоришь. А вопросъ-то иной ли
приняли мы отъ древнихъ, скрывшихъ его отъ черни подъ D.
поэтическою формою, какъ не тотъ, что начало всѣхъ вещей—рѣки, Океанъ и Тиѳиса, и что ничто не стоитъ? Послѣдующіе же, какъ болѣе мудрые, стали уже открыто доказывать это, чтобы и сапожники [1], слушая, понимали ихъ мудрость и перестали глупо думать, будто одно сущее стоитъ, а другое движется, но, узнавъ, что все находится въ движеніи, оказывали имъ уваженіе. Чуть-было не забылъ я, Ѳеодоръ, что другіе опять объявляли противное
тому, представляя бытіе неподвижное, которому имя—*все* [2], E.
—и иное многое, что, вопреки всему этому, утверждали Мелиссы и Пармениды: будто все есть одно и стоитъ само въ себѣ, такъ какъ не имѣетъ мѣста, въ которомъ могло бы двигаться;—что же дѣлать намъ со всѣмъ этимъ, другъ мой? Вѣдь, подвинувшись немного впередъ, мы незамѣтно попадаемъ въ средину между двухъ крайностей, и если как
нибудь не защитимся и не уйдемъ, то будемъ наказаны, 181.
подобно дѣтямъ, играющимъ въ палестрѣ въ линію [3], когда, схваченные обоими лагерями, они бываютъ влекомы въ противныя стороны. Мнѣ кажется, надобно сперва разсмотрѣть однихъ, къ которымъ мы уже приступали,—то есть текущихъ;

---

[1] Въ образецъ самыхъ тупыхъ людей взяты здѣсь сапожники, потому что σκυτοτόμοι между мастеровыми, во мнѣніи народа, стояли на послѣдней степени невѣжества, такъ что вошли въ пословицу (см. Charmid. p. 163 B; De Rep. V, p. 456 D; Men. p. 90 C al.).

[2] Это—стихъ Парменида; онъ читается у Карстена—97, сн. р. 178, и Брандиса, Commentatt. Eleaticc. 1, p. 118.

[3] Упоминаемая здѣсь дѣтская игра состояла, кажется, въ томъ, что дѣти составляли изъ себя два строя или ряда, и между этими двумя рядами проводима была черта. Кто изъ одного котораго либо ряда подбѣгалъ къ этой чертѣ, того сторона противная старалась схватить и увлечь къ себѣ. Поллуксъ называетъ эту игру διελκυστίνδα. Polluc. IX, 112.

и если откроется, что они говорятъ дѣло, то будемъ тянуться сами на ихъ сторону, стараясь убѣжать отъ другихъ. А когда покажется, что истиннѣе мнѣніе тѣхъ, которые останавливаютъ цѣлое,—уйдемъ къ нимъ отъ этихъ, у которыхъ и неподвижное приводится въ движеніе [1]. Въ слу-
B. чаѣ же увидимъ, что ни тѣ, ни другіе не говорятъ ничего ладнаго,—мы будемъ смѣшны съ своею мыслію, будто, не смотря на свою слабость, нѣчто утверждаемъ, отвергнувъ мужей древнѣйшихъ и мудрѣйшихъ. Такъ смотри, Өеодоръ, выгодно ли намъ выходить на такую опасность.

Өеод. Нельзя удержаться, Сократъ, отъ разсмотрѣнія, что̀ говорятъ тѣ и другіе мужи.

Сокр. Ужъ когда ты такъ желаешь, надобно разсмотрѣть.
C. Въ вопросѣ о движеніи, началомъ изслѣдованія представляется мнѣ то, что̀ такое разумѣютъ, полагая, что все движется. Я хочу сказать слѣдующее: одинъ ли видъ движенія понимаютъ они, или, какъ мнѣ кажется, два? Пусть однако не мнѣ только кажется это, но принимай участіе и ты, чтобы намъ сообща терпѣть, если бы дѣйствительно пришлось. Скажи мнѣ: называешь ли ты движеніемъ то, когда предметъ переходитъ изъ мѣста въ мѣсто, либо вращается въ томъ же мѣстѣ?

Өеод. Называю.

Сокр. Такъ пусть будетъ это одинъ видъ. Но когда, на-
D. ходясь въ томъ же мѣстѣ, старѣетъ онъ, дѣлается либо чернымъ изъ бѣлаго, либо жесткимъ изъ мягкаго, или измѣняется инымъ образомъ,—не сто́итъ ли назвать это другимъ видомъ движенія?

Өеод. Мнѣ кажется.

Сокр. Да и необходимо. Такъ я полагаю два вида движенія: измѣненіе и перехожденіе.

---

[1] **И неподвижное приводится въ движеніе**, οἱ καὶ τὰ ἀκίνητα κινοῦντες. Это выраженіе имѣло силу пословицы и прилагалось къ тѣмъ, которые двигали самые алтари, жертвенники, и отваживались на всѣ виды нечестія. Legg. III, p. 684 E; p. 813 A. Erasm. Adagg. Phil. 1 Cent., p. 181 sqq.

Ѳеод. И правильно полагаешь.

Сокр. Раздѣливъ это такимъ образомъ, будемъ мы теперь разговаривать съ тѣми, которые утверждаютъ, что все движется, и спросимъ: обоими ли видами, полагаете вы, все движется,—стремленіемъ и измѣненіемъ, или иное обоими, E.
а иное которымъ нибудь однимъ?

Ѳеод. Но, клянусь Зевсомъ, я не могу отвѣчать на это. Думаю, что сказали бы: обоими.

Сокр. А вѣдь если бы не сказали, другъ мой, то все представилось бы имъ и движущимся, и стоящимъ; и не болѣе правильно было бы утверждать, что все движется, чѣмъ то, что все стоитъ.

Ѳеод. Весьма справедливо.

Сокр. Но такъ какъ все должно двигаться, и недвижимости нѣтъ ни въ чемъ, то все движется всегда всякимъ 182.
движеніемъ.

Ѳеод. Необходимо.

Сокр. Разсматривай у нихъ еще вотъ что: происхожденіе теплоты, или бѣлизны, или чего бы то ни было, не такъ ли какъ-то, говорили мы, объясняютъ они, что каждое изъ этихъ свойствъ стремится вмѣстѣ съ чувствомъ между дѣйствующимъ и страдающимъ, и страдающее бываетъ чувствуемымъ, но не чувствомъ, а дѣйствующее—качественнымъ, но не качествомъ? Можетъ быть, качество представляется тебѣ именемъ необыкновеннымъ, и ты не понимаешь его въ общемъ значеніи: такъ слушай въ частяхъ. Дѣйствующее не бываетъ вѣдь ни теплотою, ни бѣлизною, B.
но бываетъ теплымъ и бѣлымъ; и прочее такимъ образомъ. Ты, вѣроятно, помнишь: мы въ прежнихъ разсужденіяхъ говорили такъ, что одно, само по себѣ, не есть ни дѣйствующее, ни страдающее, и что только изъ взаимнаго сближенія обоихъ этихъ состояній происходятъ чувства и вещи чувствопостигаемыя, становясь, съ одной стороны, такими или такими, съ другой—чувствуемыми.

Ѳеод. Помню; какъ не помнить!

C. *Сокр*. Пускай же прочее мы оставимъ,—иначе, или такъ говорятъ они, и, удерживая лишь то, о чемъ идетъ у насъ рѣчь, спросимъ: движется и течетъ, какъ вы полагаете, все,—не такъ ли?

Ѳеод. Да.

Сокр. И обоими, какія различили мы, движеніями,—стремленіемъ и измѣненіемъ?

Ѳеод. Какъ же иначе?—если движеніе-то будетъ полное.

Сокр. А когда бы оно состояло только въ стремленіи, измѣненія же не имѣло, мы могли бы, вѣроятно, сказать, что стремящееся течетъ такимъ-то. Или какъ скажемъ?

Ѳеод. Такъ.

D. *Сокр*. Но, поколику и это не стоитъ,—то есть, текущее течетъ не бѣлымъ, а измѣняется, такъ что происходитъ теченіе и этого самаго—бѣлизны, и превращеніе ея въ иной цвѣтъ, чтобы не улавливалась она пребывающею въ этомъ состояніи,—возможно ли назвать какой нибудь цвѣтъ такъ, чтобы названіе его было правильно?

Ѳеод. Какъ же это возможно, Сократъ? Вѣдь что̀ бы ни было въ этомъ родѣ,—поколику текущее, оно всегда ускользаетъ, какъ скоро произносится.

Сокр. А что скажемъ мы о какомъ нибудь чувствѣ, напримѣръ, о чувствахъ зрѣнія или слуха? пребываютъ ли
E. они въ томъ же состояніи зрѣнія или слуха?

Ѳеод. Конечно, не должны, какъ скоро все движется.

Сокр. Стало быть, не больше слѣдуетъ называть что нибудь зрѣніемъ, чѣмъ не зрѣніемъ, и не больше иное чувство—чувствомъ, чѣмъ не чувствомъ, если все-то непремѣнно движется.

Ѳеод. Конечно, нѣтъ.

Сокр. И однакожъ чувство-то есть знаніе, какъ сказали мы,—я и Теэтетъ.

Ѳеод. Было сказано.

Сокр. Стало быть, вопрошающему, что̀ такое знаніе, мы скажемъ въ отвѣтъ, что оно—не больше знаніе, чѣмъ незнаніе.

Θеод. Выходитъ. 183.

Сокр. Прекрасно же пришлось намъ поправить свой отвѣтъ, по поводу нашего старанія доказать, что все движется, и съ тою цѣлію, чтобы онъ показался вѣрнымъ! Оказалось, какъ видно, что, какъ скоро все движется, и всякій отвѣтъ, о чемъ бы кто ни отвѣчалъ, равно правиленъ, поколику полагаетъ, что это и такъ и не такъ—*есть*, или, если угодно, *бываетъ*,—чтобы не останавливать ихъ на словѣ.

Θеод. Правильно замѣчаешь.

Сокр. Кромѣ того только, Θеодоръ, что сказалъ *такъ* и *не такъ*. Вѣдь и этого *такъ* говорить не слѣдуетъ: потому что *такъ* уже не движется,—равно и *не такъ*, которое тоже B.
не есть движеніе. Впрочемъ людямъ, высказывающимъ эту мысль, можно ли даже и употребить какое слово, если для выраженія своего положенія у нихъ нѣтъ наименованій, кромѣ одного: никакимъ образомъ? Такъ-то имъ больше пристало бы то, что называется безпредѣльнымъ.

Θеод. Имъ, въ самомъ дѣлѣ, очень прилично это нарѣчіе.

Сокр. И такъ, отъ твоего друга, Θеодоръ, мы отдѣлились, и еще не уступаемъ ему, что всякій человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, если кто не мудръ. Не согласимся мы и въ C.
томъ, будто, по методѣ всеобщаго движенія, знаніе есть чувство, если только этотъ Теэтетъ не понимаетъ дѣла какъ иначе.

Θеод. Ты превосходно сказалъ, Сократъ. Когда это рѣшено, то и я, по условію, долженъ отдѣлиться отъ тебя съ своими отвѣтами; такъ какъ рѣчь о Протагорѣ доведена до конца.

Теэт. Не прежде однакожъ, Θеодоръ, пока Сократъ и ты не разсмотрите, какъ недавно предположили, мнѣнія тѣхъ, которыя утверждаютъ съ своей стороны, что все стоитъ. D.

Θеод. Молодъ ты, Теэтетъ, чтобы учить старшихъ поступать несправедливо, нарушая условія! Приготовляйся-ка въ остальномъ самъ отвѣчать Сократу.

Теэт. Пожалуй, если хотите. Но я съ бо̀льшимъ удовольствіемъ слушалъ бы о томъ, о чемъ говорю.

Ѳеод. Что̀ вызывать всадниковъ на поприще—то̀ вызывать Сократа на слово: спрашивай же, и услышишь.

Сокр. Но въ томъ-то, Ѳеодоръ, что̀ приказываетъ Теэ-
E. тетъ, я, кажется, не послушаюсь его.

Ѳеод. Почему же не послушаться?

Сокр. Вѣдь, стыдясь слишкомъ жестко вести изслѣдованіе противъ Мелисса и другихъ, которые говорятъ, что все есть стоячее одно, я меньше стыжусь всѣхъ ихъ, чѣмъ одного Парменида. Парменидъ представляется мнѣ, говоря словами Омира [1], человѣкомъ и возбуждающимъ къ себѣ благоговѣніе, и вмѣстѣ страшнымъ. Я обращался съ этимъ мужемъ, когда былъ еще очень молодъ, а онъ очень старъ, и мнѣ тогда представлялась въ немъ чрезвычайная глуби-
184 на созерцанія. Такъ я боюсь, что мы не поймемъ даже и его словъ, а еще больше—отстанемъ отъ того, что̀ мыслилъ онъ, когда говорилъ. Самое же великое, къ чему направлено разсужденіе, есть дѣло знанія, что̀ такое оно: ка̀къ бы вопросъ о немъ отъ вторгающихся насильственно рѣчей не остался неразрѣшеннымъ, если поддаваться имъ. Притомъ и поднятый теперь нами, чрезвычайно широкій пред-

---

[1] Указывается Iliad. γ′ 172; Odyss. ϑ′ 122. Философъ удивляется Пармениду потому, что онъ не злоупотреблялъ, подобно другимъ, своею способностію къ наукѣ и своимъ остроуміемъ, чтобы похвастаться ученостію, но искалъ мудрости по искренней любви къ истинѣ, и способность разсуждать соединялъ съ скромностію и достоинствомъ. Поэтому, Sophist. p. 237 A, онъ называотся Παρμενίδης ὁ μέγας. Платонъ не только здѣсь, но и въ Парменидѣ, p. 127, 136 D, и въ Софистѣ, p. 217 C, заставляетъ Сократа разсказывать, что онъ въ дѣтствѣ слушалъ Парменида. Но на эти разсказы еще древніе навели сомнѣніе, какъ напр. Athenaeus (IX, 15), Macrobius (Saturn. 1, 1),—по мнѣнію которыхъ, Парменидъ былъ настолько древнѣе Сократа, что дѣтство послѣдняго едва ли могло встрѣтиться съ старостію перваго. Объяснить эту несообразность недавно старались Карстенъ, Parmenidis Reliqq. p. 4 sqq.; Brandis, Geschichte d. griech.-röm. Philos. p. 375; Clinton. in Fast. Hellen. t. II, p. 364. Всѣ они полагаютъ, что Парменидъ приходилъ въ Аѳины около LXXX олимп. А если это справедливо, то Сократъ могъ слушать Парменида, имѣя не болѣе пятнадцати лѣтъ отъ роду.

метъ, если изслѣдывать его мимоходомъ, можетъ потерпѣть вредъ; а когда изслѣдованіе будетъ достаточно длинно,—затемнится вопросъ о знаніи. Между тѣмъ не должно быть ни того ни другаго. Мы обязаны постараться повивальнымъ своимъ искусствомъ освободить Теэтета отъ того, чѣмъ онъ бременѣетъ относительно знанія. B.

Ѳеод. Да, если кажется, надобно сдѣлать такъ.

Сокр. Такъ относительно сказаннаго разсмотри, Теэтетъ, еще слѣдующее. Ты отвѣчалъ, что чувство есть знаніе,—не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. Но если бы кто спросилъ [1] тебя такъ: чѣмъ видитъ человѣкъ бѣлое и черное, чѣмъ слышитъ высокое и низкое? Ты сказалъ бы, думаю: глазами и ушами.

Теэт. Сказалъ бы.

Сокр. Свободно употреблять имена и глаголы, не разсматривая ихъ съ точностію, часто бываетъ, конечно, не неблагородно, и въ противномъ этому больше рабства; однакожъ и послѣднее иногда необходимо. Вотъ и теперь приходится укорить данный тобою отвѣтъ, какъ неправильный. Смотри, C.

---

[1] Отсюда начинается другое доказательство, что въ чувственныхъ впечатлѣніяхъ не заключается знаніе. Мы чувствуемъ окружающіе насъ предметы, если захотимъ выразиться точнѣе, не самыми чувствами, а скорѣе чрезъ чувства; потому что чувства суть только нѣкоторыя орудія, пользуясь которыми, мы постигаемъ внѣшніе предметы. А отсюда должно заключить, что, кромѣ чувствъ, есть въ насъ иная сила или способность, которою, что ни встрѣтилось бы намъ, мы понимаемъ и познаемъ. И эта сила находится въ нашемъ умѣ. Это высказывается слѣдующимъ умозаключеніемъ: Всякому чувству подчинены нѣкоторые роды вещей, такъ что постигаемое слухомъ недоступно для зрѣнія. Но впечатлѣнія отдѣльныхъ чувствъ мы обыкновенно сравниваемъ между собою и судимъ, что̀ во многихъ есть общее, что̀—ихъ сущность, чѣмъ они различаются. Все это, очевидно, обсуживается уже не чувствами, а однимъ умомъ; потому что тѣ общія и отъ самыхъ вещей отвлеченныя понятія находятся не въ чувствахъ, а только въ душахъ. И отсюда уже ясно, что между знаніемъ и впечатлѣніями чувствъ есть большое различіе; но къ этому идетъ еще и другое замѣчаніе. Впечатлѣнія чувственныя начинаютъ производиться тотчасъ, какъ скоро мы родились; а понятія умственныя мы получаемъ иногда въ позднѣйшемъ уже возрастѣ, что̀, конечно, было бы иначе, если бы знаніе и чувственное ощущеніе были безразличны.

который отвѣтъ правильнѣе: глаза—то ли, чѣмъ видимъ, или то, чрезъ что видимъ? уши—то ли, чѣмъ слышимъ, или то, чрезъ что слышимъ?

Теэт. Чрезъ что чувствуемъ каждый предметъ,—это мнѣ больше кажется, Сократъ, нежели то, чѣмъ.

D. *Сокр.* Странно въ самомъ дѣлѣ было бы, дитя, если бы у насъ было много какихъ нибудь чувствъ, какъ у деревянныхъ коней, и если бы всѣ они не сходились въ нѣкоторую одну идею, въ душу ли то, или какъ ни пришлось бы назвать ее,—которою мы все чувствопостигаемое чувствуемъ посредствомъ ихъ, какъ бы посредствомъ орудій.

Теэт. Да, это представленіе мнѣ болѣе кажется, чѣмъ то.

Сокр. Но ради чего довожу я его до точности? Дѣйствительно ли чѣмъ нибудь въ насъ самихъ однимъ и тѣмъ же постигаемъ мы: чрезъ глаза—бѣлое и черное, а чрезъ дру-
E. гія чувства—опять что нибудь, и ты,—на вопросъ,—все это отнесешь къ тѣлу? Впрочемъ, можетъ быть, лучше будетъ высказать это тебѣ самому—посредствомъ отвѣтовъ, чѣмъ за тебя вдаваться въ соображенія мнѣ. Скажи же: то, чрезъ что чувствуешь теплое, жесткое, легкое, сладкое,—все это порознь,—къ тѣлу ли относишь ты, или къ чему иному?

Теэт. Ни къ чему иному.

Сокр. А захочешь ли согласиться, что чувствуемое тобою посредствомъ одной силы не можетъ быть чувствуемо по-
185. средствомъ другой? напримѣръ, чувствуемое чрезъ слухъ—чрезъ зрѣніе, а чувствуемое чрезъ зрѣніе—чрезъ слухъ?

Теэт. Какъ не захотѣть.

Сокр. Если, стало быть, ты мыслишь что либо относительно обоихъ, то мыслишь уже не чрезъ особое орудіе, равно какъ не чрезъ особое опять и чувствуешь что либо относительно обоихъ.

Теэт. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Такъ, относительно голоса и цвѣта, не мыслишь ли ты сперва объ обоихъ то самое, что это—оба?

Теэт. Мыслю.

Сокр. И то, что тò и другое изъ нихъ есть особое въ разсужденіи того и другаго, а въ разсужденіи себя тожественное? B.

Теэт. Какъ же.

Сокр. И что оба—два, а которое либо—одно?

Теэт. И это.

Сокр. Не въ состояніи ли ты равнымъ образомъ изслѣдовать, сходны они между собою, или не сходны?

Теэт. Можетъ быть.

Сокр. Но чрезъ что̀ все это мыслишь ты о нихъ? Вѣдь общаго имъ нельзя схватить ни слухомъ, ни зрѣніемъ. Да и вотъ еще доказательство того, о чемъ говоримъ: если бы можно было разсмотрѣть два предмета, солоны ли оба они или нѣтъ, ты, знаю, скажешь, чѣмъ будешь разсматривать, и откроется, что это не есть ни зрѣніе, ни слухъ, а что-то C.
иное.

Теэт. Какъ не иное? это-то способность языка.

Сокр. Хорошо; а способность чего̀ открываетъ тебѣ въ этомъ и во всемъ общее, чѣмъ ты называешь бытіе и небытіе, и про что теперь же мы спрашивали относительно тѣхъ предметовъ? Всему этому какія припишешь ты орудія, посредствомъ которыхъ чувствуетъ что бы то ни было наше чувствующее?

Теэт. Ты разумѣешь бытіе и небытіе, подобіе и неподобіе, то же и особое,—также одно и иное относительно ихъ число; явно, что спрашиваешь также о четѣ и нечетѣ, и D.
о прочемъ, что за этимъ слѣдуетъ,—чрезъ какое, то есть, орудіе тѣла мы чувствуемъ это душою?

Сокр. Ты весьма хорошо идешь за мною, Теэтетъ: это самое и есть, о чемъ я спрашиваю.

Теэт. Но,—клянусь Зевсомъ, Сократъ,—я не могу ничего сказать: мнѣ только кажется, что для этихъ предметовъ рѣшительно нѣтъ такого особаго орудія, какія были для тѣхъ; душа здѣсь, по видимому, сама собою разсматриваетъ общее E.
относительно всего.

Сокр. Ты прекрасенъ, Теэтетъ, а не то, что безобразенъ,

какъ говорилъ Ѳеодоръ; ибо кто прекрасно говоритъ, тотъ прекрасенъ и добръ. Мало того, что прекрасенъ,—ты хорошо сдѣлалъ также, что избавилъ меня отъ весьма длиннаго разсужденія, если тебѣ представляется, что душа иное разсматриваетъ сама по себѣ, а иное—посредствомъ способностей тѣлесныхъ. Вѣдь это именно было, чтò и мнѣ самому казалось, и чтò, по моему намѣренію, должно было показаться тебѣ.

186. *Теэт.* Да мнѣ-то представляется.

Сокр. Въ которой же дѣятельности ея поставляешь ты сущность? Вѣдь этимъ-то особенно сопровождается все.

Теэт. Я поставляю въ томъ, къ чему душа стремится сама по себѣ.

Сокр. Неужели также въ подобномъ и не подобномъ, въ тожественномъ и особомъ?

Теэт. Да.

Сокр. Что же? въ прекрасномъ и постыдномъ, въ добромъ и зломъ?

Теэт. Сущность и этихъ предметовъ душа разсматриваетъ, кажется, особенно въ относительности ихъ, соображая въ себѣ прошедшее и настоящее съ будущимъ.
B.

Сокр. Пускай. Не правда ли, что жесткость жесткаго будетъ чувствовать она чрезъ осязаніе, и мягкость мягкаго такимъ же образомъ?

Теэт. Да.

Сокр. Но судить о сущности-то и о чемъ либо стоящемъ, также о взаимной ихъ противоположности, либо опять о существѣ противнаго, пытается у насъ сама душа, принимаясь за предметъ много разъ и сравнивая его съ другимъ.

Теэт. Конечно.

Сокр. Всѣ впечатлѣнія, получаемыя чрезъ тѣло и на-
C. правляющіяся къ душѣ, не естественно ли людямъ и животнымъ чувствовать тотчасъ по рожденіи, тогда какъ соображенія относительно тѣхъ вещей, направленныя къ

сущности и пользѣ, едва достаются современемъ, чрезъ большія заботы и воспитаніе, если кому и достаются?

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Можно ли постигнуть истину того, что̀ не постигается какъ сущность?

Теэт. Невозможно.

Сокр. А чего истины кто не постигъ, то̀ самое будетъ ли когда нибудь знать?

Теэт. Какъ же знать-то, Сократъ? D.

Сокр. Стало быть, знаніе находится не въ впечатлѣніяхъ, а въ умозаключеніи о нихъ; потому что сущности и истины можно коснуться, какъ видно, здѣсь, а тамъ невозможно.

Теэт. Видимо.

Сокр. Такъ ужели то̀ и это назовешь ты тожественнымъ, когда между ними такъ много различія?

Теэт. Да вѣдь это было бы несправедливо.

Сокр. Какое же дашь имя тому,—зрѣнію, то есть, слышанію, обонянію, охладѣванію, согрѣванію?

Теэт. Дамъ имя чувствованія; какое иначе? E.

Сокр. Стало быть, чувствованіемъ называешь ты все это?

Теэт. Необходимо.

Сокр. И этимъ-то, говоримъ, нельзя коснуться истины, такъ какъ нельзя коснуться сущности.

Теэт. Конечно, нельзя.

Сокр. Равно и знанія.

Теэт. Тоже нѣтъ.

Сокр. Стало быть, чувствованіе и знаніе, Теэтетъ, никогда не могутъ быть тожественными?

Теэт. Видимо, что не могутъ, Сократъ. И особенно теперь-то стало совершенно явно, что чувство отлично отъ знанія.

Сокр. Но не для того вѣдь однакожъ начали мы разговаривать, чтобы найти, что̀ не есть знаніе,—а что̀ оно есть. 187.
Теперь мы дошли по крайней мѣрѣ до того, что будемъ уже искать его не въ чувствѣ, а въ томъ имени, какое

получаетъ душа, когда вдается въ разсмотрѣніе сущаго сама по себѣ.

Теэт. А это, Сократъ, называется, думаю, мнить [1].

Сокр. Правильно думаешь, другъ мой. И смотри-ка теперь
B. опять сначала: изгладивъ все прежнее, болѣе ли ты видишь что нибудь, когда дошелъ до этого. Скажи снова, что̀ такое знаніе?

Теэт. Сказать, что оно есть вообще мнѣніе, невозможно, Сократъ, потому что бываютъ мнѣнія и ложныя: знаніе, должно быть, есть мнѣніе истинное,—и это пусть будетъ моимъ отвѣтомъ. А если намъ, на пути впередъ, это не покажется, какъ не показалось теперь, то мы попытаемся сказать что нибудь иное.

Сокр. Но такимъ-то вѣдь образомъ нужно, Теэтетъ, чтобы ты говорилъ съ бо̀льшимъ усердіемъ, а не какъ прежде—отвѣчалъ нерѣшительно; потому что, если поступимъ такъ, достигнемъ одного изъ двухъ: или найдемъ то, къ чему
C. идемъ, или убѣдимся, что меньше знаемъ то, чего никакъ не знаемъ; а такой наградой [2] тоже пренебрегать не слѣдуетъ. И такъ, что говоришь ты теперь? Изъ двухъ идей мнѣнія, одной—истиннаго, другой—ложнаго, знаніемъ называешь ты мнѣніе истинное?

---

[1] Теэтетъ, отвергнувъ прежнее положеніе, теперь утверждаетъ, что знаніе усматривается въ правильномъ мнѣніи. Потомъ объ этомъ предметѣ разсужденіе устанавливается такъ, что касается того извѣстнаго, возбуждаемаго софистами пр тиворѣчія, будто невозможно, чтобы кто нибудь высказывалъ τὸ μὴ ὄν, или говорилъ ложь. См. Euthyd. p. 284 A; 286 C. Cratyl. p. 429 D. De Rep. V, p. 478. D i o g. L. III, 35; IX, 8, 53. При этомъ надобно однакожъ замѣтить, что, какъ въ другихъ діалогахъ, наприм. въ Эвтидемѣ и Менонѣ, Платонъ выставлялъ Сократа преслѣдующимъ противниковъ колкою насмѣшкою и опровергающимъ ихъ тѣмъ самымъ, что въ своихъ разсужденіяхъ пользуется ихъ же оборотами и софизмами, такъ дѣлаетъ онъ и здѣсь. Полагавшіе, то есть, знаніе въ правильномъ мнѣніи опровергаются такъ, что осмѣиваются самыми своими хитросплетеніями и приводятся къ сознанію своего заблужденія. Это надобно твердо помнить; а иначе не легко опредѣлить, каково было объ извѣстномъ предметѣ мнѣніе самого Платона, и не трудно навязать ему ни къ чему негодныя софистическія тонкости.

[2] Надобно, то есть, почитать нѣкоторою наградою незнанія, не малою выгодою, то убѣжденіе, что ты не представляешь себя понимающимъ и знающимъ то чего на самомъ дѣлѣ не знаешь.

Теэт. Да; потому что теперь это опять кажется мнѣ.

Сокр. Да стоитъ ли еще снова возвращаться къ мнѣнію?

Теэт. Чтò это говоришь ты?

Сокр. Меня и теперь какъ-то безпокоитъ, и въ иныя вре-
мена часто безпокоило то, что я, и въ отношеніи къ себѣ, D.
и въ отношеніи къ другому, былъ въ большомъ недоумѣ-
ніи, не умѣя сказать, чтò это у насъ за свойство, и какимъ
образомъ оно является.

Теэт. Какое свойство?

Сокр. То, что кто нибудь имѣетъ ложное мнѣніе. Я и теперь смотрю съ недоумѣніемъ, оставить ли намъ этотъ вопросъ, или изслѣдовать его инымъ способомъ, чѣмъ какъ изслѣдывали немного прежде.

Теэт. Почему же не изслѣдовать, Сократъ, если въ амомъ дѣлѣ представляется, что это такъ или иначе нужно? Вѣдь вы—ты и Θеодоръ—не худо сейчасъ говорили о досугѣ, что въ занятіи этого рода ничто не стѣсняетъ васъ.

Сокр. Ты кстати вспомнилъ. Можетъ быть, не дурно E.
было бы опять какъ бы напасть на готовый слѣдъ; потому
что лучше сдѣлать немногое да хорошо, чѣмъ многое—
недостаточно.

Теэт. Какъ же.

Сокр. Но какимъ образомъ?—Что тутъ сказать? Скажемъ ли, что мнѣніе бываетъ ложно всякій разъ, и что таковы мы по природѣ, слѣдуя которой, одинъ изъ насъ мнитъ ложно, а другой справедливо?

Теэт. Конечно, скажемъ.

Сокр. Не то ли именно свойственно намъ по отношенію 188.
и ко всему, и къ отдѣльному, что мы или знаемъ, или не

---

[1] Нѣтъ нужды показывать, въ чемъ именно скрывается ложь излагаемаго здѣсь умствованія. Теперь вызываетъ насъ на замѣчаніе только шуточный способъ философа утвердить положеніе тѣхъ, у которыхъ знаніе поставлялось въ правильномъ мнѣніи,—точно такой же способъ, какимъ прежде старался онъ оправдать положеніе Протагора, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, пока самъ же не опровергъ его. Кто не обратитъ на это вниманія, тотъ, конечно, не пойметъ, къ чему относится эта часть разсужденія.

знаемъ? А что̀ находится въ срединѣ между тѣмъ и другимъ, —то есть, учиться и забывать [1],—на то въ настоящее время я не обращаю вниманія; такъ какъ это теперь къ предмету нашего разсужденія не относится.

Теэт. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, иного-то ничего не остается относительно каждой вещи, кромѣ какъ—знать и не знать.

Сокр. Такъ не необходимо ли, стало быть, мнящему имѣть мнѣніе или о томъ, что̀ онъ знаетъ, или о томъ, чего не знаетъ?

Теэт. Необходимо.

B. *Сокр.* Но знающему-то не знать того самаго (что̀ онъ знаетъ), или не знающему знать (не знаемое) невозможно.

Теэт. Какъ не невозможно!

Сокр. Посему человѣкъ, имѣющій ложное мнѣніе о томъ, что̀ онъ знаетъ, не думаетъ ли, что это—не это, а нѣчто отличное отъ того, что̀ онъ знаетъ,—и, зная то и другое, не знаетъ ни того ни другаго?

Теэт. Но это невозможно, Сократъ.

Сокр. А кто не знаетъ чего нибудь, тотъ думаетъ ли, что это есть нѣчто отличное отъ того, чего онъ не знаетъ? и не знающій ни Теэтета, ни Сократа, не заберетъ ли себѣ въ голову, что Сократъ есть Теэтетъ, или Теэтетъ—Сократъ?

C. *Теэт.* Да какъ же это?

Сокр. Между тѣмъ что̀ кто знаетъ, того, вѣроятно, не почитаетъ тѣмъ, чего не знаетъ, а того, чего не знаетъ,—тѣмъ, что знаетъ.

Теэт. Это будетъ чудовищно.

Сокр. Какимъ же образомъ имѣлъ бы кто нибудь ложное мнѣніе? Вѣдь внѣ этого мнить, вѣроятно, нельзя, если только

---

[1] Впрочемъ касательно ученія и забыванія была тогда въ ходу тоже софистическая мысль, которую легко было привнести и сюда. Говорили именно такъ, какъ излагается это Sympos. p. 208 A: λήθη ἐστὶ ἐπιστήμης ἔξοδος, μελέτη δὲ πάλιν καινὴν ἐμποιοῦσα ἀντὶ τῆς ἀπιούσης μνήμην σώζει τὴν ἐπιστήμην κ. τ. λ.

мы все или знаемъ, или не знаемъ; а въ этихъ предѣлахъ нигдѣ, по видимому, невозможно имѣть мнѣніе ложное.

Теэт. Весьма справедливо.

Сокр. Но, можетъ быть, не такъ надобно изслѣдывать искомое, —идти не къ знанію и незнанію, а къ бытію и къ небытію [1]? D.

Теэт. Какъ ты говоришь?

Сокр. Проще сказать, вотъ какъ: кто мнитъ, о чемъ бы ни было, тò, чего нѣтъ, тотъ не можетъ не имѣть мнѣнія ложнаго, сколько бы впрочемъ ни было у него ума.

Теэт. И это опять естественно, Сократъ.

Сокр. Какъ же? Что скажемъ, Теэтетъ, если спросятъ насъ: возможно ли для кого нибудь то, что вы говорите? Кто изъ людей будетъ мнить не существующее,—въ разсужденіи какъ предметовъ дѣйствительныхъ, такъ и вещи самой по себѣ? Мы-то, какъ видно, дадимъ на это такой отвѣтъ: когда думающій будетъ думать по крайней мѣрѣ несправедливо. E. Или какъ скажемъ?

Теэт. Такъ.

Сокр. А бываетъ ли это и въ другихъ случаяхъ?

Теэт. Что?

Сокр. То, чтобы кто нибудь, видя нѣчто, не видѣлъ ничего?

Теэт. Какъ же это возможно?

Сокр. Однакожъ, кто видитъ одно-то, тотъ видитъ нѣчто существующее. Или ты думаешь, что одно есть и въ не существующемъ?

Теэт. Не думаю.

Сокр. Стало быть, видящій что нибудь одно-то видитъ существующее.

Теэт. Явно.

---

[1] Здѣсь излагается второе доказательство, что ложныхъ мнѣній нѣтъ. Вѣдь если то, чтò мы мнимъ, относится къ тому, чтò есть, то быть не можетъ, чтобы то самое, чего нѣтъ, какимъ нибудь образомъ подлежало мнѣнію. А отсюда слѣдуетъ, что ложно мнить нельзя, такъ какъ мнящій необходимо мнитъ что нибудь.

189. *Сокр.* И слѣдовательно слышащій что нибудь слышитъ также нѣчто одно,—слышитъ существующее.

Теэт. Да.

Сокр. И касающійся чего нибудь касается именно одного,—касается существующаго, какъ скоро одного.

Теэт. И это.

Сокр. А имѣющій мнѣніе не одно ли нѣчто мнитъ?

Теэт. Необходимо.

Сокр. Мнящій же нѣчто одно не то ли мнитъ, чтò существуетъ?

Теэт. Согласенъ.

Сокр. Стало быть, кто мнитъ не существующее, тотъ ничего не мнитъ.

Теэт. По видимому; ничего.

Сокр. Но вѣдь ничего не мнящій-то вовсе и не мнитъ.

Теэт. Ясно, кажется, что такъ.

B. *Сокр.* Стало быть, не существующаго мнить нельзя,—ни въ разсужденіи предметовъ дѣйствительныхъ, ни въ разсужденіи вещи самой по себѣ.

Теэт. По видимому, нельзя.

Сокр. Значитъ, имѣть ложное мнѣніе есть что-то иное, чѣмъ мнить то, что не существуетъ?

Теэт. Явно, что иное.

Сокр. Посему мнѣніе у насъ бываетъ ложнымъ и не такъ, и не какъ немного прежде разсматривали мы его.

Теэт. Ужъ конечно, нѣтъ.

Сокр. Не дать ли такъ происходящему вотъ какого имени?

Теэт. Какого?

Сокр. Мнѣнія, оказывающагося ложнымъ, не назвать ли
C. иномнѣніемъ [1] (ἀλλοδοξίαν),—когда кто, смѣнивъ въ своей мысли что либо существующее, считаетъ его опять инымъ

---

[1] Слѣдуетъ третье доказательство, что ложнаго мнѣнія нѣтъ. Вѣдь если ложнымъ мнѣніемъ должно быть какое-то иномнѣніе, въ которомъ вещи смѣняются одна на другую, то, по словамъ Сократа, такая смѣна, не можетъ имѣть мѣста, объ одной ли изъ тѣхъ вещей мыслимъ мы, или объ обѣихъ.

существующимъ? Вѣдь такимъ образомъ онъ всегда мнитъ хоть и существующее, однакожъ одно вмѣсто другаго,—и, не попадая на тотъ предметъ, который разсматривалъ, справедливо можетъ быть названъ ложно мнящимъ.

Теэт. Теперь ты сказалъ, кажется, весьма правильно; потому что, когда вмѣсто прекраснаго мнятъ постыдное, или вмѣсто постыднаго прекрасное, тогда, по справедливости, мнятъ ложно.

Сокр. Ты относишься ко мнѣ, Теэтетъ, съ презрѣніемъ, а не съ осторожностію.

Теэт. Почему такъ?

Сокр. Я кажусь тебѣ, думаю, неспособнымъ ухватиться за твое«*по справедливости ложно*», и спросить: развѣ можетъ D.
быть скорое медленно, или легкое тяжело, или что̀ другое противное оказываться противнымъ себѣ,—не по своей природѣ, а по природѣ противнаго? Впрочемъ, чтобы отвага твоя не была напрасною, я оставляю это. Такъ тебѣ нравится, говоришь, та мысль, что имѣть ложное мнѣніе значитъ водиться иномнѣніемъ?

Теэт. Нравится.

Сокр. Стало быть, по твоему мнѣнію, одно что нибудь можно полагать въ мысли какъ другое, а не какъ это.

Теэт. Конечно, можно.

Сокр. Если же въ чьей нибудь мысли дѣлается такъ, то не необходимо ли ей мыслить или оба, или только другое? E.

Теэт. Конечно, необходимо.

Сокр. Притомъ либо вмѣстѣ, либо преемственно?

Теэт. Прекрасно.

Сокр. Но мышленіемъ то̀ ли называешь ты, что̀ я?

Теет. А ты что называешь?

Сокр. Бесѣду, которую душа ведетъ сама съ собою, когда что нибудь разсматриваетъ. Вотъ ты видишь во мнѣ какъ бы человѣка незнающаго; въ эту минуту я представляю душу свою такъ: мнѣ воображается, что она, размышляя, не иное что дѣлаетъ, какъ разговариваетъ,—сама себя спра-

190. шиваетъ и отвѣчаетъ, утверждаетъ и отрицаетъ. И тогда, какъ ею что нибудь опредѣлено, выходъ изъ недоумѣнія скорѣе или медленнѣе сдѣланъ, тожественное высказано и сомнѣнія больше нѣтъ,—мы приписываемъ ей мнѣніе. Поэтому мнить у меня называется говорить, мнѣніемъ же я почитаю высказанное слово,—высказанное однакожъ не другому кому и не голосомъ, а молча, себѣ самому. А ты что думаешь?

Теэт. И я то же.

Сокр. Стало быть, кто одно мнитъ другимъ, тотъ говоритъ также, какъ видно, самому себѣ, что одно есть другое.

B. *Теэт.* Какъ же.

Сокр. Припомни же, говорилъ ли ты когда нибудь самому себѣ, что прекрасное всего болѣе есть безобразное, либо, несправедливое—справедливое, или,—и это главное,—смотри, принимался ли ты когда нибудь увѣрять себя, что одно всего болѣе есть другое? Не совершенно ли напротивъ, ты даже и во снѣ никогда не осмѣливался сказать себѣ, что нечетъ непремѣнно есть четъ, либо что̀ иное такое же?

Теэт. Ты правду говоришь.

C. *Сокр.* Думаешь ли, что кто нибудь здоровый, а не сумасшедшій, дерзнетъ серьезно говорить самъ съ собою и увѣрять себя, что быкъ необходимо есть лошадь, или два—одно?

Теэт. Клянусь Зевсомъ, нѣтъ.

Сокр. И такъ, если говорить съ самимъ собою значитъ мнить, то, говоря и мня оба-то представленія и касаясь душою того и другаго, никто не могъ бы ни говорить, ни мнить, что одно есть другое. Посему и тебѣ надобно оставить рѣчь о другомъ. Вѣдь я полагаю это самое такъ: никто не мнитъ,
D. что постыдное прекрасно, или иное что нибудь такое.

Теэт. И я оставляю, Сократъ; такъ какъ мнѣ нравится, что̀ ты говоришь.

Сокр. Стало быть, кто мнитъ оба представленія, тому невозможно мнить, что одно есть другое.

Теэт. Выходитъ.

Сокр. Мнящій же только одно-то, а никакъ не другое, никогда не будетъ мнить, что одно есть другое.

Теэт. Справедливо; потому что иначе онъ принужденъ былъ бы касаться и того, о чемъ не мнитъ.

Сокр. Стало быть, иномнѣніе невозможно ни для того, кто мнитъ оба представленія, ни для того, кто—которое E.
нибудь одно; слѣдовательно, кто опредѣлялъ бы, что ложное мнѣніе есть иномнѣніе, тотъ не сказалъ бы ничего; потому что ни этимъ образомъ, ни прежнимъ не открывается въ насъ ложнаго мнѣнія.

Теэт. Видно, что нѣтъ.

Сокр. Но вѣдь если не откроется это, Теэтетъ, то мы принуждены будемъ допустить много страннаго.

Теэт. Что именно?

Сокр. Я не скажу тебѣ, пока не попытаюсь разсмотрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ; потому что стыдно было бы мнѣ за насъ, при настоящемъ затрудненіи, быть поставленными въ необходимость согласиться въ томъ, чтὸ я говорю. 191.
Но если найдемъ и выйдемъ на свободу, то, уже не опасаясь возбудить смѣхъ, скажемъ о другихъ, съ кѣмъ это случается. А когда затрудненія нисколько не преодолѣемъ, тогда смиримся, думаю, и, подобно корабельнымъ пловцамъ, предавшись слову, будемъ терпѣть и принимать, чего бы оно ни захотѣло. Послушай-ка, какой еще представляется намъ путь изслѣдованія.

Теэт. Говори.

Сокр. Скажу, что мы неправильно согласились, допустивъ, будто тому, кто знаетъ что нибудь, невозможно мнить, что чего онъ не знаетъ, есть то самое,—и обманываться: на- B.
противъ, это въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно.

Теэт. Не то ли говоришь ты, чтὸ и я подозрѣвалъ, когда мы полагали, что это таково: что, то есть, иногда я, зная Сократа, а вдали видя другаго человѣка, котораго не знаю, думалъ, что это Сократъ, котораго знаю? Въ этомъ-то вѣдь случаѣ бываетъ именно то, что ты говоришь.

Сокр. Такъ не отказаться ли намъ отъ этого положенія, которое въ томъ, чтò мы знаемъ, дѣлало насъ, знающихъ, не знающими?

Теэт. Конечно.

Сокр. Вѣдь мы положимъ не такъ, а вотъ какъ,—и дѣло
C. у насъ, можетъ быть, кое-какъ уладится,—а можетъ быть и не пойдетъ на ладъ. Видишь, мы въ настоящемъ случаѣ такъ поставлены, что намъ необходимо испытывать предметъ, поворачивая его на всѣ стороны. Смотри же, дѣло ли я говорю. Возможно ли, чтобы кто, прежде не зная чего нибудь, послѣ научился?

Теэт. Конечно, возможно.

Сокр. Потомъ опять другому, третьему?

Теэт. Почему не такъ.

Сокр. Представь же, для ясности, что въ душахъ нашихъ есть [1] восковой оттискъ, у одного больше, у другаго мень-
D. ше, и воскъ у того чище, у этого грязнѣе, у того тверже, у этого мягче, а у иныхъ онъ умѣренный.

Теэт. Представляю.

Сокр. Положимъ теперь, что этотъ воскъ есть даръ матери музъ, Мнимосины, и что на немъ,—что ни захотѣлось бы намъ помнить изъ вещей видѣнныхъ, слышанныхъ, либо, при посредствѣ чувствъ и размышленія, придуманныхъ нами самими,—мы кладемъ знаки, отпечатлѣвая ихъ будто перстнемъ. И вотъ, что отпечатлѣно, мы помнимъ и знаемъ,
E. пока есть образъ отпечатлѣннаго; а когда оттискъ изгладился, или нельзя бываетъ сдѣлать его, забываемъ и не знаемъ.

Теэт. Пусть такъ.

Сокр. И такъ, знающій то, чтò видитъ или слышитъ, и

---

[1] Неизвѣстно, откуда взялъ Платонъ понятіе о восковомъ оттискѣ въ нашей душѣ. Но по всей вѣроятности, оно заимствовано у кого нибудь изъ тогдашнихъ умствователей, которые здѣсь осмѣиваются. Впослѣдствіи стоики и другіе позднѣйшіе философы мысль о восковомъ оттискѣ перенесли на мозгъ, и приложили ее къ объясненію природы памяти и сужденія.

разсматривающій это,—сообрази,—можетъ ли такимъ образомъ имѣть ложное мнѣніе?

Теэт. Какимъ, то есть?

Сокр. Думая, что знаемое иногда онъ знаетъ, иногда нѣтъ. Вѣдь это-то, соглашаясь въ невозможномъ, мы прежде не хорошо допустили.

Теэт. А теперь какъ ты говоришь?

Сокр. Говоря объ этомъ, надобно сперва различить [1]
слѣдующее: невозможно, чтобы, кто что знаетъ, имѣя въ 192.
своей душѣ память о томъ, но не чувствуетъ того, почиталъ это чѣмъ-то отличнымъ отъ знаемаго, тогда какъ носитъ въ себѣ типъ его, только не чувствуетъ; и опять, чтобы, кто что знаетъ, знаемое принималъ за то, чего не знаетъ и печати чего въ себѣ не носитъ; и опять, кто чего не знаетъ, считалъ бы за то, чего не знаетъ, а что знаетъ,—за то, что знаетъ. Невозможно также, чтобы кто, что чув-

[1] Намѣреваясь показать начала и источники, изъ которыхъ можетъ проистекать ложное мнѣніе, философъ, вслѣдъ за своимъ замѣчаніемъ касательно возможности, зная что либо, мнить о существованіи только знаемаго и не знаемаго, перечисляетъ отчетливо, математически, всѣ случаи, въ которыхъ можетъ быть или не можетъ быть смѣшеніе чувственныхъ усмотрѣній и умственныхъ понятій. На первомъ мѣстѣ поставляетъ онъ одно понятіе ума безъ чувства, потомъ одно чувство безъ понятія ума, чтобы изслѣдовать, сколько можетъ быть случаевъ къ смѣшиванію чувственныхъ усмотрѣній. За этимъ слѣдуетъ третій способъ происхожденія заблужденій, когда знаніе и ощущеніе соединяются между собою. Здѣсь или на которой либо одной сторонѣ, или на обѣихъ нолагаются ясныя и отчетливыя понятія ума и чувственныя ощущенія, такъ что одинъ образъ соотвѣтствуетъ другому и понятія умственныя бываютъ согласны съ усмотрѣніями чувствъ. Поэтому сюда заблужденіе не можетъ имѣть доступа. Философу кстати было бы прибавить къ этому: кто что хорошо знаетъ, тотъ не станетъ оспаривать того, что ясно усматривается чувствомъ. Но это онъ благоразумно оставляетъ, такъ какъ мы все-таки можемъ ошибаться, какъ скоро представятся намъ подобные признаки вещей. Философъ хочетъ напомнить только о тѣхъ условіяхъ, которыя совершенно выводятъ насъ изъ опасности ошибаться. Эти же случаи раскрываются потомъ и со стороны отрицательной. И такъ, мы видимъ, что заблужденіе, по словамъ философа, можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда на которой либо сторонѣ чувствъ возникаетъ ощущеніе не довольно отчетливое, или когда прежнее познаніе оказывается мало удовлетворительнымъ; ибо теперь опускаются слова: ἔχειν τὸ μνημεῖον ἐν τῇ ψυχῇ κατὰ τὴν αἴσθησιν, и ἔχειν τὴν γνῶσιν κατὰ τὴν αἴσθησιν, что надобно внимательно замѣтить, чтобы не подумать, будто Платонъ не согласенъ самъ съ собою.

ствуетъ, чувствовалъ какъ что-то отличное отъ того, что чувствуетъ; и кто, что чувствуетъ, принималъ бы за то, че-
B. го не чувствуетъ, а чего не чувствуетъ—за то, что чувствуетъ. Но и того, если можно, несбыточнѣе, чтобы кто, зная что либо, чувствуя знаемое и имѣя чувственный его признакъ, почиталъ это опять чѣмъ-то отличнымъ отъ того, что знаетъ, чувствуетъ и чего имѣетъ тоже чувственный признакъ; и чтобы, кто что знаетъ, что чувствуетъ и чего вѣрное изображеніе носитъ въ памяти, почиталъ это тѣмъ, что знаетъ, или чтобы, кто что знаетъ и чувствуетъ, имѣя такое же изображеніе, зналъ то, что чувствуетъ; или опять, чтобы, кто чего не знаетъ и не чувствуетъ, зналъ, что не знаетъ этого и не чувствуетъ; или чтобы, кто чего не знаетъ и не чувствуетъ, зналъ то, чего не знаетъ; или
C. чтобы, кто чего не знаетъ и не чувствуетъ, зналъ то, что этого не чувствуетъ. Все это невозможностію перевѣшиваетъ возможность имѣть здѣсь ложное мнѣніе. И такъ, остается, что оно бываетъ, если и въ иныхъ, то, конечно, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Теэт. Въ какихъ же? Не пойму ли я больше изъ нихъ-то? а теперь вѣдь не слѣдую за тобою.

Сокр. Въ тѣхъ, когда кто, зная что нибудь, думаетъ, что это есть нѣчто отличное отъ того, что онъ знаетъ и
D. чувствуетъ; или когда кто не знаетъ чего либо, но чувствуетъ; или когда кто знаетъ и чувствуетъ что нибудь изъ того опять, что знаетъ и чувствуетъ.

Теэт. Теперь я еще больше отсталъ, чѣмъ тогда.

Сокр. Выслушай же прежнее снова вотъ какъ: зная Ѳеодора и имѣя въ самомъ себѣ память о томъ, каковъ онъ, такимъ же образомъ и Теэтета,—не бываетъ ли, что я иногда вижу ихъ, а иногда нѣтъ, иногда прикасаюсь къ нимъ, а иногда нѣтъ; тоже и слышу, или постигаю какимъ нибудь другимъ чувствомъ; а иногда относительно васъ не имѣю никакого чувства, хотя тѣмъ не менѣе помню васъ и знаю въ себѣ?

Теэт. Конечно. E.

Сокр. Такъ пойми же, во первыхъ: я хочу высказать то, что можно и не чувствовать, что̀ знаешь, можно и чувствовать.

Теэт. Правда.

Сокр. Но не правда ли, что чего кто не знаетъ, того часто можетъ и не чувствовать, а часто—только чувствовать?

Теэт. Возможно и это.

Сокр. Смотри же, болѣе ли теперь будешь слѣдовать. Сократъ знаетъ Ѳеодора и Теэтета; но не видитъ никотора- 193.
го, и въ отношеніи къ нимъ нѣтъ у него никакого инаго чувства: вѣдь онъ не сталъ бы мнить самъ въ себѣ, что Теэтетъ есть Ѳеодоръ. Дѣло ли говорю я, или нѣтъ?

Теэт. Да, совершенную правду.

Сокр. Такъ вотъ смыслъ тѣхъ словъ, которыя сказалъ я прежде.

Теэт. Дѣйствительно, было сказано.

Сокр. Затѣмъ и второе положеніе: что одного изъ васъ зная, а другаго не зная, и никотораго не чувствуя, я никакъ опять не подумалъ бы, что кого я знаю, есть тотъ, котораго не знаю.

Теэт. Правильно.

Сокр. Третье же то, что, никотораго не зная и не чув- B.
ствуя, я не подумалъ бы, что кого не знаю, тотъ есть кто-то иной въ отношеніи къ тѣмъ, которыхъ не знаю. Представляй, что ты по порядку снова слышалъ и всѣ прочіе прежде сказанные случаи, въ которыхъ я о тебѣ и Ѳеодорѣ не буду имѣть ложнаго мнѣнія, обоихъ ли васъ знаю или не знаю, или одного знаю, а другаго не знаю. То же самое и о чувствахъ. Слѣдуешь ли теперь?

Теэт. Слѣдую.

Сокр. И такъ, ложно мнить остается въ томъ случаѣ, когда, зная тебя и Ѳеодора и на томъ воскѣ имѣя какъ бы знаки вашихъ перстней, а между тѣмъ смотря на обоихъ C.
васъ издали и недостаточно, я стараюсь собственнымъ зрѣ-

ніемъ приписать каждому изъ васъ принадлежащій ему знакъ, привязать и приладить къ нему оставшійся во мнѣ самомъ его слѣдъ, чтобы вышло узнаніе; но, не достигая этого, и какъ бы при обуваньи перемѣшивая сапоги, воззрѣніе на того или другаго отношу къ знаку чужому, либо,—что̀ бываетъ, когда смотришься въ зеркало,—правую сторону вижу
D. на лѣвой, и подъ вліяніемъ такого впечатлѣнія ошибаюсь. Тогда-то случается ложно мнить или имѣть иномнѣніе.

Теэт. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, свойство мнѣнія чрезвычайно подходитъ къ тому, что̀ ты говоришь.

Сокр. Бываетъ еще и то, что, зная обоихъ васъ, одного не только знаю, но и постигаю чувствомъ, а другаго нѣтъ, и знаніе другаго у меня не согласно съ чувствомъ. Это говорилъ я тебѣ прежде; но тогда ты не понималъ меня.

Теэт. Дѣйствительно, не понималъ.

Сокр. Между тѣмъ то̀-то и разумѣлъ я, когда сказалъ,
E. что знающій одного и чувствующій, и имѣющій знаніе, согласное съ чувственнымъ на него воззрѣніемъ, никогда не подумаетъ, что этотъ одинъ есть кто-то иной, между тѣми другими, которыхъ онъ знаетъ и чувствуетъ, и знаніе свое тоже подтверждаетъ чувствомъ. Не такъ ли было говорено?

Теэт. Да.

Сокр. И оставалось-то, кажется, то, что говоримъ теперь,—оставался случай, въ которомъ мы полагаемъ проявленіе ложнаго мнѣнія, когда, то есть, зная обоихъ васъ и обоихъ
194. видя, или постигая инымъ чувствомъ, я приписываю обоимъ знаки, не по одному и тому же чувственному воззрѣнію на того и другаго, но поступаю какъ плохой стрѣлокъ, пускающій стрѣлу не въ ту цѣль и не попадающій,—что̀ и названо ложью.

Теэт. Естественно.

Сокр. И такъ, мышленіе всячески ошибается, когда одному знаку чувство присуще, а другому нѣтъ, и когда знакъ чувства отсутствующаго принаровляется къ присущему. Од-

нимъ словомъ, чего кто не знаетъ и никогда не чувствовалъ, въ отношеніи къ тому нельзя, какъ видно, ни лгать, B.
ни имѣть ложное мнѣніе, если мы говоримъ что нибудь здравое. Мнѣніе, какъ ложное, такъ и истинное, вращается и быстро движется вокругъ того, что мы знаемъ и чувствуемъ: если, то есть, сродныя впечатлѣнія и типы сводитъ оно соотвѣтственно и прямо, то бываетъ истиннымъ; а когда стороною и косо,—ложнымъ.

Теэт. Не хорошо ли это говорится, Сократъ?

Сокр. А услышавъ еще нѣчто, ты скажешь то же еще C.
скорѣе. Вѣдь мнить истину прекрасно, а лгать постыдно.

Теэт. Какъ не постыдно.

Сокр. Но отсюда происходитъ, говорятъ, вотъ что. Когда въ чьей нибудь душѣ воскъ глубокъ, обиленъ, легокъ и благоприлично выработанъ, такъ что идущее чрезъ чувства напечатлѣвается въ сердцѣ души,—какъ сказалъ Омиръ, намекая на подобіе воска:—тогда знаки, отпечатавшись въ немъ чисто и будучи довольно углублены, сохраняются дол- D.
гое время, и такіе люди бываютъ, во первыхъ, очень понятливы, потомъ памятливы, поколику знаковъ чувства не мѣняютъ, но мнятъ истину; ибо такъ какъ эти знаки ясны и положены на просторѣ, то скоро всѣ порознь распредѣляются по своимъ печатямъ, носящимъ имена вещей. И вотъ кто называются мудрецами. Или тебѣ не кажется?

Теэт. Чрезвычайно.

Сокр. Затѣмъ, когда сердце космато,—что восхвалилъ во E.
всѣхъ отношеніяхъ мудрый поэтъ [1],—или когда оно грязно и наполнено нечистымъ воскомъ, либо слишкомъ мягко, или жестко, тогда, у кого оно мягко, тотъ хотя бываетъ и понятливъ, но забывчивъ; а у кого жестко, тотъ напротивъ. Косматые же и каменные, носящіе въ себѣ множество земли

[1] См. Iliad. β′ v. 851, π′ 554. Fischer.: Το λάσιον ὁ φιλόσοφος ἀντὶ τοῦ τραχὺ ἀκούει. Τὸ δὲ πάνσοφος εἰωθυῖα τοῦ Σωκράτους εἰρωνεία. τὸ γάρ λάσιον καὶ τραχὺ οὐκ ἔστιν ἐπαινετόν, ὥςτε σκώπτει τὸν ἐπαινέσαντα Ὅμηρον.

или грязи, имѣютъ отпечатки неявственные. Неявственны также они и у людей съ сердцемъ жесткимъ, потому что въ нихъ нѣтъ глубокости; неявственны они и у мягкосердыхъ, такъ какъ въ нихъ знаки сливаются и оттого скоро стано-
195. вятся темными. А когда, сверхъ всего этого, знаки въ нихъ, отъ тѣсноты, совпадаютъ между собою, что бываетъ въ чьей либо душонкѣ маленькой, тогда оказываются еще менѣе явственными, чѣмъ тѣ. Такъ вотъ всѣ эти способны питать мнѣнія ложныя; потому что, видя, слыша или мысля что нибудь, но не будучи въ состояніи скоро распредѣлять отдѣльные знаки по отдѣльнымъ вещамъ, они бываютъ медленны, и, приписывая имъ чужое, часто и видятъ, и слышатъ, и мыслятъ ложно, а потому называются заблуждающимися относительно сущаго и невѣждами.

B. *Теэт.* Ты говоришь справедливѣе, чѣмъ сказалъ бы кто нибудь, Сократъ.

Сокр. Положимъ ли, стало быть, что у насъ есть мнѣнія ложныя?

Теэт. Непремѣнно.

Сокр. Тоже и истинныя?

Теэт. И истинныя.

Сокр. Такъ, думаемъ, достаточно допущено, что всего болѣе имѣемъ мы тѣ и другія?

Теэт. Чрезвычайно достаточно.

Сокр. Досадное, Теэтетъ, и по истинѣ непріятное должно быть существо человѣкъ болтливый.

Теэт. Чтò такъ? Къ чему это сказалъ ты?

C. *Сокр.* Сказалъ въ досадѣ на свою тупость и подлинно болтливость: ибо какое иное имя дать тому, кто тянетъ свою рѣчь туда и сюда [1], по медленности не убѣждаясь ни въ чемъ и съ трудомъ отрываясь отъ каждаго положенія?

---

[1] Сократъ очень остроумно обвиняетъ себя за неповоротливость и медленность своихъ способностей, такъ какъ все еще не можетъ успокоиться на томъ положеніи, которое уже доказано, но снова начинаетъ сомнѣваться въ немъ.

Теэт. Такъ тебѣ-то что же досадовать?

Сокр. Не только досадую, но и боюсь, что не въ состояніи буду отвѣчать, когда спросятъ меня: Сократъ! ты нашелъ, что ложное мнѣніе не бываетъ во взаимномъ отно- D.
шеніи ни чувствъ, ни мыслей, а является въ соприкосновеніи чувства съ мыслію? Я подтвержу это, думаю, съ видомъ самодовольства, какъ бы мы нашли что-то прекрасное.

Теэт. Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Сократъ, что доказанное теперь и не постыдно.

Сокр. Поэтому, скажутъ, ты говоришь, что человѣка, котораго только мыслимъ, а не видимъ, мы никогда не сочтемъ за коня, котораго также и не видимъ и не касаемся, а только мыслимъ, и ничего болѣе относительно его не чувствуемъ?—Да, говорю;—это будетъ, думаю, мой отвѣтъ.

Теэт. Да и правильно.

Сокр. Что же? скажутъ: число одиннадцать, которое мож- E.
но не болѣе какъ мыслить, нельзя поэтому никогда счесть за число двѣнадцать, которое также только мыслится? Ну-ка, отвѣчай на это ты.

Теэт. Я буду отвѣчать, что, когда видишь, или осязаешь, можно принять одиннадцать за двѣнадцать; но пока эти числа держишь только въ мысли, о нихъ нельзя имѣть такого мнѣнія.

Сокр. Что же? думаешь ли, никто никогда не брался за изслѣдованіе пяти и семи самихъ въ себѣ,—говорю не о пя- 196.
ти и семи человѣкахъ, или о чемъ другомъ, а о самыхъ

Причиною этого была, конечно, не медленность его ума, а сила соображенія, которая каждый предметъ измѣряла со всѣхъ сторонъ. Поэтому нельзя не удивляться здѣсь ловкости Сократовой ироніи. Теперь Сократъ говоритъ, что ложное мнѣніе не довольно отчетливо признано происходящимъ изъ смѣшенія чувственныхъ усмотрѣній и понятій, если только и самыя понятія ума, безъ участія чувствъ, могутъ измѣняться. И такъ, ложное мнѣніе надобно опредѣлить иначе, и опытъ этого опредѣленія дѣлается такъ, что доказывается несмѣшиваемость самыхъ знаній, откуда опять слѣдуетъ, что нѣтъ у насъ мѣста обманамъ заблужденія, и что слѣдовательно знаніе и мнѣніе—одно и то же.

числахъ *пять* и *семь*, что̀ мы называли тогда знаками на печати, и говорили, что въ отношенiи къ нимъ не бываетъ ложнаго мнѣнiя? Этого самаго не изслѣдовалъ ли уже когда кто нибудь изъ людей, говоря самъ себѣ и спрашивая: сколько составится изъ нихъ,—и не думалъ ли одинъ, что выйдетъ одиннадцать, а другой,—что двѣнадцать? Развѣ всѣ говорятъ и думаютъ, что сумма ихъ—двѣнадцать?

B. *Теэт.* Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; многiе—и одиннадцать; и чѣмъ больше разсматриваемое число, тѣмъ скорѣе ошибаются. Вѣдь я думаю, что ты говоришь о всякомъ числѣ.

Сокр. И правильно думаешь. Всмотрись же, иное ли что бываетъ тогда, кромѣ того, что самое это «двѣнадцать» представляется на печати какъ одиннадцать?

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. Поэтому не возвращаемся ли мы къ прежнимъ рѣчамъ? Вѣдь кто испытываетъ это, тотъ, что̀ знаетъ, почитаетъ отличнымъ отъ всего, что также знаетъ; а это, сказали мы, невозможно, и принуждены были положить,
C. что въ этомъ отношенiи ложнаго мнѣнiя не бываетъ, чтобы не поставить себя въ необходимость утверждать, что знающiй есть вмѣстѣ и не знающiй.

Теэт. Весьма справедливо.

Сокр. И такъ надобно постановить, что ложное мнѣнiе есть что нибудь другое, а не принятiе мысли за чувство. Вѣдь если бы оно было это, то въ самыхъ помыслахъ мы никогда не обманывались бы: а теперь-то—либо нѣтъ ложнаго мнѣнiя, либо что̀ кто знаетъ, того можетъ и не знать. Что изберешь ты изъ этого?

Теэт. Трудный выборъ предлагаешь ты, Сократъ.

D. *Сокр.* Однакожъ того-то и другаго вмѣстѣ разсудокъ, должно быть, не допуститъ. Впрочемъ надобно на все отваживаться:—что̀, если бы мы рѣшились безстыдничать?

Теэт. Какъ?

Сокр. Захотѣвши сказать, что̀ такое значитъ—знать.

Теэт. Да какое же въ этомъ безстыдство?

Сокр. Ты какъ будто и не замѣчаешь, что все съ самаго начала разсужденіе наше клонилось къ изысканію знанія, такъ какъ мы не знаемъ, что̀ такое оно.

Теэт. Нѣтъ, замѣчаю.

Сокр. И тебѣ кажется не стыдно,—не зная знанія, заявлять, каково знаніе. Да, Теэтетъ, давно уже бесѣда наша E.
полна нечистоты. Тысячекратно доселѣ повторяли мы слова: *знаемое* и *не знаемое*, *знаемъ* и *не знаемъ*, какъ будто понимая другъ друга,—тогда какъ не знаемъ еще, что̀ называется знаніемъ! Если угодно, вотъ и теперь опять мы употребляемъ слова *не знать* и *понимать*, какъ будто слѣдуетъ употреблять ихъ, когда нѣтъ у насъ знанія.

Теэт. Но какимъ образомъ будешь ты разговаривать, Сократъ, обходя ихъ?

Сокр. Никакимъ, пока только я есмь я. Когда бы, конеч- 197.
но, былъ я спорщикомъ, или когда бы такой человѣкъ находился теперь между нами,—безъ сомнѣнія, сказалъ бы, что они должны быть обходимы, и очень укорялъ бы насъ за то, что̀ я говорю. А такъ какъ мы люди плохіе, то—хочешь ли, я осмѣлюсь сказать, что̀ такое знаніе? Мнѣ представляется, что это будетъ сказано кстати.

Теэт. Осмѣлься, ради Зевса. А что ты не будешь обходить тѣхъ словъ, въ томъ получишь совершенное прощеніе.

Сокр. Слыхалъ ли ты, что̀ нынѣ называютъ знаніемъ?

Теэт. Можетъ быть; однакожъ въ эту минуту не припомню.

Сокр. Знаніе, говорятъ, есть имѣніе знанія. B.

Теэт. Правда.

Сокр. А мы немного переиначимъ и скажемъ: *владѣніе знаніемъ*.

Теэт. Какое же различіе найдешь ты между этимъ и тѣмъ?

Сокр. Можетъ быть, никакого: но, что̀ покажется, слушай и вмѣстѣ со мною испытывай.

Теэт. Если только буду въ состояніи.

Сокр. Такъ вотъ, владѣть и имѣть, мнѣ кажется, не одно и то же. Положимъ, напримѣръ, кто нибудь, купивши платье и владѣя имъ, не носитъ его: мы не сказали бы, что онъ имѣетъ это платье, а сказали бы, что онъ владѣетъ имъ.

Теэт. И правильно.

C. *Сокр.* Смотри же, нельзя ли такъ, и пріобрѣтши знаніе, не имѣть его, подобно тому, кто, наловивъ дикихъ птицъ, голубей, или другихъ животныхъ, питаетъ ихъ въ построенной дома голубятнѣ. Вѣдь мы нѣкоторымъ образомъ, вѣроятно, могли бы сказать, что онъ всегда имѣетъ ихъ, потому именно, что пріобрѣлъ. Не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. А другимъ-то образомъ не имѣетъ ни одного, и относительно ихъ принадлежитъ ему только власть: такъ какъ онъ заключилъ ихъ и сдѣлалъ подручными въ соб-
D. ственной своей оградѣ, то владѣетъ правомъ, поймавъ которое угодно, брать ихъ и держать, когда захочетъ, и опять отпускать; и это можетъ дѣлать, сколько разъ ему ни вздумается.

Теэт. Такъ.

Сокр. И опять, какъ прежде мы приготовляли въ душахъ какое-то, не знаю, восковое изображеніе, такъ теперь построимъ въ каждой душѣ нѣкоторыя голубятни для различныхъ птицъ, изъ которыхъ однѣ вездѣ, гдѣ случится, летаютъ особо отъ прочихъ стадами, другія—въ небольшомъ числѣ, а нѣкоторыя—по одиночкѣ

E. *Теэт.* Пусть будутъ построены. Что же изъ этого?

Сокр. Пока мы въ дѣтствѣ, это помѣщеніе, надобно сказать, бываетъ пусто; а вмѣсто птицъ должно мыслить знанія. И кто, пріобрѣтши какое знаніе, заперъ его въ своей оградѣ, о томъ слѣдуетъ говорить, что онъ научился, или нашелъ дѣло, къ которому относилось это знаніе, и это называется знать.

Теэт. Пусть такъ.

198. *Сокр.* Потомъ опять, когда вздумается ловить знанія,

брать ихъ, держать и снова отпускать, смотри, какія требуются имена: тѣ ли, какія употреблялись прежде, когда знаніе было пріобрѣтаемо, или другія?—Ты яснѣе поймешь, что̀ я говорю, вотъ изъ чего. Признаешь ли ты искусство ариѳметическое?

Теэт. Да.

Сокр. Представь же, что это есть ловля знаній относительно всякаго чета и нечета.

Теэт. Представляю.

Сокр. Этимъ-то, думаю, искусствомъ и самъ онъ знанія о числахъ держитъ въ подчиненіи, и другимъ передаетъ ихъ, B.
которыя передаетъ.

Теэт. Да.

Сокр. И передающій-то, говоримъ, учитъ, а принимающій учится; тому же, кѣмъ они пріобрѣтены и содержатся въ той голубятнѣ, приписываемъ знанія.

Теэт. Конечно.

Сокр. Такъ вникни теперь, что̀ отсюда слѣдуетъ. Знающій въ совершенствѣ ариѳметику иныя ли имѣетъ знанія, какъ не знанія всѣхъ чиселъ? Вѣдь въ душѣ его есть знанія о всѣхъ числахъ.

Теэт. Какъ же.

Сокр. Но такой не будетъ ли считать что нибудь, либо C.
находящееся въ немъ самомъ, либо иное нѣчто внѣ его, что̀ опредѣляется числомъ?

Теэт. Какъ не считать.

Сокр. А считать-то есть не иное что, положимъ мы, какъ разсматривать, сколь велико какое нибудь число.

Теэт. Такъ.

Сокр. Стало быть, разсматривающій то, что̀ онъ знаетъ, представляется какъ бы не знающимъ, хотя мы согласились, что ему извѣстны всѣ числа. Ты, вѣроятно, слышишь иногда такія несообразности?

Теэт. Да.

Сокр. Посему, уподобляя это пріобрѣтенію и ловлѣ го-

D. лубей, мы скажемъ, что ловля бываетъ двоякая: одна—до пріобрѣтенія, чтобы пріобрѣсть; другая—послѣ пріобрѣтенія, чтобы взять и держать въ рукахъ, чт̀о нѣкогда пріобрѣтено. Такимъ образомъ человѣкъ, давно уже, посредствомъ ученія, получившій знаніе чего нибудь и узнавшій это, можетъ изучать опять то же самое, снова принимаясь за знаніе извѣстной вещи и держа его, какъ давно пріобрѣтенное, только въ умѣ кстати не возбуждавшееся.

Теэт. Правда.

E. *Сокр.* Объ этомъ-то я сейчасъ спрашивалъ, какія надобно употреблять имена, говоря о знаніяхъ, когда ариѳметистъ будетъ считать, или грамматистъ читать. Знающій станетъ ли въ такомъ случаѣ снова учиться у себя тому, что узналъ?

Теэт. Но это странно, Сократъ.

Сокр. Такъ, скажемъ, они не знаютъ того, чт̀о читаютъ
199. и считаютъ,—тогда какъ мы уступили имъ знаніе всѣхъ буквъ и чиселъ?

Теэт. И это несообразно.

Сокр. Ну, хочешь ли, положимъ, что объ именахъ нечего намъ безпокоиться, кому куда ни заблагоразсудилось бы направлять слова: *познавать* и *учиться*, коль скоро мы опредѣлили, что иное дѣло—пріобрѣсть знаніе, и иное—имѣть его, и коль скоро невозможно, говоримъ, чтобы кто не пріобрѣлъ того, чт̀о пріобрѣлъ,—отчего никогда никому и не приходится не знать, чт̀о онъ знаетъ, хотя получить ложное
B. объ этомъ мнѣнія можно? Вѣдь есть возможность—не имѣть объ этомъ знанія, а принять одно за другое, когда, ловя которое нибудь изъ летающихъ вокругъ знаній, по ошибкѣ, берешь одно вмѣсто другаго, когда, слѣдовательно, одиннадцать считаешь двѣнадцатью, принимая знаніе одиннадцати за знаніе двѣнадцати, какъ бы ловя въ себѣ дикаго голубя за ручнаго.

Теэт. Это сообразно.

Сокр. А когда которое намѣренъ взять, т̀о и берешь, тог-

да лжи нѣтъ,—ты мнишь дѣйствительное: такимъ-то образомъ бываетъ мнѣніе истинное и ложное, и намъ ничто не мѣшаетъ въ томъ, на что прежде мы досадовали. Подтвердишь это, или какъ поступишь? C.

Теэт. Такъ.

Сокр. Стало быть, отъ положенія: что знаешь, того не знаешь, мы отдѣлались; ибо, пріобрѣтши нѣчто, никогда не случается не пріобрѣсть этого, ошиблись ли мы въ чемъ, или не ошиблись. Страшнѣе, по видимому, представляется мнѣ другое положеніе.

Теэт. Какое?

Сокр. Если обмѣнъ знаній будетъ ложнымъ мнѣніемъ.

Теэт. Да какъ же?

Сокр. Страшно, во первыхъ, то, что имѣющій знаніе о D.
чемъ нибудь не знаетъ этого самаго,—не знаетъ не незнаніемъ, а своимъ о себѣ знаніемъ; во вторыхъ опять, мнить, что другое есть это, а это—другое.—Какъ не велика несообразность—полагать, что, когда знаніе привходитъ, душа не имѣетъ никакого знанія, но все не знаетъ? Изъ этого основанія ничто не препятствуетъ заключить, что и привзошедшее незнаніе заставляетъ нѣчто знать, и слѣпота—видѣть, если знаніе заставитъ иногда кого нибудь не знать.

Теэт. Можетъ быть, не хорошо мы положили, Сократъ, E.
понимая птицъ только какъ знанія: надлежало представлять, что вмѣстѣ съ ними летаютъ въ душѣ и незнанія, и что ловецъ, хватая иногда знаніе, иногда незнаніе относительно той же вещи, мнитъ ложно незнаніемъ, а справедливо—знаніемъ.

Сокр. Не легко, конечно, не хвалить тебя, Теэтетъ; однако разсмотри опять, что̀ ты сказалъ. Пусть будетъ такъ, какъ
говоришь: взявшій-то незнаніе будетъ, полагаешь, имѣть 200.
ложное мнѣніе? Не такъ ли?

Теэт. Да.

Сокр. Не думая впрочемъ, что онъ ложно мнитъ.

Теэт. Какъ же.

Сокр. А справедливо,—и будетъ въ томъ убѣжденіи, что онъ знаетъ то, въ отношеніи къ чему солгалъ.

Теэт. Почему не такъ.

Сокр. Слѣдовательно будетъ думать, что онъ поймалъ знаніе, а не незнаніе.

Теэт. Явно.

Сокр. Поэтому, долго ходя вокругъ, мы опять пришли къ прежнему недоумѣнію. Вѣдь тотъ обличитель засмѣется
B. теперь и скажетъ: полагаете ли вы, почтеннѣйшіе, что знающій то и другое,—знаніе и незнаніе,—думаетъ, что знаемое имъ есть нѣчто отличное отъ всего, что онъ знаетъ? Или не знающій ни того ни другаго мнитъ, что не знаемое отлично отъ всего, чего онъ не знаетъ? Или, это зная, а того не зная, знаемое принимаетъ онъ за не знаемое, а не знаемое— за знаемое? Или снова скажете мнѣ, что по отношенію къ познаніямъ и незнаніямъ есть опять знанія, пріобрѣтшій которыя заперъ ихъ въ другихъ какихъ-то смѣшныхъ голубятняхъ, или восковыхъ слѣпкахъ, и знаетъ, пока пріобрѣлъ,
C. но не имѣетъ ихъ въ душѣ подъ рукою? Такъ-то вы, не дѣлая больше ничего, принуждены тысячекратно возвращаться къ тому же! Что будемъ отвѣчать на это, Теэтетъ?

Теэт. Но,—клянусь Зевсомъ, Сократъ,—я не нахожу, что тутъ говорить.

Сокр. Такъ не хорошо ли укоряетъ насъ изслѣдованіе, дитя, показывая, что мы неправильно ищемъ ложнаго мнѣ-
D. нія прежде знанія, которое оставили? Вѣдь первое невозможно знать, пока не возьмешь по надлежащему знанія, чтò такое оно.

Теэт. Въ настоящемъ случаѣ необходимо думать такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Что же будетъ знаніе? спроситъ кто нибудь опять сначала. Вѣдь мы, вѣроятно, не будемъ же отказываться отъ этого вопроса?

Теэт. Всего менѣе, если только ты-то не откажешься.

Сокр. Скажи же, какъ намъ лучше отвѣчать, чтобы всего менѣе противорѣчить самимъ себѣ?

Теэт. Какъ мы взялись прежде, Сократъ; потому что я E. не представляю ничего другаго.

Сокр. Какъ?

Теэт. Сказать, что истинное мнѣніе есть знаніе. Вѣдь истинное-то мнѣніе безошибочно, и что бываетъ согласно съ нимъ, все то хорошо и прекрасно.

Сокр. Проводникъ чрезъ рѣку говоритъ, Теэтетъ: вода сама [1] покажетъ. Такъ-то и мы: если будемъ изслѣдывать предметъ на ходу, изслѣдуемое скоро само откроетъ, въ чемъ 201.
заключается препятствіе; а когда будемъ стоять, ничто не откроется.

Теэт. Ты правильно говоришь; пойдемъ же и будемъ разсматривать.

Сокр. Но тутъ-то коротко разсматриваніе: цѣлое искусство [2] удостовѣряетъ тебя, что истинное мнѣніе не есть знаніе.

Теэт. Какъ такъ? Что это за искусство?

Сокр. Искусство великановъ въ мудрости, которыхъ называютъ риторами и дѣльцами въ судахъ. Вѣдь они своимъ искусствомъ убѣждаютъ не уча, а заставляя мнить, чтò имъ угодно. Развѣ это, думаешь, какіе-то такіе сильные учители, что не много утечетъ воды, какъ они удовлетворительно докажутъ истину событій даже тѣмъ, которые и не B.
видѣли ограбленныхъ, или испытавшихъ иное насиліе?

Теэт. Никакъ не думаю; но убѣждать, убѣждаютъ.

---

[1] Вода сама покажетъ, ἄρα δείξειν αὐτό. Такъ отвѣчаетъ проводникъ чрезъ рѣку, ведущій кого нибудь въ бродъ, когда съ берега кричатъ ему: «глубоко, вода высока»! Этимъ сравненіемъ Сократъ хочетъ выразить ту мысль, что постепенное раскрытіе предмета само покажетъ, чтò въ немъ есть истиннаго или ложнаго. Schol. Ruhnken. p. 33 и 133. Suidas, t. 1, p. 385 et al.

[2] Сократъ говоритъ, что искусство ораторское и судебное показываютъ, какъ несходны между собою правильное мнѣніе и знаніе; ибо часто случается, что судья, не совсѣмъ наученный ораторомъ, а только ослѣпляемый искусными оборотами рѣчи, даетъ правильные приговоры.

Сокр. А убѣждать не значитъ ли, говоришь, заставить мнить?

Теэт. Какъ же.

Сокр. Но не правда ли, что когда судьи справедливо бываютъ убѣждены въ томъ, что̀ можно знать только видѣв-
C. шему, а иначе нельзя, тогда, судя о дѣлѣ по слуху и получивъ истинное мнѣніе, они, при своемъ правѣ на убѣжденіе, судятъ безъ знанія, если судятъ хорошо?

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Сокр. А если бы истинное мнѣніе и знаніе были одно и то же, другъ мой, то судья совершенный никогда не мнилъ бы право безъ знанія. Видно, они отличны одно отъ другаго.

Теэт. Теперь пришло мнѣ на мысль то, Сократъ, что̀ я слышалъ отъ кого-то, но забылъ-было. Онъ сказалъ, что
D. истинное мнѣніе съ умомъ есть знаніе [1], а безъ ума—отлично отъ знанія. И въ чемъ не представляется ума, то не познаваемо,—такъ называлъ онъ это,—а въ чемъ представляется, то познаваемо.

Сокр. Ты говоришь очень хорошо. Но скажи, какъ различается у тебя познаваемое и не познаваемое: одинаково ли слышали объ этомъ я и ты?

Теэт. Не знаю, въ состояніи ли буду раскрыть это. Но если бы говорилъ кто другой, то, думаю, слѣдовалъ бы.

Сокр. Выслушай же одинъ сонъ вмѣсто другаго. Я, ка-
E. жется, тоже слышалъ отъ кого-то, что первыя какъ бы стихіи, изъ которыхъ сложены какъ мы, такъ и все прочее, не имѣютъ ума; потому что можно наименовать отдѣльно каждую стихію только саму по себѣ, а прибавить, что̀ такое она есть, или не есть, ничего нельзя; можно приписывать
202. ей существованіе или несуществованіе, а поставлять ее въ отношеніе не должно, если говорится о ней одной, поколику

[1] Здѣсь Теэтетъ предлагаетъ третье и послѣднее опредѣленіе знанія, говоря, что знаніе есть истинное мнѣніе съ умомъ, μετὰ λόγου. Сократъ разсматриваетъ это опредѣленіе и особенное вниманіе обращаетъ на прибавочный терминъ—μετὰ λόγου.

не должно быть прилагаемо къ ней ни это, ни то, ни отдѣльное, ни одно, ни таково, ни многое другое подобное. Вѣдь это бѣгучее относится ко всему и отлично отъ того, къ чему прилагается; а между тѣмъ, если бы возможно было говорить о самой стихіи и имѣть соотвѣтствующее ей выраженіе,—надлежало бы говорить безъ всего другаго. Но теперь изъ первыхъ стихій словомъ ничего означить нельзя,
ибо сюда ничто не идетъ, кромѣ имени: стихія имѣетъ только B.
имя, а вещи, сложенныя изъ стихій, какъ сами переплетены, такъ и имена ихъ переплелись, и стали рѣчью; ибо сущность рѣчи есть сплетеніе именъ. Такимъ образомъ стихіи не умственны [2] и не познаваемы, но чувствопостижимы; а слоги познаются, выражаются, и доступны истинному мнѣ-
нію. Поэтому кто принимаетъ истинное мнѣніе о чемъ нибудь C.
безъ ума, того душа относительно этого предмета держитъ, конечно, истину, однакожъ не знаетъ его: ибо человѣкъ, не могущій ни дать, ни принять отчета въ извѣстномъ предметѣ,—не знатокъ того предмета; а кто присоединяетъ умъ, тотъ можетъ все это знать, и совершенно способенъ къ знанію. Такъ ли слышалъ ты это сновидѣніе, или иначе?

Теэт. Точно такъ.

Сокр. Что же? нравится ли тебѣ, и положишь ли такъ, что знаніе есть истинное мнѣніе съ умомъ?

Теэт. Очень охотно.

Сокр. Ужели же однако теперь, въ этотъ день, Теэтетъ, D.
пріобрѣли мы то, чего многіе мудрецы давно уже искали, и, прежде чѣмъ нашли, состарѣлись?

Теэт. Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Сократъ, что теперь сказанное сказано хорошо.

Сокр. Да походитъ, что такъ и есть; ибо что̀ за знаніе было бы безъ ума и правильнаго мнѣнія? Впрочемъ въ томъ, что сказано, одно нѣчто мнѣ не нравится.

---

[1] Стихіи не умственны, ἄλογα, т. е. λόγον οὐκ ἔχοντα,—не принимаютъ никакого опредѣленія.

Теэт. Что именно?

Сокр. Кажется, слишкомъ отважно—говорить, будто сти-
E. хіи не познаваемы, а родъ слоговъ познаваемъ.

Теэт. А развѣ это неправильно?

Сокр. Да надобно узнать. Вѣдь на примѣры, которыми сказавшій все это пользовался, мы смотримъ, какъ на ручательство за положеніе.

Теэт. На какіе примѣры?

Сокр. На стихіи и слоги грамоты. Развѣ говорившій то, чтὸ мы говоримъ, смотрѣлъ, думаешь, на иное, что такъ сказалъ?

Теэт. Нѣтъ, на это.

203. *Сокр.* Возьмемся же за нихъ снова и испытаемъ, а особенно испытаемъ самихъ себя, такъ, или не такъ понимаемъ мы грамоту. Ну-ка, сперва это: дѣйствительно ли слоги заключаютъ въ себѣ нѣчто умственное, а стихіи не умственны?

Теэт. Можетъ быть.

Сокр. Конечно; и мнѣ представляется. Если бы, по крайней мѣрѣ, кто о первомъ слогѣ *Сократа* спросилъ такъ: Теэтетъ! скажи, чтὸ такое *Со*,—какъ отвѣчалъ бы ты?

Теэт. Отвѣчалъ бы, что—*С*, *О*.

Сокр. И не указалъ ли бы въ этомъ умственную сторону слога?

Теэт. Указалъ бы.

B. *Сокр.* А ну-ка, скажи такъ и объ умственной сторонѣ *С*.

Теэт. Да какъ же спрашивать [1] о стихіи стихіи? Вѣдь *С*-то, Сократъ, относится къ числу безгласныхъ; это—только шумъ свистящей гортани; а вотъ *в* опять—ни звукъ, ни шумъ, ни составъ изъ многихъ стихій. Поэтому весьма хорошо называть ихъ неумственными, и изъ нихъ семь,

---

[1] Платонъ дѣлилъ буквы на гласныя, согласныя и полугласныя. Первыя называются φωνήεντα, согласныя—ἄφθογγα или ἄφωνα, а полугласныя ἡμίφωνα, μέσα, или φωνῆς μὲν οὔ, φθόγγου δὲ μετέχοντα (Cratyl. p. 424 C); φωνήεντα μεν οὔ, οὐ μέντι γε ἄφθογγα (Phileb. p. 18 C). И такъ, въ этомъ мѣстѣ сигма есть ἄφωνον, но не ἄφθογγον.

самыя выразительныя, имѣютъ только звукъ, а умственности—никакой.

Сокр. Стало быть, это-то, другъ мой, мы правильно постановили относительно знанія.

Теэт. Очевидно.

Сокр. Что же теперь? тò-то правильно ли доказали мы, C.
что стихія не познаваема, а слогъ познаваемъ?

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. Постой-ка: слогомъ обѣ ли стихіи называемъ мы,—и всѣ, если такихъ стихій будетъ больше двухъ,—или одну какую-то идею, происшедшую изъ соединенія ихъ?

Теэт. Мнѣ кажется, всѣ вмѣстѣ.

Сокр. Смотри же на двѣ стихіи: *С* и *О*. Обѣ онѣ составляютъ первый слогъ моего имени. Правда ли, что кто знаетъ этотъ слогъ, тотъ знаетъ обѣ ихъ?

Теэт. Почему не такъ. D.

Сокр. Слѣдовательно, онъ знаетъ *С* и *О*.

Теэт. Да.

Сокр. Что же? стало быть, не знаетъ ни той, ни другой, и, никоторой не зная, знаетъ обѣ?

Теэт. Но это странно и несообразно, Сократъ.

Сокр. Однакожъ если ужъ необходимо знать ту и другую тому, кто будетъ знать обѣ, то намѣревающемуся узнать нѣкогда слогъ необходимо знать напередъ всѣ вмѣстѣ стихіи; и такимъ образомъ прекрасное наше положеніе убѣжитъ бѣгмя.

Теэт. И притомъ еще вдругъ. E.

Сокр. Потому что мы не хорошо бережемъ его. Можетъ быть, слогомъ-то надобно почитать не стихіи, а составившійся изъ нихъ одинъ какой-то видъ, имѣющій одну собственную свою идею, отличную отъ стихій.

Теэт. Конечно; и это должно быть гораздо вѣрнѣе, чѣмъ то.

Сокр. Надобно разсмотрѣть, и не выдавать такъ малодушно положенія великаго и важнаго.

Теэт. Да, не выдавать.

Сокр. Пустъ же будетъ такъ, какъ теперь говоримъ. Слогъ
204. есть одна идея, составившаяся изъ отдѣльныхъ сгармонированныхъ между собою стихій;—пусть будетъ такъ и въ грамотѣ, и во всемъ иномъ.

Теэт. Конечно.

Сокр. Но та идея не должна имѣть частей.

Теэт. Почему же?

Сокр. Потому что въ чемъ были бы части, въ томъ цѣлое необходимо состояло бы изъ всѣхъ частей. Развѣ ты не говоришь, что и цѣлое, составившееся изъ частей, есть одинъ нѣкоторый видъ, отличный отъ всѣхъ ихъ?

Теэт. Говорю.

Сокр. А всѣмъ-то и цѣлымъ то же ли называешь ты, или
B. отличное одно отъ другаго?

Теэт. Ясно я, конечно, не представляю этого; но такъ какъ ты велишь съ готовностію отвѣчать, то отважно говорю, что—отличное.

Сокр. Готовность-то, Теэтетъ, правá; а правъ ли и отвѣтъ,—посмотримъ.

Теэт. Да надобно-таки.

Сокр. И такъ цѣлое, какъ говоришь ты теперь, отлично отъ всего?

Теэт. Да.

Сокр. Что же будетъ? различаются ли между собою «всѣ части» и «все»? Когда, напримѣръ, мы говоримъ: одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, и опять: дважды три, или триж-
C. ды два, или четыре и два, или три, два и одинъ,—всѣми этими числами то же ли высказываемъ, или отличное?

Теэт. То же.

Сокр. Иное ли что, чѣмъ шесть?

Теэт. Не иное.

Сокр. Поэтому каждымъ выраженіемъ высказываемъ всѣ шесть?

Теэт. Да.

Сокр. Съ другой стороны, высказывая всѣ части, мы ничего не говоримъ?

Теэт. Необходимо.

Сокр. То есть, ничего болѣе, какъ шесть?

Теэт. Ничего.

Сокр. Стало быть, въ томъ-то, что̀ состоитъ изъ числа, D. словами: «все» и «всѣ части» называется то же?

Теэт. Видимо.

Сокр. Мы говоримъ объ этомъ именно такъ: число плетра и плетръ—то же. Не правда ли?

Теэт. Да.

Сокр. Такимъ же, конечно, образомъ и стадіи?

Теэт. Да.

Сокр. Даже число войска и войско, и все подобное?—потому что все число есть все существо каждаго числа.

Теэт. Да.

Сокр. А число отдѣльностей, вѣроятно, не иное что, какъ E. части?

Теэт. Не иное.

Сокр. Стало быть, все имѣющее части состоитъ изъ частей?

Теэт. Видимо.

Сокр. Но мы согласились, что всѣ-то части суть все, если и все число будетъ все.

Теэт. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно цѣлое не состоитъ изъ частей; по тому что, будучи всѣми частями, оно было бы все.

Теэт. Видно, что не состоитъ.

Сокр. Но часть есть ли часть чего инаго, что̀ есть, или цѣлаго?

Теэт. Часть всего-таки.

Сокр. Мужественно, право, борешься ты, Теэтетъ. Все 205. же не тогда ли есть это самое «все», когда изъ него ничто не убыло?

Теэт. Необходимо.

Сокр. А цѣлое не то же ли будетъ, отъ чего ничто никакъ не отступаетъ? Когда же отъ чего что отступило,— не будетъ ни цѣлаго, ни всего, такъ какъ они—то же, и изъ того же вмѣстѣ происходятъ.

Теэт. Мнѣ кажется теперь, что все и цѣлое ничѣмъ не различаются.

Сокр. Развѣ не говорили мы, что въ чемъ есть части, въ томъ цѣлое и все будутъ всѣ части?

Теэт. Конечно.

Сокр. Такъ возвратимся къ тому, за что я сейчасъ взялся: если слогъ не есть стихіи, то не необходимо ли, чтобы
B. онъ заключалъ въ себѣ стихіи не въ значеніи своихъ частей,—а иначе, будучи то же съ ними, онъ, подобно имъ, не будетъ познаваемъ?

Теэт. Такъ.

Сокр. Не для того ли, чтобы не было этого, и положили мы, что слогъ отличенъ отъ стихій?

Теэт. Да.

Сокр. Что же? если стихіи не суть части слога, то можешь ли указать на что иное, чтò служитъ-таки частями слога,—и однакожъ это не стихіи его?

Теэт. Никакъ не могу. Вѣдь если бы, Сократъ, я допустилъ въ немъ частицы, то смѣшно было бы, оставивъ стихіи, обратиться къ инымъ стихіямъ.

C. *Сокр.* Въ самомъ дѣлѣ, Теэтетъ; по смыслу настоящаго разсужденія выходитъ, что слогъ есть одна какая-то идея, не имѣющая частей.

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. Помнишь ли, другъ мой, немного прежде мы признали за хорошее слово и согласились, что первое, изъ чего слагается прочее, не имѣетъ стороны умственной, такъ какъ отдѣльное само по себѣ не сложно, и что правильно нельзя приписать ему ни бытія, ни качества, такъ какъ эти слова отличны отъ него и чужды ему,—и эта-то причина дѣлаетъ его неумственнымъ и не познаваемымъ?

Теэт. Помню.

Сокр. И иная ли какая, кромѣ нея, причина тому, что то̀ D.
первое одновидно и не имѣетъ частей? Вѣдь я не вижу иной.

Теэт. Да и не представляется.

Сокр. И такъ, слогъ-видъ, если онъ не имѣетъ частей и есть одна идея, не совпадаетъ ли въ одно съ тѣмъ первымъ?

Теэт. Совершенно.

Сокр. Стало быть, если слогъ есть много стихій и нѣчто цѣлое, котораго онѣ—части, то и стихіи и слоги, какъ скоро всѣ части оказались то же съ цѣлымъ, равно познаются и выражаются.

Теэт. И очень.

Сокр. А когда онъ—одно и не имѣетъ частей, въ немъ E.
видна равнымъ образомъ стихія неумственная и не познаваемая; потому что та же причина сдѣлаетъ ихъ такими.

Теэт. Иначе сказать не могу.

Сокр. Слѣдовательно мы не примемъ словъ того, кто говорилъ бы, что слогъ познается и выражается, а стихія—напротивъ.

Теэт. Не примемъ, если слѣдовать за ходомъ рѣчи.

Сокр. Что же опять? говорящаго противное не будешь 206.
ли ты болѣе принимать, основываясь на своемъ сознаніи въ изученіи грамоты?

Теэт. На какомъ?

Сокр. Когда учился, ты ничего болѣе не дѣлалъ, какъ и зрѣніемъ и слухомъ старался различать стихіи, каждую саму по себѣ,—чтобы положеніе ихъ не сбивало тебя, ни въ письмѣ, ни въ рѣчи.

Теэт. Ты говоришь весьма справедливо.

Сокр. У цитриста же совершенно научился, думаю, не
иному чему, какъ умѣть слѣдовать за каждымъ звукомъ, отъ B.
какой струны происходитъ онъ: а этихъ звуковъ не счелъ ли бы всякій стихіями музыки?

Теэт. Не инымъ чѣмъ.

Сокр. Стало быть, если отъ тѣхъ стихій и слоговъ, въ которыхъ мы сами опытны, должно заключать и къ инымъ, то родъ стихій, скажемъ, можетъ быть познаваемъ гораздо яснѣе и тверже, чѣмъ родъ слога, относительно совершеннаго изученія каждой науки. Поэтому кто сказалъ бы, что слогъ познаваемъ, а стихія по природѣ не познаваема, тотъ, подумали бы мы, волею-неволею шутитъ.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

C. *Сокр*. Впрочемъ на это можно, мнѣ кажется, привесть и другія доказательства; но предполагаемое не забудемъ направлять къ повѣркѣ того, какую силу имѣютъ повторяемыя иногда слова, что умственность, привходящая въ истинное мнѣніе, бываетъ совершеннѣйшимъ знаніемъ.

Теэт. Да, надобно смотрѣть.

Сокр. Давай же. Что означается у насъ умственностію? Мнѣ кажется, изъ трехъ значеній, она имѣетъ одно.

Теэт. Изъ которыхъ трехъ?

D. *Сокр*. Первое будетъ то, когда кто свою мысль выражаетъ голосомъ посредствомъ глаголовъ и именъ, изображая мнѣніе потокомъ устной рѣчи, какъ бы въ зеркалѣ или водѣ. Или тебѣ не кажется, что такая умственность (λόγος) бываетъ?

Теэт. Кажется. Вѣдь именно того, кто такъ дѣлаетъ, мы называемъ умствователемъ (λέγειν).

Сокр. И это-то скорѣе или медленнѣе можетъ дѣлать всякій,—можетъ давать понять, чтὸ кажется ему относительно каждаго предмета, кромѣ развѣ нѣмаго или глухаго отъ рожденія. А такимъ образомъ всѣ, имѣющіе о чемъ нибудь
E. правильное мнѣніе, окажутся мнящими это съ умомъ, и правильное мнѣніе нигдѣ не будетъ являться безъ знанія.

Теэт. Правда.

Сокр. Поэтому, не будемъ пока легкомысленно порицать человѣка, произнесшаго разсматриваемое теперь опредѣленіе знанія, будто онъ ничего не сказалъ. Вѣдь можетъ быть, говоря, онъ не это говорилъ, но, на вопросъ о чемъ либо

отдѣльномъ,—что̀ такое оно,—далъ вопрошающему отвѣтъ 207.
посредствомъ стихій.

Теэт. Какъ бы это, напримѣръ, Сократъ?

Сокр. Напримѣръ, и Исіодъ говоритъ [1] о колесницѣ, что она построена изъ ста деревянныхъ частей. Этихъ частей я не могъ бы перечислить, да, полагаю, и ты тоже; однакожъ, кто спросилъ бы насъ, что̀ такое колесница, мы довольны были бы своимъ отвѣтомъ, если бы могли указать на колеса, на оси, на кузовъ, на парапеты, на ярмо.

Теэт. Конечно.

Сокр. А тотъ-то, можетъ быть, нашелъ бы насъ смѣшными, что отвѣчаемъ посложно, какъ если бы отвѣчали на
вопросъ о твоемъ имени, хотя мы думаемъ и говоримъ, B.
что̀ говоримъ, правильно, и почитаемъ себя грамотными, умѣя грамотно произносить слово, служащее Теэтету именемъ. Между тѣмъ ни о чемъ нельзя говорить съ знаніемъ, пока не будетъ ограниченъ предметъ посредствомъ стихій, при истинномъ мнѣніи, о чемъ уже сказано было и прежде.

Теэт. Да, сказано.

Сокр. Такъ-то и о колесницѣ мы имѣемъ, конечно, пра-
вильное мнѣніе; но кто можетъ разложить ея сущность на C.
тѣ сто частей, тотъ; взявъ это и къ истинному мнѣнію присоединивъ умственность, вмѣсто искусственнаго мнителя, по опредѣленіи цѣлаго стихіями, становится знатокомъ относительно сущности колесницы.

Теэт. И это, тебѣ кажется, хорошо, Сократъ?

Сокр. Если кажется тебѣ, другъ мой, и если умственность принимаешь ты, какъ путь стихіи отдѣльнаго предмета; а о неумственности въ слогахъ или еще въ бо̀льшихъ
сочетаніяхъ скажи мнѣ, чтобы намъ разсмотрѣть это. D.

Теэт. Но я вполнѣ принимаю.

Сокр. Почитаешь ли ты знатокомъ кого бы то ни было,

---

[1] Hesiodi Opp. et Dies v. 454: Νήπιος, οὐδὲ τό γ' οἶδ', ἑκατὸν δέ τε δούραθ' ἁμάξης.

когда ему кажется, что то же относится иногда къ тому же, иногда къ другому,—или, когда тому же, по его мнѣнію, принадлежитъ иногда одно, иногда другое?

Теэт. Нѣтъ, не почитаю, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ ты не помнишь, что, при начальномъ изученіи грамоты, дѣлали то же и ты и другіе?

Теэт. Не на то ли указываешь ты, что стихіею того же
E. слога мы почитали иногда одну, иногда другую букву, и ту же стихію полагали относящеюся иногда къ одному, иногда къ другому слогу?

Сокр. На это самое.

Теэт. Клянусь Зевсомъ, не помню, да и не думаю, что такіе знаютъ.

Сокр. Такъ что же? когда въ то время пишетъ кто нибудь Θεαίτητος и, полагая, что надобно писать *Θ* и *Ε*, такъ и
208. будетъ писать, а намѣреваясь написать Θεόδωρος, думаетъ, что надобно писать *Τ* и *Ε*, да такъ и напишетъ,—скажемъ ли, что онъ знаетъ первый слогъ вашихъ именъ?

Теэт. Но мы сейчасъ согласились, что такой еще не знаетъ.

Сокр. А препятствуетъ ли ему что̀ быть такимъ относительно и втораго, и третьяго, и четвертаго слога?

Теэт. Ничто не препятствуетъ.

Сокр. Не тогда ли будетъ писать онъ имя Θεαίτητος съ правильнымъ мнѣніемъ, соотвѣтственно употребленію стихіи, когда будетъ писать по порядку?

Теэт. Это-то явно.

B. *Сокр.* Значитъ, еще не имѣя познанія, а имѣя, какъ говоримъ, правильное мнѣніе?

Теэт. Да.

Сокр. Съ правильнымъ мнѣніемъ показывая тоже и умственность; потому что писалъ, держась пути стихіи, а это признали мы умственностію?

Теэт. Правда.

Сокр. Стало быть, есть, другъ мой, правильное мнѣніе

съ умственностію, котораго еще не слѣдуетъ называть знаніемъ.

Теэт. Должно быть.

Сокр. Такъ мы были богаты, какъ видно, во снѣ, когда думали, что имѣемъ самое вѣрное понятіе о знаніи. Или не будемъ еще обвинять себя. Можетъ быть, иной не такъ опредѣлитъ его, но изъ трехъ видовъ возьметъ остальной, изъ которыхъ одинъ какой-то, говорили, бралъ онъ въ раз- C.
счетъ, опредѣляя знаніе, какъ правильное мнѣніе съ умомъ.

Теэт. Ты правильно вспомнилъ; въ самомъ дѣлѣ остается еще одно. Первое было какъ бы изображеніемъ мысли въ голосѣ; второе, высказанное сейчасъ,—путемъ стихіи къ цѣлому; а подъ третьимъ что разумѣешь ты?

Сокр. Что будутъ разумѣть и многіе: то есть, показаніе какого нибудь признака, которымъ отличается отъ всего то, о чемъ спрашивается.

Теэт. Какимъ и отъ чего взятымъ объяснишь ты мнѣ это примѣромъ?

Сокр. Для примѣра, если хочешь, я нахожу достаточнымъ D.
указать тебѣ на солнце, именно съ той стороны, что оно есть самое свѣтозарное изъ небесныхъ тѣлъ, движущихся вокругъ земли.

Теэт. Конечно.

Сокр. Возьми-ка [1], для чего это сказано. Бываетъ, какъ мы сейчасъ говорили, что, какъ скоро берешь ты разницу отдѣльнаго предмета, которою отличается онъ отъ другихъ предметовъ, ты возьмешься, какъ нѣкоторые говорятъ, за умъ (λόγον); а пока касаешься чего нибудь общаго,—у тебя будетъ умъ относительно того, что представляется тебѣ въ общности.

---

[1] Сократъ заключаетъ свое разсужденіе такъ: λόγος есть опредѣленіе, которымъ описываются частныя качества извѣстной вещи и показывается, чѣмъ она отличается отъ другихъ подобныхъ вещей. Напротивъ, δόξα никогда не имѣетъ въ виду чего либо частнаго, но всегда направляется къ общему.

E. *Теэт.* Понимаю; и, мнѣ кажется, ты хорошо называешь это умомъ.

Сокр. И такъ, кто къ правильному мнѣнію о какой нибудь вещи присоединяетъ разницу ея отъ прочихъ вещей, тотъ будетъ знатокомъ ея, тогда какъ прежде былъ ея мнителемъ.

Теэт. Говоримъ-то, конечно, такъ.

Сокр. Но теперь, Теэтетъ, приблизившись къ этому положенію, я точно будто сталъ подлѣ перспективной картины, — ровно ничего не замѣчаю: а пока оно находилось вдали, по видимому, говорило мнѣ что-то.

Теэт. Это что еще?

209. *Сокр.* Я скажу, если буду въ состояніи. Имѣя о тебѣ правильное мнѣніе, да если присоединю твой умъ,—я дѣйствительно знаю тебя; а когда нѣтъ,—вожусь однимъ мнѣніемъ.

Теэт. Да.

Сокр. Но умъ-то былъ истолкованіемъ твоего отличія.

Теэт. Такъ.

Сокр. Посему, водясь только мнѣніемъ, не правда ли, я не касался своею мыслію ни одного изъ признаковъ, которыми ты отличаешься отъ другихъ?

Теэт. По видимому, нѣтъ.

Сокр. Стало быть, я мыслилъ что-то общее, что̀ принадлежитъ не больше тебѣ, какъ и другимъ.

B. *Теэт.* Необходимо.

Сокр. Объясни же, ради Зевса: какъ это въ такомъ случаѣ я мнилъ больше тебя, чѣмъ другаго кого нибудь? Положимъ, въ самомъ дѣлѣ, я размышлялъ бы: это Теэтетъ; онъ—человѣкъ, у него есть носъ, глаза, ротъ,—и такимъ образомъ пересчиталъ бы по-одиночкѣ всѣ твои члены. Такое размышленіе заставило ли бы меня представлять больше Теэтета, чѣмъ Ѳеодора, или, по пословицѣ, послѣдняго изъ мизійцевъ [1]?

---

[1] Послѣдній изъ мизійцевъ, Μυσῶν ἔσχατος,—пословица, прилагаемая къ человѣку самому ничтожному. Cicer. pro Flacco, 27: quid in graeco ser-

Теэт. Какъ можно!

Сокр. А если я буду мыслить о человѣкѣ, что у него не просто есть носъ и глаза, но что носъ его тупъ, а глаза выкатившіеся, то мое мнѣніе будетъ ли больше о тебѣ, чѣмъ обо мнѣ, или о другихъ такихъ же? C.

Теэт. Нѣтъ.

Сокр. И не прежде, думаю, устоится въ моемъ мнѣніи Теэтетъ, какъ тогда, когда эта тупость отпечатлѣется въ моей памяти признакомъ, отличающимъ ее отъ другихъ тупостей, которыя видалъ я, равно какъ и прочія, принадлежащія тебѣ черты; такъ, чтобы она, если я встрѣчусь съ тобою завтра, напомнила мнѣ о тебѣ и заставила относительно тебя составить правильное мнѣніе.

Теэт. Весьма справедливо.

Сокр. Стало быть, правильное мнѣніе о каждомъ предметѣ вращается около различія. D.

Теэт. Очевидно.

Сокр. И такъ, прилагать умъ къ правильному мнѣнію— что̀ еще будетъ? Вѣдь если бы приказывали имѣть мнѣніе о томъ, чѣмъ отличается нѣчто отъ другаго, то это приказаніе было бы смѣшно.

Теэт. Почему?

Сокр. Потому что оно предписывало бы намъ имѣть правильное мнѣніе о предметахъ, какъ различаются они отъ другихъ предметовъ, тогда какъ мы получили уже правильное о нихъ мнѣніе, если находимъ, въ чемъ состоитъ ихъ различіе отъ другихъ. А отсюда вышло бы поворачиваніе скиталы, либо песта,—вышла бы, по пословицѣ, просто болтовня; и о такомъ приказаніи нельзя было бы ничего сказать, а можно бы справедливѣе назвать его приказаніемъ слѣпаго. Вѣдь приказывать взять то, что уже держимъ, E.

---

mone tam tritum et celebratum est, quam si quis despicatui ducitur, ut Mysorum ultimus esse dicatur.

для изученія того, о чемъ уже имѣемъ мнѣніе, по истинѣ, свойственно человѣку темному.

Теэт. Скажи же, о чемъ хотѣлъ ты говорить, предложивъ мнѣ сейчасъ свой вопросъ?

Сокр. Если приложеніемъ ума, дитя, предписывается знаніе, а не мнѣніе о различіи, то это пріятное дѣло будетъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ положеній о знаніи. Потому что знать, вѣроятно, есть получить знаніе. Не такъ ли?

210. *Теэт.* Да.

Сокр. И такъ, на вопросъ, что̀ есть знаніе, это положеніе, какъ видно, будетъ отвѣчать: правильное мнѣніе, съ знаніемъ отличія; ибо, по силѣ его, въ томъ-то и должно состоять принятіе ума.

Теэт. Вѣроятно.

Сокр. А вѣдь вполнѣ глупо, ища знанія, называть его правильнымъ мнѣніемъ, съ знаніемъ или различія, или чего бы то ни было. Стало быть, знаніе, Теэтетъ, не есть ни
B. чувство, ни истинное мнѣніе, ни умъ, соединенный съ истиннымъ мнѣніемъ.

Теэт. Вѣроятно, не есть.

Сокр. Такъ ужели мы еще бременѣемъ чѣмъ нибудь и терпимъ, относительно знанія, родильныя боли, другъ мой,— или все выродили?

Теэт. Но, клянусь Зевсомъ, благодаря тебѣ, я сказалъ больше, чѣмъ сколько во мнѣ имѣлось.

Сокр. И повивальное наше искусство не признало ли все это за фальшивое порожденіе, не стоющее воспитанія?

Теэт. Совершенно такъ.

Сокр. И такъ, если послѣ этого ты возьмешься, Теэтетъ,
C. обременѣть чѣмъ нибудь инымъ и будешь раждать, то, благодаря нынѣшнему изслѣдованію, окажешься полнымъ плодовъ лучшихъ; а когда останешься празденъ, то будешь менѣе тяжелъ для тѣхъ, съ которыми обращаешься, и сдѣлаешься благоразумно кроткимъ, не думая, что знаешь то, чего не знаешь. Вотъ это только и есть, что̀ можетъ мое

искусство,—больше ничего; и ничто мнѣ не извѣстно изъ того, что извѣстно нынѣшнимъ и прежде бывшимъ великимъ и дивнымъ мужамъ. Это бабничанье какъ я, такъ и мать моя получили отъ боговъ,—она въ пользу женщинъ, а я—
въ пользу юношей, людей благородныхъ и всѣхъ красавцевъ. D.
Но теперь пора мнѣ идти въ портикъ царя, по случаю доноса, который сдѣлалъ на меня Мелитъ. Завтра поутру, Өеодоръ, я опять приду сюда.

СОФИСТЪ.

СОФИСТЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Написавъ и выпустивъ въ свѣтъ Софиста, Платонъ самъ показалъ тѣсную связь его съ Теэтетомъ: по словамъ Платона, изложенный въ Софистѣ разговоръ происходилъ на другой день послѣ собесѣдованія Сократа и Теэтета; это высказано въ самомъ началѣ діалога. Притомъ и собесѣдники здѣсь тѣ же самые, какіе были въ Теэтетѣ: въ числѣ разговаривающихъ въ немъ лицъ являются опять—отличнаго ума юноша, Теэтетъ, и учитель его, Ѳеодоръ киринейскій. Участвуетъ также въ этой бесѣдѣ и Сократъ,—хотя уже не какъ главное лицо: онъ немного говоритъ только при открытіи собесѣдованія и установленіи предмета разсужденій. Причина такой тѣсной связи двухъ этихъ діалоговъ ясна: темы ихъ такъ близко касаются одна другой, что предметъ, разсматриваемый въ Софистѣ, можно считать продолженіемъ того, о которомъ шла рѣчь въ Теэтетѣ. Тамъ было доказано, что силы знанія нѣтъ ни въ чувственныхъ усмотрѣніяхъ, ни въ мнѣніяхъ, и этимъ разсужденіемъ опровергнуты положенія гераклитянъ и протагорейцевъ, которые все знаніе истины приписывали особенно чувствамъ. Здѣсь, въ Софистѣ, философъ тѣмъ же путемъ идетъ

далѣе. Въ крайность, противную Протагоровой, во времена Платона впадали мыслители элейскіе, которые знанія истины искали единственно въ умѣ,—въ томъ, что̀ мы мыслимъ, какъ *бытіе*, созерцаемое только умомъ. Парменидъ, со всею тонкостію изслѣдывая причины и начала вещей, по слѣдамъ Ксенофана пришелъ наконецъ къ тому, что представляемое нами бытіе, находящееся во всѣхъ вещахъ, принималъ за начало ихъ, и въ немъ одномъ полагалъ возможнымъ знаніе всякой истины. Такимъ образомъ онъ выдумалъ какую-то природу мыслимую, которую греки называютъ οὐσία, и къ ней отнесъ все, почитаемое истиннымъ, а тому, что постигается чувствами, и самому чувственному усмотрѣнію уступилъ только правдоподобіе мнѣнія. Но, смотря на свое ὄν, называющееся также ἕν, какъ на нѣчто однообразное, вѣчное, неизмѣняемое, чуждое всякой множественности и разнообразія, онъ впалъ въ заблужденіе, противное тому, которое допустили философы, судъ объ истинѣ предоставлявшіе чувствамъ: ибо какъ эти уничтожали всякое единство знанія, поколику постигаемое чувствами, по природѣ, течетъ и непрестанно движется; такъ тотъ уничтожилъ всякое разнообразіе знанія и почти совершенно отвергъ возможность преслѣдовать истину, поколику знаніе человѣческаго ума направлялось у него къ одному сущему, о которомъ ничего нельзя сказать. То общее понятіе о сущности, хотя бы она и дѣйствительно была, никакъ не могло приписывать ей различіе предикатовъ, условливающихъ знаніе истины, если же и приписывало, то ошибочно. Это ученіе элейской школы казалось Платону заслуживающимъ точнѣйшаго изслѣдованія. Философъ долженъ былъ такъ думать тѣмъ болѣе, что и самъ видѣлъ въ немъ исходную свою точку, и другіе ученики Сократа сильно склонялись къ нему, и хотя Парменидову сущему приписывали нѣкоторую множественность и различіе частей, однакожъ измѣняемость и общительность считали чуждыми его природѣ. Такъ думали мегарцы,—и понятія ихъ, равно какъ взглядъ

самого Парменида, Платонъ вознамѣрился подвергнуть изслѣдованію. Первые замѣчали, что τὸ общее бытіе, не имѣя различія частей, заключаетъ въ себѣ мало силы для знанія истины, и потому тотчасъ отступили въ этомъ отношеніи отъ Парменидова ученія и допустили идеи или безтѣлесные виды, къ которымъ исключительно должно быть относимо знаніе истины. Съ этой стороны они, безъ сомнѣнія, значительно сходились съ Платономъ; но съ другой за то очень рѣзко разногласили съ нимъ. Платонъ признавалъ свои идеи не только абсолютными, но и живыми, способными къ общенію,—въ соотвѣтствіе понятіямъ, которыя какъ бы отпечатлѣны въ человѣческомъ умѣ, но входятъ въ многоразличную связь и между собою, и съ вещами видимыми. Напротивъ, мегарцы, чтобы не совсѣмъ оставить взглядъ Парменида на постоянство сущаго, полагали, что формы его непремѣнно вѣчны, неподвижны, косны, не способны ни къ какому общенію (см. Sophist. p. 246 B sqq.; 248 A—E; 249 C, D). Какъ мы сохраняемъ въ своихъ душахъ общее понятіе сущности, хотя съ природою ея соединяемъ многоразличныя свойства: такъ и они, допуская идеи, вмѣстѣ съ тѣмъ признавали единство высочайшаго существа, и даже, возвратившись къ мышленію Ксенофана, называли его Богомъ и верховнымъ Благомъ. Что дѣйствительно убѣждены они были въ томъ и другомъ, видно изъ указанныхъ мѣстъ Платонова Софиста и несомнѣнно подтверждается свидѣтельствомъ Аристотеля, который (Metaph. XIV, 4, p. 301, ed. Brand.) говоритъ: *τῶν δὲ τὰς ἀκινήτους οὐσίας εἶναι λεγόντων οἱ μέν φασιν αὐτὸ τὸ ἓν τὸ ἀγαθὸν αὐτὸ εἶναι· οὐσίαν μέντοι τὸ ἓν αὐτοῦ ᾤοντο εἶναι μάλιστα*. Эти слова, безспорно, должны быть относимы къ мегарцамъ; ибо несомнѣнно дознано, что положеніе: *οἱ μέν φασιν αὐτὸ τὸ ἓν τὸ ἀγαθὸν αὐτὸ εἶναι*, есть подлинное мегарское. И такъ, мы принимаемъ за вѣрное, что Эвклидъ допускалъ одно сущее и *εἴδη πολλά*, какъ бы части и формы его;—но при этомъ онъ во многомъ не соглашался съ Платономъ,

потому что, строго держась Парменидова мнѣнія о постоянствѣ, неподвижности и равнобытности сущаго, такую же неподвижность, постоянство и вѣчное пребываніе приписывалъ и идеямъ; такъ что идеи у него не имѣютъ никакаго единенія ни между собою, ни съ измѣняющимися вещами. Этотъ философъ сравнивалъ ихъ съ такъ называемыми отвлеченными понятіями человѣческаго ума и полагалъ, что онѣ существуютъ самостоятельно и каждая особо. У греческихъ философовъ до Аристотеля было общею мыслію, что понимаемое какъ бытіе есть бытіе на самомъ дѣлѣ; такимъ образомъ помыслы ума и самую сущность они смѣшивали между собою. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такой взглядъ нравился и Эвклиду; потому что онъ въ этой части своей науки слѣдовалъ Пармениду, который, какъ извѣстно, училъ, что *бытіе* и *мышленіе*—одно и то же. Такъ вотъ каково было понятіе Эвклида и его друзей объ идеяхъ! Но если идеи признаваемы были у нихъ неподвижными и неизмѣняемыми, то легко понять, что̀ должно было отсюда слѣдовать. Изъ принятаго ими взгляда нельзя было усмотрѣть, какимъ образомъ возможно взаимное соединеніе многихъ идей, или связь одной и той же идеи съ вещами недѣлимыми; поэтому они отвергли всѣ синтетическія сужденія и оставили только тожественныя. Это самое ученіе Платонъ затрогиваетъ въ своемъ Софистѣ (p. 259 E sqq. и 251 A sqq.), гдѣ жалуется на любителей такого пустаго умствованія (сн. Parmenid. p. 142 A; 161 A. Theaet. p. 189. Euthyd. p. 284 A. Phileb. p. 14 C sqq.; 15 A sqq).

Если объясненіе наше вѣрно, то всякій пойметъ, какая находится связь между Платоновымъ Софистомъ и Теэтетомъ. Какъ въ Теэтетѣ говорится, что истины не даетъ ни чувственное усмотрѣніе, ни мнѣніе,—такъ въ Софистѣ доказывается, что для познанія истины недостаточны ни то существо элейцевъ, ни тѣ неподвижныя идеи мегарцевъ; даже объясняется, что въ идеяхъ должны быть равно движеніе и покой, если только почерпается изъ нихъ познаніе вѣч-

ной истины. И въ этомъ-то особенно состоитъ все содержаніе діалога. По мысли Платона, дѣло истиннаго діалектика и философа—изслѣдовать многоразличныя отношенія идей, сродство и соединеніе ихъ; и этотъ долгъ казался Платону тѣмъ выше и почтеннѣе, что свои идеи признавалъ онъ не просто помыслами ума, но скорѣе приписывалъ имъ дѣйствительное существованіе; такъ что, по его словамъ, онѣ содержатъ въ себѣ истинную сущность всѣхъ вещей (Parm. p. 79 sqq.).

Но, не смотря на близкую связь и сходство Софиста съ Теэтетомъ, тотъ очень ошибается, кто заключилъ бы, что предметъ обсуждается въ Софистѣ такимъ же образомъ, какъ въ Теэтетѣ. Напротивъ, здѣсь все, кромѣ бесѣдующихъ лицъ, совершенно иное и излагается иначе; въ образѣ изложенія здѣсь встрѣчается много новаго, необыкновеннаго, неожиданнаго. Между этими діалогами видна важная разница даже и въ томъ отношеніи, что тѣ же почти лица въ обоихъ принимаютъ не то же участіе въ бесѣдѣ. Въ Софистѣ Сократъ хотя и присутствуетъ, но не какъ учитель, собравшій вокругъ себя друзей, для разсужденій о важномъ предметѣ, а большею частію какъ слушатель, который, сказавъ нѣсколько словъ въ началѣ бесѣды, потомъ во все продолженіе ея сидитъ молча. Роль Сократа здѣсь досталась иностранцу, человѣку еще неизвѣстному, котораго привели съ собою Теэтетъ и Ѳеодоръ. Онъ почти непрерывно разсуждаетъ съ Теэтетомъ; а прочіе присутствующіе при разговорѣ едва кое-гдѣ примолвятъ нѣсколько словъ. Потомъ, читая Софиста, всякій замѣтитъ, что въ немъ господствуетъ характеръ рѣчи, далеко отступающій отъ сократической легкости, плодовитости и изящества. Здѣсь все связывается нѣкоторою утонченностію діалектики, происходящею, по видимому, изъ обычая какой-то школы. Здѣсь вы встрѣчаете необыкновенное множество дробныхъ дѣленій и подраздѣленій, которыя устанавливаются такъ, что понятіе о разсматриваемомъ предметѣ всегда дѣлится на двое, что-

бы дать ему точнѣйшее опредѣленіе; и подобный способъ разсужденія примѣняется иногда къ такимъ вещамъ, которыя не относятся къ цѣли бесѣды, а только поставляются передъ глазами, какъ бы какой примѣръ діалектическаго вопроса. Здѣсь одинъ и тотъ же предметъ нерѣдко обсуживается въ нѣсколько пріемовъ, и притомъ такъ, что его значеніе и природа иной разъ опредѣляются больше случайными признаками, чѣмъ существенными его свойствами. Наконецъ, тотъ же способъ прилагается для изслѣдованія положеній Парменида и другихъ философовъ о сущности вещей, причемъ въ элейцѣ усматривается такая ревность къ истинѣ, что онъ, по видимому, забываетъ самъ себя и невольно склоняется къ сократическому образу разсужденія. Къ этому присоединяется еще нѣчто такое, что можетъ показаться особенно загадочнымъ. Тогда какъ въ Теэтетѣ все разсужденіе ограничивается рѣшеніемъ вопроса, почему знанія истины надобно искать не въ чувственныхъ усмотрѣніяхъ и мнѣніяхъ,—въ Софистѣ, на первый взглядъ, направляется дѣло совсѣмъ не къ изслѣдованію элейскихъ и мегарскихъ мнѣній о природѣ истины и знанія. Здѣсь весьма широко разсматривается вопросъ о томъ, чтò такое «софистъ»: этимъ, по видимому, и начинается, и оканчивается книга; и тутъ же, по мѣстамъ, дѣлается замѣчаніе, что о политикѣ и философѣ была рѣчь въ другое время. Что же это такое? Почему съ дѣйствительнымъ содержаніемъ діалога соединенъ здѣсь вопросъ о софистѣ?—Это можетъ объясниться только тогда, когда все содержаніе разсматриваемаго сочиненія мы подведемъ подъ одинъ взглядъ. Чтобы легче сдѣлать это, надобно сперва, по нашему обычаю, обозрѣть сущность всего излагаемаго здѣсь разсужденія, слѣдуя тому же порядку частей, какой установленъ самимъ Платономъ, и соблюдая имъ же придуманную связь между этими частями. Сдѣлавъ такъ, мы затѣмъ попытаемся разсмотрѣть все, что служитъ къ объясненію содержанія и внѣшняго плана настоящей книги.

На другой день послѣ бесѣды, изложенной въ Теэтетѣ, Ѳеодоръ и Теэтетъ, по условію, опять сходятся съ Сократомъ и приводятъ съ собою элейскаго иностранца, посвятившаго свою жизнь философіи. Сократъ привѣтствуетъ его съ особенною вѣжливостію, хотя и не безъ ироніи, подозрѣвая въ немъ какаго нибудь діалектика, который тонкими разсужденіями въ состояніи все колебать и опровергать. Но Ѳеодоръ, напротивъ, рекомендуетъ его, какъ человѣка кроткаго и скромнаго, не похожаго на обыкновенныхъ тогдашнихъ спорщиковъ: это, говоритъ, въ философіи человѣкъ божественный, какими я почитаю всѣхъ, надлежащимъ образомъ занимающихся ею. Выслушавъ это, Сократъ дѣлитъ философовъ на политиковъ и софистовъ,—а иногда они даже получаютъ имя сумасбродовъ,—и спрашиваетъ у иностранца, какое различіе находятъ элейцы между софистомъ, политикомъ и философомъ. По поводу этого Сократова вопроса, иностранецъ приступаетъ къ разсужденію о томъ, что̀ такое по природѣ софистъ, и къ собесѣдованію съ собою приглашаетъ Теэтета. У элейцевъ и мегарцевъ, кажется, было въ обычаѣ, для занятія діалектикою, устанавливать ученые разговоры, въ которыхъ извѣстные предметы обсужденія давали тему для состязанія. На это указываютъ многія свидѣтельства какъ о Зенонѣ элейскомъ, такъ и объ Эвклидѣ, главѣ мегарской школы. И такъ, начинается рядъ вопросовъ и отвѣтовъ о томъ, что̀ такое софистъ,—и при этомъ выдерживается способъ разсужденія больше мегарскій, чѣмъ сократическій. Предложенную задачу трудно рѣшить съ надлежащею точностію, говоритъ иностранецъ. Чтобы познакомиться съ самымъ удобнымъ способомъ ея рѣшенія, надобно сперва взять въ ней сторону легчайшую: тогда мы узнаемъ на самомъ дѣлѣ, ка̀къ, при изслѣдованіи, нужно обращаться съ этимъ предметомъ. Затѣмъ устанавливается разсужденіе о разныхъ искусствахъ и ихъ частяхъ, однакожъ такъ, что предметы настоящаго разсужденія впослѣдствіи весьма ловко принаравливаются къ софисту: софистъ

называется, напримѣръ, ловчимъ, поскольку, для пріобрѣтенія корысти, занимается ловлею богатыхъ юношей; называется также и купцомъ или барышникомъ, поскольку онъ торгуетъ искусствами и свободными науками; равнымъ образомъ не безъ основанія приписывается ему искусство состязаться и спорить, и такъ далѣе. Иностранецъ прежде всего начинаетъ говорить объ *удочномъ рыболовѣ*.

Рыболовъ слѣдуетъ нѣкоторому искусству. Но всѣ искусства дѣлятся на два рода: одни—*производительныя* (ποιητικαί), другія—*пріобрѣтательныя* (κτητικαί). Искусство рыболовное, относящееся къ послѣднему роду, снова разсѣкается на двое: одна часть его занимается свободнымъ обмѣномъ произведеній, а другая,—словами ли то, или дѣлами,—пріобрѣтаетъ произведенія: та называется *мѣновою* (μεταβλητικόν), а эта—*овладѣвательною* (χειρωτικόν). Искусство овладѣвательное бываетъ опять двоякое: потому что совершаетъ свое дѣло или открыто, и называется *состязательнымъ* (ἀγωνιστική), или скрытно, и получаетъ имя *охотническаго* (θηρευτική). Но охотническое тоже двояко: одно охотится за вещами *одушевленными* (ἐμψύχοις), а другое *неодушевленными* (ἀψύχοις). И первое равнымъ образомъ дѣлится на двое: то есть, охотническое искусство за животными ловитъ животныхъ или *сухопутныхъ* (πεζοθηρική), или *плавающихъ* (νευστική). Но плавающія плаваютъ или въ воздухѣ, или въ водѣ: и поэтому искусство ловить ихъ называется или *птицеловствомъ* (ὀρνιθευτική), или *рыболовствомъ* (ἁλιευτική). Плавающихъ въ водѣ—тоже два вида: одни улавливаются сѣтью, другія ударомъ; относительно первыхъ охота называется *плетневою* (ἑρκοθηρική), относительно вторыхъ—*ударною* (πληκτική). Послѣдняя опять является въ двухъ видахъ, потому что совершается либо при огнѣ, ночью, и носитъ имя *огневой* (πυρευτική), либо днемъ, и извѣстна подъ названіемъ *крючковой* (ἀγκιστρευτική). Крючковая—снова двояка: одна дѣйствуетъ сверху внизъ, посредствомъ трезубцевъ, и называется *трезубочною* (τριοδοντία), а другая снизу вверхъ,

и извѣстна подъ именемъ *удочной* (ἀσπαλιευτική). И такъ, мы нашли то, чего искали, и этого именно пути должны держаться при изслѣдованіи вопроса, что̀ такое софистъ. Теперь выходитъ, что софистъ есть ловецъ,—конечно, не птицъ, а скорѣе—принадлежащаго юношамъ богатства. Тотъ и другой различаются только тѣмъ, что рыболовъ ходитъ около морей и рѣкъ, чтобы ловить въ нихъ животныхъ, а софистъ посѣщаетъ разныя земли, какъ бы рѣки золота и серебра, и почиваетъ будто на лугахъ, изобилующихъ богатствомъ и юношествомъ (р. 219 A—222 A).

Будемъ теперь постепенно разсматривать, какимъ образомъ софистъ производитъ ловлю своихъ животныхъ. Ловля ихъ на сушѣ имѣетъ два вида: одна бываетъ за *кроткими* (ἡμέρων), другая за *дикими* (ἀγρίων) животными. Ловля за кроткими, каковыми надобно почитать, конечно, людей, является опять въ двухъ видахъ: одна бываетъ *насильственная* βιαία), другая—*убѣждательная* (πιθανουργική). Искусство софистическое относится, безъ сомнѣнія, къ послѣдней. Ловля убѣждательная бываетъ тоже двоякая: одна производится *частно* (ἰδίᾳ), другая *публично* (δημοσίᾳ); а изъ частныхъ поисковъ одинъ является *подарочнымъ* (δωροφορικόν), другой—*мздоимнымъ* (μισθαρνευτικόν); и первый, находящій свое вознагражденіе только въ подносимой ему пищѣ лести, можно назвать искусствомъ *удовольственнымъ* (ἡδυντική), а послѣдній, по всей вѣроятности, *софистическимъ* (σοφιστική) (р. 222 A—223 B).

Однакожъ искомое теперь—софистъ—относится еще къ какому-то другому роду. Искусство пріобрѣтательное имѣло у насъ два вида: одинъ *охотническій*, другой *мѣновой*; но мѣновой является тоже въ двухъ видахъ: одинъ *даровой* (δωρητικόν), другой *продажный* (ἀγοραστικόν); продажный же снова разсѣкается надвое: на продажу предметовъ *самодѣльныхъ* (αὐτουργῶν) и на продажу *чужихъ* (ἀλλοτρίων). Притомъ, мѣновое искусство бываетъ либо *розничное* (καπηλική), либо *купеческое* (ἐμπορική); а купеческое обмѣниваетъ на деньги какъ все то, чѣмъ питается и пользуется *тѣло*, такъ и

все другое, что требуется для *души*. Напримѣръ, музыка всегда переходитъ изъ города въ городъ: въ одномъ покупается, въ другомъ продается; тоже и живопись, и фокусничество, и многое другое, что касается души; и кто занимается этимъ, тотъ называется купцомъ. Но одну часть этого душевнаго купечества весьма справедливо назвать *показательностію* (ἐπιδειχτιχή), а другой, столь же смѣшной, какъ и первая, хотя занимающейся продажею познаній, необходимо дать имя, сродное съ ея дѣятельностію: именно, въ этой торговлѣ познаніями одно, относящееся къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, надобно назвать иначе, а другое, относящееся къ познаніямъ о добродѣтели, опять иначе; относительно къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, ей прилично именоваться *искусство-продажничествомъ* (μαθηματοπωλιχή), а относительно къ познаніямъ о добродѣтели—*софистикою* (σοφιστιχή). Да ты, думаю, и въ третій разъ назовешь это занятіе не иначе, если посмотришь, что кто нибудь, сидя въ своемъ городѣ, одно покупаетъ, другое мастеритъ самъ, и торгуетъ своими о томъ познаніями, такъ какъ этимъ предположилъ поддерживать свою жизнь. Стало быть, и мѣновщика въ области искусства пріобрѣтательнаго, и продавца, торгующаго въ розницу чужимъ или своимъ товаромъ,—въ обоихъ случаяхъ, кого бы то ни было, промышляющаго въ этомъ отношеніи познаніями,—ты всегда, какъ видно, назовешь *софистомъ* (p. 223 C—224 E).

Этотъ родъ надобно разсмотрѣть и еще съ одной стороны. Искусство состязательное было у насъ нѣкоторою частію пріобрѣтательнаго: такъ не будетъ несообразности раздѣлить его надвое и одну часть назвать *препирательствомъ* (ἁμιλλητιχόν), а другую *драчливостію* (μαχητιχόν). Драчливость же, происходящая въ тѣлѣ противъ тѣла, есть *насильство* (βιαστιχόν), а состоящая въ словахъ противъ словъ,—*возражательность* (ἀμφισβητιχόν). Потомъ, возражательность опять, являющаяся въ формѣ рѣчей длинныхъ противъ длинныхъ и притомъ публично, есть *судебничество* (διχανιχόν); а когда

происходитъ въ частныхъ отношеніяхъ и выражается вопросами и отвѣтами,—*противорѣчивость* (ἀντιλογικόν). Послѣдняя, совершаясь безъ порядка и искусства, не заслуживаетъ названія; а когда она идетъ искусственно, называется *спорчивостію* (ἐριστικόν). Спорчивость также бываетъ либо *разрушительницею корысти* (χρηματοφθορικόν), либо *искательницею ея* (χρηματιστικόν): первая, разсуждающая для удовольствія, но, по образу выраженія, многими выслушиваемая не съ удовольствіемъ, есть *болтливость* (ἀδολεσχικόν); а послѣдняя, отъ частныхъ споровъ обогащающаяся, должна быть названа *софистикою* (σοφιστική) (p. 225 A—226 A).

Далѣе. Нѣкоторыя имена мы называемъ *служительскими* (οἰκετικοῖς); таковы, напримѣръ: процѣживать, провѣвать, сортировать, также: чесать, прясть, ткать. Всѣ они имѣютъ характеръ отдѣлительный, и потому всѣ ихъ можно соединить подъ однимъ названіемъ искусства *различительнаго* (διαιρετική). Но въ искусствѣ различительномъ можно замѣчать два вида: во первыхъ, различеніе лучшаго и худшаго, во вторыхъ, различеніе подобнаго и не подобнаго. Имени послѣдняго, говоритъ иностранецъ, я не знаю, а имя перваго есть нѣкоторое *очищеніе* (καθαρμός), которое имѣетъ тоже два вида: очищеніе животныхъ *тѣлъ* гимнастикою и медициною, извнѣ—банею; сюда же относится очищеніе тѣлъ неодушевленныхъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе ремесло валяльническое и всякое косметическое; потомъ—очищеніе *души*. Но такъ какъ очищеніе-то состоитъ въ оставленіи хорошаго и въ отдѣленіи всего дурнаго, то, при очищеніи души, надобно различать два зла: одно есть то же, что въ тѣлѣ *болѣзнь*, другое то же, что тѣлесное *безобразіе*. А болѣзнь вообще есть какъ бы *возмущеніе*, или разногласіе между вещами, по природѣ сродными, происходящее отъ какого нибудь ихъ поврежденія, безобразіе же—не иное что, какъ неприятно вездѣ поражающій *родъ несоразмѣрности*. Стало быть, возмущеніе, какъ болѣзнь души, мы можемъ назвать *порокомъ* (πονηρία); а поколику душа вся всего по неволѣ не

знаетъ, то ей, какъ несоразмѣрной, надобно приписать *невѣжество* (ἀμαθία). И такъ, трусость, необузданность, несправедливость и вообще все такое слѣдуетъ почитать болѣзнію въ насъ, а состояніе великаго и многоразличнаго незнанія признавать безобразіемъ. Но какъ для тѣла, по отношенію къ этимъ двумъ его несчастіямъ, было два искусства—*гимнастика* и *медицина*: такъ и для души, относительно безстыдства, несправедливости и трусости есть *надлежащій судъ* (προσήκουσα δίκη), а относительно незнанія—*учительство* (διδασκαλική). Но учительство распадается на два величайшихъ рода. Въ незнаніи представляется большой какой-то и трудный для обозрѣнія отдѣльный видъ, соотвѣтствующій вѣскостію всѣмъ прочимъ его частямъ: это—приписываніе себѣ знанія въ отношеніи къ тому, чего не знаешь. Этому-то именно виду надобно усвоить имя *невѣжества*, и учительство, въ отношеніи къ нему, должно быть названо *образованіемъ*. Но и образованіе также дѣлится надвое. Одинъ способъ словеснаго учительства, по видимому, шероховатъ, другой легче: первый—эпическій—употребляется особенно въ отношеніи къ сыновьямъ, когда, по поводу погрѣшностей ихъ, дѣлаютъ имъ замѣчанія, и правильно называется *вразумляющимъ* (νουθετητικήν); а второй возникъ изъ той мысли, что всякое невѣжество—невольно, что тотъ никогда не захочетъ учиться, кто почитаетъ себя мудрецомъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ признаетъ свою силу, и что тутъ вразумляющій видъ образованія, даже при великомъ трудѣ, дѣлаетъ мало успѣховъ. Поэтому-то, чтобъ изгонять изъ головы такое мнѣніе, предлагается другой способъ,—посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ разузнавать, кто, говоря нѣчто, думаетъ, будто онъ говоритъ дѣльно, тогда какъ ничего не говоритъ; потомъ изслѣдывать мнѣнія заблуждающихся и, собирая ихъ словесно, приводить къ тожеству между собою, чтобы наконецъ видѣть, что они, говоря о томъ же, направляясь къ тому же и такъ же, явно противорѣчатъ сами себѣ. Тогда, видя это, на себя они досадуютъ, а въ отно-

шеніи къ другимъ становятся скромнѣе, и такимъ образомъ разстаются съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ. По этому-то всему, обличеніе надобно почитать важнѣйшимъ изъ очищеній, а не обличеннаго, опять, хотя бы это былъ самъ великій царь, признавать весьма нечистымъ, не наученнымъ и безстыднымъ—въ томъ отношеніи, въ которомъ, чтобы быть истинно блаженнымъ, приличны совершенная очищенность и высочайшая красота. Что же? люди, пользующіеся этимъ искусствомъ очищенія, суть ли софисты?—Боюсь, какъ бы не приписать имъ слишкомъ много достоинства. Вѣдь и волкъ походитъ на собаку. При сходствахъ, нужно быть очень осторожнымъ. Впрочемъ, пусть будетъ такъ,—пусть часть образованія,—обличеніе,—получитъ у насъ имя благородной, по происхожденію, *софистики* (р. 226 B—231 B).

Но что ни положили бы мы относительно софиста, трудно ему уйти отъ нашей рѣчи. Посмотримъ напередъ, сколько представлялось намъ видовъ софиста. Во первыхъ, мы видѣли въ немъ наемнаго охотника за богатыми юношами; потомъ, купца, торгующаго науками и искусствами; далѣе, розничнаго торговца; затѣмъ, человѣка, продающаго самодѣльное свое ученіе, и, наконецъ, онъ явился намъ какъ состязатель и спорщикъ, и даже какъ возражатель, будто бы въ видахъ очищенія мнѣній, препятствующихъ наукамъ благотворно дѣйствовать на душу. Но знатокъ многихъ вещей, называющійся по имени одного искусства, есть явленіе сомнительное; вѣдь онъ долженъ быть непремѣнно чѣмъ-то однимъ. И такъ, возьмемъ первое, что сказано о софистѣ. Мы назвали его знатокомъ *противорѣчія* (ἀντιλογικός): что это за искусство, и чему учитъ оно другихъ (р. 231 C—232 B)?

Искусство противорѣчія, по видимому, состоитъ въ противорѣчіи всему,—вещамъ божественнымъ и человѣческимъ, общественнымъ и частнымъ, и вызывается учить этому другихъ. Но быть не можетъ, чтобы одинъ зналъ все. И такъ, софисты не въ самомъ дѣлѣ знатоки всего, а только такъ о себѣ думаютъ, будто знаютъ все. Поэтому они имѣютъ

мнимую мудрость во всемъ, а не дѣйствительное познаніе. Происхожденіе этой мнимой мудрости усматривается въ подражаніи. Какъ тотъ, кто вызывается однимъ искусствомъ производить всѣ изображенія вещей, своими пріемами легко обманываетъ людей, съ дѣтства незнакомыхъ съ тѣми вещами: такъ есть и нѣкоторое искусство слова, которымъ могутъ быть обманываемы неблагоразумные юноши; такъ что, слыша только выражаемыя словомъ изображенія предметовъ, они почитаютъ эти изображенія дѣйствительными предметами, и того, кто говоритъ о нихъ, признаютъ человѣкомъ мудрѣйшимъ во всемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что софиста надобно почитать какимъ-то чародѣемъ и подражателемъ (p. 232 C—235 A).

И такъ, теперь наше дѣло—держать этого звѣря, обойденнаго, такъ сказать, нашею рѣчью, и не выпускать его. Раздѣлимъ же скорѣе искусство *образотворное* (εἰδωλοποιικήν) на его виды, чтобы замѣтить, въ которомъ изъ этихъ видовъ таится онъ. Есть два вида подражанія: одинъ выражаетъ соотвѣтствующія самой истинѣ формы вещей; другой представляетъ выработанныя только по подобію истины изображенія. Тотъ мы назовемъ *уподобленіемъ* (εἰκαστική), а этотъ *фантастикою* (φανταστική). Но тутъ возникаетъ сомнѣніе, къ которому виду слѣдуетъ отнесть софистику; стало быть, встрѣчается новое затрудненіе. Здѣсь съ одной стороны—*являться* и *казаться*, съ другой—*быть*, съ одной—*говорить что-то*, съ другой—*не говорить ничего*,—всѣ эти слова бременятъ насъ недоумѣніями, хотя трудно понять, какимъ образомъ возможно, чтобы кто нибудь, говоря ложь и думая, что онъ говоритъ правду, не противорѣчилъ самому себѣ; ибо этимъ полагается, что чего *нѣтъ*, то *есть*. Это самое мнѣніе идетъ прямо наперерѣзъ прекрасному положенію Парменида, которымъ бытіе приписывается только сущему (τὸ ὄν); ибо чего нѣтъ, то не можетъ ни *быть*, ни *чѣмъ нибудь* быть, ни *какъ нибудь* быть. Но кто высказываетъ не *что либо*, тотъ по истинѣ говоритъ *ничто*, то есть вовсе

не говоритъ,—если совершенно необходимо говорящему высказывать что нибудь. Кромѣ того, не существующее, какъ мы теперь говоримъ, не имѣетъ никакихъ предикатовъ; поэтому нельзя приписать ему ничего такого, что *есть*, какъ напримѣръ, число,—относящееся къ положительно существующему. Значитъ, кто упоминаетъ о не сущемъ, какъ бы о чемъ-то одномъ, либо о не сущихъ, какъ бы о многихъ, ничего не говоритъ: ибо того, чего нѣтъ, нельзя ни схватить умомъ, ни удерживать мыслію. А еще удивительнѣе,—даже до нелѣпости,—то, что и сейчасъ сказанное нами никакъ не могло быть сказано о не сущемъ: ибо кто почитаетъ его неизъяснимымъ и невыразимымъ, тотъ этимъ самымъ уже полагаетъ оное и приписываетъ ему бытіе, и потому очень странно противорѣчитъ самъ себѣ (p. 235 B—239 B).

По такому взгляду, ложное представленіе и заблужденіе невозможны; ибо коль скоро ложное представленіе должно давать нѣчто отличное отъ вещи, а въ природѣ ея нѣтъ ничего, что могло бы быть названо не существующимъ, то ложь и заблужденіе нигдѣ не имѣютъ мѣста. Если такъ, то софиста нельзя причислять и къ чародѣямъ. Впрочемъ, не должно отчаяваться: истинную его природу мы какъ нибудь изслѣдуемъ. Намъ предлежитъ опровергнуть положеніе Парменида, который совершенно отвергъ возможность существованія того, что не существуетъ. Вѣдь то, *чего нѣтъ*, нѣкоторымъ образомъ *есть*; и наоборотъ, того, *что есть*, нѣкоторымъ образомъ *нѣтъ*. Если мы докажемъ истинность этого положенія, то не останется никакого сомнѣнія, что ложное мнѣніе и ложныя сужденія возможны. И такъ, наляжемъ на это Парменидово ученіе, что нѣтъ ничего не существующаго, и что оно не можетъ нѣкоторымъ образомъ существовать (p. 239 C—242 A).

Но, чтобы сдѣлать это въ порядкѣ, слѣдуетъ пересмотрѣть различныя мнѣнія философовъ о томъ, чтò почитается существующимъ. Древніе философы не съ надлежащею отчетливостію занимались этимъ вопросомъ. Между ними были

такіе, которые допускали *три* рода вещей существующихъ, и представляли ихъ то во взаимной враждѣ, то въ отношеніи мирномъ. Были и такіе, у которыхъ имѣлось въ виду *два* начала существованія: влажное и сухое, теплое и холодное, и которые мыслили эти начала во взаимномъ соединеніи. Кромѣ этихъ двухъ философскихъ школъ, была и третья—элейская, которая, со временъ Ксенофана, и еще раньше, полагала, что все есть *одно*. Затѣмъ появились музы іонійскія и сицилійскія, и стали считать дѣломъ болѣе безопаснымъ, что *одно есть многое* и *многое—одно*, и что обѣ эти стороны находятся въ содружествѣ. Такъ какъ философы сами мало безпокоились о несогласіи своихъ мнѣній, то мы позволимъ себѣ войти въ изслѣдованіе ихъ, и для того разсмотримъ, что надобно разумѣть подъ именемъ существующаго (p. 242 B—243 D).

То самое, что называется существующимъ, или отлично отъ теплаго и холоднаго и отъ другихъ этого рода, взаимно противоположныхъ элементовъ, или есть что либо одно изъ нихъ, или всѣ они должны быть мыслимы какъ существующее. Если подъ именемъ существующаго надобно разумѣть нѣчто отличное отъ нихъ, то существуютъ три рода вещей, или еще болѣе: напримѣръ, при допущеніи трехъ, будетъ сущее, теплое и холодное; при допущеніи чего либо одного, сущимъ окажется, конечно, одно; а когда допустимъ все, то выйдетъ опять только одинъ родъ существующаго. Но, послѣ сего, по какому же праву полагается два, или больше, рода вещей, отдѣльныхъ отъ существующаго?—Это заставляетъ насъ войти глубже въ смыслъ существующаго. А чтобы дѣло было вѣрнѣе, послушаемъ сначала тѣхъ, которые утверждаютъ, что *существующее есть одно*,—обратимъ вниманіе на элейцевъ. Если въ ихъ положеніи существующее (τὸ ὄν) не отличается отъ одного (τῷ ἑνί), то оба эти слова будутъ означать одно и то же; а это было бы очень смѣшно, ибо положеніе ихъ въ такомъ случаѣ получитъ слѣдующій смыслъ: одно есть одно, или сущее есть сущее. Когда же существующее (τὸ

ὄν) и одно (τὸ ἕν) у нихъ различны, они полагаютъ уже либо два начала, чтò противорѣчитъ собственному ихъ мнѣнію, либо допускаютъ различіе между ними только именное, чтò никуда не годится: потому что, съ измѣненіемъ именъ, у нихъ уничтожится и отношеніе между сущимъ и однимъ (p. 243 D—244 D).

Далѣе, этому «одному» элейцы приписываютъ также значеніе *цѣлаго*; поэтому Парменидъ даетъ ему и фигуру шара. Но всякій шаръ имѣетъ средоточіе и оконечности; слѣдовательно, можетъ дѣлиться на части. А если такъ, то предметъ, образующій собою что либо цѣлое, не можетъ уже быть *чистое одно*, потому что чистое одно не имѣетъ частей. Но одно, скажутъ, можетъ быть цѣлымъ случайно, такъ что лишь πάθος ἔχῃ τοῦ ὅλου.—Что жъ? въ такомъ случаѣ, одно и случайно-цѣлое будутъ двѣ природы; сущее же если, по природѣ, не цѣлое, то оно и не сущее, и не будетъ существовать. Притомъ, что бываетъ, то всегда есть цѣлое; посему кто отрицаетъ въ вещахъ цѣлость и единство, тотъ уничтожаетъ въ нихъ всякое происхожденіе и самую сущность. И такъ, въ существующемъ будемъ ли мы видѣть двойство, или единство,—во всякомъ случаѣ встрѣтимъ величайшія и безчисленныя затрудненія (p. 244 E—245 E).

Доселѣ мы говорили о тѣхъ, которые пускались въ тонкости относительно существующаго и не существующаго, хотя разсмотрѣли не всѣ мнѣнія ихъ. Теперь слѣдуетъ обратиться еще къ тѣмъ, которые судили иначе и при этомъ откроется, что существующее столь же трудно объяснить, какъ и не существующее. Въ этомъ направленіи представляются намъ двѣ школы философовъ: одни почитаютъ истиннымъ только то, чтò тѣлесно и доступно чувствамъ; другіе стараются видѣть сущность лишь въ нѣкоторыхъ мыслимыхъ формахъ, которыя чужды всякой тѣлесной матеріи и постигаются однимъ умомъ. Явно, что между этими противоположными взглядами всегда будетъ имѣть мѣсто вражда непримиримая; но надобно замѣтить, что фи-

лософы, держащіеся того мнѣнія, что существующее существуетъ лишь для чувствъ, отличаются обыкновенно большею нетерпимостію и упорствомъ. Противъ нихъ достаточно сильно слѣдующее доказательство. Всякое животное необходимо есть тѣло, одаренное душою. И такъ, душа дѣйствительно существуетъ. Но изъ душъ одна бываетъ справедлива, другая несправедлива; одна мудра, другая несмысленна. Стало быть, и справедливость, и мудрость, и прочія добродѣтели надобно также почитать дѣйствительно существующими,—хотя все это не можетъ быть постигаемо чувствами, и потому должно быть, конечно, безтѣлесно. А такъ какъ, не смотря на то, есть люди, отвергающіе все, чего не могутъ осязать руками; то для опроверженія ихъ нужно вотъ какое разсужденіе. Все, что имѣетъ нѣкоторую силу и способность что либо дѣлать и терпѣть, почитается *существующимъ*; потому что сущность усматривается въ силѣ и способности. Но эта сущность отлична отъ тѣлесной матеріи; слѣдовательно, *существованіе* надобно приписать и тому, что по природѣ отлично отъ тѣлъ. Мало того, этимъ исчерпывается вся природа существующаго, которую мы полагаемъ именно въ нѣкоторой дѣятельности (p. 246 A—248 A).

Но оставимъ это и посмотримъ на противное мнѣніе тѣхъ философовъ, которые всю сущность поставляютъ въ зависимость отъ идей. Они замѣчаютъ различіе между рожденіемъ (γένεσις) и сущностію (οὐσία), и полагаютъ, что тѣлесно, дѣятельностію чувствъ, мы причастны рождающагося, а что̀ вѣчно и неизмѣнно, то постигается лишь нашимъ умомъ.— Но что значитъ на ихъ языкѣ *быть причастнымъ* вещей или идей? Внимательно вникнувъ въ это, мы легко поймемъ, что здѣсь надобно разумѣть нѣкоторое воздѣйствіе и страданіе, происходящее отъ способности тѣхъ, которые сходятся между собою. Однакожъ защитники идей не уступятъ намъ въ этомъ, потому что рожденію-то приписываютъ они силу дѣйствовать и страдать, а у сущности отнимаютъ ее. И такое мнѣніе ихъ, смотри, на какомъ слабомъ держится

основаніи. Они сами соглашаются, что тѣ вѣчные роды познаются нашимъ умомъ. Но въ чемъ стали бы мы искать возможность познанія, какъ не въ нѣкоторой дѣятельности ума? А быть познаваемымъ—чтò иное значитъ, какъ не подвергаться нѣкотораго рода воздѣйствію? Значитъ, если существующее познается, то этимъ самымъ познаніемъ ума оно и впечатлѣвается, и движется. И все это совершенно справедливо. Что же далѣе? Въ томъ, чтò непремѣнно существуетъ, можемъ ли мы справедливо отрицать и движеніе, и жизнь, и душу, и разумность? или, не задумавшись, скажемъ, что оно и не живетъ, и не разумѣетъ, но стоитъ неподвижно, будучи лишено священнаго и высокаго дара ума? Или можно приписать ему только умъ, отнявъ у него жизнь? Вѣдь если то, что почитается у насъ *существующимъ*, будетъ неподвижно, то, очевидно, ни въ комъ нельзя предполагать ума и разумѣнія какой бы то ни было вещи; ибо умъ и разумѣніе есть не иное что, какъ дѣятельность, слѣдовательно движеніе. Но какъ безъ движенія невозможенъ никакой умъ, такъ невозможенъ онъ и въ томъ случаѣ, когда все движется, когда нѣтъ ничего вѣчнаго, непрерывнаго, недвижимаго. Познанію должно подлежать что либо такое, что непремѣнно пребывало бы, и всегда было бы равно само себѣ. И такъ, если не хотимъ совершенно уничтожить умъ и знаніе, существующему мы не должны отказывать ни въ движеніи, ни въ постоянствѣ и вѣчной пребываемости (p. 248 B—249 D).

Это сказано противъ тѣхъ, которые отъ истинно существующаго устраняютъ всякое движеніе, всякую измѣняемость; ибо дѣло дознанное, что движеніе и рожденіе нисколько не менѣе существуютъ, какъ стояніе и покой. Но здѣсь возникаетъ предъ нами новое и притомъ не менѣе важное затрудненіе. Движеніе и покой, не смотря на то, что это явленія совершенно противныя, въ дѣйствительно существующихъ идеяхъ должны быть почитаемы равно свойственнымъ имъ бытіемъ. И однакожъ то самое, что

называется *существующимъ,* кажется опять отличнымъ отъ того и другаго, отъ движенія и покоя; потому что, говоря о *существующемъ,* мы имѣемъ въ виду что-то иное, а не движеніе и покой. И такъ, сущее (τὸ ὄν) есть нѣчто третіе, отъ того и другаго отличное, что̀ однакожъ обще и движенію и покою, хотя само по себѣ и не стоитъ и не движется. Въ этомъ-то именно и скрывается затрудненіе. Вѣдь что не движется, тому зачѣмъ не стоять? и что вовсе не стоитъ, тому какъ бы не двигаться? И такъ, можетъ ли быть, чтобы существующее находилось внѣ движенія и покоя?—Это затрудненіе, конечно, не меньше того, съ которымъ мы встрѣтились прежде, когда разсуждали о не существующемъ (p. 249 E—250 E).

Такъ какъ существующее и не существующее наводятъ одинаковое сомнѣніе, то попытаемся, нельзя ли однимъ и тѣмъ же изслѣдованіемъ уничтожить его тамъ и здѣсь. Спрашиваемъ: какимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ можно означить разными именами, — когда, напримѣръ, одному и тому же человѣку приписываются цвѣтъ, величина, фигура, добродѣтели, пороки и проч.? Здѣсь возможны три случая. Или не можетъ статься, чтобы одна и та же вещь имѣла много различныхъ свойствъ и причастна была многихъ и различныхъ идей; или могутъ всѣ, сколько бы ни было свойствъ, принадлежать одной и той же вещи; или, наконецъ, можно допустить, что только нѣкоторыми изъ нихъ надобно ограничивать ее, а другихъ нельзя отнести къ ней. Изъ этихъ предположеній первое и второе—ложны, что доказывается слѣдующимъ образомъ. Если бы что нибудь съ извѣстною вещію не имѣло ничего общаго, то при этомъ не могло бы быть ни движенія, ни стоянія; ибо то и другое осталось бы внѣ бытія (εἶναι). А въ такомъ случаѣ тотчасъ пали бы и идеи тѣхъ, которые весь составъ вселенной или приводятъ въ движеніе, или останавливаютъ какъ одно, или хотятъ, чтобы, по видамъ и неизмѣннымъ формамъ, онъ навсегда оставался рав-

нымъ себѣ и вѣчнымъ. Да и мнѣнія другихъ философовъ, о которыхъ упомянуто было прежде, не нашли бы въ себѣ ничего, чѣмъ могли бы защититься. Если бы, далѣе, справедливо было то, что поставили мы на второмъ мѣстѣ, то слѣдовало бы заключить, что все имѣетъ способность приходить въ общеніе; а между тѣмъ не крайняя ли нелѣпость—движенію стоять, или, наоборотъ, стоянію двигаться? И такъ, остается третіе,—полагать, что иное съ инымъ смѣшивается, другое не смѣшивается. А когда это справедливо, то здѣсь—такое же отношеніе, какое между буквами, изъ которыхъ однѣ соединяются между собою, другія не соединяются. И какъ для правильнаго сужденія о соединимости или несоединимости извѣстныхъ буквъ нужно искусство грамматическое: такъ, равнымъ образомъ, требуется нѣкоторое искусство и для сужденія о соединимости идей. Наука умно и тонко обсуживать согласіе и несогласіе ихъ есть *діалектика*. Знаніе ея мы припишемъ только тому, кто чистосердечно и истинно философствуетъ. Впослѣдствіи, если достанетъ у насъ охоты, мы раскроемъ, что въ этомъ состоитъ долгъ философа, достойнаго своего имени. Теперь же замѣтимъ только, что между философомъ и софистомъ та особенно разница, что софистъ прячется во мракѣ *не существующаго* и, къ сожалѣнію, узнается по окружающему его мраку; напротивъ, философъ всегда занятъ созерцаніемъ того, что *дѣйствительно существуетъ*, и отъ блеска вещей божественныхъ, для котораго очи толпы бываютъ обыкновенно слабы, едва можетъ быть усматриваемъ. Впрочемъ объ этомъ — мимоходомъ. Главное, мы согласились между собою, что иные роды (идеи) могутъ взаимно соединяться, а иные не могутъ, и притомъ одни—съ немногими, другіе—съ многими, а нѣкоторые—со всѣми. Чтобы представилось намъ это очевиднѣе, и чтобы не теряться въ разсматриваніи множества вещей, постараемся объяснить дѣло однимъ примѣромъ. Возьмемъ тѣ самые роды, о которыхъ доселѣ разсуждали, то есть: *сущее, движеніе, стояніе*; разсматривая ихъ, мы, можетъ

быть, и поймемъ отношеніе между существующимъ и не существующимъ, и замѣтимъ, въ чемъ именно видна природа софиста. Движеніе и стояніе, какъ явленія взаимно противныя, не могутъ, видѣли мы, сойтись въ одно. А сущее, или то, что называется существующимъ, сходится и съ движеніемъ и съ стояніемъ; потому что идеи движенія и стоянія дѣйствительно существуютъ. Но каждый изъ этихъ трехъ родовъ опять отличенъ отъ двухъ прочихъ; разсматриваемый же самъ въ себѣ, отдѣльно, есть тотъ же и согласенъ самъ съ собою. И такъ, взятые относительно, они взаимно различны, а понимаемые абсолютно, безъ сравненія съ другими, тожественны. Отсюда къ тѣмъ тремъ, первоначально положеннымъ, родамъ прибавляются два новые: *различіе* (τὸ θάτερον) и *тожество* (τὸ ταὐτόν). Отличіе ихъ отъ вышеприведенныхъ доказывается такъ. Если бы тожество или различіе не отличались отъ стоянія и движенія, то ни въ какой вещи не могло бы имѣть мѣста ни стояніе, ни движеніе, ибо тожество и различіе приписываются тому и другому; стало быть, если бы они были одно съ тожествомъ и различіемъ, то движеніе и стояніе совершенно уничтожились бы. Нельзя также считать однимъ сущее и тожественное; ибо если бы они не различались между собою, то движеніе и стояніе,—оба, по нашему положенію, *существующія*,—мы должны были бы опять признать однимъ и тѣмъ же, что̀ еще прежде нашли невозможнымъ. Наконецъ, не могутъ равнымъ образомъ быть тѣмъ же различіе и сущность; ибо различіе всегда приписывается какой нибудь вещи, поколику она сравнивается съ другими вещами, сущее же существуетъ само по себѣ, а не для другаго сущаго: стало быть, первое зависитъ отъ отношенія, а послѣднее—само отъ себя. И такъ, природу различія надобно отличать отъ прочихъ четырехъ родовъ, хотя она какъ бы раздѣлена по всѣмъ имъ; ибо многія вещи никогда не могутъ быть тѣми же, но отличаются одна отъ другой. Послѣ сего, относительно тѣхъ пяти родовъ надобно постановить слѣдующее. *Движеніе*

отлично отъ *стоянія*; слѣдовательно, его *нѣтъ*, такъ какъ оно не есть стояніе; но оно *есть*, поколику соединяется съ сущимъ. *Движеніе* отлично также отъ *тожества*; слѣдовательно, оно *не то же*; и однакожъ надобно почитать его *тѣмъ же*, такъ какъ оно вѣрно своей природѣ и не измѣняетъ своего значенія. Разсматриваемое само по себѣ, абсолютно, оно—то же, а въ отношеніи къ идеѣ того же—не то же. Такъ, если бы и движеніе находилось въ какой нибудь связи съ стояніемъ, то не безразсудно было бы назвать его стойкимъ: но мы уже доказали, что этого быть не можетъ. Наконецъ, движеніе отличается отъ различія; стало быть, оно *не различно*, такъ какъ не есть различіе,—поколику, то есть, идея различія и идея движенія несогласны между собою,—и однакожъ *различно*, поколику отличается отъ различія и прочихъ родовъ. И такъ, движеніе a) существуетъ и не существуетъ; b) то же и не то же; c) различно и не различно. Изъ этого видно, что не существующее находится и въ движеніи, и во всѣхъ прочихъ родахъ, поколику каждый изъ нихъ отличается отъ другихъ,—слѣдовательно, не то же, что другіе, и потому въ этомъ отношеніи *не существуетъ* (ибо не существовать у Платона значитъ почти то же, что быть лишеннымъ какого нибудь свойства, или что у Аристотеля разумѣется подъ словомъ στέρησις). Равнымъ образомъ и существующее принадлежитъ всѣмъ родамъ, такъ какъ они *существуютъ*. Слѣдовательно, и τὸ ὄν, и τὸ μή ὄν идутъ къ каждому родовому понятію. Даже самое-то *несуществованіе* есть нѣкоторымъ образомъ *существованіе*, поколику отличное отъ всего другаго дѣйствительно *есть*, и, наоборотъ, то, что *есть*, насколько отлично отъ всего другаго, настолько *не существуетъ*. Такимъ образомъ выходитъ, что τὸ ὄν и τὸ μή ὄν находятся въ ближайшемъ между собою соотношеніи и связи. При этомъ τὸ μή ὄν мы понимаемъ не абсолютно,—такъ какъ это значило бы отвергать самую природу вещи,—а въ смыслѣ относительнаго несуществованія, и разумѣемъ только то, что извѣстный предметъ не имѣ-

етъ той природы и свойствъ, какими обладаетъ другой. Все равно, какъ бы *не прекраснымъ* мы назвали то, что отличается отъ прекраснаго, *не великимъ*—то, что отличается отъ великаго. Ясно, стало быть, что такъ называемое у насъ *не существующее* все-таки *существуетъ*; ибо мы означаемъ этимъ словомъ не противоположность, а только различіе (р. 250 E—258 C).

Но теперь, въ своемъ изслѣдованіи, мы зашли уже дальше, чѣмъ позволяетъ ученіе Парменида. Онъ не существующее понималъ какъ ничто, и полагалъ безразсуднымъ вдаваться въ эту область; мы же приписали не существующему не только существованіе, но и извѣстную природу, заключающуюся именно въ *различіи*. И такъ, не существующее, въ силу того, что все причастно сущности, слѣдуетъ признавать также и существующимъ; однакожъ, какъ нѣчто, только причастное сущности, оно не есть само существующее, ибо идеи τοῦ μὴ εἶναι и τοῦ εἶναι во всякомъ случаѣ различны. Какъ не существующее существуетъ, такъ, съ другой стороны, и само существующее, отличаясь отъ безчисленнаго множества остальныхъ родовъ, можно сказать, не существуетъ (р. 258 C—259 B).

Мы видѣли, какимъ образомъ всѣ роды можно приражать и противопоставлять одинъ другому. При этомъ, конечно, нужно быть крайне осторожнымъ и избѣгать положеній произвольныхъ. Истинный философъ, прежде нежели допускаетъ то или другое соотношеніе родовъ, внимательно изслѣдуетъ причины и основанія, какія для этого представляются. Но подобной осторожности не замѣтно у тѣхъ мыслителей, которые (какъ, напр., эристики) произвольнымъ сопоставленіемъ разнородныхъ идей доказываютъ, что никакое общеніе родовъ (или разнообразіе предикатовъ) невозможно. Эта попытка все уединить и разобщить до того нелѣпа, что могла явиться только у людей, совершенно чуждыхъ философскаго образованія. Принять это ученіе значило бы отвергнуть всякую способность сужденія, кото-

рая возможна только при условіи, если понятія и представленія входятъ между собою въ общеніе и связь (р. 259 В—260 А).

Мы опровергли ученіе означенныхъ мыслителей, доказавъ, что роды могутъ смѣшиваться между собою. Этимъ мы отстояли право существованія для всякой вообще рѣчи, при посредствѣ которой только и можемъ мы теперь заниматься философіей. И въ самомъ дѣлѣ, какая рѣчь была бы мыслима безъ взаимнаго сближенія понятій?—Теперь пойдемъ далѣе. Если не существующее оказывается какъ бы однимъ изъ родовъ, распространяющимся на всѣ остальные, то очень важно знать, смѣшивается ли оно также съ мнѣніемъ и рѣчью. Коль скоро такого смѣшенія не бываетъ,—тò и другое, очевидно, должны быть всегда истинны; а если бываетъ,—то становятся возможны и ложное мнѣніе и ложная рѣчь. Въ послѣднемъ случаѣ, надо дать мѣсто и лживымъ подобіямъ, и обману. Здѣсь-то именно и спрятался отъ насъ софистъ, признавъ ложныя мнѣнія и рѣчи невозможными—на томъ основаніи, что не существующаго вовсе будто бы нельзя ни помыслить, ни выразить словомъ. И такъ, намъ пожалуй возразятъ, что не существующее хотя и сближается съ сущимъ, но не можетъ вступать въ общеніе съ мнѣніемъ и рѣчью, а потому и нѣтъ мѣста такому искусству, которое создавало бы призраки и обманчивыя представленія. Чтобы устранить это недоумѣніе, надо намъ сначала разсмотрѣть, что такое мнѣніе и рѣчь.

Имена вещей имѣютъ то общее свойство съ идеями и буквами, что только нѣкоторыя изъ нихъ согласуются другъ съ другомъ и, будучи сложены, образуютъ осмысленную рѣчь. Между именами мы различаемъ *имена* въ собственномъ смыслѣ, или названія самыхъ вещей, и *глаголы*,—слова, означающія какое либо дѣйствіе. Рѣчь производится лишь соединеніемъ словъ того и другаго рода; однихъ же именъ, или однихъ глаголовъ для этого недостаточно. Затѣмъ, рѣчь необходимо должна касаться чего нибудь: если нѣтъ

никакого объекта у рѣчи, нѣтъ и самой рѣчи. Такъ, если мы говоримъ: «Теэтетъ сидитъ»,—дѣло касается тебя. И вотъ тутъ уже можно уловить случаи ложной рѣчи. Говоря что нибудь о чемъ нибудь, мы высказываемъ или то, что̀ дѣйствительно есть на дѣлѣ, или противное дѣйствительности,—какъ если бы сказали, напримѣръ: «Теэтетъ летитъ». Ложнымъ, значитъ, назовемъ нѣчто отличное отъ дѣйствительнаго, а ложною рѣчью—ту, которая утверждаетъ что либо, чего на дѣлѣ нѣтъ.

А что же такое мысль (διάνοια), мнѣніе (δόξα) и представленіе (φαντασία)? Не ясно ли, что все это такъ же точно истинно или ложно совершается въ нашей душѣ? Въ самомъ дѣлѣ, все различіе мышленія и рѣчи заключается въ томъ, что первое есть какъ бы внутренній, безгласный разговоръ нашего ума съ самимъ собой, тогда какъ послѣдняя—его внѣшнее проявленіе, при посредствѣ слова. И въ рѣчи, какъ мы знаемъ, допускается положеніе и отрицаніе: когда то же положеніе или отрицаніе совершается у насъ внутренно, безмолвнымъ рѣшеніемъ ума, является мнѣніе; а если при этомъ мы пользуемся еще помощью чувствъ,—возникаетъ представленіе, которое есть нѣкотораго рода смѣшеніе чувства съ мнѣніемъ. И вотъ, какъ скоро мы убѣдились въ такомъ близкомъ сродствѣ между мнѣніемъ и рѣчью, для насъ становится очевиднымъ, что и мнѣніе, подобно рѣчи, можетъ быть истиннымъ и ложнымъ (р. 260 А—264 В).

Возвратимся однако къ софисту, котораго будемъ теперь преслѣдовать, быть можетъ, уже съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Мы различили двѣ части въ искусствѣ *образотворческомъ: уподобленіе* и *фантастику*, и недоумѣвали, къ которой отнести софиста. Недоумѣніе наше еще возрасло, когда подвергнута была сомнѣнію самая возможность призраковъ и лживыхъ представленій. Но теперь, когда доказана возможность ложнаго мнѣнія и ложной рѣчи, необходимо признать, что какъ, съ одной стороны, могутъ быть создаваемы подобія вещей дѣйствительно существующихъ, такъ, съ дру-

гой, должно быть нѣкоторое искусство вводить въ обманъ. Что же теперь софистъ?—Еще ранѣе мы различили искусства *производительное* и *пріобрѣтательное*. Такъ какъ искусство уподобленія нѣчто создаетъ, и подходитъ поэтому подъ родъ *производительнаго*, то будемъ преслѣдовать софиста въ этомъ дѣленіи, пока не поймаемъ. Искусство производительное дѣлится на два вида: творчества божескаго и человѣческаго. То и другое опять двояко, производитъ ли оно самыя вещи (αὐτοποιητικόν), или ихъ подобія (εἰδωλοποιϊκόν). И этому-то послѣднему роду подчинены два упомянутыя выше искусства—*уподобленіе* и *фантастика*, изъ которыхъ первое производитъ подобія, а другое призраки. Призраки создаются опять двояко: или посредствомъ извѣстныхъ орудій, или такъ, что производящій ихъ самого себя обращаетъ какъ бы въ орудіе созданія. Въ послѣднемъ случаѣ получается между прочимъ подражаніе (μίμησις), производимое съ помощью голоса, движеній и т. п. Въ подражаніи же слѣдуетъ различать два вида: одни подражаютъ, хорошо зная предметъ подражанія, другіе—не зная его. Второй видъ,—когда подражаютъ только съ *мнѣніемъ* о предметѣ,—можно назвать *подражаніемъ мнительнымъ* (δοξομιμητική), а первый, съ знаніемъ,—подражаніемъ какъ бы *историческимъ* (ἱστορική τις μίμησις). Но софиста мы отнесли раньше не къ числу знающихъ; значитъ, онъ подражатель мнительный. Такіе подражатели бываютъ или простые, прямодушные, или притворные,—которые лукаво стараются скрыть свое незнаніе. Этихъ послѣднихъ можно опять различать по двумъ пріемамъ: они или говорятъ публично и увлекаютъ толпу длинными рѣчами,—чтò именно свойственно народнымъ ораторамъ,—или же, вступая въ разговоры частнымъ образомъ, стараются запутать своего собесѣдника въ противорѣчія. Тотъ, кто такъ поступаетъ, есть *софистъ*,—т. е., не мудрецъ (σοφός), а только подражатель мудреца, потому что не имѣетъ его знаній (р. 264 В—268 D).

Вотъ все содержаніе настоящаго разговора. При самомъ

поверхностномъ взглядѣ, въ немъ уже различаются какъ бы двѣ темы: первая—о природѣ софиста, вторая—о положеніяхъ элейской и мегарской школъ. Съ какою же цѣлью связаны въ одно обѣ эти темы, и въ которой изъ нихъ надо полагать главную задачу діалога?—Изъ того, что въ немъ такъ подробно и тонко изслѣдывается природа софиста, можетъ, на первый взглядъ, показаться, что всѣ разсужденія о существующемъ и не существующемъ приводятся только ради выясненія этой первой темы, тѣмъ болѣе, что ею, какъ видно, и начинается и заканчивается разговоръ. Но прежде чѣмъ рѣшать поставленный выше вопросъ, надо ближе вглядѣться въ нѣкоторыя подробности.

Начнемъ съ элейскаго гостя. Дѣятельная роль въ бесѣдѣ поручается элейцу, очевидно, потому, что предпринимается изслѣдованіе одного изъ важнѣйшихъ положеній элейской школы. Подобнымъ же образомъ выводятся Парменидъ и Тимей, представители элейской и пиѳагорейской доктринъ, въ двухъ другихъ, соименныхъ имъ, разговорахъ, гдѣ затрогиваются положенія обѣихъ этихъ школъ. И какъ тамъ бесѣда искусно направляется къ тому, чтобы согласить эти положенія съ ученіемъ самого Платона, такъ, мы думаемъ, и въ Софистѣ Платонъ имѣлъ въ виду, устами одного изъ сторонниковъ элейской и мегарской доктринъ, высказать рядъ мыслей о природѣ мышленія, незамѣтнымъ образомъ примыкающій къ собственному его взгляду на предметъ. Этимъ самъ Платонъ очень ясно даетъ понять, какую близкую связь имѣетъ его ученіе съ положеніями элейцевъ, и даже открыто, можно сказать, сознается, что онъ дошелъ до своего ученія черезъ изслѣдованіе и развитіе ихъ началъ. Если такова, по мысли Платона, должна быть роль элейскаго гостя, то уже не трудно понять, почему ему приданъ такой, а не другой характеръ,—хотя на этотъ счетъ высказывалось также не мало сомнѣній. Онъ изображается вовсе не спорчивымъ, каковы были по большей части приверженцы мегарской или эристической доктрины, вовсе не

упорнымъ защитникомъ догматовъ элейскихъ мыслителей, умѣвшихъ поддерживать свои мнѣнія во что бы то ни стало, съ помощью чисто внѣшнихъ діалектическихъ уловокъ; онъ представляется скорѣе очень умѣреннымъ и мягкимъ, и притомъ человѣкомъ, ревностно преданнымъ изслѣдованію истины. Тѣмъ не менѣе онъ остается и мегарцемъ и элейцемъ настолько, насколько придерживается употребительныхъ у нихъ пріемовъ и способовъ изслѣдованія. Такъ, въ той части книги, гдѣ изслѣдуется природа софиста, онъ набрасываетъ массу остроумныхъ, постоянно двойныхъ дѣленій, продолжая ихъ все далѣе, пока не доходитъ до понятія, въ которомъ долженъ содержаться софистъ; и въ этомъ онъ оказывается до того неутомимъ и изобрѣтателенъ, что нельзя не узнать въ немъ человѣка школы, который вполнѣ освоился съ выработанными ею внѣшними пріемами. Сколько можно догадываться, такіе пріемы изслѣдованія употребляли именно мегарцы, слѣдуя, быть можетъ, примѣру Зенона. Выходя изъ какого либо высшаго, общаго рода, они нисходили къ содержащимся подъ нимъ видамъ и продолжали идти такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не находили понятія, соотвѣтствующаго искомому предмету. Они пользовались своею методою, отвергнувъ методу Сократову, какъ несовмѣстную съ ихъ ученіемъ, ибо отрицали возможность соединенія многихъ свойствъ въ одной и той же вещи: отсюда и Антисѳенъ у Аристотеля (Metaphys. V, 29; VIII, 3) отвергалъ, какъ видимъ, всякое употребленіе опредѣленія. Посему-то, при опредѣленіи, не соединяли они понятій, а скорѣе дѣлили ихъ, чтобы такимъ образомъ всякую идею привести въ состояніе отрѣшенное, безотносительное. Притомъ эта метода употребляема была ими, кажется, особенно при описаніи вещей чувствопостигаемыхъ, каковы, напримѣръ, упоминаемыя въ Софистѣ искусства. Такой способъ описывать понятія, выводимый изъ непрерывнаго ряда дѣленій, очень соотвѣтствуетъ пріемамъ элейцевъ и мегарцевъ въ развитіи изслѣдованій; ибо они такъ строятъ дока-

зательства на доказательствахъ, что изъ заключеній всегда выводятъ новыя заключенія: свидѣтельства видимъ у Діогена Лаэрція и у самого Платона. И такъ, наше убѣжденіе клонится къ тому, что Платонъ, искуснымъ подражаніемъ, въ Софистѣ и Политикѣ выразилъ мегарскій способъ опредѣленія, а въ Парменидѣ—мегарскую же методу построенія доказательствъ. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлалъ онъ это, мы увидимъ. Теперь нужно только дорисовать характеръ введеннаго имъ въ разговоръ элейскаго иностранца. Онъ пользуется не столько сократическимъ, сколько мегарскимъ способомъ разсужденія, къ которому уже привыкъ; однакожъ, какъ не слишкомъ строгій послѣдователь школы, въ разсужденіяхъ своихъ иногда бываетъ довольно свободенъ, что видно особенно изъ того мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о природѣ существующаго и не существующаго и объ источникахъ лжи и обмана. Въ этомъ мѣстѣ онъ не только нападаетъ на мнѣніе элейцевъ, но и вообще преслѣдуетъ презрѣніемъ хитрый и сжатый родъ разсужденій ихъ, такъ что является совершеннымъ послѣдователемъ Сократа.

Въ изложеніи діалога особенно обращаетъ на себя вниманіе длинное и обильное разсужденіе о софистѣ, заставляющее насъ сильно недоумѣвать относительно своего значенія и цѣли. Съ этой стороны особенно сомнительнымъ находилъ его Зохеръ, и понималъ какъ собраніе пустыхъ хитросплетеній досужей болтливости, а потому никакъ не соглашался приписать уму Платона. Но справедливо ли такое сужденіе Зохера, скоро откроется само собою. Для болѣе точнаго разсмотрѣнія предмета, необходимо уяснить себѣ, что̀ особенно имѣлъ въ виду Платонъ при изложеніи этой книги. Мнѣ представляется, что философъ въ ней съ тѣмъ труднымъ и неудоборазрѣшимымъ вопросомъ о мыслимой сущности и ея формахъ соединилъ изслѣдованіе другой задачи, которая для всей философіи тоже весьма важна,—хотѣлъ разсмотрѣть причину и источникъ обмана и заблужденія въ человѣческихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ. Обѣ эти задачи

казались ему столь сродными, что кто разсуждалъ бы о существующемъ и не существующемъ, тотъ не могъ бы не говорить также и объ опасности заблужденія и обмана. Пользуясь этимъ случаемъ, философъ положилъ вмѣстѣ съ тѣмъ очертить свойства и природу софистовъ, въ которыхъ усматривалъ какъ бы какихъ-то охотниковъ лжи и обмана. То есть, жизнь и занятія тѣхъ людей, которые постоянно вращаются въ сферѣ не существующаго, онъ какъ бы противопоставилъ другимъ, непрерывно занятымъ изслѣдованіемъ вѣчной истины, и этимъ сближеніемъ противоположностей старался тѣмъ болѣе выяснить разсматриваемый предметъ. Платонъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ держится усвоеннаго имъ обычая—съ внутренними доказательствами истины соединять еще объясненіе вещей, относящихся къ жизни человѣка, чтобы тѣмъ яснѣе и пріятнѣе была самая наука мудрости: это же съ неподражаемымъ искусствомъ дѣлаетъ онъ и въ Софистѣ.—Софисты были какъ бы обезьянами истинныхъ мудрецовъ,—но слѣпая толпа нерѣдко смѣшивала тѣхъ и другихъ; не рѣже и не менѣе ошибочно поставляемы были они наряду съ отличными политиками, которые дѣйствительно благодѣтельствовали обществу. Что же дѣлаетъ философъ, вознамѣрившись точнѣе объяснить ученіе объ идеяхъ и происхожденіе обмана и заблужденія? Ухватившись за этотъ благопріятный случай, онъ тотчасъ объявляетъ войну софистамъ, риторамъ, демагогамъ и всѣмъ тѣмъ мнимымъ мудрецамъ, которые старались быть замѣтными въ общественной жизни, а между тѣмъ водились только заблужденіемъ и наклонностію обманывать. Отсюда-то въ Софистѣ, въ которомъ предположено разсуждать о вещахъ очень важныхъ и трудныхъ, онъ ставитъ вдругъ задачей разоблачить софистовъ и показать, какъ чужды они истинной философіи. И выходитъ прекрасно: во первыхъ, съ этимъ вопросомъ, на дѣлѣ второстепеннымъ,—который кажется однакожъ первостепеннымъ, поскольку имѣлъ быть приложенъ и къ политикамъ,—онъ весьма естественно соединилъ

главное содержаніе книги; во вторыхъ, представилъ рядъ опредѣленій софиста, оживленныхъ тонкой насмѣшкою, которыя кажутся тѣмъ значительнѣе, что произведены, для шутки, отъ вещей внѣшнихъ и случайныхъ, а между тѣмъ изображаютъ общее направленіе софистическихъ умовъ, какъ оно представлялось смыслу людей благоразумныхъ. Подобнымъ образомъ отзывается о софистахъ и Сократъ у *Ксенофонта* (Memorab. I, 6, 12 и 13), гдѣ они называются торгашами мудрости. Не лучше думаетъ о нихъ и *Аристотель*, когда говоритъ (De Sophist. Elench. I, 6): ἔστι γὰρ ἡ σοφιστικὴ φαινομένη σοφία, οὖσα δὲ οὔ, καὶ ὁ σοφιστὴς χρηματιστὴς ἀπὸ φαινομένης σοφίας, ἀλλ᾽ οὐκ οὔσης. Кромѣ того, надобно замѣтить, что Платонъ въ этой своей книгѣ ловко обличаетъ также злоупотребленіе діалектическимъ остроуміемъ въ тѣхъ людяхъ, которые, воображая, что своимъ искусствомъ разсуждать они стоятъ выше другихъ, на самомъ дѣлѣ слишкомъ вдаются въ изысканныя дѣленія и доказательства, и потому большею частію бываютъ не въ состояніи правильно объяснять понятія о вещахъ. Нельзя никакъ согласиться съ *Фил. Гевсде* (Init. philos. Platon. vol. II, P. 11, p. 104 sqq.), будто Платонъ въ своемъ Софистѣ и Политикѣ хотѣлъ объяснить примѣрами методу дѣленія и соединенія понятій: напротивъ, по нашему мнѣнію, вся та часть діалога, гдѣ означенные примѣры представлены, полна лукавой аттической насмѣшки. Отсюда-то такое множество хитро придуманныхъ дѣленій, которыя, какъ бы по нѣкоторому неизмѣнному закону, всегда выходятъ двучленныя; отсюда такая бездна названій, означающихъ искусства и измышленныхъ большею частію явно для забавы; отсюда это упоминаніе объ искусствахъ низкихъ, тогда какъ строгая та діалектика, которою хвастались эристики, не позволяла останавливаться на черной сторонѣ вещей (см. p. 227 A); отсюда, наконецъ, эти изысканные и издалека затѣваемые подходы, которые приписывать Платону, какъ дѣло серьезное, никакъ невозможно. Такъ вотъ наше мнѣніе о той части

книги, въ которой разсматривается софистъ. Кто придавалъ бы ей особенную важность въ виду ея длинноты, тотъ, безъ сомнѣнія, сильно обманывался бы: объемъ ея не долженъ никого удивлять, потому что Платонъ ни въ Эвтидемѣ, ни въ Кратилѣ, ни въ другихъ своихъ діалогахъ не жалѣлъ труда, когда надлежало собрать хитросплетенія своихъ противниковъ и осмѣять ихъ. Впрочемъ нельзя сомнѣваться, что въ этой части сочиненія нѣтъ недостатка и въ такихъ мѣстахъ, которыя раскрыты въ прямомъ смыслѣ: философъ и здѣсь смѣшиваетъ серьезное съ шуточнымъ, и это могъ дѣлать тѣмъ смѣлѣе, что хотѣлъ незамѣтно исправить тѣхъ самыхъ, отъ лица которыхъ говорилъ элейскій иностранецъ.

Скажемъ нѣсколько словъ и о главной темѣ діалога, потому что и съ этой стороны онъ требуетъ нѣкотораго разъясненія. Сюда относится основная мысль Платона, что нѣтъ полной истины ни въ «сущемъ» Парменидовомъ, ни въ недвижимыхъ идеяхъ мегарцевъ. Философъ проявляетъ ее тѣмъ, что исправляетъ положенія этихъ умствователей и соглашаетъ ихъ съ собственнымъ ученіемъ объ идеяхъ. Такимъ образомъ онъ остроумно раскрылъ силу и природу того, что входитъ въ наше сознаніе, какъ *истинно существующее*. Пармениду противопоставляется у него множество и разнообразіе вещей, подъ условіемъ которыхъ, по его мнѣнію, только и возможно человѣческое познаніе. Затѣмъ, для познанія, при высочайшемъ тожествѣ и неизмѣнности его природы, требуется еще, говоритъ онъ, какое нибудь отношеніе и движеніе, которое Парменидъ и мегарцы отнимали у него: потому что если бы идеи не соединялись однѣ съ другими и не отдѣлялись однѣ отъ другихъ, то не было бы ни мнѣнія, ни ученія, ни способности слова, и мы потеряли бы самый даръ познавать истину. Отсюда выводитъ онъ, далѣе, сродство существующаго съ не существующимъ, и твердо доказываетъ, что обѣ эти противоположности находятся въ самой тѣсной связи, такъ что одна безъ другой быть не

могутъ; а въ связи съ этимъ разсужденіемъ раскрываетъ причины и источникъ лжи и обмана въ человѣческихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ. Такимъ образомъ, опровергнувъ сужденія элейцевъ и мегарцевъ объ идеяхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ самыя твердыя основанія для собственнаго своего ученія о томъ же предметѣ.

Если что послѣ сего въ Софистѣ остается еще темнаго и требующаго объясненій, то развѣ нѣкоторыя частныя мысли и выраженія. Но такія мѣста мы надѣемся объяснить въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а здѣсь считаемъ нужнымъ сказать только о связи этого діалога съ другими и о мѣстѣ, какое прилично ему занимать въ ряду другихъ. Выше было уже замѣчено, что Софисту Платонъ самъ назначилъ стоять непосредственно послѣ Теэтета; на это указываютъ подлинныя слова его въ предисловіяхъ той и другой книги. Но какой разговоръ долженъ слѣдовать непосредственно за Софистомъ? Въ Софистѣ, по видимому, есть основаніе для рѣшенія и этого вопроса. Здѣсь (p. 217 A) въ рядъ предметовъ, ожидающихъ разсмотрѣнія, поставлены послѣдовательно три: софистъ, политикъ, философъ; потомъ, въ другомъ мѣстѣ, элейскій иностранецъ говоритъ (p. 254 B): «Этого (т. е. философа) авось разсмотримъ мы яснѣе, если еще захочется намъ; а что касается софиста, то явно, что не надобно оставлять его, пока не высмотримъ достаточно». Изъ этихъ словъ можно заключить, что послѣ Софиста, въ ряду діалоговъ, долженъ стоять Политикъ,—тѣмъ болѣе, что самого Политика отнюдь нельзя принимать за Философа, такъ какъ въ Политикѣ снова обѣщается Философъ (Polit. p. 257 A). Но гдѣ же, для полноты этого трехчленнаго ряда, найдемъ мы разговоръ Платона, озаглавленный именемъ Философа? Такого надписанія въ кодексѣ подлинныхъ Платоновыхъ сочиненій нѣтъ. Поэтому надобно полагать, что Философъ либо только обѣщанъ, но не написанъ; либо и написанъ, но для насъ потерянъ; либо и не потерянъ, но скрывается подъ какимъ нибудь другимъ заглавіемъ. И такъ,

настоитъ нужда изслѣдовать, которое изъ этихъ предположеній вѣрно. Разсмотримъ дѣло слѣдующимъ образомъ. Какимъ представляется тотъ софистъ, которому Платонъ положилъ противопоставить образъ совершеннаго и подлиннаго философа? Вникнувъ внимательно, тотчасъ видишь, что здѣсь разумѣется не иной кто, какъ человѣкъ, превратно пользующійся діалектикою, любящій запутывать хитросплетеніями и тонкостями, и чрезъ то, съ одной стороны, надѣвающій на себя маску мудреца, съ другой—удовлетворяющій корыстолюбивымъ своимъ видамъ. Стало быть, сила и природа его состоитъ въ злоупотребленіи искусствомъ діалектики. Если же у Платона было намѣреніе начертать образъ философа, противоположный софисту, то кто не согласится, что философа своего хотѣлъ онъ изобразить такимъ, чтобы виденъ былъ истинный и подлинный діалектикъ? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что такимъ образомъ ему можно было только что начатое въ Софистѣ тонкое ученіе объ идеяхъ и ихъ формахъ раскрыть окончательно, во всѣхъ его подробностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто позволитъ себѣ думать, что философъ эту часть своего ученія, безъ сомнѣнія, самую важную, могъ оставить не развитою и не завершенною?—Впрочемъ зачѣмъ намъ искать опоры въ вѣроятности, когда у насъ предъ глазами имѣется ясное свидѣтельство самого Платона? Въ Софистѣ (p. 253 D sqq.) говорится вотъ что: «*Ин.* Дѣлить предметъ на роды, и какъ того же вида не почитать другимъ, такъ и другаго—тѣмъ же,—не есть ли, скажемъ, дѣло знанія діалектическаго?—*Теэт.* Да, скажемъ.—*Ин.* Посему человѣкъ-то, способный дѣлать это, достаточно различаетъ, во первыхъ, одну идею, распростертую всюду чрезъ многое, оставляя въ сторонѣ отдѣльныя единицы; во вторыхъ, многія, взаимно различныя, содержимыя одною внѣшнею; въ третьихъ, опять одну, связанную въ одномъ цѣлостію многихъ, и, въ четвертыхъ, многія, особо всюду опредѣленныя: это-то значитъ умѣть различать по родамъ, какъ вещи отдѣльныя могутъ сообщаться, и какъ нѣтъ.—*Теэт.* Безъ сомнѣ-

нія.—*Ин.* Вѣдь діалектичности-то ты, думаю, не припишешь никому иному, кромѣ человѣка, философствующаго чисто и справедливо.—*Теэт.* Да какъ приписалъ бы кто иному?—*Ин.* А философа въ такомъ какомъ нибудь мѣстѣ найдемъ мы и теперь, и послѣ, если будемъ искать. Трудно, правда, ясно видѣть и его; но трудность относительно софиста представляется подъ инымъ образомъ, чѣмъ трудность относительно этого».—Что очевиднѣе этого свидѣтельства?

Но скажутъ: тотъ философъ, котораго Платонъ очертилъ здѣсь немногими словами, описанъ ли въ какомъ нибудь отдѣльномъ сочиненіи?—Да, описанъ; но та книга, въ которой изложено это описаніе, до послѣдняго времени не была правильно понята и объяснена. Говоримъ о Парменидѣ; ибо «Парменида» почитаемъ тѣмъ діалогомъ, въ которомъ Платонъ изобразилъ философа такимъ, какимъ обозначилъ его въ Софистѣ и Политикѣ. Чтобы устранить всякое въ этомъ отношеніи сомнѣніе, мы кратко скажемъ, почему такъ думаемъ.

Во первыхъ, должно быть очевидно для всѣхъ, что въ приведенномъ выше мѣстѣ Софиста (p. 253 D sqq.) означается философъ, весьма опытный въ діалектикѣ и правильно пользующійся этимъ искусствомъ, который, при помощи его, можетъ изслѣдывать и по надлежащему объяснять силу идей и всѣ ихъ отношенія. Но такимъ философомъ и оказывается Парменидъ, бесѣдующій въ соименномъ ему разговорѣ; потому что онъ не только даетъ тончайшимъ образомъ измышленныя діалектическія правила, но и въ самомъ употребленіи ихъ такъ благоразуменъ, такъ умѣренъ, и такъ добросовѣстно занятъ раскрытіемъ истины, что пренебрегаетъ пустыми тонкостями и заботится только о томъ, чтобы взятый для изслѣдованія предметъ разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ и познать вполнѣ. Предавшись такимъ образомъ изслѣдованію истины, онъ держится того превосходнѣйшаго очистительнаго искусства, которое, по объясненію Платона,

все направлено къ тому, чтобы освободить насъ отъ пустыхъ, безсодержательныхъ мнѣній и приготовить нашъ умъ къ познанію истины. Это самое искусство, по словамъ Платона въ Софистѣ (p. 231 A, B), и есть достояніе не софистовъ, а истиннаго философа. Но вотъ и другое обстоятельство, по нашему мнѣнію, еще болѣе важное. То самое, что требуется отъ дѣйствительнаго философа въ Софистѣ (p. 253 D sqq.),—чтобы, то есть, онъ старался пріобрѣсть полное и совершенное познаніе объ идеяхъ и изслѣдовать сродство ихъ и взаимное отношеніе,—олицетворенный Парменидъ такъ осуществилъ, что въ этомъ родѣ нельзя ни выдумать, ни вообразить что либо лучшее. Ученіе объ идеяхъ изложилъ онъ съ такою всесторонностію, что обратилъ вниманіе и на начало ихъ, и на природу, и на формы или отношенія, и на силу или дѣйственность, и на сродство или сближеніе, и на знаніе или науку; и все это людямъ, въ діалектикѣ опытнымъ, высказалъ съ удивительною ясностію. Съ этимъ предметомъ обращается онъ точно такимъ же образомъ, какъ элейскій иностранецъ,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ шла рѣчь объ отношеніяхъ существующаго и не существующаго (p. 251 A—260). Отсюда само собою разумѣется, какъ надобно заключать о связи Софиста и Парменида. Къ этому можно прибавить еще вотъ что. Платонъ въ Теэтетѣ (p. 183 E) и Софистѣ (p. 217 C) заставилъ Сократа разсказывать, что онъ нѣкогда, бывъ юношею, разговаривалъ съ Парменидомъ—старикомъ: не указываетъ ли это довольно ясно на то, что діалогъ, надписанный именемъ Парменида, съ означенными книгами имѣетъ очень тѣсную связь?—Впрочемъ тѣ сильно ошибаются, которые на основаніи этихъ мѣстъ заключаютъ, что Парменидъ написанъ прежде Теэтета и Софиста. Это представляется невѣроятнымъ, во первыхъ, при взглядѣ на общее содержаніе всѣхъ означенныхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣритъ, чтобы Платонъ сперва изложилъ собственное ученіе объ идеяхъ, а потомъ приступилъ къ объясненію его разсужденіями сторонними, какія заключаются

въ Теэтетѣ и Софистѣ? Во вторыхъ, и самое легкое наблюденіе надъ тѣмъ, какъ идетъ раскрытіе отдѣльныхъ мыслей во всѣхъ этихъ діалогахъ, намъ покажетъ, что въ Парменидѣ (когда онъ разсуждаетъ о существующемъ и не существующемъ) многое предполагается уже какъ извѣстное и не сопровождается ни опредѣленіями, ни объясненіями, тогда какъ въ Софистѣ разсужденіе развивается съ первыхъ элементовъ, и всякій отдѣльный предметъ опредѣляется со всею точностію. Парменидъ не предлагаетъ, напримѣръ, строго оговореннаго понятія о не существующемъ, а въ Софистѣ оно приведено къ совершенной опредѣленности. Поэтому Софистъ понятенъ самъ по себѣ и можетъ быть читаемъ безъ предварительнаго знакомства съ Парменидомъ, а чтенію Парменида должно предшествовать внимательное разсмотрѣніе Софиста. Послѣ сего остается заключить, что Парменидъ представлялся Платону всегда какъ дѣло переднее, какъ такой трудъ, которымъ должны быть какъ бы завершены и увѣнчаны философско-литературныя его занятія. По крайней мѣрѣ, такъ надобно смотрѣть на Парменида по отношенію къ Теэтету, Софисту и Политику.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ѲЕОДОРЪ, СОКРАТЪ, ЗЕНОНЪ ЭЛЕЙСКІЙ, ТЕЭТЕТЪ.

Ѳеод. По вчерашнему [1] условію, Сократъ, мы и сами съ 216
готовностію [2] пришли, и привели съ собой этого иностранца, родомъ изъ Элеи, друга послѣдователей Парменидовыхъ и Зеноновыхъ, большаго философа.

---

[1] Разговоръ этотъ представляется происходившимъ на другой день послѣ бесѣды Сократа съ Ѳеодоромъ и Теэтетомъ. Поэтому и лица разговаривающія вводятся здѣсь тѣ же, съ прибавкою лишь одного элейскаго иностранца. Отсюда видно, въ какой тѣсной связи между собою находятся Платоновы діалоги—Теэтетъ и Софистъ. Но эта связь только еще внѣшняя: гораздо замѣчательнѣе сродство ихъ внутреннее. Послѣ того, какъ въ Теэтетѣ доказано, что знаніе не состоитъ ни въ чувственномъ воззрѣніи, ни въ мнѣніяхъ, философъ намѣревается изслѣдовать и оцѣнить новый источникъ знаній, состоящій въ созерцаніи сущаго, и для того обращается теперь къ критикѣ ученія элейцевъ и мегарцевъ. И вотъ причина, зачѣмъ Теэтетъ и Ѳеодоръ привели теперь съ собою элейскаго иностранца, страстнаго любителя философіи. Онъ, какъ знатокъ философскихъ положеній своей школы, долженъ былъ раскрыть ихъ въ Сократовомъ обществѣ, и для того въ діалогѣ заступаетъ мѣсто Сократа,—является главнымъ собесѣдникомъ, который авторитетно обсуживаетъ предметы изслѣдованія и произноситъ приговоры объ истинности или ложности мнѣній. Но какимъ образомъ, и по происхожденію и по философскимъ убѣжденіямъ элеецъ, могъ быть онъ органомъ Платоновой критики элейскаго и мегарскаго ученія?—Конечно, такимъ же, какъ въ «Парменидѣ» Парменидъ выдержалъ роль исправителя элейской идеи о сущемъ и примирителя ея съ идеализмомъ Платона. Элейскій иностранецъ, слѣдуя діалектическимъ пріемамъ своей школы, во всемъ діалогѣ какъ бы передразниваетъ ее и дѣлаетъ смѣшною, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно проясняетъ и положительную сторону предмета, то есть, ученіе собственно Платоново.

[2] Съ готовностію, κοσμίως,—то есть, по требованію вѣжливости, такъ какъ наканунѣ дали слово.

Сокр. Ужъ не бога ли какого, подъ видомъ иностранца,
какъ говоритъ Омиръ, привелъ ты невзначай, Θеодоръ [1]?
По словамъ Омира, людямъ, хранящимъ справедливый стыдъ,
B. сопутствуютъ и другіе боги, но особенно сопровождаетъ ихъ
богъ—покровитель иностранцевъ, съ намѣреніемъ видѣть
правды и неправды людей. Такъ, можетъ быть, и съ тобою
пришелъ кто нибудь изъ существъ высшихъ, какой нибудь
богъ-обличитель, чтобы взглянуть на насъ, слабыхъ въ словѣ,
и обличить насъ.

Θеод. Не такой нравъ у этого иностранца, Сократъ; онъ
умѣреннѣе тѣхъ, которые любятъ заниматься спорами. И
мнѣ кажется, этотъ мужъ—никакъ не богъ, хотя божествен-
C. ный; потому что такими я объявляю всѣхъ философовъ.

Сокр. Да и прекрасно, другъ мой. Впрочемъ распознава-
ніе этого рода, правду сказать, должно быть не многимъ легче,
какъ и рода божьяго. По невѣжеству прочихъ людей, они
представляются мужами очень разновидными; часто посѣща-
ютъ города,—говорю не о поддѣльныхъ философахъ, а о
дѣйствительныхъ, которые на жизнь дольнюю смотрятъ свер-
ху,—и однимъ кажутся людьми ничего не стоющими, а дру-
гимъ—достойными всего; иные воображаютъ ихъ, какъ поли-
D. тиковъ, иные—какъ софистовъ, а иные думаютъ о нихъ, какъ
о людяхъ совершенно сумасшедшихъ. Впрочемъ пріятно было

---

[1] Тонкая и игривая шутка надъ необузданною страстію къ спорамъ, которой предавались послѣдователи Парменида и Зенона. Во времена Платона, заводить философскіе споры было особенно во вкусѣ мегарцевъ, отчего и получили они имя эристиковъ (Deyksius, De megaricis p. 7 sq.). Тимонъ Силлографъ еще въ Эвклидѣ, основателѣ мегарской школы, замѣтилъ страсть къ насмѣшкамъ и спорамъ (Diog. Laërt. II, 107), а Діогенъ Синопскій (Diog. Laërt. VI, 24) Εὐκλείδου σχολήν остроумно называлъ Εὐκλείδου χολήν. Да и самъ Сократъ упрекалъ Эвклида за то же самое (Diog. L. II, 80): ὁρῶν Εὐκλείδην ἐσπουδακότα περὶ τοὺς ἐριστικοὺς λόγους,—ὦ Εὐκλείδη, сказалъ, σοφισταις μὲν δυνήσῃ χρῆσθαι, ἀνθρώποις δὲ οὐδαμῶς. И такъ, Сократъ здѣсь элейца очень любезно сравниваетъ съ какимъ-то богомъ, который какъ бы сошелъ съ неба испытать слабыя человѣческія разсужденія и исправить ихъ. Замѣтивъ эту тонкую насмѣшку Сократа и ея значеніе, Θеодоръ тотчасъ говоритъ, что этотъ иностранецъ не охотникъ до споровъ,—не таковъ, какъ другіе элейцы.

бы получить свѣдѣніе отъ нашего иностранца, если ему угодно: чѣмъ почитаютъ и какъ называютъ это въ тѣхъ мѣстахъ [1]? 217.

Θеод. Что такое?

Сокр. Софиста, политика, философа.

Θеод. Въ чемъ же собственно и какое на этотъ счетъ у тебя сомнѣніе, что ты вздумалъ предложить такой вопросъ?

Сокр. Вотъ что: за одно ли все это принималось, или за два, или такъ какъ здѣсь три имени, то различаемы были и три рода, и каждому согласно съ однимъ изъ именъ приписывался родъ?

Θеод. Я думаю, онъ отнюдь не откажется объяснить это. Или какъ скажемъ, иностранецъ? B.

Ин. Такъ, Θеодоръ,—отнюдь не откажусь; да и не трудно сказать, что эти-то почитаются тремя,—хотя ясно опредѣлить значеніе каждаго порознь,—чтò такое онъ,—дѣло не малое и не легкое.

Θеод. Къ тому же, по счастливому, конечно, случаю, Сократъ, ты попалъ почти на тотъ самый вопросъ, который мы предлагали ему, прежде чѣмъ пришли сюда,—и онъ, чтò теперь тебѣ, тò именно отвѣчалъ тогда и намъ: слыхалъ я объ этомъ, говоритъ, довольно, и не забылъ.

Сокр. Такъ не откажись же, иностранецъ; мы просимъ C. перваго опыта твоей услуги. Скажи намъ только: кáкъ ты привыкъ,—самъ ли по себѣ, одиночно, длинною рѣчью раскрывать то, что хочешь доказать, или посредствомъ вопросовъ,—которыми пользуясь, предлагалъ нѣкогда прекрасныя свои разсужденія и Парменидъ, когда я слушалъ его, бывъ еще юношею, а онъ уже глубокимъ старикомъ?

Ин. Если собесѣдникъ бываетъ не раздражителенъ и сговорчивъ, то легче говорить съ другимъ, а когда напро- D. тивъ,—самому по себѣ.

---

[1] Въ тѣхъ мѣстахъ, то есть, на родинѣ элейскаго иностранца, или въ Элеѣ.

Сокр. Такъ ты можешь избрать кого угодно изъ присутствующихъ; потому что всѣ будутъ слушать тебя кротко. Впрочемъ если послушаешься моего совѣта, то изберешь кого нибудь изъ юношей: Теэтета, напримѣръ, или кого иного, кто тебѣ по мысли.

Ин. Ахъ, Сократъ! стыдно только мнѣ что-то, вступая въ бесѣду съ вами въ первый разъ, говорить не понемногу, не слово за словомъ, а широко повести непрерывную рѣчь,
E. самому по себѣ,—хотя бы говорилъ и съ другимъ,—какъ будто бы, то есть, я хочу показать себя. Вѣдь на самомъ дѣлѣ теперешній вопросъ предложенъ не такъ просто, какъ можетъ казаться кому нибудь, но требуетъ разсужденія очень длиннаго. Съ другой стороны, и тò опять: не сдѣлать, что угодно тебѣ и этимъ, особенно когда ты уже сказалъ, чтò сказалъ,—представляется мнѣ, гостю, неприличіемъ и грубо-
218. стію. А Теэтета-то я принимаю въ себесѣдники тѣмъ болѣе, что и прежде говорилъ съ нимъ, да и ты теперь велишь мнѣ.

Теэт. Такъ угодишь ли ты, иностранецъ, всѣмъ, если сдѣлаешь такъ [1], какъ сказалъ Сократъ?

Ин. На это-то, должно быть, еще ничего нельзя сказать, Теэтетъ; а надобно уже, послѣ сего, какъ видно, обратить свою рѣчь къ тебѣ. Если же отъ продолжительности труда ты нѣсколько утомишься, вини въ этомъ не меня, а этихъ своихъ друзей.

B. *Теэт.* Но пока пусть будетъ такъ,—я не думаю отказываться. Если же случилось бы чтò такое,—примемъ этого Сократа [2], Сократова соименника, а моего сверстника и товарища, которому не новость раздѣлять со мною труды.

---

[1] Если, то есть, въ собесѣдники изберешь меня: черта, показывающая скромность и недовѣрчивость къ себѣ Теэтета.

[2] Въ обществѣ Сократа былъ и соименный ему юноша, товарищъ Теэтета, сходствовавшій съ нимъ дарами ума и сердца. Въ Политикѣ (p. 257 D), когда Теэтетъ утомляется, онъ дѣйствительно заступаетъ его мѣсто и продолжаетъ бесѣду съ элейскимъ иностранцемъ. И это также обстоятельство даетъ намъ основаніе для заключенія о близкой связи Софиста и Политика. Но это не тотъ Сократъ, о которомъ упоминаетъ Аристотель (Metaphys. VII, 11 p. 151, ed. Brandis.)

Ин. Ты хорошо говоришь; но къ его помощи въ продолженіе разговора будешь обращаться особо, а теперь тебѣ надобно разсматривать дѣло сообща вмѣстѣ со мною, и на первый разъ начать, какъ мнѣ представляется, софистомъ, изслѣдывая и выражая словомъ, что̀ такое софистъ. Вѣдь C.
въ настоящее-то время ты и я относительно этого сходимся только въ имени, а о самомъ предметѣ, который имъ называется, каждый изъ насъ, можетъ быть, имѣетъ свое особое понятіе. Между тѣмъ всегда и во всемъ надобно скорѣе соглашаться касательно самаго предмета, опредѣляя его словами, чѣмъ касательно одного имени, безъ словъ. Понять родъ людей, который мы думаемъ теперь изслѣдовать,—понять, что̀ такое софистъ,—не такъ легко. И опять, чтобы съ успѣхомъ трудиться въ дѣлахъ великихъ, всѣ и въ древности постановили—сперва заниматься въ томъ же отношеніи D.
дѣлами малыми и легкими, прежде чѣмъ приступать къ великимъ. Поэтому теперь, Теэтетъ, такой мой совѣтъ и намъ: находя труднымъ и неудобопонятнымъ родъ софиста, напередъ предварить его разсмотрѣніемъ другаго, легчайшаго,—если ты не укажешь на путь иной, болѣе удобный.

Теэт. Я не укажу.

Ин. Что же? хочешь ли, попытаемся взять примѣръ отъ одной изъ вещей маловажныхъ и приложить его къ большей?

Теэт. Да. E.

Ин. Что же бы такое предложить, хотя удобопознаваемое и маловажное, однакожъ требующее не меньшаго объясненія, какъ и предметы великіе? Напримѣръ, рыболовъ-удочникъ [1]:

и котораго называетъ Σωκράτην τὸν νεώτερον. Стагиритецъ разумѣетъ здѣсь Сократа, корифея философіи, и указываетъ на юный его возрастъ, имѣя въ виду то, что въ молодости философія его была не такова, какую преподавалъ онъ въ старости, или въ возрастѣ зрѣломъ. На этомъ основаніи, Аристотель различаетъ Сократа младшаго и Сократа старшаго (Brandis., Musei Rhenani t. 1, p. 127 sq.).

[1] Элеецъ беретъ именно этотъ, а не другой маловажный предметъ не случайно и не безъ цѣли. Здѣсь съ перваго взгляда видно его намѣреніе посмѣяться надъ софистами, вводя ихъ занятіе аналогически въ кругъ занятій, свойственныхъ

не всѣмъ ли извѣстно это дѣло, и не правда ли, что не стòитъ оно особенно большаго и серьезнаго вниманія?

Теэт. Такъ.

219. *Ин*. Между тѣмъ самое дѣло и его объясненіе, надѣюсь, пригодны будутъ намъ къ тому, чего хотимъ.

Теэт. Это было бы хорошо.

Ин. Пускай. Начнемъ же такъ: скажи мнѣ, искусникомъ ли признаемъ мы его, или какимъ нибудь человѣкомъ, чуждымъ искусства, который однакожъ имѣетъ иную силу?

Теэт. Всего менѣе—чуждымъ искусства.

Ин. Но вѣдь искусствъ-то всѣхъ почти два вида.

Теэт. Какъ?

Ин. Земледѣліе, какое бы то ни было попеченіе о всякомъ смертномъ тѣлѣ, и о тѣлѣ сложномъ, формованномъ, которое
B. мы назвали сосудомъ, также искусство подражательное,—все это вмѣстѣ очень справедливо можно назвать однимъ именемъ.

Теэт. Какъ, и какимъ?

Ин. Все, чего прежде не было и что потомъ приводитъ кто нибудь къ бытію [1], таково, что приводящее, говоримъ, производитъ, и приводимое къ бытію производится.

Теэт. Правильно.

Ин. Но тò-то все, что мы сейчасъ только перечислили, своею силою относится къ этому.

Теэт. Да, относится.

рыболовамъ (см. р. 221 D sqq.). Это замѣчаніе нужно для тѣхъ, которые на разсматриваемый діалогъ Платона смотрятъ не совсѣмъ съ выгодной стороны и даже, вопреки свидѣтельству Аристотеля (Metaphys. V, c. 2, p. 100 sq.), почитаютъ его сочиненіе подложнымъ. Рыболовъ-удочникъ, ἀσπαλιευτής, есть ἁλιεὺς ὁρμιᾷ (т. е. волосянымъ шнуромъ) χρώμενος,—слѣдовательно, то же, что ὁρμηευτής. Но Тимей (р. 52) производитъ это слово ἀπὸ τοῦ ἀποσπᾶν τὴν ἄγραν.

1 То же самое говорится ниже (р. 265 В): «что касается искусства творческаго, то,—если помнимъ, что говорено было вначалѣ,—все оно, сказали мы, есть сила, служащая причиною вещей, сперва не существовавшихъ, а потомъ происшедшихъ». Почти тѣми же самыми словами опредѣляется оно Symp. p. 205 C. О раздѣленіи искусствъ на производительныя и пріобрѣтательныя см. Diog. L. III, 84; Tyr. Max. XXXIII, p. 140, ed. Reisk.

Ин. Такъ, заключая перечисленное подъ общимъ заглавіемъ, назовемъ это *искусствомъ производительнымъ*.

Теэт. Пусть. C.

Ин. Но послѣ сего весь видъ знанія научный, барышническій, состязательный, охотническій,—такъ какъ онъ не мастеритъ ничего вышеупомянутаго, а имѣетъ дѣло съ существующимъ и бывающимъ, то овладѣвая имъ словами и дѣлами, то не допуская другихъ до овладѣнія,—особенно поэтому, во всѣхъ своихъ частяхъ вмѣстѣ, прилично можетъ быть названъ нѣкоторымъ *искусствомъ пріобрѣтательнымъ*.

Теэт. Да, въ самомъ дѣлѣ, прилично.

Ин. Если же всѣ искусства раздѣляются на пріобрѣтательныя и производительныя, то къ которому изъ этихъ видовъ, Теэтетъ, отнесемъ мы рыболовное? D.

Теэт. Явно, что къ пріобрѣтательному.

Ин. Но искусства пріобрѣтательнаго не два ли вида? Одинъ—*мѣновой*, бывающій съ обѣихъ сторонъ по охотѣ и производимый посредствомъ подарковъ, наградъ и продажи; а другой—*овладѣвательный*, всѣмъ овладѣвающій посредствомъ дѣла или слова.

Теэт. Изъ сказаннаго, въ самомъ дѣлѣ, явно.

Ин. Что же? Не раздѣлить ли надвое искусство овладѣвательное?

Теэт. Какъ?

Ин. Такъ, что явное считать все *состязательнымъ*, а все скрытное—*охотническимъ*. E.

Теэт. Да.

Ин. Но охотническаго-то уже странно было бы не разсѣчь надвое.

Теэт. Говори, какъ.

Ин. Не раздѣлить ловли рода *неодушевленнаго* и *одушевленнаго*.

Теэт. А почему же, если оба они дѣйствительно есть?

Ин. Да какъ не быть! Впрочемъ родъ неодушевленный, 220.
какъ родъ, кромѣ нѣкоторыхъ частей плавательнаго искус-

ства, и другихъ подобныхъ имъ немногихъ, не имѣющій имени, мы оставимъ; родъ же, относящійся къ ловлѣ животныхъ одушевленныхъ, назовемъ *охотою за животными* [1].

Теэт. Пусть.

Ин. А охоты за животными не въ правѣ ли мы указать два рода: одинъ—касающійся животныхъ сухопутныхъ и распадающійся на многіе виды и имена,—называя его *охотою сухопутною*; другой—отпосящійся къ животнымъ плавающимъ,—давая ему имя *охоты жидкостихійной* [2]?

Теэт. Конечно.

Ин. Притомъ, въ родѣ животныхъ плавающихъ не видимъ
B. ли мы одной породы летающей, другой водяной?

Теэт. Какъ не видѣть!

Ин. И всякая охота за родомъ летающимъ называется у насъ нѣкоторымъ *птицеловствомъ*.

Теэт. Да, называется такъ.

Ин. А за родомъ водянымъ, почти во всѣхъ случаяхъ,—*рыболовствомъ*.

Теэт. Да.

Ин. Что же? и эту опять охоту не раздѣлить ли мнѣ на двѣ большія части?

Теэт. На какія?

---

[1] Охотою за животными—ζωοθηρικήν. Этотъ терминъ, какъ и многіе другіе, здѣсь встрѣчающіеся, въ обыкновенной рѣчи тогдашнихъ грековъ не употреблялись и выдумываемы были софистами, чтобы слушателямъ, какъ говорится, пустить пыль въ глаза. Элейскій иностранецъ, искусно подражая не только методѣ, но и самому говору мегарской и элейской школы, тоже не скупится на подобные термины и любитъ пестрить ими свою бесѣду. Но на пестроту его рѣчи надобно смотрѣть, какъ на дѣло, допущенное Платономъ намѣренно, съ цѣлію охарактеризовать и въ этомъ отношеніи вкусъ модныхъ тогдашнихъ философовъ.

[2] Жидкостихійный, ἐνυγροθηρικόν. И это—вновь придуманный діалектикою терминъ; ибо требовалось такое слово, которое означало бы охоту за животными не на сушѣ, а въ другихъ стихіяхъ; и такими стихіями представлялись Платону двѣ различныя—воздухъ и вода, которыя надлежало выразить однимъ словомъ. Подобный терминъ слѣдуетъ и далѣе,—именно, νευστικόν; ибо имъ означается плаваніе вообще, какъ въ водѣ, такъ и въ воздухѣ.

Ин. На тѣ, что̀ производятъ ловъ тутъ же—(однѣми) *сѣтями* и *ударомъ*.

Теэт. Какъ это говоришь ты, и чѣмъ различаешь то и другое?

Ин. Да вотъ, все, чѣмъ обводятъ что нибудь, и что полагаютъ съ цѣлію преграды, называется, вѣроятно, плет- C.
немъ.

Теэт. Конечно.

Ин. Такъ и верши, и сѣти, и вентери, и заколы, и другое такое же—должно ли почитать чѣмъ отличнымъ отъ плетней?

Теэт. Нѣтъ.

Ин. Стало быть, эту часть рыболовства мы назовемъ *охотой плетневой*, или какъ нибудь подобно тому.

Теэт. Да.

Ин. А ту, производимую иначе,—ударомъ, то есть трезубцами и крючками,—слѣдуетъ намъ назвать однимъ именемъ *ловли ударной*. Или иной, можетъ быть, назоветъ ее лучше, D.
Теэтетъ [1]?

Теэт. Не будемъ заботиться объ имени: удовлетворительно и это.

Ин. Но ночная-то,—изъ ударной,—совершающаяся при свѣтѣ огня, у самыхъ тѣхъ, которые занимаются ею, обыкновенно называется, думаю, *огневою*.

Теэт. Конечно.

Ин. А дневная,—такъ какъ тогда къ концамъ привязываются крючки и трезубцы,—вся—*крючковою*.

Теэт. Говорятъ такъ. E.

---

[1] Кому показалось бы страннымъ, что въ греческомъ текстѣ звательный падежъ «Теэтетъ» стоитъ безъ члена: «Θεαίτητε», для того мимоходомъ замѣчаемъ, что членъ ὦ предъ звательнымъ выражаетъ восклицаніе, а звательный безъ члена есть увѣщаніе того лица, къ которому онъ относится. Примѣровъ употребленія звательнаго безчленнаго очень много собрали Борнеманъ (Ad Xenoph. Symp. p. 145; Memorab. p. 49), Рюккертъ (Ad Sympos. p. 94) и Винкельманъ (Ad Euthydem. p. 89).

Ин. И опять, изъ крючковой ударной, одна производится сверху внизъ, пользуясь при этомъ особенно трезубцами, и называется, думаю, какою-то *трезубочною*.

Теэт. Нѣкоторые, въ самомъ дѣлѣ, такъ говорятъ.

Ин. Посему есть, наконецъ, и еще одинъ, можно сказать, видъ.

Теэт. Какой?

Ин. Съ противоположнымъ этому ударомъ,—производимый крючкомъ и попадающій не въ какую случится часть рыбьяго
221. тѣла, какъ трезубцами, а всегда въ голову и ротъ ловимой рыбы, притомъ вытаскивающій ее, прутьями и удилищами, снизу въ противную сторону, вверхъ. Этой охотѣ, Теэтетъ, какое, скажемъ, надобно дать имя?

Теэт. Мнѣ кажется, теперь дѣло дошло до того, что̀ недавно нашли мы нужнымъ изслѣдовать.

B. *Ин.* Стало быть, теперь ты и я не только согласились въ имени удочнаго рыболовства, но и достаточно поняли самый способъ производить это дѣло; потому что половинная часть этого искусства, взятаго въ цѣломъ, была пріобрѣтательная, половина пріобрѣтательнаго—овладѣвательная, половина овладѣвательнаго—охотническая, половина охотническаго—гоняющаяся за животными, половина гоняющагося за животными—жидкостихійная, половина жидкостихійнаго, заключающая весь нижній отдѣлъ, была рыболовная, половина рыболовнаго—ударная, половина ударнаго—крючковая, а половина этого, вытаскивающая чрезъ ударъ снизу
C. вверхъ, получила имя по подобію самаго дѣла, и названа теперь *удочнымъ рыболовствомъ*.

Теэт. Безъ сомнѣнія, такъ; и это-то достаточно раскрыто.

Ин. Давай же, рѣшимся по этому образцу найти то, что̀ такое софистъ.

Теэт. Со всею готовностію.

Ин. Но у насъ тотъ вѣдь былъ первый вопросъ: удочнаго рыболова простымъ ли надобно почитать человѣкомъ, или нѣкоторымъ искусникомъ?

Теэт. Да.

Ин. Такъ вотъ теперь и этого, Теэтетъ, простымъ ли признàемъ человѣкомъ, или непремѣнно истиннымъ софи- D.
стомъ [1]?

Теэт. Никакъ не простымъ человѣкомъ. Вѣдь я понимаю, чтò ты говоришь; онъ всячески долженъ быть такимъ, каково его имя-то. Намъ надобно только, какъ видно, опредѣлить, какое приписать ему искусство.

Ин. Ну, какое же оно? Ради боговъ, ужели мы не поняли, что одинъ изъ этихъ мужей—родня другому?

Теэт. Какой какому?

Ин. Удочный рыболовъ софисту.

Теэт. Какимъ образомъ?

Ин. Оба они представляются мнѣ нѣкоторыми охотниками.

Теэт. Какой ловли другой изъ нихъ? Объ одномъ-то мы, E.
конечно, уже сказали.

Ин. Всю ловлю мы раздѣлили, кажется, надвое: разсѣкли ее на часть плавательную и пѣшую.

Теэт. Да.

Ин. Разсмотрѣли и то, сколько въ родѣ плавательномъ видовъ водяныхъ; а часть пѣшую оставили не раздѣленною, сказавъ, что она многовидна.

Теэт. Конечно. 222.

---

[1] См. p. 219 A. О томъ, что человѣку простому, ἰδιώτῃ, противополагается ученый или знатокъ искусствъ, замѣчено уже въ Symp. p. 178 B; Tim. p. 20 A. Извѣстно и то, что знатоковъ искусства греки почитали дѣятелями въ средѣ гражданскаго общества; и потому простой человѣкъ, подъ которымъ разумѣли они земледѣльца и ремесленника, противополагаемъ былъ у нихъ также лицу, принимающему участіе въ дѣлахъ гражданскихъ и правительственныхъ. Но здѣсь человѣку простому поставляется въ противоположность истинный софистъ,—ὡς ἀληθῶς σοφιστής. Что софистъ, какъ учитель дѣтей, или какъ народный ораторъ, былъ лицо гражданское,—это ясно само собою. Но почему въ отношеніи къ человѣку простому названъ онъ истиннымъ софистомъ?—Платонъ, видимо, мѣтитъ здѣсь на этимологическое значеніе слова «софистъ», разумѣя подъ нимъ τὸν τῶν σοφῶν ἐπιστήμονα (сравн. Protag. p. 337 C). Спрашивается, то есть: чтò это за искусство, выражаемое его именемъ,—дѣлать хитрыя соединенія и различенія словъ,—построять софизмы?—и полагается, что въ этомъ именно значеніи настоящая бесѣда должна разсматривать софиста.

Ин. И такъ, софистъ и удочный рыболовъ доселѣ идутъ вмѣстѣ, выступая изъ искусства пріобрѣтательнаго.

Теэт. По видимому, такъ.

Ин. А расходятся-то съ охоты за животными: одинъ направляется къ морю, рѣкамъ и озерамъ, и тамъ ловитъ животныхъ.

Теэт. Какъ же.

Ин. А другой—къ землѣ и къ рѣкамъ инаго рода, какъ бы на роскошные луга богатства и юности, чтобы овладѣть пасущимися тамъ стадами.

B. *Теэт*. Какъ ты говоришь?

Ин. Пѣшей охоты есть двѣ большія нѣкоторыя части.

Теэт. Какія двѣ?

Ин. Одна охота за *кроткими*, другая за *дикими* животными.

Теэт. Такъ это—охота за кроткими?

Ин. Если только человѣкъ есть животное кроткое. Полагай, какъ угодно: или нѣтъ ничего кроткаго; или другое что нибудь есть кроткое, а человѣкъ—дикое; или человѣкъ, скажешь опять, есть животное кроткое, но охоты за людьми не признаешь никакой. Изъ этихъ положеній которое бы ни понравилось тебѣ утверждать, тò и объяви намъ.

C. *Теэт*. Но я думаю, иностранецъ, что мы—животное кроткое, и допускаю охоту за людьми.

Ин. Такъ за кроткими мы допустимъ охоту двоякую.

Теэт. Почему же скажемъ такъ?

Ин. Допустимъ одну—хищническую, поработительную, тиранническую и вообще воинственную, заключая все это въ одномъ имени охоты *насильственной*.

Теэт. Хорошо.

D. *Ин*. А другую—судейскую, сходочную и собесѣдовательную, называя опять все это однимъ именемъ нѣкотораго искусства *убѣждательнаго*.

Теэт. Правильно.

Ин. Да и въ убѣждательномъ искусствѣ укажемъ два вида.

Теэт. Какіе?

Ин. Одинъ—производящійся *частно*, другой—*публично*.

Теэт. Дѣйствительно, есть тотъ и другой.

Ин. А изъ охоты частной, не есть ли одна—*подарочная*, другая—*мздоимная?*

Теэт. Не понимаю.

Ин. Видно, ты не обращалъ еще вниманія на охоту любителей.

Теэт. Въ какомъ отношеніи?

Ин. Въ томъ, что пойманнымъ они даютъ подарки. Е

Теэт. Ты говоришь весьма справедливо.

Ин. Такъ пусть это будетъ видъ искусства *любительнаго*.

Теэт. Конечно.

Ин. А изъ подарочной-то, собесѣдующую даромъ, привороэкающую положительно изъ удовольствія и находящую вознагражденіе только въ подносимой себѣ пищѣ лести всѣ 223.
мы, я думаю, назвали бы нѣкоторымъ искусствомъ *удовольственнымъ*.

Теэт. Какъ не назвать!

Ин. Напротивъ, ту, которая объявляетъ, что бесѣдуетъ для добродѣтели, и требуетъ за то награды денежной,—этотъ родъ не слѣдуетъ ли назвать другимъ именемъ?

Теэт. Какъ не слѣдуетъ! В.

Ин. Какимъ же именно? попытайся сказать.

Теэт. Это ясно: мнѣ кажется, мы нашли софиста. Говоря это, я называю его, думаю, надлежащимъ именемъ.

Ин. Такъ изъ теперешняго разсужденія видно, Теэтетъ, что софистику, какъ приводитъ къ этому самое слово, надобно почитать частію искусства усвоятельнаго, овладѣвательнаго, уловляющаго, охотящагося за животными ручными, гоняющагося за людьми, убѣждательнаго, частно-ловящаго, собирающаго деньги, мнимообразовательнаго, преслѣдующаго богатыхъ и знаменитыхъ юношей [1].

[1] Подлинный текстъ этихъ словъ элейскаго иностранца очень обезображенъ вставками или глоссемами. Все, что прежде разсмотрѣлъ онъ порознь: искусства

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Посмотримъ еще и вотъ какимъ образомъ;—ибо искомое теперь причастно не какому нибудь маловажному искусству, но весьма изворотливому. Вѣдь и въ томъ, что сказано было прежде, представлялся намекъ, что это искомое не таково, какимъ мы называемъ его теперь, но относится къ какому-то другому роду.

Теэт. Какимъ же образомъ?

Ин. Искусства пріобрѣтательнаго было у насъ два вида: одна часть его—*овладѣвательная*, другая—*мѣновая* [1].

Теэт. Да, было.

Ин. А мѣноваго искусства назовемъ тоже два вида: одинъ *даровой*, другой—*продажный*.

Теэт. Пускай будетъ такъ.

Ин. Положимъ опять, что и продажный разсѣкается надвое.

D. *Теэт.* Какимъ образомъ?

пріобрѣтательное, овладѣвательное, уловляющее, охотящееся за животными, занимающееся ловлею сухопутною—животныхъ кроткихъ, чрезъ убѣжденіе ихъ, производящееся то публично, то частно, и сопровождаемое то подарками, то мздоимствомъ,—все это, представляющееся, наконецъ, какъ бы въ видѣ двухъ сестеръ—въ видѣ искусствъ льстительнаго и софистическаго,—Платонъ сводитъ подъ одинъ взглядъ, но выражаетъ иными словами, чѣмъ какія употреблены были прежде. Посему грамматики и схоліасты къ этимъ новымъ словамъ Платона вздумали на поляхъ выставить тѣ, которыя видѣли уже въ прежнемъ его текстѣ; а переписчики впослѣдствіи, по всей вѣроятности, внесли ихъ въ самый текстъ. Отсюда къ новому термину Платонову, οἰκειωτικῆς, присоединилось тожественное съ нимъ κτητικῆς, да еще невѣжественно поставлено послѣ χειρωτικῆς; отсюда πεζοθηρίας, внесенное послѣ ζωοθηρίας,—не что иное, какъ истолкованіе слова χερσαίας; такая же глоссема и ἡμεροθηρικῆς, по отношенію къ слову ἀνθρωποθηρίας, а μισθαρνικῆς—къ слову ἰδιοθηρίας. Посему въ своемъ переводѣ я счелъ нужнымъ пропустить всѣ эти слова, какъ очевидно вставочныя и въ текстѣ излишнія. Съ другой стороны, въ этомъ мѣстѣ Софиста, по видимому, нѣкоторыхъ словъ недостаетъ. Не упомянуто, напримѣръ, здѣсь πιθανουργικῆς; тогда какъ изъ этого термина, въ дальнѣйшемъ ходѣ діалога, сдѣланъ выводъ новыхъ членовъ дѣленія. Посему за словомъ ἀνθρωποθηρίας, вѣроятно, пропущено либо πιθανοθηρίας, либо πιθανουργικῆς.

[1] Часть мѣновая названа здѣсь ἀλλακτικόν, тогда какъ прежде шла она подъ именемъ τοῦ μεταβλητικοῦ; но искусство пріобрѣтательное дѣлилось тогда на μεταβλητικὴν и χειρωτικήν, изъ которыхъ послѣдняя распадалась опять на ἀγωνιστικὴν и θηρευτικήν. И такъ, стоящее здѣсь τὸ μὲν θηρευτικὸν μέρος ἔχον есть не иное что, какъ прежнее χειρωτική.

Ин. Тутъ различается продажа предметовъ *самодѣльныхъ* и продажа, мѣняющая произведенія *чужія*.

Теэт. Конечно.

Ин. Что же? почти половинная часть искусства мѣняющаго не есть ли въ городѣ такая мѣна, которая называется *розничною?*

Теэт. Да.

Ин. А та, которая, посредствомъ купли и продажи, отпускаетъ товары изъ одного города въ другой, не есть ли мѣна *купеческая?*

Теэт. Какая же иначе.

Ин. Но не знаемъ ли мы, что купеческая мѣна обмѣниваетъ на деньги какъ все то, чѣмъ питается и пользуется E.
тѣло, такъ и все другое, что требуется для души?

Теэт. Какъ это говоришь ты?

Ин. Можетъ быть, мы не знаемъ этого по отношенію къ душѣ: а другое-то, вѣроятно, разумѣемъ.

Теэт. Да.

Ин. Укажемъ же вообще на музыку, которая всегда пере- 224.
ходитъ изъ города въ городъ,—здѣсь покупается, и отвозимая въ другой, продается; тоже и живопись, и фокусничество, и многое другое, что касается души и, перевозимое, продается,—иногда для услажденія, а иногда для серьезнаго занятія; и того, кто перевозитъ и продаетъ, ничѣмъ не менѣе, какъ продавца пищи и питья, можемъ прямо называть купцомъ.

Теэт. Весьма справедливо.

Ин. Стало быть, и этого, кто скупаетъ познанія и по го- B.
родамъ промѣниваетъ ихъ на монету, не тѣмъ же ли назовешь именемъ?

Теэт. И очень-таки.

Ин. Но одну часть этого душевнаго купечества не весьма ли справедливо будетъ назвать *показательностію* [1], а

---

[1] Показательность, ἐπιδεικτική, есть искусство показывать себя, возбуждать къ себѣ удивленіе представленіемъ какихъ нибудь диковинокъ. Такъ, у

другой, не менѣе смѣшной [1], какъ и первая, хотя занимающейся продажею познаній, не необходимо ли дать имя, сродное съ ея дѣятельностію?

Теэт. Конечно.

Ин. И въ этой торговлѣ познаніями, одно, относящееся къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, надобно назвать
C. иначе, а другое, относящееся къ познаніямъ о добродѣтели,— опять иначе.

Теэт. Какъ не иначе!

Ин. Относительно къ познаніямъ въ области иныхъ искусствъ, ей прилично именоваться *искусство-продажничествомъ*, а относительно къ этимъ—постарайся самъ пріискать имя.

Теэт. Да какое иное имя давая этому, не погрѣшилъ бы кто нибудь,— кромѣ самого, искомаго теперь, рода *софистическаго?*

Ин. Никакое иное. Давай же сведемъ это, и скажемъ, что софистика въ другой разъ является частію искусства пріобрѣ-
D. тательнаго, мѣноваго, продажнаго, купеческаго, торгующаго товарами душевными и продающаго то, что относится къ разсужденіямъ и познаніямъ о добродѣтели.

Теэт. И очень.

Ин. Да ты, думаю, и въ третій разъ назовешь это не иначе, какъ назвалъ сейчасъ, если посмотришь, что кто нибудь, сидя въ своемъ городѣ, одно покупаетъ, другое мастеритъ самъ, и торгуетъ своими о томъ познаніями, такъ какъ этимъ предположилъ поддерживать свою жизнь.

Теэт. Какъ не назвать!

Ин. Стало быть, и мѣновщика въ области искусства пріобрѣ-

Исихія: Θαύματα· ἃ οἱ θαυματοποιοὶ ἐπιδείκνυνται. (Casaub. Ad Athen. p. 22; Ruhnken. Ad Tim. p. 102, intpp. ad Polluc. VII, 189). Потому-то показаніе и почитается здѣсь названіемъ смѣшнымъ.

[1] Смѣшнымъ называется здѣсь не самое дѣло, а имя, которымъ оно должно быть означено; потому что ψυχεμπορικὴ и μαθηματοπωλική—такіе термины, которыхъ греческое ухо никогда не слыхивало.

тательнаго, и продавца, торгующаго въ розницу чужимъ или своимъ товаромъ,—въ обоихъ случаяхъ, кого бы то ни было, промышляющаго въ этомъ отношеніи познаніями,—ты всегда, какъ видно, назовешь софистомъ. E.

Теэт. Необходимо; потому что надобно слѣдовать за ходомъ разсужденія.

Ин. Разсмотримъ-ка еще: родъ, теперь преслѣдуемый, не подходитъ ли и къ чему нибудь такому? 225.

Теэт. Къ чему же бы?

Ин. У насъ искусство состязательное было нѣкоторою частію пріобрѣтательнаго.

Теэт. Да, было.

Ин. Поэтому не будетъ несообразности раздѣлить его надвое.

Теэт. На какія же, скажешь, части?

Ин. Одну часть его назовемъ *препирательствомъ*, другую—*драчливостію* [1].

Теэт. Такъ.

Ин. Драчливости, происходящей въ тѣлѣ противъ тѣла, давая почти естественное и приличное имя, мы скажемъ, что она есть нѣчто такое, какъ *насильство*.

Теэт. Да.

Ин. А когда она состоитъ въ словахъ противъ словъ,—чѣмъ иначе назвалъ бы ее кто нибудь, какъ не *возражательностію?*

Теэт. Не чѣмъ инымъ.

Ин. Да и въ возражательности надобно полагать двоякость. B.

Теэт. Какимъ образомъ?

Ин. Поколику бываетъ она въ формѣ рѣчей длинныхъ противъ длинныхъ, и притомъ о справедливомъ и несправедливомъ, публично,—называется она *судебничествомъ*.

---

[1] Ἀμιλλᾶσθαι καὶ μάχεσθαι,—препираться и драться,—различаютъ такъ, что первое совершается для показанія преимущества въ какомъ нибудь отношеніи сравнительно съ другимъ; а послѣднее вызывается безусловно, расположеніемъ природы.

Теэт. Да.

Ин. А когда она происходитъ въ частныхъ отношеніяхъ и излагается въ вопросахъ и отвѣтахъ, тогда обычно ли называть ее чѣмъ инымъ, кромѣ *противорѣчивости*?

Теэт. Не чѣмъ инымъ.

Ин. Противорѣчивость же, поколику споръ идетъ о сдѣл-
C. кахъ, но совершается безъ порядка и искусства, надобно почитать тоже видомъ,—который впрочемъ, не отличенный словомъ, какъ особый, ни у прежнихъ, ни у насъ не заслужилъ того, чтобы получить названіе.

Теэт. Правда; потому что она дѣлится на слишкомъ мелочныя и разнообразныя дробности.

Ин. А ту-то, искусственную, возражающую относительно самого справедливаго и несправедливаго, и относительно другаго чего либо вообще,—не привычно ли называть *спорливостію*?

Теэт. Какъ не привычно!

D. *Ин*. Въ спорливости же, одна часть бываетъ *разрушительницею корысти*, другая—*искательницею ея*.

Теэт. Непремѣнно.

Ин. Такъ постараемся сказать, какое каждой надобно дать названіе.

Теэт. Да ужъ нужно.

Ин. Я думаю, одна-то часть, ради удовольствія разсуждать объ этомъ, упускающая изъ виду насущное, а по образу выраженія, многими слушателями выслушиваемая не съ удовольствіемъ, называется именемъ, казалось бы, не отличнымъ отъ *болтливости*.

Теэт. Говорятъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то такъ.

E. *Ин*. Противную же ей, отъ частныхъ споровъ обогащающуюся, постарайся теперь, въ свою очередь, назвать самъ.

Теэт. Да чтò другое можно тутъ назвать безъ грѣха, кромѣ того дивнаго-то, въ четвертый разъ уже теперь навертывающагося и все искомаго нами софиста?

Ин. Стало быть, софистъ, какъ снова показало нынѣ из-

слѣдованіе, есть не иное что, какъ родъ, ищущій корысти, 226.
часть искусства спорливаго, противорѣчиваго, возражательнаго, драчливаго, состязательнаго, пріобрѣтательнаго.

Теэт. Совершенно такъ.

Ин. Видишь ли,—правду, значитъ, говорятъ, что это—животное изворотливое, которое, по пословицѣ, надобно хватать не одною рукою.

Теэт. Да, ужъ нужно обѣими.

Ин. Конечно, нужно; и по крайней мѣрѣ, сколько есть возможности, надобно дѣлать та̀къ: гнаться за нимъ вотъ
по какому его слѣду. Скажи мнѣ: называемъ ли мы какія B.
нибудь имена *служительскими* [1]?

Теэт. И многія; но, между многими, о которыхъ ты спрашиваешь?

Ин. О такихъ, каковы у насъ: процѣживать, просѣявать, провѣвать, сортировать.

Теэт. Почему не называть.

Ин. Да кромѣ этихъ, еще: чесать, прясть, ткать; знаемъ множество и другихъ подобныхъ, въ области искусствъ. Не такъ ли?

Теэт. Съ какимъ же намѣреніемъ ты указываешь на
нихъ и, предлагая эти примѣры, спрашиваешь обо всѣхъ? C.

Ин. Всѣ, о которыхъ упомянули, имѣютъ, вѣроятно, характеръ *отдѣлительный*.

Теэт. Да.

Ин. И какъ во всѣхъ нихъ, по моему мнѣнію, одно такое искусство, то однимъ именемъ мы и назовемъ его.

Теэт. Какимъ же назвать?

---

[1] Именами служительскими почитаются тѣ, которыми означаются дѣла, приличныя слугамъ. Подобнымъ образомъ, прекрасное имя есть то, котодымъ указывается на что нибудь хорошее. Theag. p. 122 D: τὶ καλὸν ὄνομα τῷ νεανίσκῳ; Hipp. M. p. 228 D: ὃς οὕτω φαῦλα ὀνόματα ὀνομάζειν τολμᾷ, гдѣ φαῦλα ὀνόματα суть имена вещей или дѣлъ низкихъ и постыдныхъ (см. Resp. I, p. 344 B). Cratyl. p. 411 A: τὰ καλὰ ὀνόματα· Phileb. p. 37 D: ὀρθὴν ἢ χρηστὴν ἤ τι τῶν καλῶν ὀνομάτων. De Rep. V, p. 463 E, οἰκεῖα ὀνόματα суть имена родныхъ и домашнихъ.

Ин. Искусствомъ *различительнымъ*.

Теэт. Пускай.

Ин. Разсмотри же: въ этомъ опять мы можемъ какимъ-то образомъ замѣчать два вида.

Теэт. Скораго ты требуешь отъ меня разсмотрѣнія [1].

D. *Ин.* Но въ упомянутыхъ-то различеніяхъ одно даетъ возможность отдѣлять худшее отъ лучшаго, а другое—подобное отъ подобнаго.

Теэт. Сказанное теперь представляется почти такъ.

Ин. Но имени этого-то различенія я не знаю; а имя того, которое оставляетъ лучшее и изгоняетъ худшее, помню.

Теэт. Скажи же.

Ин. Всякое такое различеніе, какъ я разумѣю его, называется у всѣхъ нѣкоторымъ *очищеніемъ*.

Теэт. Конечно, называется.

E. *Ин.* А что очистительное-то искусство имѣетъ два вида,—можетъ знать всякій.

Теэт. Да, вѣроятно, на досугѣ; по крайней мѣрѣ я теперь не усматриваю ихъ.

Ин. Именно,—многіе виды очищеній, относящіеся къ тѣлу, надобно обнять однимъ именемъ.

Теэт. Какіе и какимъ?

227. *Ин.* Очищенія животныхъ, правильно совершаемыя внутри тѣлъ гимнастикою и медициною, и внѣ ихъ,—о которыхъ дурно и говорить,—производимыя банею; также очищенія тѣлъ неодушевленныхъ, о которыхъ имѣетъ попеченіе ремесло валяльническое и всякое косметическое,—въ мелочахъ нашли себѣ множество смѣшныхъ наименованій.

Теэт. И очень.

Ин. Безъ сомнѣнія, Теэтетъ. Но если мы строго слѣдуемъ за ходомъ рѣчи, для насъ ни меньше, ни больше важно то, губкою ли очищается тѣло, или лѣкарственнымъ питьемъ,

---

[1] То есть, я, какъ человѣкъ еще не довольно опытный въ изслѣдованіи, не могу разсмотрѣть это такъ скоро.

и много ли, мало ли полезно намъ что для очищенія. Для пріобрѣтенія познанія, пытаясь понять сродство и несродность всѣхъ искусствъ, очищеніе цѣнитъ ихъ съ этой стороны B.
каждое равно, и одни, сравнительно съ другими, не почитаетъ болѣе смѣшными: на охоту, напримѣръ, военачальствованія смотритъ не съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ на ловлю вшей,—даже часто—какъ на дѣло, гораздо болѣе глупое. Такъ-то и теперь, когда ты спросилъ, какимъ именемъ назовемъ всѣ вмѣстѣ силы, способныя очищать одушевленное или неодушевленное тѣло,—для очищенія не будетъ никакой разницы, какъ бы тебѣ ни показалось приличнѣе назвать ихъ: лишь бы только всѣ онѣ, очищающія иное что C.
либо, связывались особо отъ очищеній душевныхъ; потому что чистоту относительно помысловъ оно положило теперь отличать,—если только мы понимаемъ его намѣреніе.

Теэт. Да, я понялъ, и соглашаюсь, что есть два вида очищенія: одинъ видъ относится къ душѣ, какъ особый отъ очищенія тѣла.

Ин. Превосходно. Выслушай же, что слѣдуетъ далѣе, и постарайся сказанное снова разсѣчь надвое. D.

Теэт. Смотря по тому, куда поведешь,—постараюсь разсѣкать, вмѣстѣ съ тобою.

Ин. Порокъ въ душѣ отличнымъ ли чѣмъ почитаемъ мы отъ добродѣтели?

Теэт. Какъ не отличнымъ!

Ин. А очищеніе-то состояло въ оставленіи одного изъ этихъ членовъ и въ изгнаніи всего, что было дурно.

Теэт. Да, было такъ.

Ин. Стало быть, и касательно души, если бы мы нашли для нея нѣкоторое отнятіе зла, то, называя это очищеніемъ, произнесли бы слово, созвучное дѣлу.

Теэт. И очень-таки.

Ин. Такъ, въ отношеніи къ душѣ, надобно наименовать два зла.

Теэт. Какихъ?

228. *Ин.* Одно—являющееся подобно болѣзни въ тѣлѣ, другое—подобно тѣлесному безобразію.

Теэт. Не понимаю.

Ин. Можетъ быть, болѣзнь и возмущеніе ты считалъ не за одно и то же?

Теэт. Да и на это, опять, не знаю, что отвѣчать.

Ин. Иное ли что разумѣешь ты подъ именемъ возмущенія, какъ не разногласіе между вещами, по природѣ сродными, происходящее отъ какого нибудь поврежденія ихъ?

Теэт. Не иное.

Ин. А безобразіе—иное ли что, какъ не непріятно вездѣ поражающій родъ несоразмѣрности?

B. *Теэт.* Никакъ не иное.

Ин. Что же? не чувствуемъ ли мы, что въ душѣ людей, находящихся въ худомъ состояніи, мнѣнія разногласятъ съ пожеланіями, разсудокъ—съ скорбями, раздраженіе—съ удовольствіями [1], и все это—одно съ другимъ?

Теэт. Да и сильно.

Ин. А между тѣмъ все это было по необходимости сродно.

Теэт. Какъ не сродно.

Ин. Стало быть, возмущеніе и болѣзнь души называя порокомъ, мы будемъ говорить правильно.

Теэт. Конечно, весьма правильно.

C. *Ин.* Что же? все, что можетъ двигаться и, постановивъ какую нибудь цѣль, старается достигнуть ея,—если каждое его стремленіе бываетъ невпопадъ и не достигаетъ цѣли,—все это, скажемъ, терпитъ отъ соразмѣрности ли одного съ другимъ, или отъ несоразмѣрности?

---

[1] Удивляюсь, говоритъ Гейндорфъ, почему бы лучше не читать: «разсудокъ съ удовольствіями, раздраженіе съ скорбями». По нашему мнѣнію, такое чтеніе вовсе не нужно. Вѣдь раздраженіе, θυμός, согласно съ психологическою идеею Платона, есть начало, помогающее уму собственно въ укрощеніи чувственныхъ пожеланій, выражающихся мнѣніями. А что разсудокъ облегчаетъ скорби,—въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Впрочемъ, о показанномъ отношеніи силъ души желающій можетъ прочитать не въ одномъ мѣстѣ Платонова «Государства».

Теэт. Явно, что отъ несоразмѣрности.

Ин. Но душа, извѣстно, вся всего не знаетъ противъ своей воли [1].

Теэт. И очень.

Ин. Незнаніе же,—когда, при стремленіи души къ истинѣ, происходитъ направленіе противное,—есть не иное что, какъ D.
уклоненіе смысла.

Теэт. Конечно.

Ин. Стало быть, надобно полагать, что душа несмысленная безобразна и несоразмѣрна.

Теэт. Выходитъ.

Ин. Такъ въ ней, какъ открывается, есть эти два рода зла: одно, многими называемое порокомъ, очевиднѣйшимъ образомъ составляетъ болѣзнь ея.

Теэт. Да.

Ин. А другое хотя и называютъ незнаніемъ, но, такъ какъ оно находится только въ душѣ, не хотятъ признавать его зломъ.

Теэт. Надобно совершенно уступить тебѣ (пусть я и сомнѣ- E.
вался, когда ты говорилъ это), что есть два рода зла въ душѣ, и что трусость, необузданность, несправедливость и вообще все такое слѣдуетъ почитать болѣзнію въ насъ, а состояніе великаго и многоразличнаго незнанія признавать безобразіемъ.

Ин. Но въ тѣлѣ-то, по отношенію къ этимъ двумъ его несчастіямъ, было два искусства.

Теэт. Какія это?

Ин. Противъ безобразія—*гимнастика*, а противъ болѣз- 229.
ни—*медицина*.

---

[1] Душа наша, по природѣ, стремится къ истинѣ и никогда не разстается съ желаніемъ собирать познанія. Поэтому Платонъ училъ, что никто не грѣшитъ по охотѣ. Стало быть, ясно, что, по его мнѣнію, никому не можетъ быть пріятно незнаніе и заблужденіе. Предположивъ это основаніе, легко уже видѣть значеніе изложеннаго здѣсь положенія: «незнаніе, когда, при стремленіи души къ истинѣ, происходитъ направленіе противное, есть не иное что, какъ уклоненіе ума отъ истины,—слѣдовательно, возмущеніе противъ естественныхъ требованій души».

Теэт. Очевидно, были.

Ин. Такъ и въ отношеніи къ безстыдству, несправедливости и трусости, не бываетъ ли обыкновенно обуздательнѣе всѣхъ искусствъ *надлежащій судъ* [1]?

Теэт. По крайней мѣрѣ, сказать такъ будетъ всего правдоподобнѣе, по сужденію человѣческому.

Ин. Что же? въ отношеніи ко всему вообще незнанію, можетъ быть, кто правильнѣе указалъ бы на что нибудь иное, кромѣ *учительства?*

Теэт. Ни на что болѣе.

Ин. Положимъ. Но учительства одинъ ли только надоб-
B. но назвать родъ, или больше? Не два ли есть величайшихъ его родовъ? Смотри.

Теэт. Смотрю.

Ин. И, мнѣ кажется, такимъ-то образомъ мы очень скоро найдемъ искомое.

Теэт. Какимъ?

Ин. Когда посмотримъ, незнаніе не имѣетъ ли по срединѣ какого нибудь разрѣза. Вѣдь если оно будетъ двоякимъ, то, явно, заставитъ и учительство принять двѣ части, въ одномъ родѣ, по одиночкѣ, соотвѣтствующихъ каждой его сторонѣ.

Теэт. Такъ что же? открывается ли предъ тобою какъ нибудь то, что теперь ищется?

C. *Ин*. Въ незнаніи представляется мнѣ большой какой-то и трудный для обозрѣнія отдѣльный видъ, соотвѣтствующій вѣскостію всѣмъ прочимъ его частямъ.

---

[1] Надлежащій судъ, προσήκουσα δίκη. Этотъ терминъ какъ-то не подходитъ подъ общій характеръ дѣленій въ Софистѣ и даже не совсѣмъ правильно поставляется въ рядъ искусствъ; да и дальнѣйшія слова Теэтета: «по крайней мѣрѣ, сказать такъ будетъ правдоподобнѣе, по сужденію человѣческому», очевидно не въ ладу съ понятіемъ о «надлежащемъ судѣ». Мнѣ кажется, лучше было бы слова текста поставить въ такомъ порядкѣ: οὐκοῦν καὶ περὶ μὲν ὕβριν καὶ ἀδικίαν καὶ δειλίαν τεχνῶν μάλιστα δὴ πάντων πέφυκε ἡ κολαστική. Въ такомъ случаѣ, гимнастикѣ въ отношеніи къ тѣлу совершенно соотвѣтствовало бы искусство обузданія или карательное въ отношеніи къ душѣ. А надлежащій судъ легко могъ бы быть принятъ за глоссему, которою какой нибудь схоліастъ хотѣлъ объяснить значеніе τῆς κολαστικῆς.

Теэт. Какой именно?

Ин. Приписываніе себѣ знанія въ отношеніи къ тому, чего не знаешь. Отъ этого, должно быть, происходятъ всѣ случаи заблужденій разсудка во всякомъ человѣкѣ.

Теэт. Правда.

Ин. Даже этому-то одному виду незнанія думаю я усвоиıь имя *невѣжества*.

Теэт. Конечно.

Ин. Какъ же, стало быть, надобно назвать ту часть учи- D.
тельства, которая избавляетъ отъ этого?

Теэт. Я думаю, иностранецъ, что къ другому виду отходятъ всѣ учительства художническія, а это здѣсь-то, у насъ [1], называется *образованіемъ*.

Ин. Да почти и у всѣхъ эллиновъ, Теэтетъ. Однакожъ намъ надобно еще разсмотрѣть и то, не разсѣкается ли все это образованіе, или не подлежитъ ли какому нибудь достойному замѣчанія дѣленію.

Теэт. Конечно, надобно разсмотрѣть.

Ин. Такъ вотъ мнѣ кажется, что и оно дѣлимо нѣкоторымъ образомъ.

Теэт. На что?

Ин. Одинъ путь словеснаго учительства есть, по видимо- E
му, какой-то шероховатый, а другая часть его легче.

Теэт. Какъ же назовемъ мы ту и другую изъ нихъ?

Ин. Одна часть есть древняя, отеческая: ею тогда пользовались, да и теперь еще многіе пользуются, особенно въ отношеніи къ сыновьямъ, когда, по поводу ихъ погрѣшно-
стей, дѣлаютъ имъ замѣчанія,—иногда жостко, иногда мягко. 230.
Все это вообще можно весьма правильно назвать родомъ *вразумленія*.

Теэт. Такъ.

---

[1] Разумѣется—въ Аѳинахъ, гдѣ, какъ думаетъ Теэтетъ, учительство, давая юношамъ образованіе, чрезъ это самое изгоняетъ изъ нихъ самомнѣніе, или расположеніе приписывать себѣ знаніе того, чего не знаешь.

Ин. А другая-то часть открывается, какъ скоро кто нибудь, давая себѣ отчетъ, начинаетъ думать, что всякое невѣжество—невольно, что тотъ никогда не захочетъ учиться, кто почитаетъ себя мудрецомъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ признаетъ свою силу, и что поэтому вразумляющій видъ образованія, даже при великомъ усиліи, дѣлаетъ мало успѣховъ.

Теэт. И эти люди думаютъ правильно.

B. *Ин.* Потому-то, чтобы изгонять изъ головы такое мнѣніе, они представляютъ иной способъ.

Теэт. А какой именно?

Ин. Разузнаютъ посредствомъ вопросовъ, кто, говоря нѣчто, думаетъ, будто онъ говоритъ дѣльно, тогда какъ ничего не говоритъ; потомъ изслѣдываютъ мнѣнія заблуждающихся и, какъ изслѣдуютъ, собирая ихъ словами, приводятъ къ тожеству между собою; приведши же, показываютъ, что они, касаясь того же, направляясь къ тому же и такъ же, явно противорѣчатъ сами себѣ. Тѣ, видя это, на себя досадуютъ, а въ отношеніи къ другимъ становятся скромнѣе, и такимъ образомъ разстаются съ высокими и не разваренными о себѣ мнѣніями; а изъ всѣхъ разставаній, это и для
C. слушающихъ самое пріятное, и въ разстающемся происходитъ всего прочнѣе. Вѣдь очищающіе ихъ, любезный другъ, думаютъ то же относительно души, что̀ врачи относительно тѣлъ: какъ, то есть, тѣло можетъ принимать предлагаемую пищу только по изгнаніи изъ него препятствій,—такъ и душа, по мнѣнію очистителей, не ощутитъ пользу отъ предлагаемыхъ наукъ, пока обличитель не приведетъ обличаемаго въ стыдъ; ибо чрезъ это обличитель, изгоняя изъ
D. него мнѣнія, препятствующія наукамъ, дѣлаетъ его чистымъ и приводитъ къ той мысли, что онъ знаетъ только то, что̀ знаетъ, а не больше.

Теэт. Это, въ самомъ дѣлѣ, наилучшее и разумнѣйшее изъ состояній.

Ин. По этому-то всему, Теэтетъ, обличеніе надобно, стало

быть, называть важнѣйшимъ и главнѣйшимъ изъ очищеній, а не обличеннаго опять, такъ какъ къ дѣламъ важнымъ онъ очищеніемъ не приготовленъ, хотя бы то былъ самъ великій царь, E.
почитать человѣкомъ необразованнымъ и безстыднымъ,—въ томъ отношеніи, въ которомъ, чтобъ быть истинно блаженнымъ, приличны совершенная очищенность и высочайшая красота.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Что же? Какъ назовемъ тѣхъ, которые пользуются 231.
такимъ искусствомъ? Вѣдь я боюсь назвать ихъ софистами.

Теэт. Почему же?

Ин. Чтобы не приписать имъ бо̀льшаго достоинства.

Теэт. Однакожъ то, что мы теперь говорили, подходитъ къ такому какому-то человѣку.

Ин. Да, какъ волкъ къ собакѣ,—самое дикое къ самому кроткому. Человѣкъ опасливый всегда долженъ быть болѣе всего остороженъ въ отношеніи къ сходствамъ; ибо это—родъ самый скользкій. Впрочемъ пусть будетъ такъ; потому что не возникнетъ, думаю, спора по поводу пустыхъ разграниченій, если собесѣдники будутъ достаточно осторожны. B.

Теэт. Да, это-то вѣроятно.

Ин. Пускай же очистительность будетъ отдѣлена отъ искусства различительнаго, отъ очистительности—часть, относящаяся къ душѣ, отъ этой—учительство, отъ учительства—образовательность: но часть образовательности, обличеніе, прилагаемое къ пустому суемудрію,—въ томъ смыслѣ, какъ оно теперь представилось намъ,—пусть будетъ у насъ названо не инымъ чѣмъ, какъ благородною, по происхожденію, софистикою.

Теэт. Пускай будетъ названо; но, послѣ такого множества представленій, я начинаю уже недоумѣвать, кому именно, говоря правду и выражаясь положительно, слѣдуетъ приписать имя дѣйствительнаго софиста. C.

Ин. И естественно-таки тебѣ недоумѣвать. Но надобно полагать, что теперь долженъ придти въ сильное недоумѣніе

и тотъ, кто захотѣлъ бы какимъ нибудь образомъ заминать рѣчь. Вѣдь правильна пословица, что отъ всѣхъ рукъ убѣжать не легко [1]. Такъ теперь мы должны тѣмъ болѣе налечь на вопросъ.

Теэт. Хорошо говоришь.

Ин. И сперва мы остановимся, будто бы перевести духъ, и, вздохнувши, поговоримъ сами съ собою: ну-ка, во сколь-
D. кихъ видахъ являлся намъ софистъ? Мнѣ кажется вѣдь, что прежде всего мы нашли его наемнымъ ловчимъ молодыхъ и богатыхъ людей.

Теэт. Да.

Ин. Во вторыхъ, нѣкоторымъ продавцомъ относящихся къ душѣ наукъ.

Теэт. Конечно.

Ин. Въ третьихъ, не явился ли онъ, въ томъ же самомъ отношеніи, розничнымъ торговцемъ?

Теэт. Да; а потомъ, въ четвертыхъ, относительно наукъ, торговалъ у насъ собственными произведеніями.

Ин. Правильно вспомнилъ. Пятое же постараюсь при-
E. помнить я. Вѣдь онъ былъ также боецъ въ словесной состязательности; и особенно усвоилъ себѣ искусство спорить.

Теэт. Конечно, былъ.

Ин. Да притомъ, шестое: предлагалъ возраженія,—но мы положили, въ видѣ уступки, что онъ служитъ очистителемъ мнѣній, заграждающихъ путь наукамъ относительно души.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

232. *Ин.* Такъ замѣчаешь ли, что когда кто является знатокомъ

---

[1] Объ этой пословицѣ см. Erasmi Adagg. p. 222. Это—метафора, взятая отъ бойцовъ. Посему здѣсь, τὰς ἁπάσας μὴ ῥάδιον διαφεύγειν, разумѣется λαβάς, которое въ формѣ сжатой рѣчи пропускается. Такъ, Phileb. p. 13 D: ταχ' ἀνιέντες εἰς τὰς ὁμοίας. Вполнѣ читается она Phaedr. p. 236 C: εἰς τὰς ὁμοίας λαβὰς ἐλήλυθας. De Rep. VIII, init.: πάλιν τοίνυν ὥσπερ παλαιστὴς τὴν αὐτὴν λαβὴν πάρεχε. Legg. III, p. 682 E: ὁ λόγος ἡμῖν οἷον λαβὴν ἀποδίδωσι.

многихъ вещей, а получаетъ имя отъ одного (того или другаго) искусства,—такое представленіе не нормально: тогда становится явно, что относящій представленіе къ какому нибудь изъ искусствъ не можетъ примѣтить въ немъ той стороны, на которую смотрятъ всѣ прочія науки, почему и владѣющаго ими, вмѣсто одного имени, называетъ многими?

Теэт. По всей вѣроятности, это бываетъ какъ-то такъ.

Ин. Посему, чтобы и намъ-то въ своемъ изслѣдованіи, по B.
лѣности, не потерпѣть этого! Возьмемъ-ка снова первое изъ того, что сказано о софистѣ. Вѣдь онъ мнѣ представляется непремѣнно чѣмъ-то однимъ.

Теэт. Чѣмъ же?

Ин. Мы назвали его, помнится, знатокомъ *противорѣчія*.

Теэт. Да.

Ин. Что же? не учитъ ли онъ и другихъ тому же самому?

Теэт. Почему не такъ.

Ин. Разсмотримъ же, въ отношеніи къ чему такіе, по ихъ словамъ, научаютъ другихъ противорѣчію. А изслѣдованіе у насъ сначала пусть пойдетъ такъ [1]. Ну-ка,
относительно вещей божественныхъ, которыя для черни C.
темны,—дѣлаютъ ли они другихъ способными къ тому?

Теэт. Это, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ о нихъ.

Ин. А относительно видимаго на землѣ и на небѣ, да и вообще относительно такихъ предметовъ?

Теэт. Какъ же.

Ин. Ну, а въ частныхъ-то собраніяхъ, когда говорятъ всякую всячину о бывающемъ и сущемъ, они, сильные въ противорѣчіи, сильными, знаемъ, дѣлаютъ и другихъ—въ томъ, въ чемъ сами.

---

[1] Сущность разсужденія о софистахъ, какъ противорѣчивцахъ, состоитъ въ томъ, что οἱ ἀντιλογικοὶ о всемъ могутъ судить въ ту и другую сторону, и потому выдаютъ себя за знатоковъ всего. Но такъ какъ о человѣкѣ, по самой его природѣ, нельзя сказать того, чтобы ему извѣстно было все, то софистъ кажется только всезнайкою, и этимъ мнимымъ всезнаніемъ пускаетъ пыль въ глаза людямъ молодымъ и неопытнымъ.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

D. *Ин.* Чтò же опять относительно законовъ и всего вообще, касающагося политики,—не обѣщаются ли они сдѣлать своихъ слушателелей возражателями?

Теэт. Обыкновенно говорятъ, что никто не бесѣдовалъ съ ними, кому бы они не обѣщали этого.

Ин. А въ отношеніи искусствъ-то, берутся ли они всѣ вмѣстѣ, или каждое отдѣльно,—все, что слѣдуетъ возражать самому по каждому искусству мастеру, желающій можетъ, конечно, узнать изъ письменныхъ, выпущенныхъ въ народъ сочиненій.

Теэт. Ты указываешь, кажется мнѣ [1], на Протагорово со-
E. чиненіе о фехтованьи и иныхъ искусствахъ.

Ин. Да много и другихъ, почтеннѣйшій. Но искусство противорѣчія не въ томъ ли вообще состоитъ, что оно, по видимому, есть нѣкоторая достаточная способность представлять возраженія на все?

Теэт. Явно, въ самомъ дѣлѣ, что къ этому почти нечего больше прибавить.

Ин. Но ты-то, мой другъ, ради боговъ, почитаешь ли это дѣломъ сильнымъ? Вѣдь, можетъ быть, вы, молодые люди, смотрите тутъ острѣе, а мы тупѣе.

233. *Теэт.* Что, и къ чему особенно, говоришь ты? Вѣдь я не понимаю теперешняго твоего вопроса.

Ин. Есть ли возможность какому нибудь человѣку знать все?

---

[1] Протагоръ въ своей книгѣ Ἀντιλογιῶν или въ Τέχνῃ ἐριστικῶν, по видимому, пользовался примѣрами изъ отдѣльныхъ искусствъ и излагалъ, какимъ образомъ можно слѣдовать имъ въ разсужденіяхъ. Въ ряду такихъ примѣровъ были, вѣроятно, и относящіеся къ искусству фехтованія, въ которомъ, говорятъ, онъ и самъ былъ опытенъ (Gellii N. A. V. 3). Этимъ можетъ быть объясняемо и то, что лица, бесѣдующія въ Платоновомъ Эвтидемѣ, Эвтидемъ и Діонисіодоръ, послѣдователи Протагора, кромѣ искусства эристическаго, преподавали еще ὁπλομαχίαν, и такимъ образомъ во всемъ соревновали своему учителю. Діогенъ Лаэрцій (IX, 8, 55) перечисляетъ слѣдующія сочиненія Протагора: Τέχνη ἐριστικῶν; Περὶ πάλης; Περὶ τῶν μαθημάτων; Περὶ πολιτείας; Ἀντιλογιῶν δύο.

Теэт. О, весьма блаженъ былъ бы тогда нашъ родъ, иностранецъ!

Ин. Какъ же кто нибудь, самъ не зная, могъ бы говорить нѣчто здравое и противорѣчить знающему-то?

Теэт. Никакъ.

Ин. Такъ въ чемъ бы могло состоять чудо силы софистической?

Теэт. Относительно чего?

Ин. Какимъ образомъ досталась имъ сила внушить юно- B.
шамъ мнѣніе, что они изъ всѣхъ и во всемъ самые мудрые? Вѣдь явно, что если бы противорѣчіе ихъ и не было правильно, и не являлось такимъ для юношей,—да пусть бы и являлось, но если бы они казались умными не по чему больше, какъ по своимъ возраженіямъ, то,—твои же слова [1],—едва ли бы кто сталъ платить имъ деньги и пожелалъ въ этомъ самомъ сдѣлаться ихъ ученикомъ.

Теэт. Конечно, едва ли.

Ин. А теперь желаютъ.

Теэт. И очень.

Ин. Потому что софисты, думаю, сами кажутся знатоками C.
въ томъ, чему противорѣчатъ.

Теэт. Какъ же иначе!

Ин. А дѣлаютъ-то они это, говоримъ, въ отношеніи всего.

Теэт. Да.

Ин: Стало быть, представляются своимъ ученикамъ мудрыми во всемъ.

Теэт. Какъ же.

Ин. Не будучи такими; ибо заявлено было, что это-то невозможно.

Теэт. Какъ не невозможно!

Ин. Стало быть, намъ показалось, что софистъ обо всемъ D.
имѣетъ познаніе какое-то мнимое, а не истинное.

---

[1] Т о т в о и ж е с л о в а, τὸ σὸν δὴ τοῦτο:—указываетъ на слова Теэтета p. 232 D: οὐδεὶς γὰρ ἂν αὐτοῖς, ὡς ἔπος εἰπεῖν, διελέγετο μὴ τοῦτο ὑπισχνουμένοις.

Теэт. Безъ сомнѣнія: и чтò теперь-то говорится о нихъ, должно быть, говорится весьма правильно.

Ин. Возьмемъ однакожъ на это какой нибудь примѣръ, по яснѣе.

Теэт. Какой же именно?

Ин. Слѣдующій;—но постарайся отвѣчать мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ.

Теэт. Какой?

Ин. Если бы кто сказалъ, что онъ и не говоритъ и не противорѣчитъ, но всѣ вмѣстѣ дѣла умѣетъ совершать и производить однимъ искусствомъ.

E. *Теэт.* Какъ говоришь: всѣ?

Ин. Вотъ ты-то у насъ не выразумѣлъ вдругъ и самаго начала рѣчи; потому что не понимаешь, какъ видно, слова: *всѣ вмѣстѣ*.

Теэт. Да, не понимаю.

Ин. Такъ говорю, что ты и я принадлежимъ ко всему, но кромѣ насъ есть еще иныя животныя и дерева.

Теэт. Какъ ты говоришь?

Ин. Если бы кто сказалъ, что онъ сотворитъ и меня, и тебя, и всѣ прочія существа.

234. *Теэт.* О какомъ твореніи говоришь ты? Вѣдь ужъ, конечно, не о земледѣльцѣ же толкуешь какомъ нибудь, когда называешь его творцомъ животныхъ?

Ин. Говорю, что онъ, кромѣ того, есть творецъ и моря, и земли, и неба, и боговъ, и всего прочаго; и каждый изъ этихъ предметовъ сотворивъ наскоро, продаетъ ихъ за малую монету.

Теэт. Ты высказываешь какую-то шутку.

Ин. Что же? А кто говоритъ, что онъ все знаетъ, и этому, за немногое и въ немного времени, можетъ научить другаго,—словъ того, думаешь, не слѣдуетъ принимать за шутку?

Теэт. Всячески.

Ин. Представляешь ли ты какой нибудь видъ шутки ху-
B. дожественнѣе, или пріятнѣе подражательности?

Теэт. Отнюдь нѣтъ; потому что ты указалъ на видъ весьма обширный, обнимающій собою все, и притомъ самый разнообразный.

Ин. И такъ, кто даетъ обѣщаніе, что онъ можетъ однимъ искусствомъ творить все, того мы узнаемъ вотъ почему: отдѣлывая подражанія и соименности сущаго, при помощи живописнаго искусства, и показывая свои рисунки издали, онъ, предъ молодыми и несмысленными людьми, будетъ въ состояніи прикинуться, будто можетъ самымъ дѣломъ произвесть вещь, какую бы ни захотѣлось произвесть ему. C.

Теэт. Какъ же иначе?

Ин. Что же теперь? И въ области разсужденій не ожидаемъ ли мы какого нибудь подобнаго искусства? Развѣ не возможно словами обворожать слухъ юношей, стоящихъ еще далеко отъ дѣлъ истины, показывая имъ въ отношеніи ко всему такъ называемые призраки, чтобы заставить ихъ думать, будто говорятъ имъ истину, и будто говорящій есть человѣкъ самый мудрый изъ всѣхъ и во всемъ?

Теэт. Почему же не быть какому нибудь подобному D.
искусству?

Ин. Такъ вотъ многимъ тогдашнимъ слушателямъ, Теэтетъ, когда пройдетъ довольно времени и возрастъ сдѣлается зрѣлѣе, не необходимо ли будетъ, при близкой встрѣчѣ съ самыми вещами и подъ вліяніемъ впечатлѣній, заставляющихъ живѣе хвататься за существо дѣла [1],—не необходимо ли будетъ имъ измѣнять полученныя прежде мнѣнія, такъ какъ великія изъ нихъ окажутся маловажными, легкія—трудными, и всячески разрушать сотканныя изъ E.
словъ мечты, чрезъ осуществленіе самыхъ дѣлъ?

Теэт. Да, сколько могу судить объ этомъ, по моей молодости. Думаю, что и я принадлежу къ тѣмъ, которые еще далеко стоятъ отъ истины.

---

[1] Хвататься за существо дѣла—τοῖς δὲ οὖσι προσπίπτοντας, въ противуположность τοῖς εἰδώλοις,—образамъ или мечтамъ, которыя представляемы были имъ софистами.

Ин. Потому-то всѣ мы здѣсь будемъ стараться, да и теперь стараемся, какъ можно ближе подвести тебя къ ней, пока еще нѣтъ впечатлѣній. О софистѣ же скажи мнѣ вотъ
235. что: ясно ли уже, что онъ—кто-то изъ чародѣевъ, какъ подражатель дѣйствительно сущаго? или мы еще сомнѣваемся, не о столькихъ ли, въ самомъ дѣлѣ, вещахъ имѣетъ онъ познанія, сколькимъ приписываетъ себѣ способность противорѣчить?

Теэт. Да какъ же, иностранецъ? Изъ сказаннаго-то почти уже ясно, что онъ—кто-то изъ людей, любящихъ шутить.

Ин. Стало быть, надобно почитать его какимъ-то чародѣемъ и подражателемъ.

Теэт. Какъ не почитать!

Ин. Хорошо же; теперь наше дѣло—не упустить звѣря,
B. потому что мы почти обошли его нѣкоторою сѣтью составленныхъ для этого словесныхъ орудій, такъ что отсюда-то ему уже не уйти.

Теэт. Откуда?

Ин. Изъ рода чудодѣевъ, въ которомъ, между прочими, содержится и онъ.

Теэт. Да, это же самое относительно его кажется и мнѣ.

Ин. Такъ теперь хотѣлось бы какъ можно скорѣе раздѣлить *образотворное искусство*; и если, по нашемъ вступленіи въ него, софистъ рѣшится вдругъ противустоять намъ, то мы, по предписанію царскаго указа, схватимъ его и, объявивъ
C. о добычѣ, предадимъ царю [1]. А когда онъ какъ нибудь скроется въ частяхъ подражательности,—будемъ преслѣдо-

---

[1] Можно догадываться, что Платонъ, говоря такъ, имѣлъ въ виду обычай персовъ и лакедемонянъ: въ мысли его была, то есть, та благородная персидская σαγηνεία, которую описываетъ онъ въ Менексенѣ (p. 240 B, C; Legg. III, p. 698 D. Herodot. III, 149). Этимъ проясняется и значеніе словъ: κατὰ τὰ ἐπεσταλμένα ὑπὸ τοῦ βασιλικοῦ λόγου: то есть, разумѣется царское предписаніе, слѣдуя которому, персидскіе воины должны были всѣхъ непріятелей брать въ плѣнъ, не давая уйти никому. Видно также, что̀ значитъ: ἀποφῆναι τὴν ἄγραν,—объявить о добычѣ; ибо въ Менексенѣ (l. c.) говорится: συνάψαντες τὰς χεῖρας διῆλθον ἅπασαν τὴν χώραν, ἵν' ἔχοιεν τῷ βασιλεῖ εἰπεῖν, ὅτι οὐδεὶς σφᾶς ἀποπεφευγὼς εἴη.

вать его неопустительнымъ дѣленіемъ принявшей его части, пока не поймаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни этотъ, ни иной какой родъ никогда не похвалится, что онъ ушелъ, если такимъ способомъ можно бываетъ доходить черезъ *каждое* и до *всего*.

Теэт. Ты говоришь хорошо; такъ и надобно дѣлать.

Ин. Продолжая пройденный путь дѣленія, я и теперь ясно D.
вижу два вида подражательности [1]: но въ которомъ изъ нихъ скрывается искомая нами идея,—узнать это, кажется, нахожу себя еще не въ силахъ.

Теэт. Да ты сперва скажи и раздѣли намъ, на какіе два вида указываешь.

Ин. Въ подражательности я усматриваю одно—*искусство уподобительное*. Оно дѣйствуетъ особенно тогда, когда кто, по размѣрамъ образца, отдѣлываетъ произведеніе подражательное, имѣя въ виду долготу, широту, глубину, и сверхъ того оттѣняя каждую часть приличными ей красками. E.

Теэт. Что же? развѣ не такое что либо берутся дѣлать и всѣ подражатели?

Ин. Не такое—по крайней мѣрѣ тѣ, которые оттискиваютъ или живописуютъ что нибудь изъ предметовъ величественныхъ. Вѣдь если бы они прекраснымъ вещамъ сообщали истинный размѣръ, то высшія изъ нихъ явились бы, знаешь, меньше надлежащаго, а низшія—больше; потому 236.
что первыя видимы бываютъ нами издали, а послѣднія вблизи.

Теэт. Конечно.

---

[1] Элейскій иностранецъ различаетъ два вида подражательности: одинъ—εἰκαστικὴν, другой—φανταστικήν. Первый—тотъ, въ которомъ подражатель старается вѣрно схватить самый образъ подлинника, такъ что удерживаетъ и размѣры его, и пропорціи, и цвѣта̀, и если что позволяетъ себѣ измѣнить въ немъ, то развѣ масштабъ. Отъ этого вида подражательности отличается другой—φανταστική, который не останавливается на чертахъ предмета, принадлежащихъ ему по природѣ, но дѣйствуетъ свободнѣе, такъ что производитъ изображенія смотря по избранной точкѣ зрѣнія и по законамъ оптики. О перспективномъ и оптическомъ искусствѣ древнихъ пишетъ Bottiger, въ книгѣ: Aldobrandinische Hochzeit, p. 20, и Archeol. Picturae p. 310; Schneider, ad Eclogg. physicc. p. 264 sqq.

Ин. Такъ не разстаются ли теперь мастера съ истиннымъ, когда отдѣлываемымъ ими образамъ придаютъ размѣры не дѣйствительные, а кажущіеся прекрасными?

Теэт. Конечно.

Ин. Стало быть, не справедливо ли будетъ одно, такъ какъ оно подобно вѣдь, назвать подобіемъ?

Теэт. Да.

B. *Ин.* А занимающуюся этимъ часть подражательности-то наименовать искусствомъ, какъ мы называли его прежде, уподобительнымъ?

Теэт. Слѣдуетъ.

Ин. Что же? какъ назовемъ то явленіе, которое хотя съ благопріятной точки зрѣнія [1] походитъ на прекрасное, но, если бы кто получилъ способность достаточно созерцать столь великіе предметы, оказалось бы не подобнымъ тому, чему его уподобляютъ? Не фантомъ ли то, что кажется похожимъ, а не походитъ?

Теэт. Что же болѣе!

C. *Ин.* И этой части, понимаемой обширно, нѣтъ ли въ живописи и во всякомъ искусствѣ подражательномъ?

Тет. Какъ не быть.

Ин. Такъ искусство, отдѣлывающее фантомъ, а не подобіе, не будетъ ли весьма правильно называть *фантастикою?*

Теэт. И очень.

Ин. Вотъ объ этихъ-то двухъ видахъ образотворенія говорилъ я,—объ уподобительности и фантастикѣ.

Теэт. Правильно.

Ин. Но того-то и тогда не домекалъ, въ которомъ изъ нихъ надобно полагать софиста, и теперь еще не могу разсмотрѣть ясно. Въ самомъ дѣлѣ, какой это удивительный и
D. трудный для изслѣдованія мужъ, когда и теперь такъ хорошо и хитро ушелъ въ такой непрослѣдимый видъ.

---

[1] Ἐκ καλοῦ—греческій идіотизмъ, означающій хорошо избранное мѣсто, или лучшую точку зрѣнія. Aristoph. Thesmoph. v. 293: Ποῦ καθίξω ἐν καλῷ, τῶν ῥητόρων ἵν' ἐξακούσω.

Теэт. Это видно.

Ин. Однакожъ сознательно ли ты подтвердилъ это, или къ скорому соглашенію, по привычкѣ, увлекся стремленіемъ рѣчи?

Теэт. Какъ и къ чему ты говоришь это?

Ин. Мы, другъ мой, по истинѣ, на пути самаго труднаго изслѣдованія; потому что, съ одной стороны—являться и казаться, съ другой—быть, съ одной—говорить что-то, E.
съ другой—не говорить ничего,—все такое, и въ прежнее время и теперь, сильно бременитъ насъ недоумѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ сказанное что нибудь или подуманное ложно будетъ дѣйствительно произнесено, не свя- 237.
зываясь противорѣчіемъ?—это, Теэтетъ, дѣло весьма трудное.

Теэт. Что же тутъ?

Ин. Такое слово осмѣливается принимать небытіе за бытіе; а иначе лжи вѣдь и не было бы. Великій Парменидъ, когда мы были еще въ дѣтствѣ, другъ мой, отъ начала до конца, выражаясь всякій разъ прозою и стихами, свидѣтельствовалъ вотъ что:

Этого нѣтъ никогда и нигдѣ, чтобъ не сущее было;
Отъ такого пути испытаній сдержи свою мысль [1].

---

[1] Софисты, какъ извѣстно, отрицали самую возможность говорить о не существующемъ, и отсюда заключали, что лгать нельзя, и лжи нѣтъ. Платонъ эту хитрую выдумку приписываетъ Протагору, и даже нѣкоторымъ древнимъ народнымъ философамъ (Euthydem. p. 284 A sqq.; Cratyl. p. 385 B; 429 C, D. Сн. Aristot. Met. IV, p. 119, ed. Brand. Isocrat. Encom. Hel. p. 231 sqq., ed. Becker). То же самое ученіе здѣсь приписывается и Пармениду, который равнымъ образомъ полагалъ, что не существующаго нельзя ни помыслить, ни произнесть. Это положеніе его, кромѣ Платона, замѣтилъ и Аристотель (Metaph. XIII, 2, p. 294, ed. Brand.). Стихъ его: Ἀλλὰ σὺ τῆς δ' ἀφ' ὁδοῦ διζήσιος εἶργε νόημα, Платономъ приводится и ниже, p. 258 D; упоминаетъ о немъ также Симплицій (Phys. p. 17 A; 152 A); а Секстъ Эмпирикъ (Adv. mathem. VII, 3) съ этимъ стихомъ передаетъ намъ и многіе другіе, приписывая ихъ также Пармениду. Но удивительно, почему, изъ двухъ цитованныхъ здѣсь стиховъ, перваго не приводитъ никто, кромѣ Платона. Это заставляетъ насъ въ первомъ стихѣ видѣть не стихъ, а прозаическую рѣчь. Гейндорфъ старался дать ему форму стиха, и потому слова Платоновы: οὐ γὰρ μήποτε τοῦτ' οὐδαμῇ, φησίν, εἶναι μὴ ὄντα, поправилъ такъ: οὐ γὰρ μήποτε τοῦτο δαῇς, φησίν, εἶναι μὴ ἐόντα. Но если бы Секстъ,

В. А о чемъ свидѣтельствуетъ онъ, то самое еще болѣе подтвердитъ самый разсудокъ, если мы нѣсколько испытаемъ его. И такъ прежде всего разсмотримъ это, если съ твоей стороны не будетъ несогласія.

Теэт. Что касается до меня, то полагай, какъ хочешь; и когда разсудокъ выведетъ на путь наилучшій, тогда, въ своемъ разсужденіи, ты и самъ держись его, и меня веди по немъ.

Ин. Да, такъ и надобно дѣлать. И вотъ, скажи мнѣ: осмѣливаемся ли [1] мы произносить вовсе не существующее?

Симплицій и другіе, читавшіе стихи Парменида, находили между ними и этотъ, то въ ряду прочихъ, конечно, упомянули бы и о немъ. И такъ, по нашему мнѣнію, справедливо судитъ Карстенъ (De Parmenidis reliquiis p. 130), говоря, что Платонъ привелъ здѣсь прозаическое положеніе Парменида, такъ какъ этотъ философъ съ своими друзьями употреблялъ языкъ и прозаическій и стихотворный,—πεζῇ τε καὶ κατὰ μέτρον.

[1] Въ заключеніе изслѣдованія о софистѣ сказано, что софистъ есть кажущійся подражатель истиннаго философа и что, заглядываясь на ложную свою мудрость, онъ почитаетъ себя тѣмъ, что̀ не есть. По этому поводу, элеецъ приступаетъ къ изслѣдованію того, какъ надобно думать о природѣ не существующаго. И такъ, отсюда начинается изложеніе знаменитаго Платонова ученія о существующемъ и не сущемъ. Чтобы правильно уразумѣть его, надобно замѣтить, что Платонъ сперва излагаетъ мнѣніе мыслителей, отвергающихъ τὸ μὴ ὄν; потомъ разсматриваетъ слѣдствія, вытекающія изъ этого ученія, чтобы такимъ образомъ ясно открылись несообразности его; а наконецъ, свойственнымъ ему способомъ, разсуждаетъ противъ Парменидова понятія о сущемъ. Но это изслѣдованіе начинается съ того, что Платонъ истолковываетъ мнѣніе Парменида и настаиваетъ, что вещамъ существующимъ онъ не могъ приписать того, что не существуетъ; или, что все, относящееся къ сущности, отдѣльно отъ не существующаго и чуждо ему. Кромѣ того, онъ полагаетъ, что, по ученію элейскаго философа, не существующее не можетъ ни быть, ни называться чѣмъ нибудь, если только о мыслящемъ нечто нибудь надобно думать, что онъ ничего не мыслитъ и не говоритъ; а отсюда заключаетъ, что не существующаго, по началу Парменида, нельзя ни назвать, ни выговорить. Кромѣ того, по объясненію Платона, отрицатели не существующаго должны утверждать, что не существующему никакъ не принадлежитъ сущность, свойственная существующему: то есть, не существующее у нихъ не должно имѣть никакихъ предикатовъ, если только ничто, свойственное существующему, не можетъ быть приписано не существующему. А въ такомъ случаѣ, не существующее не будетъ принимать ни числа, которое умѣстно лишь при различіи предметовъ, ни даже единства, поколику оно не мыслимо безъ множества. Отсюда, рядомъ заключеній, философъ приходитъ наконецъ къ очевидности, что отрицатели не существующаго противорѣчатъ сами себѣ, и что софистъ скрывается именно во мракѣ этихъ противорѣчій.

Теэт. Почему не произносить!

Ин. Такъ если бы, не для спора и не для шутки, а по C. серьезномъ размышленіи, кто нибудь изъ слушателей долженъ былъ объявить, гдѣ требуется привносить слово *не существующее*; то, какъ тебѣ кажется, къ чему и для означенія чего онъ и самъ пользовался бы имъ, и указалъ бы пользоваться вопрошателю?

Теэт. Вопросъ трудный, и для меня-то, почти могу сказать, совершенно неразрѣшимый.

Ин. Но то-то явно, что «не существующее» не должно быть относимо къ существующему.

Теэт. Да, какъ можно!

Ин. А если не должно—къ существующему, то никто правильно не отнесетъ его и къ тому, чѣмъ означается что нибудь.

Теэт. Какъ отнесть!

Ин. Да и то для насъ, можетъ быть, явно, что самое D. слово *что нибудь* мы всякій разъ относимъ къ существующему; потому что мыслить его одно, само по себѣ, какъ бы обнаженное и отрѣшенное отъ всего сущаго, невозможно. Не правда ли?

Теэт. Невозможно.

Ин. Разсматривая же дѣло такъ, подтвердишь ли, что мыслящій слово *что нибудь* мыслитъ необходимо что-то одно?

Теэт. Такъ.

Ин. Вѣдь *что-то*, скажешь, есть знакъ одного, *оба*—знакъ двухъ, *нѣкоторые*—знакъ многихъ.

Теэт. Какъ не сказать.

Ин. Такъ, говорящій-то не «что нибудь», какъ видно, по E. необходимости, вовсе ничего не говоритъ.

Теэт. Да, ужъ по необходимости.

Ин. А не слѣдуетъ ли согласиться и въ томъ, что такой человѣкъ, не только говоря, ничего однакожъ не говоритъ,— но что принимающагося произносить не существующее, даже не должно называть и говорящимъ?

Теэт. Это положеніе, кажется, достигаетъ уже крайней степени сомнѣнія.

238. *Ин.* Не говори еще такъ много, другъ мой; есть степень и выше этой, и она-то уже въ сомнѣніи величайшая и первая, такъ какъ лежитъ въ самомъ его основаніи.

Теэт. Къ чему такая рѣчь? выражайся прямо, ничѣмъ не затрудняясь.

Ин. Къ существующему, вѣроятно, можно прибавить что либо другое существующее [1].

Теэт. Какъ не мочь.

Ин. А къ не существующему возможно ли, скажемъ, прибавленіе чего нибудь существующаго?

Теэт. Да какъ же это?

Ин. Число-то, все вмѣстѣ, мы относимъ къ вещамъ существующимъ.

B. *Теэт.* Если что еще иное, то это надобно относить къ существующему.

Ин. Такъ не должно намъ и браться—въ числѣ—относить къ не существующему ни множество, ни единство.

Теэт. Да вѣдь и неправильно бы, какъ видно, брались, судя по смыслу рѣчи.

Ин. Какимъ же образомъ, безъ числа, устами ли произнесъ бы кто нибудь, или совершенно схватилъ бы мыслію то, чего нѣтъ, или что не существуетъ?

Теэт. Говори, какимъ.

C. *Ин.* Чтобы высказать не существующее (μὴ ὄντα), не беремся ли мы привнесть численное множество?

Теэт. Какъ же.

Ин. Между тѣмъ не существующее (μὴ ὄν) не беремъ ли опять какъ одно?

---

[1] Разумѣется, существующему, поколику оно существуетъ, всегда могутъ быть приписаны какія нибудь свойства, предикаты, которые дѣйствительно въ немъ есть, такъ какъ оно само дѣйствительно существуетъ, чего въ отношеніи къ не существующему никакимъ образомъ сдѣлать нельзя. Поэтому не существующее не можетъ принимать и числа, поколику въ числѣ сходятся единство и множество, которыя никакъ не совмѣстимы съ не существующимъ.

Теэт. Очевидно.

Ин. Но и несправедливо вѣдь, и неправильно, говоримъ, существующее браться прилаживать къ не существующему.

Теэт. Говоришь совершенную правду.

Ин. Такъ замѣчаешь ли, что не существующаго самого по себѣ нельзя ни правильно произнесть, ни сказать, ни схватить умомъ, что оно и не мыслимо, и не выразимо, и не произносимо, и безсловесно?

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Но не ошибся ли я, сказавши сейчасъ, что отно- D.
сительно его укажу на высочайшее сомнѣніе.

Теэт. Что же? Развѣ можемъ найти еще иное какое нибудь, большее?

Ин. Чтò ты, чудакъ! или не замѣчаешь, уже по сказанному, что не существующее приводитъ въ сомнѣніе и самого обличителя, такъ что, какъ скоро взялся бы онъ обличать, то тотчасъ поставленъ былъ бы въ необходимость въ этомъ отношеніи противорѣчить самому себѣ?

Теэт. Какъ ты говоришь? скажи еще яснѣе.

Ин. По самому моему изслѣдованію, ничто не можетъ быть яснѣе. Вѣдь, предположивъ, что не существующее не E.
должно быть причастно ни одному, ни многому, я тотчасъ, теперь же назвалъ его однимъ; потому что говорю: не существующее. Понимаешь?

Теэт. Да.

Ин. И опять, немного раньше говорилъ, что оно не произносимо, не выразимо, безсловесно. Слѣдишь?

Теэт. Какъ же, слѣжу.

Ин. Но, пытаясь приписывать ему бытіе-то, не противорѣчилъ ли я тому, что говорилъ прежде? 239.

Теэт. Кажется, противорѣчилъ.

Ин. Что же? приписывая ему это, вѣдь я разговаривалъ съ нимъ, не какъ съ однимъ?

Теэт. Да.

Ин. И однакожъ, говоря, что оно безсловесно, не выразимо,

не произносимо, я все таки обращалъ свое слово какъ бы къ одному.

Теэт. Ка̀къ не къ одному!

Ин. А по нашему-то положенію, должно быть такъ, что кто будетъ правильно говорить о немъ, тотъ не станетъ опредѣлять его ни какъ одно, ни какъ многое, даже не придастъ ему вовсе никакого имени; ибо и нѣчто «одно» есть уже имя, которымъ оно называлось бы.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

B. *Ин.* Такъ и обо мнѣ-то что̀ еще скажутъ! Вѣдь какъ прежніе, такъ и теперешніе мои доводы относительно не существующаго найдутъ разбитыми. Такъ что въ моей-то рѣчи, какъ я сказалъ, не будемъ искать правды относительно не существующаго: давай-ка, теперь поищемъ ея въ твоей.

Теэт. Какъ ты говоришь?

Ин. Будь ты у насъ добръ и благороденъ; какъ юноша, попробуй, сколько можешь болѣе, напречь свои силы, и правильнымъ образомъ произнеси что нибудь о не существующемъ, не придавая ему ни сущности, ни единства, ни численнаго множества.

C. *Теэт.* Велика, дѣйствительно, и странна была бы моя ревность къ такой попыткѣ, если бы я рѣшился на это, видя твою неудачу.

Ин. Впрочемъ, если угодно, останемся, и ты и я, въ сторонѣ; и, пока не встрѣтимъ кого нибудь, кто могъ бы сдѣлать это, будемъ только говорить, что софистъ какъ нельзя болѣе лукаво скрылся въ это непроходимое мѣсто.

Теэт. Да и очень такъ представляется.

Ин. Поэтому, если владѣетъ онъ, скажемъ, какимъ нибудь
D. искусствомъ фантастическимъ [1], то, привязавшись къ тако-

---

[1] Отсюда философъ вступаетъ на новый путь изслѣдованія природы софиста. Выше было говорено, что софистъ есть изобрѣтатель пустыхъ призраковъ, которыми старается поддѣлаться подъ идеальное созерцаніе философа. Поэтому те-

му употребленію [1] словъ, легко направитъ наши рѣчи къ противному. Когда, то есть, мы назовемъ его дѣлателемъ отображеній, онъ спроситъ насъ, наоборотъ: а что непремѣнно называемъ мы отображеніемъ? Итакъ, надобно смотрѣть, Теэтетъ, чтò кто будетъ отвѣчать на вопросъ этого сорванца [2].

Теэт. Явно, что укажемъ на отображенія въ водѣ и въ зеркалахъ, также на живописныя, оттиснутыя, и на другіе, какіе еще бываютъ этого рода образы.

Ин. Открывается, Теэтетъ, что софиста ты не видывалъ. E.

Теэт. Чтò такъ?

Ин. Тебѣ покажется, что онъ зажмурился, или вовсе не имѣетъ глазъ.

Теэт. Какъ?

Ин. Если ты дашь ему такой отвѣтъ, что укажешь на изображенія въ зеркалахъ и оттискахъ, то онъ посмѣется

перь спрашивается: что такое идея и образъ вещей? И отвѣтъ приводитъ къ той мысли, что идея всегда составляется чрезъ подражаніе истинѣ. Но изъ этого слѣдуетъ, что истинно существуетъ только то, что дѣйствительно есть, а что производится по подобію дѣйствительно существующаго, то имѣетъ въ себѣ сущность, какъ образъ истины, такъ что, надобно думать, и существуетъ и не существуетъ; если, то есть, того самаго, чего представляетъ оно подобіе и видъ, вовсе нѣтъ, то ему слѣдуетъ называться не существующимъ; а когда видъ его есть,—оно дѣйствительно существуетъ, потому что носитъ отображеніе сущаго. Затѣмъ, отсюда выводится заключеніе, что не существующему надобно приписывать не то, собственно такъ называемое, абсолютное несуществованіе, но какъ присутствіе, такъ и отсутствіе сущности. Положимъ, что софистъ, какъ выдумщикъ мечтательныхъ представленій, хочетъ обмануть насъ изображеніемъ выдуманнаго, какъ истиннаго, или представленіемъ существующаго, какъ не существующаго; спрашивается: возможно ли это?—Если будемъ имѣть въ виду абсолютно не существующее,—рѣшительно невозможно, потому что τὸ μὴ ὄν, какъ выше сказано, нельзя ни назвать, ни мыслить; стало быть, τὸ ὄν не можетъ держаться съ нимъ никакимъ общимъ союзомъ. Что же остается?—Элеецъ приходитъ къ убѣжденію, что мнѣніе Парменида о сущемъ надобно подвергнуть испытанію; не такъ ли, то есть, надобно думать, что существуетъ не только сущее, но надобно приписывать существованіе и не сущему.

[1] То есть, пользуясь возможностію давать словамъ такое употребленіе, какое позволяется искусствомъ фантастическимъ,—посредствомъ котораго рѣчь всегда можетъ принять противное направленіе.

[2] О такомъ значеніи слова νεανίας можно читать у Гейндорфа къ этому мѣсту, также у Маркланда ad Eur. Suppl. v. 580.

надъ твоими словами,—будто ты говоришь съ нимъ, какъ
240. съ зрячимъ,—и, притворившись, что не знаетъ ни зеркалъ, ни воды, ни даже зрѣнія, по поводу твоихъ словъ спроситъ тебя только объ одномъ.

Теэт. О чемъ?

Ин. О проходящемъ по всему этому [1], что̀, назвавъ многимъ, угодно было тебѣ означить однимъ именемъ,—произнесть «отображеніе», какъ одно во всемъ. И такъ, говори и защищайся, не уступая ни въ чемъ этому человѣку.

Теэт. Да чѣмъ же, наконецъ, назвали бы мы, иностранецъ, отображеніе, какъ не тѣмъ-то, что̀, уподобляясь истинному, есть нѣчто другое, таковое же?

Ин. А другое таковое называешь ли ты истиннымъ? или
B. почему, говоришь, оно таковое [2]?

Теэт. Истиннымъ-то отнюдь не называю, а подобнымъ.

Ин. Истинное не есть ли, скажешь, дѣйствительно существующее?

Теэт. Такъ.

Ин. Что же? не истинное не противно ли истинѣ?

---

[1] Иностранецъ очень искусно и тонко замѣчаетъ собесѣднику, что понятіе объ отображеніи надобно объяснять не примѣрами отдѣльныхъ вещей, а опредѣленіемъ цѣлаго рода его. Вѣдь софистъ-то, говоритъ, какъ великій хитрецъ, тотчасъ начнетъ извинять себя тѣмъ, что зрѣніе его тупо, и потому признаетъ нужнымъ, минуя частное, обратиться къ самому роду отображенія, въ которомъ заключаются всѣ частности. Этотъ-то родъ, скрывающій въ себѣ всю полноту отдѣльныхъ явленій, Платонъ называетъ τὸ διὰ πάντων τούτων,—выраженіе, которое употребляетъ онъ также Men. p. 74 A, Lachet. p. 192 B.

[2] Доказательство идетъ такъ: то, что называешь ты ἕτερον τοιοῦτον, не есть само ἀληθινόν, а ἐοικός τι; слѣдовательно, послѣднее отлично отъ перваго, то есть ἐναντίον ἀληθοῦς. Но τὸ ἐοικός,—какъ ἐναντίον τοῦ ἀληθινοῦ,—есть οὐκ ὄν. Не смотря однакожъ на то, τὸ ἐοικός дѣйствительно существуетъ, потому что оно есть εἰκὼν ὄντως. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя оно не истинно есть, однакожъ надобно полагать, что ему принадлежитъ по истинѣ бытіе. Этимъ элеецъ хочетъ сказать, что отрицаніе можетъ быть не только абсолютное, но и относительное, какое у Аристотеля называется στέρησις. Оно усматривается въ томъ, что вещь мы называемъ не такою, каково что либо другое; а говоря это, лишаемъ ее того или другаго свойства,—такъ однакожъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ приписываемъ ей сущность. И такъ, отрицаніе состоитъ въ недостаткѣ какихъ нибудь свойствъ, и однакожъ въ сохраненіи сущности; ибо изъ того, что вещь отлична отъ чего другаго, еще не слѣдуетъ, что она вовсе не существуетъ.

Теэт. Какъ же.

Ин. Стало быть, подобное, если оно-то, по твоимъ словамъ, не истинно, ты почитаешь не существующимъ; и однакожъ оно есть-таки.

Теэт. Какъ?

Ин. Не говоришь ли ты, что оно дѣйствительно есть?

Теэт. Совсѣмъ нѣтъ; говорю только, что оно—дѣйствительно образъ.

Ин. Стало быть, образъ не существуетъ дѣйствительно; но дѣйствительно *есть* то, что мы называемъ образомъ [1]?

Теэт. Должно быть; какъ-то такъ спуталось не существующее съ существующимъ,—и вышла путаница очень странная. C.

Ин. Какъ не странная! Ты видишь, по крайней мѣрѣ, что и теперь, чрезъ это превращеніе, многоголовый софистъ заставилъ насъ не существующее по неволѣ признать какъ-то существующимъ.

Теэт. И очень вижу.

Ин. Такъ что же? какъ опредѣлить его искусство, чтобы намъ быть въ состояніи согласиться съ самими собою?

Теэт. Почему и чего боишься ты, что такъ говоришь?

Ин. Когда онъ, полагаемъ, обманываетъ насъ своимъ фантомомъ, и когда искусство его—какое-то обманчивое: скажемъ ли, наша душа получила отъ его искусства ложное мнѣніе,—или что̀ будемъ говорить? D.

Теэт. Это. Ибо что иное могли бы мы сказать?

Ин. Ложное же мнѣніе опять будетъ то, которое мнитъ противное вещамъ существующимъ, или какъ?

Теэт. Противное.

---

[1] Эта мысль въ подлинникѣ выражена такъ: οὐκ ὂν ἄρα οὐκ ὄντως ἐστὶν ὄντως ἣν λέγομεν εἰκόνα. Рѣчь сжатая, которая правильно должна быть развита такъ: хотя образа дѣйствительно нѣтъ, хотя, то есть, онъ не истиненъ, однакожъ на самомъ дѣлѣ есть то, что мы называемъ отображеніемъ; ибо, какъ εἰκὼν, онъ по истинѣ существуетъ, только отличенъ отъ τῷ ἀληθινῷ.

Ин. Стало быть, ты говоришь, что ложное мнѣніе мнитъ не существующее?

Теэт. Необходимо.

E. *Ин.* Такъ ли оно мнитъ не существующее, что его нѣтъ, или—что отнюдь не существующее какъ-то есть?

Теэт. Не существующее должно-таки какъ-то быть, если кто когда нибудь хоть чуть-чуть обманывается.

Ин. Что же? мнитъ ли оно и всячески существующее, что его отнюдь нѣтъ?

Теэт. Да.

Ин. И это также ложь?

Теэт. И это.

Ин. И тѣмъ самымъ, думаю, и опредѣлится ложное сло-
241. во, что существующее называетъ оно не существующимъ, а не существующее—существующимъ?

Теэт. Да какъ-же бы иначе могло оно быть такимъ?

Ин. Почти никакъ;—хотя софистъ не скажетъ этого. А не то, какая была бы возможность допустить лживое слово кому нибудь изъ людей благомыслящихъ, когда то, что передъ этимъ положено, мы согласились признавать непроизносимымъ, невыразимымъ, безсловеснымъ и немыслимымъ?—Понимаемъ ли, Теэтетъ, чтò говоритъ онъ?

Теэт. Какъ не понять?—скажетъ, что мы говоримъ противное недавнишнему, осмѣлившись лживое слово полагать
B. въ мнѣніяхъ и выраженіяхъ. Вѣдь съ не существующимъ мы принуждены были часто соединять существующее, согласившись теперь же гдѣ-то, что это всего невозможнѣе.

Ин. Твое замѣчаніе правильно. Но пора намъ разсудить, чтò дѣлать относительно софиста. Ты видишь вѣдь, какъ легко и въ какомъ множествѣ возникаютъ возраженія и недоумѣнія, когда наше изслѣдованіе относитъ его, по искусству, въ разрядъ обманщиковъ и очарователей.

Теэт. И очень.

C. *Ин.* Мы разобрали вѣдь малую часть того, что, просто сказать, безпредѣльно.

Теэт. Невозможно, какъ видно, поймать софиста, если это такъ.

Ин. Что же теперь? явимся ли малодушными и отступимся?

Теэт. Этого-то, я полагаю, не должно быть, если мы хоть немного способны какъ нибудь ухватиться за нашъ предметъ.

Ин. Такъ позволишь ли, и, какъ теперь говорилъ, понравится ли тебѣ, если мы кое-какъ, хотя слегка, потягаемся съ этимъ сильнымъ доводомъ?

Теэт. Почему не позволить?

Ин. Но прошу тебя особенно вотъ о чемъ. D.

Теэт. О чемъ?

Ин. Не подумай, что я могу сдѣлаться какъ бы отцеубійцей.

Теэт. Что такое?

Ин. Защищая себя, мы будемъ поставлены въ необходимость испытывать ученіе отца нашего Парменида, и заставить его доказать, что не существующее почему-то есть, а существующаго, опять, какимъ-то образомъ нѣтъ.

Теэт. Представляется, что на это должны быть направлены наши пренія.

Ин. Да какъ не представлять этого, по пословицѣ, даже и слѣпому? Вѣдь пока это не будетъ ни обличено, ни при- E.
знано, едва ли кто найдетъ въ себѣ силы говорить о ложныхъ словахъ, или мнѣніи,—отображенія ли то окажутся, или образы, или подражанія, или фантомы ихъ, или занимающіяся ими искусства,—не дѣлаясь смѣшнымъ, отъ необходимости противорѣчить самому себѣ.

Теэт. Весьма справедливо.

Ин. Для этого именно надобно теперь осмѣлиться налечь 242.
на отцово ученіе,—либо уже вовсе оставить это, если удерживаетъ отъ того какая боязнь.

Теэт. Но насъ это-то никакъ не удержитъ.

Ин. Такъ я въ третій разъ попрошу тебя объ одной малости.

Теэт. Говори только.

Ин. Я недавно объявилъ уже, къ слову, что въ обличеніи такихъ положеній я всегда отчаявался, отчаяваюсь и теперь.

Теэт. Объявилъ.

Ин. Такъ боюсь, какъ бы чрезъ то, что будетъ сказано,
B. не показался я тебѣ неистовымъ, измѣнившись [1] тотчасъ весь, съ ногъ до головы. Вѣдь ради тебя только располагаемся мы обличить это ученіе, если обличимъ.

Теэт. Но такъ какъ, приступая къ такому обличенію и доказательству, ты, по моему мнѣнію, никакъ ни въ чемъ не погрѣшаешь, то смѣло иди къ этой-то цѣли.

Ин. Хорошо. Какое же начало будетъ всего приличнѣе для дерзкаго слова? Думаю, то, молодой человѣкъ, что мы направляемся на совершенно неизбѣжный путь [2].

Теэт. На какой?

Ин. Мы должны напередъ разсмотрѣть то, что кажется
C. намъ яснымъ, чтобы какъ нибудь не сбиваться въ этомъ отношеніи и не соглашаться легко другъ съ другомъ, какъ будто бы дѣло уже хорошо обсужено.

Теэт. Говори яснѣе, что̀ говоришь.

Ин. Легко [3], мнѣ кажется, обошелся съ дѣломъ Парменидъ, да и всякій, кто когда нибудь стремился къ сужденію, чтобы опредѣлить существующее, каково оно въ своемъ количествѣ и качествѣ.

---

[1] Элеецъ боится здѣсь показаться неистовымъ потому, что долженъ будетъ возстать противъ положеній собственной своей школы, во всей ихъ обширности, такъ что направленіе его рѣчи измѣнится совершенно, во всѣхъ частяхъ, отъ альфы до омеги, ἄνω καὶ κάτω.

[2] То есть, покажемъ, что, позволяя себѣ дерзость, вынуждаемся къ ней необходимостію.

[3] Легко,—т. е., наивно, простодушно, безъ надлежащей осмотрительности. Парменидъ осуждается здѣсь въ томъ, что природу существующаго опредѣлялъ различнымъ образомъ, и съ этимъ словомъ соединялъ то то̀, то другое значеніе. Подъ словомъ τὰ ὄντα иногда разумѣются у него начала видимыя, а иногда то, что не подлежитъ чувствамъ и постигается одною душою и умомъ. Да и опять, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ элейцы много разногласили между собою, потому что достаточно не изслѣдовали силы и природы того, что истинно существуетъ.

Теэт. Какимъ образомъ?

Ин. Мнѣ представляется, что намъ, будто дѣтямъ, разсказываютъ какую-то басню, когда одинъ говоритъ о трехъ сущностяхъ [1], которыя иногда какимъ-то образомъ бываютъ во враждѣ между собою, а потомъ приходятъ въ со- D. дружество, взаимно сочетаваются, раждаютъ, и своимъ порожденіямъ доставляютъ пищу; другой указываетъ двѣ [2] сущности,—влажную и сухую, или теплую и холодную, которыя приводитъ въ сожительство и супружество. Потомъ, наше элейское поколѣніе, начиная съ Ксенофана [3], да еще и прежде, развиваетъ ту басню, что такъ называемое «все» есть одно. А іонійскія и нѣкоторыя сицилійскія музы [4] впослѣд-

---

[1] Здѣсь разумѣются положенія нѣкоторыхъ іонійцевъ, которые принимали одну силу матеріи и прибавляли къ ней двѣ силы взаимно противоположныя, имѣющія способность соединять и раздѣлять (см. Tennemann, Hist. philos. p. 69 sq., ed. 1). Самый образъ Платоновыхъ выраженій указываетъ на существовавшія когда-то школы съ такими взглядами.

[2] Разумѣется ученикъ Анаксагора Архелай, который, по свидѣтельству Д. Лаэрція (II, 16), говорилъ δύο εἶναι αἰτίας γενέσεως, θερμὸν καὶ ψυχρόν. Впрочемъ, этого мнѣнія держались многіе, философствовавшіе о природѣ вещей міра видимаго (см. Isocrates, De Antidos. p. 118, ed. Orell.).

[3] Извѣстно, что Ксенофанъ почитался основателемъ элейской школы, которая учила, что все есть одно (см. Davis. Ad Ciceron. Academ. II, 37, Karsten. De Xenoph. p. 92 sqq.). Но здѣсь удивительно то, что это самое мнѣніе возводится еще къ болѣе глубокой древности,—καὶ ἔτι πρόσθεν. Надобно замѣтить, что у Платона дѣло обыкновенное—какія нибудь болѣе прославленныя и распространившіяся философскія мнѣнія возводить въ священную древность, что нерѣдко дѣлалъ также и Аристотель (Metaphys. XII, 8). Этимъ хотѣлъ онъ выразить ту мысль, что подобныя мнѣнія произошли не вдругъ, но своимъ корнемъ скрывались въ вѣкахъ отдаленныхъ, и что древность ихъ происхожденія поставляетъ ихъ въ связь даже съ оракулами боговъ. Phileb. p. 16 D: Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπων δόσις, ὥς γε καταφαίνεται ἐμοί, πόθεν ἐκ θεῶν ἐῤῥίφη διά τινος Προμηθέως ἅμα φανοτάτῳ τινὶ πυρὶ, καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδοσαν, ὡς ἐξ ἑνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν ἀεὶ λεγομένων εἶναι. Подобнымъ образомъ Theaet. p. 152 C. Сюда относятся и эти слова, Tim. p. 32 A: Πειστέον τοῖς ἔμπροσθεν εἰρηκόσιν, ἐκγόνοις δὲ θεῶν οὖσιν.

[4] Здѣсь разумѣются Гераклитъ эфесскій и Эмпедоклъ агригентинскій. Извѣстно, что Гераклитъ принималъ παλίντονον (натягиваемую въ обѣ стороны) ἁρμονίαν; такъ что, по его мнѣнію, διαφερόμενα ἀεὶ ξυμφέρεσθαι, ὥσπερ ἁρμονίαν τόξου τε καὶ λύρας (см. Plat. Sympos. p. 187 A. Aristot. Ethic. 8, 2; Phys. I, p. 58. D. Laërt. IX, 7). Поэтому музы Гераклита называются συντονώτεραι, или напряженными, настроенными: онъ представлялъ себѣ, что все происходитъ отъ непре-

ствіи сошлись въ томъ, что гораздо безопаснѣе сплетать
E. то и другое и говорить, что существующее есть многое и одно, связуется враждою и дружбою: потому что разногласящее всегда соглашается,—говорятъ напряженнѣйшія изъ музъ;—тѣ же, которыя понѣжнѣе, смягчаютъ мысль, будто это всегда такъ, и преемственно признаютъ все либо за одно,
243. сдруженное Афродитою, либо за многое, борющееся само съ собою, подъ вліяніемъ какой-то вражды. Все это вѣрно ли кто изъ нихъ говорилъ, или не вѣрно,—трудно рѣшить, и грѣшно такихъ высокославимыхъ древнихъ мужей въ томъ укорять, а лучше полагать безъ ненависти вотъ что.

Теэт. Что такое?

Ин. Насъ, толпу, они слишкомъ презирали и унижали;
B. ибо каждый изъ нихъ раскрывалъ свое, не заботясь о томъ, въ состояніи ли мы будемъ слѣдовать за ними, или отстанемъ.

Теэт. Какъ ты говоришь?

Ин. Когда кто изъ нихъ произноситъ свое мнѣніе, что есть, было или бываетъ либо многое, либо одно, либо два, что теплое опять растворяется холоднымъ, и предполагаетъ какія нибудь иныя раздѣленія и соединенія: изъ всего это-

---

станной напряженности стихій, какъ бы какихъ нибудь струнъ. А одно и многое Гераклитъ полагалъ, говорятъ, потому, что цѣлый универсъ почитая бытіемъ однимъ и согласнымъ съ собою, онъ думалъ однакожъ, что изъ того, что есть, и изъ того, чего нѣтъ, происходитъ вражда и борьба. Нѣсколько отлично отъ этого было мнѣніе Эмпедокла. Онъ тоже допускалъ одно и многое, такъ какъ принималъ четыре стихіи природы. Эти четыре стихіи вначалѣ составляли весь универсъ; но послѣ онѣ то были раздѣляемы, то снова примирялись: Дружба, дѣйствуя на соотвѣтствующія имъ силы природы, разрозненное сводила въ одно; а Вражда тѣмъ же способомъ одно приводила въ состояніе разрозненное. Его мнѣніе тѣмъ только отличалось отъ Гераклитова, что эту борьбу Вражды и Дружбы представлялъ онъ не одновременною, а думалъ такъ, что вотъ многое сливается въ одно, а потомъ одно распадается на многое (Vers. 89 sqq., ed. Karsten). И эта преемственность никогда не прекращается; Дружба и Вражда послѣдовательно смѣняютъ одна другую. Если же, по Эмпедоклу, все поддерживается въ дѣятельности борьбою Вражды и Дружбы, то явно, что гдѣ нѣтъ этой борьбы, тамъ музы становятся μαλαχώτεραι,—и такихъ-то музъ, принимавшихъ либо только одно, либо только многое, Платонъ называетъ сицилійскими. Это мѣсто хорошо объясняетъ Симплицій (Ad Phys. Aristot. I, fol. 6 sqq.) и Petr. Petitus (Observ. II, 10).

го, разсказываемаго ими, чтò, ради боговъ, всякій разъ понимаешь ты, Теэтетъ? Вѣдь я-то, когда былъ молодъ, и когда кто, бывало, говорилъ про не существующее, о которомъ теперь недоумѣваю, думалъ, что до точности понимаю все; а въ настояще время, видишь, относительно этого C.
мы въ недоумѣніи.

Теэт. Вижу.

Ин. Такъ можетъ быть, не менѣе того увѣрены и мы въ душѣ въ разсужденіи существующаго,—понимаемъ это, говоримъ, и раздѣльно представляемъ, когда кто произноситъ,—а въ разсужденіи перваго—нѣтъ; хотя находимся въ одинаковомъ къ тому и другому отношеніи.

Теэт. Можетъ быть.

Ин. Такъ пусть то же самое будетъ сказано и о прочемъ, о чемъ сейчасъ упомянули мы.

Теэт. Конечно.

Ин. Но относительно многаго сдѣлаемъ изслѣдованіе и послѣ, если покажется; а теперь сперва изслѣдуемъ величай- D.
шее и главнѣйшее.

Теэт. О чемъ говоришь ты? Или явно, что прежде надобно, полагаешь, разсмотрѣть существующее, какъ понимали его тѣ, которые говорили о немъ?

Ин. Ты своею мыслію, Теэтетъ, идешь за мною по пятамъ. Вѣдь намъ, я говорю, должно дать такой оборотъ своей рѣчи, какъ будто бы они стояли предъ нами, а мы ихъ спрашиваемъ—такимъ образомъ: Ну-ка, вы [1],

[1] Элеецъ укоряетъ прежде тѣхъ, которые, хотя допускаютъ много стихій въ природѣ вещей, тѣмъ не менѣе однакожъ приписываютъ имъ τὸ εἶναι. Аргументація идетъ почти такъ. Что называемъ мы сущимъ, τὸ ὄν, то либо есть нѣчто отличное отъ находящихся въ борьбѣ вещественныхъ началъ, либо тожественно съ ними, либо, наконецъ, тожественно съ которымъ либо однимъ изъ нихъ. Если сущее отлично отъ обоихъ,—какъ скоро началъ предполагается два,—то начала явятся у насъ въ числѣ трехъ. Если, напримѣръ, возьмемъ теплое и холодное, то къ нимъ прибавится еще сущее. А когда будетъ признано существующимъ одно изъ многихъ,—одно, конечно, и будетъ существовать, другое же не будетъ, чтò было бы, очевидно, нелѣпо. Положимъ, наконецъ, и то, что существующее тожественно со всѣмъ: тогда выйдетъ, что начало всѣхъ вещей только одно, и это одно, τὸ ὄν, есть вмѣстѣ теплое и холодное.

которые все называете теплымъ и холоднымъ, или какими нибудь двумя подобными началами,—чтò это такое гла-
E. сите вы объ обоихъ, говоря, что есть оба они и каждое? Какъ намъ понимать это ваше бытіе? Третье ли оно, кромѣ тѣхъ двухъ,—но тогда все, по вашему, мы будемъ полагать въ трехъ, а уже не въ двухъ? Или если, изъ двухъ, за существующее принимаете вы которое нибудь, то оба у васъ будутъ неравны; такъ что, въ томъ и другомъ случаѣ, выйдетъ одно, а не два.

Теэт. Ты правду говоришь.

Ин. Но существующимъ хотите вы называть оба?

Теэт. Можетъ быть.

244. *Ин*. Но, любезные, скажемъ мы: вѣдь такъ-то два яснѣйшимъ образомъ становятся однимъ.

Теэт. Ты сказалъ очень правильно.

Ин. Поэтому, въ виду нашего недоумѣнія, вы достаточно объясните намъ, чтò хотите означить, произнося «существующее». Вѣдь явно, что вамъ давно это извѣстно, а мы хотя донынѣ и думали, будто знаемъ, но теперь стали недоумѣвать. Такъ сперва научите насъ этому самому, чтобы намъ не питать мнѣнія, будто мы понимаемъ разсказы-
B. ваемое вами, тогда какъ выходитъ совсѣмъ противное. Говоря такъ, и требуя этого какъ отъ нихъ, такъ и отъ другихъ, которые утверждаютъ, что все заключаетъ въ себѣ больше одного,—согрѣшимъ ли мы, думаешь, молодой человѣкъ?

Теэт. Всего менѣе.

Ин. Что же? у тѣхъ, которые говорятъ, что все есть одно, не стòитъ ли, по возможности, вывѣдать, чтò называютъ они существующимъ?

Теэт. Какъ не стòитъ?

Ин. Пусть же отвѣчаютъ они вотъ на что. Одно признаете ли вы единственнымъ?—Признаемъ,—конечно, скажутъ они; не такъ ли?

Теэт. Да.

Ин. Что же? существующее называете вы чѣмъ нибудь?

Теэт. Да.

Ин. Но что̀ есть одно, въ отношеніи къ тому самому C.
двумя ли пользуетесь вы именами, или какъ?

Теэт. Да какой же послѣ сего возможенъ отвѣтъ, иностранецъ?

Ин. Явно, Теэтетъ, что предполагающему это, на настоящій его вопросъ и на какой бы то ни было иной, отвѣчать не такъ-то легко.

Теэт. А что?

Ин. Признать два имени [1] значило бы не иное что, какъ одно выставить на смѣхъ.

Теэт. Ка́къ не на смѣхъ.

Ин. Да и въ томъ-то совершенно согласиться съ говорящимъ, что есть имя, было бы чѣмъ-то неразумнымъ. D.

Теэт. Какимъ образомъ?

Ин. Кто положилъ имя, отличное отъ дѣла, тотъ говоритъ о двухъ.

Теэт. Да.

Ин. Но пусть бы даже положено было имя то же съ дѣломъ; и тогда необходимо было бы признать его именемъ ничего: а если скажутъ, что оно есть имя чего нибудь, то выйдетъ, что имя есть только имя имени, а не чего инаго.

Теэт. Такъ.

Ин. И что «одно»-то есть только одно одного, а не имени это одно.

---

[1] Говоря противъ элейцевъ, утверждающихъ, что сущее одно, иностранецъ разсуждаетъ такъ: Если одно, говоритъ, отъ сущаго не отлично, то, во первыхъ, смѣшно будетъ признать здѣсь два имени,—вмѣсто двухъ, очевидно, надобно принять одно. Потомъ сдѣлается удивительнымъ и то, что понадобится допустить существованіе имени, не имѣющаго никакого значенія. Вѣдь если положимъ, что имя отлично отъ вещи, то, конечно, будетъ положено два момента; а когда имя окажется тожественнымъ съ вещію, то оно или не будетъ именемъ какой бы то ни было вещи, или, какъ скоро и будетъ—какой нибудь,—будетъ только именемъ имени, а не иной вещи; и какъ одно одного есть только одно, то это одно будетъ не имени, т. е. одно будетъ относиться къ себѣ самому, а съ именемъ никакимъ образомъ не сроднится.

Теэт. Необходимо.

Ин. Что же? Цѣлое [1] отлично ли отъ дѣйствительно од-
E. ного, или признàютъ его за тожественное съ этимъ?

Теэт. Какъ не признáютъ? и признаютъ.

Ин. Такъ если есть цѣлое, какъ говоритъ и Парменидъ [2]:

Видъ его массѣ правильной сферы отвсюду подобенъ,
Равенъ отъ центра вездѣ онъ, затѣмъ, что нисколько не больше,
Какъ и не меньше идетъ туда и сюда, по закону,—

то, будучи таковымъ-то, существующее имѣетъ средину и оконечности; а имѣя это, оно, по всей необходимости, должно имѣть и части. Или какъ?

Теэт. Такъ.

Ин. Впрочемъ, разчлененному-то состоянію одного ничто не
245. мѣшаетъ во всѣхъ частяхъ удерживать одно, и такимъ образомъ всему и цѣлому быть однимъ.

Теэт. Почему не такъ.

Ин. Но если цѣлое таково, то не возможно ли, чтобы то-то самое было одно само въ себѣ [3]?

Теэт. Какъ?

Ин. Вѣдь истинное-то одно, по правильному мышленію, должно называться совершенно безчастнымъ.

Теэт. Конечно, должно.

Ин. А когда оно таково-то,—одно, состоящее изъ мно-
B. гихъ частей, не будетъ согласно съ этимъ положеніемъ.

Теэт. Понимаю.

Ин. Такъ существующее, находясь въ состояніи одного, будетъ ли теперь одно и цѣлое? или существующаго мы вовсе не назовемъ цѣлымъ?

---

[1] Приводится другое доказательство, почему элейскаго положенія объ одномъ сущемъ одобрить нельзя. То свое «одно», называемое сущимъ, элейцы вмѣстѣ представляютъ, какъ цѣлое. Поэтому Парменидъ своему одному приписалъ сферическую фигуру. Но изъ этого слѣдуетъ, что его одно дѣлится и состоитъ изъ частей. Если же такъ, то оно уже не можетъ быть однимъ,—хотя можетъ πάθος ἔχειν τοῦ ἑνός, такъ какъ части, взятыя вмѣстѣ, составляютъ одно.

[2] Эти стихи Парменида читаются у Карстена (Parmenid. Reliqq. p. 182 sqq.).

[3] То есть: не возможно ли, чтобы «одно» было абсолютное?

Теэт. Трудный предлагаешь вопросъ!

Ин. И ты говоришь сущую правду. Вѣдь существующее, находясь въ такомъ состояніи, что оно есть какъ-то одно, представляется не тожественнымъ одному, и все будетъ уже болѣе [1] одного.

Теэт. Да.

Ин. Но если существующее будетъ [2] не цѣлое, оттого, что приведено въ это состояніе однимъ, и если цѣлое существуетъ само по себѣ, то слѣдуетъ, что существующему не достаетъ себя самого. C.

Теэт. Конечно.

Ин. А поэтому-то, лишившись самого себя, существующее будетъ не существующее.

Теэт. Такъ.

Ин. И «все», опять, бываетъ больше одного-то, какъ скоро существующее и цѣлое, то и другое отдѣльно, получили собственную природу.

Теэт. Да.

Ин. А когда цѣлое-то вовсе не существуетъ, то же выходитъ и съ существующимъ: оно не только не существуетъ, D. но и никогда не бываетъ.

Теэт. Почему же?

Ин. Бывающее всегда было цѣлымъ; такъ что нельзя наименовать ни сущности, ни рожденія, какъ сущаго, не полагая въ существующемъ цѣлаго.

Теэт. Это, безъ сомнѣнія, выходитъ такъ.

Ин. Даже и количественно нельзя существовать чему ни-

---

[1] Явно, что существующему, въ такомъ случаѣ, одно какъ бы придается; слѣдовательно, первое больше послѣдняго.

[2] Свою аргументацію иностранецъ заключаетъ такъ: τὸ ὄν не есть ὅλον случайно, потому что относится къ одному абсолютному. Между тѣмъ τὸ ὅλον представляется само по себѣ отдѣльно, и то, что существуетъ, лишается въ немъ себя самого; потому что, какъ скоро τὸ ὅλον αὐτό полагается внѣ существующаго, существующее не можетъ быть цѣлое, и то, что существуетъ, будетъ тѣмъ, что не существуетъ.

будь, не будучи цѣлымъ; ибо, при какомъ либо количествѣ, *насколько* оно есть, *настолько* необходимо быть ему цѣлымъ.

Теэт. Совершенно такъ.

E. *Ин*. Да тому, кто полагаетъ существующее либо въ двухъ, либо только въ одномъ, откроется, что и иное весьма многое возбуждаетъ безконечныя недоумѣнія.

Теэт. Это почти явно и изъ того, что̀ теперь уже проглядываетъ: вѣдь одно ведетъ за собой другое, и только больше и труднѣе насъ запутываетъ въ отношеніи къ тому, о чемъ мы все говорили.

Ин. Изъ тѣхъ, которые входятъ въ тонкія изслѣдованія относительно существующаго и не существующаго, мы разсмотрѣли, конечно, не всѣхъ,—но этого достаточно; теперь надобно обратить вниманіе [1] на говорящихъ иначе, чтобы узнать отъ тѣхъ и другихъ, что нисколько не легче не су-
246. ществующаго высказать существующее, что̀ такое оно.

Теэт. Да, слѣдуетъ направиться и къ этимъ.

Ин. А у нихъ-то, судя по возраженіямъ съ той и другой стороны касательно сущности, происходитъ какъ будто борьба гигантовъ.

Теэт. Какъ такъ?

Ин. Одни съ неба и изъ міра невидимаго все влекутъ на землю, обнимая руками просто камни и дубы [2]; потому что, хватаясь за все подобное, они утверждаютъ, что только то существуетъ, что приражается и подлежитъ какому либо

---

[1] Здѣсь разумѣются тѣ философы, которые изслѣдывали τὸ ὄν или τὰ ὄντα и старались опредѣлить начала вещей. Въ числѣ этихъ философовъ приходятъ иностранцу на мысль іонійцы, элейцы, Гераклитъ, Эмпедоклъ. Имѣетъ онъ въ виду и другихъ, которые тонко изслѣдовали вопросъ о не существующемъ и объ отношеніи между существующимъ и не существующимъ: къ этому ряду мыслителей относились элейцы и мегарцы. Но были еще и такіе, которые утверждали, что не существующаго и мыслить невозможно: сюда относились Горгіасъ, Протагоръ, Антисѳенъ и др. Этихъ-то послѣднихъ, говоритъ, разсмотрѣлъ онъ не всѣхъ, и говоритъ весьма справедливо.

[2] Философъ картинно изображаетъ и тонко осмѣиваетъ здѣсь, кромѣ современныхъ атомистовъ, по видимому, особенно Аристиппа, что̀ хорошо объясняетъ и Шлейермахеръ (Prooem. ad Sophist. p. 135 et Theaet. p. 183).

осязанію, такъ какъ тѣло и сущность принимаютъ за одно B.
и то же; а когда кто говоритъ объ иномъ, что вотъ это не имѣетъ тѣла,—такую рѣчь они презираютъ, и не хотятъ ничего другаго слушать.

Теэт. Ты сказалъ объ ужасныхъ людяхъ; вѣдь и я встрѣчалъ уже много такихъ.

Ин. Потому-то возражающіе противъ нихъ защищаются [1] весьма ловко, утверждаясь на основаніяхъ высшихъ, заимствуемыхъ изъ міра невидимаго, и доказывая, что истинную сущность составляютъ нѣкоторые виды мысленные и безтѣлесные. А тѣла ихъ и такъ называемую ими истину, словесно раздробляя на малыя части, называютъ, вмѣсто сущ- C.
ности, какимъ-то движущимся рожденіемъ. Въ срединѣ же, между этими обѣими противоположностями, Теэтетъ, всегда происходитъ нѣкоторая грозная борьба.

Теэт. Правда.

Ин. Такъ мы отъ обоихъ этихъ родовъ порознь потребуемъ отчета, въ чемъ поставляютъ они сущность.

Теэт. Какимъ же образомъ потребуемъ?

Ин. Отъ тѣхъ, которые поставляютъ ее въ видахъ—легче, потому что они кротче; а отъ тѣхъ, которые все насильно

---

[1] Шлейермахеръ очень правдоподобно догадывается, что здѣсь указывается на первыхъ учителей мегарской школы (см. Prooem. ad Sophist. p. 134 sqq). Догадку свою онъ утверждаетъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ, поставляетъ на видъ то, что хотя это ученіе о различіи οὐσίας и γενέσεως принадлежитъ Пармениду, однакожъ оно приписывается и нѣкоторымъ другимъ философамъ, которыхъ Платонъ, послѣ оцѣнки положеній Парменидовыхъ, уже легче касается своею критикою; во вторыхъ, замѣчаетъ, что мегарцы, кромѣ діалектики, заимствовали у элейцевъ и многое другое, напр., взяли кое-что и изъ ученія ихъ о сущемъ. Къ этому Шлейермахеръ прибавляетъ, что настоящая мысль оправдывается и самою войною иностранца противъ Аристиппа и послѣдователей Демокрита. Важнѣйшее же—то, о чемъ говорится ниже (р. 248 С—Е и 249 С). Это ученіе мы не колеблясь приписываемъ мегарцамъ, которые, выходя изъ Парменидова положенія о сущемъ, утверждали, что идеи суть нѣкоторыя отдѣльныя формы и виды, и почитали ихъ формами закоснѣвшими, неподвижными, не принимающими никакого общенія и измѣненія, чтобы, то есть, не потерялось въ нихъ постоянство и вѣчность сущности (см. Aristot. Metaphys. XIV, 4; сравн. D. Laërt. II, 106).

D. влекутъ къ тѣлу,—труднѣе, пожалуй даже и невозможно. Но, мнѣ кажется, въ отношеніи къ нимъ надобно поступить такъ.

Теэт. Какъ?

Ин. Больше всего, если это какимъ нибудь образомъ возможно, сдѣлать ихъ лучшими самымъ дѣломъ; а когда это не выполнимо,—сдѣлаемъ словомъ, располагая ихъ отвѣчать законнѣе, чѣмъ какъ хотятъ они теперь; потому что признанное лучшими тверже того, что—худшими. Впрочемъ, мы не о нихъ заботимся, а ищемъ истины.

E. *Теэт*. Весьма правильно.

Ин. Заставь же отвѣчать тебѣ тѣхъ, которые сдѣлались лучшими, и истолковывай слова ихъ.

Теэт. Такъ и будетъ.

Ин. Когда говорятъ о смертномъ животномъ,—полагаютъ ли что нибудь?

Теэт. Какъ не полагать!

Ин. Не признаютъ ли его одушевленнымъ тѣломъ?

Теэт. Конечно.

Ин. Почитая душу чѣмъ-то существующимъ?

247. *Теэт*. Да.

Ин. Что же? не говорятъ ли, что одна душа справедлива, другая не справедлива, одна разумна, другая не разумна?

Теэт. Какъ же.

Ин. А не чрезъ имѣніе ли въ себѣ и присутствіе справедливости каждая изъ нихъ становится такою, равно какъ чрезъ имѣніе и присутствіе противнаго—противною?

Теэт. Да, и это подтверждаютъ.

Ин. Но возможность-то быть и не быть съ кѣмъ—непремѣнно, скажутъ, есть что нибудь?

B. *Теэт*. Да и говорятъ.

Ин. Когда же есть справедливость, разумность и иныя добродѣтели, равно какъ противное имъ; когда есть также и душа, въ которой онѣ находятся,—видимымъ ли и осязаемымъ признаютъ что либо изъ этого, или невидимымъ?

Теэт. Изъ этого-то нѣтъ почти ничего видимаго.

Ин. Что же? изъ такихъ предметовъ который нибудь имѣетъ ли, говорятъ, тѣло?

Теэт. На все это отвѣчаютъ они не то же: что касается души, то имъ кажется, что душа получила тѣло; а на счетъ разумности и каждаго иного предмета изъ тѣхъ, о которыхъ ты спрашивалъ, они стыдятся быть такъ дерзкими, чтобы согласиться, будто ничего этого нѣтъ, или утверж- C.
дать, будто все это тѣла̀.

Ин. Ясно для насъ, Теэтетъ, что эти люди стали лучшими: но ихъ посѣянцы[1] и туземцы хотя не находятъ въ нихъ ни одной души, которой могли бы стыдиться, однакожъ настаиваютъ, что все, чего не могутъ они сдавить руками, того, стало быть, вовсе нѣтъ.

Теэт. Ты говоришь почти такъ, какъ они думаютъ.

Ин. Будемъ же снова спрашивать ихъ. Вѣдь если они захотятъ хоть малое что нибудь въ существующемъ признать безтѣлеснымъ,—довольно для насъ; потому что тогда D.
имъ надобно будетъ говорить какъ объ этомъ, такъ и о вещахъ по природѣ тѣлесныхъ, на что̀ смотря, тѣ и другія называютъ они бытіемъ. Авось, можетъ быть, придутъ они въ затрудненіе: если же будутъ испытывать что нибудь такое, смотри,—когда мы начнемъ настаивать,—захотятъ ли они допустить и согласиться, что существующее таково.

Теэт. Что же это такое? Говори,—авось узнаемъ.

Ин. Вотъ и говорю: пусть что бы то ни было естественно имѣетъ силу хоть однажды только или сдѣлать что нибудь другое, или пострадать хоть чуть-чуть отъ малѣйшей E.
причины,—тогда все это дѣйствительно есть;—такое полагаю

---

[1] П о с ѣ я н ц ы, σπαρτοί,—люди, родившіеся или выросшіе изъ земли, души земнородныя, не имѣющія ничего общаго съ душами τοῖς ἄνωθεν καὶ ἀοράτοις. Извѣстенъ древній миѳъ, что спартанцы, Σπαρτοί, союзники Кадма, посѣяны имъ и рождены изъ земли (P a u s a n. IX, 5; Schol. ad A p o l l o n. R h o d. III, v. 1178—1185; A p o l l o d. III, 4).

я опредѣленіе существующаго,—что оно есть не иное что, какъ сила.

Теэт. И если они-то въ настоящую минуту не въ состояніи будутъ сказать лучше этого, то допустятъ твое положеніе.

Ин. Хорошо; можетъ быть, впослѣдствіи-то и намъ и имъ
248. представится иное. Но противъ этихъ пусть стоитъ у насъ здѣсь признаннымъ это.

Теэт. Стоитъ.

Ин. Теперь обратимся къ другимъ,—къ любителямъ видовъ,—и ты передавай намъ также отвѣты ихъ.

Теэт. Буду.

Ин. Рожденіе и сущность почитаете вы отдѣльнымъ одно отъ другаго? Не такъ ли?

Теэт. Да.

Ин. И съ тѣломъ, какъ съ рожденіемъ, приходимъ мы въ общеніе чрезъ чувство, а съ душою, какъ съ дѣйствительною сущностію,—чрезъ мышленіе; и эта сущность, говорите, всегда тожественна и равна самой себѣ, а рожденіе не
B. таково и бываетъ иначе?

Теэт. Да, говоримъ.

Ин. Но приходить въ общеніе,—что̀ такое вы, почтеннѣйшіе изъ всѣхъ люди, понимаете подъ этимъ, скажемъ, въ томъ и другомъ случаѣ? Не то ли, что теперь же нами объявлено?

Теэт. Что такое?

Ин. Страданіе или дѣйствіе, происходящее отъ силы тѣхъ вещей, которыя встрѣчаются между собою. Отвѣтъ ихъ на это ты, Теэтетъ, едва ли услышишь, а я, по короткости съ ними, можетъ быть, слышу.

Теэт. Что же отвѣчаютъ они?

Ин. Не соглашаются съ нами въ томъ, что̀ относительно
C. сущности теперь же сказано земнороднымъ.

Теэт. Что сказано?

Ин. Мы положили, что опредѣленіе существующаго до-

статочно, когда въ представляющемся чемъ либо есть хоть чуть способность страдать и дѣйствовать?

Теэт. Да.

Ин. Но противъ этого говорятъ они, что рожденію, конечно, причастна сила страданія и дѣйствованія, а сущности ихъ, полагаютъ, нельзя приписать силу ни того, ни другаго.

Теэт. Однакожъ называютъ ее чѣмъ нибудь?

Ин. На это-то надобно намъ сказать, что мы имѣемъ еще нужду получить отъ нихъ яснѣйшее увѣреніе, соглашаются D.
ли они, что душа познаетъ, а сущность бываетъ познаваема.

Теэт. Это-то они полагаютъ.

Ин. Что же? познавать или быть познаваемымъ—дѣйствіемъ ли называете вы, или страданіемъ, или тѣмъ и другимъ? или одно страданіемъ, а другое дѣйствіемъ? или, по вашему, никоторое не причастно никотораго изъ нихъ?

Теэт. Явно, что никоторое никотораго; потому что говорили бы противное прежнему.

Ин. Понимаю: говорили бы, то есть, что познавать—будетъ значить дѣлать что нибудь, а быть познаваемымъ—не- E.
обходимо опять выйдетъ—страдать; такъ сущность поэтому, насколько познавалась бы отъ знанія, настолько двигалась бы къ страданію; чего съ постояннымъ, говорили мы, не бываетъ.

Теэт. Правильно.

Ин. Что же теперь, ради Зевса?—легко ли убѣдить насъ, что совершенно существующему не принадлежатъ по истинѣ ни движеніе, ни жизнь, ни душа, ни разумность,—что оно и не живетъ, и не мыслитъ, но, не имѣя благоговѣйно 249.
чтимаго, святаго ума, стоитъ неподвижно [1]?

---

[1] Здѣсь иностранецъ считаетъ невѣроятнымъ, что идеи суть закоснѣвшія, неизмѣняемыя, неподвижныя сущности. Если онѣ бываютъ, говоритъ, предметомъ какого нибудь познаванія, то должны находиться подъ впечатлѣніями; ибо что познается, то познаніемъ необходимо движется и впечатлѣвается. Да и невѣроятно, чтобы въ томъ, что совершенно существуетъ, не было вовсе ни движенія, ни жизни, ни смысла, ни разумѣнія. Этимъ разсужденіемъ объ идеѣ Платонъ

Теэт. Мы согласились бы, иностранецъ, на ужасное положеніе.

Ин. Развѣ скажемъ, что умъ-то оно имѣетъ, а жизни—нѣтъ?

Теэт. Да какъ же это?

Ин. Или припишемъ ему то и другое, только не въ душѣ, скажемъ, имѣетъ оно эти свойства?

Теэт. Да какимъ же другимъ способомъ могло бы оно имѣть ихъ?

Ин. Или пусть будетъ въ немъ и умъ, и жизнь, и душа,—только, будучи воодушевленнымъ, стояло бы оно совершенно неподвижно?

B. *Теэт.* Все это представляется мнѣ несообразнымъ.

Ин. Такъ надобно допустить, что существующее есть и движимое и движеніе.

Теэт. Какъ не допустить!

Ин. Притомъ выходитъ, Теэтетъ, что если существующее неподвижно, то никому, нигдѣ и ни о чемъ нельзя имѣть понятія.

Теэт. Совершенно справедливо.

Ин. И однакожъ если допустимъ опять, что все идетъ и движется, то и на такомъ основаніи тожественное это исключимъ изъ существующаго.

Теэт. Какъ?

Ин. Тожественное, само себѣ равное и находящееся въ

C. томъ же отношеніи, можетъ ли когда быть, думаешь, безъ стоянія?

Теэт. Никакъ.

Ин. Что же? усматриваешь ли хоть гдѣ нибудь существующій или бывающій умъ безъ этихъ условій?

Теэт. Всего менѣе.

Ин. И въ самомъ дѣлѣ, противъ того-то надобно вступать

явно предрасполагаетъ читателя къ собственному своему взгляду на идею. Вѣдь и этотъ философъ, почитая идеи вѣчными мыслями Божества, выразившимися въ истинности вещей, конечно, усвоялъ имъ силу и нѣкоторую устойчивость.

въ борьбу со всею силою слова, кто, изгоняя знаніе, мышленіе и умъ, утверждаетъ однакожъ что нибудь какъ нибудь.

Теэт. И очень.

Ин. Такъ философу, и особенно уважающему все это, крайне, какъ видно, необходимо не принимать поэтому ученія D.
тѣхъ, которые, поставляя все или въ одномъ, или во многихъ видахъ [1], полагаютъ, что оно стоитъ, а тѣхъ, опять, вовсе и не слушать, которые существующему приписываютъ повсюдное движеніе,—но, подражая желанію дѣтей, простирающемуся на недвижимое и движимое, почитать существующее и все причастнымъ тому и другому.

Теэт. Весьма справедливо.

Ин. Такъ что жъ? Не довольно ли уже, по видимому, очертили мы своимъ словомъ существующее?

Теэт. Конечно.

Ин. Худо же, стало быть, Теэтетъ! Мнѣ кажется, узнали мы теперь трудность изслѣдованія этого предмета. E.

Теэт. Какъ это, опять? Что такое сказалъ ты?

Ин. Ахъ, почтеннѣйшій! развѣ не домыслишь, что мы теперь находимся относительно его въ большомъ невѣдѣніи, а между тѣмъ представляемъ сами про себя, будто что-то говоримъ.

Теэт. Такъ, по крайней мѣрѣ, я. Но какимъ образомъ опять утаилось наше заблужденіе,—я не очень понимаю.

Ин. Разсмотри же яснѣе. Если мы соглашаемся въ этомъ, то не справедливо ли могутъ сдѣлать намъ тотъ самый во- 250.
просъ, который мы предложили тогда говорящимъ, что все есть теплое и холодное.

---

[1] Τὸ ἓν неподвижнымъ почиталъ Парменидъ и его послѣдователи; τὰ πολλὰ εἴδη неподвижными признавали мегарцы. Тѣхъ и другихъ Платонъ не одобряетъ; а тѣхъ, говоритъ, и слушать не слѣдуетъ, которые все приводятъ въ движеніе, какъ, наприм., гераклитяне. Истина, по Платону, стоитъ въ срединѣ, ибо тому, что существуетъ, необходимо должно принадлежать какъ постоянство и вѣчность его природы, такъ равно движеніе и разнообразіе.

Теэт. Что такое? Напомни мнѣ.

Ин. Непремѣнно; и сдѣлать-то это постараюсь, спрашивая тебя, какъ тогда ихъ,—чтобы намъ вмѣстѣ подвинуться сколько нибудь впередъ.

Теэт. Правильно.

Ин. Пускай же; движеніе и стояніе не называешь ли ты явленіями самыми противными одно другому?

Теэт. Какъ не называть.

Ин. И полагаешь, что какъ оба эти явленія, такъ и каждое отдѣльно, равно существуютъ?

B. *Теэт*. Да, полагаю.

Ин. А когда допускаешь ихъ существованіе,—говоришь ли, что оба они и каждое отдѣльно движутся?

Теэт. Никакъ.

Ин. Но, говоря, что оба они существуютъ, означаешь этимъ ихъ стояніе?

Теэт. Какъ можно!

Ин. Стало быть, существующее ты называешь тѣмъ и другимъ, такъ что полагаешь его душѣ, какъ что-то кромѣ этого третіе,—что, то есть, оно обнимаетъ собою и стояніе, и движеніе: ты берешь ихъ вмѣстѣ, и смотришь на общеніе ихъ сущности?

C. *Теэт*. Должно быть, въ существующемъ угадываемъ дѣйствительно что-то третіе, когда приписываемъ ему движеніе и стояніе.

Ин. Стало быть, существующее не есть движеніе и стояніе—оба вмѣстѣ, а что-то отличное отъ нихъ.

Теэт. Походитъ.

Ин. Слѣдовательно, существующее, по своей природѣ, и не стоитъ, и не движется.

Теэт. Близко къ тому.

Ин. Куда же еще долженъ направить свою мысль тотъ, кто хочетъ относительно его установить въ себѣ что нибудь ясное?

Теэт. А куда?

Ин. Думаю, легче всего—никуда. Вѣдь если что не движется, то какъ тому не стоять? А что̀ отнюдь не стоитъ, какъ, опять, тому не двигаться? Между тѣмъ существующее положено у насъ теперь внѣ обоихъ этихъ состояній. Такъ возможно ли это? D.

Теэт. Всего невозможнѣе.

Ин. При этомъ справедливо вспомнить вотъ что.

Теэт. Что такое?

Ин. То, что, когда спросили насъ о не существующемъ,—къ чему надобно прилагать это имя,—мы пришли въ крайнее недоумѣніе. Помнишь?

Теэт. Какъ не помнить.

Ин. Такъ въ меньшемъ ли какомъ недоумѣніи мы находимся теперь относительно сущаго? E.

Теэт. По мнѣ-то, иностранецъ, если можно сказать, мы, кажется, въ большемъ.

Ин. Пускай же здѣсь лежитъ наше недоумѣніе. Но такъ какъ и существующее и не существующее равно сопровождаются недоумѣніемъ, то теперь есть уже надежда, что, какъ скоро одно изъ нихъ прояснилось болѣе или менѣе, и другое получитъ столько же ясности. А если опять не будетъ у 251.
насъ силы узнать ни то, ни другое, то будемъ, по крайней мѣрѣ, сколько можно благоприличнѣе продолжать свое разсужденіе объ обоихъ вмѣстѣ.

Теэт. Хорошо.

Ин. Скажемъ теперь, какимъ образомъ мы то же самое называемъ многими именами.

Теэт. Что такое? Скажи примѣръ.

Ин. Да напримѣръ, говоря о человѣкѣ, ты именуемъ нѣчто многое: приписываемъ ему и цвѣта̀, и формы, и величины, и пороки, и добродѣтели; во всемъ этомъ и въ другихъ многочисленныхъ свойствахъ онъ, говоримъ, не только человѣкъ, но и добрый, такой-сякой,—до безконечности. Такимъ же образомъ и о прочихъ вещахъ: предполагая одно B.

недѣлимое, мы опять находимъ въ немъ многое, и называемъ его многими именами.

Теэт. Ты правду говоришь.

Ин. Отсюда-то, думаю, приготовили мы пиръ и юношамъ, и запоздалымъ [1] въ наукѣ старикамъ. Вѣдь всякому подручно ухватиться за ту мысль, что многому нельзя быть однимъ, а одному—многимъ; и вотъ они рады не позволять
C. человѣка называть добрымъ, а только добро добромъ, человѣка человѣкомъ. Ты, конечно, нерѣдко встрѣчался, думаю, Теэтетъ, съ людьми, серьезно державшимися такого мнѣнія, и между ними иногда бывали старики, которые, по скудости мышленія, удивлялись такимъ представленіямъ и даже полагали, что это самое было какимъ-то мудрымъ открытіемъ.

Теэт. Конечно.

Ин. Такъ чтобы разсужденіе наше относилось ко всѣмъ, которые когда нибудь и что нибудь говорили о сущности, пусть теперь имѣющіе быть предложенными вопросы на-
D. правлены будутъ и къ этимъ, и къ другимъ, съ которыми мы разговаривали прежде.

Теэт. Какіе же вопросы?

Ин. Такъ ли будетъ, что ни сущности [2] не припишемъ

---

[1] Во времена Платона были и такіе мыслители, которые каждой вещи приписывали свою исключительную особенность и совершенно отвергали всякую связь подлежащаго со сказуемымъ. Они соглашались, напр., человѣка называть человѣкомъ, но называть его большимъ или малымъ, добрымъ или злымъ не хотѣли. Къ такимъ мыслителямъ надобно относить, конечно, софистовъ Протагора и Горгіаса и ихъ послѣдователей, въ числѣ которыхъ наиболѣе замѣтенъ былъ съ этой стороны ученикъ Горгіаса Антисѳенъ. Особенно же рѣчь намекаетъ здѣсь на Эвтидема и Діонисіодора, сколько можно догадываться по слову ὀφιμαθεῖς, которымъ эти самые, запоздалые или не доучившіеся, умники характеризуются въ Платоновомъ Эвтидемѣ (p. 272 B). Можно, впрочемъ, разумѣть здѣсь и мегарцевъ, которые тоже усвоили себѣ это ученіе. Что касается слова ὀφιμαθεῖς, то оно въ выраженіи Платона заключаетъ и черту нравственную; потому что νέοι (юноши) употребляется, какъ извѣстно, въ значеніи людей дерзкихъ и нахальныхъ, а ὀφιμαθεῖς суть люди вздорчивые и бранчивые. Cicero, Ad divers. IX, 20: ὀφιμαθεῖς autem homines scis quam insolentes sint.

[2] Иностранецъ показываетъ, что возможны три отношенія, которыми соединяются между собою вещи и ихъ свойства. Онъ полагаетъ, что или вовсе не-

мы движенію и стоянію, ни инаго иному,—ничего ничему,— но положимъ въ своихъ рѣчахъ, что вещи существующія не смѣшиваются и не могутъ принимать ничего однѣ отъ другихъ? Или все сведемъ къ тому же, какъ предметы, могущіе имѣть взаимное общеніе? Или, наконецъ, одни таковы, а другіе нѣтъ? Изъ этого чтò предпочтутъ они, спросили бы Е.
мы, Теэтетъ?

Теэт. За нихъ я не могу ничего сказать на это. Почему бы самому тебѣ, отвѣчая на каждый вопросъ порознь, не разсмотрѣть, чтò изъ каждаго слѣдуетъ?

Ин. Ты хорошо говоришь. Положимъ же въ самомъ дѣлѣ, если хочешь, что первая ихъ мысль такова: ничто не имѣетъ способности общенія ни съ чѣмъ и ни въ чемъ. Движеніе и стояніе поэтому не будутъ никакъ сообщаться съ сущностію?

Теэт. Да, никакъ. 252.

Ин. Что же? Не сообщаясь съ сущностію, будетъ ли то или другое изъ нихъ?

Теэт. Не будетъ.

Ин. Но чрезъ такое-то согласіе скоро, какъ видно, все придетъ въ возмущеніе—и у тѣхъ, которые движутъ вселенную, и у тѣхъ, которые заставляютъ ее стоять, какъ одно, и у тѣхъ, которые говорятъ, что существующее удерживаетъ природу тожественныхъ и равныхъ себѣ видовъ навсегда; потому что всѣ эти бытіе-то берутъ въ расчетъ, разумѣя— одни дѣйствительно движущееся, а другіе дѣйствительно стоящее.

Теэт. Совершенно справедливо.

возможно, чтобы тотъ же субъектъ имѣлъ много различныхъ свойствъ,—чтобы, то есть, на основаніи Платона, одна и та же вещь сложена была по подобію многихъ и различныхъ идей; или возможно, чтобы все, что есть, было свойствами, принадлежащими вмѣстѣ тому же субъекту; или, наконецъ, возможно, чтобы тому же субъекту принадлежали нѣкоторыя свойства, а другія не принадлежали. Первыя два положенія, по мнѣнію философа, надобно отвергнуть, и одобрить только послѣднее, чтò онъ далѣе и доказываетъ.

B. *Ин*. Даже и тѣ, которые все либо слагаютъ, либо раздѣляютъ, то приводя въ одно, и изъ одного выводя стихіи безпредѣльныя, то въ стихіяхъ различая предѣлъ, и изъ нихъ производя сложное,—все равно, преемственно ли это бываетъ, по ихъ мнѣнію, или совершается всегда,—во всѣхъ этихъ случаяхъ они не говорили бы ничего, если нѣтъ никакого смѣшенія.

Теэт. Правильно.

Ин. Да и тѣ смѣшнѣе всего относились бы къ дѣлу, которые никакъ не хотятъ допустить, что одно получаетъ названіе отъ пріобщившагося ему своимъ свойствомъ другаго.

C. *Теэт*. Какъ?

Ин. Такъ, что въ отношеніи ко всему они принуждены употреблять слова: *быть*, *особо*, *иные*, и множество другихъ, отъ которыхъ не имѣя силъ отдѣлаться и не вносить ихъ въ свою рѣчь, не нуждаются въ иныхъ обличителяхъ, но, по пословицѣ [1], врага и противника встрѣчаютъ дома, и ходятъ, какъ бы всегда нося въ себѣ страннаго провѣщателя Эврикла.

D. *Теэт*. То, что говоришь, очень правдоподобно и истинно.

Ин. Что же? допустимъ ли, что все имѣетъ способность находиться во взаимномъ общеніи?

Теэт. Это-то положеніе могъ бы опровергнуть и я.

---

[1] Выраженіе «домашній врагъ» имѣло у грековъ значеніе провербіальное и употреблялось тогда, когда кто самъ былъ причиною постигшаго его зла Здѣсь пословица эта примѣняется къ философамъ, которые въ своихъ умствованіяхъ спутываются собственными своими основоположеніями. Эвриклъ, по Схоліасту (Ad h. l.), былъ древній чревовѣщатель и представляетъ тѣхъ, которые сами себѣ предсказываютъ зло. Чревовѣщателемъ называется человѣкъ, предсказывающій чревомъ: такимъ, говоритъ Схоліастъ, нѣкоторые почитаютъ нынѣ Пиѳона, а по Софоклу, Пиѳонъ есть грудовѣщатель (στερνόμαντις). По другому объясненію, Эвриклъ носилъ въ своемъ чревѣ какого-то демона, который заставлялъ его предсказывать будущее. Поэтому и назывался онъ ἐγγαστρίμυθος. Предсказавъ однажды кому-то нѣчто непріятное, онъ погибъ бѣдственною смертію (Svidas, in v. Ἐγγαστρίμυθος et in v. Εὐρυκλῆς. Pollux, On. VII, 162. Plutarch. De defectu oracul. p. 313, ed. Hutten).

Ин. Чѣмъ?

Теэт. Тѣмъ, что и самое движеніе вовсе остановилось бы, и самое стояніе опять двигалось бы, если бы они присообщались одно къ другому. Между тѣмъ это-то,—движенію стоять и стоянію двигаться,—по крайней необходимости, невозможно.

Ин. Какъ не невозможно. Такъ остается только третіе.

Теэт. Да.

Ин. И точно, изъ этого необходимо-то что нибудь одно: Е.
смѣшиваться хочетъ или все, или ничто; или иное хочетъ, а другое нѣтъ.

Теэт. Какъ же иначе.

Ин. Но два-то первыхъ случая найдены невозможными.

Теэт. Да.

Ин. Стало быть, всякій желающій отвѣчать правильно изъ трехъ положитъ послѣднее.

Теэт. Совершенно вѣрно.

Ин. Если же одно хочетъ это дѣлать, другое не хочетъ,
то здѣсь будетъ то же, что бываетъ съ буквами; ибо и изъ 253.
нихъ однѣ не приходятъ во взаимное сочетаніе, а другія сочетаваются.

Теэт. Какъ же иначе.

Ин. Но гласныя-то, преимущественно предъ другими, чрезъ всѣ идутъ какъ бы связью; такъ что, безъ одной изъ нихъ, прочія не могутъ быть сочетаваемы между собою.

Теэт. И очень-таки.

Ин. Такъ вотъ всякій ли знаетъ, которыя съ которыми могутъ приходить въ общеніе, или намѣревающемуся дѣлать это удовлетворительно нужно искусство?

Теэт. Нужно искусство.

Ин. Какое?

Теэт. Грамматика.

Ин. Что же? не то ли самое относительно звуковъ острыхъ В.
и тяжелыхъ? И съ помощію искусства знающій, которые изъ нихъ смѣшиваются, которые нѣтъ, есть музыкантъ, а не знающій этого—не музыкантъ.

Теэт. Такъ.

Ин. Подобное этому найдемъ мы и по другимъ искусствамъ и безъискусственностямъ.

Теэт. Какъ не найти.

Ин. Что же? Такъ какъ мы согласились, что въ такомъ же смѣшеніи между собою находятся и роды, то не съ знаніемъ ли какимъ нибудь необходимо идти въ своихъ разсужденіяхъ тому, кто намѣренъ правильно показать, которые изъ родовъ съ которыми согласуются, и которые одинъ другаго не принимаютъ? Притомъ всею ли своею природою
C. они взаимно держатся, чтобы имѣть возможность смѣшиваться между собою? И опять, въ дѣленіяхъ,—чрезъ все ли цѣлое дѣйствуютъ другія причины дѣленія?

Теэт. Ка̀къ не требоваться знанію; можетъ быть, нужно даже и важнѣйшее.

Ин. Какое же такое назовемъ опять, Теэтетъ? Или,—ради Зевса̀,—не натолкнулись ли мы невзначай на знаніе людей свободныхъ, и ища софиста, не нашли ли, должно быть, сперва философа?

Теэт. Какъ ты говоришь?

D. *Ин*. Дѣлить предметъ на роды, и какъ того же вида не почитать другимъ, такъ и другаго—тѣмъ же,—не есть ли, скажемъ, дѣло знанія діалектическаго?

Теэт. Да, скажемъ.

Ин. Посему человѣкъ-то, способный дѣлать [1] это, до-

---

[1] Философъ опредѣляетъ четыре обязанности діалектика: во первыхъ, онъ долженъ видѣть, что однимъ родомъ объемлются многія части, изъ которыхъ каждая отдѣлена и какъ бы обособлена отъ прочихъ; во вторыхъ, ему надобно замѣчать, что тѣ взаимно обособленныя части извнѣ связаны однимъ родомъ, какъ бы общимъ союзомъ; въ третьихъ, онъ долженъ понять, что каждая часть чрезъ видовыя многія соединена съ однимъ; въ четвертыхъ, наконецъ, ему слѣдуетъ постигать своимъ чувствомъ, что многія части до нѣкоторой степени раздѣлены и обособлены. Это мѣсто не очень трудно для уразумѣнія. Здѣсь дѣло идетъ о сходствѣ и различіи понятій, которыхъ познаваніемъ съ этой стороны опредѣляется превосходство діалектика. Сходство понятій условливается первыми двумя положеніями: отъ діалектика требуется, то есть, чтобы онъ видѣлъ не только то, какое общее понятіе господствуетъ въ отдѣльныхъ, взаимно различ-

статочно различаетъ, во первыхъ, одну идею, распростертую всюду чрезъ многое, оставляя въ сторонѣ отдѣльныя единицы; во вторыхъ, многія, взаимно различныя, содержимыя одною извнѣ; въ третьихъ, опять одну, связанную въ одномъ цѣлостію многихъ, и въ четвертыхъ, многія, особо всюду опредѣленныя: это-то значитъ умѣть различать по родамъ, какъ вещи отдѣльныя могутъ сообщаться, и какъ нѣтъ. E.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Вѣдь діалектичности-то ты, думаю, не припишешь никому иному, кромѣ человѣка, философствующаго [1] чисто и справедливо.

ныхъ и обособленныхъ видахъ, но и то, какіе виды или части заключаются въ общемъ родѣ. Вѣдь ἰδέα μία есть понятіе рода, которое, заключая въ себѣ подчиненныя части, называется πάντῃ διατεταμένη διὰ πολλῶν, поколику τὰ πολλὰ суть виды или части рода, какъ Phileb. p. 25 C—32 E. Такъ, p. 253 A и 255 E говорится: χωρεῖν διὰ πάντων и διέρχεσθαι διὰ πάντων. Menon. p. 74 A: τὴν μίαν ἀρετὴν, ἣ διὰ πάντων τούτων ἐστίν, οὐ δυνάμεθα ἀνευρεῖν. Подобнымъ образомъ и наоборотъ, αἱ πολλαὶ ἰδέαι, т. е. отдѣльныя части общаго понятія, должны извнѣ ὑπὸ μιᾶς περιέχεσθαι, что, конечно, не требуетъ объясненія. Но на діалектикѣ лежитъ еще обязанность разсматривать различіе понятій, что̀ опять бываетъ двоякимъ образомъ: во первыхъ, μία ἰδέα δι' ὅλων πολλῶν ἐν ἑνὶ ξυνημμένη ἐστί; во вторыхъ, πολλαὶ χωρὶς πάντῃ διωρισμέναι εἰσίν. Здѣсь прежде всего надобно разсмотрѣть, что такое τὰ ὅλα πολλά. По нашему мнѣнію, этимъ словомъ означаются какъ отдѣльныя вещи, или недѣлимыя, такъ и подчиненные всякой идеѣ или всякому понятію виды, которые въ указанномъ мѣстѣ Филеба называются τὰ ἄπειρα, а въ Федонѣ и другихъ діалогахъ Платона τὰ πολλὰ ἴσα, τὰ πολλὰ δίκαια, τὰ πολλὰ καλὰ и т. п. И такъ, элеецъ требуетъ отъ діалектика, чтобы онъ смотрѣлъ на идею саму по себѣ, независимо отъ ея рода, и притомъ δι' ὅλων πολλῶν ἐν ἑνὶ ξυνημμένην, т. е. въ связи со всѣми подчиненными ей частями, составляющими въ ней одно Но поколику идея такимъ образомъ разсматривается,—разсматривается, конечно, по себѣ, а не какъ διὰ πολλῶν διατεταμένη ἐστίν; стало быть, полагается отдѣльно отъ другихъ. Между тѣмъ можно еще разсматривать ее не только μίαν ἰδέαν ὡς ἐν ἑνὶ ξυνημμένην, но и πολλὰς χωρὶς πάντῃ διωρισμένας,—можно, то есть, обособленные виды сравнивать и различать, что̀ также лежитъ на обязанности діалектика, чтобы онъ не смѣшивалъ несходнаго.

[1] Здѣсь и на стр. 254 B Платонъ прикровенно показываетъ, что онъ будетъ еще говорить о философѣ,—каковое его намѣреніе открытѣе уже высказано въ Политикѣ, p. 257 A. И такъ какъ это самое искусство разсуждать, описанное теперь элейцемъ, дѣйствительно въ Парменидѣ, то мы не сомнѣваемся, что діалогъ, извѣстный подъ именемъ Парменида, можетъ быть озаглавленъ названіемъ «Философа», или «Истиннаго діалектика».

Теэт. Да какъ приписалъ бы кто иному?

Ин. А философа въ такомъ какомъ нибудь мѣстѣ найдемъ
254. мы и теперь, и послѣ, если будемъ искать. Трудно, правда, ясно видѣть и его; но трудность относительно софиста представляется подъ инымъ образомъ, чѣмъ трудность относительно этого.

Теэт. Какъ?

Ин. Убѣжавши во тьму не существующаго, съ которою свыкся, софистъ, по темнотѣ этого мѣста, съ трудомъ усматривается умомъ. Не такъ ли?

Теэт. Походитъ.

Ин. Напротивъ, философъ, приближаясь всегда мыслію къ идеѣ существующаго, никакъ не поддается опять зрѣнію отъ ослѣпительнаго свѣта своей области; потому что очи
B. души у толпы не могутъ выдерживать взгляда на божественное.

Теэт. И это, вѣроятно, такъ,—не меньше, чѣмъ то.

Ин. Посему этого авось разсмотримъ мы яснѣе, если еще захочется намъ; а что касается софиста, то явно, что не надобно оставлять его, пока не высмотримъ достаточно.

Теэт. Ты хорошо сказалъ.

Ин. Такъ какъ мы согласились, что одни роды готовы вступать во взаимное общеніе, а другіе нѣтъ, и притомъ
C. одни немного, другіе много, а инымъ ничто не мѣшаетъ сообщаться со всѣми всѣмъ своимъ составомъ, то, послѣ этого, обратимся своимъ словомъ къ разсматриванію—не всѣхъ видовъ, чтобы не испугаться ихъ множества, но изберемъ нѣкоторые изъ такъ называемыхъ величайшихъ,—и покажемъ: во первыхъ, какіе именно эти виды; потомъ, какая свойственна имъ способность взаимнаго общенія. И затѣмъ если мы и не будемъ въ состояніи понять со всею ясностію, чтò такое существующее и не существующее, то, по крайней мѣрѣ, относительно ихъ не ощутимъ недостатка въ доводахъ, сколько это возможно при способѣ нынѣшняго изслѣдованія,—лишь бы только позволили намъ, когда мы будемъ говорить

о не существующемъ, что оно дѣйствительно не существуетъ, удалиться невредимыми. D

Теэт. Да, надобно.

Ин. И такъ, величайшіе изъ родовъ у насъ—тѣ, о которыхъ мы теперь только разсуждали: это—само существующее, стояніе и движеніе.

Теэт. И очень.

Ин. Но два-то изъ нихъ, говоримъ, не смѣшиваются между собою.

Теэт. Совершенно справедливо.

Ин. Существующее же смѣшивается съ обоими; потому что оба они существуютъ.

Теэт. Какъ не существовать!

Ин. Такъ ихъ три.

Теэт. Какъ же.

Ин. И каждое изъ нихъ отъ двухъ-то отлично, а само съ собою тожественно.

Теэт. Такъ. E.

Ин. Что же такое теперь называемъ мы тожественнымъ и отличнымъ? Есть ли это какіе либо два рода, отличные отъ тѣхъ трехъ, но всегда необходимо съ ними смѣшивающіеся, такъ что надобно разсматривать не три, а пять дѣйствительныхъ родовъ,—или мы сами не замѣчаемъ, что это тожественное и отличное называемъ какъ нѣчто изъ тѣхъ? 255.

Теэт. Можетъ быть.

Ин. Но движеніе-то и стояніе отнюдь не есть ни отличное, ни тожественное.

Теэт. Какъ?

Ин. То, что̀ къ движенію и стоянію придаемъ мы общаго [1], не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ изъ нихъ.

---

[1] Къ тѣмъ тремъ родамъ, положеннымъ выше, то есть къ сущему, движенію и стоянію, изъ которыхъ каждый тожественъ самъ съ собою и отличенъ отъ другихъ, философъ придаетъ еще два высшихъ рода или свойства: отличное и тожественное. Эти два рода, говоритъ, отличны отъ прежнихъ, и свое положеніе доказываетъ такъ. Во первыхъ, если бы тожество или отличіе не отличались

Теэт. Почему же?

Ин. И движеніе станетъ, и стояніе опять будетъ двигаться; потому что которое нибудь изъ обоихъ, сдѣлавшись дру-
B. гимъ изъ нихъ, заставитъ это другое, принявшее противное, перемѣниться въ противную ему природу.

Теэт. Совершенно такъ.

Ин. И вотъ оба они причастны тожественному и отличному.

Теэт. Да.

Ин. Поэтому ни движенія-то, ни стоянія опять мы не назовемъ тожественнымъ или отличнымъ.

Теэт. Конечно, не назовемъ.

Ин. Но не должно ли существующее и тожественное разумѣть какъ нѣчто одно?

Теэт. Можетъ быть.

Ин. Если же существующее и тожественное не будутъ означать ничего различнаго, то движеніе опять и стояніе

отъ стоянія или движенія, то не было бы ни стоянія, ни движенія: ибо быть не можетъ, чтобы какая нибудь вещь была та же и другая; а если бы не различались между собою бытіе и тожество, то стояніе и движеніе были бы одно и то же, потому что тогда бытіе могло бы находиться въ той же вещи вмѣстѣ съ родомъ или стоянія или движенія. Но и различіе не можетъ быть тѣмъ же, что̀ бытіе; ибо различіе всегда приписывается какой нибудь вещи, какъ скоро вещь сравнивается съ другими, отличными отъ ней вещами; между тѣмъ сущее есть сущее само по себѣ, а не чрезъ другія сущія. Отсюда слѣдуетъ, что родъ различія очень много отличается отъ природы бытія, движенія, стоянія и тожества, и какъ бы распредѣленъ по всѣмъ вещамъ, если только многія вещи не могутъ быть тѣми же. Впрочемъ, всѣ эти разсужденія еще не довольно ясны; поэтому постараемся объяснить дѣло примѣромъ. Положимъ, живетъ нѣкто, по имени Семпроній. Поколику дѣйствительно существуетъ, онъ причастенъ τοῦ ὄντος, и ему надобно приписать или стояніе или движеніе, потому что онъ или стоитъ или движется,—слѣдовательно, причастенъ идеѣ движенія или стоянія. Кромѣ того, онъ и тотъ же, и согласенъ самъ съ собою; и потому приходитъ въ общеніе тожества. Наконецъ, онъ же различенъ отъ прочихъ людей и вещей,—слѣдовательно, причастенъ различія. Изъ всего этого вытекаетъ, что природа не существующаго никакъ не противна существующему: потому что существованіе его не отрицается, а полагается только, что оно не таково, какъ сущее, есть нѣчто отъ сущаго отличное, значитъ, только относительно отрицается. Такъ, напримѣръ, говоря, что человѣкъ не есть звѣрь, мы этимъ выражаемъ только то, что человѣкъ отличенъ отъ звѣря, а самая сила природы его не уничтожается.

называя обоими, мы эти оба, какъ существующія, назовемъ С.
такъ-то тѣмъ же самымъ.

Теэт. Но это-то невозможно.

Ин. Стало быть, невозможно, чтобы тожественное и существующее были одно.

Теэт. Близко къ этому.

Ин. Такъ тожественное не считать ли четвертымъ видомъ, сверхъ трехъ?

Теэт. Конечно.

Ин. Что же? Отличное-то не назвать ли ужъ пятымъ? Или это и существующее надобно понимать какъ нѣкоторыхъ два имени въ одномъ родѣ?

Теэт. Едва ли не такъ.

Ин. Но ты, думаю, согласишься, что, изъ существующаго, одно существуетъ само по себѣ, а другое называется существующимъ всегда относительно.

Теэт. Почему не согласиться.

Ин. Другое всегда въ отношеніи къ другому. Не такъ ли? D.

Теэт. Такъ.

Ин. Не совсѣмъ,—какъ скоро существующее и отличное различались не вполнѣ: напротивъ, если бы отличное пріобщилось обоимъ видамъ, какъ существующее,—то было бы иногда что либо изъ различнаго различно и не въ отношеніи къ другому различному; теперь же у насъ, просто, что бы ни было различно, этому различному по необходимости пришлось различаться отъ существующаго.

Теэт. Ты говоришь, какъ есть на дѣлѣ.

Ин. Такъ природу отличнаго надобно называть пятымъ видомъ, и она находится въ тѣхъ видахъ, которые мы предъ- E.
избрали.

Теэт. Да.

Ин. И она, скажемъ, разошлась по всѣмъ имъ; потому что каждое одно различается отъ другихъ не своею природою, а тѣмъ, что оно причастно идеи отличнаго.

Теэт. Совершенно справедливо.

Ин. Такъ вотъ какъ заключимъ мы о пяти видахъ, перебирая ихъ по одиночкѣ.

Теэт. Какъ?

Ин. Во первыхъ, движенiе совершенно отлично отъ стоянiя. Или какъ скажемъ?

Теэт. Такъ.

Ин. Стало быть, оно не стоянiе.

Теэт. Никакъ не стоянiе.

256. *Ин*. И, чрезъ общенiе существующаго, конечно, есть.

Теэт. Есть.

Ин. И опять, съ другой стороны, движенiе отлично отъ тожественнаго.

Теэт. Близко къ этому.

Ин. Стало быть, не тожественно.

Теэт. Конечно, нѣтъ.

Ин. Однакожъ оно-то, чрезъ общенiе опять съ тожественнымъ, было тожественно.

Теэт. И очень.

Ин. Такъ надобно согласиться, не огорчаясь, что движенiе тожественно и не тожественно; ибо, сказавъ, что оно тожественно и не тожественно, мы выразили это не подобнымъ образомъ: но, поколику оно тожественно,—говорили
B. такъ, имѣя въ виду причастiе тожественнаго самому себѣ; а когда не тожественно,—разумѣли общенiе съ нимъ отличнаго, для каковаго общенiя, отступивъ отъ тожественности, оно стало не тѣмъ, а другимъ,—такъ что правильно опять говорится, что оно не то же.

Теэт. Конечно.

Ин. Поэтому, если бы самое движенiе какъ нибудь и прiобщилось стоянiю, не было бы ничего страннаго называть его устойчивымъ.

Теэт. Да и весьма правильно, какъ скоро мы допустили, что изъ родовъ одни готовы смѣшиваться между собою, а другiе—нѣтъ.

Ин. Притомъ къ доказательству этого-то положенiя мы

пришли прежде, чѣмъ къ теперешнимъ, съ своимъ обличе- C.
ніемъ, что такъ бываетъ по природѣ.

Теэт. Какъ же иначе.

Ин. Скажемъ же, опять: движеніе различно отъ различія, поколику отличалось отъ тожественности и стоянія.

Теэт. Необходимо.

Ин. Стало быть, по теперешнему-то изслѣдованію, оно и не отлично какимъ-то образомъ, и отлично.

Теэт. Правда.

Ин. Такъ что же послѣ сего? Согласившись въ пятеричномъ
числѣ видовъ, при которыхъ и относительно которыхъ пред- D.
положили вести изслѣдованіе, отъ трехъ-то движеніе, скажемъ, различно, а отъ четвертаго—не скажемъ?

Теэт. Какъ же это? Вѣдь нельзя допустить числа, меньшаго въ сравненіи съ тѣмъ, которое сейчасъ вышло на видъ.

Ин. Стало быть, мы будемъ смѣло настаивать своимъ словомъ, что движеніе различно отъ существующаго?

Теэт. Даже весьма смѣло.

Ин. Такъ не ясно ли, что движеніе, если оно причастно существующему, дѣйствительно есть не существующее и существующее?

Теэт. И весьма ясно.

Ин. Стало быть, не существующее, необходимо, есть и въ движеніи, и по всѣмъ родамъ; ибо природа отличнаго, повсюду выработавшись, какъ отличная отъ существующаго,
каждую особность дѣлаетъ не существующимъ. Поэтому-то E.
и все вообще, правильно скажемъ, есть не существующее,—хотя опять-таки, пріобщаясь существующему, оно также и существуетъ.

Теэт. Должно быть.

Ин. Поэтому, въ каждомъ изъ видовъ, существующее, по своему бытію, широко, а не существующее, по множеству, безпредѣльно.

Теэт. Походитъ.

257. *Ин*. Не слѣдуетъ ли и само существующее называть различнымъ отъ прочихъ видовъ?

Теэт. Необходимо.

Ин. Стало быть, и существующаго у насъ столько разъ нѣтъ, сколько есть прочихъ видовъ; ибо, не будучи этими, оно одно, прочіе же, въ которыхъ его нѣтъ, по числу, безпредѣльны.

Теэт. Почти такъ.

Ин. Такъ не должно огорчаться и этимъ, если природа родовъ находится во взаимномъ общеніи. А кто не допускаетъ этого, тотъ пусть разувѣритъ насъ въ прежнихъ нашихъ положеніяхъ: тогда разувѣритъ и въ тѣхъ, которыя слѣдуютъ послѣ сего.

Теэт. Ты сказалъ весьма справедливо.

B. *Ин*. Взглянемъ же и вотъ на что.

Теэт. На что?

Ин. Говоря о не существующемъ, мы говоримъ, какъ видно, не о чемъ нибудь противномъ существующему, а только о различномъ.

Теэт. Какъ?

Ин. Напримѣръ, когда мы говоримъ, что нѣчто не велико; тогда, своимъ словомъ, больше ли, кажется тебѣ, выражаемъ мы маленькое, чѣмъ равное?

Теэт. Какъ это можно!

Ин. Стало быть, когда высказываютъ отрицаніе, мы допустимъ, что этимъ означается не противное, а только нѣчто иное,—что̀ выражаютъ частицы *не* и *чтобъ не*, поставляемыя
C. предъ слѣдующими далѣе именами, или, лучше, предъ вещами, примѣнительно къ которымъ полагаются произносимыя впослѣдствіи имена отрицанія.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Размыслимъ и вотъ о чемъ,—покажется ли и тебѣ.

Теэт. О чемъ?

Ин. Природа отличнаго мнѣ представляется разчлененною, подобно знанію.

Теэт. Какъ?

Ин. Одна, вѣроятно, и она; но часть ея, бывающая въ томъ, что отдѣльно и обособлено, получаетъ какое нибудь собственное свое имя. Отсюда произошли названія многихъ искусствъ и знаній. D.

Теэт. Конечно.

Ин. Поэтому и части природы отличнаго, какъ единой, терпятъ то же самое.

Теэт. Едва ли не то же. Но какъ именно скажемъ мы?

Ин. Какая нибудь часть отличнаго не противоположна ли прекрасному?

Теэт. Противоположна.

Ин. Такъ назовемъ ли ее безъименною, или она имѣетъ какое имя?

Теэт. Имѣетъ; ибо что̀ всякій разъ называемъ мы не прекраснымъ, то различно не отъ чего иного, какъ отъ природы прекраснаго.

Ин. А ну-ка, скажи мнѣ теперь вотъ что.

Теэт. Что такое? E.

Ин. Не прекрасному не такъ ли приходится быть, что нѣчто отдѣляется отъ какого нибудь рода вещей существующихъ и опять снова противополагается чему нибудь существующему?

Теэт. Такъ.

Ин. Значитъ, не прекрасному приходится быть, какъ видно, противоположностію существующаго существующему.

Теэт. Весьма правильно.

Ин. Такъ что жъ? на этомъ основаніи, къ существующему больше ли относится у насъ прекрасное и меньше—не прекрасное?

Теэт. Нѣтъ.

Ин. Стало быть, не великое и великое само по себѣ надобно называть бытіемъ равномѣрно? 258.

Теэт. Равномѣрно.

Ин. Поэтому и не справедливое должно быть приведено къ

тожеству съ справедливымъ, такъ какъ одному изъ нихъ нисколько не больше свойственно бытіе, чѣмъ другому?

Теэт. Какъ же.

Ин. Такимъ же образомъ будемъ говорить и о прочемъ, если только природа отличнаго оказалась принадлежащею къ вещамъ существующимъ; ибо, когда она существуетъ,— необходимо полагать, что не меньше чего бы то ни было существуютъ и ея части.

Теэт. Какъ не полагать.

Ин. Поэтому, какъ видно, противоположность природы, свойственной части отличнаго, и природы существующаго,
B. поколику онѣ поставляются одна противъ другой, ничѣмъ не меньше, можно сказать, есть сущность самого существующаго, означающая не противоположное ему, а только въ нѣкоторой степени различное отъ него.

Теэт. Весьма ясно.

Ин. Такъ чѣмъ же назовемъ ее?

Теэт. Явно, что не существующимъ: она—то самое, чего искали мы, ради софиста.

Ин. Такъ дѣйствительно ли не уступаетъ она въ сущности, какъ ты полагалъ, ничему существующему, и надобно уже смѣло говорить, что не существующее несомнѣнно имѣетъ свою природу? Какъ великое было велико и прекрасное
C. было прекрасно, а не великое не велико и не прекрасное не прекрасно: такъ ли и не существующее, потому же, было и есть не существующее, въ значеніи одного численнаго вида изъ многихъ существующихъ? Или въ отношеніи къ нему, Теэтетъ, питаемъ мы еще нѣкоторое недовѣріе?

Теэт. Никакого.

Ин. Знай же, что недовѣріе къ Пармениду мы простерли далѣе, чѣмъ допускалъ его отказъ.

Теэт. Что это?

Ин. Въ своихъ изслѣдованіяхъ простираясь впередъ, мы доказали ему болѣе, и зашли далѣе той точки, на которой онъ отказался продолжать свои изслѣдованія.

Теэт. Какъ?

Ин. Онъ гдѣ-то сказалъ:

Этого нѣтъ никогда и нигдѣ, чтобъ не сущее было:
Отъ такого пути испытаній сдержи свою мысль.

Теэт. Да, онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ говоритъ. D.

Ин. А мы-то не только доказали, что есть не существую-
щее, но и выставили существующій видъ не существующаго:
ибо, доказавши природу отличнаго, что она и есть, и раз-
дроблена по всему взаимно существующему, и что каждая
часть ея противопоставлена тому, чтò существуетъ, мы
осмѣлились сказать, что это самое и есть дѣйствительно E.
не существующее.

Теэт. Да, и мы высказали, иностранецъ, мнѣ кажется, сущую истину.

Ин. Не говори же никто, будто, осмѣливаясь полагать,
что не существующее есть, мы выставляемъ его, какъ про-
тивное существующему. Вѣдь уже давно говоримъ, что съ
чѣмъ либо противнымъ ему,—есть ли оно или нѣтъ, раз-
умно или вовсе не разумно,—мы распрощались. И что сказали 259.
теперь о бытіи не существующаго, относительно того пусть
или обличитъ насъ, кто хочетъ, и убѣдитъ, что мы говоримъ
нехорошо, или, пока не будетъ у него силъ, надобно такъ
говорить и ему, какъ говоримъ мы,—что роды смѣшиваются
между собою, и что, какъ скоро существующее и отличное ра-
зошлись по всѣмъ родамъ и одно по другому, различное,
пріобщившись существующему, чрезъ это общеніе уже есть,
хотя есть не то, чему пріобщилось, а различное; будучи
же инымъ, чѣмъ существующее, оно, по очевидной необ-
ходимости, есть не существующее. И существующее опять, B.
пріобщившись отличному, должно было сдѣлаться отличнымъ
отъ прочихъ родовъ; а будучи не такимъ, каковы всѣ роды, оно
не есть ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности, ни всѣ, взятыя
вмѣстѣ, за исключеніемъ его самого; такъ что существующее,
безъ всякаго противорѣчія, становится тысячи тысячъ разъ не
существующимъ. Такимъ же образомъ и прочіе роды, взя-

тые порознь и всѣ вмѣстѣ, въ однихъ отношеніяхъ существуютъ, въ другихъ не существуютъ.

Теэт. Правда.

Ин. Кто не вѣритъ этимъ противоположностямъ, тому надобно либо разсмотрѣть дѣло и сказать что нибудь лучшее
C. сказаннаго теперь, либо, придумавъ какъ бы что-то трудное, находить удовольствіе въ томъ, чтобы тянуть свои рѣчи то туда, то сюда,—заниматься дѣломъ, не стоющимъ серьезнаго занятія, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ нынѣшнія разсужденія. Вѣдь оно и не хитрò, да и не трудно это найти; а то и трудно-таки, и вмѣстѣ прекрасно.

Теэт. Что такое?

Ин. То, о чемъ сказано было прежде: допустивъ все это, какъ возможное, быть въ состояніи слѣдовать за тѣмъ, что говорится, и обличать каждую мысль, когда кто отличное
D. какимъ нибудь образомъ называетъ тожественнымъ, а тожественное отличнымъ,—обличать, принимая то и другое такъ и въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ ихъ называющій. Но тожественное какимъ нибудь образомъ провозглашать отличнымъ, отличное—тожественнымъ, великое—малымъ, подобное—не подобнымъ, и радоваться, что всегда противорѣчишь на словахъ,—это не есть какое нибудь истинное обличеніе; тутъ виденъ новичокъ [1], только еще начинающій знакомиться съ чѣмъ либо существующимъ.

Теэт. Совершенная правда.

---

[1] Если Платонъ говоритъ это не вообще, а разумѣетъ кого нибудь изъ тогдашнихъ мыслителей, то не на Эвклида ли мегарскаго падаетъ его обличеніе, или не на сократика ли котораго нибудь, вдавшагося въ эристику? Если последнее вѣроятно, то всего скорѣе у Платона могъ быть въ виду Антисѳенъ, который, какъ извѣстно, училъ, что о каждой вещи позволительно утверждать только то, за что ручается собственная ея природа: такъ, напр., столъ есть столъ, овощь есть овощь, человѣкъ есть человѣкъ. Aristot. Metaphys. V, 29: διὸ Ἀντισθένης ᾤετο εὐήθως μηδὲν ἀξιῶν λέγεσθαι πλὴν τῷ οἰκείῳ λόγῳ, ἓν ἐφ' ἑνός· ἐξ ὧν συνέβαινε μὴ εἶναι ἀντιλέγειν. Ibid. VIII, 3: ὥστε ἡ ἀπορία, ἣν οἱ Ἀντισθένειοι καὶ οἱ οὕτως ἀπέδευτοι ἠπόρουν, ἔχει τινὰ καιρόν, ὅτι οὐκ ἔστι τὸ τί ἔστιν ὁρίσασθαι· τὸν γὰρ ὅρον λόγον εἶναι μακρόν· ἀλλὰ ποῖον μὲν τί ἔστιν ἐνδέχεσθαι καὶ διδάξαι, ὥσπερ ἀργύριον, τί μὲν ἐστιν, οὔ, ὅτι δὲ οἷον καττίτερος.

Ин. Въ самомъ дѣлѣ, добрякъ, все-то браться отдѣлять E.
отъ всего—и вообще странно, да притомъ показываетъ человѣка вовсе чуждаго музыкальности и философіи.

Теэт. Почему же?

Ин. Отрѣшеніе каждаго слова отъ всѣхъ есть совершеннѣйшій способъ уничтоженія рѣчей; потому что рѣчь происходитъ у насъ отъ взаимнаго сплетенія видовъ.

Теэт. Правда. 260.

Ин. Смотри же, какъ, при случаѣ, и теперь боролись мы съ ними и принуждали ихъ смѣшиваться одинъ съ другимъ.

Теэт. Къ чему это?

Ин. Къ тому, что рѣчь у насъ есть одинъ изъ существующихъ родовъ, лишившись котораго,—и это весьма важно,—мы лишились бы философіи. Даже и въ настоящее время нужна намъ рѣчь, чтобы условиться, что̀ такое она; и если бы она была отнята у насъ, такъ чтобъ ея вовсе и не было, мы не имѣли бы уже возможности что нибудь говорить: а
она была бы отнята, если бы мы допустили, что ничто не B.
смѣшивается ни съ чѣмъ.

Теэт. Это-то правильно. Но для чего намъ условливаться теперь касательно рѣчи,—не понимаю.

Ин. А можетъ быть, легче поймешь, слѣдуя этимъ путемъ.

Теэт. Какимъ?

Ин. Ужъ не существующее открылось намъ, какъ нѣкоторый одинъ изъ числа родовъ, разсѣянный по всему существующему.

Теэт. Такъ.

Ин. Послѣ сего надобно разсмотрѣть, смѣшивается ли оно съ мнѣніемъ и рѣчью.

Теэт. Для чего?

Ин. Если не существующее не смѣшивается съ ними, то
всѣ они необходимо истинны, а когда смѣшивается, про- C.
исходитъ мнѣніе и рѣчь ложная; потому что мнить или говорить не существующее,—это есть ложь, проявляющаяся въ мышленіи и словѣ.

Теэт. Такъ.

Ин. Но гдѣ ложь-то, тамъ заблужденіе.

Теэт. Да.

Ин. А гдѣ заблужденіе, тамъ по необходимости все полно призраковъ, уподобленій и мечтательныхъ представленій.

Теэт. Какъ не полно!

Ин. Но софистъ-то, сказали мы, ушелъ и прячется, вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ, запираясь, что лжи вовсе и нѣтъ;
D. потому что не существующаго нельзя ни мыслить кому либо, ни говорить,—такъ какъ не существующее не причастно нигдѣ никакой сущности.

Теэт. Это было.

Ин. А теперь-то оказалось, что оно причастно существующему; и противъ этого онъ, можетъ быть, уже не захочетъ бороться, но пожалуй скажетъ, что изъ видовъ одни причастны не существующему, другіе нѣтъ, и что рѣчь и мнѣ-
E. ніе относятся къ непричастнымъ ему. Стало быть, онъ можетъ опять вступить въ борьбу на счетъ искусства производить призраки и мечты, которымъ, говоримъ, занимается, и доказывать, что его вовсе нѣтъ, такъ какъ мнѣніе и рѣчь не имѣютъ общенія съ не существующимъ; ибо если этого общенія на дѣлѣ не установляется, то ложь совершенно невозможна. Посему надобно, во первыхъ, изслѣдовать мнѣніе и мечту, чтò такое они, чтобы, по открытіи
261. этого, мы могли замѣтить общеніе ихъ съ не существующимъ; замѣтивши это, доказать бытіе лжи, а доказавъ ея бытіе, связать въ ней софиста, если онъ окажется виновнымъ, либо, освободивши, искать его въ иномъ родѣ.

Теэт. Видно, очень и очень справедливо, иностранецъ, чтò о софистѣ сказано было сначала,—что, то есть, этотъ родъ неуловимъ. Вотъ теперь открывается, что у него тьма оборонъ, и когда онъ противопоставляетъ которую нибудь, необходимо напередъ преодолѣть ее, пока дойдешь до него самого. Вѣдь едва кончили мы сейчасъ съ оборонительнымъ
B. положеніемъ, что не существующаго нѣтъ,—какъ является

другая оборона, и настоитъ надобность доказывать, что ложь есть, говорить о рѣчи, о мнѣніи; а за этимъ, можетъ быть, явится другое, за другимъ третіе,—и конца, какъ видно, никогда не представится.

Ин. Мужество, Теэтетъ, нужно всякому, кто всегда можетъ хоть немного подвигаться впередъ; ибо малодушествующій-то въ этомъ чтò сдѣлаетъ въ другихъ случаяхъ, когда дѣло или не обѣщаетъ успѣха, или даже отталкиваетъ опять назадъ? Такой-то, по пословицѣ, едва ли когда овладѣетъ городомъ. Теперь, добрякъ, когда то, о чемъ говоришь, C.
покончено, намъ предстоитъ взять самую большую стѣну; другія будутъ легче и меньше.

Теэт. Ты хорошо говоришь.

Ин. И такъ, возьмемся сперва, какъ сейчасъ сказано, за рѣчь и мнѣніе, чтобы яснѣйшимъ образомъ дать себѣ отчетъ, касается ли ихъ не существующее, или то и другое изъ нихъ совершенно истинно, и лжи нѣтъ никакой ни въ которомъ.

Теэт. Правильно.

Ин. Давай же, какъ говорили мы о видахъ и буквахъ, D.
тѣмъ же способомъ разсмотримъ опять имена; потому что искомое откроется намъ какъ-то такъ.

Теэт. На что же именно, въ разсужденіи именъ, надобно обратить вниманіе?

Ин. Всѣ ли они взаимно согласуются, или ни одно, или одни хотятъ этого, а другія не хотятъ?

Теэт. Это-то явно, что одни хотятъ, другія—нѣтъ.

Ин. Можетъ быть, ты говоришь то, что однѣ, будучи произносимы рядомъ и выражая нѣчто, согласуются, а E.
тѣ, которыя своимъ соединеніемъ не означаютъ ничего, не согласуются.

Теэт. Какъ, что это сказалъ ты?

Ин. То, чтò, по моему предположенію, ты понималъ, когда согласился со мною. Вѣдь у насъ есть два рода словесныхъ выраженій относительно сущности.

Теэт. Какъ?

262. *Ин.* Одинъ называется именами, другой—глаголами [1].

Теэт. Скажи о томъ и другомъ.

Ин. Одно выраженіе, прилагаемое къ дѣйствіямъ, мы называемъ глаголомъ.

Теэт. Да.

Ин. А знакъ-то голоса, прилагаемый къ тому самому, что производитъ дѣйствія, есть имя.

Теэт. Совершенно такъ.

Ин. Но изъ однихъ непрерывно произносимыхъ именъ, равно какъ и изъ глаголовъ, произнесенныхъ отдѣльно отъ именъ, никогда не бываетъ рѣчи.

Теэт. Этого я не понялъ.

B. *Ин.* Явно, стало быть, что ты, смотря на что нибудь другое, недавно согласился со мною;—вѣдь я хотѣлъ сказать это самое, что одни имена или глаголы, непрерывно произносимые, не суть рѣчь.

Теэт. Какъ?

Ин. Напримѣръ, *идетъ*, *бѣжитъ*, *спитъ*, и прочіе глаголы, означающіе дѣйствіе, хотя бы кто пересказалъ ихъ всѣ по порядку, не составятъ никакой рѣчи.

Теэт. Какъ составить!

Ин. Подобнымъ образомъ, когда говорятъ: *левъ*, *олень*, *лошадь*,—сколько бы ни было произнесено именъ, производящихъ
C. дѣйствія, при такомъ ихъ соединеніи, изъ нихъ не составится рѣчи; потому что произносимое, ни въ первомъ, ни въ послѣднемъ случаѣ, не можетъ выражать никакого дѣйствія или недѣйствія, никакой сущности суще-

---

[1] Разсуждая объ этомъ предметѣ, Плутархъ (Quaest. Plat. X, p. 1019) спрашиваетъ: всѣ ли стихіи языка Платонъ разумѣлъ подъ глаголами и именами?—и этотъ вопросъ рѣшаетъ такъ: по мнѣнію Платона, глаголы и имена не составляютъ собою всѣхъ частей рѣчи, но суть только части главныя. О прочихъ стихіяхъ онъ не упоминаетъ потому, что ими означаются не вещи и дѣйствія, а только отношенія вещей и дѣйствій. Впрочемъ, у древнихъ грамматиковъ было почти общее мнѣніе, что есть только двѣ части рѣчи: имя и глаголъ (Prisсian. Art. grammat. II, 4, 15, p. 66).

ствующаго или не существующаго, пока кто нибудь не смѣшаетъ именъ съ глаголами. Тогда приходятъ они въ согласіе, и первое сплетеніе ихъ тотчасъ становится рѣчью;— по крайней мѣрѣ, изъ рѣчей, это первая и малѣйшая.

Теэт. Какъ бы, напримѣръ, такимъ-то образомъ?

Ин. Пусть бы кто сказалъ: *человѣкъ учится*; не назвалъ ли бы ты этого самою малою и первою рѣчью?

Теэт. Назвалъ бы. D.

Ин. Вѣдь тогда онъ выразилъ бы уже свою мысль относительно существующаго, бывающаго, бывшаго или будущаго, и не только наименовалъ бы что нибудь, но, сплетши глаголы съ словами, и ограничилъ бы наименованное. Посему мы и сказали, что онъ тогда говоритъ, а не просто называетъ, и этому сплетенію дали имя рѣчи.

Теэт. Правильно.

Ин. Такимъ-то образомъ, какъ изъ вещей однѣ между собою соглашаются, другія нѣтъ, такъ бываетъ и съ знаками голоса: одни не приходятъ въ согласіе, другія при- E.
ходятъ, и составляютъ изъ себя рѣчь.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Но вотъ еще маленькое замѣчаніе.

Теэт. Какое?

Ин. Рѣчи, когда она есть, необходимо касаться чего нибудь; не касаться ничего ей невозможно.

Теэт. Такъ.

Ин. Не должно ли быть ей и какою нибудь?

Теэт. Какъ не должно!

Ин. Обратимъ же вниманіе на самихъ себя.

Теэт. Конечно, надобно.

Ин. Я скажу тебѣ рѣчь, посредствомъ имени и глагола сложивши вещь съ дѣйствіемъ; а ты скажи мнѣ, чего она касается.

Теэт. По возможности, такъ и будетъ. 263.

Ин. «Теэтетъ сидитъ». Эта рѣчь, полагаю, не длинна?

Теэт. Нѣтъ, напротивъ, умѣренна.

Ин. Такъ твое дѣло сказать, о чемъ она, и чего касается.

Теэт. Явно, что о мнѣ, и меня.

Ин. А что̀ опять эта?

Теэт. Какая?

Ин. «Теэтетъ, съ которымъ я теперь разговариваю, летитъ».

Теэт. И эту не иначе можно называть, какъ касающеюся меня и говорящею обо мнѣ.

Ин. Но мы полагаемъ, что каждая изъ рѣчей бываетъ
B. какова нибудь.

Теэт. Да.

Ин. Такъ изъ этихъ какою надобно признавать ту и другую?

Теэт. Одну, вѣроятно, ложною, другую—истинною.

Ин. Истинная изъ нихъ говоритъ о тебѣ существующее, какъ оно есть.

Теэт. Какъ же.

Ин. А ложная—отличное отъ существующаго.

Теэт. Да.

Ин. Стало быть, говоритъ не существующее, какъ существующее.

Теэт. Почти.

Ин. То есть, изъ существующаго-то относитъ къ тебѣ не то существующее. Вѣдь мы положили, что относительно каждой вещи есть много существующаго, много и не существующаго.

Теэт. Совершенно такъ.

C. *Ин*. А послѣдняя рѣчь, которую я сказалъ о тебѣ,—судя по нашему опредѣленію, что̀ такое рѣчь,—во первыхъ, по необходимости, должна быть одна изъ кратчайшихъ.

Теэт. Въ этомъ-то мы теперь уже согласились.

Ин. Далѣе же,—касается чего нибудь.

Теэт. Такъ.

Ин. Если не тебя, то никого болѣе.

Теэт. Какъ же.

Ин. А когда не касается ничего,—она вовсе и не рѣчь;

ибо мы заявили, что рѣчь, не касающаяся ничего, относится къ вещамъ невозможнымъ.

Теэт. Весьма правильно.

Ин. И такъ, говоримое о тебѣ другое, какъ то же, и не су- D.
ществующее, какъ существующее,—совершенно такое, какъ видно, соединенеіе глаголовъ и именъ есть дѣйствительно и истинно ложная рѣчь.

Теэт. Весьма справедливо.

Ин. Что же сказать теперь о мысли, мнѣніи и мечтѣ? Не явно ли уже, что эти роды, ложные и истинные, всѣ находятся въ нашихъ душахъ?

Теэт. Какъ?

Ин. Легче узнаешь такъ, если сперва примешь, чтò такое
эти явленія и чѣмъ различаются они между собою, взятыя E.
порознь.

Теэт. Только давай.

Ин. Разсудокъ и рѣчь—не то же ли, кромѣ того только, что разсудкомъ названъ у насъ внутренній разговоръ души съ собою, происходящій безгласно?

Теэт. Конечно.

Ин. Идущій же отъ него чрезъ уста потокъ звуковъ наименованъ рѣчью.

Теэт. Правда.

Ин. Впрочемъ въ рѣчахъ-то, знаемъ, находится вотъ что.

Теэт. Что такое?

Ин. Положеніе и отрицаніе.

Теэт. Знаемъ.

Ин. Но такъ какъ положеніе и отрицаніе производятся 264.
въ душѣ молча, разсудкомъ, то можешь ли назвать это чѣмъ либо, кромѣ мнѣнія?

Теэт. Да какъ же иначе?

Ин. Но что, если такое опять впечатлѣніе воздѣйствовало въ комъ не само по себѣ, а чрезъ чувства: можно ли правильно назвать его чѣмъ инымъ, кромѣ представленія?

Теэт. Ничѣмъ.

Ин. Такъ если рѣчь была истинная и ложная; если, въ связи съ тою и другою, разсудокъ показался намъ какъ разговоръ души съ собою; если мнѣніе есть заключеніе раз-
B. судка, а то, что̀ мы выражаемъ словомъ *представляется*, есть смѣсь чувства и мнѣнія: то необходимо, что и изъ этихъ сродныхъ съ рѣчью сущностей нѣкоторыя иногда бываютъ ложны.

Теэт. Какъ не бывать.

Ин. Замѣчаешь ли теперь, что ложное мнѣніе и ложная рѣчь нашлись у насъ гораздо скорѣе, чѣмъ мы ожидали; а между тѣмъ недавно боялись, какъ бы, ища этого, не вдаться въ дѣло совершенно безнадежное?

Теэт. Замѣчаю.

Ин. Не будемъ же малодушны и въ отношеніи къ осталь-
C. ному. Такъ какъ это теперь открылось, то припомнимъ прежнія дѣленія на виды.

Теэт. Какія?

Ин. Искусство образотворное мы раздѣлили на два вида: на искусство уподобительное и искусство фантастическое.

Теэт. Да.

Ин. И говорили, что недоумѣваемъ, къ которому отнести софиста.

Теэт. Было такъ.

Ин. Когда же находились мы въ недоумѣніи, насъ окружилъ еще большій мракъ, какъ скоро рѣчь стала возражать на все,—что вовсе нѣтъ ни подобій, ни образовъ, ни фан-
D. томовъ, потому что никакъ, никогда и нигдѣ нѣтъ лжи.

Теэт. Ты правду говоришь.

Ин. Но теперь-то,—какъ скоро открылось, что и рѣчь, что и мнѣніе бываютъ ложными,—находятъ у насъ мѣсто подражанія существующему, равно какъ и происходящее при такихъ условіяхъ искусство вводить въ обманъ.

Теэт. Находятъ.

Ин. А что софистъ занимается которымъ нибудь изъ тѣхъ двухъ искусствъ,—въ этомъ согласились мы прежде.

Теэт. Да.

Ин. Возьмемся же опять, по разсѣченіи предложеннаго ро- Е.
да надвое, постоянно идти къ части отсѣка, лежащей направо, преслѣдуя общность софиста, пока не отдѣлимъ всего, что въ немъ общаго, и потомъ, получивъ въ остаткѣ собственную его природу, не укажемъ ея особенно самимъ себѣ, а послѣ—
и тѣмъ, которые совершенно сроднились съ такимъ спосо- 265.
бомъ изслѣдованія.

Теэт. Правильно.

Ин. Не съ того ли тогда начали мы, что различили искусство творческое и пріобрѣтательное?

Теэт. Да.

Ин. И софистъ не представлялся ли намъ въ охотническомъ, состязательномъ, купеческомъ, и нѣкоторыхъ подобныхъ видахъ искусства пріобрѣтательнаго?

Теэт. Конечно.

Ин. А теперь-то, такъ какъ заключило его въ себѣ искусство подражательное,—явно, что это первое искусство—творческое—надобно раздѣлить надвое; потому что подражаніе,
вѣроятно, есть нѣкоторое творчество,—то есть, образовъ, В.
говоримъ, а не недѣлимыхъ. Не такъ ли?

Теэт. Безъ сомнѣнія.

Ин. Такъ во первыхъ, пусть будутъ двѣ части искусства творческаго.

Теэт. Какія?

Ин. Одна божественная, другая человѣческая.

Теэт. Еще не понялъ.

Ин. Искусство творческое,—если помнимъ, что говорено было вначалѣ,—все оно, сказали мы, есть сила, служащая причиною вещей, сперва не существовавшихъ, а потомъ происшедшихъ.

Теэт. Помнимъ.

Ин. Такъ, всѣ смертныя животныя и растенія, вырастаю- С.
щія на землѣ изъ сѣмянъ и отъ корней, всѣ неодушевленныя тѣла, образующіяся въ землѣ, рожденныя и не рожденныя,

не кѣмъ инымъ созданныя, какъ Богомъ,—не скажемъ ли, произошли впослѣдствіи, а прежде не существовали? Или воспользуемся ученіемъ и словомъ народа?

Теэт. Какимъ?

Ин. Тѣмъ, что создаетъ ихъ природа, отъ какой-то самобытной причины, раждающей безъ разсудка?—А не то, скажемъ, происходящей отъ Бога, и съ умомъ и знаніемъ?

D. *Теэт.* Я-то, можетъ быть, по моему возрасту, часто хвалю, попеременно, то и другое. Теперь однакожъ, смотря на тебя и предполагая, что, по твоему мнѣнію, все это происходитъ отъ Бога, такъ и самъ думаю.

Ин. Да и хорошо, Теэтетъ. И если бы даже мы думали, что ты относишься къ числу тѣхъ людей, которые послѣ того мыслятъ какъ нибудь иначе, то теперь взялись бы довести тебя до согласія—словомъ, заставляющимъ необходимо убѣдиться. Но такъ какъ я знаю, что твоя природа и безъ моихъ разсужденій, сама по себѣ, пойдетъ туда, куда теперь, говоришь, влечется, то оставлю это; иначе даромъ потеряно было бы время. Полагаю прямо, что приписываемое природѣ творится божіимъ искусствомъ, а устрояемое людьми—человѣческимъ, и на этомъ основаніи допускаю два рода творческаго искусства: одинъ человѣческій, другой божескій.

E.

Теэт. Правильно.

Ин. Если же ихъ два, то разсѣки каждый опять надвое.

Теэт. Какъ?

266. *Ин.* Какъ бы все искусство творческое разсѣкалъ ты тогда по широтѣ, а теперь по длинѣ.

Теэт. Разсѣчено.

Ин. Такимъ образомъ, отсюда происходитъ всего четыре части: двѣ, относящіяся къ нашему искусству,—человѣческія, и двѣ, къ искусству боговъ,—божескія.

Теэт. Да.

Ин. При такомъ разнаго рода дѣленіи, одна часть въ томъ и другомъ отдѣлѣ будетъ самотворческая, а остальныя

почти преимущественно могли бы быть названы образотворческими; и потому искусство творческое дѣлится все-таки надвое.

Теэт. Скажи теперь, что такое обѣ части.

Ин. Мы, конечно, знаемъ, что и сами мы, и прочія жи- B.
вотныя, и то, изъ чего они сложились,—огонь, вода и сродное тому,—всѣ эти отдѣльныя произведенія суть порожденія божіи. Или какъ?

Теэт. Такъ.

Ин. Но за этими-то особями слѣдуютъ образы, а не самыя вещи, чтò дѣлается тоже геніальными силами.

Теэт. Какіе образы?

Ин. Тѣ, которые бываютъ во снѣ и днемъ, и называются самородными представленіями; напримѣръ, тѣнь, когда при огнѣ является тьма, и образъ двойной, когда свѣтъ свой и C.
чужой, сходясь на поверхности свѣтлой и гладкой въ одно, производитъ видъ, возбуждающій чувство соотвѣтственное прежнему, обычному зрѣнію.

Теэт. Такъ выходитъ, что тутъ два дѣла божьяго творчества: самая вещь и образъ, слѣдующій за каждою вещію.

Ин. Но что наше-то искусство? Не скажемъ ли, что оно домостроительствомъ созидаетъ домъ, а живописью—какой-то другой, изготовляемый будто сонъ для бодрствующихъ?

Теэт. Конечно. D.

Ин. Ну тàкъ и прочее; соотвѣтственно двумъ частямъ, двояко и дѣло творческой нашей работы: одно—самая вещь,—это, говоримъ, искусство самодѣланія; другое—образъ,—это искусство образотворенія.

Теэт. Теперь больше понялъ, и полагаю два двойныхъ вида искусства творческаго: по первому дѣленію, виды божественный и человѣческій; по второму, одинъ—рожденіе самыхъ вещей, другой—нѣкоторыхъ подобій.

Ин. Припомнимъ же теперь, что въ искусствѣ образодѣлательномъ долженъ былъ заключаться родъ, во первыхъ, уподобительный, во вторыхъ,—фантастическій, коль скоро ложь яв- E.
ляется, дѣйствительно, какъ сущая ложь, и какъ нѣчто, относя-

щееся, по природѣ, къ вещамъ существующимъ

Теэт. Да, такъ было.

Ин. Значить, являлась?—и поэтому теперь не причислимъ ли къ ней, безъ всякаго противорѣчія, двухъ видовъ?

Теэт. Да.

267. *Ин.* Фантастическое же раздѣлимъ опять надвое.

Теэт. Какимъ образомъ?

Ин. Одно бываетъ посредствомъ орудій, въ другомъ самого себя дѣлаетъ какъ бы орудіемъ тотъ, кто создаетъ призракъ.

Теэт. Какъ ты говоришь?

Ин. Когда кто, пользуясь своимъ тѣломъ, или голосомъ, дѣлаетъ то, что первое кажется подобнымъ твоей фигурѣ, а послѣдній твоему голосу; тогда эту особенно часть фантастики называютъ, думаю, подражаніемъ.

Теэт. Да.

Ин. Такъ эту часть ея называя подражательностію, возь-
B. мемъ особо, а все прочее, отъ усталости, оставимъ, предоставляя другому свести это въ одно понятіе и обозначить приличнымъ названіемъ.

Теэт. Обособлена, а прочее передано.

Ин. Но вѣдь и тутъ еще, Теэтетъ, стбитъ замѣтить двоякость, и смотри, почему.

Теэт. Говори.

Ин. Изъ подражающихъ, одни дѣлаютъ это, зная то, чему подражаютъ, а другіе—не зная. И какое дѣленіе представимъ мы обширнѣе незнанія и знанія?

Теэт. Никакого.

Ин. Но сказанное-то сейчасъ было подражаніе знающихъ; потому что здѣсь могъ подражать только тотъ, кто знаетъ тебя и твою фигуру.

C. *Теэт.* Какъ же иначе.

Ин. А что скажемъ о фигурѣ справедливости и вообще всякой добродѣтели? Не то ли, что, не зная ея, а водясь какимъ нибудь мнѣніемъ, многіе сильно берутся показать свое усердіе въ томъ, чтобы, чрезъ словесное и дѣятельное под-

ражаніе своему мнѣнію, кажущееся имъ самимъ представлялось принадлежностію тѣхъ?

Теэт. Да и очень многіе.

Ин. Но терпятъ ли неудачу всѣ, желающіе казаться справедливыми, не будучи такими? Или совершенно напротивъ?

Теэт. Совершенно.

Ин. Такъ этого-то подражателя, не знающаго, надобно, ду- D.
маю, почитать отличнымъ отъ того знающаго.

Теэт. Да.

Ин. Откуда же взялъ бы кто нибудь имя, приличное каждому изъ нихъ? Или явно, что это сопряжено съ трудомъ, потому что раздѣленіе родовъ на виды представлялось прежнимъ, какъ видно, старинною и неразумною привычкою; такъ что дѣлить никто и не брался. Поэтому и нужда въ именахъ была не очень настоятельна. Впрочемъ, хоть и смѣло будетъ сказать,—мы, для отличія, подражаніе съ мнѣніемъ назовемъ подражаніемъ мнительнымъ, а подражаніе съ зна- E.
ніемъ—подражаніемъ какимъ нибудь историческимъ.

Теэт. Пусть.

Ин. Такъ надобно принять первое изъ нихъ; потому что софистъ былъ у насъ не между знающими, а между подражающими.

Теэт. И очень.

Ин. Мнительное же подражаніе будемъ мы разсматривать какъ желѣзо; крѣпко ли оно, или имѣетъ въ себѣ какой нибудь разщепъ.

Теэт. Будемъ.

Ин. А оно имѣетъ, и очень большой.—Вѣдь одинъ изъ нихъ 268.
простоватъ, когда думаетъ, будто знаетъ то, о чемъ только мнитъ; а фигура другаго, по неопредѣленности выраженій, возбуждаетъ большое подозрѣніе и опасеніе, чтò какъ не знаетъ онъ того, въ отношеніи къ чему принимаетъ предъ другими видъ знатока?

Теэт. Конечно, бываетъ онъ обоихъ родовъ, о которыхъ ты сказалъ.

Ин. Поэтому не положить ли, что одинъ изъ нихъ—простой какой-то подражатель, а другой—подражатель притворный?

Теэт. Въ самомъ дѣлѣ, походитъ.

Ин. А притворнаго, опять, одинъ ли назовемъ родъ, или два?

Теэт. Смотри самъ.

B. *Ин.* Смотрю, и мнѣ представляются какіе-то два притворщика: одного замѣчаю въ томъ, кто имѣетъ способность притворствовать публично, въ длинныхъ рѣчахъ, предъ народнымъ собраніемъ; а другаго—въ томъ, кто частно и въ короткихъ словахъ заставляетъ собесѣдника противорѣчить самому себѣ.

Теэт. Ты говоришь весьма правильно.

Ин. Кого же мы признаемъ въ болѣе длиннословномъ: политика ли, или народнаго оратора?

Теэт. Народнаго оратора.

Ин. А какъ назовемъ другаго? мудрецомъ, или софистомъ?

Теэт. Мудрецомъ невозможно, такъ какъ мы сочли его
C. не знающимъ; а если онъ подражатель мудреца, то явно, что отъ него долженъ заимствовать какое нибудь имя, и я почти уже понялъ, что этого-то надобно называть по истинѣ тѣмъ истымъ софистомъ.

Ин. Что же? не связать ли софиста, какъ прежде, сплетши его имя отъ конца къ началу?

Теэт. Конечно.

Ин. Такъ этимъ именемъ означается подражаніе искусству, заставляющему другаго противорѣчить самому себѣ, содержимому въ притворствующей части искусства мнительнаго, а чрезъ это—въ родѣ фантастическомъ, происходящемъ отъ
D. образотворенія, которое есть чудодѣйственная часть, отдѣляющая въ словахъ творчество не божественное, а человѣческое. Кто полагалъ бы, что софистъ дѣйствительно этого рода и крови, тотъ говорилъ бы, какъ видно, сущую правду.

Теэт. Безъ сомнѣнія.

ПОПРАВКИ КЪ V-ой ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
363	2	снизу.	приаиниваетъ	приманиваетъ
381	15	сверху.	Съ ними случается	Съ ними однакожъ случается
392	12	снизу.	называотсн	называется
402	2	—	смѣна, не можетъ	смѣна не можетъ
567	17	сверху.	Разсудокъ	Мысль
—	18	—	разсудкомъ	мыслью
571	16	—	соотвѣтственное	обратное

На стран. 380, строки 23—27 сверху должны быть замѣнены слѣдующими:

что не почитаютъ. Вѣдь имъ не извѣстно, какъ наказывается неправда,—хотя этого-то не слѣдовало бы не знать. Ибо наказаніе состоитъ не въ томъ, въ чемъ они полагаютъ его,—не въ ударахъ и не въ смертяхъ, которымъ эти люди иногда и не подвергаются, хотя бы поступали неправо: оно состоитъ въ томъ, чего нельзя избѣжать.

На стран. 382—строки 3—6 сверху:

ства, чтобы осмѣлился настойчиво утверждать, будто бы все, что постановляетъ у себя городъ въ видахъ пользы, дѣйствительно бываетъ полезно на все то время, пока стоитъ,—если только не произноситъ одно пустое имя.